

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор	Комлева Евгения Владиславовна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Заместитель главного редактора	Туманик Екатерина Николаевна <i>кандидат исторических наук</i> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Ответственный секретарь	Введенский Владимир Викторович Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Редакторы и ответственные секретари выпусков	Аблажей Наталья Николаевна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Потапова Наталья Анатольевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Ананьев Денис Анатольевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Резникова Мария Александровна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Дашинамжилов Одон Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Романов Роман Евгеньевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Журавлёв Вадим Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Савин Андрей Иванович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Кириллов Алексей Константинович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Семёнов Михаил Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Лапердин Вячеслав Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Чернова Ирина Сергеевна Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
■ Члены редакционной коллегии	Блаховска Катажина <i>профессор</i> Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша	Дацышен Владимир Григорьевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
	Гагкуев Руслан Григорьевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории РАН, Москва, Россия	Ильных Владимир Андреевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
	Дай Цзяньбин <i>доктор исторических наук, профессор</i> Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай	Исупов Владимир Анатольевич <i>доктор исторических наук</i> Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
	Данилович Вячеслав Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь	Кабульдинов Зиябек Ернуханович <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни

профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори

профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте

доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен

кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающие редакторы

Е.Ю. Сафонова

Е.Н. Грачева

Е.В. Комлева

Ответственный секретарь

В.В. Введенский

Корректор

Т.В. Соболева

Верстальщик

В.В. Введенский

Интернет-верстальщик

К.А. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–10

From the Editor 10–14

■ Целевые капиталы как исторический феномен

Г.Н. Ульянова. Целевые неприкосновенные капиталы в истории благотворительности в России в XIX – начале XX века: законодательство, классификация, финансовые механизмы 12–37

■ Целевые капиталы в сфере образования

И.В. Маслова. Целевые капиталы в учебных заведениях Российской империи второй половины XIX века 38–48

Е.С. Бутрин. «Вечные вклады» в образовательных учреждениях Иваново-Вознесенска в конце XIX – начале XX века 49–64

В.В. Фортунатов. Дом для студентов: из истории «Николаевского имени Августейшего председателя Комитета Сибирской железной дороги общежития студентов Института инженеров путей сообщения Императора Александра I» 65–76

И.В. Сидорчук, Е.А. Ростовцев, С.А. Данилова. Значение целевого капитала в деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского Санкт-Петербургского университета (1873–1918 годы) 77–87

Э.А. Черноухов. Целевой стипендиальный фонд Пермского губернского земства: противоречивые итоги 88–96

М.О. Сметанин. Роль неприкосновенных капиталов в становлении Императорского Томского университета 97–112

■ Целевые капиталы в сфере общественного призрения

Д.А. Беговатов. Неприкосновенный капитал как инструмент материального обеспечения городского провинциального духовенства в первой половине XIX века (на примере Тверской епархии) 113–127

И.И. Лейман. Вологодский купец Тимофей Емельянович Колесников: «...капитал должен оставаться навсегда неприкосновенным» 128–144

Н.П. Бухарина. Целевой (неприкосновенный) капитал сенатора Н.А. Буцковского как инструмент реабилитации лиц, подвергшихся уголовному преследованию в результате следственной и судебной ошибки 145–164

А.А. Гусельникова. Целевой капитал Дома призрения неимущих, престарелых и увечных граждан Казанского городского общественного банка 165–174

- А.В. Тиховодова.* Деятельность Александровской городской общественной женской богадельни в Нижнем Новгороде в конце XIX – начале XX века 175–195
- Ю.В. Антонова.* Финансирование деятельности Императорского женского патриотического общества (к истории вопроса) 196–207

■ **Целевые капиталы для развития региона**

- Т.А. Катцина.* «Вечные вклады»: замыслы, воплощения, риски (на примере Енисейской губернии XIX – начала XX века) 208–220
- Н.И. Гаврилова.* «...Готов пожертвовать из капитала моего кредитными билетами»: формирование и функционирование целевых капиталов сибирского купечества в благотворительной сфере (на примере крупных эндаументов иркутского купечества) 221–239
- П.Е. Шульгина.* Целевые капиталы забайкальского купечества как один из основных механизмов развития дореволюционной филантропии 240–251
- И.Н. Литвинова.* Традиции и новшества в сфере целевых капиталов в годы Первой мировой войны (на материалах южных городов Российской империи) 252–260
- С.Ю. Лавренчук.* От поколения к поколению: «вечный вклад» как один из инструментов решения социальных проблем Санкт-Петербуржскими купцами-благотворителями Буштуевыми 261–276

■ **Мир книги**

- И.Р. Соколовский.* Рецензия на книгу: Лизунов П.В. Купеческая биржа в России в XVIII – первой трети XIX века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2024. 488 с. + 32 с. илл. 277–282
- В.В. Журавлев.* Рецензия на книгу: Хроникер Колчака Ауслендер: материалы к творческой биографии писателя: в 2 т. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и К^а, 2025. Т. 1: Публицистика. 240 с. Т. 2: Проза (неоконченный роман, рассказы, легенда, эссе, зарисовки). 240 с. Тираж 30 экз. 283–294
-

CONTENTS

From the Editor (*in Rus*) 7–10

From the Editor 10–14

■ Endowments as a Historical Phenomenon

G.N. Ulianova. Endowments in the History of Philanthropy in Russia
in the 19th and Early 20th Century: Legislation, Classification, Financial Mechanisms 12–37

■ Endowments in Education

I.V. Maslova. Endowment Funds in Educational Institutions of the Russian Empire
in the Second Half of the 19th Century 38–48

E.S. Butrin. “Eternal Deposits” in Educational Institutions of Ivanovo-Voznesensk
in the Late 19th – Early 20th Century 49–64

V.V. Fortunatov. A House for Students: from the History of the Nicholas Dormitory
Named after the August Chairman of the Siberian Railway Committee for Students
of the Emperor Alexander I Railway Engineer Institute 65–76

I.V. Sidorchuk, E.A. Rostovtsev, S.A. Danilova. The Meaning of Endowment
in the Activities of the St. Petersburg Imperial University Student Welfare Society (1873–1918) 77–87

E.A. Chernoukhov. The Perm Provincial Zemstvo Target Scholarship Fund: Contradictory Results 88–96

M.O. Smetanin. The Role of Untouchable Capital in the Establishment of Imperial Tomsk University 97–112

■ Endowments in the Field of Public Charity

D.A. Begovato. Inviolable Capital as a Tool for Material Support of the Urban Provincial Clergy
in the First Half of the 19th Century (Using the Example of the Tver Diocese) 113–127

I.I. Leyman. Vologda Merchant Timofey Emel’yanovich Kolesnikov:
“...Capital Must Remain Forever Inviolable” 128–144

N.P. Bukharina. Trust (Untouchable) Capital of Senator N.A. Butskovskiy
as a Tool for Rehabilitation of Persons Prosecuted as a Result of Investigative and Judicial Error 145–164

A.A. Gusel’nikova. Target Capital of the House for the Poor, Elderly,
and Disabled Citizens of the Kazan City Public Bank 165–174

A.V. Tikhovodova. Activity of the Alexandrovskaya City Public Women’s Almshouse
in Nizhny Novgorod in the Late 19th – Early 20th Century 175–195

- Yu.V. Antonova.* Financing of Activities of the Imperial Women's Patriotic Society
(To the Background of the Issue) 196–207
-

■ **Endowments for Regional Development**

- T.A. Kattsina.* "Eternal Deposits": Plans, Implementation, Risks
(Using the Example of the Yeniseisk Province of the 19th – Early 20th Century) 208–220
- N.I. Gavrilova.* "...I am Ready to Donate Bank Notes from My Capital":
Formation and Functioning of Siberian Merchants' Endowment Capitals
in the Charitable Sphere (Based on Materials from Irkutsk Merchants' Large Endowments) 221–239
- P.E. Shulgina.* Target Capital of the Zabaikal'sk Merchants as One of the Main Mechanisms
for the Development of Pre-Revolutionary Philanthropy 240–251
- I.N. Litvinova.* Traditions and Innovations in the Field of Target Capital during the World War I
(Based on Materials from the Southern Cities of the Russian Empire) 252–260
- S.Yu. Lavrenchuk.* From Generation to Generation: the "Eternal Deposit" as One of the Tools
for Solving Social Problems by St. Petersburg Philanthropists and Merchant Bushtuevs 261–276
-

■ **World of the Book**

- I.V. Sokolovsky.* Review of the Book: Lizunov P.V. Merchant Exchange in Russia in the 18th – First
Third of the 19th Century. St. Petersburg: Historical Illustration, 2024. 488 p. + 32 p. ill. 277–282
- V.V. Zhuravlev.* Review of the Bbook: Kolchak's Chronicler Ausländer: Materials to the Creative
Biography of the Writer: In 2 Vol. / Compiled by. Yu.L. Mandrika. Tyumen: Mandr i K^a, 2025.
Vol. 1: Opinion Journalism. 240 p. Vol. 2: Prose (Unfinished Novel, Stories, Legend, Essays,
Ssketches). 240 p. Circulation 30 Copies 283–294
-

2025 · № 4 (42)

Тема номера:

**ЦЕЛЕВЫЕ НЕПРИКОСНОВЕННЫЕ КАПИТАЛЫ
В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)****ОТ РЕДАКТОРА**

Данный выпуск журнала подготовлен совместно с оргкомитетом премии «Вечный вклад», учрежденной Национальной ассоциацией эндаументов (НАЭ) за лучшие исследования в области целевых капиталов в дореволюционной благотворительности.

Целевой капитал – это пожертвование, сделанное в форме неприкосновенного капитала (например, в виде ценных бумаг или недвижимости), который размещался под проценты и/или приносил доход, использовавшийся для реализации социальных инициатив – учреждения именных стипендий, строительства больниц, училищ, театров, церквей и пр., в то время как сам капитал оставался в неприкосновенности и продолжал приносить доход.

Известные примеры использования целевых капиталов за рубежом – Нобелевская премия, Гарвардский и Принстонские университеты. Но и в России целевые капиталы широко поддерживались государством и обществом и были очень распространены.

Наука и искусство, образование, медицина, общественное призрение в России XIX – начала XX в. во многом были построены на фундаменте целевых капиталов, пожертвованных людьми из разных социальных категорий (купцами, дворянами, крестьянами и др.) для улучшения жизни в родном селе, городе, регионе, России в целом.

Возможности дореволюционных благотворительных организаций были куда шире нынешних. Благотворительные общества могли добывать финансирование своих проектов практически где угодно: помимо сбора пожертвований, они имели право владеть любым имуществом, в том числе предназначенным для извлечения прибыли, долями в бизнесе, принимать что угодно по завещаниям, вкладывать пожертвования в акции и ценные бумаги, устраивать любые благотворительные мероприятия. Государство контролировало не доходы, а расходы, последовательно поощряло не просто благотворительность, но ее системность. Начиная с «Уложения о губерниях» Екатерины II самой эффективной благотворительностью считалась та, что имела постоянный источник финансирования. Так появились неприкосновенные капиталы, или, в современной российской терминологии, эндаументы.

По отчетам благотворительных обществ, особенно ко второй половине XIX в., мы видим, что, как правило, филантропическая организация формировала три типа капиталов: расходный, запасный и неприкосновенный. Назначение их видно уже из названий: расходный капитал был предназначен для финансирования текущей уставной деятельности, запасный существовал для экстренных случаев, неприкосновенный трогать было нельзя никогда – использовались только проценты. Как распределить ресурсы между этими капиталами, как эффективно вложить активы неприкосновенных капиталов – это было постоянной заботой учредителей, предметом размышлений и споров.

К началу XX в. российской филантропией был накоплен очень большой опыт. Мы видим, как системная благотворительность становится основой филантропических практик по всей стране и во всех типах организаций. Мы видим, как самые разные люди учреждают неприкосновенные капиталы, и это не только богачи: выбившийся в купцы крестьянин – на обучение детей своих односельчан, благодарные пациенты – на койку в больнице для бедных в честь юбилея всеми уважаемого доктора, и т.д. и т.п. В основание каждого, буквально каждого училища или музея, больницы или сиротского приюта кладутся неприкосновенные капиталы, задача которых – обеспечить постоянный источник помощи. Это тысячи, возможно, десятки тысяч инициатив – у нас пока нет статистики, но уже есть

уверенность. К сожалению, в современной благотворительности неприкосновенные капиталы, – эндаументы – скорее исключение.

С этой точки зрения ученые – историки, юристы, экономисты, социологи, психологи – могут оказать современному российскому обществу бесценную помощь. Исследования дореволюционных благотворительных практик становятся важной частью поддержки и сотрудников организаций, разрабатывающих фандрайзинговые стратегии, и жертвователей, которые хотели бы помогать как можно эффективнее, и государства, заинтересованного в развитии долгосрочных инструментов финансирования социальных проектов. Как сделать нынешние неприкосновенные капиталы-эндаументы привычными, понятными, не экзотическими, не загадочными? Для этого нужны исследования, доказывающие, что в каждом городе России до революции существовали десятки и сотни таких благотворительных капиталов, и их эффективность была понятна крестьянам и купцам, государственным деятелям и инженерам, студентам и профессорам, которые знали, как сделать свое пожертвование по-настоящему работающим.

Когда Национальная ассоциация эндаументов учредила премию «Вечный вклад», посвященную исследованиям неприкосновенных капиталов в истории российской благотворительности, ее задачей было познакомить благотворителей нынешней России с благотворителями дореволюционной. Показать, что думать и работать вдолгую было привычной нормальной практикой, а неприкосновенные капиталы-эндаументы были почти обязательной частью любой общественной организации.

Мы искренне благодарны всем ученым, которые взялись за эту пока еще редкую и непростую тему. Уверены, что чем больше современные россияне узнают про дореволюционные филантропические практики, в том числе в своем родном городе, чем больше они будут видеть в привычной городской застройке не просто постройки, а следы филантропических усилий, будь то здание школы или музея, тем легче им будет понять, зачем современным общественным организациям эндаументы, тем легче им будет войти в эту систему ценностей и начать помогать не только вследствие эмоционального порыва, но и системно.

С удовлетворением можно констатировать, что количество соискателей премии «Вечный вклад» и качество исследований растут год от года, а лауреаты премии получают не только денежные призы, но и возможность опубликовать результаты своих трудов в изданиях НАЭ и других рецензируемых журналах.

Приветствуем всех читателей этого номера и с удовольствием приглашаем профессионалов и студентов к участию в конкурсе. Условия можно посмотреть на сайте НАЭ¹ в разделе «Вечный вклад».

Номер открывается важнейшей статьей авторитетного исследователя российской благотворительности, доктора исторических наук, главного научного сотрудника ИРИ РАН Г.Н. Ульяновой, которая впервые в российской историографии системно описывает законодательные основы и финансовые механизмы неприкосновенных капиталов в дореволюционной филантропии начиная с первых опытов XVIII в. В статье уточняются термины, на основе большого документального материала описываются последствия принятия различных законодательных актов, частные и государственные благотворительные инициативы, различные практики инвестирования активов неприкосновенных капиталов. По сути дела, это базовая статья для всех, кто хочет познакомиться с дореволюционными практиками системной филантропии.

Остальные статьи распределены по трем основным разделам: 1) эндаументы в сфере образования; 2) эндаументы в сфере общественного призрения; 3) эндаументы в сфере развития регионов.

Интересные и насыщенные новым материалом исследования посвящены как конкретным кейсам, так и системным филантропическим практикам в решении самых острых социальных проблем: доступного образования и медицинской помощи, общественного призрения и восстановления справедливости. Речь идет об усилиях людей самых разных сословий,

¹ Национальная ассоциация эндаументов. URL: <https://ruea.ru/>

уровней достатка и образования, о самых разных городах, о самых разных жизненных ситуациях. Результаты оказывались не всегда успешны – теория сталкивалась с реальностью, что-то работало, а что-то нет, но в том и ценность подобных исследований: нам, строящим современную благотворительность, есть над чем задуматься.

Искренне надеемся, что интерес профессиональных историков к этому сложному направлению будет расти, премия НАЭ «Вечный вклад» будет продолжать поощрять этот интерес, а российская филантропия получит возможность использовать богатейший опыт, накопленный более чем полуторавековой историей благотворительности в нашей стране.

Выпускающие редакторы:

Евгения Юрьевна Сафонова, руководитель оргкомитета премии «Вечный вклад»

Национальной ассоциации эндаументов,

*Елена Николаевна Грачева, член правления благотворительного фонда AdVita,
член оргкомитета премии «Вечный вклад» Национальной ассоциации эндаументов,*

Евгения Владиславовна Комлева, главный редактор «Исторического курьера»

Ответственный секретарь

Корректор

Верстальщик

Интернет-верстальщик

В.В. Введенский

Т.В. Соболева

В.В. Введенский

К.А. Васильев

2025 · No. 4 (42)

The Theme of the Issue:

TARGET UNTOUCHABLE CAPITAL
IN THE HISTORY OF RUSSIAN CHARITY
(LAST THIRD OF THE 18TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURY)

FROM THE EDITOR

This issue of the journal was prepared in collaboration with the organizing committee of the Eternal Contribution Award, established by the National Endowment Association (NEA) for the best research on endowments in pre-revolutionary charity.

A trust fund is a donation made in the form of untouchable capital (such as securities or real estate) that was invested at interest and/or generated income that was used to fund social initiatives, such as establishing scholarships, building hospitals, schools, theaters, churches, and more, while the capital itself remained untouched and continued to generate income.

Famous examples of the use of trust funds abroad are the Nobel Prize, Harvard University, and Princeton University. However, in Russia, trust funds were widely supported by the government and society and were very common, and many of them continue to serve their purpose to this day. In the 19th and early 20th centuries, science and art, education, medicine, and public charity in Russia were largely based on the foundation of targeted capital donated by people from various social categories (merchants, nobles, peasants, and others) to improve life in their hometowns, cities, regions, and Russia as a whole.

We are sincerely grateful to all the scholars who have taken on this rare and challenging topic. We believe that the more modern Russians learn about pre-revolutionary philanthropic practices, including those in their own hometowns, and the more they see traces of philanthropic efforts in their familiar urban landscapes, such as schools and museums, the easier it will be for them to understand the importance of endowments for modern social organizations and to embrace this value system.

The issue opens with an important article by Galina N. Ulyanova, an authoritative researcher of Russian philanthropy, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, who, for the first time in Russian historiography, provides a systematic description of the legal foundations and financial mechanisms of untouchable capital in pre-revolutionary philanthropy, starting with the first experiments in the 18th century. The article clarifies the terms and uses extensive documentary evidence to describe the consequences of various legislative acts, private and public philanthropic initiatives, and various practices of investing untouchable capital assets. In fact, this is a basic article for anyone who wants to learn about pre-revolutionary practices of systemic philanthropy.

The remaining articles are divided into three main sections: 1) endowments in the field of education; 2) endowments in the field of public charity; 3) endowments in the field of regional development.

Interesting and full of new material, these studies focus on both specific cases and systemic philanthropic practices in addressing the most pressing social issues, such as access to education and healthcare, public welfare, and the restoration of justice. They explore the efforts of individuals from diverse backgrounds, wealth levels, and educational backgrounds, as well as in various cities and life situations. The results were not always successful – the theory clashed with reality, and some things worked and others didn't, but that's the value of such research: it gives us, as modern charity builders, something to think about.

We sincerely hope that the interest of professional historians in this complex field will grow, the NEA Eternal Contribution Award will continue to encourage this interest, and Russian philanthropy will have the opportunity to use the rich experience accumulated over more than a century and a half of charity in our country.

Executive editor
Evgeniya Yu. Safonova, Head of the Organizing Committee
of the Eternal Contribution Award of the NEA,
Elena N. Gracheva, member of the board of the AdVita Charitable Foundation, mem-
ber of thorganizing committee of the Eternal Contribution Award of the NEA,
Evgeniya V. Komleva, editor-in-chief of Historical Courier

Executive secretary

Corrector

Layout designer

Web designer

V.V. Vvedenskiy

T.V. Soboleva

V.V. Vvedenskiy

K.A. Vasil'ev

Г.Н. Ульянова*

**ЦЕЛЕВЫЕ НЕПРИКОСНОВЕННЫЕ КАПИТАЛЫ
В ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ,
КЛАССИФИКАЦИЯ, ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-4-1
УДК 364.054.2(47/57)"18/1917":
340+001.82+330*Выходные данные для цитирования:**Ульянова Г.Н. Целевые неприкосновенные капиталы в истории благотворительности в России в XIX – начале XX века: законодательство, классификация, финансовые механизмы // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 12–37. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-01.pdf>*

G.N. Ulianova*

**ENDOWMENTS IN THE HISTORY OF PHILANTHROPY
IN RUSSIA IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY:
LEGISLATION, CLASSIFICATION, FINANCIAL MECHANISMS**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-1

*How to cite:**Ulianova G.N. Endowments in the History of Philanthropy in Russia in the 19th and Early 20th Century: Legislation, Classification, Financial Mechanisms // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 12–37.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-01.pdf>]*

Abstract. This article focuses on the issue of the history of legislation and the practice of use of endowments in Russia that remains relatively unexplored. The essay chronologically covered a long period from 1770s to 1914, characterized by the huge development of all philanthropic institutions. The article is based on various archival and published sources, primarily on the materials, including annual reports of many charity organizations such as hospitals, almshouses, orphanages, schools, as well as analytical reviews published by the Ministry of Finance, Ministry of Interior, Ministry of Public Education, Department of the Institutions of Empress Maria, the Imperial Philanthropic Society and others. Particular attention is given to the securities market and to the use of stocks and bonds in financial support of charitable activities. The analysis of the data led to the conclusions that, starting from the pre-reform period (before 1861), the use of securities (for example, Safe Treasury tickets) as a reliable source of storage of endowments with a stable income was widely practiced by charitable institutions. After the Great Reforms, during the period between 1861 and 1914, the Russian stock market grew rapidly, with both government-issued loan securities and bonds of railway companies, and sometimes shares of banks and industrial corporations. Donors preferred securities that provided an income of at least 5 %. However, if these were not available on the stock market, less profitable securities (3 % and 4 % income) were also used. Charitable institutions, as a rule, kept their securities in State Bank branches and in provincial and county treasuries. In only about 10 % of cases could the endowments be kept in bank deposits, but the interest received was lower. Regular reporting by philanthropic institutions at all levels was open to the public, and the financial data published annually contained information about the securities used. Such a financial mechanism for using inviolable funds, the interest of which only shall be expended for the support of charitable institutions of various types, beds in hospitals and almshouses, scholarships, and the provision of benefits to the poor, was optimal, which was confirmed by the successful practices of the Russian philanthropic sector.

Keywords: charity, philanthropy, poor relief, endowment, 18th and 19th centuries Russian History, Imperial Russia, Social Welfare Boards, Department of the Institutions of Empress Maria, legislation.

* **Галина Николаевна Ульянова**, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: galina.ulianova@gmail.com
Galina Nikolaevna Ulianova, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: galina.ulianova@gmail.com

The article has been received by the editor on 25.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье освещен вопрос об истории законодательного оформления и практики использования благотворительных неприкосновенных капиталов, который пока недостаточно изучен. Хронологически исследование охватывает длительный период с 1770-х гг. и до 1914 г., когда наблюдалось активное развитие многочисленных филантропических институций. Статья написана на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, прежде всего на материалах отчетов таких благотворительных организаций, как больницы, богадельни, детские приюты, учебные заведения, а также документов Министерства финансов, Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, Ведомства учреждений Императрицы Марии, Императорского Человеколюбивого общества и др. Особое внимание посвящено рынку ценных бумаг и их применению в финансовой поддержке благотворительной деятельности. Анализ данных привел к выводам о том, что, начиная с дореформенного периода, использование ценных бумаг (например, билетов Сохранной казны) – в качестве надежного источника хранения неприкосновенных благотворительных капиталов со стабильным доходом – массово практиковалось в благотворительных институциях. В период 1861–1914 гг. российский фондовый рынок развивался форсированными темпами, включив как бумаги государственных займов, так и облигации железнодорожных компаний, и иногда также акции банков и промышленных корпораций. Жертвователи отдавали предпочтение бумагам с доходом не менее 5 %, но в случае их отсутствия на рынке использовались также и менее доходные бумаги (3%- и 4%-ные). Благотворительные институции, как правило, хранили ценные бумаги в отделениях Государственного банка и в губернских и уездных казначействах. Только примерно в 10 % случаев неприкосновенные капиталы могли находиться на банковских вкладах, но получаемые проценты были ниже. Регулярная отчетность филантропических институций всех уровней была открытой для публики, ежегодно публикуемые финансовые показатели чаще всего содержали сведения об используемых ценных бумагах. Такой финансовый механизм использования неприкосновенных капиталов, когда только получаемые проценты тратились на содержание благотворительных заведений, кроватей в больницах и богадельнях, стипендий, выдачу пособий бедным, был оптимальным, что подтверждено успешной практикой российского сектора филантропии.

Ключевые слова: благотворительность, общественное призрение, помощь бедным, целевые неприкосновенные капиталы, история России XVIII и XIX вв., имперская Россия, Приказы общественного призрения, Ведомство учреждений Императрицы Марии, законодательство.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025 г.

В российской благотворительности в XIX – начале XX в. практика использования целевых неприкосновенных капиталов была повсеместной. Это объясняется в первую очередь оптимальностью алгоритма использования и контроля подобных пожертвований. При внесении неприкосновенных капиталов можно было легко контролировать их хранение и капитализацию в рамках общей банковской системы. Практически так устранялись все лазейки для коррупции («живые» наличные деньги шли на приобретение непрерывно-доходных бумаг, чаще всего облигаций государственных займов, железнодорожных компаний) – проценты с таких пожертвований целиком доходили до получателя и фиксировались в ежегодных отчетах благотворительных обществ и заведений.

Что касается терминологии, то в профессиональный лексикон российской благотворительности в последнее десятилетие прочно вошло слово «эндаумент», заимствованное из английского языка и обретшее статус международного термина для обозначения неприкосновенного капитала. Этимологически слово *endowment* (известное с середины XV в. и в переводе означающее вклад, дарение, пожертвование) прослеживается, как считают лингвисты, от старофранцузского *douer*, которое в свою очередь восходит к латинскому глаголу *doto* (с формой *dotare*) – наделять приданым.

Русскоязычным синонимом термина «эндаумент» или его производного «эндаумент-фонд» является словосочетание «целевой фонд», а также «фонд целевого капитала».

При создании эндаумента капитал вкладывается в акции, облигации и другие ценные бумаги для получения ежегодных процентов, на которые осуществляется благотворительная деятельность. В настоящее время в России создание эндаументов законодательно регулируется принятым в 2006 г. законом «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций».

В статье будет рассмотрено несколько аспектов истории пожертвований на целевые капиталы, в том числе:

- 1) основные вехи законодательства о целевых капиталах;
- 2) использование целевых капиталов в конце XVIII – первой половине XIX в.;
- 3) неприкосновенные капиталы в деятельности Ведомства учреждений Императрицы Марии как частный случай определения доли процентов с капиталов в финансировании крупной организации;
- 4) финансовые механизмы управления благотворительными капиталами: как развивались банковская система и рынок ценных бумаг в России и как это коррелировало с практикой управления целевыми неприкосновенными капиталами в период 1861–1917 гг. (главным образом через конвертацию в ценные бумаги).

Вопрос об истории целевых капиталов в финансировании российской благотворительности пока в научном плане разработан недостаточно. Однако в последние 30 лет – с того момента, когда в современной отечественной историографии в постсоветский период началось исследование истории филантропии, он постепенно все более изучается историками¹. Наибольшее внимание исследователей привлекают пожертвования в форме неприкосновенных капиталов в сфере образования – см., в частности, статьи Г.Н. Ульяновой, И.В. Масловой, М.А. Петровой, Н.И. Гавриловой².

¹ См., например: Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века: «Приступать к учреждению ... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» // Материалы XXIII общероссийской ежегодной богословской научной конференции, организуемой Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом. М., 2013. С. 215–218; Ульянова Г.Н. Капиталы на пособия бедным невестам в благотворительной практике XIX – начала XX века: бюрократическая матрица и религиозные воззрения // XXX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: мат.-лы. М., 2020. С. 134–136; Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7, № 4 (28). С. 42–58; Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3-2. С. 84–93; Акользина М.К. Сухотинская женская богадельня: реализация социального проекта в Тамбовской губернии в первой половине XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Т. 17, № 2. С. 42–57.

² Ульянова Г.Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету. XIX – начало XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 371–399; Ульянова Г.Н. Экономический дискурс в изучении высшей школы в имперской России: высшие учебные заведения Министерства торговли и промышленности в начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 2. С. 102–114; Маслова И.В. Эффективная филантропия в сфере образования в России: сравнительный анализ дореволюционных и современных практик // ЭКО. 2023. № 6. С. 177–192; Петрова М.А. «Неприкосновенный капитал» Лазаревского института восточных языков: история с продолжением // Экономика и предпринимательство. 2024. № 8. С. 1436–1447; Гаврилова Н.И. Формирование целевого капитала Кладбищенского училища в Иркутске: вариативность форм жертвуемых капиталов в среде купечества Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России: мат.-лы XVI Всерос. науч. конф. СПб., 2025. С. 299–303.

Законодательство о целевых капиталах. 1775–1914 гг. Для истории целевых капиталов важно учитывать следующие вехи российского законодательства о благотворительности, которые следует напомнить. Законом «Учреждения о губерниях» (полное название «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»), изданное в 1775 г., провозгласило – в числе других государственных преобразований – создание Приказов общественного призрения в каждой губернии и благотворительных заведений в их ведомстве. В статье 392 содержалось разрешение на «доброхотные подаяния» для поддержания филантропических институций: «Буде же случится, что частный человек, или какое-то общество или город или селение захотят установить которое нибудь из вышеписанных учреждений или к установленным прибавить пожелают своим иждивением, то Приказ Общественного Призрения не чинит в том никому препятствия»³.

История благотворительности в России показывает, что с 1770-х гг. применялась схема принятия и использования целевых капиталов. Первый закон о целевых неприкосновенных фондах (которые так не назывались, но по сути ими являлись) был издан в Российской империи 27 декабря 1817 г. в виде сенатского указа и носил название «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений и об употреблении оных, согласно с волею жертвователей». Закон впервые установил правило, по которому учреждать благотворительные (также использовалось слово «богоугодные») заведения следовало только «когда к содержанию их назначены будут достаточные средства; в противном же случае пожертвования, на сии заведения назначаемые, обращать в общую массу, и тогда уже приступать к учреждению общественных заведений, когда накопится достаточное количество суммы»⁴.

Указ появился в связи с конкретным случаем в городе Орлове Вятской губернии. В 1816 г. местный купец Синцов построил там на собственные средства каменную богадельню на 50 чел. и внес капитал 5 тыс. руб. на нужды пациентов. Купцу за «благонамеренный подвиг» было объявлено «Высочайшее благоволение» императора Александра I. Но уже через год стало ясно, что существование заведения находится под угрозой, поскольку благотворитель не обеспечил его достаточными средствами на содержание – проценты с внесенного им капитала не обеспечивали «прокормление» призреваемых⁵.

Чтобы избежать подобных ситуаций в будущем, совет Императорского Человеколюбивого общества, в ведомстве которого была Орловская богадельня, провел несколько заседаний во главе с главным попечителем Человеколюбивого общества князем А.Н. Голицыным и выработал специальные правила для принятия пожертвований, изложенные в законе от 27 декабря 1817 г. Исполнение закона возлагалось на гражданских губернаторов и начальников ведомств, в пользу которых поступили пожертвования.

Закон 1817 г. определил дальнейшую регламентацию принятия благотворительных пожертвований. Установленный им порядок был в последующие годы подтвержден и развит – сначала 12 мая 1843 г. актом «О суммах, жертвуемых частными лицами на благотворительные учреждения»⁶, затем 28 августа 1851 г. – «О строжайшем подтверждении правила об учреждении благотворительных заведений не иначе как тогда, когда жертвуемые суммы достаточны на содержание и устройство оных»⁷. В тексте законоположения 1851 г. говорилось, что «император ... повелеть соизволил: строжайше подтвердить», чтобы «означенное правило было исполняемо во всей точности, чтобы на этом основании впредь ни одно общественное и частное благотворительное заведение не было дозволяемо к открытию, пока оно не будет иметь всех средств, необходимых для его содержания».

³ ПСЗ I. Т. XX. № 14392. Ст. 392.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание I. Т. XXXIV. № 27199; Т. XL. № 26264а.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 768. Оп. 2. Д. 7. Л. 168.

⁶ Там же. Л. 183. Министр внутренних дел В.Л. Перовский 14 мая 1843 г. подписал циркуляр о наблюдении за выполнением правил 1817 г. о благотворительных пожертвованиях; Сборник циркуляров и инструкций МВД с учреждения министерства по 1 октября 1853 г. Т. 6. СПб., 1857. С. 174.

⁷ ПСЗ II. Т. XXVI. № 25531.

Классификация пожертвований включала четыре вида: 1) пожертвование в виде недвижимости; 2) капитал на устройство заведения; 3) капитал расходный; и, наконец, 4) **капитал неприкосновенный**.

Капиталы неприкосновенные являлись в истории российской благотворительности XIX – начала XX в. тем, что теперь обозначается дефиницией «целевой неприкосновенный капитал» или «эндаумент».

Признаки неприкосновенных целевых капиталов: относительно крупный размер денежной массы; размещение либо в банковских вкладах (редко), либо в ценных бумагах (часто); ежегодный контроль учреждением-распорядителем. Неприкосновенные капиталы никогда не расходовались на текущие нужды финансируемых заведений, стипендий, пособий – на эти цели шли только получаемые с них проценты.

Необходимо высказать замечание по поводу использования исторической терминологии. Сейчас термин «неприкосновенный капитал» иногда заменяют термином «вечный вклад». Это ошибочно, ибо эти понятия не совсем тождественны. В XIX в. термин «вечный вклад» употреблялся относительно вкладов, сданных в банк навсегда. Разъяснение, например, содержится в «Учебнике коммерции» С.И. Боголепова, изданном в 1908 г. Там сказано: «Вечными вкладами называют такие суммы, которые внесены в банк на все время его существования, навеки. В этом случае вкладчик отдает внесенную сумму денег в полное распоряжение банка, а банк навсегда обязуется платить вкладчику проценты. По вечным вкладам банки дают наибольшие проценты. Вечные вклады встречаются редко, так как неудобны как для вкладчика, так и для банка, – вкладчик теряет возможность распоряжаться своими деньгами, а банк навсегда связывает себя обязательством платить вкладчику и его наследникам высокие проценты. Ввиду этого этими вечными вкладами пользуются только такие учреждения, как монастыри, церкви, благотворительные учреждения и т.д.»⁸. По подсчетам «вечные вклады» составляли в общероссийской банковской денежной массе менее 1 %.

В 1847 г., при регламентации установки кружек для сбора подаваний в церквях и других общественных местах, отмечалось, что с собранных сумм на цели «призрения и содержания нищих и убогих в заведениях Приказов общественного призрения» употребляют только проценты, «чтобы капитальная сумма, приращаясь новыми приношениями, оставалась неприкосновенною для усиления впоследствии способов к призрению нищих и убогих» и из тех же процентов делают пособие заведениям⁹.

29 июня 1859 г. Александром II было утверждено мнение Государственного совета «О разделении на четыре категории капиталов, внесенных казенными ведомствами в кредитные установления, в отношении количества определяемых на них процентов»¹⁰. Речь, в частности, шла о доходности капиталов, уже ранее поступивших на благотворительность и внесенных в кредитные установления (т.е. банки и Сохранную казну). Их доходность должна была составлять не менее 4 %, о чем говорилось следующее: «Капиталы, подлежащие обращению в непрерывно-доходные билеты, приносящие четыре процента. К сей категории отнести капиталы, проценты с коих, имея твердое назначение, обращаются в полном количестве на содержание какого либо учебного, благотворительного или другого заведения». Все такие капиталы следовало превратить в непрерывно-доходные билеты, согласовав вопрос путем «сношения подлежащих ведомств с министром финансов».

Пожертвованные благотворительные суммы в наличности или ценных бумагах в дореформенную эпоху благотворителям-дворянам надлежало вносить в уездные казначейства под наблюдением уездных и губернских предводителей дворянства¹¹.

28 мая 1876 г. появилось утвержденное Александром II положение Комитета министров «О присвоении учреждаемым по учебным заведениям стипендиям наименований

⁸ См.: Боголепов С.И. Учебник коммерции. СПб., 1908. С. 49.

⁹ ПСЗ II. Т. XXII. № 20786. Ст. 9, 10.

¹⁰ Там же. Т. XXXIV. № 34692.

¹¹ Там же. Т. XXVI. № 25398. Ст. 62.

лишь при условии обеспечения таких стипендий капиталом». В нем говорилось о том, что министр народного просвещения внес ходатайство в Комитет министров о принятии такого законоположения, причем не только для учреждений, подведомственных его министерству, но и подчинявшихся другим министерствам и ведомствам. Это было сделано с целью надежного обеспечения стипендий, учрежденных благотворителями в память о заслуженных лицах. Поскольку учреждение таких стипендий требовало высочайшего утверждения, то было установлено, что ходатайства не рассматриваются без полного обеспечения стипендий капиталом, который либо в наличных деньгах вносится жертвователями наличными деньгами или «в русских государственных или же гарантированных правительством процентных бумагах» в таком размере, чтобы ежегодные проценты с «капитальной суммы» «соответствовали бы размеру учреждаемой стипендии»¹². Оговаривались и условия хранения пожертвований – в случае предоставления их в наличных деньгах их следовало обратить в упомянутые процентные бумаги, которые хранить «в Государственном банке или его конторах» или, в других случаях, следовать правилам, существующим в отдельных ведомствах.

Через полтора года Положением Комитета министров от 14 декабря 1877 г. «О порядке присвоения особых наименований всякого рода учреждениям благотворительным и общепольным»¹³ правило об обеспеченности полного содержания именных стипендий процентами с капиталов было распространено на все учреждения (включая больницы, богадельни, приюты, школы и др.), которым присваивалось имя жертвователя или лиц, которых обозначил жертвователь, было ли внесено это пожертвование частным лицом или обществом, городами или земствами.

В конце XIX в. общий принцип отношения государства к благотворительности выражен мнением Государственного совета 26 мая 1897 г. Когда шла речь о присвоении особых наименований – «в память исторических событий» или в честь знаменитых лиц – учебным, благотворительным и другим общепольным учреждениям, то заявления рассматривались только тех заведений, «устройство и содержание коих обеспечено»: «Для сего необходимо, чтобы независимо от суммы, нужной для самого устройства заведения, имелся налицо капитал, проценты с коего соответствовали бы сумме, потребной на ежегодное содержание установления, или же, чтобы в собственность последнего было предоставлено недвижимое имущество, доходность коего была бы достаточна для содержания установления»¹⁴.

Далее говорилось, что эти «капиталы и суммы считаются неприкосновенными и не могут быть употребляемы на другое назначение без Высочайшего (Императора) разрешения».

В течение всего изучаемого периода, вплоть до 1917 г., были приняты сотни подзаконных актов, определяющих условия приема, хранения и использования каждого пожертвованного целевого неприкосновенного капитала. Они содержатся в каждом томе Полного собрания законов Российской империи.

Таким образом, законодательство о неприкосновенных целевых капиталах складывалось в Российской империи более столетия, постепенно учитывая новые общественные, юридические и финансовые реалии.

Раннее использование целевых капиталов в конце XVIII – первой половине XIX в. Но еще до появления закона 1817 г. «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений и об употреблении оных, согласно с волею жертвователя» финансирование на проценты с целевых капиталов уже осуществлялось в практике российской благотворительности. Можно сказать, что закон закрепил алгоритмы, уже действовавшие в практике филантропов. В документации в первой половине XIX в. применялась формулировка «на содержание процентами» какого-либо заведения, стипендии и пр.

¹² ПСЗ II. Т. LI. № 56006.

¹³ Там же. Т. LII. № 57978.

¹⁴ ПСЗ III. Т. XVII. № 14152.

В период XVIII, XIX и начала XX в. (до революции 1917 г.) в Российской империи возникает система благотворительных заведений современного типа. Среди крупнейших полугосударственных-полуобщественных организаций (также называемых в научной литературе «ведомствами») были Приказы общественного призрения (осн. 1775), Ведомство учреждений Императрицы Марии (осн. 1897), Императорское Человеколюбивое общество (осн. 1802), Российское общество Красного Креста (осн. 1867). После проведения Великих Реформ в 1860-е – начале 1870-х гг. также большую роль стали играть земские благотворительные организации в сельской местности, городские общества в столичных, губернских и уездных городах, церковно-приходские попечительства в православных приходах и благотворительные общества при храмах других конфессий.

Например, неприкосновенные капиталы использовались заведениями, включенными в систему Приказов общественного призрения, которые были старейшей российской благотворительной институцией Нового времени. Сначала, в соответствии с идеями Екатерины II, Приказы действовали под председательством губернаторов, а с 1802 г., после учреждения министерств, стали находиться в ведении Министерства внутренних дел (на краткий период 1811–1819 гг. переходили под управление Министерства полиции). Деятельность Приказов регламентировал закон «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (или кратко «Учреждения о губерниях»), изданный в 1775 г.¹⁵

Для истории использования целевых неприкосновенных капиталов важен тот факт, что при отсутствии в России в конце XVIII – первой половине XIX в. полноценных коммерческих банков (они появились только с 1860-х гг.) Приказы с 1775 г. и до 1860 г., наряду с основной деятельностью в области помощи бедным и больным, выполняли также функцию государственных кредитных (банковских) учреждений. Они брали на хранение вклады от частных лиц привилегированного дворянского сословия (с 1806 г. в ряде губерний и от купцов) и выдавали им кредиты (займы, ссуды) «в заем за узаконенные проценты под залог недвижимости» с уплатой 6 % годовых. Деньги, поступающие в Приказы за предоставление ссуд, отчасти пополняли благотворительные капиталы Приказов и соответственно шли на финансирование богоугодных заведений, о чем сказано в моей недавней статье¹⁶.

Подробный очерк деятельности Приказов содержится в монографии, где упоминается о кредитных операциях, проводимых Приказами¹⁷, и ряде работ о деятельности Владимирского, Казанского, Новгородского и Тобольского Приказов¹⁸.

Довольно рано, уже с конца XVIII в., можно видеть в уставных документах благотворительных заведений финансирование на проценты с капитала. Наиболее известным примером является устройство в 1786 г. **«Дома призрения ближнего» в Ярославле**. Это благотворительное заведение находилось под юрисдикцией Приказа общественного призрения и в нем призревались и воспитывались «обоего пола сироты и неимущие дети всех состояний, кроме крепостного»¹⁹. Заведению, как следовало из донесения Ярославского и Вологодского генерал-губернатора А.П. Мельгунова императрице Екатерине II в Петербург, принадлежал каменный дом стоимостью 18 тыс. руб., выстроенный на деньги, пожертвованные «некоторыми частными людьми» (сейчас в здании находится физический факультет Ярославского университета им. П.Г. Демидова), а содержалось оно на проценты с пожертвованных капи-

¹⁵ ПСЗ I. Т. XX. № 14392.

¹⁶ См. подробнее: Ульянова Г.Н. Приказы общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX в. как кредитные учреждения: финансовый механизм выдачи ссуд и порядок залога имений и крестьян // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 86–96.

¹⁷ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., 2005. С. 183–192.

¹⁸ См., например: Дуплий Е.В. Дуплий Е.В. Становление и развитие Приказов общественного призрения в России (1775–1864 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. М., 2004; Зиятдинова Д.Г. Деятельность Казанского Приказа общественного призрения (1781–1869 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 20–21; Вычужжанин А.Л. Из истории губернских финансов: кредитная деятельность Тобольского Приказа общественного призрения в 1782–1866 гг. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 125–136; Васильев А.Я. Поземельные ссуды Новгородского Приказа общественного призрения (по материалам ГАНО) // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. Т. 6, № 2 (8). С. 172–179.

¹⁹ ПСЗ I. Т. XXII. № 16344.

талов (сумма которых составляла 30 тыс. руб.)²⁰. Заведением управлял попечительный совет из шести благотворителей, руководимый губернатором и заседавший еженедельно по субботам.

Эти пожертвования по призыву генерал-губернатора А.П. Мельгунова (1722–1788) были внесены 150 местными жителями. Наибольший взнос поступил от семьи владельца крупного кожевенного завода, купца 1-й гильдии Ивана Яковлевича Кучумова (1710–1784): сам купец дал 20 322 руб., его жена – 1 050 руб., и родственники – 2 000 руб. За щедрое пожертвование портрет Кучумова в полный рост был помещен в актовом зале благотворительного заведения рядом с портретом генерал-губернатора Мельгунова²¹.

Рис. 1. Дом призрения ближнего в Ярославле. Фото конца XIX в.

Ответ Екатерины II Мельгунову гласил: «Вы <...> не оставьте наблюдать, чтоб воспитание тут юношества происходило по правилам общим, с Божиими и Государственными законами согласным, отдавая всё колобродное, обманом или невежеством выдуманное, и чтоб учения преподаваемы были по наставлениям от Комиссии о народных училищах и методе, ею присвоенной»²². В распоряжении императрицы прямо говорилось о финансовом механизме, обеспечивающем действие заведения: «Капитал сего установления дозволяется отдавать на основе заведения о Банках Воспитательного дома, но не иначе, как с указанными процентами по 6 на 100»²³, т.е. под 6 %. Примечательно, что в этом именном указе Екатерины II употребляется термин «**бесповоротной капитал**» (т.е. понимаемый как невозвратный и неприкосновенный) в формулировке: «Но дабы сей дом мог иметь свои доходы, то бесповоротной капитал, составленный благотворителями оного и впредь вносимые в него деньги отдает оной совет под заклад движимого и недвижимого имущества на основании Воспитательного дома»²⁴. В 1820 г. на проценты с капитала (33 350 руб.), пожертвованного по завещанию майорши Грязевой в «Доме призрения ближнего» были заведены «Странноприимные палаты Грязевых» для 14 престарелых обоего пола (на «первоначальное обзаведение» помещений Грязева дала еще 6 650 руб.)²⁵.

Еще одним из ранних примеров применения классической схемы целевого капитала является история устройства знаменитого **Странноприимного дома графа Шереметева в Москве**. Лечебно-благотворительное заведение «для больных и бездомных» (строительство шло в 1794–1810 гг.) было устроено графом Николаем Петровичем Шереметевым в память о его умершей в возрасте 34 лет (через три недели после родов единственного ребенка) горячо любимой жене, бывшей крепостной актрисе Прасковье Ковалевой-Жемчужовой. Здание по проекту Дж. Кваренги стало одним из архитектурных шедевров классицизма. С 1923 г. на базе Шереметевской больницы открылся Институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского.

Капитал размером 500 тыс. руб., пожертвованный графом Н.П. Шереметевым на создание Странноприимного дома, с полным правом можно назвать одним из первых

²⁰ См. о призреваемых, включая детей, в этом заведении: Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 44–54.

²¹ О Ярославском Доме призрения ближнего, учрежденном в 1786 году. СПб., 1817. С. 4–5, 34, 44.

²² ПСЗ I. Т. XXII. № 16344. П. 2.

²³ Там же. П. 3.

²⁴ Там же. П. 7.

²⁵ Там же. Т. XXXVII. № 28140.

крупных целевых капиталов в истории российской филантропии. Обратимся к тексту закона – Именному указу императора Александра I, данному им Сенату 25 апреля 1803 г.²⁶ В своем представлении граф Н.П. Шереметев заявлял: «Во всех веках и у всех народов бедные люди, не имеющие способов к пропитанию, болезнями удручаемые и от многочисленности семейств своих бедствующие, обращали на себя предусмотрительную внимательность Государей и возбуждали сострадание избыточествующих граждан. <...> Руководствуясь непреложными обязанностями закона христианского и следуя побуждениям патриотического усердия, издавна положил я за неперменное учредить в Москве **Странноприимный дом** для содержания в оном на моем иждивении **богадельни**, состоящей из 100 человек обоего пола и всякого звания неимущих и увечных и **больницы** на 50 человек для безденежного лечения в оной также всякого состояния бедных»²⁷.

Сверх того предписывалось выдавать «на выдачу в замужество не имеющих приданого и осиротевших девиц» (25 чел.) 6 000 руб., на «вспоможение лишенным необходимого в жизни продовольствия и скудость претерпевающим семействам» 5 000 руб. (50 семейств) и на «восстановление обедневших ремесленников» чрез снабжение их необходимыми для работы инструментами и материалами 4 000 руб. Также ежегодно передавалось в монастыри и храмы 5 000 руб. – на дела милосердия и на поминавание умершей супруги Н.П. Шереметева, а после его смерти и его самого.

Согласно воле Шереметева открытие Странноприимного дома следовало назначить на 23 февраля – день кончины супруги графа П. Ковалевой-Жемчуговой, и в последующие годы этот день поминаения отмечать заседанием Совета заведения и выдачей благотворительных сумм на пособия. Начиная с 1820-х гг. отчеты о заседаниях Совета Странноприимного дома стали подробно, на несколько страниц, публиковать в газете «Московские ведомости», благодаря чему мы сейчас имеем достаточно подробную информацию об алгоритме действия целевого фонда этого учреждения.

Несколько слов для общей характеристики Странноприимного дома как одного из ранних крупных благотворительных заведений в России и для краткой биографической справки жертвователя. На устройство Странноприимного дома графом Шереметевым было затрачено 2,5 млн руб. – по тем временам гигантская сумма. Создание заведения получило высокую оценку императора Александра I. Поступок Шереметева был расценен властью как «похвальный пример благотворительности». Николаю Петровичу в заседании Сената была вручена золотая медаль с вытисненным на ней его портретом.

Рис. 2. Странноприимный дом графа Шереметева в Москве. Фото 1883 г.

Рис. 3. Странноприимный дом графа Шереметева в Москве. Богаделенная палата для пожилых мужчин. Фото 1909 г.

²⁶ ПСЗ I. Т. XXVII. № 20727.

²⁷ Выделение слов содержится в подлиннике.

Н.П. Шереметев (1751–1809) был одним из образованнейших людей своей эпохи, четыре года в юности (в возрасте 18–22 лет) он провел в Европе, обучаясь наукам. Видный вельможа при дворе императрицы Екатерины II, с 1777 г. – директор Дворянского банка. Разбираясь в финансовых вопросах и, возможно, будучи осведомленным о финансировании филантропических заведений в Европе на проценты с капитала, граф Шереметев принял решение положить в Сохранную казну Воспитательного дома (до 1860 г. Сохранная казна выполняла также функции банка) капитал в размере 500 тыс. руб. «для получения с оного процентов», как было указано в тексте закона 1803 г. С этого капитала из расчета 5 % (наросшие проценты) ежегодно начислялось 25 тыс. руб., которые пополняли бюджет Странноприимного дома.

Однако целевой капитал – полмиллиона рублей – был не единственным источником дохода. Он обеспечивал треть всех расходов. Еще 50 тыс. руб. заведение получало в виде оброка (т.е. денежной повинности) от 8444 душ крепостных крестьян (проживавших в селе Молодой Туд с деревнями в Тверской губ.), принадлежавших графу Шереметеву, – с условием, что эти селения никогда нельзя будет ни продать, ни заложить. В 1820-е гг. размер оброка с каждой ревизской души составлял 10 руб., с 1829 г. оброк был повышен до 12 руб. 50 коп., чтобы «исправлять ветхости» в здании Странноприимного дома²⁸. Итого в год расход на Странноприимный дом составлял 75 тыс. руб. На содержание призреваемых шло ежегодно 43 тыс. руб. на содержание богадельни и больницы, 20 тыс. – на пособия бедным невестам, бедным семействам и бедным ремесленникам, 2 тыс. – на непредвиденные расходы, 10 тыс. – «будущим преемникам учредителя за труд по управлению домом».

Устав Странноприимного дома был составлен Алексеем Федоровичем Малиновским (1762–1840) – видным историком-архивистом (с 1814 г. главноуправляющим Московского архива Коллегии иностранных дел), отец которого протоиерей Федор Малиновский был духовником графа Н.П. Шереметева в Москве, а брат Василий Федорович – дипломатом, а с 1811 г. работал директором Царскосельского лицея²⁹. Высокий интеллектуальный уровень составителя Устава обеспечил продуманность финансового механизма и являлся настолько юридически выверенным, что четко функционировал последующие сто с лишним лет вплоть до 1917 г. После смерти Н.П. Шереметева в 1809 г. А.Ф. Малиновский занимался делами Странноприимного дома, открытого в 1810 г. В последующие 16 лет, до 1826 г. (пока единственный сын покойного графа Дмитрий Шереметев не стал взрослым), Малиновский оставался смотрителем благотворительного заведения.

Ежегодный отчет Странноприимного дома и сведения о выданных пособиях публиковались в газете «Московские ведомости» – полная гласность в делах и финансах Странноприимного дома предусматривалась в Уставе по воле графа Н.П. Шереметева. Например, информация о 23 февраля 1823 г. из газеты гласила, что в этот день в Странноприимном доме состоялось «годовичное поминовение о незабвенном учредителе оного, графе Николае Петровиче и супруге его графине Прасковье Ивановне Шереметевых»³⁰. После панихиды состоялась жеребьевка, в которой участвовало 39 бедных девиц, надеявшихся получить приданое по жребию.

Были розданы билеты бедным семействам «для получения годовых пенсий», пособия бедным ремесленникам в виде инструментов и материалов (Малиновский считал, что не надо давать деньги, которые могут быть растрчены или даже пропиты, а надо обеспечивать ремесленников орудиями труда, чтобы стимулировать их работать ради заработка и содержания семейства). По отчету в 1822 г. в богадельне состояло 77 мужчин и 67 женщин, а в больнице «лечилось безденежно» 385 мужчин и 375 женщин, семьям умерших больных выделялись средства на похороны³¹. Всего в 1822 г. была оказана помощь 2 040 лицам, в том

²⁸ Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Кн. 2. С. 56–57.

²⁹ См.: Малиновский А.Ф. Учреждение и стат [штат. – Г. У.] Странноприимного в Москве дома, заводимого иждивением действительного тайного советника и обер-камергера графа Шереметева. СПб., [1803].

³⁰ Московские ведомости. 1823. № 20. 10 марта.

³¹ Там же.

числе частично пособия были розданы из дополнительной суммы, внесенной 19-летним сыном учредителя Дмитрием Николаевичем Шереметевым³².

Странноприимный дом, устроенный Шереметевым, просуществовал более ста лет (1810–1918), став позже больницей скорой помощи, существующей и в настоящее время.

В 1838 г., 2 октября, был опубликован «Устав Сохранной, Вдовьей и Ссудной казны Императорского Воспитательного дома». Он регламентировал работу существовавших под эгидой Опекунских советов в Москве и Петербурге отделений банка, называемого Сохранной казной. Этот «банк Воспитательного дома» принимал вклады на «приращение процентами» и выдавал ссуды под залог недвижимых имений: «Всякому вкладчику предоставляется на волю вносить капитал на год и более или на бессрочное время, для получения его обратно, когда пожелает, или на известное число лет, или до какого-либо определенного срока, на свое имя или на имя другого лица с означением срока, когда сему лицу капитал получить или процентами пользоваться, <...> или наконец на вечное время, с назначением процентов себе или другому лицу, месту или учреждению...»³³. Принимались и анонимные вклады («от неизвестного»). Сохранная казна принимала капиталы в российских государственных ассигнациях, а на вносимые в казну «на приращение» капиталы выдавались «билеты», «по Высочайше утвержденной форме, напечатанные на особенной для того сделанной бумаге, за подписанием директора, экспедитора, бухгалтера и казначея, с прописанием звания и имени вкладчика», а также «того лица или места, в пользу которого внесен капитал, внесенной суммы прописью и срока»; «на каждый вносимый на приращение капитал <...> от Сохранной казны выдается особый билет»³⁴.

Далее рассмотрим еще ряд ранних случаев использования целевых капиталов в первой половине XIX в.

Около 1802 г. санкт-петербургский купец Федот Сыренков, происходивший из дворянских крестьян села Шилекши Костромской губернии, построил в родном селе на свои деньги каменную церковь (сохранилась до наших дней) и также богадельню с тремя отделениями на 12 крестьян-мужчин, 10 вдов и сирот и 8 отставных солдат, «не имеющих ни пристанища, ни пропитания». Мотивом пожертвования было желание «от избытков своих уделить часть на вспомоществование бедным и неимущим единоземцам своим». Помимо постройки дома, Сыренков «определил единовременно 1 500 рублей с тем, чтобы сумма сия отдаваема была в проценты, и на первый раз оставил оную у себя из платежа по 10 на 100» и доход с нескольких торговых лавок. Построенные заведения находились в ведомстве Костромской удельной экспедиции, и по донесению министра Департамента уделов князя Н.Б. Юсупова император Александр I наградил Сыренкова за «человеколюбивый подвиг золотою медалью для ношения на шее на красной ленте»³⁵. Для случая Сыренкова важно отметить, что он решил использовать принцип целевого капитала.

В 1820 г. в Торопце Псковской губернии был устроен Нефедьевский Странноприимный дом на средства местного помещика, санкт-петербургского губернского прокурора Василия Львовича Нефедьева, построившего дом за 12 тыс. руб. и пожертвовавшего капитал в 50 тыс. руб. «для призрения 24 человек, обремененных старостью, изувеченных и лишенных средств к пропитанию»³⁶. Этот капитал был передан в Псковский приказ общественного призрения и причислен к капиталам Приказа отдельной статьей с ежегодной выдачей по 6 % «в пользу заведения, соответственно назначению». Странноприимный дом просуществовал до начала XX в., в нем (при комплекте на 24 чел.) призревало 17 престарелых мужчин христианского исповедания, пользовавшихся «бесплатно помещением, одеждой и пищей» при предоставлении уездному предводителю дворянства, который был попечителем заведения, документов

³² Московские ведомости. 1823. № 20. 10 марта.

³³ ПСЗ II. Т. XI. № 11579. § 13.

³⁴ Там же. §§ 11, 19, 21,

³⁵ ПСЗ I. Т. XXVIII. № 21734.

³⁶ Там же. Т. XXXVII. № 28218.

«о личности и бедности»³⁷. Капитал заведения в конце 1890-х гг. заключался в 17 150 руб., проценты с которого в год составляли 857 руб.³⁸

Уже в первой четверти XIX в. были сделаны пожертвования целевых капиталов на кровати в больницах. В московской Больнице императора Павла I, открытой в 1763 г. рядом с Даниловым монастырем и устроенной Наследником Цесаревичем по обе-

Рис. 4. Больница имени Павла I в Москве. Фото 1884 г.

ту в знак избавления его от тяжелой болезни, безвозмездно лечили бедных и неимущих (а зажиточных купцов и дворовых принимали только на свободные места с платою 50 коп. асс. в неделю). Вначале было устроено 25 кроватей в деревянных корпусах. Больница содержалась за счет получаемой из казны «личной суммы» Павла Петровича. После смерти Павла I его вдова, императрица Мария Федоровна, пожертвовала больнице 8 500 руб. Затем, уже при Александре I, в 1802–1807 гг. было выстроено каменное трехэтажное здание по проекту М.Ф. Казакова. К этому времени в заведении было уже 100 кроватей и постепенно число их увеличивалось за счет благотворителей.

Так, в 1811 г. прибавлены две кровати барона Сердобина, на содержание которых предназначались проценты с пожертвованного им капитала в 10 тыс. руб. асс. В 1824 г. поступил капитал в 20 тыс. руб. асс. от князя Куракина для содержания на проценты 5 кроватей. К 1914 г. в клинике было 190 кроватей. Принимали пациентов только с острыми болезнями, чтобы оказать экстренную помощь при приступах внутренних болезней и переломах конечностей, но не хронических больных. С 1790 г. с платных больных стали брать по 4 руб. асс. в месяц, с 1816 г. – 10 руб. асс., с 1834 г. – 15 руб. асс. Приведенные сведения о стоимости лечения показывают, насколько важным было наличие бесплатных кроватей, где могли лечиться малоимущие. С 1849 по 1861 г. плату брали только с крепостных (дворовых, проживавших в Москве), за которых платили помещики, остальные горожане лечились бесплатно. Больница с 1845 г. состояла в Ведомстве Воспитательного дома (т.е. учреждений Императрицы Марии)³⁹.

Рассмотрим подробнее финансовый механизм обеспечения больницы. Автор исторического очерка заведения доктор Н. Живописцев сообщал: «Помимо единовременных денежных пожертвований со стороны высочайших особ, равно как и частных благотворителей, на текущие нужды больницы поступали в разное время и денежные вклады в неприкосновенный ее капитал, с которого только проценты должны были идти на содержание заведения»⁴⁰. К столетнему юбилею больницы этот неприкосновенный капитал достиг значительной суммы 444 017 руб. 85¾ коп. Он включал вклады Павла I и его супруги Марии Федоровны (были конвертированы из ассигнаций в серебро, затем опять в ассигнации, потому приведем их стоимость на 1914 г.) – 4 762 руб. и 27 143 руб., также 357 600 руб. из прибыли Московской Сохранной казны, где хранились капиталы; 36 630 руб. – остатки от расходов больницы; 5 856 руб. из капитала, пожертвованного московским купечеством; 2 857 руб. капитала барона Сердобина, 5 714 руб. капитала князя Куракина, 1 429 руб. пожертвования архимандрита Герасима и 1 489 руб. архимандрита Аполлоса, 510 руб. от «неизвестного благотворителя», 29 руб. от Наркевичевой, 5 000 руб. от купчихи М.А. Гарелиной.

³⁷ Благотворительность в России. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Псковская губерния. СПб., 1907. С. 16.

³⁸ Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т. II. С. 594.

³⁹ Живописцев Н.А. Больница императора Павла I-го в Москве: Краткий очерк за 150 лет ее существования. 1763–1913 г. М., 1914. С. 3, 5–8.

⁴⁰ Там же. С. 13.

Все эти капиталы заключались в государственных доходных бумагах, юридическим владельцем которых была контора Павловской больницы. Имелось четыре 4%-ных непрерывно-доходных билета на сумму 416 875 руб. и два пожертвованных императрицею Марией Федоровной 6%-ных билета Государственной комиссии погашения долгов на сумму 27 142 р. 85¾ коп. Вообще для удобства управления доходными бумагами многие крупные благотворительные учреждения предпочитали не создавать усложненную составную массу доходных бумаг, когда по каждому их виду требуется начисление процентов по биржевым ценам, а конвертировать капиталы в наименьшее число видов доходных бумаг со стабильными дивидендами. До 1903 г. доходные бумаги хранились в конторе больницы в сейфе, потом были пересланы для хранения в Петербург в кассу канцелярии Ведомства учреждений Императрицы Марии, в подчинении которого работала больница.

Значительный неприкосновенный капитал давал возможность постоянно модернизировать больничные здания, строить новые корпуса и флигели, где не только размещались больничные палаты, но были установлены новая светлая операционная, бактериологическая лаборатория, механическая прачечная с дезинфекционной камерой, гладильными и сушильными машинами, рентгеновский кабинет (1910) и др.⁴¹

Годовой бюджет больницы к 1912 г. достиг 98 тыс. руб., и большая часть его обеспечивалась процентами с капиталов. Ежегодно в 1908–1912 гг. проходили лечение 2 000–2 200 чел.⁴²

Приведенные выше примеры демонстрируют долговечность и надежность системы целевых капиталов, питающих получаемыми процентами значительную долю благотворительных заведений, выдаваемых стипендий и пособий.

Ведомство учреждений Императрицы Марии как частный случай применения неприкосновенных капиталов. При изучении благотворительных капиталов важен вопрос о том, какую долю в бюджетах благотворительных ведомств составляли проценты с капиталов. Проанализируем соответствующие данные из отчетов Ведомства учреждений Императрицы Марии.

Ведомство учреждений императрицы Марии (ВУИМ), являвшееся благотворительным придворным ведомством, просуществовало 120 лет (1797–1917). В 1909 г. под его эгидой числилось 1 192 заведения, в том числе воспитательные дома в Москве и Петербурге, 428 детских приютов, 47 больниц, 55 домов призрения. В 1911 г. на попечении благотворительных учреждений и заведений ВУИМ всего находилось 764 776 чел.⁴³ Во главе общества стояли российские императрицы начиная с супруги Павла I Марии Федоровны, а в пожертвованиях обществу активно участвовали представители верхушки аристократии. Они не только давали деньги в пользу ВУИМ, но часто были опекунами заведений.

Заведениям Ведомства жертвовали капиталы сами императрицы и отдельные благотворители, также поступала ежегодная казенная субсидия, доходы с недвижимости (от аренды доходных домов) и особые доходы – 10%-ный сбор с увеселений и театров (с 1798 г.), карточная монополия (облагалась сбором каждая колода игральных карт как русского, так и иностранного производства).

Важнейшим источником финансирования Ведомства были пожертвования частных лиц. Сумма капиталов составила к 1 января 1905 г. более 128 млн руб.⁴⁴

Проценты с капиталов составили, согласно официальной статистике, 22,1 % всех доходных статей в 1904 г. и 17,6 % в 1911 г. (табл. 1).

Рассмотрим далее соотношение капиталов разных типов заведений ВУИМ (по данным 1884 г.). К 1884 г. сумма всех 595 капиталов составила почти 90 млн руб. (89 998 117 руб.). Их распределение демонстрирует табл. 2.

⁴¹ Живописцев Н.А. Больница императора Павла I-го в Москве... С. 45–47.

⁴² Там же. С. 62.

⁴³ Всеподданнейший отчет по Ведомству учреждений Императрицы Марии за 1911 год. СПб., 1913. С. 66.

⁴⁴ Всеподданнейший отчет ... за 1904 год. СПб., 1906. С. 34.

Таблица 1

Доходы Ведомства учреждений Императрицы Марии

Доходная статья	1904	1911
Проценты с капиталов, руб.	5 344 222	3 713 765
Чистый доход (от аренды сдаваемой недвижимости), руб.	714 074	896 230
Плата за воспитание, обучение, лечение и призрение, руб.	3 968 972	3 581 455
От продажи игральные карт, руб.	3 238 836	3 231 131
Сбор с увеселений и театров, руб.	1 212 424	3 112 346
Дотация из государственного казначейства, руб.	4 342 690	3 672 996
Прочие доходы (пожертвования, поступления от лиц и учреждений, членские взносы, кружечный сбор), руб.	5 370 548	2 928 607
Всего	24 191 766	21 136 530

Составлено по: Всеподданнейший отчет по Ведомству учреждений Императрицы Марии за 1904 год. СПб., 1906. С. 58–60; Всеподданнейший отчет ... за 1911 год. СПб., 1913. С. 88–89.

Таблица 2

Капиталы Ведомства учреждений Императрицы Марии по предметам назначения

Наименование капиталов	Число капиталов	Сумма (с округлением)
Капиталы Главного управления ВУИМ	35	24,2 млн руб.
Капиталы воспитательных домов	28	27 млн руб.
Капиталы женских закрытых заведений (преимущественно 28 институтов благородных девиц)	251	18 млн руб.
Капиталы женских открытых заведений (гимназий)	118	630 тыс. руб.
Капиталы мужских учебных заведений (включая московское техническое училище, учительские семинарии, коммерческие училища и институт)	59	8,8 млн руб.
Капиталы Санкт-Петербургского училища глухонемых с приютом	10	1,1 млн руб.
Капиталы больниц и лечебниц (10 больниц и родильных приютов)	51	6,6 млн руб.
Капиталы вдовьих домов и домов призрения	37	3,6 млн. руб.
Прочее	6	182,5 тыс. руб.
Всего	595	90,0 млн руб.

Составлено по: Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений Императрицы Марии. СПб., 1884. Т. II. С. 839; Т. I. С. XIV.

Приведем примеры значимых и крупнейших капиталов. Следует начать с пожертвований царской семьи.

Образование капиталов началось в 1763 г., когда был учрежден Воспитательный дом в Москве (прием детей начался с апреля 1764 г.). Тогда первые пожертвования были сделаны императрицей Екатериной II (100 тыс. руб. асс.) и Цесаревичем Павлом Петровичем (50 тыс. руб. асс.). В последующие годы они регулярно жертвовали, и от Екатерины II поступило Воспитательному дому (в сумме) 957,5 тыс. руб., от Павла Петровича, позже императора Павла I, – 654,3 тыс. руб. Также крупную сумму в 16 666 руб. Павел I внес на больницу своего имени в Москве. Когда с 1797 г. ранее устроенные воспитательные дома и больницы были включены в систему ВУИМ, то к Ведомству перешли и эти капиталы⁴⁵. Суммы (кроме больничной) поступили в так называемый «неприкосновенный капитал» Воспитательного дома, составивший к 1884 г. 16,1 млн руб. (с округлением), что давало ежегодно дохода почти 645 тыс. руб.

В XVIII в. суммы московского Воспитательного дома хранились в Государственном Заемном банке, а позже – в Сохранной казне. Заведению шли не только пожертвования от «Щедрот Монарших», от частных благотворителей, лотерей и доходов карточной фабрики, но также «ежегодные отчисления из прибылей Сохранной казны»⁴⁶, куда с целью получения кредитов закладывали имения помещики. В результате с управлением этим капиталом сложилась уникальная ситуация. К 1857 г. капитал простирался до 15 773 380 руб. 47¾ коп., но проценты на него не начислялись, поскольку капитал употреблялся на обороты Сохранной казны, а Воспитательный дом содержался на доходы от общих оборотов Сохранной казны. Так продолжалось до 1860 г., когда Сохранной казной был выписан на этот капитал 4%-ный непрерывно-доходный билет на сумму 16 124 723 руб. После чего Воспитательный дом стал получать четко фиксируемый доход, который шел на нужды московского Воспитательного дома⁴⁷.

В петербургском Воспитательном доме, сумма капиталов которого к 1884 г. составляла 10,5 млн руб., неприкосновенный капитал заключался в сумме 10 019 834 руб. 54 коп., что давало ежегодно доход 401 782 руб. 46 коп. серебром. Он сложился главным образом благодаря попечению императрицы Марии Федоровны, супруги, затем вдовы Павла I. В 1816 г. заведению был присвоен «особливый капитал» в размере 1 129 859 руб. 96 коп. В последующие годы, с 1834-го по 1845-й, Воспитательному дому поступали чистые прибыли от оборотов петербургского отделения Сохранной казны, и в результате капитал возрос до 10 млн руб.⁴⁸ Также на содержание дома шел ряд капиталов, пожертвованных благотворителями.

Для обеспечения 40 закрытых женских учебно-воспитательных заведений к 1884 г. благотворители внесли 251 неприкосновенный капитал (18 млн руб.). Вложенные в Сохранную казну капиталы давали значительные доходы (из расчета 5 % на вклад), затем поступавшие на содержание заведений. К примеру, капиталы только Смольного института в 1856 г. составляли 2,8 млн руб., из которых 100 тыс. руб. асс. были пожертвованы в 1776 г. императрицей Екатериной II. Императрица Мария Федоровна давала в 1797–1828 гг. по 15 тыс. руб. ежегодно, что составило суммарно 480 тыс. руб. Императрица Елизавета Алексеевна в сумме пожертвовала 180 тыс. руб. (1797–1826 гг. по 6 тыс. руб. ежегодно). Сумма 480 тыс. руб. поступила в 1796 г. от пяти дочерей Павла I, 128 тыс. руб. в 1820 г. – от великой княгини Анны Федоровны, 150 тыс. руб. – от гофмейстерины А.Н. Нарышкиной⁴⁹. Часть этой суммы (676 400 руб.) была вложена в 6%-ные билеты Комиссии погашения долгов, остальные деньги переданы в Сохранную казну.

Большинство капиталов поступило ВУИМ от дворян и представителей титулованной аристократии. Однако интересны пожертвования от лиц других сословий. Таково, например,

⁴⁵ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений Императрицы Марии. СПб., 1884. Т. I. С. IX.

⁴⁶ Там же. С. 109.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 97–98.

⁴⁹ Там же. С. 125–145.

пожертвование Александринскому сиротскому дому в Петербурге, внесенное по завещанию петербургской мещанки Анисьи Естифеевой, умершей в 1838 г. Мещанка Естифеева имела недвижимую собственность (обозначена как «дача»), которая после смерти владелицы должна была сдаваться в аренду, а 100 руб. из доходов аренды выдаваться сестре Естифеевой – Елене. После смерти Елены (через несколько лет последовавшей) вступал в действие пункт завещания, по которому дачу следовало продать, а «вырученную продажей сумму отдать на вечные времена из приращения процентов в Опекунский совет», чтобы на проценты с капитала содержать двух девочек – круглых сирот, в Павловском институте. Сумма составила 6 489 руб. 49½ коп. При переводе детей отделения Павловского института в Александринский сиротский дом в 1856 г. туда же был передан капитал мещанки Естифеевой, составивший с выросшими процентами 10 тыс. руб., что позволило увеличить число пансионеров с двух до пяти (с 1870 г.)⁵⁰.

Существенной областью деятельности ВУИМ была медицинская помощь населению. Ведомство содержало 15 больниц в Петербурге и Москве. Это были Мариинские больницы для бедных (в обеих столицах под покровительством императрицы Марии Федоровны), Градская Обуховская больница (в Петербурге), Павловская и Голицынская больницы в Москве (также находились под покровительством Марии Федоровны), Калининская больница для сифилитиков (в Петербурге), а также родильные госпитали. После 1828 г. были учреждены две новые петербургские больницы – Св. Марии Магдалины на Васильевском острове и Петропавловская на Петербургской стороне⁵¹.

На содержание петербургской Мариинской больницы в 1807–1880 гг. поступило от частных лиц «на содержание кроватей» – 24 капитала (крупнейший в 50 тыс. руб. асс. – от вдовы д.т.с. Жукова – был внесен в 1809 г.), включая три анонимных («от неизвестного»), всего на сумму 99 685 руб. Неприкосновенный капитал Мариинской больницы, включивший 1 млн руб. (1 004 783 руб. 64 коп.) из прибылей Сохранной казны и 696 665 руб. по завещанию императрицы Марии Федоровны, к 1881 г. составил свыше 1,7 млн руб. (1 717 316 руб.)⁵².

В 1847 г. для чахоточных и хроников в Петербурге была открыта Александринская женская больница, созданная на крупнейшее пожертвование 368 511 руб. от имени и в память великой княжны Александры Николаевны (1825–1844), дочери Николая I, скончавшейся в 19 лет от туберкулеза. Согласно уставу, больница предназначалась для лечения бедных женщин, страдающих легочными заболеваниями (преимущественно туберкулезом), но также 10 коек выделялись для беременных с хроническими заболеваниями (наиболее с нефритом). Интересен материальный аспект пожертвования. Инициатором создания больницы на 50 кроватей выступил принц Фридрих Гессенский, вдовец Александры Николаевны, предложивший учредить такое заведение в Петербурге⁵³. Он, согласно российскому законодательству, получил после смерти супруги указную часть, т.е. четверть стоимости ее движимого имущества (122 837 тыс. руб. серебром), состоявшего в драгоценностях – бриллиантовых вещах из приданого,

Рис. 5. Александринская женская больница в Петербурге. Вид здания со стороны Надеждинской улицы. Фото 1899 г.

⁵⁰ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. I... С. 254–255.

⁵¹ Обзорение учреждений Императрицы Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. СПб., 1854.

⁵² Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. II... С. 671–672, 687–688.

⁵³ ПСЗ II. Т. XXII. № 21003.

а остальные три четверти в денежном эквиваленте царская семья пожертвовала на больницу. По указу Николая I эта сумма, составившая 368 511 руб. серебром, была внесена в Сохранную казну (под 5 %), ежегодно из процентов (составлявших 18 425 руб.) отделялось 10,5 тыс. руб. к штатной сумме на содержание больницы, а остаток расходовался на пенсии в Департаменте уделов и на содержание общины сестер милосердия. С 1861 г. эта сумма хранилась в виде 4%-ного непрерывно-доходного билета на сумму 460 639 руб. сер. под названием «Капитала в Бозе почивающей

Рис. 6. Одна из палат Александринской больницы в Петербурге. Фото 1899 г.

великой княгини Александры Николаевны», являясь собственностью больницы⁵⁴. Помимо этого, в больнице имелись: внесенный из средств Кабинета неприкосновенный капитал в сумме 326 461 руб., на которую был выписан 4%-ный непрерывно-доходный билет (с ежегодным доходом 13 058 руб.); запасный капитал в сумме 77 799 руб., хранившийся в таких ценных бумагах, как 5%-ная облигация Московского городского кредитного общества; 4½%-ная облигация Петербургского городского кредитного общества и 4%-ное свидетельство государственной ренты, что приносило ежегодно дохода 3 569 руб. 50 коп.

Приведенные сведения показывают, что целевые неприкосновенные капиталы играли значительную роль в финансировании деятельности Ведомства учреждений Императрицы Марии, обеспечивая за счет процентов на капиталы ежегодно 17–22 % доходов. В 1884 г. в ведомстве насчитывалось 595 пожертвованных капиталов; спустя 30 лет, к 1914 г., число их приближалось к тысяче, ибо ежегодно поступало, согласно сведениям отчетов, 14–20 крупных денежных пожертвований.

Финансовые механизмы управления благотворительными капиталами. Благотворительные капиталы хранились в гарантированных правительством ценных бумагах. Во второй половине XIX в. наиболее надежными для вложения средств были государственные 4%-, 4½%- и 5%-ные бумаги. В царствование Александра II дважды – в 1864 и 1866 гг. – были выпущены 5%-ные выигрышные займы (на 100 млн руб. каждый) на срок 60 лет. По этим займам, тираж которых проходил дважды в год, наряду с выплатой ежегодных 5 % до середины 1890-х гг. также проводились лотереи с денежными призами от 500 до 200 тыс. руб.⁵⁵

Изучение истории благотворительности в конце XVIII, XIX и начале XX в. (т.е. до наступления советской эпохи после революции 1917 г.) показывает, что целевые (неприкосновенные) капиталы в течение этого времени и особенно на всем протяжении XIX в. являлись одной из главных форм инвестирования в благотворительную деятельность.

Довольно важный исследовательский вопрос – выяснить, в каких ценных бумагах могли храниться целевые неприкосновенные капиталы и какова была процедура конвертирования пожертвований, внесенных в наличных деньгах или сразу в ценных бумагах, в наиболее доходные бумаги.

⁵⁴ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. II... С. 693–697; см. также: Кусков Н.И., Лапотников А.Н. Краткий исторический очерк 50-летнего существования Александринской женской больницы, учрежденной в память в Бозе почивающей Великой Княгини Александры Николаевны. СПб., 1899. С. 1–6.

⁵⁵ См.: Лифлянд Л.И., Петров Ю.А. Век акций, рент и облигаций. Ценные бумаги Российской империи. М., 2005. С. 26.

Период накануне Великих Реформ стал переломным и для финансового рынка России. После Крымской войны (вызвавшей «усиленное государственное потребление»⁵⁶) в 1857 г. «Высочайше утвержденными правилами о вкладах и ссудах в банковых установлениях» была понижена с 4 % до 3 % процентная ставка по вкладам в существовавших дореформенных кредитных учреждениях – в Заемном и Коммерческом банках, в Сохранных казнах (Петербургской и Московской) и в Сберегательной кассе (действовала с 1842 г.)⁵⁷. Затем прием вкладов под проценты в Сохранной казне в 1860 г. был вообще прекращен, а владельцы доходных билетов Сохранной казны получили право обменять их на 4%-ные непрерывно-доходные билеты, а затем на 5%-ные банковые билеты. Заемный и Коммерческий банки упразднены в 1860 г.

В 1860 г. был создан Государственный банк, подчинявшийся непосредственно Министерству финансов. К 1882 г. он имел 47 отделений в крупнейших городах Российской империи, к 1914 г. – более 130. Вклады частных лиц и обществ в Государственном банке были нескольких видов. Так называемые бессрочные вклады (которые вкладчик мог забрать после 6 месяцев хранения) помещались под 3 % годовых, если вкладчик передавал банку свой капитал на срок от 3 до 5 лет, то выплачивалось 4 % годовых, и на срок 6–10 лет – 4½ %, однако «проценты на проценты не начислялись»⁵⁸. Оплата процентов по государственным займам осуществлялась в отделениях Государственного банка и Государственного казначейства.

Позже, с 1860-х гг., в Российской империи, наряду с государственными банковскими учреждениями, стали возникать коммерческие банки (но в первые десятилетия существования они не обладали достаточной устойчивостью и прочной репутацией). Процентные вклады принимались банками и другими кредитными учреждениями на различных условиях: а) «вечные», по которым вкладчик и его наследники могут пользоваться только одними процентами, самый же капитал остается в банке навсегда (такие вклады были крайне редкими в истории российских финансов, занимая менее 1 % денежной массы); б) срочные – на определенное число месяцев (обычно не менее 6 месяцев) или лет, по прошествии которых капитал мог быть востребован вкладчиком, а до тех пор вкладчик получал только проценты; в) до востребования – вклады, которые могли быть взяты назад во всякое время⁵⁹.

Но более выгодным вложением для получения дохода с капиталов было помещение их в гарантированные государством ценные бумаги, дававшие ежегодный доход в среднем от 3 % до 5 %.

Сначала несколько слов о категориях и видах основных ценных бумаг. Известный правовед Г.Ф. Шершеневич отмечал, что начало развития российского рынка ценных бумаг можно датировать второй половиной 1850-х гг., на что указывает его фраза «распространение ценных бумаг на русском рынке, обнаружившееся со второй половины пятидесятых годов»⁶⁰ в учебнике «Курс торгового права».

Рис. 7. Вид облигации 5%-ного внутреннего займа. Выпуск 1906 г. (показана верхняя часть бонь). Коллекция автора

⁵⁶ Бржеский Н.К. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 105.

⁵⁷ ПСЗ II. Т. XXXII. № 32082.

⁵⁸ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. Руководство для помещения капиталов. СПб., 1871. С. 86.

⁵⁹ Прокофьев А.В. Коммерческая арифметика и торговые операции. М., 1895. С. 135.

⁶⁰ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Казань, 1892. С. 390.

В книге «Курс финансового права» профессор Казанского университета Д.М. Львов, характеризуя российскую ситуацию, отмечал, что формирование рынка ценных бумаг в России (как и в других странах Европы) было связано с системой государственных долгов, т.е. Государственный банк (основанный в 1860 г.) для аккумуляции денежных средств на решение экономических и социальных задач выпускал разные виды процентных банковых билетов, которые население или компании покупали в качестве надежной и удобной формы хранения вкладов, поскольку бумаги имели гарантированный доход и также периодически проводились выигрышные тиражи. На условиях свободной подписки проводились и другие займы, например так называемые Восточные⁶¹.

В России практиковались обе основные формы государственных долгов – долги облигационные (срочные) с точно оговоренным сроком погашения займового капитала (например, в течение 37, 40, 50, 80 лет) и оговоренной процедурой выплаты процентов (например, один, два и даже четыре раза в год) и долги рентные (бессрочные) – менее применимые. Львов дал дефиницию этих ценных бумаг: «Все вообще облигации, выпущенные государством, называются государственными процентными бумагами или фондами»⁶².

Одним из востребованных населением видом ценных бумаг стали выпущенные в 1859 г. 4%-ные государственные непрерывно-доходные билеты⁶³. Они были достоинством в 250, 500, 1 000, 5 000, 10 000 и 100 000 руб., выдавались в форме именных (на частное лицо) или на учреждение путем подписки, которая была окончена 1 мая 1863 г. Сроки уплаты процентов были дважды в год – 1 мая и 1 ноября. Билеты можно было приобрести за наличные деньги или путем обмена на бумаги кредитных установлений (возникших в дореформенный период) – Заемного и Коммерческого банков, Сохранной казны. При этом билеты могли по официально оформленной уступочной записи быть переданы другому лицу или учреждению (что было важным при их пожертвовании благотворительным обществам и заведениям), но если непрерывно-доходный билет выписывался не срочный, а на «вечное время», то передача его другому лицу не разрешалась. Билеты в 250 руб. имели «украшения» (так в источнике – Г. У.) оранжевого цвета, в 500 руб. – зеленого, в 1 000 руб. – синего, в 5 000 руб. – красного, в 10 000 руб. – коричневого цвета⁶⁴.

Например, в таких непрерывно-доходных билетах хранились капиталы Павловской больницы в Москве, о которой шла речь выше – имелось четыре 4%-ных непрерывно-доходных билета на сумму 416 875 руб.

Приведем сведения о главнейших гарантированных государством ценных бумагах, циркулировавших на российском финансовом рынке во второй половине XIX – начале XX в. (табл. 3).

Государственные 5%-ные банковые билеты выпускались в 100, 150, 500, 1000, 5 000, 10 000 и 25 000 руб., каждый на имя лица или же на предъявителя, но при желании владельца можно было обменять в отделении Государственного банка именной билет на билет на предъявителя.

Займы с выпуском облигаций производились как правительством, так и частными обществами. Облигации выпускались под различными названиями: билетов, облигаций собственно, свидетельств, закладных листов и т.п.⁶⁵

Наряду с наиболее многочисленными ценными бумагами (см. табл. 3), имели хождение другие ценные бумаги, чаще с меньшим доходом. Среди них 4%-ные облигации Николаевской железной дороги (выпущенные для облегчения продажи железной дороги между Петербургом и Москвой частному акционерному Главному обществу российских железных дорог и образования фонда на постройку других дорог), 4%- и 4½%-ные свидетельства государственного Крестьянского поземельного банка (выпущены под залог крестьянских земель, погашались по тиражу дважды в год), 4%- и 4½%-ные закладные листы государственного

⁶¹ См.: Львов Д.М. Курс финансового права. Казань, 1887. С. 446.

⁶² Там же. С. 447.

⁶³ ПСЗ II. Т. XXXIV. № 34243.

⁶⁴ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах... С. 52.

⁶⁵ Там же. С. 200–202.

Дворянского земельного банка (выпущены под залог дворянских земель, погашались по тиражу дважды в год)⁶⁶.

Таблица 3

Основные российские государственные ценные бумаги, применяемые для хранения
благотворительных неприкосновенных капиталов

Название ценных бумаг	Название займа, его цель	Когда выпущены	Срок погашения
Государственные 5%-ные банковские билеты (облигации пяти выпусков)	1-й внутренний заем (в обмен на прежние билеты старых банковских учреждений – билетов Заемного и Коммерческого банков, Сохранных Казен и Приказов общественного призрения)	1859–1860	37 лет путем процентного погашения
То же	2-й внутренний заем (на выдачу помещикам за крестьян)	1861	37 лет
То же	3-й внутренний заем (для извлечения из обращения кредитных билетов)	1869	37 лет
То же	4-й внутренний заем (для подкрепления средств государственного казначейства и «на покрытие чрезвычайных расходов, вызванных Турецкою войною»)	1876	37 лет
То же	5-й внутренний заем (для подкрепления средств государственного казначейства)	1881	37 лет
Металлические 4%-ные билеты Государственного банка по 300 руб. каждый	С целью усиления средств Госбанка (с платежом процентов звонкой монетой, погашается посредством тиража, проценты выдаются один раз в год)	1860	41 год
Восточный заем 1877 г. – 5%-ные облигации на предъявителя	«Для покрытия чрезвычайных расходов, возлагаемых на Гос. казначейство по случаю войны» (тираж дважды в год)	1877	49 лет
Второй Восточный заем – 5%-ные облигации именные и на предъявителя	То же	1878	49 лет
Третий Восточный заем – 5%-ные облигации именные и на предъявителя	То же	1879	49 лет
Золотая рента – 6%-ные и 5%-ные непрерывно-доходные ренты (билеты) именные и на предъявителя	«Для уплаты причитающихся Гос. банку <...> 50 миллионов рублей и для удовлетворения расходов по железнодорожным сооружениям»	1883	10 лет
5%-ная железнодорожная рента	На расходы по железнодорожным сооружениям	1886	80 лет
4%-ный внутренний заем	Для подкрепления средств Гос. казначейства	1887	80 лет
4%-ные облигации Российского золотого займа (шесть выпусков)	Для расчета Гос. казначейства с Гос. банком, выкупа железных дорог и выкупа облигаций 1860-х гг.	1889–1890, 1893–1894	81, 80, 81, 60, 81, 81 год
Свидетельства 4%-ной государственной ренты	Для конверсии выпущенных ранее 5%-ных банковских билетов 1 и 2 выпусков и 5%-ных облигаций второго и третьего Восточных займов	1894	Бессрочно

Составлено по: Бржеский Н.К. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 207–215, 222–225; Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. Руководство для помещения капиталов. СПб., 1871. С. 50–56, 90–98; Львов Д.М. Курс финансового права. Казань, 1887. С. 446–449; Прокофьев А.В. Коммерческая арифметика и торговые операции. М., 1895. С. 200–208.

⁶⁶ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах... С. 205–208.

Из облигаций частных обществ наиболее часто встречались в обращении облигации различных железных дорог 4%-, 4½%- и 5%-ного достоинства, почти все гарантированные правительством. Среди пожертвованных ценных бумаг были нередки 5%-ные облигации городских кредитных обществ, в частности Московского, Санкт-Петербургского и др., которые выдавались как ссуды под залог недвижимых имуществ в городах, где общества были учреждены; проценты выдавались по купонам два раза в год (в Москве и Петербурге – 1 марта и 1 сентября); сроки погашения составляли от 15 до 26 лет.

Также благотворители могли принести пожертвование 4½%-ными и 5%-ными закладными листами разных земельных банков и обществ взаимного поземельного кредита, например Московского, Петербургско-Тульского и Нижегородско-Самарского земельных банков и др. Сроки погашения в этом случае были различны – от 18 до 60 лет⁶⁷.

Обратимся далее к примерам пожертвований в ценных бумагах и конвертации денежных капиталов (в случае вклада в виде наличных сумм) в ценные бумаги.

Одним из ранних по времени возникновения был неприкосновенный капитал на Крыловские стипендии. Идея его создания была высказана на празднестве 2 февраля 1838 г. в честь баснописца, издателя, академика Петербургской Академии наук, статского советника И.А. Крылова (1769–1844). По распоряжению министров финансов и внутренних дел была объявлена подписка по всей Империи, собравшая 59 585 руб. 55 коп. (большая часть денег была пожертвована чиновниками Министерства финансов). Министр финансов Е.Ф. Канкрин добавил из средств Казначейства 414 руб. 45 коп. до круглого капитала 60 тыс. руб. На проценты с этого капитала, составлявшие до 2 850 руб. в год, стали давать стипендии трем гимназистам петербургских гимназий: Ларинской, Второй и Третьей, «с тем, чтоб они и в университете были также стипендиатами Крыловскими»⁶⁸, причем до смерти Крылова в 1844 г. он сам выбирал стипендиатов (двое из трех должны были происходить из семей чиновников Министерства финансов), а позже это право перешло к Министерству народного просвещения. В положении о стипендиях (каждая составляла 800 руб. в год), подписанном министром С.С. Уваровым, говорилось, что «капитал сей состоит в ведении министра народного просвещения», и по его распоряжению «отдается в кредитные установления или употребляется на покупку российских фондов»⁶⁹. Важно отметить, что уже в 1839 г. в положении о Крыловских стипендиях четко определялась форма хранения капитала – либо в банке (кредитном учреждении) под проценты, либо в ценных бумагах (фондах).

Некоторые благотворители еще в дореформенную эпоху XIX в. начали жертвовать на благотворительные цели сразу процентные бумаги, а не наличные капиталы. Например, в 1853 г. сенатор, бывший генерал-губернатор Грузинско-Имеретинский и Подольский, генерал-лейтенант В.С. Сотников пожертвовал билеты Сохранной казны на сумму 20 тыс. рублей Орловскому кадетскому корпусу (среднее военно-учебное заведение для юношей дворянского происхождения, открытое в Орле в 1843 г.), из них проценты с 10 тыс. руб. (ежегодно 400 руб.) шли корпусу на нужды воспитанников, а проценты с других 10 тыс. руб. – его племяннице Вере Герасимовой на жизненные расходы. В письме на имя Николая I, говоря о пожертвовании, Сотников написал, что после смерти племянницы проценты, которыми она пользовалась, тоже должны поступить кадетскому корпусу⁷⁰.

Приведем еще несколько примеров, иллюстрирующих алгоритм применения в благотворительности ценных бумаг, в которые вложены пожертвованные капиталы.

В 1879 г. торговцы Табачного ряда Нижегородской ярмарки решили учредить стипендию имени генерал-адъютанта графа Н.П. Игнатьева (в то время нижегородского генерал-губернатора), для чего собрали 600 руб. После доклада об этом Н.П. Игнатьеву он сам добавил от себя еще 200 руб. Эта сумма в 800 руб., после высочайшего соизволения на учреждение стипендии, была обращена в облигации 2-го и 3-го Восточного займа и хранилась

⁶⁷ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах... С. 209.

⁶⁸ Дополнение к сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стлб. 592–594.

⁶⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 5. С. 120–122; ПСЗ II. Т. XIV. № 12092.

⁷⁰ ПСЗ II. Т. XXVIII. № 27253.

в Нижегородском губернском казначействе в числе специальных капиталов гимназии. Стипендиата, которому оплачивался весь курс обучения, выбирал сам Н.П. Игнатьев, которому руководство гимназии ежегодно докладывало об оценках и поведении выбранного гимназиста⁷¹.

В Петербурге в 1880-е гг. переданный городу капитал бывшего Санкт-Петербургского Приказа общественного призрения, обеспечивавший содержание нескольких десятков благотворительных заведений, исчислялся крупной суммой в 1 910 257 руб., проценты с которой составили 131 992 руб. в 1886 г. Капиталы были вложены преимущественно в 4½%-ные облигации Главного общества российских железных дорог – на 1 766 000 руб., а также в 5%-ные билеты I, II, III и V внутренних займов – на 109 100 руб., среди других бумаг были облигации I Восточного займа и облигации Санкт-Петербургского городского кредитного общества⁷².

В 1894 г. Агриппина Лепешкина, вдова Д.С. Лепешкина (1828–1892), московского купца 1-й гильдии, совладельца «Товарищества Вознесенской мануфактуры С. Лепешкина сыновей» (пять фабрик по переработке хлопка в Дмитровском уезде Московской губ.), получившего дворянство, обратилась в канцелярию Ведомства учреждений Императрицы Марии с заявлением, что она «представила начальству Московской Софийской детской больницы 6 000 руб. 4%-ными облигациями Московско-Казанской железной дороги, для учреждения в названной больнице, на проценты с сего капитала, двух вечных коек имени Дмитрия Лепешкина» на условии, что «капитал должен быть неприкосновенным, в случае же выхода какой-либо облигации в тираж, взамен оной должна быть приобретена другая государственная или же гарантированная правительством процентная бумага одинакового достоинства»⁷³. Указанное условие предусматривало вероятность необходимого конвертирования ценных бумаг в другие.

В журнале «Врач» в 1894 г. сообщалось о благотворительной деятельности одного из профессиональных обществ взаимопомощи. Общество русских врачей в Петербурге ежегодно в память С.П. Боткина собирало пожертвования между коллегами в «Фонд имени С.П. Боткина для призрения неимущих престарелых врачей и их семей». Суммы составлялись из мелких пожертвований и затем вкладывались в доходные ценные бумаги, которые хранились в Государственном банке. В декабре 1894 г. объем капиталов фонда составил пожертвованными наличными деньгами 6 959 руб. 31 коп. и 100 франков, в том числе от семьи Боткиных поступило: от Н.К. Боткиной 1 000 руб. наличными деньгами и от душеприказчиков покойной М.П. Шеншиной-Фет, П.П. и П.Д. Боткиных, в память покойной – 1 000 руб. кредитными билетами; от неизвестного из Швейцарии – 100 франков.

В процентных бумагах было всего 34 300 руб., в том числе оставшихся от 1893 г. ценных бумаг на 26 700 руб., и еще была пожертвована в 1894 г. А.С. Бородулиной, урожденной Боткиной, одна 4%-ная облигация Либаво-Роменской железной дороги достоинством в 1 000 руб., и на собранные средства куплено процентных бумаг на 6 600 руб. Общество, помимо процентов с ценных бумаг, также получило доход в размере 101 руб. 65 коп. от вышедшей в тираж облигации Петербургского городского кредитного общества. Интересно перечисление ценных бумаг, в которых хранились капиталы общества. Эти доходные бумаги были весьма разными – от государственных до корпоративных, железнодорожных, в том числе 5%-ный закладной лист Государственного Дворянского земельного банка в 100 руб., уже упомянутая облигация Либаво-Роменской железной дороги, 5%-ные облигации Петербургского городского кредитного общества на 4 200 руб., 4%-ные облигации 3-го внутреннего займа 1891 г. на 3 200 руб., 4%-ные облигации 1-го внутреннего займа 1887 г. на 2 900 руб., 4½%-ные облигации Рязанско-Уральской железной дороги

⁷¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1880. № 4. Апрель. С. 44–45.

⁷² Ведомость процентных бумаг, принадлежащих городским капиталам, проценты с коих подлежат обращению в текущие городские расходы // С.-Петербург. Роспись городских доходов и расходов на 1886 г. СПб., 1886. Приложение 2.

⁷³ Образование. 1894. № 3. С. 17.

на 6 500 руб., 5%-ные закладные листы Петербургско-Тульского земельного банка на 16 300 руб.⁷⁴

Когда известные московские благотворители братья Бахрушины в 1890 г. пожертвовали городу Москве капитал на устройство дома призрения для хронических больных (в основном без семьи или не имеющих родственников, которые могли бы ухаживать) при городской больнице, построенной ими ранее в Сокольниках, то капитал сразу был пожертвован в ценных бумагах. В положении Комитета министров об утверждении устава «Дома призрения братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных для неизлечимо-больных» говорилось: «Пожертвованный братьями Бахрушиными капитал состоит в 5%-ных облигациях Московского городского займа по номинальной их стоимости на сумму триста пятьдесят тысяч рублей. Из них сто тысяч рублей назначаются на постройку здания на сто пятьдесят человек больных, а остальные двести пятьдесят тысяч рублей образуют неприкосновенный основной капитал, проценты с которого употребляются исключительно на содержание и лечение призреваемых. Названный капитал хранится в одном из правительственных кредитных учреждений и не может иметь никакого другого назначения»⁷⁵.

Обращение к сметам доходов и расходов министерств и ведомств, городов, церковных институций, отдельных учреждений хорошо иллюстрирует повсеместность использования ценных бумаг.

Следует напомнить здесь также приведенный ранее в монографии «Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. Словарь купцов-благотворителей» интересный факт создания в Москве с 1911 г. четкого порядка управления благотворительными неприкосновенными капиталами, составившими на 1 января 1912 г. огромную сумму 7 951 699 руб., проценты с которой достигали более 334 тыс. руб.⁷⁶, что составляло более трети суммы, которую город употреблял на благотворительные цели из своих собственных (бюджетных) средств⁷⁷.

Пожертвованные капиталы стали занимать столь значительное место в финансовом хозяйстве Московского муниципального управления, что 19 марта 1911 г. был издан доклад № 128 Московской городской управы «О порядке управления городскими капиталами и фондами»⁷⁸. Новый порядок должен был оградить неприкосновенные капиталы от случайностей на рынке ценных бумаг, а для этого все фонды переводились на один общий счет (без распределения по каждому капиталу) и поступающие ценные бумаги конвертировались «в наиболее ходовые процентные бумаги»⁷⁹. Для чего даже поступающие пожертвования в доходных бумагах вначале обменивались на наличные деньги, которые затем вкладывались в более доходные бумаги. Целью преобразований было желание получить наибольшую выгоду от целевых капиталов в интересах города и его жителей.

Заключение. Изучение сотен крупных (свыше 10 тыс. руб.) и мелких пожертвований в Москве, Петербурге и других городах, в сельских населенных пунктах показало, что благотворительные неприкосновенные капиталы (примерно в 90 % случаев хранившиеся в гарантированных правительством ценных бумагах) были важнейшей формой финансирования социальной сферы – больниц, богаделен, детских приютов, стипендий, пособий бедным и др., обеспечивая их стабильное функционирование за счет процентов с капитала.

Накануне 1917 г. практически все благотворительные капиталы были, согласно требованиям законодательства, размещены в ценных доходных бумагах или изредка в виде банковских вкладов. Это делало капиталы неуязвимыми в условиях колебания финансового рынка и обеспечивало общественный контроль над добросовестным использованием финансовых ресурсов, дарованных благотворителями для помощи нуждавшимся согражданам.

⁷⁴ Врач. 1895. № 2. С. 46.

⁷⁵ ПСЗ III. Т. X. № 7131.

⁷⁶ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. Словарь купцов-благотворителей. М., 2013. С. 116.

⁷⁷ Общественное призрение Московского городского управления. М., 1914. С. 6.

⁷⁸ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 179. Оп. 57. Д. 1276. Л. 35.

⁷⁹ Там же. Л. 35 об.

Литература

Акользина М.К. Сухотинская женская богадельня: реализация социального проекта в Тамбовской губернии в первой половине XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Т. 17, № 2. С. 42–57.

Васильев А.Я. Поземельные ссуды Новгородского Приказа общественного призрения (по материалам ГАНО) // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. Т. 6, № 2 (8). С. 172–179.

Вычужжанин А.Л. Из истории губернских финансов: кредитная деятельность Тобольского Приказа общественного призрения в 1782–1866 гг. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 125–136.

Гаврилова Н.И. Формирование целевого капитала Кладищевского училища в Иркутске: вариативность форм жертвуемых капиталов в среде купечества Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XVI Всерос. науч. конф. СПб., 2025. С. 299–303.

Дуплий Е.В. Становление и развитие Приказов общественного призрения в России: 1775–1864: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.

Зиятдинова Д.Г. Деятельность Казанского Приказа общественного призрения (1781–1869 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 27 с.

Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4 (28). С. 42–58.

Лифлянд Л.И., Петров Ю.А. Век акций, рент и облигаций. Ценные бумаги Российской империи. М.: Любимая книга, 2005. 400 с.

Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 44–54.

Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3-2. С. 84–93.

Маслова И.В. Эффективная филантропия в сфере образования в России: сравнительный анализ дореволюционных и современных практик // ЭКО. 2023. № 6. С. 177–192.

Петрова М.А. «Неприкосновенный капитал» Лазаревского института восточных языков: история с продолжением // Экономика и предпринимательство. 2024. № 8. С. 1436–1447.

Ульянова Г.Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету. XIX – начало XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 371–399.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.

Ульянова Г.Н. Экономический дискурс в изучении высшей школы в имперской России: высшие учебные заведения Министерства торговли и промышленности в начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 2. С. 102–114.

Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. Словарь купцов-благотворителей. М.: Форум; Неолит, 2013. 494 с.

Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века: «Приступать к учреждению ... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» // Материалы XXIII Общероссийской ежегодной богословской научной конференции, организуемой Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом. М., 2013. С. 215–218.

Ульянова Г.Н. Капиталы на пособия бедным невестам в благотворительной практике XIX – начала XX века: бюрократическая матрица и религиозные воззрения // XXX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: мат-лы. М., 2020. С. 134–136.

Ульянова Г.Н. Приказы общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX в. как кредитные учреждения: финансовый механизм выдачи ссуд и порядок залога имений и крестьян // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 86–96.

References

Akolzina, M.K. (2025). *Suhotinskaya zhenskaya bogadel'nya: realizatsiya sotsial'nogo proekta v Tambovskoy gubernii v pervoy polovine XIX veka* [Sukhotinskaya Women's Almshouse: The Implementation of a Social Project in Tambov Province in the First Half of the 19th Century]. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 17, No. 2, pp. 42–57.

Dupliy, E.V. (2004). *Stanovlenie i razvitie Prikazov obshchestvennogo prizreniya v Rossii: 1775–1864* [Formation and Development of Social Welfare Boards in Russia: 1775–1864], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 24 p.

Gavrilova, N.I. (2025). *Formirovanie tselevogo kapitala Kladishchevskogo uchilishcha v Irkutske: variativnost' form zhertvuemykh kapitalov v srede kupechestva Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Formation of the Target Capital of the Kladishchevskoe School in Irkutsk: Variability of Forms of Donated Capital among the Merchants of Siberia Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii. Materialy XVI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 299–303.

Komleva, E.V. (2022). “S kapitala, navsegda im pozhertvovannogo...”: endaumenty v kupecheskoy srede Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [“From the Capital, Forever Donated by Him...”: Endowments in the Merchant Environment of Siberia (the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. Vol. 7, No. 4 (28), pp. 42–58.

Liflyand, L.I., Petrov, Yu.A. (2005). *Vek aktsiy, rent i obligatsiy. Tsennye bumagi Rossiyskoy imperii* [The Age of Stocks, Rents, and Bonds. Securities of the Russian Empire]. Moscow, Lyubimaya kniga. 400 p.

Marasanova, V.M., Albegova, I.F., Shamatonova, G.L. (2011). *Zhenshchiny i obrazovanie v kontse XVIII – nachale XIX v. (na primere Yaroslavskoy gubernii)* [Women and Education in the Late 18th – Early 20th Centuries (On the Example of the Yaroslavl Province)]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 1, pp. 44–54.

Maslova, I.V. (2023). *Effektivnaya filantropiya v sfere obrazovaniya v Rossii: sravnitel'nyy analiz dorevolutsionnykh i sovremennykh praktik* [Effective philanthropy in education in Russia: In Pre-Revolutionary and Modern Practices]. In *ECO*. No. 6, pp. 177–192.

Maslova, I.V. (2023). *Tselevye kapitaly kak forma organizatsii blagotvoritel'noy deyatel'nosti v dorevolutsionnoy i sovremennoy Rossii* [Endowment as a Form of Organization of Charitable Activities in Pre-Revolutionary and Modern Russia]. In *Voprosy istorii*. No. 3-2, pp. 84–93.

Petrova, M.A. (2024). “Neprikosnovenny kapital” Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov: istoriya s prodolzheniem [Pre-revolutionary Special-Purpose Capital of the Lazarev Institute of Oriental Languages: To Be Continued]. In *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. No. 8, pp. 1436–1447.

Ulianova, G.N. (2004). *Blagotvoritel'nye pozhertvovaniya Moskovskomu universitetu. XIX – nachalo XX v.* [Charitable Donations to Moscow University. 19th – Early 20th Century]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow, pp. 371–399.

Ulianova, G.N. (2005). *Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy Imperii. XIX – nachalo XX veka* [Philanthropy in the Russian Empire. 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka. 403 p.

Ulianova, G.N. (2011). *Ekonomicheskii diskurs v izuchenii vysshey shkoly v imperskoy Rossii: vysshie uchebnye zavedeniya Ministerstva trgovli i promyshlennosti v nachale XX veka* [Economic Discourse in the Study of Higher Education in Imperial Russia: Higher Education Institutions of the Ministry of Trade and Industry in the Early 20th Century]. In *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. No. 2, pp. 102–114.

Ulianova, G.N. (2013). *Blagotvoritel'nost' moskovskih predprinimateley. 1860–1914. Slovar' kupcov-blagotvoriteley* [The Philanthropic Activity of Moscow Entrepreneurs. 1860–1914]. Moscow, Forum, Neolit. 494 p.

Ulianova, G.N. (2013). Tselevye fondy v finansirovanii blagotvoritel'nosti v Rossii XIX veka: "Pristupat' k uchrezhdeniyu ... zavedeniy togda tol'ko, kogda k soderzhaniyu ikh naznacheny budut dostatochnye sredstva" [Endowments in the Financing of Charity in 19th Century Russia: "To Start Establishing ... Institutions Only When Sufficient Funds are Allocated for Their Maintenance"]. In *Materialy XXIII Obshcherossiyskoy ezhegodnoy bogoslovskoy nauchnoy konferentsii, organizuemoy Pravoslavnym Svyato-Tihonovskim gumanitarnym universitetom*. Moscow, pp. 215–218.

Ulianova, G.N. (2020). Kapitally na posobiya bednym nevestam v blagotvoritel'noy praktike XIX – nachala XX veka: byurokraticheskaya matritsa i religioznye vozzreniya [Endowments for Poor Brides in the Charity Practice of the 19th – Early 20th Century: The Bureaucratic Matrix and Religious Beliefs]. In *XXX Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta: materialy*. Moscow, pp. 134–136.

Ulianova, G.N. (2022). Prikazy obshchestvennogo prizreniya v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. kak kreditnye uchrezhdeniya: finansovyy mekhanizm vydachi ssud i poryadok zaloga imeniy i krest'yan [Social Welfare Boards at the End of the 18th – The First Half of the 19th Century as Credit Institutions: Financial Mechanism for Issuing Loans and the Procedure for the Pledge of Estates and Peasants]. In *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*. Vol. 12, No. 1, pp. 86–96.

Vasil'ev, A.Ya. (2017). Pozemel'nye ssudy Novgorodskogo Prikaza obshchestvennogo prizreniya (po materialam GANO) [Land Loans of the Novgorod Order of Public Charity (Based on the Materials of the GANO)]. In *Vestnik Novgorodskogo filiala RANHiGS*. Vol. 6. № 2 (8), pp. 172–179.

Vychugzhanin, A.L. (2010). Iz istorii gubernskih finansov: kreditnaya deyatel'nost' Tobol'skogo Prikaza obshchestvennogo prizreniya v 1782–1866 gg. [From the History of Gubernia Finance: Credit Activities Order of Tobolsk Public Welfare in 1782–1866]. In *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 2, pp. 125–136.

Ziyatdinova, D.G. (2009). *Deyatel'nost' Kazanskogo Prikaza obshchestvennogo prizreniya (1781–1869 gg.)* [Activity of the Kazan Social Welfare Board (1781–1869)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kazan. 27 p.

И.В. Маслова*

ЦЕЛЕВЫЕ КАПИТАЛЫ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКАdoi:10.31518/2618-9100-2025-4-2
УДК 364.054.2:37(47/57)"185/190"*Выходные данные для цитирования:**Маслова И.В. Целевые капиталы в учебных заведениях Российской империи второй половины XIX века // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 38–48. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-02.pdf>*

I.V. Maslova*

ENDOWMENT FUNDS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-2

*How to cite:**Maslova I.V. Endowment Funds in Educational Institutions of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 38–48. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-02.pdf>]*

Abstract. The article examines practices in the formation of endowment capital for the establishment of charitable scholarships in educational institutions of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. Named scholarships were understood as charitable funds allocated to pay for tuition and full maintenance of the student during his studies. In 1876 Russian legislation established the rules mandatory for the establishment of charitable scholarships at the expense of interest on endowment capital invested in government securities. Then, along with the collegial body of an educational institution where it was planned to establish a scholarship, a draft regulation on a charitable scholarship was developed, which the Emperor approved. Donations in the form of endowments were aimed at promoting public education and enlightenment, providing the opportunity for as many people as possible to study in educational institutions at charitable expense. Several conventional groups of charitable scholarships were identified: scholarships established in memory of significant events and people were practices of commemoration; scholarships established in honor of the Emperor and members of the Imperial family demonstrated loyalty; personalized scholarships bearing the name of the donor were a continuation of the tradition of “eternal remembrance” in the church; scholarships established with funds gathered collectively by employees of a government department or public organization to provide social assistance to the families of members of this professional social community and the training of qualified personnel for it.

Keywords: Russian Empire, public education, charity, target capital, nominal scholarship.

The article has been received by the editor on 01.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются правовые документы и практики формирования целевых капиталов для учреждения благотворительных стипендий в учебных заведениях Российской империи во второй половине XIX в. Именные благотворительные стипендии учреждались как на оплату обучения, так и на содержание обучающегося во время учебы. В 1876 г. в российском законодательстве были закреплены правила, обязательные для учреждения именных стипендий за счет процентов с целевых капиталов,

* **Инга Владимировна Маслова**, доктор исторических наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, Елабуга, Россия, e-mail: imaslovainga@gmail.com
Inga Vladimirovna Maslova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Yelabuga Institute of the Kazan Federal University, Yelabuga, Russia, e-mail: imaslovainga@gmail.com

вложенных в ценные бумаги и размещенных в Государственном банке. Коллегиальный орган образовательного учреждения с учетом пожеланий жертвователя разрабатывал проект положения о благотворительной стипендии, который утверждал император. Пожертвования в форме целевых капиталов предоставляли возможность неимущим и малообеспеченным людям обучаться в образовательных учреждениях России за благотворительный счет наряду с учащимися, которые получали образование за счет государственной казны. Классифицируя благотворительные стипендии соответственно мотиву их учреждения, автор статьи выделяет четыре группы: стипендии, учрежденные в память о знаменательных событиях и людях, являвшиеся практиками коммеморации; стипендии, учрежденные в честь императора и членов императорской семьи, демонстрировавшие верноподданнические чувства; стипендии, носившие имя жертвователя, которые можно считать продолжением традиции «вечных поминовений» в церкви; стипендии, учрежденные с целью оказания социальной помощи семьям профессионального, социального, конфессионального сообщества, собравшего благотворительные средства.

Ключевые слова: Российская империя, народное образование, благотворительность, целевой капитал, именная стипендия.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024 г.

Эндаументы как форма целевой благотворительной поддержки образования, получившие развитие в современной России, имеют глубокие исторические традиции. Становление системы образования в Российской империи в XIX в. сопровождалось не только пристальным вниманием, но и энергичной поддержкой со стороны ее подданных. Одной из форм этой поддержки были пожертвования целевых капиталов (вечных вкладов) на учреждение именных благотворительных стипендий.

Российское законодательство регламентировало практики «вечных вкладов» уже в последней четверти XVIII в. Закон «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», подписанный Екатериной II в 1775 г., регулировал использование «вечного вклада» Приказом общественного призрения¹. Согласно исследованию историка Г.Н. Ульяновой, первый закон, посвященный конкретно целевым капиталам, был издан 27 декабря 1817 г. и касался пожертвований в пользу богоугодных заведений². Закон предусматривал порядок, по которому каждое учрежденное частным лицом богоугодное заведение могло быть открыто только в том случае, если «доброхотодатель» (жертвователь) выделял капитал, проценты с которого позволяли обеспечить дальнейшее существование этого заведения³. Если средств конкретного филантропа оказывалось недостаточно для непрерывной деятельности богоугодного заведения, эти средства, с согласия жертвователя, добавлялись к капиталу, уже собранному на эти цели.

Практика целевых капиталов распространялась на самые разные социальные сферы: здравоохранение, образование, социальную поддержку неимущих. Предметом данной статьи станут нормативно-правовые акты об учреждении благотворительных стипендий в пользу обучающихся в высших и средних учебных заведениях Российской империи второй половины XIX в. В качестве источников для проведения исследования были использованы указы, положения и правила об учреждении именных благотворительных стипендий, опубликованные в Полном Собрании законов Российской империи за период с 1855 по 1900 г.

¹ Учреждения для управления губерний всероссийской Империи. М., 1775. С.155.

² Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века: «Приступить к учреждению ... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» // Мат-лы XXII Общерос. ежегодной богословской науч. конф., организуемой Свято-Тихоновским богословским университетом. М., 2013. С. 215.

³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 34. № 27199. О пожертвованиях в пользу Богоугодных заведений и об употреблении оных согласно волею жертвователей.

В исследовании использованы материалы делопроизводства отдельных учебных заведений, в которых были учреждены благотворительные стипендии.

Благотворительная деятельность в сфере народного просвещения в Российской империи как в столице, так и в регионах неоднократно становилась предметом исследования историков⁴. С принятием в 2006 г. ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» российские историки обратились к изучению «вечных вкладов» как составной части российской дореволюционной культуры благотворительности⁵. Целевые пожертвования на учреждение благотворительных стипендий в XIX – начале XX в. попадали в поле зрения отдельных региональных исследователей⁶, но еще не стали предметом пристального анализа. В настоящей статье поставлена цель изучить правовые документы и практики по формированию целевых капиталов для учреждения благотворительных стипендий в учебных заведениях Российской империи второй половины XIX в.

Для выяснения причин, почему студенты и учащиеся российских учебных заведений в XIX в. нуждались в благотворительной поддержке со стороны частных лиц, следует изучить, на каких принципах строилась система народного образования в России в рассматриваемый период.

Согласно Положению об учреждении Министерства народного просвещения, подписанному Александром I в 1802 г., образование в России могли получать все подданные независимо от сословной принадлежности. Но обучение было платным, и это становилось серьезным препятствием для большинства представителей непривилегированных слоев населения.

С момента учреждения первых университетов государство выделяло места для обучения незначительного количества студентов за счет казны. В результате в университетах Российской империи получали образование студенты казеннокоштные (обучались за счет казны) и своекоштные, т.е. те, кто самостоятельно оплачивал обучение и собственное содержание в период учебы. В 1830-х гг. казеннокоштные студенты получали полное государственное довольствие в размере, доходившем до 500 руб. в год⁷. Эта сумма расходовалась не только на оплату обучения, но и на содержание в общежитии, питание, покупку сезонной одежды и писчебумажных принадлежностей и даже выделялись небольшие средства на карманные расходы. Из четырех утвержденных в XIX в. университетских уставов только в Уставах 1863 г. и 1884 г. был указан размер оплаты обучения. Согласно Университетскому уставу 1863 г., годовая оплата обучения составляла 50 руб. в столичных и 40 руб. в прочих городах⁸. Университетский устав 1884 г. предусматривал оплату в 10 руб. в год

⁴ Антонова Ю.В. Благотворительность в сфере образования в Тульской губернии на рубеже XIX–XX вв. (К истории вопроса) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. № 4. С. 127–135; Скоп А.В. Меценатство и благотворительность в отечественном образовании XIX–XX веков. М., 2004; Шиловский М.В. Специфика благотворительности в сфере образования дореволюционного периода в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 161–164; Ульянова Г.Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету. XIX – начало XX в. // Экономическая история. Ежегодник. М., 2004. С. 371–399.

⁵ Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX в.) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4 (28). С. 42–58; Лезина О.В., Терновая Л.О. Университеты и благотворители // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 178. С. 20–28; Maslova I.V., Krapotkina I.E., Saifullova R.R. Charity and Development of Public Education in the Russian Province in Second Half XIX – Early XX Century // Revista Publicando. 2017. Vol. 4, No. 13 (2). P. 429–436.

⁶ Литвинова И.Н. Благотворительные практики провинциального общества в начале XX века (на примере Царицына) [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 11. С. 2267–2271. URL: <https://manuscript-journal.ru/article/mns20210435/fulltext> (дата обращения: 21.06.2024); Рогушкина Е.В., Савина А.Ю. Именные стипендии в Ростовской гимназии имени А.Л. Кекина в первое десятилетие ее существования // История и культура Ростовской земли: мат-лы науч. конф. (Ростов-на-Дону, 10–12 ноября 2008 г.). Ростов н/Д, 2009. С. 214–219.

⁷ Гриценко А.И. Бытовые условия жизни казенных студентов Московского университета середины XIX в. в зеркале административных документов // Клио. 2024. № 3 (207). С. 133.

⁸ Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901.

«за слушание лекций» и «участие в практических занятиях», кроме этого, взималась «особая плата в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководством которых студент или слушатель желает пользоваться, в размере применительно к норме одного рубля за недельный час в полугодие»⁹.

Согласно Университетскому уставу 1884 г., студенты, находившиеся на государственном обучении, назывались обладателями казенных стипендий. В зависимости от того, на какой факультет выделялась казенная стипендия, она могла называться медицинской, педагогической и т.д. Наибольшее количество казенных стипендий получали медицинские факультеты. Казенные стипендии могли быть перераспределены из одного университета в другой. Например, в августе 1879 г. Департамент народного просвещения принял решение о переводе освободившихся в Казанском университете 11 казенных медицинских стипендий: девять стипендий – в академию Военного ведомства и две стипендии – в академию Морского ведомства¹⁰.

Университетами предпринимались меры для того, чтобы казенные студенты работали по профилю получаемой ими специальности. Например, 3 августа 1879 г. Совет Казанского университета постановил, чтобы студенты, получавшие казенные педагогические стипендии и «оставляющие университет до окончания курса», отбывали обязательную службу в училищах низшего разряда Министерства народного просвещения или возвращали в казну «полученную ими в стипендию сумму»¹¹.

Казенные стипендии в XIX в. в российских университетах учреждались для решения разных государственных и общественных задач. Так, часть казенных стипендий в Казанском университете выдавалась для подготовки специалистов из Сибири. Сибирь нуждалась «в хорошо образованных чиновниках, и для отращения этого недостатка необходимо или переводить чиновников из внутренних губерний, что сопряжено со многими неудобствами и весьма значительными расходами, или же давать средства тамошним уроженцам приобретать необходимое образование для службы на месте, признаем <...> весьма полезным открыть молодым людям, с успехом кончившим курс в сибирских гимназиях, средство получить за счет казны высшее образование в Казанском университете, дабы посвятить себя исключительно службе в Сибири»¹². В результате в Казанском университете за казенный счет обучались 28 студентов из Сибири, на содержание каждого из них казна выделяла 142 руб. 85 ½ коп. В 1862 г. по предложению Сибирского комитета было принято Положение об увеличении размера содержания, производимого назначенным для воспитания в Казанском университете 28 сибирским стипендиатам: размер казенной стипендии сибирским студентам увеличивался до 200 руб. в год, но при этом оговаривалось, что размеры остальных казенных стипендий остаются неизменными¹³.

Рис. 1. Епархиальное женское училище имени Стахеевых в Елабуге. Открытка конца XIX в.

⁹ Общий устав Императорских российских университетов // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. Т. 4. № 2404.

¹⁰ Протоколы заседаний Совета Казанского университета в 1879 г. 4–22 сентября // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. 1880. Т. XLVII. С. 48.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Об отпуске из казны суммы на содержание в Казанском университете стипендиатов для службы в Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXIII. № 33962.

¹³ Об отпуске из казны суммы на содержание в Казанском университете стипендиатов для службы в Сибири, об увеличении размера содержания, производимого назначенным для воспитания в Казанском университете 28-ми Сибирским стипендиатам // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. № 39991.

Незначительная часть студентов в период обучения в университетах находилась на собственном содержании (коште) и называлась своекоштными.

Востребованность общества в образованных кадрах в самых разных сферах приводила к тому, что стали распространяться практики благотворительных стипендий. Подобные стипендии могли быть учреждены юридическими и физическими лицами в форме целевых капиталов.

Например, Оренбургское казачье войско обеспечивало стипендией земляков для обучения в Московском и Казанском университетах в размере 300 руб. в год, но сверх того каждый стипендиат получал на жизнь в Москве 50 руб., а в Казани 40 руб. в год¹⁴.

Целевые капиталы («вечные вклады») для учреждения благотворительных стипендий могли формироваться разными способами: путем единовременного пожертвования отдельным человеком, посредством благотворительной подписки, за счет средств от благотворительных концертов и лотерей и т.д.

Жертвователю, пожелавшему учредить стипендию в учебном заведении, должен был внести некую сумму в форме неприкосновенного капитала, проценты с которой могли бы обеспечивать выплату этой стипендии в полном объеме. Затем разрабатывалось Положение о стипендии, в котором прописывались размеры неприкосновенного капитала, размеры стипендии, условия ее получения и др.

Приведем пример, когда К.И. Менде в 1870 г. в Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии учредил именную стипендию. Карл Иванович Менде, доктор медицины, действительный тайный советник, согласно послужному списку состоял членом Совещательного совета Министерства внутренних дел и почетным членом Военно-медицинского ученого комитета, с 1874 г. служил в чине второго класса с жалованием 6 547 руб. 3 коп. в год¹⁵. На учреждение стипендии своего имени жертвователю выделил капитал в 6 тыс. руб., который разместил в свидетельствах Государственного банка под 5,5 %. Ежегодный доход, составлявший 330 руб., распределялся следующим образом: 300 руб. шли на выплату стипендии, а 30 руб., равно как и остатки, «образующиеся от незачисления стипендии, вносятся ежегодно в кредитное установление в виде вклада для приращения процентами»¹⁶. То есть в том случае, если достойного кандидата на получение стипендии не было, сумма невыплаченной стипендии добавлялась к неприкосновенному капиталу. Кандидатуру стипендиата из числа своекоштных студентов выбирала Конференция академии (в современном понимании — Ученый совет). Претендовать на стипендию мог студент, имеющий академические успехи и проучившийся в академии не менее года. Так как К.И. Менде более 10 лет возглавлял Медицинский департамент Морского министерства, он включил в Положение дополнительное требование, чтобы стипендиат был из сыновей врачей или служащих по морскому ведомству. По окончании обучения и получении степени лекаря стипендиату выдавалась «на экипировку сумма, составившаяся из ежегодных остатков в 30 рублей, с наросшими на них процентами за четыре года»¹⁷. На стипендиата

Рис. 2. Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия. Открытка конца XIX в.

¹⁴ О размере стипендий воспитанникам Казанской гимназии из уроженцев Оренбургского казачьего войска по поступлении их в университеты // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XL. № 42572.

¹⁵ Карл Иванович Менде // Список гражданским чинам первых трех классов. СПб., 1874. С. 71–72.

¹⁶ Положение от стипендии тайного советника Карла Ивановича Менде // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLIV. № 48100.

¹⁷ Там же.

не возлагалось никаких обязательств по отработке «обязательной службы» после окончания академии.

В том случае если стипендиат имел нарекания к поведению или учебе, его могли «сместить со стипендии». Понимая материальные сложности своекоштных студентов, К.И. Менде распорядился, чтобы суммы, полученные от процентов с неприкосновенного капитала, превышающие вышеупомянутые расходы, шли на назначение единовременных пособий нуждающимся достойным студентам, не получавшим стипендии. Предусмотрел жертвователь и дальнейшие действия по инвестированию неприкосновенного капитала. После погашения свидетельств Государственного банка Академия должна была приобрести другие государственные процентные бумаги, которые окажутся наиболее выгодными.

В 1874 г. К.И. Менде выступил с новой благотворительной инициативой об учреждении стипендии своего имени для слушательниц Особого женского курса для образования ученых акушеров при Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Жертвователь передал в ведение Академии капитал в размере 5 500 руб. в закладных листах Земского банка Херсонской губернии, приносящих ежегодно 5,5 %. Но проценты, получаемые с этих капиталов каждые полгода (1 марта и 1 сентября), «должны быть доставляемы учредителю по день его смерти». То есть, согласно воле К.И. Менде, при его жизни проценты с неприкосновенного капитала поступали в его личное распоряжение. В том случае если закладные листы были бы погашены при жизни К.И. Менде, то он лично должен был принять решение, в какие ценные бумаги следует инвестировать целевой капитал. Если же ценные бумаги будут погашены после его смерти, то решение об инвестировании этих средств возлагалось на Академию. После смерти К.И. Менде «ежегодные проценты с внесенного им капитала имеют быть выдаваемы, в виде стипендии, одной из слушательниц Особого женского курса при Академии по 300 руб. в год, которая будет именоваться стипендиаткою тайного советника Карла Ивановича Менде»¹⁸.

Таким образом, законодательство не ограничивало жертвователя в принципах и правилах выплаты стипендии, единственное обязательное условие – она должна была быть обеспечена процентами с неприкосновенного капитала. Этот случай интересен еще и тем, что жертвователь пожелал, чтобы целевой капитал был объявлен собственностью именно Особого женского курса и не мог быть использован на выплату стипендий на других отделениях Академии. Поэтому учредитель стипендии подробно предусмотрел, как следует распоряжаться целевым капиталом в случае изменения статуса или закрытия Особых женских курсов. В том случае если женские курсы были бы переведены в состав другого высшего учебного заведения или было бы создано самостоятельное образовательное учреждение для женщин-акушеров, целевой капитал должен был быть передан ему. Если бы было принято решение о закрытии Особых женских курсов, целевой капитал предполагалось оставить в распоряжении Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, а на проценты с него должна была бы открыться вторая стипендия К.И. Менде для содержания одного из студентов на основании Положения 1870 г.

Примером коллективного сбора средств на учреждение благотворительной стипендии служит «Положение о стипендии покойного лейб-медика тайного советника И.В. Енохина», учрежденной в 1866 г. в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Неприкосновенный капитал в размере 6 369 руб. 40 $\frac{3}{4}$ коп. серебром был собран членами военно-медицинского ведомства и инвестирован в процентные бумаги, гарантированные правительством. Процентные бумаги хранились в государственном казначействе в качестве «специальных сумм» (целевой капитал) Военно-медицинского департамента. «Подготовив» целевой благотворительный капитал, Военно-медицинский департамент обратился в учебное заведение с просьбой об учреждении в нем именной стипендии. Ученый комитет Медико-хирургической академии разработал проект положения о стипендии, учитывая пожелания жертвователей. Проект документа был отправлен на утверждение профильного (Военного)

¹⁸ Положение от стипендии тайного советника Менде // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLIX. № 53070.

министерства и далее поступил на утверждение императору. Таким образом, Положения о благотворительных стипендиях могли утверждаться не только Министерством народного просвещения, но и другими министерствами.

Основной раздел Положения гласил: «На причитающиеся с капитала проценты содержится постоянно один воспитанник в Императорской С.-Петербургской медико-хирургической академии под названием стипендиата лейб-медика Енохина»¹⁹. Стипендия назначалась за академические успехи студенту, окончившему второй курс. Но существовали специальные требования к кандидатуре стипендиата: он должен был быть русским подданным и сыном врача, ветеринара или фармацевта. На содержание стипендиата назначалась равная с казеннокоштными студентами сумма в 300 руб. в год. Военно-медицинский департамент перечислял оплату за обучение два раза в год. В том случае если годовые проценты превышали размер стипендии, средства присоединялись к неприкосновенному капиталу для того, чтобы можно было сформировать капитал, достаточный для назначения второй стипендии. «Стипендиату по получении звания врача предоставляется, по его усмотрению, вступить или нет на государственную службу». Но при поступлении стипендиата на службу в его послужной список вносилась запись о том, что он состоял стипендиатом лейб-медика Енохина.

Активность профессиональных сообществ по учреждению благотворительных стипендий была вызвана не только потребностью в специалистах с высшим образованием, но и играла роль своего рода внутренней социальной поддержки. В 1866 г. корпус инженеров путей сообщения выступил с инициативой о сборе средств на учреждение благотворительной стипендии в профильном институте в честь «чудесного спасения от злодейского покушения на жизнь Его Императорского Величества». В разработанных Правилах о стипендии оговаривалось, что «исключительное право на получение стипендии имеют сыновья инженеров путей сообщения, как состоящих на службе, так и находящихся в отставке или умерших»²⁰. Студент мог быть лишен стипендии только в том случае, если бы имел академические задолженности и взыскания от руководства института. В Правилах прописывалась процедура утверждения стипендиатов: по итогам вступительных испытаний Конфедерация института направляла министру кандидатуру претендента на стипендию. В том случае если «ни в числе поступающих, ни в числе учащихся не будет лиц, которым стипендия могла бы быть присуждена, то она присоединяется к капиталу»²¹.

Практика учреждения благотворительных стипендий, зародившаяся в высших учебных заведениях России в середине 1860-х гг., получила распространение и в средних учебных заведениях. Эволюцию образовательных эндаументов в Российской империи в период с 1855 по 1881 г. иллюстрирует табл. 1.

Данные, приведенные в табл. 1, отражают общую картину, но не могут считаться абсолютно точными по целому ряду причин. Во-первых, в законодательстве не было единого способа юридического закрепления норм по учреждению благотворительных стипендий. В законодательном акте могли закрепляться: «учреждение именной стипендии», «Положение о благотворительной стипендии», «передача капитала в пользу учреждения стипендии», «указы об открытии подписки на стипендию». Во-вторых, внутренняя структура подобных законодательных актов также не отличалась единообразием. В большинстве случаев указывался размер неприкосновенного капитала и оговаривалось, сколько стипендий должно быть учреждено. Но были случаи, когда указывался размер неприкосновенного капитала без точного указания числа стипендий и учебного заведения, в котором она должна быть учреждена. В-третьих, размеры выплат на одну стипендию не были четко закреплены. Например, в 1875 г. суммы, пожертвованные на одну благотворительную стипендию, в разных гимназиях и прогимназиях могли колебаться от 300 до 3 тыс. руб.²²

¹⁹ Положение о стипендии покойного лейб-медика тайного ссоветника И.В. Енохина // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLI. № 43260.

²⁰ Правила о стипендии 4 апреля 1866 года в Институте инженеров путей сообщения // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLIII. № 46567.

²¹ Там же.

Таблица 1

Количество благотворительных стипендий, учрежденных
в учебных заведениях Российской империи в период правления Александра II

Год	Благотворительные стипендии в высших учебных заведениях			Благотворительные стипендии в средних учебных заведениях			Общее количество благотвори- тельных стипен- дий за год
	учреж- денные за счет средств физиче- ских лиц	учрежденные за счет средств юридических лиц, общественных организаций и собранных по подписке	Всего	учрежденные за счет средств физических лиц	учрежденные за счет средств юридических лиц, общественных организаций и собранных по подписке	Всего	
1855	1	1	2	–	–	–	2
1856	1	3	4	–	–	–	4
1857	–	7	7	–	–	–	7
1858	4	–	4	3	–	3	7
1859	–	–	–	1	–	–	1
1860	2	10	12	–	–	–	12
1861	4	15	19	1	–	–	20
1862	4	14	18	2	1	3	21
1863	3	–	3	–	–	–	3
1864	6	30	36	2	1	3	39
1865	9	7	16	8	6	14	30
1866	6	16	22	13	8	21	43
1867	11	14	25	13	19	32	57
1868	17	4	21	20	12	32	53
1869	10	17	27	13	40	53	80
1870	15	8	23	17	37	54	77
1871	5	22	27	27	38	65	87
1872	11	31	41	46	57	103	149
1873	17	24	41	31	56	87	128
1874	28	13	41	43	65	108	149
1875	12	23	35	27	158	185	220
1876	19	18	37	35	121	156	193
1877	18	18	36	32	28	60	96
1878	19	11	30	79	63	142	172
1879	30	32	62	55	94	149	211
1880	31	26	57	104	192	296	353
01.01– 01.03. 1881	3	2	5	13	11	24	29

Составлено по: ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 30–55.

С развитием образовательных эндаументов стала формироваться законодательная база, регулировавшая эту сферу гражданско-правовых отношений. В 1876 г. был издан указ, согласно которому процентные бумаги, в которые помещен неприкосновенный капитал для

²² Об учреждении стипендии при Троицкой гимназии // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. L. № 54883; Об учреждении стипендии в Харьковской мужской прогимназии // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. L. № 54887.

учреждения именной стипендии, должны были размещаться в Государственном банке. Этим указом благотворительные стипендии разделялись на два вида: 1) постоянные (именные), обеспечиваемые неприкосновенным капиталом; 2) временные, обеспечиваемые за счет ежегодных или срочных взносов общественных учреждений и частных лиц²³. А с 1879 г. была введена практика учреждения именных стипендий за счет процентов с капиталов, обеспеченных земельной собственностью²⁴.

В условиях быстрого наращивания промышленного потенциала в Российской империи второй половины XIX в. первоочередной задачей образования стала подготовка специалистов новой генерации, что повлекло активное развитие системы среднего профессионального образования. Эти процессы привели к появлению образовательных целевых капиталов, пожертвованных представителями того или иного профессионального сообщества. 5 февраля 1876 г. императором было утверждено «Положение о капитале имени генерал-адъютанта графа Федора Логгиновича Гейдена»²⁵. Служащие Генерального штаба, Корпуса военных топографов и Главного штаба по добровольной подписке собрали 7 тыс. руб., которые, согласно Положению, должны были быть переведены в процентные бумаги и оставаться неприкосновенными. Проценты с этого капитала следовало расходовать на ежегодную оплату обучения в средних учебных заведениях детей «недостаточных офицеров» Генерального штаба, Корпуса военных топографов и Главного штаба. Выбор кандидатур на получение благотворительной помощи возлагался на генерал-адъютанта Ф.Л. Гейдена, а после его смерти – на преемника по должности.

Земства, принимавшие активное участие в развитии системы народного просвещения, также выступали учредителями стипендий на обучение. В марте 1879 г. Вологодское губернское земское собрание пожертвовало неприкосновенный капитал 1 500 руб. в форме двух билетов Государственного банка 1-го выпуска на учреждение одной стипендии при Вологодской мужской гимназии «в память выздоровления Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича»²⁶.

Стипендия могла быть частью коммеморативных практик, направленных на сохранение коллективной памяти о значимых событиях и личностях. Например, в память о подвигах лейб-гвардии драгунского полка в Русско-турецкой компании 1877–1878 гг. педагогический совет Новгородской гимназии собрал по добровольной подписке 350 руб., которые были инвестированы в облигации, а проценты направлены на учреждение одной стипендии для учащихся гимназии²⁷.

Итак, благотворительные стипендии во второй половине XIX в. учреждались на проценты от дохода с целевых капиталов и направлялись как на оплату обучения, так и на содержание обучающегося во время учебы. С 1876 г. благотворительные стипендии делились на постоянные (именные), содержание которых обеспечивалось эндаументами, и временные, обеспечиваемые за счет ежегодных или срочных взносов общественных учреждений и частных лиц.

Целевые капиталы инвестировали в подавляющем большинстве случаев в государственные процентные бумаги, которые с 1876 г., согласно российскому законодательству, должны были находиться в Государственном банке. Право распоряжения этими ценными бумагами (погашения, повторного инвестирования) передавалось учебному заведению, в котором учреждалась стипендия. Коллегиальным органом образовательного учреждения вырабатывался проект положения о благотворительной стипендии (с учетом пожеланий учредителя), который, пройдя длительную процедуру согласований (губернатор,

²³ О присвоении учреждаемым по учебным заведениям стипендиям наименований лишь при условии обеспечения таких стипендий капиталами // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. LI. № 56006.

²⁴ Об учреждении именных стипендий за счет пожертвований, обеспеченных в ипотеках на земельную собственность // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. LIV. № 59607.

²⁵ Высочайше утвержденное положение о капитале имени генерал-адъютанта графа Федора Логгиновича Гейдена // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XL. № 55547.

²⁶ Об учреждении стипендии при Вологодской мужской гимназии // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLIV. № 59378.

²⁷ Об учреждении стипендии при Новгородской гимназии // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLIV. № 59379.

Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения), поступал на утверждение императору. В том случае если с инициативой учреждения стипендии выступали служащие конкретного государственного департамента или ведомства, проект положения о стипендии поступал в профильное министерство, а затем в канцелярию императора. Целевые капиталы, собранные служащими государственных ведомств, могли храниться в Государственном казначействе в виде специальных сумм конкретного департамента и два раза в год перечислялись в пользу учебного заведения на содержание стипендиата.

Рост пожертвований в форме благотворительных стипендий во второй половине XIX в. был вызван: во-первых, повышением роли и значения образования, формированием системы народного просвещения и потребностью общества в образованных работниках; во-вторых, необходимостью оплачивать не только обучение, но и содержание обучающегося во время учебы; в-третьих, потребностью решать проблему подготовки квалифицированных кадров в конкретном регионе за счет средств местных жертвователей.

Классифицируя благотворительные стипендии соответственно мотиву их учреждения, можно выделить основные четыре группы: стипендии, учрежденные в память о знаменательных событиях и людях, т.е. своеобразные практики коммеморации; стипендии, учрежденные в честь императора и членов императорской семьи, демонстрировавшие верноподданнические чувства; стипендии, носящие имя жертвователя, выступавшие продолжением традиции «вечных поминовений» в церкви; стипендии, учрежденные с целью оказания социальной помощи семьям профессионального, социального, конфессионального сообщества, собравшего благотворительные средства.

В целом формирование системы целевых вкладов в системе российского образования XIX в. способствовало устойчивому развитию образовательной среды не только в центральной части, но и в отдаленных регионах Российской империи. Исторический анализ образовательных эндаументов создает условия для донесения информации о национальных традициях целевых капиталов в российской благотворительности, поддержку внедрения дореволюционного опыта филантропии в современные практики регионов.

Литература

Антонова Ю.В. Благотворительность в сфере образования в Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. (К истории вопроса) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. № 4. С. 127–135.

Гриценко А.И. Бытовые условия жизни казенных студентов Московского университета середины XIX в. в зеркале административных документов // Клио. 2024. № 3 (207). С. 132–137.

Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX в.) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4 (28). С. 42–58.

Лезина О.В., Терновая Л.О. Университеты и благотворители // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 178. С. 20–28.

Литвинова И.Н. Благотворительные практики провинциального общества в начале XX века (на примере Царицина) [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 11. С. 2267–2271. URL: <https://manuscript-journal.ru/article/mns20210435/fulltext> (дата обращения: 21.06.2024).

Рогушкина Е.В., Савина А.Ю. Именные стипендии в Ростовской гимназии имени А.Л. Кекина в первое десятилетие ее существования // История и культура Ростовской земли: мат-лы науч. конф. (Ростов-на-Дону, 10–12 ноября 2008 г.). Ростов н/Д, 2009. С. 214–219.

Скоч А.В. Меценатство и благотворительность в отечественном образовании XIX–XX веков. М.: СЭ-Пресс, 2004. 332 с.

Ульянова Г.Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету. XIX – начало XX в. // Экономическая история. Ежегодник. М., 2004. С. 371–399.

Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века: «Приступать к учреждению ... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» // Мат-лы XXII Общерос. ежегодной богословской науч. конф., организуемой Свято-Тихоновским богословским университетом. М., 2013. С. 215–218.

Шиловский М.В. Специфика благотворительности в сфере образования дореволюционного периода в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 161–164.

Maslova I.V., Krapotkina I.E., Saifullova R.R. Charity and Development of Public Education in the Russian Province in Second Half 19th – Early 20th Century // Revista Publicando. 2017. Vol. 4, No. 13 (2). P. 429–436.

References

Antonova, Yu.V. (2022). Blagotvoritel'nost' v sfere obrazovaniya v Tul'skoy gubernii na rubezhe XIX – XX vv. (K istorii voprosa) [Charity in the Field of Education in the Tula Province at the Turn of the 19th – 20th Centuries (To the History of the Issue)]. In *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. No. 4, pp. 127–135.

Gritsenko, A.I. (2024). Bytovye usloviya zhizni kazennykh studentov Moskovskogo universiteta serediny XIX v. v zerkale administrativnykh dokumentov [Living Conditions of the Moscow University Students Awarded Financial Aid from the Government in the Mid-19th Century in the Mirror of Administrative Documents]. In *Klio*. No. 3 (207), pp. 132–137.

Komleva, E.V. (2022). “S kapitala, navsegda im pozhertvovannogo...”: endaumenty v kupecheskoy srede Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [“From the Capital Donated by Him Forever...”: Endowments in the Merchant Environment of Siberia (19th – Early 20th Centuries)]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. Vol. 7, No. 4 (28), pp. 42–58.

Litvinova, I.N. (2021). Blagotvoritel'nye praktiki provintsial'nogo obshchestva v nachale XX veka (na primere Tsaritsina) [Charitable Practices of Provincial Society at the Beginning of the 20th Century (On the Example of Tsaritsyn)]. In *Manuskript*. Vol. 14, No. 11, pp. 2267–2271. [Available at:]. URL: <https://manuscript-journal.ru/article/mns20210435/fulltext> (date of access 21.06.2024).

Maslova, I.V., Krapotkina, I.E., Saifullova, R.R. (2017). Charity and Development of Public Education in the Russian Province in Second Half of the 19th – Early 20th Century. In *Revista Publicando*. Vol. 4, No. 13. (2), pp. 429–436.

Rogushkina, E.V., Savina, A.Yu. (2009). Imennye stipendii v Rostovskoy gimnazii imeni A.L. Kekina v pervoe desyatiletie ee sushchestvovaniya [Named Scholarships at the Rostov Gymnasium named after A.L. Kekin in the First Decade of Its Existence]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli: materialy nauchnoy konferentsii*. Rostov-na-Donu, pp. 214–219.

Shilovskiy, M.V. (2018). Spetsifika blagotvoritel'nosti v sfere obrazovaniya dorevolutsionnogo perioda v gorodakh Sibiri [Specifics of Charity in the Field of Education of the Pre-Revolutionary Period in the Cities of Siberia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 437, pp. 161–164.

Skoch, A.V. (2004). *Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' v otechestvennom obrazovanii XIX – XX vekov* [Patronage and Charity in Domestic Education in the 19th–20th Centuries]. Moscow, SE-Press. 332 p.

Ul'yanova, G.N. (2004). Blagotvoritel'nye pozhertvovaniya Moskovskomu universitetu. XIX – nachalo XX v. [Charitable Donations to Moscow University. 19th – Early 20th Centuries]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow, pp. 371–399.

Ul'yanova, G.N. (2013). Tselevye fondy v finansirovanii blagotvoritel'nosti v Rossii XIX veka: “Pristupat' k uchrezhdeniyu... zavedeniy togda tol'ko, kogda k soderzhaniyu ikh naznacheny budut dostatochnye sredstva” [Trust Funds in Financing Charity in 19th-Century Russia: “To Start Establishing... Institutions Only When Sufficient Funds Are Allocated for Their Maintenance”]. In *Materialy XXII Obshcherossiyskoy yezhegodnoy bogoslovskoy nauchnoy konferentsii, organizuемой Свято-Тихоновским богословским университетом*. Moscow, pp. 215–218.

Е.С. Бутрин *

**«ВЕЧНЫЕ ВКЛАДЫ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2025-4-3
УДК 364.054.2:37(470.315)"1882/1917"*Выходные данные для цитирования:**Бутрин Е.С. «Вечные вклады» в образовательных учреждениях
Иваново-Вознесенска в конце XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2025.
№ 4 (42). С. 49–64. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-03.pdf>*

E.S. Butrin*

**“ETERNAL DEPOSITS” IN EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF IVANOVVO-VOZNESENSK
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-3

*How to cite:**Butrin E.S. “Eternal Deposits” in Educational Institutions of Ivanovo-Voznesensk
in the Late 19th – Early 20th Century // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 49–64.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-03.pdf>]*

Abstract. The article examines the phenomenon of “eternal contributions” in educational institutions using the example of Ivanovo-Voznesensk, one of the fastest-growing cities in the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries. By analyzing statistical data and official records from educational institutions, the article reveals the dynamics of student enrollment and characterizes their social composition. The author emphasizes the importance of the activities of special societies for helping poor students, but at the same time draws attention to the fact that they mostly provided students with textbooks, writing utensils, and cheap meals, as well as dormitories. The city authorities were the first to take care of paying for the education of children from low-income families: by 1916, they allocated funds from the budget to support 50 students annually. Starting in 1882, the phenomenon of “eternal deposits” emerged in Ivanovo-Voznesensk; the interest from these deposits provided scholarships for “underprivileged” students. The period of establishment of educational endowments in the city lasted from 1882 to 1896. It was characterized by a limited number of deposits, most of which were established by the city authorities or school trustees in honor of various individuals’ anniversaries or significant national events. New trends in the development of scholarship funds emerged in the late 1890s, when the city’s business and industrial elite became involved in this endeavor, and scholarships were established by private individuals, commercial firms, and public institutions. Many of these scholarships were of a “memorial” nature, established to honor the memory of a deceased individual. The severe emotional turmoil and rapid inflation during the First World War did not lead to a decrease in charity, but rather to an increase, creating a kind of “scholarship fever” in 1915–1917.

Keywords: Ivanovo-Voznesensk, secondary education, “eternal deposit”, scholarship, charity, First World War.

*The article has been received by the editor on 23.01.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье на примере г. Иваново-Вознесенска – одного из самых быстро развивающихся в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. – рассматривается феномен «вечных вкладов» в образовательных учреждениях. Обращение

* **Егор Сергеевич Бутрин**, кандидат исторических наук, Государственный архив Ивановской области, Иваново, Россия, e-mail: esbutrin@yandex.ru

Egor Sergeevich Butrin, Candidate of Historical Sciences, State Archive of the Ivanovo Region, Ivanovo, Russia, e-mail: esbutrin@yandex.ru

к статистическим материалам и делопроизводственной документации учебных заведений позволило выявить динамику численности учащихся, охарактеризовать их социальный состав. Подчеркнуто значение деятельности специальных обществ помощи бедным ученикам, однако они преимущественно прибегали к оказанию помощи «натурой»: предоставляли обучающимся учебные пособия, письменные принадлежности, дешевые завтраки, общежитие. Первыми же, кто озаботился оплатой обучения детей из малоимущих семей, стали городские власти: к 1916 г. они выделяли ежегодно из бюджета деньги на обеспечение 50 учеников. Начиная с 1882 г. в Иваново-Вознесенске возникает феномен «вечных вкладов», проценты с которых обеспечивали стипендии для «недостаточных» учеников. Период становления образовательных эндаументов в городе пришелся на 1882–1896 гг. Он характеризовался небольшим числом вкладов, большая часть которых учреждалась городскими властями или попечительствами училищ в честь юбилеев разных лиц либо торжественных государственных событий. Новые тенденции в развитии стипендиальных капиталов пришли на конец 1890-х гг., когда в это дело включается торгово-промышленная элита города: стипендии учреждаются частными лицами, торговыми фирмами, общественными учреждениями. Значительная их часть носит «мемориальный» характер и появляется с целью увековечить имя умершего лица. Тяжелые эмоциональные потрясения и стремительная инфляция в годы Первой мировой войны приводят отнюдь не к сворачиванию благотворительности, а, напротив, к ее росту, порождая своего рода «стипендиальную лихорадку» в 1915–1917 гг.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенск, среднее образование, «вечный вклад», стипендия, благотворительность, Первая мировая война.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.

История развития образовательных эндаументов в Российской империи в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей. Среди посвященных этой теме работ можно назвать статьи А.Л. Михашенко, Е.А. Сорокиной, Н.В. Слугиной, Е.В. Комлевой, И.В. Масловой, И.Н. Литвиновой, А.И. Клиниченко, Е.В. Рогушкиной и А.Ю. Савиной¹. Все перечисленные работы отличаются тем, что посвящены постановке проблемы исключительно на региональном аспекте: учебного округа (А.И. Клиничский), губернии (Н.В. Слугина), города (И.Н. Литвинова) и даже отдельной гимназии (Е.В. Рогушкина и А.Ю. Савина). Причем обычно образовательные эндаументы рассматриваются в совокупности с другими формами благотворительной деятельности: единовременными пожертвованиями, работой

¹ Михашенко А.Л. Пожертвования и социальная помощь обучающимся в Южном Зауралье: досоветский период // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17. С. 83–87; Сорокина Е.А. Благотворительность в школах Зауралья во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 84–90; Слугина Н.В. Дореволюционная благотворительность в области образования и просвещения в Тульской губернии: региональные особенности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 1-2. С. 358–367; Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начала XX вв.) // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 4. С. 42–58; Маслова И.В. Эффективная филантропия в сфере образования в России: дореволюционная и современная практика // ЭКО. 2023. № 6. С. 177–192; Литвинова И.Н. Благотворительные практики провинциального общества в начале XX века (на примере Царицына) // Манускрипт. 2021. № 11. С. 2267–2271; Клиничский А.И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX – начала XX вв. // СибСкрипт. 2015. № 1-4. С. 50–54; Клиничский А.И. Благотворительность как фактор развития дореволюционной сибирской школы // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. № 4. С. 7–17; Клиничский А.И. Основные направления в развитии благотворительности мужского гимназического образования Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 66–70; Рогушкина Е.В., Савина А.Ю. Именные стипендии в Ростовской гимназии имени А.Л. Кекина в первое десятилетие ее существования // История и культура Ростовской земли – 2008. Ростов, 2009. С. 214–219.

попечительских организаций и обществ вспомоществования беднейшим ученикам. Различный план берут исследователи и при рассмотрении социального аспекта благотворительности: одни включают в общий контекст абсолютно всех ее участников (государственные органы, органы местного самоуправления, частных лиц), другие – исключительно представителей определенной социальной группы (купечество), третьи ведут речь только об общественных организациях. В результате при обилии работ весьма сложно выявить некоторые общие тенденции развития образовательных эндаументов в Российской империи пореформенной эпохи, особенно учитывая тот факт, что большинство отмеченных исследований посвящено Сибирскому региону, социально-экономическая структура которого сильно отличалась от центра и юга страны.

Некоторое исключение представляют работы А.И. Клиниченко, одна из которых специально посвящена именным стипендиям как форме благотворительности в средней школе Западной Сибири. Автор сравнивает местную ситуацию с развитием феномена стипендиальных капиталов по всей стране и приходит к выводу, что второе десятилетие XX в. «всколыхнуло гражданское общество на помощь неимущим гимназистам и реалистам», связывая этот факт со стремительным ростом численности учебных заведений. Тем интереснее рассмотреть развитие образовательных эндаументов в конце XIX – начале XX в. на материале одного из самых растущих промышленных центров Центральной России в тот период – Иваново-Вознесенска Шуйского уезда Владимирской губернии.

Иваново-Вознесенск – один из самых быстро развивающихся городов Российской империи начала XX в. Свое появление в июле 1871 г. он встретил с населением всего в 10,8 тыс. чел., ко времени Первой всеобщей переписи (январь 1897 г.) в нем насчитывалось уже 54,2 тыс. чел., а к 1911 г. численность жителей достигла 167,7 тыс. чел. Феноменальный рост населения города обеспечивали крупные индустриальные предприятия. Согласно отчету Владимирского губернатора, в 1892 г. в Иваново-Вознесенске действовало 49 промышленных предприятий. На них трудилось 14,4 тыс. рабочих, а общий объем производства достигал 26,4 млн руб. (97,5 % приходилось на текстильное производство)². К 1910 г. численность рабочих крупных предприятий достигла 33 тыс. чел., а объем их производства – 134,2 млн руб.³ Следовательно, большинство «новых граждан» города все же трудились не на фабриках, а в сфере торговли и обслуживания. Быстрый рост населения требовал создания соответствующей инфраструктуры, в том числе и социальной. К 1883 г. в Иваново-Вознесенске насчитывалось девять учебных заведений, в которых занимались 1 184 ученика. Из них два – реальное училище и женская гимназия – относились к средней школе (290 учеников). Обеспечение учебных заведений требовало ассигнований в 53,4 тыс. руб. Большая часть этой суммы (45 %) обеспечивалась правительством, городские власти оплачивали лишь скромные 18 % (9,5 тыс. руб.)⁴. К 1898 г. в Иваново-Вознесенске насчитывалось уже 16 учебных заведений с 2970 учениками. Ассигнования городской думы увеличились в количественном, да и в процентном соотношении (34,6 тыс. руб., или 32 %)⁵.

Резкий рост населения Иваново-Вознесенска в первое десятилетие XX в. стимулировал открытие большого числа начальных училищ. В отчете губернатора за 1905 г. в городе зафиксировано 22 учебных заведения, в которых обучалось 4 064 чел. (2 506 мальчиков и 1 558 девочек). Из них к числу средних относились мужское реальное училище, открытое в 1873 г. (470 чел.), школа колористов при нем, появившаяся в 1896 г. (34 чел.), и женская гимназия, существовавшая с 1877 г. (591 чел.). Промежуточную ступень между начальными школами и средними учебными заведениями занимало шестиклассное городское училище, открытое еще в 1868 г. как училище «для детей мастеровых и рабочих» (468 чел.).

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2636. Л. 27–28.

³ Обзор Владимирской губернии за 1910 год; приложение к всеподданнейшему отчету владимирского губернатора. Владимир, 1911. С. 94.

⁴ Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Шуя, 1885. Ч. 2. С. 81–82.

⁵ Иваново-Вознесенское низшее механико-техническое училище (1894–1899). Иваново-Вознесенск, 1899. С. 16–17.

В нем, кроме обычного школьного курса, преподавались и специальные дисциплины: бухгалтерия, торгово-промышленное законодательство, черчение, «технические понятия о машинах»⁶. Кроме того, следует отметить несколько профессиональных заведений, открытых в городе на рубеже XIX–XX вв.: низшее механико-техническое училище (1894 г., 159 чел.), ремесленная школа при нем (1901 г., 33 чел.), женская профессиональная школа (1896 г., 103 чел.), рисовальная школа (1898 г., 47 чел.), торговая школа (1901 г., 143 чел.)⁷.

Таким образом, в 1884 г. из 1184 обучающихся 290 (24,5 %) обучались в средних учебных заведениях, а еще 182 чел. (15,4 %) – в профессиональных (в их число включены и воспитанники шестиклассного училища). К 1898 г. процент воспитанников средней школы и «профессионалов» оказался почти равным – по 20,2 % (599 и 600 чел.), а в 1905 г. более четверти учеников (27 %) обучались в средних учебных заведениях, а чуть меньше (23,5 %) – в профессиональных школах. Можно сказать, что на рубеже веков в Иваново-Вознесенске сильно возрастает численность учащихся средней школы и профессиональных учебных заведений. Если по данным на 1884 г. общий их процент колебался в районе 40 % всех обучающихся, то уже в 1905 г. он превышал половину. А вот в дальнейшем городские власти уделили большее значение развитию в Иваново-Вознесенске начального образования. В 1911 г. было задумано в течение восьми лет осуществить в городе проект всеобщего начального обучения, открыв с этой целью 30 новых школьных комплектов (отделений на 50 учеников). Расходы на народное образование с 1911 по 1914 г. были увеличены 75 до 162 тыс. руб.⁸ В отчете городской управы за 1915 г., направленном владимирскому губернатору, в Иваново-Вознесенске отмечено уже 35 учебных заведений (в том числе три частных)⁹. В них обучалось 6891 чел. (3823 муж. пола и 3068 жен. пола). При этом в средних учебных заведениях училось 2397 чел. (34,7 %), а в профессиональных – 978 чел. (14,2 %). Как видим, после «образовательного бума» профессиональных учебных заведений на рубеже XIX–XX вв. растут преимущественно средние и низшие учебные заведения. При этом процент воспитанников средней школы и «профессионалов» сохраняется примерно на уровне половины численности учащихся. Это во многом было достигнуто открытием мужской гимназии (1911 г.) и частных женских гимназий (1906 и 1912 гг.).

Значительное внимание, уделяемое средним и специальным образовательным учреждениям городскими властями, было обусловлено необходимостью в квалифицированных кадрах для предприятий и торговых учреждений. Первым средним учебным заведением, открывшимся в городе, оказалось Иваново-Вознесенское реальное училище, появившееся в сентябре 1873 г. Поскольку прослойка «интеллигентного общества» в Иваново-Вознесенске была крайне тонка, по данным за 1874–1898 гг. большую часть учеников в нем составляли дети купцов и мещан (71 %), а почти 15 % – и вовсе крестьянские дети¹⁰. В связи с этим от учителей нередко приходилось слышать жалобы, что подготовка поступающих в училище детей «достаточно слаба». Следующим средним учебным заведением стала женская гимназия, открытая в городе в январе 1878 г., а последним – мужская гимназия, начавшая работу в сентябре 1909 г. Инициатором ее создания стал преподаватель реального училища С.И. Костровцев. Кроме того, в городе существовало и две частные женские гимназии: в сентябре 1906 г. было открыто учебное заведение М.И. Крамаревской, а в июле 1912 г. – П.А. Диомидовской.

Длительное время в городе не было настоящего профессионального образования, что в последней трети XIX в. стало настоящей головной болью местных фабрикантов. Попытка создания такого учреждения была предпринята еще до создания Иваново-Возне-

⁶ Балдин К.Е. Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX – XX в.). Иваново, 2022. С. 39.

⁷ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4115. Л. 60–60 об.

⁸ Краткий обзор деятельности Иваново-Вознесенского городского общественного управления за 1911–14 гг. Иваново-Вознесенск, 1915. С. 31–34.

⁹ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5341. Л. 1–128.

¹⁰ Краткий отчет за двадцатипятилетие существования Иваново-Вознесенского реального училища (1873–1898). Иваново-Вознесенск, 1898. С. 91.

сенска – в феврале 1868 г. в Вознесенском посаде трудами Я.П. Гарелина открылось училище для мастеровых и рабочих. В январе 1898 г. это учебное заведение было преобразовано в шестиклассное училище, составлявшее среднюю ступень между начальными школами и гимназией. В 1873 г. возникает проект открытия в Иваново-Вознесенске «технической школы», но реализован он оказался лишь два десятилетия спустя – в сентябре 1894 г. появилось Иваново-Вознесенское низшее механико-техническое училище. Его создание положило начало целому ряду школ с профессиональным уклоном. В июне 1896 г. была открыта школа колористов при реальном училище, в феврале 1897 г. – женская профессиональная школа, в феврале 1898 г. – рисовальная школа, в марте 1901 г. – ремесленная школа, и, наконец, в сентябре 1901 г. – торговая школа. Почти все эти учебные заведения были ориентированы на подготовку разных специалистов в области текстильной промышленности: механиков, бухгалтеров, конторщиков, химиков, граверов, слесарей и художников. Исключением была лишь женская профессиональная школа: ее ученицы становились «домашними рукодельницами» (обычно швеями и закройщицами).

В отличие от начальных училищ, пребывание в средних и профессиональных учебных заведениях стоило немалых денег: требовалось приобретение учебных пособий, а также школьной формы. Плата за обучение тоже сильно была по кошельку родителей, особенно из числа малоимущих горожан и крестьян. К 1911 г. она составляла в реальном училище и женской гимназии по 60 руб. в год, в школе колористов и мужской гимназии – по 50 руб., в женской профессиональной и торговой школах – по 30 руб. С скромнее была оплата в механико-техническом училище и ремесленной школе – по 10 руб. в год. А в рисовальной школе она, ввиду «недостаточности» родителей учеников, оказалась и вовсе чисто символической – 2 руб. в год¹¹. Таким образом, наиболее значительной плата была для воспитанников средних учебных заведений, промежуточное положение занимали торговая и женская профессиональные школы, где преимущественно обучались дети мелких служащих. Механико-техническое училище, ремесленная и рисовальная школы должны были обслуживать преимущественно рабочую молодежь.

В стремлении обеспечить лучшее будущее свои отпрыскам родители зачастую стремились перепрыгнуть «социальный порог», направляя детей в учебные заведения, полный курс обучения в которых был им явно не по карману. В результате многие ученики испытывали трудности с покупкой необходимых принадлежностей, одежды и даже с питанием. А начальство учебных заведений ежегодно получало десятки прошений об освобождении от платы за учение. Все это побудило членов попечительских советов и активную общественность города к созданию при крупнейших учебных заведениях Иваново-Вознесенска «обществ вспомоществования беднейшим ученикам». В 1880 г. такое общество открылось при реальном училище, в 1882 г. – при женской гимназии, в 1897 г. – при шестиклассном городском училище, в 1899 г. – при механико-техническом училище, в 1904 г. – при женской профессиональной школе, в 1909 г. – при гимназии М.И. Крамаревской, в 1912 г. – при мужской гимназии. Их участники обычно делились на три категории: попечители, почетные и действительные члены (в зависимости от внесенного в казну общества капитала).

Занимались эти организации самыми разными делами, направленными на облегчение положения «беднейших учеников»: обеспечением формой и обувью, учебниками и письменными принадлежностями, приобретением питания (хлеба, чая, сахара), а также внесением ученической платы за «недостаточных». Некоторые ученики получали субсидии на «стол и квартиру», а наиболее успешные – даже пособия для поступления в высшие учебные заведения. Обеспечивалось таким образом обычно от 10 до 15 чел., а годовой расход Общества вспомоществования составлял от 500 до 1 500 руб. Долгоиграющими проектами оказалось также устройство общежитий для бедных учеников. В реальном училище такой проект возник еще в 1882 г., а в женской гимназии – в 1886 г. Однако реализован был только последний (к 1905 г. в «общей ученической квартире» проживало 20 чел.). Умерший в январе 1907 г. инженер-технолог Л.А. Остроумов завещал реальному училищу участок земли

¹¹ Балдин К.Е. Образовательное пространство... С. 100, 121, 135, 182, 199, 216, 224, 229.

с каменным двухэтажным домом для устройства общежития. Но это должно было случиться лишь после смерти его вдовы Марии Николаевны, которой участок был предоставлен в пожизненное владение¹².

Общество при механико-техническом училище организовало дешевую ученическую столовую. В 1904 г. в ней ежедневно обедали до 50 учеников, в том числе бесплатно получали чай с булками 35 чел. В том же году Общество истратило 674 руб. на «удешевленную продажу ученических пособий и принадлежностей». Пособий «деньгами, обувью и одеждой» было выдано всего на 155,5 руб. (денежной помощью пользовались четыре ученика, вещевой – 5 чел.)¹³. К 1913 г. число обедающих в столовой увеличилось до 100 чел. (бесплатно – 57 чел.). Сумма на выдачу бесплатных учебных пособий составила 684,5 руб., а вот денежного и вещевого вспомоществования более не выдавалось¹⁴. В женской гимназии в 1888 г. плата вносилась за шесть учениц (157,5 руб.), одежды и обуви было куплено на 79 руб. (для 19 чел.), завтраками пользовались 12 девочек (44 руб.), а одна получала содержание в течение всего года (91 руб.)¹⁵. К 1915 г. Общество внесло плату за обучение шести учениц (410 руб.), около 100 руб. истратило на обеспечение девочек платьем и обувью, 250 руб. – на бесплатные завтраки. Зато на летнюю колонию для гимназисток ушло более 1 180 руб. (там за лето побывало в две очереди 38 воспитанниц)¹⁶. В реальном училище Общество в 1888 г. выдавало деньги для оплаты за обучение шести ученикам (120 руб.), «стол и квартира» оплачивались еще девяти ученикам (455 руб.)¹⁷. В 1910 г. Общество оплачивало обучение 14 учеников (675 руб.), еще двоим выдавало денежное пособие (93,75 руб.), а также приобретало книги, чай и сахар для учащихся (на 508 руб.)¹⁸. В профессиональной школе в 1914 г. «на плату за обучение бедных учениц» было истрачено 300 руб., а на приобретение питания и одежды ушло 364,5 руб.¹⁹

Приведенные данные свидетельствуют о том, что Общества вспомоществования стремились преимущественно не к денежному обеспечению (ввиду скудного «расходного фонда»), а к оказанию помощи «натурой»: выдавали учебные пособия, письменные принадлежности, дешевые завтраки, организовывали общежитие и летнюю колонию. В то же время для значительной части родителей оказывалась непосильной именно плата за обучение. Первой на помощь пришла городская дума, которая брала на свой счет оплату обучения части воспитанников средних учебных заведений. Решения о принятии «стипендиатов» принимались по случаю важных событий. В женской гимназии городские власти в январе 1878 г. взяли на содержание пять стипендиаток из числа «беднейших жителей города», в апреле 1884 г. – еще столько же (в память совершеннолетия наследника престола), в ноябре 1894 г. – еще пять учениц, а в мае 1896 г. – еще двух. Несложно догадаться, что последние решения были приурочены к бракосочетанию и коронации «Их Императорских Величеств». Тогда же были приняты решения о выделении стипендий обучавшимся в реальном (7 чел.) и механико-техническом училище (12 чел.).

Новая волна «думских стипендий» пришлось на юбилейные годы: в июле 1912 г. было принято решение «в память Отечественной войны 1812 года» выделить две городские стипендии мужской гимназии и одну – женской²⁰, а в январе 1913 г. трехсотлетие Дома Романовых

¹² ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 705. Л. 76–77.

¹³ Отчет Комитета Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища за 1904 год. Иваново-Вознесенск, 1906. С. 1–4, 7.

¹⁴ Отчет Комитета Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища за 1913 год. Иваново-Вознесенск, 1914. С. 1–4, 7.

¹⁵ Отчет Правления Общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии. Иваново-Вознесенск, 1888. С. 3.

¹⁶ Отчет Правления Общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии с 1 сентября 1914 по 1 сентября 1915 г. Иваново-Вознесенск, 1916. С. 6–7.

¹⁷ ГАИО. Ф. 33. Д. 195. Л. 26.

¹⁸ Отчет Правления общества вспомоществования учащимся в Иваново-Вознесенском реальном училище с 1 августа 1909 по 1 сентября 1910 г. Иваново-Вознесенск, 1910. С. 1.

¹⁹ ГАИО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 61. Л. 3 об.–4.

²⁰ Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1912 год. Владимир, 1914. С. 39.

было решено ознаменовать созданием еще четырех стипендий – в реальном и техническом училищах, а также в мужской и женской гимназиях²¹. Наконец, в январе 1916 г. дума решила почтить память 50-летнего служения М.И. Гарелиной в должности попечительницы Второго женского приходского училища учреждением еще двух стипендий в женской гимназии. Таким образом, к 1911 г. город обеспечивал стипендиями 36 чел. – 17 гимназисток (620 руб.), 7 реалистов (385 руб.) и 12 «техников» (120 руб.)²², а к 1916 г. уже 49 чел. – 21 гимназистку (845 руб.), 3 гимназистов (150 руб.), 8 реалистов (480 руб.) и 17 «техников» (170 руб.)²³. Средства на эти стипендии «в размере годовой платы за обучение общеобразовательным предметам» ежегодно вносились в городскую смету. Правом на стипендии пользовались дети «беднейших жителей города». Просьбы о назначении стипендий родители могли подавать в педсоветы училищ, которые затем направляли их в городскую думу со сведениями об успехах и материальном положении кандидатов, а также с заключением о заслуживающем стипендию лице.

Но наделить такими стипендиями всех желающих было невозможно: число учеников средних учебных заведений постоянно росло, особенно в первое десятилетие XX в. В связи с этим и возникает феномен «вечных вкладов», проценты с которых обеспечивали стипендии для «недостаточных» учеников. Сводных ведомостей об этих капиталах не сохранилось. Они откладывались в канцелярии каждого учебного заведения, но неполная сохранность документов некоторых из них не дает возможности точно установить полный список «вечных вкладов» во всех учебных заведениях города. Хранились капиталы преимущественно в Иваново-Вознесенском казначействе: об их размере можно судить по книге специальных средств казначейства за 1916 г.²⁴ А вот в фондах Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка и Шуйского уездного казначейства, где также сохранялись некоторые стипендиальные капиталы, подобных документов не осталось.

Основные источники, свидетельствующие о вкладчике, размере капиталов, времени их появления и доходности: по реальному училищу и школе колористов – реестр стипендиальных капиталов (сентябрь 1916 г.)²⁵, по низшему механико-техническому училищу и ремесленной школе – донесение попечителю Московского учебного округа о капиталах (январь 1917 г.)²⁶, по мужской и женской гимназиям – их отчеты за 1916 г.²⁷, по торговой школе – отчеты за 1901–1911 гг.²⁸ При этом в отчетах женской гимназии указывается лишь размер капиталов, но не обозначается время их внесения в кассу. И попали в него только стипендии, хранившиеся в Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка. Кроме того, в фондах реального и технического училищ, ремесленной школы, а также мужской и женской гимназий сохранилось 63 дела об учреждении частных стипендий на неприкосновенные капиталы. А по техническому училищу и ремесленной школе имеются также книги стипендиальных капиталов за 1915/16 учебный год²⁹. Эти документы предоставляют сведения о годовом приходе и расходе «вечных вкладов», а также именах получателей стипендии.

Однако приведенные выше данные отнюдь не исчерпывают все сведения об «образовательных капиталах» Иваново-Вознесенска. В отчете городской управы за 1913 г. содержатся сведения о 14 неприкосновенных капиталах, находившихся в распоряжении городской думы. Три из них имеют «образовательный» характер: П.К. Худякова «на выдачу стипендий учащимся в учебных заведениях из детей защитников Порт-Артура», его же «на выдачу

²¹ Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1913 год. Владимир, 1915. С. 285.

²² Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1911 год. Владимир, 1912. С. 29.

²³ Смета доходов и расходов г. Иваново-Вознесенска на 1916 год. Владимир, 1916. С. 182–183.

²⁴ ГАИО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 514. Л. 204 об.–262 об.

²⁵ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 897. Л. 12–14.

²⁶ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 373. Л. 27–28 об.

²⁷ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 167. Л. 18 об.; Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 261. Л. 48–49.

²⁸ Отчет о состоянии Иваново-Вознесенской торговой школы за 1901/02–1907/08 учебные годы. Иваново-Вознесенск, 1908; Отчет о состоянии Иваново-Вознесенской торговой школы за 1908–1911 годы. Иваново-Вознесенск, 1912.

²⁹ ГАИО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 384; Ф. 213. Оп. 1. Д. 59.

стипендий учащимся в высших учебных заведениях» и И.В. Небурчилова «на выдачу стипендий учащимся в местных учебных заведениях»³⁰. Всего «образовательные капиталы» составляли 29 602,92 руб. из общей суммы неприкосновенных капиталов в 410 480,66 руб. На первый взгляд, не так уж и много, но если исключить огромный вклад на обеспечение работы строящейся больницы им. Х.И. и Е.О. Куваевых (300 тыс. руб.), то «образовательные капиталы» составят практически 27 %.

Порт-Артуровский капитал был пожертвован уроженцем Вознесенского посада, профессором Императорского Московского технического училища П.К. Худяковым в 1905 г., но ввиду отсутствия учеников, удовлетворяющих требованиям положения о стипендии (детей участников русско-японской войны), оставался не востребуемым до 1914 г., когда круг кандидатов был расширен до «любых нуждающихся». Сумма капитала выросла с 10 тыс. до 14 тыс. руб., а в 1915 г. управой выдавалось семь стипендий ученикам разных учебных заведений (на 450 руб.). Его же капитал на обучение студентов был учрежден в 1903 г. и также оставался не востребуемым в течение шести лет, поскольку большинство ивановских студентов происходило из семей городской элиты. Капитал с 3 тыс. руб. вырос до 4 тыс. руб., в 1915 г. студенты получали от щедрот благотворителя две стипендии (на 150 руб.)³¹.

Небурчиловский капитал представлял собой часть внушительного наследства почти в 1 млн руб., оставленного И.В. Небурчиловым после своей смерти в апреле 1910 г. в пользу города Иваново-Вознесенска. Душеприказчики умершего решили из этих денег 24 тыс. руб. выделить на «стипендиальные капиталы»: по 4 тыс. руб. ушли на стипендии средним учебным заведениям – реальному училищу, женской и мужской гимназиям и школе колористов, а еще по 2 тыс. руб. – на стипендии низшим школам (механико-техническому училищу, торговой школе, шестиклассному и четырехклассному мужским училищам). Всего из небурчиловских капиталов в 1915 г. обеспечивалось 16 учеников (на 900 руб.). В августе 1915 г. после смерти потомственного почетного гражданина П.А. Акифьева его вдова Анна Сергеевна решила пожертвовать 100 тыс. руб. на нужды Иваново-Вознесенска³². Кроме того, она еще в сентябре 1915 г. просила принять от нее 5 тыс. руб. для учреждения семи стипендий имени умершего мужа при женской профессиональной школе (положение о стипендиях было утверждено 29 января 1916 г.)³³. Аналогичные суммы были ею внесены в стипендиальный капитал реального училища, мужской гимназии, механико-технического училища и ремесленной школы при нем, обойдена вниманием оказалась лишь женская гимназия.

Надо заметить, что практика «вечных вкладов» на стипендии ученикам получила распространение достаточно поздно. Первая подобная стипендия, носившая имя первого директора реального училища И.И. Бордюгова, появилась в 1882 г. Иван Иванович возглавил реальное училище в 1873 г., а в 1882 г. вышел в отставку. Подписной лист среди членов попечительства с целью «почтить память первого директора» училища был пущен на заседании 4 мая 1882 г. По добровольной подписке был собран капитал в 1 200 руб. Наибольшие вклады внесли попечитель училища М.Н. Гарелин – 368 руб., а также Н.М. Полушин, А.М. Гандурин и Н.Г. Бурылин – по 100 руб. Уже месяц спустя было утверждено положение о стипендии имени первого директора училища. Она выдавалась «одному из бедных учеников, заслуживающих того своими успехами и поведением, для уплаты за право учения и на учебные пособия». Право избрания стипендиата из предложенных педагогическим советом кандидатов принадлежало И.И. Бордюгову, а после его смерти – попечительству. Размер стипендии составлял около 30 руб. в год³⁴. Первым стипендиатом в октябре 1882 г. стал ученик первого класса Александр Никольский. Весной 1887 г. И.И. Бордюгов попал на излечение в клинику для душевнобольных, где вскоре и скончался. Его супруга передала

³⁰ Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1913 год... С. 99.

³¹ Бутрин Е.С. Благотворительные капиталы профессора П.К. Худякова в Иваново-Вознесенске // Российская провинция, историческая память и национальная идентичность. Елабуга, 2021. С. 79–88.

³² ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5382. Л. 1–16 об.

³³ Там же. Д. 5386. Л. 1–12.

³⁴ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 142. Л. 3, 8, 10–12.

право избрания новых стипендиатов педагогическому совету училища³⁵. В 1883 г. аналогичная «бордюговская» стипендия появилась и в женской гимназии.

Следующие «вечные вклады» ознаменовали замечательное событие – летом 1886 г. была окончена постройка нового здания реального училища. С нового учебного года училище должно было переехать в этот дом, а прежнее помещение училища занять женская гимназия, до этого ютившаяся на съемных квартирах. По такому случаю в мае 1886 г. по подписке «в память окончания постройки нового здания» городской думой была собрана 1 тыс. руб. Учрежденная в следующем году на эти деньги стипендия именовалась стипендией городского общества. Аналогичный вклад «имени городского общества» тогда же получила и женская гимназия. Затем присвоения своего имени стипендии удостоился первый законоучитель реального училища, авторитетный протоиерей Покровского собора В.И. Соловьев – в честь 35-летия служения в священном сане. Деньги на эти цели были собраны в мае 1888 г. сразу по двум подписным листам: первая стипендия составила 900 руб., а вторая – 700 руб. Преимущественное право на «соловьевскую» стипендию получали лица духовного звания. Тогда же именная стипендия была введена в честь человека, который сделал решающий вклад в открытие реального училища и стал первым его попечителем – бывшего городского головы П.С. Борисова. По подписке в его честь была собрана сумма в 800 руб.³⁶ Право избрания стипендиата по «городским» стипендиям принадлежало Иваново-Вознесенской думе, по именным – В.И. Соловьеву и П.С. Борисову.

Заметим здесь, что в ранние годы путь от сбора суммы стипендиального капитала до утверждения положения о новой стипендии занимал немалый срок. Требовалось разработать положение о стипендии и утвердить его у министра просвещения. Несмотря на несложный формуляр, с первого раза эта процедура проходила далеко не всегда – даже небольшие несообразности в тексте документа затягивали его утверждение на годы. Стипендия имени В.И. Соловьева, деньги на которую были собраны еще в мае 1888 г., была утверждена лишь три года спустя – в декабре 1891 г.³⁷

Еще более тернистый путь прошла стипендия имени отставного гвардии капитана С.П. Гессе. Этот уездный исправник был известным меценатом – в 1880 г. он пожертвовал значительный капитал Шуйскому благотворительному обществу на устройство дома трудолюбия. Весной 1886 г. он получил по ходатайству уездного земского собрания звание почетного гражданина. Тогда же почитатели его «полезной и добросовестной служебной деятельности» решили увековечить память о Гессе. По подписке был собран капитал, который глава «мемориального комитета» шуйский фабрикант М.А. Павлов предложил обратить в государственные бумаги. Именные стипендии С.П. Гессе предполагалось учредить в мужской и женской гимназиях г. Шуи, а также в реальном училище и женской гимназии г. Иваново-Вознесенска. На стипендию для училища было выделено 500 руб., а для женской гимназии – 750 руб.³⁸ Дело это тянулось в течение четырех лет – лишь в марте 1890 г. Министерство просвещения утвердило положение о стипендии Гессе в реальном училище (к этому времени капитал вырос до 650 руб.). Директор училища П.А. Григорьев немедленно направил Гессе список учеников, претендующих на стипендию. Сам он рекомендовал избрать из их числа ученика пятого класса Михаила Бителева, «сына бедной вдовы, заслуживающего по поведению и успехам поддержки». Однако С.П. Гессе стипендиата избрать не успел – он скончался 21 июля 1890 г. М. Бителев был утвержден в этом качестве уже педсоветом училища на исходе августа 1890 г.³⁹ Столь значительный промежуток между сбором средств и учреждением стипендии – следствие отсутствия отлаженных механизмов выработки «типового» положения. В дальнейшем, после резкого увеличения потока стипендиальных капиталов на рубеже XIX–XX вв., срок между внесением средств на банковский счет и утверждением положения о стипендии в среднем составлял от двух до трех месяцев.

³⁵ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 200. Л. 68–71, 89–90.

³⁶ Там же. Л. 90–91.

³⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2414. Л. 13.

³⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 200. Л. 17–21.

³⁹ Там же. Д. 291. Л. 13, 14, 16.

Как видим, в период становления практики жертвования стипендиальных капиталов в Иваново-Вознесенске (1880-е гг.) большая часть их имела «юбилейный» характер. Группа лиц на заседании общественной организации вносила предложение «почтить память» некоего лица устройством «именного капитала», после чего пускался «подписной лист». Поскольку деньги по нему вносились не сразу, до утверждения положения о стипендии сумма могла значительно изменяться. Следующее десятилетие принесло новую тенденцию – появление вкладов, посвященных выдающимся событиям государственного масштаба. В 1891 г. стипендиальный капитал имени императора Александра III в 1 700 руб. появился в женской гимназии. А смерть Александра и вступление на престол его наследника Николая II осенью 1894 г. ознаменовались целым рядом вкладов. Три капитала поступило от Общества купеческих приказчиков (на 2300 руб.), но самый значительный вклад стал следствием частной инициативы. Крупнейший фабрикант М.Н. Гарелин внес 2 тыс. руб. на четыре стипендии памяти императора Александра III и столько же – на четыре стипендии в память бракосочетания Николая II и Александры Федоровны. Они поступили на счет его любимого детища – только что открытого механико-технического училища. Утверждение положения о «гарелинских» стипендиях также изрядно затянулось – оно состоялось лишь в июне 1896 г. Право избрания стипендиатов имел сам благотворитель, после его смерти оно переходило супруге Гарелина – Марии Ивановне, а затем – городской думе⁴⁰.

В том же 1896 г. в механико-техническом училище появляется стипендия имени С.В. Каретникова – крупнейшего фабриканта, возглавлявшего фабрику в с. Тейкове Шуйского уезда (он скончался в феврале 1895 г.). Капитал для нее в 2 тыс. руб. был внесен непосредственно правлением Товарищества мануфактур А.Д. Каретниковой с сыном. Этот вклад открывает новую эпоху в истории образовательных капиталов Иваново-Вознесенска. Ее характеризует активное участие в благотворительности торгово-промышленных фирм. В качестве меценатов отметились правление Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры (7 900 руб. в 1900–1912 гг.), Товарищество мануфактур И.Н. Гарелина (5 200 руб. в 1901–1915 гг.), московский Торговый дом Л.Г. Кнопа (2 тыс. руб. в 1902 г.), Товарищество мануфактур Н.М. Дербенева (6 600 руб. в 1912 г.). Крупные вклады принадлежат также иваново-вознесенским фабрикантам (4 900 руб. в 1898–1902 гг.), а также местному Комитету торговли и мануфактур (11 800 руб. в 1902–1914 гг.). Не отставали и служащие отдельных предприятий, стремившиеся отметить юбилей или «почтить» своих директоров специальными стипендиальными вкладами. К числу последних относятся капиталы служащих Товарищества мануфактур Н.М. Гарелина имени директора Товарищества – М.Н. Гарелина (400 руб., 1898 г.), их же – в память 150-летия Товарищества (2 тыс. руб., 1902 г.), служащих Товарищества Куваевской мануфактуры – имени ее владельцев Н.Х. и Н.Г. Бурылиных (1 тыс. руб., 1899 г.), их же – в память сорокалетия бракосочетания Бурылиных (2 тыс. руб., 1915 г.), и, наконец, служащих Торгового дома И.Н. Гарелина – имени директора Дома А.И. Гарелина (1 600 руб., 1905 г.).

Вторая тенденция, ярко наметившаяся в эпоху бурного развития иваново-вознесенских стипендиальных капиталов с последних лет XIX в., – значительное число вкладов «в память» умерших, появлявшихся сразу после смерти значительного лица. Внушительное их число сделано родственниками: первыми стали вклады братьев-фабрикантов А.Ф. и Н.Ф. Витовых после смерти их отца Федора Никитича (2 тыс. руб. в 1900 г.). Всего выявлено 18 подобных вкладов на общую сумму 41 100 руб., причем большая часть их пришлось на годы Первой мировой войны – 13 вкладов на 34 800 руб., более 70 % от общего числа. В ряде случаев неясно, кем приходились вкладчикам лица, в честь которых учреждались стипендии. Купчиха А.А. Бакулина в феврале 1915 г. пожертвовала 1 600 руб. на стипендию имени бывшего ученика реального училища – погибшего на фронте прапорщика А.А. Городничева⁴¹. Купец В.П. Кашинцев в сентябре 1915 г. внес 3 500 руб. на три стипендии имени

⁴⁰ ГАИО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 35. Л. 3, 9–10.

⁴¹ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 910. Л. 2, 6.

Михея Степановича Кашинцева⁴². А потомственная почетная гражданка Е.А. Нечаева в январе 1916 г. учредила в реальном училище стипендию в 1 тыс. руб. имени умершего А.Р. Журова⁴³.

Не скупилась на «мемориальные» пожертвования также фирмы и общественные организации. Комитет торговли и мануфактур в 1910 г. таким образом отметил смерть известного фабриканта М.Н. Гарелина, а в 1914 г. – фабриканта В.Е. Ясютинского. Правление Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры в 1900 г. почтило кончину своих членов Н.Н. Фокина, А.Ф. Зубкова, Н.Н. Витова и А.Н. Новикова, в 1910 г. – А.Н. и Н.Ф. Витовых, а в 1912 г. – Я.Н. Фокина. Правление Товарищества мануфактур И.Н. Гарелина в 1915 г. отметило стипендией смерть директора А.И. Гарелина. Наконец, целый ряд «мемориальных» вкладов принадлежит просто «почитателям» умерших. Таким образом оказалась обозначена кончина председателей попечительского совета женской гимназии Ф.Н. Витова (1899 г.) и А.М. Гандурина (1910 г.), ее первой начальницы О.Ф. Киселевой (1903 г.), инженера-технолога Л.А. Остроумова (1907 г.), фабриканта М.Н. Гарелина (1910 г.) и законоучителя реального училища И.А. Завазальского (1917 г.).

Таблица 1

Распределение стипендиальных капиталов в средних и профессиональных учебных заведениях Иваново-Вознесенска в 1882–1917 гг.

Жертвователи	Мемориальные вклады		Юбилейные события		Общественные события		Казуальные вклады	
	кол-во	сумма, руб.	кол-во	сумма, руб.	кол-во	сумма, руб.	кол-во	сумма, руб.
Родственники	18	41 100	1	1 600	–	–	–	–
Душеприказчики	13	44 400	–	–	–	–	–	–
Подписчики	6	15 100	15	18 450	2	4 200	3	8 500
Торговая фирма	7	13 100	7	10 600	–	–	–	–
Общественная организация	4	8 400	–	–	6	5 300	2	4 400
Частное лицо	–	–	–	–	1	4 200	–	–
<i>Итого</i>	<i>45</i>	<i>114 100</i>	<i>23</i>	<i>30 650</i>	<i>9</i>	<i>13 700</i>	<i>5</i>	<i>12 900</i>

Составлено по: ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 897. Л. 12–14; Ф. 34. Оп. 1. Д. 167. Л. 18 об.; Ф. 35. Оп. 1. Д. 261. Л. 48–49; Ф. 72. Оп. 1. Д. 514. Л. 204 об.–262 об.; Ф. 212. Оп. 1. Д. 373. Л. 27–28 об.; Отчет о состоянии Иваново-Вознесенской торговой школы за 1901/02–1907/08 учебные годы. Иваново-Вознесенск. 1908; Отчет о состоянии Иваново-Вознесенской торговой школы за 1908–1911 годы. Иваново-Вознесенск, 1912.

Распределение всех видов стипендиальных вкладов Иваново-Вознесенска на 1917 г. демонстрирует табл. 1. Как можно видеть, в число «мемориальных» попали также вклады душеприказчиков, сделанные по завещанию умерших. Обычно они направлялись сразу в несколько учебных заведений. В 1900 г. после смерти владельца механического завода, московского купца И.Е. Пономарева, три учебных заведения получили по его завещанию 16 400 руб. (женская гимназия, реальное и техническое училища). В следующем году скончалась купеческая вдова М.М. Китаева – по ее завещанию в июне 1902 г. были учреждены стипендии по 2 тыс. руб. в реальном училище и женской гимназии⁴⁴. Но крупнейшими стали пожертвования душеприказчиков И.В. Небурчилова, о которых мы уже говорили выше (1911 г., 24 тыс. руб.). Право избрания «небурчиловских» стипендиатов принадлежало городской думе, «пономаревских» и «китаевских» – педагогическим советам учебных заведений. Как видим, именно «мемориальные» вклады значительно превосходят все остальные

⁴² ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 912. Л. 1, 8.

⁴³ Там же. Д. 911. Л. 1, 2.

⁴⁴ Там же. Д. 550. Л. 9, 11.

как по численности, так и по объему. Если в первом случае разница не слишком велика, то по объему средств к 1917 г. вклады в память умерших составляли почти 67 % всей суммы образовательных капиталов (114 100 из 171 350 руб.).

Эта разница объясняется значительно более высоким средним размером «мемориальных вкладов» (2 535 руб.). Средний размер «юбилейных» вкладов, большая часть которых собиралась по подписке, был почти вдвое ниже (1 332 руб.). Из числа последних, кроме уже отмеченных вкладов первых лет и капиталов, собранных персоналом предприятий, выделяются три. Это пожертвование фабрикантов Иваново-Вознесенска в честь известного просветителя, инженера-технолога С.Д. Смирнова (1899 г., 2 400 руб.), кружка технологов Московского района – в память 25-летия технической деятельности инженера-технолога В.В. Быкова (1912 г., 1 100 руб.) и учеников химика В.Ф. Каулена – в честь 25-летия его деятельности на фабрике (1911 г., 1 100 руб.). Как видим, стипендиями отмечалась деятельность известных представителей фабричной администрации. К числу подобных вкладов относится также стипендия имени статского советника А.С. Бера, учрежденная в апреле 1901 г. Товариществом мануфактур И.Н. Гарелина (2 тыс. руб.)⁴⁵. Торговые фирмы отмечали стипендиями не только юбилеи служащих, но и свои собственные: 50-летие – в 1902 г. Торговый дом Л.Д. Кноп, 25-летие – в 1912 г. Товарищество мануфактур Н.М. Дербенева. Единственной в своем роде является стипендия в память золотой свадьбы В.Г. и Е.Т. Мыльниковых в реальное училище (1 800 руб.). Деньги на нее были внесены двумя детьми юбиляров (Геннадием и Сергеем), а также тремя их внуками в мае 1917 г.⁴⁶

Вкладов, не отмечавших специально то или иное событие («казуальных»), было немного. Среди них можно выделить стипендии имени почетного опекуна Торговой школы генерала Н.М. Цеймерна (1902 г., 1 400 руб.) и имени министра финансов гр. С.Ю. Витте, оказавшего большое содействие в открытии школы (1903 г., 3 тыс. руб.). Оба вклада были собраны по подписке членами Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур, выступавшего учредителем торговой школы. Это учебное заведение открылось в сентябре 1901 г. и еще не имело других стипендиальных капиталов для обеспечения «недостаточных» учеников, поэтому первый подписной лист был пущен еще 31 октября 1901 г.⁴⁷ Еще один вклад такого вида – общий фонд средних учебных заведений Иваново-Вознесенска, устроенный в октябре 1916 г. Стипендии из него предназначались для обеспечения «учащихся детей павших и увечных воинов». Циркуляр о создании подобного фонда был издан Министерством просвещения, а в марте 1916 г. состоялось совещание заведующих средними учебными заведениями Иваново-Вознесенска по вопросу об организации фонда. Для сбора средств 8 мая 1916 г. силами учащихся под наблюдением педагогического персонала был организован однодневный сбор, общую координацию осуществляла представительница местного Благотворительного общества К.П. Гандурина. Он принес значительные средства – 6 450 руб. На общем собрании заведующих учебными заведениями 3 октября 1916 г. на эти деньги было решено приобрести облигации военного займа и учредить общий фонд. Проценты из него должны были поступать «на взнос платы за учение и другие надобности учащихся детей павших и увечных воинов», а в случае отсутствия последних – просто «недостаточных учащихся»⁴⁸.

Стипендия назначалась обычно одному из «недостаточных учеников, заслуживающих того по своим успехам и поведению». Число стипендий, на введении которых настаивал жертвователь, далеко не всегда соответствовало реальному размеру вклада. Размер «одиночной» стипендии обычно оценивался в 1 тыс. руб., но встречались «одиночные» стипендии от 300 руб. (Общество купеческих приказчиков, 1895 г.) до 2 500 руб. (фабриканты Иваново-Вознесенска, 1902 г.). Положение для выбора стипендиата было типовым – в качестве него назначался ученик «из беднейших», показывавший «достаточные успехи» и отличавшийся хорошим поведением. Изредка в положении о стипендии оговаривались

⁴⁵ ГАИО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 127. Л. 1, 2, 7.

⁴⁶ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 969. Л. 1, 8.

⁴⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 472. Л. 1, 3.

⁴⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 941. Л. 6, 9, 13.

особые условия: место рождения (Иваново-Вознесенск, Шуйский уезд), вероисповедание (православное), еще реже – происхождение родителей. Представители иваново-вознесенских торговых фирм обычно стремились обеспечивать стипендией ученика из числа служащих предприятия. В случае «неодобрительного поведения и малоуспешности» педагогический совет мог принять решение о передаче стипендии другому лицу. Самыми популярными ценными бумагами, обеспечивавшими большую часть образовательных вкладов в Иваново-Вознесенске, были билеты 4%-ной государственной ренты. Вклады 1915 г. обеспечивались билетами «военного» государственного 5,5%-ого займа, а вклады 1917 г. – билетами «займа Свободы».

Объем выплат по процентам далеко не всегда соответствовал размеру суммы, необходимой для внесения платы за обучение того числа стипендиатов, что предполагал жертвователь. По данным за 1916 г. в реальном училище вместо 37 положенных стипендий их получали 32 чел., в среднем по 24,1 руб. (общий годовой доход с капиталов в 39 700 руб. составлял 772,42 руб.). В школе колористов вместо 7 чел. стипендии получали пятеро. Общая сумма вкладов составляла 8 300 руб., она приносила процентов на 157,7 руб. в год, так что средний размер стипендий в школе оказался несколько выше – 31,54 руб. При этом реальные выплаты ученику зависели от той стипендии, право на которую получил конкретно он – они колебались от 13 до 38 руб. в год. Как видим, даже наивысшие суммы далеко не дотягивают до годовой платы за обучение – всем стипендиатам приходилось доплачивать свои деньги. А вот питомцы технического училища, напротив, получали стипендии, намного превосходившие скромную 10-рублевую плату за обучение. В 1916 г. стипендиальные капиталы в 50 800 руб. принесли доход 1 957,9 руб. на 45 претендентов. Таким образом, в среднем каждый «техник» имел право получить 43,5 руб. в год. Исходя из этого можно заключить, что капиталы намного лучше обеспечивали питомцев заведений с небольшой платой за обучение, являясь для них немалым подспорьем не только в оплате учебы, но и обеспечении быта. Ученики гимназий и реальных училищ, напротив, должны были доплачивать за обучение значительные суммы (до 50 % годовой платы).

Деньги выдавались на протяжении всего курса в размере годовой платы за обучение. Излишки начислялись «в равных частях помесечно на содержание и приобретение учебных пособий». В других случаях они накапливались в течение всего времени обучения: в положении оговаривалась выдача стипендий лишь ученикам старших классов, начиная с третьего, исключительно в размере годовой платы на обучение. И лишь в пятом или седьмом классе все излишки процентов с капитала выдавались на другие нужды стипендиата. Выбор стипендиата по «юбилейным» вкладам обычно предоставлялся лицам, в честь которых учреждалась стипендия, по «мемориальным» – самим жертвователям. Во всех случаях свои желания вкладчики должны были согласовывать с педагогическим советом училища. На практике жертвователи редко утруждали себя выбором стипендиатов. Педсовет принимал решение о выдаче стипендиального пособия тому или иному ученику, после чего направлял соответствующее отношение к жертвователю. Тому оставалось просто выразить свое согласие. В редких случаях совет предоставлял выбор из двух или трех кандидатов. И буквально по пальцам можно пересчитать случаи, когда вкладчики рекомендовали собственных стипендиатов. В сентябре 1912 г. вдова М.Н. Остроумова просила назначить стипендию имени ее мужа в механико-техническом училище своему внучатому племяннику, сыну потомственного дворянина Николаю Войничу. А в октябре 1906 г. эстафету у него принял его брат Александр⁴⁹. А.С. Бер в сентябре 1901 г. лично избрал в качестве своего стипендиата ученика первого класса Илью Недошивина, «если он удовлетворяет требованиям о получении». Однако после окончания им курса все следующие кандидаты выбирались педсоветом училища и лишь утверждались Бером⁵⁰. М.Н. Гарелин в сентябре 1896 г. лично избрал двух стипендиатов из восьми – ими стали вновь принятые ученики Федор Белокрынкин и Александр Раков⁵¹. А Я.Н. Фокин в сентябре 1902 г. просил предоставить

⁴⁹ ГАИО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 215. Л. 21, 22.

⁵⁰ Там же. Д. 127. Л. 9, 1–17.

⁵¹ Там же. Д. 35. Л. 13.

стипендию родственнику – двоюродному брату Владимиру Фокину. Впрочем, если тот не удовлетворял условиям педсовета, можно было оставить ее за прежним получателем – учеником третьего класса Григорием Храмовым⁵².

В целом динамику роста стипендиальных капиталов в Иваново-Вознесенске в конце XIX – начале XX в. позволяет оценить табл. 2.

Таблица 2

Динамика роста стипендиальных капиталов в средних и профессиональных учебных заведениях Иваново-Вознесенска в 1882–1917 гг.

Период, годы	Число вкладов	Сумма, руб.	Вкладов в год	Сумма, руб.
1882–1896	15	19 100	1,1	1 364
1898–1907	23	53 400	2,3	5 340
1910–1914	28	56 800	5,6	11 360
1915–1917	19	50 050	6,3	16 683

Составлено по: ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 897. Л. 12–14; Ф. 34. Оп. 1. Д. 167. Л. 18 об.; Ф. 35. Оп. 1. Д. 261. Л. 48–49; Ф. 72. Оп. 1. Д. 514. Л. 204 об.–262 об.; Ф. 212. Оп. 1. Д. 373. Л. 27–28 об.; Отчет о состоянии Иваново-Вознесенской торговой школы за 1901/02–1907/08 учебные годы. Иваново-Вознесенск, 1908; Отчет о состоянии Иваново-Вознесенской торговой школы за 1908–1911 годы. Иваново-Вознесенск, 1912.

Как видим, число вкладов в течение года и их объем сильно изменяются в последние годы XIX в. Если период до 1896 г. можно обозначить как эпоху «становления» образовательных эндаументов, то все последующее время – их расцвет. Но эта эпоха также подразделяется на три этапа. В 1898–1907 гг. среднее число новых стипендиальных вкладов в год сравнительно с предыдущим периодом увеличивается вдвое, а их объем – вчетверо. С 1910 г. начинается «золотой век» стипендиальных капиталов – в течение пяти лет их число в год повышается в 2,5 раза, а объем – более чем вдвое. Наконец, годы Первой мировой войны можно охарактеризовать как настоящую «стипендиальную лихорадку»: тяжелые эмоциональные потрясения и стремительная инфляция привели отнюдь не к сворачиванию благотворительности, а, напротив, к ее постоянному росту. Стремительное обесценивание денег, развитие институтов гражданского общества, гибель близких на военных фронтах – все это подталкивало как организации, так и частных лиц на создание новых образовательных эндаументов. Так что напряженная ситуация 1914–1917 гг. стала едва ли не наивысшей точкой развития благотворительности в Иваново-Вознесенске.

Всего к 1917 г. «эндаументные» стипендии получали более 140 учеников средних и профессиональных учебных заведений Иваново-Вознесенска. На первый взгляд показатель весьма высокий, но при общей численности учащихся примерно в 3,4 тыс. чел. стипендиальные капиталы обеспечивали не более 4 % учеников. По наблюдениям А.И. Клиницкого, примерно аналогичный процент стипендиатов наблюдался к 1907 г. в учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа⁵³. И все же следует отметить, что именно на рубеж XIX–XX вв. пришелся серьезный перелом в самой практике создания образовательных «вечных вкладов» в Иваново-Вознесенске. Еще в 1898 г. из 1,2 тыс. учеников средних и специальных учебных заведений города стипендии по «образовательным капиталам» получали всего 26 чел. (около 2 %). Таким образом, несмотря на впечатляющий рост численности учеников (примерно втрое за период 1898–1915 гг.), степень обеспеченности их образовательными капиталами выросла, причем весьма значительно, почти в два раза. На рубеже XIX–XX вв. центр подобного рода благотворительности из попечительных советов и городской думы смещается в сторону частных лиц, торговых фирм и общественных организаций. Стипендиальный капитал входит в привычный обиход буржуазной элиты города, широко применяется как инструмент «мемориализации» определенного лица как после его кончины, так и еще при жизни для подчеркивания общественных заслуг.

⁵² ГАИО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 105. Л. 25.

⁵³ Клиницкий А.И. Именные стипендии как форма благотворительности... С. 53.

Литература

Балдин К.Е. Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX – XX в.). Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2022. 276 с.

Бутрин Е.С. Благотворительные капиталы профессора П.К. Худякова в Иваново-Вознесенске // Российская провинция, историческая память и национальная идентичность. Елабуга, 2021. С. 79–88.

Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Шуя: Тип. Я.И. Борисоглебского, 1885. Ч. 2. 140 с.

Клиницкий А.И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX – начала XX в. // СибСкрипт. 2015. № 1-4. С. 50–54.

Клиницкий А.И. Основные направления в развитии благотворительности мужского гимназического образования Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 66–70.

Клиницкий А.И. Благотворительность как фактор развития дореволюционной сибирской школы // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. № 4. С. 7–17.

Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начала XX вв.) // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 4. С. 42–58.

Литвинова И.Н. Благотворительные практики провинциального общества в начале XX века (на примере Царицына) // Манускрипт. 2021. № 11. С. 2267–2271.

Маслова И.В. Эффективная филантропия в сфере образования в России: дореволюционная и современная практика // ЭКО. 2023. № 6. С. 177–192.

Михащенко А.Л. Пожертвования и социальная помощь обучающимся в Южном Зауралье: досоветский период // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17. С. 83–87.

Розушкина Е.В., Савина А.Ю. Именные стипендии в Ростовской гимназии имени А.Л. Кекина в первое десятилетие ее существования // История и культура Ростовской земли – 2008. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2009. С. 214–219.

Слугина Н.В. Дореволюционная благотворительность в области образования и просвещения в Тульской губернии: региональные особенности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 1–2. С. 358–367.

Сорокина Е.А. Благотворительность в школах Зауралья во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 84–90.

References

Baldin, K.E. (2022). *Obrazovatel'noe prostranstvo rossiyskoy provintsii: uchebnye zavedeniya g. Ivanovo-Voznesenska (konets XIX – XX v.)* [Educational Space of the Russian Pprovince: Educational Institutions of the City of Ivanovo-Voznesensk (Late 19th – 20th Centuries)]. Ivanovo, Izdatel'stvo Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 276 p.

Butrin, E.S. (2021). *Blagotvoritel'nye kapitaly professora P.K. Khudyakova v Ivanovo-Voznesenske* [Charitable Capital of Professor P.K. Khudyakov in Ivanovo-Voznesensk]. In *Rossiyskaya provintsiya, istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost'*. Elabuga, Izdatel'stvo Kazanskogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta, pp. 79–88.

Garelin, Ya.P. (1885). *Gorod Ivanovo-Voznesensk ili byvshee selo Ivanovo i Voznesenskiy posad* [The City Ivanovo-Voznesensk or the Former Village Ivanovo and Voznesenskiy Posad]. Shuya, Tipografiya Ya.I. Borisoglebskogo. Part 2. 140 p.

Klinitskiy, A.I. (2015). *Imennye stipendii kak forma blagotvoritel'nosti v razvitii sredney shkoly Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX vv.* [Personal Scholarships as a Form of Charity in the Development of Secondary Schools in Western Siberia in the 19th – Early 20th Century]. In *SibSkript*. No. 1-4, pp. 50–54.

Klinitskiy, A.I. (2016). Blagotvoritel'nost' kak faktor razvitiya dorevolyutsionnoy sibirskoy shkoly [Charity as a Factor in the Development of Pre-Revolutionary Siberian Schools]. In *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. No. 4, pp. 7–17.

Klinitskiy, A.I. (2016). Osnovnye napravleniya v razvitii blagotvoritel'nosti muzhskogo gimnazicheskogo obrazovaniya Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Main Directions in the Development of Charity in Male Gymnasium Education in the West Siberian Academic District]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 402, pp. 66–70.

Komleva, E.V. (2022). “S kapitala, navsegda im pozhertvovannogo...”: endaumenty v kupecheskoy srede Sibiri (XIX – nachala XX vv.) [“From the Capital Donated to Them Forever...”: Endowments in the Merchant Environment of Siberia (19th – Early 20th Centuries)]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. No. 4, pp. 42–58.

Litvinova, I.N. (2021). Blagotvoritel'nye praktiki provintsial'nogo obshchestva v nachale XX veka (na primere Tsaritsyna) [Charitable Practices of Provincial Society at the Beginning of the 20th Century (Using Tsaritsyn as an Example)]. In *Manuskript*. No. 11, pp. 2267–2271.

Maslova, I.V. (2023). Effektivnaya filantropiya v sfere obrazovaniya v Rossii: dorevolyutsionnaya i sovremennaya praktika [Effective Philanthropy in the Field of Education in Russia: Pre-Revolutionary and Modern Practice]. In *EKO*. No. 6, pp. 177–192.

Mihashchenko, A.L. (2006). Pozhertvovaniya i sotsial'naya pomoshch' obuchayushchimsya v Yuzhnom Zaural'e: dosovetskiy period [Donations and Social Assistance to Students in the Southern Trans-Urals: Pre-Soviet Period]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. No. 17, pp. 83–87.

Rogushkina, E.V., Savina, A.Yu. (2009). Imennye stipendii v Rostovskoy gimnazii imeni A.L. Kekina v pervoe desyatiletie ee sushchestvovaniya [Personal Scholarships in the Rostov Gymnasium named after A.L. Kekin in the First Decade of Its Existence]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli – 2008*. Rostov, Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Rostovskiy kreml’”, pp. 214–219.

Slugina, N.V. (2012). Dorevolyutsionnaya blagotvoritel'nost' v oblasti obrazovaniya i prosveshcheniya v Tul'skoy gubernii: regional'nye osobennosti [Pre-Revolutionary Charity in the Field of Education and Enlightenment in the Tula Province: Regional Features]. In *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*. No. 1–2, pp. 358–367.

Sorokina, E.A. (2018). Blagotvoritel'nost' v shkolah Zaural'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Charity in Schools of the Trans-Urals in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 84–90.

В.В. Фортунатов*

ДОМ ДЛЯ СТУДЕНТОВ:
ИЗ ИСТОРИИ «НИКОЛАЕВСКОГО
ИМЕНИ АВГУСТЕЙШЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
ОБЩЕЖИТИЯ СТУДЕНТОВ ИНСТИТУТА ИНЖЕНЕРОВ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I»

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-4
УДК 364.054.2:378.6:625.1
(470.23-25)"1895/1917"

Выходные данные для цитирования:

Фортунатов В.В. Дом для студентов: из истории «Николаевского имени Августейшего председателя Комитета Сибирской железной дороги общежития студентов Института инженеров путей сообщения Императора Александра I» // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 65–76.

URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-04.pdf>

V.V. Fortunatov*

A HOUSE FOR STUDENTS:
FROM THE HISTORY OF THE NICHOLAS
DORMITORY NAMED AFTER THE AUGUST
CHAIRMAN OF THE SIBERIAN RAILWAY COMMITTEE
FOR STUDENTS OF THE EMPEROR ALEXANDER I
RAILWAY ENGINEER INSTITUTE

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-4

How to cite:

Fortunatov V.V. A House for Students: from the History of the Nicholas Dormitory Named after the August Chairman of the Siberian Railway Committee for Students of the Emperor Alexander I Railway Engineer Institute // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 65–76. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-04.pdf>]

Abstract. There were few student dormitories in pre-revolutionary St. Petersburg. The police considered them places where revolutionary, anti-government sentiments spread. The article examines the history of the construction and functioning of the Nicholas Dormitory Named after the August Chairman of the Siberian Railway Committee for Students of the Emperor Alexander I Railway Engineer Institute. In connection with the construction of the Trans-Siberian Railway (since 1891), the need for highly qualified specialists has increased dramatically. Admission to the only institute in the country that trained railway engineers was increased. On the initiative of S.Y. Witte and on the basis of the decision of Emperor Alexander III, with money allocated by the state and collected by railway joint-stock companies, a comfortable dormitory was built in 1894–1895, in which mostly undergraduates lived. In the dormitory, the rooms for one person had comfortable furniture, bed linen, electric lighting, steam heating, and sewerage. The students' meals were well organized. The material and household amenities inside the university were cheaper for the students who lived in the dormitory than outside the walls of the alma mater. The Institute's management supervised and supported the dormitory and was proud of this successful social project. The funds remaining after the dormitory was put into operation made up the endowment fund. It was constantly replenished. Scholarships were paid out of it, financial assistance was provided to students, and the work of the student cafeteria was subsidized, which was very popular with young people. The building of the former dormitory is well preserved and has undergone internal renovation. But the former dining room called Oak Hall is one of the best venues for interesting events in the life of the University.

* **Владимир Валентинович Фортунатов**, доктор исторических наук, профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: fortunatov50@mail.ru

Vladimir Valentinovich Fortunatov, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Railway Engineering of Emperor Alexander I, St. Petersburg, Russia, e-mail: fortunatov50@mail.ru

Keywords: charity, target capital, railway transport, St. Petersburg Institute of Railway Engineers, students, dormitory, scholarships.

The article has been received by the editor on 06.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В дореволюционном Петербурге было мало студенческих общежитий. Полиция считала их местами распространения революционных антиправительственных настроений. В статье рассматривается история строительства и функционирования «Николаевского имени Августейшего Председателя Комитета Сибирской железной дороги общежития студентов института инженеров путей сообщения Императора Александра I». В связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали (с 1891 г.) резко возросла потребность в высококвалифицированных специалистах. Был увеличен прием в единственный в стране институт, готовивший инженеров путей сообщения. По инициативе С.Ю. Витте и на основании решения императора Александра III на деньги, выделенные государством и собранные железнодорожными акционерными обществами, в 1894–1895 гг. было построено благоустроенное общежитие, в котором проживали преимущественно студенты-старшекурсники. В общежитии в комнатах на одного человека была удобная мебель, постельное белье, электрическое освещение, паровое отопление, канализация, хорошо организовано питание студентов. Материально-бытовые удобства внутри университета обходились студентам, жившим в общежитии, дешевле, чем за стенами *alma mater*. Руководство института контролировало, поддерживало общежитие и гордилось этим удачным социальным проектом. Средства, остававшиеся после введения общежития в эксплуатацию, составили эндаумент-фонд. Он постоянно пополнялся. Из него выплачивались стипендии, оказывалась материальная помощь студентам, дотировалась работа столовой для студентов, которая была очень популярна у молодых людей. Здание бывшего общежития хорошо сохранилось, подверглось внутренней перепланировке. Но помещение бывшей столовой под названием Дубовый зал является одной из лучших площадок проведения интересных мероприятий в жизни университета.

Ключевые слова: благотворительность, целевой капитал, железнодорожный транспорт, Петербургский институт инженеров путей сообщения, студенты, общежитие, стипендии.

Статья поступила в редакцию 06.02.2025 г.

Введение. В данной статье рассмотрен такой прежде мало освещаемый вопрос, как роль целевых капиталов в становлении крупнейшего высшего учебного заведения нашей страны – Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, основание которого восходит к началу XIX в. Целевой капитал появился в связи с постройкой «Николаевского имени Августейшего Председателя Комитета Сибирской железной дороги общежития студентов института инженеров путей сообщения Императора Александра I» в 1894–1895 гг. Это были значительные финансовые средства, остававшиеся после введения в эксплуатацию этого благоустроенного общежития. Целевой капитал (по современному эндаумент-фонд) эффективно использовался вплоть до 1917 г.

В советский период Институт, ставший в 1930 г. Ленинградским институтом инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ), находился под покровительством мощного хозяйствующего субъекта – Народного комиссариата путей сообщения СССР. В бытность министром путей сообщения СССР выдающегося выпускника ЛИИЖТа Бориса Павловича Бещева (1948–1977) институт получал постоянную помощь МПС СССР. В 1948–1952 гг. административный (седьмой) корпус института был построен в стиле неоклассицизма.

По нечетной стороне Московского проспекта (дом № 9) образовался сплошной ряд импозантных зданий, хорошо сочетающихся между собой. Целым рядом новых, жизненно важных для функционирования сооружений институт обзавелся при ректоре А.Я. Красковском, когда первыми секретарями Ленинградского обкома КПСС были выпускники ЛИИЖТа В.С. Толстиков (1962–1970) и Ю.Ф. Соловьев (1985–1989).

История сооружения и функционирования знаменитого на весь Петербург общежития была хорошо, но кратко описана в книге Алексея Михайловича Ларионова (1872–1920), вышедшей к столетию Института¹. К 200-летию Университета эта фундаментальная работа была переиздана с комментариями, иллюстрациями, интересными документами². А.М. Ларионов являлся старостой курса и общежития, был общественником. Затем работал инженером, вернулся в институт в качестве помощника преподавателя и несколько лет работал над книгой, изучил более 200 дел из архива Министерства путей сообщения. В годы Гражданской войны находился в Сибири и был управляющим Министерством путей сообщения колчаковского правительства в 1919–1920 гг. (в отсутствие министра Л.А. Устругова). Был расстрелян в июне 1920 г., несмотря на ходатайства ряда лиц, включая Л.Д. Троцкого. В советский период тема благотворительности и целевых капиталов не была популярной, но наименование общежития уцелело на фронтоне здания. В постсоветский период краткий рассказ о значимости общежития вошел во все издания книги, popularизирующей яркие страницы истории старейшего транспортного университета страны³.

История целевого капитала («вечного вклада»), имевшегося в Петербургском институте инженеров путей сообщения Императора Александра I, хорошо сохранилась в дореволюционном архивном фонде института (ф. 381 в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга). Работа общежития в условиях Первой мировой войны не раз обсуждалась на заседаниях Совета института (сегодня это Ученый совет), что получило отражение в соответствующих журналах⁴. Однако если рассматривать 1917 г., то относящиеся к нему материалы сохранились лишь фрагментарно, а воспоминания ректора в 1917–1918 гг. А.А. Брандта⁵ освещают не все интересные вопросы.

Кузница кадров для транспорта. Старейший транспортный и инженерно-строительный вуз России – Институт Корпуса инженеров путей сообщения – с 1809 по 1864 г. находился на положении военно-учебного заведения⁶. В конце XIX в. Петербургский институт инженеров путей сообщения Императора Александра I выпускал высококвалифицированных инженеров путей сообщения, людей широкой инженерной культуры со склонностью к научно-техническому творчеству⁷. Это были сильные физически и духовно офицеры, обладавшие организаторскими способностями, с широким общественным кругозором. Участие в благотворительных, филантропических акциях не являлось приоритетной формой внеслужебной деятельности офицеров Корпуса инженеров путей сообщения. При переходе в 1865 г. в число гражданских вузов характерными чертами инженеров путей сообщения оставались дисциплинированность, ответственность, организованность, корпоративная солидарность. Все инженеры путей сообщения, служившие в Министерстве путей сообщения, участвовали в эмиральтной кассе (кассе взаимопомощи). Многие крупные инженеры путей сообщения участвовали в благотворительной деятельности. В Институте имелись персональные стипендии, которые выплачивались за счет средств, завещанных институту. В *alma mater* от бывших выпускников, многие из которых становились состоятельными людьми, поступали в дар книги, приборы, макеты, деньги. Популярными были

¹ Ларионов А.М. История Института инженеров путей сообщения Императора Александра I-го за первое столетие его существования. 1809–1910. СПб., 1910. С. 257–259.

² История Петербургского государственного университета путей сообщения. СПб., 2009. Т. I: 1809–1910.

³ Киселев И.П., Панычев А.Ю., Фортунатов В.В. Общепольное для России учреждение: 100 фактов из истории Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. СПб., 2019.

⁴ Журналы Совета Института инженеров путей сообщения Императора Александра I за 1915 год. Пг., 1915.

⁵ Брандт А.А. Листья пожелтевшие. Белград, 1930.

⁶ См.: Всемирное наследие Бетанкура: учеб. пособие. СПб., 2022.

⁷ Киселев И.П., Панычев А.Ю., Фортунатов В.В. Общепольное для России учреждение...

благотворительные балы, в ходе которых собирались средства для удовлетворения разнообразных нужд студентов.

После отмены крепостного права в условиях начавшегося строительства капитализма в России инженеры путей сообщения были востребованы при развертывании массового железнодорожного строительства, так называемой «первой железнодорожной горячки» конца 1850-х – 1870-х гг. Выпускники Путьейского института не стали «железнодорожными королями», российскими олигархами третьей четверти XIX в., но старались честно исполнять свой профессиональный долг⁸.

Укреплялась корпоративная солидарность инженеров путей сообщения. Летом 1860 г. Александр II подписал указ об учреждении всероссийской Эмеритальной пенсионной кассы инженеров путей сообщения⁹. Пенсионные накопления пополнялись за счет членских взносов, которые составляли 4–6 % от суммы жалованья участников кассы, начисляемых процентов и так называемых случайных поступлений, к примеру, отказа от завещания в пользу общего дела. Собранные денежные средства считались неприкосновенными и могли быть использованы лишь для одной цели – в качестве прибавки к государственной пенсии. Размер эмеритальных выплат рассчитывался индивидуально и зависел от стажа работы, финансового вклада в «предприятие», сроков участия в нем и ряда других факторов¹⁰. Просмотр большого числа личных дел инженеров путей сообщения в Российском государственном историческом архиве (фонд 229) показывает, что при переходе на работу в частное железнодорожное общество инженеры путей сообщения не увольнялись из Министерства путей сообщения насовсем, а находились как бы в командировке. Такой статус переоформлялся раз в три года. При этом инженеры продолжали исправно вносить взносы в эмеритальную кассу.

Следует подчеркнуть, что инженеры путей сообщения не только поддерживали друг друга, но и следили за развитием Института, в котором получили высокопрофессиональную подготовку, дорожили связями с *alma mater*, куда несли на экспертизу свои научно-практические наработки, статьи, книги, диссертации.

Профессиональное сообщество слегка понервничало, когда возник план преобразования Института во что-то вроде высших курсов повышения квалификации для инженеров-транспортников. Но от идеи быстро отказались, и в 1890 г. император Александр III утвердил «Положение об Институте инженеров путей сообщения Императора Александра I»¹¹. По «Положению» от 8 мая 1890 г. штат Института¹² был рассчитан на то, что контингент студентов не будет превышать 300 человек. Предполагалось, что на первый курс будет приниматься не более 60 человек, а оканчивать обучение – не более 50 человек. Если в 1870-х гг. казалось, что один институт вполне обеспечивает строящиеся дороги специалистами, то за первую половину 1890-х гг. нехватка инженеров для поддержания и эксплуатации существовавших железных дорог и водных путей стала остро ощущаться.

В этой ситуации было признано необходимым увеличить ежегодные выпуски из Петербургского института инженеров путей сообщения до 100 человек. К началу 1896/1897 учебного года желающих держать экзамен для поступления в институт явилось 699 человек. Из них 326 человек выдержали экзамен удовлетворительно. Планировалось принять 100–120 человек, но под напором общественного мнения было зачислено 224 человека, к которым присоединились 42 человека, оставленные на второй год. Общая численность студентов с 316 человек в 1891 г. выросла до 890 человек к осени 1896 г.¹³

⁸ См.: *Фортуатов В.В.* Транспортная интеллигенция дореволюционной России: формирование, деятельность, особенности (1809–1917) // *Интеллигенция и мир.* 2017. № 2. С. 9–25.

⁹ *Гусаков Д.Б.* История пенсионного обеспечения и социального страхования в России. СПб., 2010.

¹⁰ Деньги на старость. Отраслевую пенсионную систему одобрил Александр II // *Гудок.* 2010. 25 июня.

¹¹ Полностью текст данного документа, а также утвержденный штат Института см.: *История Петербургского государственного университета путей сообщения...* Т. I: 1809–1910. С. 202–213.

¹² Институт сначала носил название Петербургского, в 1914–1924 гг. – Петроградского, затем – Ленинградского.

¹³ См.: *История Петербургского государственного университета путей сообщения...* С. 270–271.

Несмотря на открытие второго путейского института в Москве, в Петербургском институте инженеров путей сообщения продолжалось увеличение контингента студентов. Со званием инженеров путей сообщения было выпущено: в 1891 г. – 56 чел., в 1892 г. – 40, в 1893 г. – 42, в 1894 г. – 67, в 1895 г. – 40, в 1896 г. – 81, в 1897 г. – 89, в 1898 г. – 128, в 1899 г. – 156 и в 1900 г. – 144 чел. Если на строительстве железной дороги между двумя столицами трудилось 82 выпускника Института Корпуса инженеров путей сообщения, то строительством Великого Сибирского пути руководили более 200 выпускников Петербургского института инженеров путей сообщения.

Учеба в вузе считалась очень тяжелой. Большую часть дня студенты проводили в лекционных аудиториях, лабораториях, библиотеке. Для проживания студенты снимали жилье на несколько человек, закупали еду, бытовые принадлежности, старались не тратиться на транспорт.

Следует подчеркнуть, что с 60-х гг. XIX в. студенчество, особенно столичное, петербургское, стало втягиваться в общественную борьбу. К 1890-м гг. студенческие общежития в глазах полиции являлись рассадниками революционной заразы и при первой же возможности закрывались. Но в Петербургском путейском институте постройка здания общежития и столовой для студентов института стала большим общим делом корпорации инженеров путей сообщения на благо почитаемой alma mater.

Достойный дом для хороших студентов. Причиной для сооружения общежития и столовой стало понимание того, что созданием благоприятных бытовых условий будет сохраняться главный капитал и источник успешной работы учащихся – их здоровье. В особой заботе нуждались беднейшие и наиболее трудолюбивые студенты, которые получали возможность нормально питаться и не терять время на дорогу от места жительства до института.

Нельзя не отметить, что 16 июля 1891 г. министром путей сообщения были утверждены «Правила для студентов Института инженеров путей сообщения Императора Александра I», которые предполагали весьма строгий административно-дисциплинарный режим в вузе. За предосудительные поступки предусматривались взыскания: а) замечание; б) выговор; в) увольнение из Института на год, но с правом немедленно поступить в другое высшее учебное заведение вне Института; г) удаление из Института на один или два года, с лишением права на поступление в течение одного или двух лет в другое высшее учебное заведение; д) исключению из Института навсегда, с лишением права на поступление в другое высшее учебное заведение ранее трех лет¹⁴.

Идея устройства общежития и столовой, возникшая одновременно в профессорском и студенческом сообществах, была поддержана министром путей сообщения А.Я. Гюббенетом и императором Александром III, разрешившим сбор пожертвований для строительства «Николаевского имени Августейшего Председателя Комитета Сибирской железной дороги общежития студентов института инженеров путей сообщения Императора Александра I»¹⁵. С.Ю. Витте вспоминал, что Александр III поддержал его предложение о назначении наследника престола Николая Александровича председателем Комитета по строительству Транссиба, в качестве которого он участвовал в мероприятиях во Владивостоке, связанных с началом строительства в 1891 г. Для российских инженеров путей сообщения 1890-е гг. стали «звездным десятилетием». Отрасль была на подъеме. Все понимали, какой фронт работ ждет питомцев Института.

По подписке было быстро собрано 463 764 руб. 88 коп. От Общества Юго-Восточных железных дорог поступило 95 264 руб. 88 коп., от Главного общества российских железных дорог и Киево-Воронежской железной дороги – по 50 тыс. руб. Крупные суммы выделили другие железные дороги, рельсопрокатные, железоделательные и другие заводы, а также частные лица: П.Г. фон Дервиз, Д.С. Поляков, Н.А. Половцева, К.Ф. фон Мекк и др.

¹⁴ Об утверждении инструкции, положения о взысканиях и правил форменной одежды для студентов, 1891 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 231. Оп. 1. Д. 1095. Л. 56.

¹⁵ Именно так гласит официальная табличка на фронтоне здания.

В комитет по постройке под председательством академика архитектуры действительного статского советника И.С. Китнера вошли профессор А.А. Брандт и В.И. Курдюмов, а также представитель государственного контроля Д.А. Андреев. Проект здания, расположенного фасадом по Обуховскому проспекту, на 50 комнат, столовой на 200 мест, других помещений 13 ноября 1893 г. был одобрен царем. Смета составила 227 636 руб.

Стоит уточнить, что в 1892 г. в Институте побывал управлявший тогда Министерством путей сообщения С.Ю. Витте. Он обратил внимание на стесненные условия, в которых шли занятия. На работы по переустройству зданий Института было выделено в общей сложности 266 800 руб. Этой строительной программой занималась особая комиссия под председательством ректора М.Н. Герсевича. В мае 1894 г. С.Ю. Витте был удостоен звания почетного члена Института. Совет Института оценил не только заслуги С.Ю. Витте, связанные с финансированием благоустройства учебного заведения, но и отметил значимость его труда «Принципы железнодорожных тарифов».

18 февраля 1894 г. был утвержден устав Николаевского общежития студентов Института. По уставу общежитие находилось под управлением директора Института. Для непосредственного заведования назначалось лицо, служившее в Министерстве путей сообщения. Заведующему общежитием полагалась квартира в здании общежития и особое вознаграждение. В общежитии должны были предоставляться за невысокую плату комнаты 50 студентам Института.

В течение лета 1894 г. четырехэтажное здание общежития и столовой общим объемом около 1 525 кубических саженей, возведенное на роман-цементе, было закончено вчерне, покрыто кровлей и оштукатурено снаружи. Тогда же были постелены черные бетонные полы на железных балках, устроена сплавная канализация с дренажем во дворах как общежития, так и Института. Сеть керамических труб выводила стоки в реку Фонтанку.

Постройка здания общежития была завершена летом 1895 г. Четырехэтажное здание своим главным фасадом длиною в 20 саженей (в XIX в. сажень составляла 2,134 см) выходило на Забалканский (Обуховский, Сталина, Московский) проспект (дом № 11). Общежитие имело центральное паро-водяное отопление и электрическое освещение, что гарантировало безопасность здания в пожароопасном отношении. В Петербурге на тот момент абсолютно преобладало печное отопление дровами, и пожары были не редким явлением.

Строительный период 1895 г. был использован для внутренней отделки и меблировки здания. В подвальном этаже были устроены квартиры низших служащих общежития и столовой, а также комната для склада белья столовой, склады провизии и камеры для приборов паро-водяного отопления и вентиляции. На первом этаже главного здания разместились общий вестибюль, приемная для гостей, квартиры заведующего общежитием и экономки, а также приемный лечебный покой с ванной. На первом этаже надворного флигеля располагались кухня, судомойная, кладовая и другие хозяйственные помещения. Для подачи кушаний из кухни в столовую и для уборки посуды из столовой в судомойную между помещениями кухни и судомойной и помещением столовой, находящейся на втором этаже, был устроен лифт.

Столовая размером 10,5 на 6,5 саженей при высоте в 3,5 сажени располагалась на втором этаже надворного флигеля. Помещение было перекрыто железными стропилами, деревянная нижняя обшивка которых образовывала над ней сводчатый потолок. Три верхних этажа обоих флигелей занимали жилые комнаты студентов (44 одиночных и 3 – на двоих), выходившие в коридоры. Площадь одиночной комнаты составляла 1,4 на 2,4 сажени, а комнаты на двоих – 2,5 на 2,4 сажени. Высота помещений составляла 5 аршин (аршин – 71,12 см), т.е. примерно 3,5 м. В каждой одиночной комнате в качестве мебели находились: письменный стол, оклеенный клеенкой, три венских стула, этажерка для книг, шкаф для платья и белья, железная кровать с верхом из пружин и волосным матрацем, эмалированный умывальник с проведенною из водопровода водой и вешалка. За одиночную комнату устанавливалась плата от 8 до 10 руб. в месяц, за комнату на двоих – 15 руб. (оплачивались

комната, мебель, отопление, освещение и прислуга). Во всех помещениях здания была устроена искусственная вентиляция. Помещения снабжались свежим воздухом, нагретым до комнатной температуры (+18 °C), и увлажненным воздухом, доставляемым в количестве 550 кубических саженей в час, из которых 175 кубических саженей поступало в столовую.

Все здание общежития освещалось электрическими лампочками накаливания, а столовая – четырьмя дифференциальными лампами с вольтовой дугой. Энергия для освещения доставлялась институтской станцией, имевшей две динамо-машины. В подвалы и кухню общежития был проведен газ.

Для хозяйственных потребностей общежития во втором институтском дворе было выстроено каменное двухэтажное здание с квартирами в нем для пяти семей служащих общежития и восьми семей служащих Института. Здесь же размещались ледник, погреб, сарай и прачечная.

К осени 1895 г. постройка четырехэтажного здания общежития была закончена. 1 октября 1895 г. состоялось торжественное открытие при участии министра и высших чинов Министерства путей сообщения.

Из собранных 450 тыс. руб. около 230 тыс. пошло на устройство и меблировку здания. Капитал в 45 тыс. позволил учредить пять именных стипендий. Оставшиеся 205 тыс. руб. были отчислены в неприкосновенный капитал, доход с которого стал использоваться на покрытие расходов по содержанию общежития. Кухня и ее оборудование были рассчитаны на изготовление ежедневно до 400 обедов стоимостью 35 коп. каждый. За 12 столов могли одновременно садиться 192 человека. При столовой общежития действовал наблюдательный совет, члены которого дежурили по очереди в столовой и кухне общежития и наблюдали за приемом и качеством пищи. Студенты, жившие в общежитии, выбирали своего старосту, который был представителем студентов перед профессором – заведующим общежитием (им стал профессор В.И. Курдюмов¹⁶). В 1898/1899 учебном году старостой общежития был студент А.М. Ларионов, автор труда по истории Института за первые 100 лет.

Как работал целевой капитал. Информацию о деятельности Николаевского общежития студентов Петербургского института инженеров путей сообщения Императора Александра I за 1899–1900 гг. император Николай II получил из всеподданнейшего доклада министра путей сообщения от 20 апреля 1901 г. (в деле есть отметка об ознакомлении царя с материалом¹⁷). Через руки императора Николая II, не имевшего личного секретаря, проходило немало различных дел, касавшихся железнодорожников и старейшего транспортного вуза.

В 1899–1900 гг. в этом общежитии «помещались 50 студентов старших курсов, как наиболее нуждающиеся в удобнейших условиях жизни для облегчения их научных занятий». Доходы от общежития за год составили 15 999 руб., в том числе 4 080 руб. – плата за комнаты, 7 714 руб. – проценты на неприкосновенный капитал и 3 305 руб. 64 коп. – другие поступления. Расходы же составили 14 791 руб. 44 коп. Столовой при общежитии пользовалось до 324 студентов в день, уплачивавших в среднем за обед 35 коп.

Должное внимание проявлялось руководством Института к студентам, нуждавшимся в материальной поддержке. Так, в 1897/1898 учебном году в распоряжении Института находились 44 стипендии, из которых 10 были казенными и 34 частными. Еще 30 студентов получали стипендии, помимо Института, от разных учреждений; 31 студент за год получил единовременное пособие, 20 студентов были вовсе освобождены от платы. О «недостаточных» студентах заботилось Общество вспомоществования студентам Института, которое возглавлял почетный член института инженер П.А. Фадеев. Главным источником пополнения средств Общества выступал доход от ежегодных платных балов, которые специально устраивались в здании Института и приносили около 4 тыс. руб.¹⁸

¹⁶ История Петербургского государственного университета путей сообщения... С. 258–259.

¹⁷ Всеподданнейшие доклады за 1901 г., январь–март // РГИА. Ф. 446. Оп. 30. Д. 4. Л. 8–9. (Может показаться странным, но Николай II занимался множеством мелких вопросов, например, разрешил в порядке исключения сдавать выпускные экзамены одному из студентов, пропустившему занятия по болезни).

¹⁸ История Петербургского государственного университета путей сообщения... С. 277.

Петр Александрович Фадеев (1837–1904) был из дворян Екатеринославской губернии. По окончании Института инженеров путей сообщения в 1857 г. работал на железных дорогах в ряде округов путей сообщения. С 1871 г. был чиновником по особым поручениям при министре путей сообщения, с 1877 г. – директором департамента шоссейных и водяных сообщений. В 1886–1891 гг. участвовал в работах по благоустройству Одесского и Санкт-Петербургского портов, нового Мариинского канала, других объектов. В 1892 г. П.А. Фадеев с большими почестями был отправлен на пенсию. Император оставил его в Правительствующем Сенате с правом носить мундир, присвоенный инженерам путей сообщения. П.А. Фадеев похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге¹⁹.

Студенты Института могли не только рассчитывать на социальную поддержку со стороны руководства, но и занимались взаимопомощью. В общую для всего Института студенческую кассу сдавали по одному рублю в качестве вступительного взноса, а затем по 10 коп. ежемесячно. «Участники кассы выбирали из своей среды по 10 чел. кассиров с курса, которые затем выбирали из своей среды правление. Каждый кассир имел дело только с определенной группой студентов, человек в 10–12, которые сами “записывались” к нему, – собирал взносы, принимал заявления о ссудах и передавал их на общее собрание кассиров курса. Это собрание рассматривало, кроме указанных только что просьб о ссудах, также и подававшиеся студентами институтскому начальству и в общество вспомоществования прошения о стипендиях, пособиях и освобождении от платы и давало по ним совместно с курсовыми старостами свое заключение, с которым институтское начальство считалось при назначении стипендий и освобождений. Сама касса выдавала своим участникам ссуды размером до 50 рублей единовременно, причем мелкие ссуды, в несколько рублей, каждый отдельный кассир имел право выдавать уже с разрешения общего собрания кассиров курса <...> Ссуды выдавались беспроцентные, на разные сроки. Обыкновенно студенты погашали свои долги кассе осенью, когда возвращались в институт с практических работ, привозя кое-какие сбережения»²⁰.

Можно утверждать, что благодаря постоянной заботе руководства Института при поддержке Министерства путей сообщения о различных сторонах жизни студентов у будущих инженеров путей сообщения не было серьезных оснований и поводов протестовать против каких-то «притеснений» внутри Института. Но студенты жили не в безвоздушном пространстве и не раз проявляли солидарность с учащимися других вузов, которые возмущались теми или иными действиями властей. Так, в Петербургском институте инженеров путей сообщения Императора Александра I студенты не посещали занятий с 13 по 23 февраля 1899 г. после того, как 8 февраля полиция жестко обошлась с участниками сходки в университете. В апреле 1899 г. студенты Института на Страстную неделю и Пасху были распущены по домам, затем решили не присоединяться к общероссийской студенческой забастовке. А министр путей сообщения князь М.И. Хилков принял делегацию из пяти студентов (Велихов, князь Масальский, Кондратьев, Маркосов и Ларионов), чтобы узнать «про их беды и горести»²¹.

Вообще-то в 1899 г. студенты по всей стране были возмущены распоряжением министра просвещения об отдании студентов в солдаты за участие в «беспорядках скопом»²². Дело в том, что законодательство освобождало студентов от обязательной воинской службы. Но российские студенты, будучи патриотами Отечества, считали своим долгом проходить воинскую службу в качестве вольноопределяющихся, т.е. добровольно, в течение полугода. Угрозу «забрить в солдаты» студенты, молодые мужчины, воспринимали как обидное оскорбление. В личных делах инженеров путей сообщения, выпускников ПИИПС императора Александра I, между дипломом об окончании Института и заявлением о приеме на службу

¹⁹ Куценина Т.И., Островский А.В. Времен связующая нить... Инженеры путей сообщения и Воскресенский Новодевичий монастырь. СПб., 2014.

²⁰ История Петербургского государственного университета путей сообщения... С. 290.

²¹ Там же. С. 292.

²² Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. 19, ч. 1, № 17484. С. 935–936.

в Министерство путей сообщения, как правило, находятся документы о прохождении воинской службы в качестве вольноопределяющихся с характеристикой.

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. оба путейских института (Петербургский институт инженеров путей сообщения Императора Александра I и Московское инженерное училище) оказались втянутыми в водоворот событий. В Петербургском институте инженеров путей сообщения занятия не проводились в весеннем семестре 1905 г. и с октября 1905 по февраль 1906 г.

Под мощным революционным натиском царское правительство маневрировало и шло на уступки. 27 августа 1905 г. Николай II своим указом вернул автономию высшим учебным заведениям ведомства народного просвещения, а указом от 17 сентября 1905 г. автономия была предоставлена и вузам других ведомств. Советам вузов возвращалось право избрания директора, инспектора и секретаря, на них также возлагалась вся ответственность за организацию учебной жизни в институтах²³.

В октябре 1905 г. Петербургский институт инженеров путей сообщения императора Александра I и Московское инженерное училище (основано в 1896 г.), как и многие другие вузы двух столиц, стали местом проведения митингов, собраний населения под руководством разных политических партий. Как известно, 17 октября 1905 г. царским манифестом российские подданные получили политические права и свободы, впоследствии приняв участие в выборах в I Государственную думу. Многие студенты избирательного права не получили. Во-первых, из-за установленного возрастного ценза для избирателей (с 25 лет), во-вторых, из-за имущественного ценза, если были не владельцами, а лишь квартиросъемщиками жилья.

В Петербургском институте инженеров путей сообщения Императора Александра I 15 октября 1905 г. на должность директора Совет тайным голосованием избрал профессора Н.А. Белелюбского, однако министр это решение не утвердил, и в начале февраля 1906 г. известный ученый отказался от директорства²⁴. Тогда 13 апреля 1906 г. Совет избрал директором А.А. Брандта, который был утвержден в должности.

Революционная неразбериха выбила из колеи педагогов и многих студентов. Старшекурсники даже ставили вопрос о выпуске их хотя бы техниками. Совет старост 25 января 1906 г. обратился к руководству с просьбой возобновить занятия в Институте, что и было сделано с 20 февраля 1906 г. Министр путей сообщения К.С. Немешаев, выпускник Института, всячески поддержал в Совете министров просьбу о возобновлении занятий при условии недопущения сходок и митингов с участием посторонних.

Ежегодный бюджет Института рассчитывался очень скрупулезно. Поэтому любые серьезные траты требовали привлечения дополнительных финансовых ресурсов. В этом смысле интересна подготовка к 100-летию учреждения Института. Так, на заседании особой комиссии под председательством заместителя министра путей сообщения, тайного советника В.А. Мясоедова-Иванова, состоявшемся 21 июля 1909 г., просимую сумму сократили до 870 тыс. руб. Было решено выделить ее Институту в течение 6 лет (по 145 тыс. руб. в год) начиная с 1911 г. На празднование юбилея Петербургского института инженеров путей сообщения Императора Александра I вместо 28 500 руб. было выделено 15 тыс. руб.²⁵

Столетие Института отмечалось 1–3 ноября 1910 г. Мероприятия сменяли друг друга непрерывной чередой. В частности, после краткого исторического очерка Института, прочитанного инспектором П.К. Янковским, секретарь совета Н.М. Гюнтер сообщил о пожертвованиях частных лиц на учреждение стипендий и пособий для студентов. Пожертвования были сделаны Г.М. Будаговым – 8 тыс. руб., В.Н. Кислянским – 6 тыс. руб., инженерами выпуска

²³ Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 137–138.

²⁴ Фортунатов В.В. Н.А. Белелюбский – защитник прав студентов // Сборник трудов VI Бетанкуровского международного инженерного форума. СПб., 2024. С. 345–349.

²⁵ О переустройстве и капитальном ремонте зданий Института инженеров п[утей] с[ообщения] Императора Александра I и о расходах, вызываемых празднованием столетнего юбилея названного Института, 1909–1915 гг. // РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 17553. Л. 510. Л. 26–31.

1899 г. – 3 500 руб. в качестве основного фонда без особого назначения. Следует подчеркнуть, что многие инженеры путей сообщения, не афишируя этого, дарили Институту книги, чертежи, фотографии, инструменты, различные раритеты.

Совету Института приходилось постоянно заниматься разнообразными финансовыми вопросами, включая использование целевого (неприкосновенного) фонда, о расходовании которого составлялись ежегодные публиковавшиеся отчеты. Этот алгоритм сохранился и после начала Первой мировой войны. Так, на заседании 10 сентября 1915 г. была заслушана информация заведующего общежитием студентов, который сообщил об увеличении платы за обед для студентов с 35 до 40 коп. из-за повышения цен и расходов. Расценка обедов оставалась неизменной с 1907 г., но в условиях войны цены начали расти и «кусаться» (табл.).

Таблица

Цены на продукты питания в годы Первой мировой войны (в рублях)

Продукты	1914	1915
Мясо, фунт	0,23	0,29
Капуста свежая, пуд	1,20	3,20
Капуста шинкованная, пуд	1,20	2,60
Хлеб черный, пуд	1,20	1,70

Составлено по: Журналы Совета Института Инженеров Путей Сообщения Императора Александра I за 1915 год. Выпуск первый. Осенний семестр. Пг., 1916. С. 36–37.

Из стоимости обеда в 35 коп. на провизию шло 27 коп., на содержание столовой – 7 коп., на отпуск чая – 1 коп. В связи с войной убыток составил 3 коп. с обеда или 15 руб. в день с учетом 500 кормящихся студентов. Совет обратился в Министерство путей сообщения с просьбой оказать финансовую помощь в организации питания студентов²⁶. Просьба была удовлетворена.

В приказах по Институту за август-декабрь 1914 г. содержатся интересные сведения о заработной плате вспомогательного технического персонала в самом начале войны. Так, сторожу без предоставления квартиры в месяц платили 15 руб., дворникам – 18–20 руб., кочегарам и вахтерам из унтер-офицеров с уборкой аудиторий – 25 руб., служителям в буфете – по 30 руб. в месяц, а жалование машиниста машинной лаборатории в октябре 1914 г. составляло 60 руб. в месяц²⁷. Напомним, что услуги вспомогательного персонала включались в оплату проживания в общежитии, построенного в 1893–1895 гг.

Заключение. Постройка «Николаевского имени Августейшего Председателя Комитета Сибирской железной дороги общежития студентов института инженеров путей сообщения Императора Александра I» в 1894–1895 гг. была заметным событием в жизни высшей школы Санкт-Петербурга. Функционирование благоустроенного общежития для студентов-старшекурсников, будущих инженеров путей сообщения, в которых страна, строившая каждый год железные дороги тысячами километров, обеспечивалось на протяжении более чем 20 лет, вплоть до 1917 г. Реализацию этого проекта следует рассматривать как важный элемент достаточно продуманной и целенаправленной социальной политики, которую проводило Министерство путей сообщения еще в дореволюционный период²⁸.

Целевого капитала, образовавшегося благодаря государственному финансированию и пожертвованиям железнодорожных акционерных обществ, хватило не только на соору-

²⁶ Журналы Совета Института инженеров путей сообщения Императора Александра I за 1915 год. Пг., 1915. Вып. 1. С. 36–37.

²⁷ См.: *Фортунов В.В.* Петроградский институт инженеров путей сообщения (ныне – Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра) // *Вузы Петрограда в годы Первой мировой войны.* СПб., 2018. С. 102–111.

²⁸ *Левин В.И.* Социальная политика Министерства путей сообщения (1881–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 18 с.

жение хорошо оснащенного для своего времени дома для студентов, но и на поддержку функционирования общежития, на решение других проблем студенчества. Налицо совместные усилия государства и частного сектора в интересах страны. Во всяком случае здание, построенное в XIX в. И.С. Китнером в стиле неоренессанс, демонстрирует значимость практики целевых капиталов. В Дубовом зале проводятся разнообразные студенческие мероприятия (конкурсы художественной самодеятельности, КВН, викторины, собрания студенческого актива и т.д.), ректорские приемы, собираются выпускники, члены Корпуса инженеров путей сообщения. Дубовый зал в бывшем студенческом общежитии содержится в прекрасном состоянии и является одним из лучших мест, в которых кипит жизнь университета. «Вечный вклад» работает.

В 2014 г. создан эндаумент-фонд Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I – первый университетский фонд целевого капитала транспортного вуза в России.

Литература

Брандт А.А. Листья пожелтевшие. Белград: Славянская взаимность, 1930. 197 с.

Всемирное наследие Бетанкура: учеб. пособие / под ред. И.П. Киселева, А.Ю. Паньчева, В.В. Фортунатова. СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 2022. 576 с.

Гусаков Д.Б. История пенсионного обеспечения и социального страхования в России: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ин-т психологии и социальной работы, 2010. 259 с.

История Петербургского государственного университета путей сообщения: в 2 т., 3 кн. / редкол. В.И. Ковалев и др. СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения, 2009. Т. I: 1809–1810. 534 с.

Киселев И.П., Паньчев А.Ю., Фортунатов В.В. Общепольное для России учреждение: 100 фактов из истории Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения, 2019. 288 с.

Куценина Т.И., Островский А.В. Времен связующая нить... Инженеры путей сообщения и Воскресенский Новодевичий монастырь. СПб.: РЖД-Партнер, 2014. 112 с.

Ларионов А.М. История Института инженеров путей сообщения Императора Александра I-го за первое столетие его существования. 1809–1910. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1910. 381 с.

Левин В.И. Социальная политика Министерства путей сообщения (1881–1914 гг.): автореф. дис. ... канд ист. наук. СПб., 2004. 18 с.

Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. СПб.: Государственный университет авиационного приборостроения, 2010. 548 с.

Фортунатов В.В. Петроградский институт инженеров путей сообщения (ныне – Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра) // Вузы Петрограда в годы Первой мировой войны. СПб., 2018. С. 102–111.

Фортунатов В.В. Н.А. Белелюбский – защитник прав студентов // Сборник трудов VI Бетанкуровского международного инженерного форума. СПб., 2024. С. 345–349.

Фортунатов В.В. Транспортная интеллигенция дореволюционной России: формирование, деятельность, особенности (1809–1917) // Интеллигенция и мир. 2017. № 2. С. 9–25.

References

Brandt, A.A. (1930). *List'ya pozheltevshe* [Yellowed Leaves]. Belgrad, Slavyanskaya vzaimnost'. 197 p.

Fortunatov, V.V. (2017). *Transportnaya intelligentsiya dorevol'yutsionnoy Rossii: formirovanie, deyatel'nost', osobennosti (1809–1917)* [Transport Intelligentsia of Pre-Revolutionary Russia: Formation, Activity, Features (1809–1917)]. In *Intelligentsiya i mir*. No. 2, pp. 9–25.

Fortunatov, V.V. (2018). Petrogradskiy institut inzhenerov putey soobshcheniya (nyne – Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya Imperatora Aleksandra) [Petrograd Institute of Railway Engineers (Now the St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander)]. In *Vuzy Petrograda v gody Pervoy mirovoy voyny*. St. Petersburg, pp. 102–111.

Fortunatov, V.V. (2024). N.A. Belelyubskiy – zashchitnik prav studentov [N.A. Belelyubsky – a Defender of Students' Rights]. In *Sbornik trudov VI Betankurovskogo mezhdunarodnogo inzhenernogo foruma*. St. Petersburg, pp. 345–349.

Gusakov, D.B. (2010). *Istoriya pensionnogo obespecheniya i sotsial'nogo strakhovaniya v Rossii* [The History of Pension Provision and Social Insurance in Russia]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy institut psikhologii i sotsial'noy raboty. 259 p.

Kiselev, I.P., Panychev, A.Y., Fortunatov, V.V. (Ed.). (2022). *Vsemirnoe nasledie Betankura: uchebnoe posobie* [The World Heritage of Betancourt: A Textbook]. St. Petersburg, Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya Imperatora Aleksandra I. 576 p.

Kiselev, I.P., Panychev, A.Yu., Fortunatov, V.V. (2019). *Obshshepoleznoe dlya Rossii uchrezhdenie: 100 faktov iz istorii Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshsheniya Imperatora Aleksandra I* [An Institution Generally Useful for Russia: 100 Facts from the History of the St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I]. St. Petersburg, Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya Imperatora Aleksandra I. 288 p.

Kovaleva, V.I. (Eds.). (2009). *Istoriya Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshsheniya: v 2 tomakh, 3 knigakh* [The History of the St. Petersburg State University of Railway Transport: In 2 Vol., 3 Books. Vol. 1: 1809–1910]. St. Petersburg, Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya Imperatora Aleksandra I. 534 p.

Kutsenina, T.I., Ostrovskiy, A.V. (2014). *Vremen svyazuyushshaya nit'... Inzheneriy putey soobshsheniya i Voskresenskiy Novodevichiy monastyr'* [The Connecting Thread of Time... Railway Engineers and the Resurrection Novodevichy Monastery]. St. Petersburg, RZHD-Partner. 112 p.

Larionov, A.M. (1910). *Istoriya Instituta inzhenerov putey soobshsheniya Imperatora Aleksandra I-go za pervoe stoletie ego sushchestvovaniya. 1809–1910* [The History of the Institute of Railway Engineers of Emperor Alexander I for the First Century of Its Existence. 1809–1910]. St. Petersburg, Typografiya Y.N. Erlich. 381 p.

Levin, V.I. (2004). *Sotsial'naya politika Ministerstva putey soobshsheniya (1881–1914 gg.)* [Social Policy of the Ministry of Railways (1881–1914)], Cand. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 18 p.

Ovodenko, A.A., Platova, E.E., Fortunatov, V.V. (2010). *Istoriya vysshey shkoly Sankt-Peterburga* [History of the Higher School of St. Petersburg]. St. Petersburg, Gosudarstvennyy universitet aviatsionnogo priborostroeniya. 548 p.

И.В. Сидорчук
Е.А. Ростовцев
С.А. Данилова*

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ СТУДЕНТАМ
ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (1873–1918 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-5
УДК 364.054.2:378(470.2)"1873–1918"

Выходные данные для цитирования:

Сидорчук И.В., Ростовцев Е.А., Данилова С.А. Значение целевого капитала в деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского Санкт-Петербургского университета (1873–1918 годы) // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 77–87. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-05.pdf>

I.V. Sidorchuk
E.A. Rostovtsev
S.A. Danilova*

THE MEANING OF ENDOWMENT IN THE ACTIVITIES
OF THE ST. PETERSBURG IMPERIAL UNIVERSITY
STUDENT WELFARE SOCIETY (1873–1918)

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-5

How to cite:

Sidorchuk I.V., Rostovtsev E.A., Danilova S.A. The Meaning of Endowment in the Activities of the St. Petersburg Imperial University Student Welfare Society (1873–1918) // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 77–87. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-05.pdf>]

Abstract. Currently, the history of the creation of endowments in the pre-revolutionary period attracts the attention of a number of specialists, which is largely due to the revival of this practice in higher education institutions. The study uses the materials of the St. Petersburg Imperial University Student Welfare Society to analyze the role of endowments in the implementation of various financial initiatives aimed at improving the quality of life of students. The source base of the work consists of the annual reports of the Society, published and archival materials related to the activities of the Council and the Board of St. Petersburg University, as well as the testimony of contemporaries about the Society and its leaders. The paper lists the endowments of the Company, demonstrates the dynamics of their growth, and pays special attention to Orest Miller's capital. As a result, it was shown that income from membership fees, public lectures, or book publishing was not reliable and did not successfully solve large tasks. In turn, the well-established work on the creation, enlargement and use of various endowments made it possible not only to help those in need with tuition fees or scholarships, but also to implement such huge projects for such societies as the organization of a student canteen and a sanatorium on the Black Sea coast. Thus, the effectiveness of endowment funds in the university environment was demonstrated, as well as the high importance of charitable initiatives in building fruitful and harmonious relationship in the "university family".

Keywords: St. Petersburg University, endowment, charity, students, public organizations, Orest Miller.

* **Илья Викторович Сидорчук**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: chubber@yandex.ru

Ilya Viktorovich Sidorchuk, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, e-mail: chubber@yandex.ru

Евгений Анатольевич Ростовцев, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: eugene.rostovtsev@gmail.com

Evgeniy Anatolyevich Rostovtsev, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: eugene.rostovtsev@gmail.com

Светлана Александровна Данилова, студент, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pr.sv.03@mail.ru

Svetlana Aleksandrovna Danilova, Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, e-mail: pr.sv.03@mail.ru

The article has been received by the editor on 29.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящее время история создания «вечных вкладов», или эндаументов, в дореволюционный период привлекает внимание целого ряда специалистов, что во многом связано с возрождением этой практики в высших учебных заведениях. В исследовании на материалах Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербургского Императорского университета проанализирована роль неприкосновенных и именных капиталов в реализации различных финансовых инициатив, направленных на повышение качества жизни студенчества. Источниковую базу работы составили ежегодные отчеты Общества, опубликованные и архивные материалы, касающиеся деятельности Совета и Правления Петербургского университета, а также свидетельства современников об Обществе и его руководителях. В работе перечислены неприкосновенные капиталы Общества, продемонстрирована динамика их роста, отдельное внимание обращено на капитал О.Ф. Миллера. В результате показано, что доходы с членских взносов, публичных лекций или издания книг были ненадежны и не позволяли успешно решать крупные задачи. В свою очередь, налаженная работа по устройству, приумножению и использованию различных капиталов дала возможность не только помогать нуждающимся в оплате обучения или выделять стипендии, но и реализовывать такие колоссальные проекты для подобных обществ, как организация студенческой столовой и санатория на побережье Черного моря. Таким образом, была продемонстрирована эффективность эндаумент-фондов в вузовской среде, а также высокое значение благотворительных инициатив при выстраивании плодотворных и гармоничных отношений в «университетской семье».

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, эндаумент-фонд, благотворительность, студенчество, общественные организации, О.Ф. Миллер.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025 г.

Молодого человека дореволюционной эпохи, приехавшего в большой город для учебы в университете, ждал не только круг единомышленников и радость соприкосновения с миром науки, но и серьезные испытания. Значительная часть студентов не могла похвастаться богатством, поэтому оказывалась перед необходимостью поиска средств к элементарному выживанию¹. Журналист П.К. Иванов, выпустивший в 1903 г. книгу «Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы», категорично утверждал: «Московский студент всегда немножко голоден. Впрочем, это “немножко” довольно растяжимо. Немножко голоден – после обеда, в остальное время – просто голоден. И, кажется, никогда студент не может сказать, положив руку на сердце: “Я сыт”»². Исследователь Н.Я. Олесич приводит данные, что только по весьма заниженным официальным статистическим цифрам половину студенчества «составляла малообеспеченная, подчас бедствующая молодежь»³.

Петербургский университет в данном случае не был исключением, тем более что сама жизнь в столице была дороже, а климат зачастую намного хуже родных для студентов мест. В дореформенный период, когда число студентов было относительно невелико, а среди них большой процент составляли казеннокоштные, вопрос организации помощи удавалось

¹ См., например: *Фадеева М.В.* Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 84–91.

² *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М., 1903. С. 39.

³ *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999. С. 16.

решить и без крупных общественных инициатив. Исследователи Т.Н. Жуковская и К.С. Казакова, проанализировав данные о типах стипендий, существовавших университете с 1819 по 1861 г., пришли к выводу, что в это время «доминировали государственные формы помощи малообеспеченным студентам, а число персональных и региональных стипендий, определенных от частных лиц и сообществ, было сравнительно невелико»⁴. Ситуация поменялась в пореформенный период, когда число студентов начало стремительно расти: если в 1857 г. их было 716⁵, то к началу 1885 г. уже 2 282⁶, а к началу 1900 г. – 3 634 плюс 28 сторонних слушателей⁷.

Организация действенной помощи нуждающимся потребовала новых институций, среди которых особая роль принадлежала созданному в 1873 г. Обществу вспомоществования студентам Императорского Санкт-Петербургского университета, просуществовавшему вплоть до 1918 г. Краткое описание его деятельности упоминается в крупных исследованиях, посвященных различным аспектам истории Петербургского университета в предреволюционный период⁸. Кроме этого, уже существует ряд исследований, непосредственно посвященных истории его организации и работы⁹. Их авторы склонны высоко оценивать значение деятельности Общества, равно как и личные качества главных энтузиастов его создания и функционирования, искренне стремившихся облегчить жизнь нуждающихся. Настоящая статья имеет целью обратиться к роли «вечных вкладов» (эндаументов) в решении этой задачи.

Первыми председателями Общества были бывший преподаватель университета, член Совета Ученого комитета Министерства народного просвещения А.С. Воронов, а после его кончины в 1875 г. – известный географ и государственный деятель П.П. Семёнов-Тян-Шанский. Общество выдавало студентам денежные пособия и стипендии, а также способствовало поиску заработка. При этом средства выдавались исключительно на беспроцентной основе¹⁰. Деньги предполагалось получать от членских взносов, пожертвований и возвращаемых выданных ссуд, организации лекций, представлений, концертов, продажи книг и т.д. Поддерживал Общество и непосредственно сам университет, периодически отпускавший ему деньги¹¹.

Суммы выданных ссуд позволяют говорить о том, что Общество действительно оказывало существенную помощь нуждающимся. В 1878 г. на оплату обучения, обедов, обуви и одежды, в виде денежных пособий и т.д. было выделено 13 564 руб. 61 коп., в 1885 г. – 12 175 руб. 93 коп., в 1909 г. – 24 378 руб. 67 коп., т.е. в XX в. выплаты существенно выросли. При этом все перечисленные источники финансирования не были надежными и достаточными для поддержания эффективной работы. Например, годовые членские взносы обычно составляли около 2–3 тыс. руб., вовсе не увеличиваясь со временем. Кроме этого,

⁴ Жуковская Т.Н., Казакова К.С. *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М., 2018. С. 185.

⁵ Там же. С. 520.

⁶ Годичный акт Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1885 года. СПб., 1885. С. 10.

⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1900 год. СПб., 1901. С. 16.

⁸ См., например: Олесич Н.Я. *Господин студент...* С. 35, 38; Ростовцев Е.А. *Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.)*. М., 2017. С. 231–235; Тихонов И.Л. *Традиции благотворительности и меценатства в Петербургском университете XIX – начала XX века* // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 128–140.

⁹ Островский А.В. *К истории Общества вспомоществования студентам Петербургского университета (1903–1905 гг.)* // Очерки по истории Ленинградского государственного университета. Л., 1989. Вып. 6. С. 168–174; Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. *Общество вспомоществования студентам Императорского Санкт-Петербургского университета (1873–1918 гг.)* // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2025. № 4 (В печати).

¹⁰ Проект устава Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 7282. Л. 3.

¹¹ О выдаче денег в пособие Обществу вспомоществования недостаточным студентам [11.10.1890] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 10591; О выдаче денег в пособие Комитету Общества вспомоществования недостаточным студентам [22.05.1889] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1057; и др.

ряд членов забывал их выплачивать¹². Доходы с концертов и обедов, обычно двух-четырех за год, составляли чаще всего менее 1 тыс. руб. с каждого. Студенты тоже не всегда отличались добросовестностью и хорошей памятью в вопросе возврата ссуд: уже в 1885 г. долг по ним составлял более 112 тыс. руб.¹³ Больше всего приносили пожертвования и случайные поступления, но это был трудно прогнозируемый доход и на него было сложно рассчитывать при стремлении строгого планирования деятельности. В результате, несмотря на обращение к различным способам получения средств, важным и самым надежным источником финансирования оказывались доходы, получаемые благодаря различным капиталам.

Начало работы в этом направлении относится к 1875 г., когда на собрании 7 февраля член Общества, коллекционер, собиратель связанных с А.С. Пушкиным реликвий А.Ф. Отто (Онегин) заявил о необходимости образовать основной капитал. Разработку вопроса собрание поручило комиссии, в которую вошли А.Ф. Отто, писатель И.С. Ремезов, а также филолог и издатель А.П. Пятковский. Комиссия эта признала необходимым отчислять в неприкосновенный капитал пожизненные взносы – единовременные взносы от 100 руб., которые давали пожизненное членство. Мера была одобрена собранием 1876 г., и в течение этого года уже составил капитал в 3 300 руб. из 33 сторублевых взносов. Для скорейшего пополнения затраченных взносов собрание 1877 г. постановило обратить на это возвраты долгосрочных ссуд. В 1879 г. проценты с капитала, поступившие в расходные суммы, составляли уже 410 руб. 62 коп., а сам капитал к 1 января 1880 г. достиг 8411 руб. Собрание 1880 г. постановило прекратить обращение в неприкосновенный капитал возвратов долгосрочных ссуд, а взамен того отчислять в этот капитал по 2 % с годовых членских взносов и пожертвований, поступающих в общие суммы, и по 5 % с возвратов долгосрочных ссуд. Благодаря этому в 1881 г. капитал принес уже 809 руб. 69 коп. процентных денег. Собрание 1882 г. решило отчислять в неприкосновенный капитал по 5 % со всех поступлений без различия. Наконец, с 1891 г., по постановлению Комитета, не вызывавшему возражений со стороны общего собрания, определено было отчислять в неприкосновенный капитал по 10 % со всех поступлений, не имеющих определенного назначения¹⁴.

В 1897 г. неприкосновенный капитал усилился поступлением 6 043 руб. 13 коп. от бывших распорядителей ежегодных обедов в день основания университета и достиг к 1 ноября 1898 г. 76 250 руб. В состав этой суммы входили: 1) капитал бывших студенческих читальни и научно-литературного общества, закрытых в 1887 г., – 1 118 руб. 85 коп.; 2) капитал имени Якова Ивановича Голубева (1800–1889), члена Совета Министерства финансов, пожизненного члена Общества, пожертвованный его сыном, сенатором и членом Государственного Совета И.Я. Голубевым в виде процентной бумаги в 1 тыс. руб. по номинальной цене, а по биржевой – 850 руб.; 3) капитал имени умершего в 1891 г. члена Комитета С.М. Айканова, пожертвованный его вдовой и состоящий также в процентной бумаге в 962 руб. по покупной стоимости; 4) капитал прежней (1857–1861 гг.) студенческой кассы, внесенный в 1896 г. издателем, публицистом и бывшим народовольцем Л.Ф. Пантелеевым, – 1 051 руб. 84 коп.; 5) капитал филологов выпуска 1881 г. – 100 руб.

Проценты с неприкосновенного капитала и с сумм, находившихся на текущем счету, поступившие в расходные суммы, достигали в 1897 г. 3 553 руб. 90 коп., что составляло приблизительно 16 % суммы, розданной в ссуды студентам (22 056 руб.).

Второй капитал, принадлежавший Обществу, составил из пожертвований в память первого председателя А.С. Воронова. Будучи основан в 1876 г. и постепенно усиливаясь новыми пожертвованиями и причисляемыми к нему процентными деньгами, этот капитал к 1 января 1892 г. достиг 5 689 руб. 33 коп. Тогда было постановлено из процентов образо-

¹² Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Основано 4 ноября 1873 года. Отчет за 1878 г. СПб., 1879. С. 7; Общество вспомоществования... Отчет за 1885 год. СПб., 1886. С. 20; Общество вспомоществования... Отчет за 1893 год. СПб., 1894. С. 23; Общество вспомоществования... Отчет за 1909 год. СПб., 1910. С. 23; Общество вспомоществования... Отчет за 1914 год. Пг., 1915. С. 18.

¹³ Общество вспомоществования... Отчет за 1885 год. СПб., 1886. С. 16.

¹⁴ Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета, основанного 4 ноября 1873 года. СПб., 1899. С. 61–62.

вать постоянную стипендию имени А.С. Воронова для выдачи таковой в сумме по 25 руб. в месяц одному лицу, учащемуся физико-математического факультета, преимущественно не ранее как со второго курса. Первыми стипендиатами стали студенты-естественники И.И. Даниловский (1892–1894 гг.), Н.Н. Хрущов (1894–1896 гг.) и К.И. Бунин (1896–1898 гг.). К 1 ноября 1898 г. капитал имени А.С. Воронова составлял 6 568 руб. (в % бумагах на 7 900 руб.; процентные деньги, остающиеся от стипендии, причислялись к капиталу для образования со временем новой стипендии на тех же условиях).

Также в 1876 г. было положено начало капиталу имени бывшего студента Санкт-Петербургского университета Алексея Григорьевича Ерошенко, убитого в Сербии в 1876 г., куда он отправился добровольцем участвовать в борьбе за независимость. Этого капитала числилось к ноябрю 1898 г. 3 268 руб. 85 коп. (в % бумагах на 3 600 руб.), причем процентные деньги за 1897 г. составляли 130 руб. 20 коп. По предложению Комитета, годовое собрание 1898 г. постановило обратить проценты с этого капитала на образование стипендии имени А.Г. Ерошенко по 10 руб. в месяц. В октябрьском очередном заседании Комитет решил представить на утверждение ближайшего очередного собрания предложение о выдаче упомянутой стипендии исключительно кому-либо из студентов первого курса по выбору Комитета.

Капитал имени Н.А. Некрасова, в основание которого легли 222 руб., доставленные в 1878 г. приват-доцентом кафедры астрономии и геодезии университета С.П. фон-Глазенапом, возрастал затем благодаря его же пожертвованиям и причисленным процентам. К 1 ноября 1898 г. он достиг 909 руб.

В 1879 г. лицо, пожелавшее остаться неизвестным, внесло в Общество 1 200 руб. и выразило согласие обратить эту сумму на выдачу студентам-стипендиатам, уезжающим весной из столицы в родные города, краткосрочных ссуд под залог их летних стипендий. Этот капитал, получивший название запасного капитала, был затем пополнен 70 руб., поступившими от члена Общества Ф.Е. Фельдмана, и 280 руб., отчисленными из общих сумм, так что к 1 января 1882 г. он составлял всего 1 550 руб.¹⁵

В 1896 г. Л.Ф. Пантелеевым был пожертвован в Общество особый капитал в 6%-ных облигациях С.-Петербургского общества конно-железных дорог на 3 тыс. руб. для обращения $\frac{3}{4}$ его дохода на взнос платы за недостаточных студентов первого курса за второе полугодие (остальная четверть присоединилась к капиталу).

В 1899 г. состоявший казначеем Общества с 1881 г. Н.А. Артемьев был вынужден покинуть эту должность ввиду своего назначения директором реального училища в Вологде. Несколькими членами Общества было выдвинуто предложение об образовании капитала его имени «в честь понесенных им трудов на пользу Общества». К 1 января 1900 г. этот капитал достиг 153 руб.¹⁶

В марте 1901 г. скончался И.С. Ремезов, который с 1898 г. был членом Совета министра народного просвещения и много лет возглавлял комиссию Общества, занимавшуюся возвратом долгов. Также он много сделал для увеличения неприкосновенного капитала. В частности, именно по его инициативе было принято решение отчислять в него еще и известный процент со всех поступлений, не имевших определенного назначения¹⁷. Изначально капитал составлял 20 руб., но уже за год вырос более чем на 700 руб.¹⁸

Результатом того, что некоторое время Общество возглавлял С.Ю. Витте, стало сделанное им пожертвование 5 тыс. руб.¹⁹ В 1907 г. с его капитала была назначена первая стипендия²⁰. В 1909 г. число стипендиальных капиталов увеличилось благодаря крупным пожертвованиям (каждое по 1 тыс. руб.) со стороны г-жи Посадской на капитал ее покойного мужа, чиновника особых поручений Министерства финансов и председателя правления Общества взаимного кредита Санкт-Петербургского уездного земства М.В. Посадского

¹⁵ Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности... С. 63–64.

¹⁶ Общество вспомоществования... Отчет за 1899 год. С. 16.

¹⁷ Общество вспомоществования... Отчет за 1901 год. СПб., 1902. С. 4–6.

¹⁸ Общество вспомоществования... Отчет за 1903 год. СПб., 1904. С. 15.

¹⁹ Общество вспомоществования... Отчет за 1906 год. СПб., 1907. С. 19.

²⁰ Общество вспомоществования... Отчет за 1907 год. СПб., 1908. С. 7.

и г-жи Зенкевич на капитал в память литератора и историка литературы П.И. Вейнберга²¹. В 1912 г. Общество получило 1 211 руб. от присяжного поверенного К.В. Недзвецкого, собранные им на образование неприкосновенного капитала имени покойного товарища обер-прокурора Сената Н.Г. Мотовилова (с правом пользования процентами)²².

Значение капиталов прекрасно демонстрируют цифры роста доходов по ним. За 1897 г. они составили 3 300 руб.²³, за 1909 г. – 7 315 руб. 80 коп.²⁴, за 1914 г. – 9 520 руб. 66 коп.²⁵ Таким образом, к концу XIX в. они давали больше, чем членские взносы, и затем разница только увеличивалась.

Размеры неприкосновенного и остальных капиталов на 1915 г. (последний год, за который доступна статистика Общества) приведены в табл. 1.

Таблица 1

Размеры неприкосновенного и остальных капиталов на 1915 г.

Наименование капитала	Остаток к 1 янв. 1915 г. (руб.)
Общие расходные суммы	7 091,45
Неприкосновенный капитал	131 754,22
Капиталы имени	
Н.А. Артемьева	337,50
И.С. Ремезова	7 085,25
А.С. Воронова	8 684,80
А.Г. Ерошенко	5 208,40
Н.А. Некрасова	5 060,15
О.Ф. Миллера	2 530,54
кн. З.Н. Юсуповой	20 455,99
гр. С.Ю. Витте	5 616,65
П.И. Вейнберга	1 245,35
М.В. Посадского	1 221
Н.Г. Мотовилова	1 211
Капитал, основанный Л.Ф. Пантелеевым	3 685,09
Итого	201 247,39

Составлено по: Общество вспомоществования... Отчет за 1914 год. Пг., 1915. С. 15.

Кроме описанных капиталов, в кассе Общества находился еще фонд имени О.Ф. Миллера, неприкосновенный лишь в некоторой своей части и предназначенный на принятие мер к удешевлению жизни студентов. О нем, равно как и о том, в честь кого он назван, следует сказать особо, так как благодаря этим деньгам удалось реализовать, пожалуй, самое успешное и нужное начинание Общества.

Орест Федорович Миллер (1833–1889) был во многом уникальным человеком. Научную известность он получил благодаря своим исследованиям народного эпоса, в частности былин об Илье Муромце. По своим убеждениям он был явным славянофилом, что видно по его интерпретациям событий российской истории, типичным для людей таких взглядов. С 1863 по 1870 г. он занимал должность приват-доцента на кафедре русского языка и словесности историко-филологического факультета, а с 1870 по 1887 г. – профессора.

²¹ Общество вспомоществования... Отчет за 1909 год. С. 9.

²² Общество вспомоществования... Отчет за 1912 год. СПб., 1913. С. 12, 21.

²³ Общество вспомоществования... Отчет за 1897 год. СПб., 1898. С. 27.

²⁴ Общество вспомоществования... Отчет за 1909 год. СПб., 1910. С. 23.

²⁵ Общество вспомоществования... Отчет за 1914 год. Пг., 1915. С. 18.

С 1882 г. возглавлял научно-литературное студенческое общество, которое было закрыто в 1887 г. из-за причастности его членов к покушению на Александра III. В том же году он был уволен из университета из-за лекции по поводу кончины М.Н. Каткова. О.Ф. Миллер последовательно отстаивал идею свободы слова как краеугольного камня славянофильства²⁶ и в лекции выступил с противопоставлением славянофильских идей консервативным установкам и государственно-полицейскому абсолютизму, ревнителем которых выступал умерший редактор «Московских новостей».

Как сочувствующих взглядам О.Ф. Миллера, так и их противников не переставала удивлять его необычайная личная доброта и стремление помочь нуждающимся, а в особенности студентам. Его можно описать как очень светлого человека. В.И. Вернадский охарактеризовал его как «благородного, чистого сердцем идеалиста-славянофила»²⁷. Показательна ходившая о нем легенда, что однажды, желая помочь просителю, но не имея достаточно возможностей, он дал ему для заклада свой профессорский фрак²⁸. Таким образом, совершенно неудивительно, что он стал товарищем председателя Общества вспомоществования, которое впоследствии было готово всячески почитать его память.

В общем собрании 7 февраля 1891 г. было постановлено открыть особый счет капиталу имени О.Ф. Миллера, который на тот момент составлял 581 руб. 20 коп. Через год Общество решило учредить особую комиссию под председательством Н.А. Меншуткина для изыскания к его скорейшему увеличению. В ее деятельности вызвались принять участие Г.В. Бартольд, Б.Б. Глинский, А.А. Кауфман, С.Ф. Ольденбург, А.М. Ону, М.И. Свешников и А.Д. Соколов. Это были бывшие слушатели О.Ф. Миллера с различных факультетов, которых связывала теплая память о своем учителе. Почти все они принимали участие в студенческом научно-литературном обществе. В результате капитал к 1 января 1894 г. достиг 1 212 руб. 44 коп. Рост проходил медленно, так как пожертвования собирались лишь в тесном кругу ближайших знакомых и учеников. Первоначальное назначение капитала – служить источником для премий и стипендий специалистам по русской литературе – было признано не вполне удачным, так как память об О.Ф. Миллере была дорога студентам и других факультетов и премия за успехи не являлась основной целью Общества. В результате в ноябре 1894 г. было принято решение обратить его капитал в фонд для учреждения при Обществе студенческой столовой. Таким образом, удалось достичь сразу двух целей. Во-первых, капитал предназначался на широкое дело, одинаково важное для всех студентов университета, что, как полагали авторы идеи, вполне соответствовало духу и желаниям О.Ф. Миллера. Это должно было привлечь обильный приток пожертвований со стороны всех, кто сознавал потребность в улучшении студенческого питания, независимо от того, была ли им известна личность ученого. Во-вторых, таким образом вопрос об открытии столовой переносился из области разговоров и надежд на практическую почву. Было ясно, что ее не открыть без значительных средств и что одна из главных причин неуспеха прежних попыток заключалась именно в отсутствии капитала для ее организации и обеспечения ее существования.

Историю организации столовой можно назвать отдельной страницей в истории Общества. Вплоть до конца XIX в. решить вопрос студенческого питания так и не удалось, и студенты постоянно жаловались на низкое качество и высокие цены в кухмистерских. Попытки устройства столовых землячествами наталкивались на настороженное отношение со стороны властей, во многом справедливо видевших в них пространства для распространения революционных идей²⁹. Учитывая весь предыдущий неудачный опыт, Общество твердо решило добиться решения проблемы. С этой целью осенью 1895 г. было принято решение разослать

²⁶ Малинов А.В. Петербургский славянофил Орест Фёдорович Миллер // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2016. Вып. 28. С. 160–164; Баринов Д.А., Ростовцев Е.А. Орест Федорович Миллер // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/71-miller-orest-fedorovich.html> (дата обращения: 06.02.2025).

²⁷ Цит. по: Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб., 2020. С. 60.

²⁸ Олесич Н.Я. Господин студент... С. 35.

²⁹ Никонов С.А. Жизнь студенчества и революционная работа конца восьмидесятых годов // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках: в 3 т. СПб., 2023. Т. 2, кн. 1. С. 307.

сочувствующим лицам и редакциям периодических изданий воззвание о пожертвованиях – практика, уже показавшая свою эффективность. Это позволяло рассчитывать на поддержку не только отдельных состоятельных благотворителей и университетских преподавателей, но более широкого круга отзывчивых людей со всех уголков страны, стремившихся оказать содействие нуждам просвещения. Воззвание «ко всем, кому дорого просвещение родного края, кто возлагает надежды на молодое поколение и желает видеть его окрепшим для будущей полезной работы» было напечатано и разослано в феврале 1896 г. всем членам Общества, редакциям периодических изданий, попечителям учебных округов, директорам среднеучебных заведений, представителям земского, дворянского и городского самоуправления и многим отдельным лицам, на сочувствие которых была надежда³⁰. Выбранная тактика позволила достичь успеха и принесла прекрасный результат. Мысль о столовой была встречена с сочувствием, и если к 1 января 1896 г. капитал имени О.Ф. Миллера составлял 1 584 руб. 67 коп., то к 1 января 1897 г. он вырос до 12 515 руб. 65 коп.

Княгиня З.П. Юсупова в ответ на ходатайство Общества об уступке принадлежавшего ей участка возле университета для устройства столовой изъявила свое согласие сделать это за 18 тыс. руб. с рассрочкой уплаты на три года, причем эти деньги обращались на пособие нуждающимся студентам университета в виде стипендий или в другой форме по ее или наследников указанию. Здание столовой, находящееся в настоящее время по адресу Биржевая ул., д. 6, было возведено по проекту И.Н. Коковцова, который также был одним из авторов проекта Физического института при университете. Санкт-Петербургская городская управа рассмотрела и утвердила проект 24 мая 1900 г., а 3 июня его одобрило Технически-совещательное присутствие при Санкт-Петербургском градоначальнике³¹. Открытие столовой состоялось в октябре 1902 г.

К сожалению, дальнейшая судьба столовой оказалась весьма сложной, что было связано не столько с вопросами финансирования, сколько с тем, что университет стал одним из центров революционного движения. Студенчество воспринимало ее как прекрасное пространство для революционной работы³². В результате столовая периодически закрывалась, однако за время своей деятельности сумела существенно способствовать решению проблемы студенческого питания. Например, только за ноябрь 1909 г. в ней было продано 32 640 порций супа, а общее количество употребленного мяса (говядины, телятины, баранины и свинины) составило 22 764 фунта³³.

К чести руководства Общества, в непростых рамочных условиях оно нашло возможность для осуществления еще одного крупного институционального проекта, значительно способствовавшего улучшению студенческой жизни. И это также стало возможным главным образом благодаря эндаументам. Речь идет об устройстве санатория в Евпатории для отправки на лечение больных студентов. Работа над его организацией началась в 1903 г., но из-за различных проволочек и объективной сложности реализации постройка началась в 1909 г. На лечение направлялись только имевшие соответствующие медицинские показатели. Дорогой была не только постройка, но и содержание санатория. Так, с 1 июня по 15 августа Комитет Общества израсходовал на это 1 029 руб.³⁴

Среди целей создания эндаументов обычно называют достижение независимости от разовых пожертвований и взносов, финансовую стабильность деятельности и формирование долговременного источника финансирования³⁵. Со стороны же благотворителей оно

³⁰ Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности... С. 85.

³¹ [Резолюция об утверждении Генерального плана дворового места Общества вспомоществования студентам императорского СПб университета] // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2081. Л. 1.

³² Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 80.

³³ Общество вспомоществования... Отчет за 1909 год. СПб., 1910. С. 56–57.

³⁴ Общество вспомоществования... Отчет за 1914 год. Пг., 1915. С. 7–8.

связано с желанием эффективного использования жертвуемых средств³⁶. Обращение к истории Общества вспомоществования студентам С.-Петербургского университета показывает, что наиболее действенно и рационально решать поставленные задачи Обществу удавалось именно благодаря эффективно налаженной работе по устройству, приумножению и использованию различных капиталов. Они позволили не только помогать нуждающимся в оплате обучения, костюма и обуви или выделении стипендий, но и в реализации по-настоящему масштабных проектов, таких как организация полноценной студенческой столовой и санатория на побережье Черного моря. Ни членские взносы, ни издание книг, ни устройство лекций или вечеров таких результатов принести не смогли. Кроме этого, вклады гарантировали стабильность работы Общества, сумевшего за годы своего существования оказать реальную помощь тысячам студентов.

Литература

Баринов Д.А., Ростовцев Е.А. Орест Федорович Миллер // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/71-miller-orest-fedorovich.html> (дата обращения: 06.02.2025).

Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. С. 67–80.

Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый Хронограф, 2018. 576 с.

Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1903. 296 с.

Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета, основанного 4 ноября 1873 года. СПб.: [Б. и.], 1899. 103 с.

Лукичев П.М. Императорское Вольное экономическое общество: эволюция первого научного общества России // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 20–27.

Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020. 608 с.

Малинов А.В. Петербургский славянофил Орест Федорович Миллер // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2016. Вып. 28. С. 145–198.

Никонов С.А. Жизнь студенчества и революционная работа конца восьмидесятых годов // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках: в 3 т. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2023. Т. 2. 1862–1916 годы. Кн. 1 / сост. и отв. ред. Е.А. Ростовцев. 502 с.

Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 208 с.

Островский А.В. К истории Общества вспомоществования студентам Петербургского университета (1903–1905 гг.) // Очерки по истории Ленинградского государственного университета. Л., 1989. Вып. 6. С. 168–174.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Общество вспомоществования студентам Императорского Санкт-Петербургского университета (1873–1918 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2025. № 4 (В печати).

³⁵ Лукичев П.М. Императорское Вольное экономическое общество: эволюция первого научного общества России // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 24; Титов В.Т., Ендовицкий Д.А. Эндаумент-фонды в системе высшего образования РФ // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 10.

³⁶ Титов В.Т., Ендовицкий Д.А. Эндаумент-фонды в системе высшего образования РФ... С. 10.

Тумов В.Т., Ендовицкий Д.А. Эндаумент-фонды в системе высшего образования РФ // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 9–17.

Тихонов И.Л. Традиции благотворительности и меценатства в Петербургском университете XIX – начала XX века // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С 128–140.

Фадеева М.В. Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 84–91.

References

Barinov, D.A., Rostovtsev, E.A. (2012). Orest Fedorovich Miller [Orest Fedorovich Miller]. In *Biografika SPbGU*. Available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/71-miller-orest-fedorovich.html> (date of access 06.02.2025).

Bondarevskaya, T.P. (1979). Bol'shevistskaya organizatsiya universiteta v revolyutsii 1905–1907 gg. [The Bolshevik Organization of the University in the Revolution of 1905–1907]. In *Peterburgskiy universitet i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 67–80.

Fadeeva, M.V. (2022). Student uchitel'stvuyushchiy: studenty Imperatorskogo Moskovskogo universiteta v poiskakh sredstv k sushchestvovaniyu [Teaching Student: Students of the Imperial Moscow University in Search of a Livelihood]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 79, pp. 84–91.

Ivanov, P. (1903). *Studenty v Moskve. Byt. Nrav. Tipy. Ocherki* [Students in Moscow. Mode of Life. Morals. Types. Essays]. Moscow, Tipografiya Shtaba Moskovskogo voennogo okruga. 296 p.

Lukichev, P.M. (2017). Imperatorskoe Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo: evolyutsiya pervogo nauchnogo obshhestva Rossii [Free Economic Society: Evolution of the First Scientific Society of Russia]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*. Vol. 27, No. 2, pp. 20–27.

Malinov, A.V. (2016). Peterburgskiy slavyanofil Orest Fedorovich Miller [St. Petersburg Slavophile Orest Fedorovich Miller]. In *Veche. Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury*, No. 28, pp. 145–198.

Malinov, A.V. (2020). *Issledovaniya i stat'i po russkoy filosofii* [Studies and Articles on Russian Philosophy]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Rossiyskoy Khristianskoy Gumanitarnoy Akademii. 608 p.

Nikonov, S.A. (2023). Zhizn' studenchestva i revolyutsionnaya rabota kontsa vos'midesyatykh godov [The Life of Students and the Revolutionary Work of the Late Eighties]. In *Sankt-Peterburgskiy universitet v vospominaniyakh i dnevnikakh: In 3 vol. Vol. 2. 1862–1916 gody, book I*. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta. 502 p.

Olesich, N.Ja. (1999). *Gospodin student Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Mr. Student of the Imperial Saint Petersburg University]. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta. 208 p.

Ostrovskiy, A.V. (1989). K istorii Obshchestva vspomoshchestvovaniya studentam Peterburgskogo universiteta (1903–1905 gg.) [On the History of the St. Petersburg University Student Welfare Society (1903–1905)]. In *Ocherki po istorii Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 6*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 168–174.

Rostovtsev, E.A. (2017). *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Capital University of the Russian Empire: Academic Class, Society and Authorities (The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 903 p.

Rostovtsev, E.A., Sidorchuk, I.V. (2025). *Obshchestvo vspomoshchestvovaniya studentam Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta (1873–1918 gg.)* [The Society of Assistance

to Students of the Imperial Saint Petersburg University (1873–1918)]. In *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, No. 4 (In print).

Tihonov, I.L. (2009). Traditsii blagotvoritel'nosti i metsenatstva v Peterburgskom universitete XIX – nachala XX veka [Traditions of Charity and Patronage at St. Petersburg University of the 19th – Early 20th Century]. In *Sankt-Peterburgskiy universitet v XVIII – XX vv.: evropeyskie traditsii i rossiyskiy kontekst. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Leninskogo universiteta, pp. 128–140.

Titov, V.T., Endovitskiy, D.A. (2007). Endowment-fondy v sisteme vysshego obrazovaniya RF [Endowment Funds in the Higher Education System of the Russian Federation]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 11, pp. 9–17.

Zhukovskaya, T.N., Kazakova, K.S. (2018). *Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoy polovine XIX veka* [Anima Universitatis: Students of St. Petersburg University in the First Half of the 19th Century]. Moscow, Novyy Khronograf. 576 p.

Э.А. Черноухов*

ЦЕЛЕВОЙ СТИПЕНДИАЛЬНЫЙ ФОНД
ПЕРМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА:
ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ИТОГИdoi:10.31518/2618-9100-2025-4-6
УДК 37.014.543.3+94(470.53)

Выходные данные для цитирования:
Черноухов Э.А. Целевой стипендиальный фонд Пермского губернского земства:
противоречивые итоги // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 88–96.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-06.pdf>

E.A. Chernoukhov*

THE PERM PROVINCIAL ZEMSTVO
TARGET SCHOLARSHIP FUND:
CONTRADICTIONARY RESULTS

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-6

How to cite:
Chernoukhov E.A. The Perm Provincial Zemstvo Target Scholarship Fund:
Contradictory Results // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 88–96.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-06.pdf>]

Abstract. The article examines the organization and activities of the Perm Provincial Zemstvo target fund for financing scholarships in higher education institutions. They were intended primarily for talented but low-income locals and zemstvo employees, who were traditionally considered better suited for long-term service in the region. The creation of the target fund in 1886 was a consequence of fifteen years of accumulated experience in paying scholarships at the expense of budget assignments and existing foreign practice. It was formed from the funds returned by the scholarship holders. After the accumulation of a certain required minimum amount (200 thousand rubles) determined by the members of the council, since 1910 all new scholarships for studying in higher education institutions in the Perm Provincial Zemstvo began to be appointed from the target fund. The author shows that the main problem in its activities was the steadily growing debts for the return of the allocated funds. Recipients often viewed them not as loans, but as a kind of “benefits”. Regularly tightened rules for the assignment and return of scholarships could not reverse this negative trend. It was established that the target fund had no real prospects for development. With the beginning of the First World War, the provincial zemstvo council noted the upcoming decrease in receipts and the potential need to sell its securities. Therefore, a fundamental innovation in determining new scholarships for the Perm University being created was the provision on the renewal of annual budget assignments to replenish the target fund. This contradictory historical experience must be taken into account in the modern educational practice of preparing target students.

Keywords: higher education institutions, zemstvo scholarship programs, emergency capital, Perm provincial zemstvo.

*The article has been received by the editor on 29.04.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье рассматривается организация и деятельность целевого фонда Пермского губернского земства для финансирования стипендий в высших учебных заведениях. Они предназначались преимущественно для талантливых,

* Эдуард Анатольевич Черноухов, доктор исторических наук, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: echernoukhov@yandex.ru

Eduard Anatolievich Chernoukhov, Doctor of Historical Sciences, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia; Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: echernoukhov@yandex.ru

но малообеспеченных местных уроженцев и земских служащих, которые традиционно считались лучше приспособленными к длительной службе в регионе. Создание в 1886 г. целевого фонда стало следствием накопленного пятнадцатилетнего опыта выплаты стипендий за счет сметных назначений и имевшейся зарубежной практики. Он был сформирован из возвращенных стипендиатами средств. После накопления определенной гласными необходимой минимальной суммы (200 тыс. руб.) с 1910 г. все новые стипендии для обучения в высших учебных заведениях в Пермском губернском земстве стали назначать из целевого фонда. Автором показано, что главной проблемой в деятельности фонда стали неуклонно растущие долги по возврату выделенных средств. Получатели зачастую рассматривали их не как ссуду, а своеобразное «благоедеяние». Регулярно ужесточаемые правила назначения и возврата стипендий не смогли переломить эту негативную тенденцию. Установлено, что целевой фонд не имел реальных перспектив для развития. С началом Первой мировой войны губернская земская управа констатировала грядущее уменьшение поступлений средств и потенциальную необходимость реализации его ценных бумаг. Поэтому принципиальным новшеством при определении новых стипендий для создаваемого Пермского университета стало положение о возобновлении ежегодных сметных назначений для пополнения целевого фонда. Этот противоречивый исторический опыт необходимо учитывать в современной образовательной практике подготовки студентов-целевиков.

Ключевые слова: высшие учебные заведения, земские стипендиальные программы, неприкосновенный капитал, Пермское губернское земство.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025 г.

На протяжении большей части XIX – начала XX в. во многих отдаленных от университетских центров регионах Российской империи существовал дефицит специалистов, получивших высшее образование. Одним из вариантов решения этой проблемы представлялось определение стипендий, предназначенных для талантливых, но малообеспеченных местных уроженцев. Такая форма поддержки привела к созданию различных целевых (в дореволюционной терминологии – «вечных», «неприкосновенных») капиталов, изучением которых в последние годы активно занимается Национальная ассоциация эндаументов. При этом подавляющая часть исследований пока посвящена деятельности частных благотворительных фондов, ориентированных на создание и содержание заведений социальной инфраструктуры¹. Целевой капитал Пермского губернского земства для выплат стипендий в высших учебных заведениях уникальный, хотя и во многом противоречивый проект.

Уже в капитальном исследовании Б.Б. Веселовского отмечалось, что к концу XIX в. губернские и частично уездные земства обзавелись собственными или пожертвованными капиталами для развития народного образования, в том числе назначения стипендий². При этом подавляющая часть из них продолжала выплачиваться из сметных назначений.

Земские стипендиальные программы упоминались в монографиях по земскому самоуправлению³, истории благотворительности⁴ и становлению женского медицинского образования в России⁵. На материалах Пермской губернии рассматривалась поддержка системы

¹ Грачева Е. История возникновения целевых капиталов в российской филантропии [Электронный ресурс] // «Въчный вкладъ». URL: <https://ruea.ru/images/articles/128/Mi4g0JjRgdGC0L7RgNC40Y8g0KbQmiDQsiDQoNC%2B0YHQuNC4IDEzLTQw.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

² Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 582–583.

³ Земское самоуправление в России, 1864–1918. М., 2005. Кн. 1. С. 375–376; Кн. 2. С. 144.

⁴ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.

⁵ Зимин И.В., Журавлев А.А. ПСПБГМУ имени академика И.П. Павлова: этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). 2-е изд. СПб., 2020. С. 262.

образования в планах всеобща⁶, дискуссии по «типичному образу» земских врачей⁷ и повышении квалификации медиков⁸. Появились и первые научные статьи по организации и деятельности дореволюционных целевых фондов для помощи народному просвещению, медицинским учреждениям и малоимущим согражданам⁹. Но рассматриваемый нами целевой стипендиальный фонд Пермского губернского земства до сих пор не упоминался ни в одной работе.

Поэтому ключевую роль для исследования имеет источниковая база. Ее основу составили делопроизводственные материалы очередных и чрезвычайных Пермских губернских земских собраний, включая предоставленные им доклады управы по стипендиатам (с 1885 г. последние стали отдельными изданиями). Их фронтальный анализ показал наличие перманентных дискуссий гласных, членов управ и приглашенных специалистов по содержанию и реализации стипендиальных программ. Кроме того, просмотр подобных ежегодных «Журналов» земских собраний во всех 12 уездах Пермской губернии позволил выявить особенности их деятельности в этой сфере.

Реконструкция противоречивого опыта реализации стипендиальных программ Пермского губернского земства с созданием специального целевого капитала опиралась на историко-генетический метод, применение которого позволило проследить эволюцию конкретного фонда начиная с предпосылок его создания до ликвидации в новых исторических реалиях.

Земства Пермской губернии, созданные в 1870 г., сразу столкнулись с проблемой найма и адаптации специалистов с высшим образованием. В первые полтора десятилетия в новых органах местного самоуправления и на губернском, и на уездном уровнях для них существовали многочисленные вакансии. Одним из вариантов решения проблемы представлялось назначение стипендий местным уроженцам. Земские деятели традиционно считали, что они лучше приспособлены к службе в Пермской губернии, удаленной от университетских центров, с неразвитыми транспортными путями и суровым климатом.

Следует отметить, что определение стипендий для обучения в высших учебных заведениях практиковалось в регионе и ранее. Так, горное ведомство в 1820–1870-х гг. назначало их для подготовки и повышения квалификации врачей уральских казенных заводов. Эта несколько раз корректируемая практика показала противоречивые результаты. Вскоре после отмены крепостного права в горном ведомстве осознали необходимость искать другие стимулы привлечения врачей в казенные округа¹⁰. Данный опыт был учтен и земствами, вскоре заменившими отработку стипендиатов на возврат ими выделенных средств.

Но первоначально правила назначения стипендий в этих новых органах местного самоуправления Пермской губернии существенно отличались. В уездных земствах сразу стали заключать с претендентами на стипендии соглашения по отработке и/или возвращению полученных средств. Наоборот, в Пермском губернском земстве в первое десятилетие не вводили каких-либо обязательств. Его гласные на втором чрезвычайном собрании 1871 г.

⁶ Голикова С.В. Школьно-строительный фонд имени Петра Великого и его деятельность в Пермской губернии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 46–47.

⁷ Лядова В.В., Невоструев Н.А. Земский врач: попытка исторической реконструкции (на примере Пермской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Технологос. 2022. № 2. С. 7; Черноухов Д.Э., Черноухов Э.А. Земские врачи Осинского уезда Пермской губернии в 1870–1919 гг. (к дискуссии о типичном образе этих специалистов) // Технологос. 2023. № 4. С. 91.

⁸ Шестова Т.Ю. Повышение квалификации и стипендии на обучение для уральских медиков в XIX веке // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 2 (74). С. 82–83.

⁹ Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4. С. 46–52; Маслова И.В. Эффективная филантропия в сфере образования в России: дореволюционная и современная практики // ЭКО. 2023. № 6. С. 179–184; Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3-2. С. 86–87.

¹⁰ Черноухов Э.А. Врачи-стипендиаты для казенных горных заводов Урала в XIX веке // Вопросы истории. 2012. № 1. С. 163–165.

при назначении первой стипендии большинством голосов определили, что при их установлении она будет означать «ссуду, а не благодеяние» (подчеркнуто нами. – Э. Ч.)¹¹.

Но большинство первых стипендиатов губернского земства или не вернулись в регион после завершения обучения, или не поступили на службу в органы местного самоуправления. Такие результаты, а также хронический дефицит бюджета привели к кардинальному изменению правил определения стипендий: здесь с 1881 г. также прекратили назначение «безобязательственных» пособий для получения высшего образования¹².

В середине 1880-х гг. земские стипендиальные программы подверглись масштабной трансформации. А в уездных земствах Пермской губернии практически полностью отказались от практики назначения стипендий в высшие учебные заведения, посчитав это «сферой ответственности» губернского земства. Единственным постоянным исключением оставалось Чердынское земство, где на проценты с созданного в 1880 г. целевого фонда в 10 тыс. руб. имени императора Александра II выплачивали две «безобязательственные» стипендии, в том числе одну (в 300 руб.) – в высшем учебном заведении¹³. В губернском земстве с 1886 г. отказались от обязательства отработки для своих стипендиатов, оставив для них только возвращение всех выделенных средств. В Пермской губернии к середине 1880-х гг. был ликвидирован острый дефицит врачей, на подготовку которых назначалось большинство первых стипендий¹⁴.

Наконец, XVI очередное Пермское губернское земское собрание в январе 1886 г. приняло единогласное решение о том, чтобы все возвращаемые стипендиатами средства отныне перечислялись не в доходную часть сметы, а поступали в создаваемый целевой фонд¹⁵. Он был призван продолжать решать две основные взаимосвязанные задачи: подготовку для службы в земствах Пермской губернии специалистов с высшим образованием и помощь способным, но малообеспеченным местным жителям (в приоритетном порядке детям земских служащих, учителей и крестьян) в его получении¹⁶.

Принципиальным отличием этого целевого фонда от существующих подобных зарубежных аналогов стала декларация беспроцентного характера выдачи стипендий. Их получатели, в том числе не завершившие обучение, должны были возратить только все выделенные средства. Лишь в 1910 г. для них была введена 6%-ная пеня за невыплату долга в установленный срок¹⁷.

Создание целевого стипендиального фонда не потребовало дополнительных затрат для Пермского губернского земства. Ответственным за его деятельность был один из членов управы. Необходимые документы собирал ее отдел народного образования, в котором сохранилось всего две ставки. Губернская земская управа ежегодно предоставляла обширный доклад со сведениями о поступивших заявлениях, наличных стипендиатах, имевшихся вакансиях, невыплаченных долгах и средствах целевого фонда очередному собранию. На последнем определялись обладатели и размеры выделяемых стипендий.

Решение о создании целевого фонда Пермского губернского земства не привело к быстрым изменениям, ведь он не располагал никаким первоначальным капиталом. На конец первого в его деятельности 1886 г. в фонде было всего 1 395 руб., которые возвратили бывшие стипендиаты, а также числилось за ними в виде долгов 2 896 руб.¹⁸

¹¹ Журналы Пермского губернского земского собрания II чрезвычайной сессии с докладами губернской управы. Пермь, 1871. С. 198.

¹² О стипендиатах губернского земства в учебных заведениях // Сборник Пермского земства. 1881. № 1. С. 17–18, 24–25.

¹³ Журналы Чердынского уездного земского собрания XXXII сессии; доклады управы и комиссий 1901 г. Чердынь, 1902. С. 607, 615.

¹⁴ Черноухов Э.А. «Ни чинов, ни орденов, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158–159.

¹⁵ Журналы XVI очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. Пермь, 1886. С. 15.

¹⁶ Впервые необходимость создания такого фонда обсуждалась еще на XIII очередном собрании 1883 г.

¹⁷ Журналы Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии и доклады комиссий. Пермь, 1910. С. 103.

¹⁸ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XVII очередной сессии. Пермь, 1887. С. 11.

По решению XVI очередного губернского собрания для начала выплат требовалось создать целевой неприкосновенный капитал в 100 тыс. руб., основную часть которого предполагалось хранить в доходных ценных бумагах. С получаемых ежегодных процентов и возвращаемых стипендиатами средств предполагалось назначать новые пособия для обучения.

В ожидании этих перемен с конца 1880-х гг. стипендиальная программа Пермского губернского земства начала существенно расширяться. Число штатных стипендий для высших учебных заведений (за счет увеличения сметных назначений) к 1894 г. возросло с двух до пятидесяти. В результате необходимые для их выплат суммы составили уже 2 % расходной части бюджета Пермского губернского земства¹⁹. После этого число штатных стипендий в высшие учебные заведения больше не увеличивали (только в 1914 г. добавили именную, но «обязательственную» земского деятеля И.Я. Тугаринова)²⁰.

Последнее во многом объяснялось возникшими серьезными проблемами с пополнением целевого фонда. XXXIX очередное Пермское губернное собрание 1909 г. повысило его необходимый минимальный капитал для начала выплат со 100 до 200 тыс. руб. Это логично объяснялось тем, что обычно половину потенциальных активов фонда составляли невозвращенные долги.

Кроме того, были утверждены новые правила, ужесточившие условия получения стипендий. Теперь их получатели должны были заключить с губернской управой договор о возврате средств «на актовой бумаге, засвидетельствованной училищным начальством». Его также подписывали их родители или попечители, которые давали свое согласие на исполнение «обязательств». Последнее объяснялось несовершеннолетним возрастом большинства получателей стипендий, которые зачастую использовали этот фактор для отказа от выполнения условий договора. Теперь, согласно новым правилам, для завершивших обучение или отчисленных устанавливалась необходимость платить определенный процент с годового жалования уже не в 900, а в 300 руб.²¹

Только XXXX очередное Пермское губернное земское собрание 1910 г. приняло решение начать выплаты штатных стипендий в высшие учебные заведения из целевого фонда. В тот период он располагал 147,8 тыс. руб. в ценных бумагах, которые принесли 5 916 руб. дохода. На выплату стипендий приходилось направлять и часть возвращаемых стипендиатами средств. Ведь еще почти половину потенциальных активов фонда составляли их долги (135 тыс. руб.)²².

XXXXV очередное Пермское губернное собрание 1915 г. последний раз подвело итоги деятельности своего целевого стипендиального фонда, приведя и некоторые показатели его работы за пять лет. К сожалению, проследить часть из них в динамике не представляется возможным. Журналы губернской управы в ее фонде в Государственном архиве Пермского края не сохранились.

Доходная часть. На 1 января 1914 г. формально в целевом фонде числилось 316 777 руб., но 177 213 руб. (56 %) были долгами стипендиатов. Большая часть из реально имевшихся в фонде 139 564 руб. размещалась в ценных бумагах, которые приносили стабильный средний годовой доход в почти 6 тыс. руб. Кроме того, бывшие стипендиаты ежегодно возвращали по 12–14 тыс. руб. (в среднем 13,4 тыс. руб. за пять лет). То есть фонд ежегодно имел свободными (не в неприкосновенном капитале) 18,5–19,5 тыс. руб.

Расходная часть. На выплату стипендий в среднем ежегодно требовалось 17,5 тыс. руб. В частности, в 1914 г. у Пермского губернского земства было 34 стипендиата в восьми столичных высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы (им назначили

¹⁹ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXV очередной сессии. Пермь, 1895. С. 98.

²⁰ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 45 очередной сессии. Отд. 1. Народное образование. Пермь, 1915. С. 56.

²¹ Журналы Пермского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии и доклады комиссий. Пермь, 1909. С. 67–68.

²² Журналы Пермского губернского земского собрания 42-й очередной сессии и доклады управы и комиссий. Пермь, 1912. С. 23–24.

по 360 руб.) и 17 – в пяти вузах других городов (по 300 руб.)²³. То есть всего им определили 17 360 руб.²⁴ Оставшиеся одну-две тысячи направляли на перманентную работу с должниками: их выявление, публикации в газетах о задолженностях, оплату юридических консультантов и судебных расходов.

В результате для выплаты штатных стипендий в высших учебных заведениях средств в первые пять лет деятельности целевого фонда (1910–1914) в целом хватало. Но большая часть возвращаемых средств направлялась не в неприкосновенный капитал (как это изначально предполагалось при создании), а на выплату новых пособий. Поэтому осуществить обсуждаемый масштабный план назначения из него всех стипендий Пермского губернского земства (также в средних и профессиональных заведениях) не представлялось реальным. Их в 1914 г. насчитывалось 176, что в среднем требовало до 40 тыс. руб. выплат в год. А получить такую сумму в качестве процентов можно было только с целевого капитала в 1 млн 75 тыс. руб.

Между тем в докладе управы 1915 г., наоборот, сообщалось о грядущем уменьшении поступлений в стипендиальный фонд и потенциальной необходимости продажи части его ценных бумаг²⁵. А перед губернским земством в тяжелых условиях военного времени встала задача определения новых стипендий для студентов эвакуированного Петроградского университета, отделение которого открылось в Перми 1 октября 1916 г. Его управа разработала новый проект, учитывая уже накопленный солидный опыт в этой сфере.

Получатели 13 новых «обязательственных» стипендий должны были подписать выше-названные жесткие условия их возврата, принятые в 1909 г. К ним добавилось и требование платить по 10–20 руб. в месяц для лиц, не получавших штатного жалования (адвокатов, частнопрактикующих специалистов и др.). При определении этих стипендий для Пермского университета принципиальным новшеством стала просьба управы об определении в сметах губернского земства ежегодных взносов в 10 тыс. руб. в целевой фонд²⁶. Такое возвращение к сметным начислениям позволило бы несколько улучшить его состояние. Ведь на выплату 13 новых стипендий по 300 руб. требовалось 3,9 тыс., а потенциально оставшиеся 6,1 тыс. позволили бы решить часть вышеназванных проблем целевого фонда.

Но реализацию этих планов сорвали революционные события. В новых реалиях XXXXVII очередное собрание 1917 г. не обсудило предложения управы по стипендиям. А в начале 1918 г. Пермское губернное земство было ликвидировано советской властью.

В завершение систематизируем весь самый сложный комплекс противоречий в организации и деятельности рассматриваемого целевого стипендиального фонда. Они приводили к перманентным дискуссиям современников и вряд ли могут получить однозначную оценку в наши дни.

С одной стороны, важной причиной назначения стипендий стала социальная функция поддержки малообеспеченных лиц, в большинстве способных и стремящихся к получению высшего образования. Основными претендентами на их получение традиционно были дети земских служащих и учителей начальных школ, а также и сами последние, получавшие небольшое жалование. Так, в 1908–1910 гг. именно эти категории лиц в Пермском губернном земстве составили половину от всех стипендиатов, получивших средства для обучения в высших учебных заведениях²⁷.

Но, с другой стороны, значительная часть из них реально не испытывала благодарности за оказанную помощь. Так, за 15 первых лет XX в. на службу в земства Пермской губернии вернулись только 37 из 189 (15,3 %) бывших стипендиатов: 27 врачей, 5 инженеров,

²³ Правила 1909 г. не предусматривали ранее практикуемое назначение стипендий в европейские университеты.

²⁴ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 45-й очередной сессии... С. 53–54, 99–101.

²⁵ Там же. С. 54.

²⁶ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 47-й очередной сессии... С. 25–28.

²⁷ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 41-й очередной сессии. Отд. 1. Народное образование. Пермь, 1911. С. 1.

по 2 агронома и ветеринара, провизор²⁸. Это явно не оправдывало ожиданий деятелей местного самоуправления. Так, в Осинском уездном земстве и в начале XX в. регулярно и достаточно долго (до полугода-года) оставались вакантными места врачей, особенно в сельских участках²⁹.

Поэтому часть гласных обоснованно отмечала неразумность расхода средств фонда при перманентно дефицитном бюджете. Следствием их претензий стали периодические корректировки списка высших учебных заведений, в которые назначались стипендии. В частности, в 1914 г. из него исключили юридические факультеты, высшие курсы Лесгафта и новых языков, выпускники которых совсем не поступали на службу в земства³⁰.

Самой болезненной проблемой оставались неуклонно растущие долги перед целевым фондом бывших стипендиатов. Регулярно ужесточаемые правила назначения и возврата стипендий так и не смогли переломить эту негативную тенденцию. В 1915 г. не приступили к выплатам 45 % бывших стипендиатов³¹. Существенную часть долгов приходилось регулярно списывать по объективным причинам (умерших, с лиц с длительно неизвестным нахождением, сошедших с ума и т.п.). Управой особо отмечалась тяжесть работы с бывшими стипендиатами-женщинами, сменившими фамилию и/или ставшими домохозяйками. Существенную часть выделенных средств удавалось вернуть только с помощью юристов в ходе длительной переписки и судебных тяжб, требовавших значительных расходов.

При этом невозможно дать однозначную оценку невозврату долга рядом конкретных лиц. Так, Александр Александрович Опокин (1878–1939) с помощью стипендии Пермского губернского земства в 1904 г. окончил медицинский факультет Казанского университета. Поступив служить в университетскую клинику, он так полностью и не погасил свой долг³². Но А.А. Опокин в 1904–1909 гг. четыре раза в летние месяцы временно замещал в родном для себя Верхотурском уезде вакантные ставки земских врачей. Уже в советское время он создал известную научную хирургическую школу в Томском университете³³. Следует отметить, что проблема уклонения стипендиатов от возвращения полученных средств была типичной и для других земств России³⁴.

В целом весь относительно короткий период наполнения и функционирования целевого стипендиального фонда Пермского губернского земства сопровождался серьезными финансовыми, юридическими и психологическими проблемами. Возможно, современным руководителям отечественного высшего образования следует учитывать этот противоречивый опыт.

Литература

Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет: в 4 т. СПб.: Тип. Поповой, 1909. Т. 1. 741 с.

Голикова С.В. Школьно-строительный фонд имени Петра Великого и его деятельность в Пермской губернии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 41–50.

Грачева Е. История возникновения целевых капиталов в российской филантропии [Электронный ресурс] // «Вѣчный вкладъ». URL: <https://ruea.ru/images/articles/128/Mi4g0JjRgdGC0L7RgNC40Y8g0KbQ.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

²⁸ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 45-й очередной сессии... С. 55.

²⁹ Черноухов Д.Э., Черноухов Э.А. Земские врачи... С. 93.

³⁰ Журналы Пермского губернского земского собрания 45-й очередной сессии и доклады управы и комиссий. Пермь, 1915. С. 59.

³¹ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 47-й очередной сессии... С. 43.

³² Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 45-й очередной сессии... С. 96.

³³ Мендрина Г.И., Мочалина Л.А. А.А. Опокин – видный военно-полевой хирург, клиницист, ученый-организатор, общественный деятель // Здравоохранение Российской Федерации. 2015. № 3. С. 50–52.

³⁴ Шестова Т.Ю. Повышение квалификации... С. 84.

Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. / под ред. Н. Г. Королевой. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 1864–1904. 428 с.; Кн. 2. 1905–1918. 384 с.

Зимин И.В., Журавлев А.А. ПСПбГМУ имени академика И. П. Павлова: этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). 2-е изд. СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2020. 388 с.

Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4. С. 42–58.

Лядова В.В., Невоструев Н.А. Земский врач: попытка исторической реконструкции (на примере Пермской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Технологос. 2022. № 2. С. 5–24.

Маслова И.В. Эффективная филантропия в сфере образования в России: дореволюционная и современная практики // ЭКО. 2023. № 6. С. 177–192.

Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3-2. С. 84–93.

Мендрин Г.И., Мочалина Л.А. А.А. Опокин – видный военно-полевой хирург, клиницист, ученый-организатор, общественный деятель // Здравоохранение Российской Федерации. 2015. № 3. С. 49–53.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.

Черноухов Д.Э., Черноухов Э.А. Земские врачи Осинского уезда Пермской губернии в 1870–1919 гг. (к дискуссии о типичном образе этих специалистов) // Технологос. 2023. № 4. С. 88–96.

Черноухов Э.А. Врачи-стипендиаты для казенных горных заводов Урала в XIX веке // Вопросы истории. 2012. № 1. С. 161–165.

Черноухов Э.А. «Ни чинов, ни орденов, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158–160.

Шестова Т.Ю. Повышение квалификации и стипендии на обучение для уральских медиков в XIX веке // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 2 (74). С. 81–88.

References

Chernoukhov, D.E., Chernouhov, E.A. (2023). Zemskie vrachi Osinskogo uezda Permskoy gubernii v 1870–1919 gg. (k diskussii o tipichnom obraze etikh spetsialistov) [District Doctors of the Osinskiy District of the Perm Province in 1870–1919 (To the Discussion about These Specialists' Typical Image)]. In *Tekhnologos*. No. 4, pp. 88–96.

Chernoukhov, E.A. (2012). “Ni chinov, ni ordenov, ni pensii na starost’ ne daetsya”. Polozhenie vrachey Permskoy gubernii v kontse XIX veka [No Ranks, no Orders, No Old-Age Pensions Are Given]. Status of Doctors in the Perm Province at the End of the 19th Century]. In *Rodina*. No. 11, pp. 158–160.

Chernoukhov, E.A. (2012). Vrachy-stipendiaty dlya kazennykh gornyykh zavodov Urala v XIX v. [The Physicians-Scholarship Holders for the Mining Works of the Urals in the 19th Century]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 148–152.

Golikova, S.V. (2019). Shkol’no-stroitel’nyy fond imeni Petra Velikogo i ego deyatel’nost’ v Permskoy gubernii [The Peter the Great School Construction Fund and Its Activities in the Perm Province]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 41–50.

Gracheva, E. Istoriya vozniknoveniya tselevykh kapitalov v rossiyskoy filantropii [History of the Emergence of Target Capital in Russian Philanthropy]. In *Vechnyy vklad*. Available at: URL: <https://ruea.ru/images/articles/128/Mi4g0JjRgdGC0L7RgNC40Y8g0KbQ.pdf> (date of access 28.04.2025).

Komleva, E.V. (2022). “S kapitalom, navsegda im pozhertvovannogo...”: endaumenty v kupecheskoy srede Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [“From the Capital, Forever Donated by him...”: Endowments in the Merchant Environment of Siberia (19th – Early 20th Centuries)]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. Vol. 7, No. 4, pp. 42–58.

Koroleva, N.G. (Ed.). (2005). *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918* [Zemstvo Self-Government in Russia, 1864–1918]. Moscow, Nauka. Book 1. 428 p.; Book 2. 384 p.

Lyadova, V.V., Nevostruev, N.A. (2022). Zemskiy vrach: popytka istoricheskoy rekonstruktsii (na primere Permskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka) [District Doctor: An Attempt of Historical Reconstruction (On the Example of the Perm Province of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Tekhnologos*. No. 2, pp. 5–24.

Maslova, I.V. (2023). Effektivnaya filantropiya v sfere obrazovaniya v Rossii: dorevolutsionnaya i sovremennaya praktika [Effective Philanthropy in Education in Russia: Pre-Revolutionary and Modern Practices]. In *EKO*. No. 6, pp. 177–192

Maslova, I.V. (2023). Tselevye kapitaly kak forma organizatsii blagotvoritel'noy deyatel'nosti v dorevolutsionnoy i sovremennoy Rossii [Target Capital as a Form of Organizing Charitable Activities in Pre-Revolutionary and Modern Russia]. In *Voprosy istorii*. No. 3-2, pp. 84–93.

Mendrina, G.I., Mochalina, L.A. (2015). A.A. Opokin – vidnyy voenno-polevoy khirurg, klinitsist, uchenyy-organizator, obshchestvennyy deyatel' [Opokin – a Prominent Military Field Surgeon, Clinician, Scientist-Organizer, Public Figure]. In *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii*. No. 3, pp. 49–53.

Shestova, T.Yu. (2016). Povyshenie kvalifikatsii i stipendii na obucheniye dlya ural'skikh medikov v XIX v. [Advanced Training and Scholarships for Ural Doctors in the 19th Century]. In *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta*. No. 2 (74), pp. 81–88.

Ul'yanova, G.N. (2005). *Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii, XIX – nachala XX veka* [Charity in the Russian Empire, the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka. 403 p.

Veselovskiy, B.B. (1909). *Istoriya zemstva za sorok let* [Zemstvo History for 40 Years]. St. Petersburg, Tip. Popovoy. Vol. 1. 741 p.

Zimin, I.V., Zhuravlev, A.A. (2020). *PSPbGMU imeni akademika I.P. Pavlova: etapy bol'shogo puti. Vozniknovenie zhenskogo meditsinskogo obrazovaniya v Rossii i sozdanie Zhen'skogo meditsinskogo instituta (XVIII – nachalo XX vv.)* [Pavlov First Saint Petersburg State Medical University: Stages of a Long Journey. The Emergence of Women's Medical Education in Russia and the Creation of the Women's Medical Institute (18th – Early 20th Centuries)]. 2-e izd. St. Petersburg, RITs PSPbGMU. 388 p.

М.О. Сметанин*

РОЛЬ НЕПРИКОСНОВЕННЫХ КАПИТАЛОВ
В СТАНОВЛЕНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО
ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТАdoi:10.31518/2618-9100-2025-4-7
УДК 94:727.3:378.4(571.16)

Выходные данные для цитирования:
Сметанин М.О. Роль неприкосновенных капиталов в становлении
Императорского Томского университета // Исторический курьер. 2025.
№ 4 (42). С. 97–112. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-07.pdf>

M.O. Smetanin*

THE ROLE OF UNTOUCHABLE CAPITAL
IN THE ESTABLISHMENT OF IMPERIAL TOMSK UNIVERSITY

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-7

How to cite:
Smetanin M.O. The Role of Untouchable Capital in the Establishment of Imperial
Tomsk University // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 97–112.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-07.pdf>]

Abstract. This paper explores the significance of endowments in the establishment and operation of Imperial Tomsk University. Drawing on data from various sources – primarily archival materials and a compilation of information on the budgets of institutions subordinate to the Ministry of National Education in the Western Siberian Educational District – a comparative analysis of quantitative indicators for designated endowments has been conducted. The analysis reveals that Tomsk University ranked second within the district in terms of the number of endowment funds received, and first in the total amount of initial capital and interest accrued. The study also highlights the role of private financing in the university's construction budget, with endowments from P.G. Demidov and Z.M. Tsybul'skiy accounting for nearly half of the total amount. Special attention is given to the correlation between endowments accompanied by formal Regulations and donations lacking normative provisions. Seventeen such endowments were not accompanied by explicit stipulations, allowing the university to allocate the funds at its discretion for current needs. An analysis of thirty-three endowments with Regulations showed that most were intended for establishing named scholarships. The terms of these scholarships reflected the social strategies of donors, including estate-based, regional, and religious preferences. The founders came from all social groups of the Russian Empire, most frequently merchants, and the scholarships primarily supported low-income students and the donors' compatriots.

Keywords: history of education, Imperial Tomsk University, Siberian merchants, charity, endowment, nominal scholarship.

*The article has been received by the editor on 29.04.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье рассматривается роль неприкосновенных капиталов в создании и образовательной деятельности Императорского Томского университета. На основании ряда источников, в основном архивных документов и сборника сведений о бюджете заведений, подведомственных Министерству народного просвещения по Западно-Сибирскому учебному округу, проведен сравнительный анализ количественных показателей содержащихся в нем данных о целевых неприкосновенных капиталах. Сделан вывод, что в рамках Западно-Сибирского учебного округа Томский университет занимал

* **Максим Олегович Сметанин**, студент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: maksimsm02@mail.ru
Maksim Olegovich Smetanin, Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: maksimsm02@mail.ru

второе место по числу внесенных в его пользу целевых капиталов и первое по сумме как первоначальных денежных вложений, так и начислявшихся с них процентов. Выявлено, что в бюджете строительства здания большую долю занимали частные средства, представленные в основном неприкосновенными капиталами П.Г. Демидова и З.М. Цибульского, – они составили почти половину итоговой суммы. Особое внимание уделено соотношению капиталов с оформленными Положениями и пожертвований без нормативной регламентации. Такие неприкосновенные капиталы, которых было 17, не сопровождалось указанием конкретного назначения, что позволяло университету использовать их в рамках текущих нужд. Анализ 33 капиталов с Положениями в свою очередь показал, что большинство из них предназначались для учреждения именных стипендий, условия предоставления которых варьировались и отражали сословные, региональные и религиозные предпочтения жертвователей. Их учредителями становились представители различных сословий Российской империи, чаще всего купцы, а сами стипендии создавались в основном для поддержки малообеспеченных студентов, земляков донаторов.

Ключевые слова: история образования, Императорский Томский университет, сибирское купечество, благотворительность, целевой капитал, именная стипендия.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025 г.

Исследователи сходятся во мнении, что крупнейшими филантропами Сибири были в первую очередь представители купечества¹, причем большое внимание они уделяли вопросам образования². Один из примеров – история становления Императорского Томского университета. Многие современники учреждения, строительства и открытия этого знакового для региона учебного заведения подчеркивали значимость роли, которую сыграла при этом общественная и частная инициатива. Неслучайно в торжественной речи, произнесенной в честь открытия университета, попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский отметил, что университет «может считать себя особенно счастливым», потому что «люди, близко принимающие к сердцу потребности высшего просвещения, помогли ему подготовить к открытию учебных курсов богатые коллекции по многим отраслям естествознания <...>, подумали также об условиях жизни студентов <...>, то же следует сказать о библиотеке»³. Авторы других дореволюционных текстов, будь то публицистические заметки или исторические очерки⁴, также высоко оценивали филантропическую деятель-

¹ Булгакова О.В. Роль купеческого сословия и благотворительности в становлении и развитии Томска // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 170–173; Зиновьев В.П., Зиновьева В.И. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 9–20; Колодий Г.Н. История благотворительности в Сибири: тенденции и закономерности (на примере строительства общественных зданий в Иркутске) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2 (2). С. 151–158; и др.

² Бойко В.П. Благотворительность западносибирского купечества в области народного образования в XIX веке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (спецвыпуск). 2000. № 4 (20). С. 56–61; Шиловский М.В. Специфика благотворительности в сфере образования дореволюционного периода в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 161–164; и др.

³ Первый университет в Сибири [репр. воспр. текста изд. 1889 г.]. Томск, 2023. С. 12.

⁴ Сибирский университет – как его концепция, так и ее реализация – активно обсуждался в прессе. В периодической печати выходили в том числе обзорные статьи, описывающие историю создания университета. Например: Ядринцев Н.М. Первый сибирский университет // Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы. СПб., 1879. Т. 6, ноябрь. С. 58–92; Первый университет в Сибири (история его осуществления) // Сибирская газета. 22 июля 1888. № 55. С. 3–6; Вагин В. Исторический очерк вопроса о университете // Восточное обозрение. 24 июля 1888. № 29. С. 4–5; Никитин Е. К десятилетнему юбилею Томского Императорского университета // Сибирская жизнь. 22 июля 1898. № 155. С. 1–2; Дмитриев-Мамонов А. К истории первого университета в Сибири (1875–1899 гг.): памяти В. М. Флоринского // Всемирный вестник. 1905. № 10. С. 28–67; и др.

ность: они описывали внесенные на строительство, а затем на дальнейшее развитие университета неприкосновенные капиталы, перечисляли также единоразовые пожертвования частных лиц и общественных организаций.

В советский период изучение истории благотворительности отходит на второй план. Так, если в 1923 г. Н.С. Юрцовский, рассказывая о создании университета, указывал, что «к моменту открытия Томского университета на постройку его зданий, на его содержание, оборудование и учреждение

Рис. 1. Императорский Томский университет.
Открытка начала XX в.

при нем студенческих стипендий были собраны значительные пожертвования»⁵, часть из которых он перечислил⁶, то в статье, посвященной 50-летию университета, описаны – хотя и довольно подробно – лишь пожертвования, ставшие основой университетских библиотеки и гербария⁷. Некоторое ослабление идеологических оценок, под влиянием которых дореволюционная история университета могла быть описана только как «буржуазно-помещичий произвол»⁸, происходившее в 1960–1980-х гг., нашло отражение в литературе: так, в работе П.А. Зайченко, посвященной 75-летию университета, вновь встречаются фамилии П.Г. Демидова, З.М. Цибульского и А.М. Сибирякова. Остаются неназванными, но упоминаются и другие филантропы: «крупные капиталисты Сибири» и «целый ряд сибирских городских самоуправлений» жертвовали на строительство университета, «ряд лиц внес пожертвования книгами в фонд будущей библиотеки»⁹. В коллективной монографии, опубликованной в честь 100-летнего юбилея университета, первые ревнители его создания названы уже не «сибирефильствующими демократами»¹⁰, а «разночинной интеллиген-

Печатались также отдельные брошюры и сборники, выпуск которых приурочивался к значимым событиям и юбилейным датам. Например: *Первый университет в Сибири. Томск, 1889*; *Попов М.Ф. Краткий исторический очерк императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913*; и др. Помимо этого, история создания университета была пространно описана в гл. XIII книги Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония...».

⁵ Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. Ново-Николаевск, 1923. С. 210.

⁶ Капиталы Демидова, Цибульского, Сибирякова и т.д. подробнее см.: Юрцовский Н.С. Очерки... С. 207, 210–211.

⁷ Вяткин Г. 50-летие Томского государственного университета // Просвещение Сибири. 1934. № 6. С. 21–22.

Интересно при этом отметить, что косвенное упоминание роли благотворительности в процессе создания университета в тексте все же присутствует, но в несколько искаженном виде: автор статьи, подкрепляя тезис о нежелании правительства открывать в Томске университет, приводит развернутую цитату из письма К.П. Победоносцева Александру III, в котором обер-прокурор наряду с попытками убедить царя в опасности появления высшего учебного заведения в Сибири приводит ответ защитников этой идеи: «Правительство зашло уже слишком далеко; им обещано; приняты значительные пожертвования на сумму до 900 тыс. руб.» (цит. по: Вяткин Г. 50-летие... С. 14). Таким образом, хотя сумма явно завышена, само наличие подобного аргумента показывает, что практика пожертвований была распространена, и Вяткин в тексте никак это не опровергает.

⁸ Расширенная цитата: «...царское правительство, душившее подлинно-революционную мысль, все живое, все передовое в культурном отношении, культивировавшее мракобесие, библию и нагайку, держало университет в черном теле буржуазно-помещичьего произвола» (Никульков В. Энтузиастам науки // Красное знамя. 25 мая 1934. № 112. С. 1).

⁹ Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 38. 42.

¹⁰ Вяткин Г. 50-летие... С. 13.

цией»¹¹. В ней, помимо известных крупных жертвователей, охарактеризованы также благотворители, положившие начало минералогической и этнографической коллекциям университета, его музею и ботаническому саду¹².

Современная историография охватывает широкий круг тем: от изучения профессуры и студенчества¹³ до описания появления научных школ и музеев¹⁴. В ряде публикаций анализируется и влияние филантропии на создание и функционирование университета¹⁵. Однако и ознакомительные, и более детальные работы, характеризующие благотворительную деятельность, связанную с Томским университетом, ограничиваются в основном двумя-тремя наиболее известными пожертвованиями, такими как вклад З.М. Цибульского или А.М. Сибирякова, не поясняя при этом их специфику¹⁶.

Цель данной статьи – рассмотреть именно целевые неприкосновенные капиталы, проанализировать, какое место они занимали в становлении и функционировании Императорского Томского университета в конце XIX – начале XX в., т.е. кем, с какой целью, в какой форме и для чего они создавались.

Сделать это позволяет обращение к делопроизводственной документации, хранящейся в фондах Государственного архива Томской области (ГАТО)¹⁷ и в электронной библиотеке (репозитории) Томского государственного университета (ЭБ ТГУ): переписка членов Строительного комитета, например будущего попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского с чиновниками – генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнаковым, министром народного просвещения И.Д. Деляновым, работниками его ведомства и т.д., университетскими благотворителями, представленными как частными лицами, так и общественными организациями, в процессе которой обсуждались, одной стороной – создавались, а другой – принимались денежные и материальные пожертвования, после чего они заносились в отчетную документацию. Первые, помимо этого, в случае создания непри-

¹¹ Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. С. 11.

¹² Там же. С. 19–22.

¹³ Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск, 1996. Т. 1: 1888–1917; Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 207–215; Грибовский М.В. Профессора Томского университета – гласные городской думы (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 18–23; Вититнева Е.В., Кузьменко А.С., Пахомова Н.В. Особенности материально-бытового положения студентов высших учебных заведений г. Томска в конце XIX – начале XX вв. в контексте истории повседневности // Былые годы. 2019. Т. 3, № 53. С. 1281–1291; и др.

¹⁴ Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998; Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А. История музеев Томского университета (1888–1941 гг.) в документах и материалах // Томские музеи. Музеи университетов: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». Томск, 2012. С. 27–271; Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90; и др.

¹⁵ Зиновьев В.П., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Роль З.М. Цибульского в создании первого в Азиатской России университета: к 200-летию со дня его рождения и 140-летию учреждения Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 63–74; Дмитриенко Н.М. Императорский Томский университет и сибирское купечество: опыт взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 94–102; Дунбинский И.А. Возведение зданий Сибирского (Томского) университета как общероссийский проект // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 18–26; и др.

Связанной с университетом благотворительной деятельности касаются также работы, написанные в рамках других тем. Например, О.В. Ищенко в статье о материальном положении студентов в числе прочих факторов анализирует наличие у них стипендий. Подробнее см.: Ishchenko O.V. Siberian Students' Material Situation in the early 20th century (based on Student Questionnaires) // Bylye Gody. 2019. No. 51 (1). P. 366–379.

¹⁶ В отличие от единовременных пожертвований, полученная сумма не расходовалась получателем, в данном случае – университетом, а становилась неприкосновенным капиталом (совр. эндаумент), т.е. отдавалась в управление банку для инвестирования, доход от которого шел на благотворительные нужды.

¹⁷ Использовались данные из фонда Комитета по постройке зданий Сибирского университета в г. Томске (Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103), фонда Главного инспектора училищ Западной Сибири (ГАТО. Ф. 125), а также фонда Управления Западно-Сибирского учебного округа Министерства народного просвещения (ГАТО. Ф. 126).

косновенного капитала дополнительно публиковались в специально издаваемых сборниках постановлений Министерства народного просвещения, которое рассматривало и утверждало каждый такой вклад по отдельности.

После открытия Императорского Томского университета эти записи фиксировались, во-первых, в ежегодных «Отчетах о состоянии Императорского Томского университета»¹⁸, в которых указывалась динамика их использования, т.е. кому и в какой форме выдавались средства, полученные путем приращения конкретных вкладов, а также в периодически выпускавшихся сборниках сведений о неприкосновенных капиталах. Таковых существует несколько: во-первых, были составлены два сборника по всему Западно-Сибирскому учебному округу, которые, помимо сведений о неприкосновенных капиталах Томского университета, включают информацию о фондах других образовательных учреждений, входивших в его состав¹⁹. Так, в 1894 г. были изданы «Положения о стипендиях на счет процентов с пожертвованных капиталов при Императорском Томском университете и других учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа»²⁰. Через несколько лет, в 1906 г., П.М. Кауфман с целью «иметь наивозможно полные сведения в центральном управлении о всех существующих капиталах <...> восполнить пробелы в сведениях о специальных капиталах <...> и внести в дело принятия пожертвований, выработки положений о них, управления заведений капиталами возможно больше порядка и однообразия» предложил создать такие перечни документов по всем учебным округам. Крайней датой было назначено 1 января 1907 г., однако поступающая для подготовки информация при ее большом объеме была неполна, в связи с чем министерству пришлось «завести громадную переписку» для восполнения недостающих данных. Поэтому же было решено издать не полный сборник неприкосновенных капиталов всех учебных округов империи, а печатать их отдельными выпусками по каждому округу «по мере получения окончательных сведений»²¹. Последовательно были выпущены таковые по Оренбургскому (1909), Рижскому (1910), Казанскому (1911) и Одесскому (1913) учебным округам, следующим в 1915 г. был создан «Сборник сведений о специальных капиталах ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения», составленный по Западно-Сибирскому учебному округу.

Несколько обновленная информация о неприкосновенных капиталах Томского университета содержится в юбилейном «Кратком историческом очерке Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.)», изданном в 1917 г.²² Данный сборник, однако, содержит лишь краткий перечень неприкосновенных капиталов без указания их положений, из-за чего в работе в качестве основного источника используется более подробный «Сборник сведений...» за 1915 г.²³

Из него следует, что в 1907 г. в Западно-Сибирском учебном округе насчитывалось 236 неприкосновенных капиталов. Из них на Томский университет приходилось 50 вкладов, на четыре мужские гимназии – 35, на четыре реальных училища – 24, на шестнадцать городских училищ – 39, на девять женских гимназий – 58, на двадцать семь приходских училищ –

¹⁸ Например: Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1888 год. Томск, 1889.

¹⁹ Западно-Сибирский учебный округ включал в себя территории Тобольской и Томской губерний, а также Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей.

²⁰ Положения о стипендиях на счет с процентов пожертвованных капиталов при Императорском Томском университете и других учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1894.

²¹ Предисловие // Сборник сведений о специальных капиталах ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения. Петроград, 1915. Вып. V. Западно-Сибирский учебный округ.

²² Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917.

²³ Именно он охватывает наиболее продуктивный этап благотворительной деятельности в пользу университета: для учреждения стипендий до 1880 г. было создано два неприкосновенных капитала, за период 1880–1899 гг. – 25 (из них больше половины – 15 вкладов – за 1888–1897 гг.), 1900–1913 гг. – 11 (подсчитано по: Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования... С. 206–210). Сборник сведений из этого списка не включает лишь пять капиталов, созданных в 1908–1912 гг.

28, на учительскую семинарию и низшее механическое училище – по одному²⁴. Университет, таким образом, по числу вкладов находился на втором месте, уступая только женским гимназиям²⁵. В денежном эквиваленте как по исходным вложениям, так и по сумме накопившихся к 1 января 1907 г. процентов он был однозначным лидером: первоначальная сумма капиталов в процентных бумагах составляла 543 650 руб., в наличных деньгах – 92 436 руб. У женских гимназий, для сравнения, эти показатели составляли 114 900 и 29 998 руб. соответственно, т.е. примерно в 4,7 и 3 раза меньше. Аналогичная ситуация с накопившимися к 1907 г. процентами – женские гимназии уступали университету в 4,4 и 3,6 раза.

Характеристику основного массива неприкосновенных капиталов, сформированных в пользу Императорского Томского университета, начнем с упоминания о самом первом таком вкладе, появившемся более чем за 70 лет до открытия первого высшего учебного заведения в Сибири. Хорошо известно, что еще в начале XIX в. обсуждалась идея создания университета на территории региона²⁶. Именно тогда ученый и меценат Павел Григорьевич Демидов выделил на строительство университетов в Киеве и Тобольске 100 тыс. руб., и «пока приспееет время образования сих последних <...> капитал, для них назначенный, положен был в государственное место с тем, чтобы обращением своим возрастал в пользу тех университетов»²⁷. Первое высшее учебное заведение на территории Сибири было основано лишь в последней четверти XIX в.

Этому способствовало то, что за открытие Сибирского университета начала активно выступать местная общественность, в периодической печати «создалась целая литература о Сибирском университете»²⁸, а «в 70-х годах вопрос об университете в Сибири стал настолько злободневным, что обсуждение его вышло даже за пределы России»²⁹. Под воздействием данных обстоятельств в 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков в ходатайстве на имя Александра II поднял вопрос о необходимости создания в Сибири высшего учебного заведения.

В качестве основных причин для учреждения университета он называл необразованность населения, недостаток рабочих кадров, в первую очередь врачей, и пагубные последствия сосуществования этих факторов: «малоразвитость значительной части населения, чуждающегося помощи врачебной, <...> недостаток самих врачей не могут не способствовать развитию болезненности»³⁰. Отдельно губернатор указывал неразвитость местной образовательной системы: «учебных заведений около пятисот. Все они принадлежат к разряду низших, за исключением трех мужских гимназий»³¹.

²⁴ Сводная таблица // Сборник сведений о специальных капиталах ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения. Петроград, 1915. Вып. V. Западно-Сибирский учебный округ.

²⁵ В сборнике представлены сведения о девяти женских образовательных учреждениях: Омской почетных граждан Поповых, Томской Мариинской, Барнаульской, Семипалатинской, Тюменской, Курганской Александровской, Бийской Николаевской, Каинской и Ялуторовской. Преобладание неприкосновенных вкладов именно в данных гимназиях может быть связано с тем, что в конце XIX – начале XX в. все большее значение и общественную огласку приобретали вопросы, связанные с женским образованием. Со стороны государства их решение осуществлялось созданием специализированных учебных заведений, а со стороны небезразличной части общества – материальной поддержкой, в том числе в виде неприкосновенных капиталов.

²⁶ Предварительные правила народного просвещения. СПб., 1803. С. 6.

²⁷ Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 г. Томск, 1888. С. 1–2.

²⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 582. Для подтверждения Ядринцев приводит большое количество примеров публикаций по данной теме в сибирской периодической печати: Там же. С. 582–587.

²⁹ Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. С. 11.

³⁰ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 474. Л. 40–40 об.

Недостаток врачей и учителей отмечали и другие современники, ср. у Ядринцева: «в Сибири большой недостаток учителей <...> еще больший недостаток в Сибири медиков. На целые округа, величиной в европейские государства, приходится один медик, да и тот в разъездах» (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 573–574).

³¹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 474. Л. 41–41 об.

Ситуация мало изменилась ко времени открытия университета: тогда на территории Западно-Сибирского учебного округа «находилось всего 690 учебных заведений с общим штатом учебно-воспитательного персонала в 2 053 человека при 24 945 учащихся». Цит. по: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604а. Л. 4 об.

Решение всех этих проблем Казнаков видел в открытии на ее территории университета: «усилия главной местной власти должны клониться к тому, чтобы, подняв уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготавливать из своей среды сведущих и образованных в числе по меньшей мере достаточном для удовлетворения нужд местного населения. Учреждение общего для всей Сибири университета, казалось, могло бы разрешить эту задачу»³².

Доводы Казнакова возымели нужный эффект: 16 мая 1878 г. было подписано высочайшее повеление: «Разрешить учреждение Императорского Сибирского университета в г. Томск»³³. Томская городская дума «единодушным согласием 55 собравшихся гласных» бесплатно уступила для него участок земли³⁴, а Казнаков направил богатым сибирским предпринимателям письма, в которых доказывал, что «работы по устройству университетских зданий <...> могут быть проведены тем успешнее, чем больше оказано будет содействия со стороны общества к покрыванию необходимых для этого расходов»³⁵.

Некоторые из адресатов откликнулись: например, иркутский купец, коммерции советник А. К. Трапезников пожертвовал 10 тыс. руб., забайкальский купец В.Н. Сабашников – 2 500 руб.³⁶, «целые страницы заняло бы перечисление более мелких пожертвований»³⁷.

Кроме единовременных пожертвований на учреждение университета, стоимость которого к моменту начала строительных работ возросла с 600 тыс. до 762 тыс. руб., было использовано два неприкосновенных капитала: вклад П.Г. Демидова, увеличившийся за прошедшие с его открытия 70 лет с 50 тыс. до 182 тыс. руб.³⁸, а также созданный в 1876 г. капитал, учрежденный одним из членов строительного комитета Захарием Михайловичем Цибульским.

Томский городской голова, один из крупнейших золотопромышленников Сибири, а также видный общественный деятель, неоднократно делавший щедрые пожертвования, Цибульский после ходатайства Н.Г. Казнакова Александру II подал в Министерство народного просвещения записку о преимуществах учреждения университета именно в Томске и, кроме того, пожертвовал 100 тыс. руб.³⁹ на строительство университета. После окончательного решения вопроса о месте его строительства и последовавшего за этим официального учреждения – Цибульский настаивал именно на Томске и угрожал в случае иного решения забрать означенную сумму – он пожертвовал еще 40 тыс. руб. «на скорейшую закладку фундамента»⁴⁰. К моменту открытия неприкосновенный капитал возрос уже до 158 тыс. руб.⁴¹

Таким образом, открытие Императорского Томского университета стало успешным во многом благодаря частной благотворительности, средства которой покрыли почти половину бюджета его строительства – они насчитывали 362 тыс. руб., государство же вложило 400 тыс. руб.⁴²

После открытия университета неприкосновенные капиталы стали учреждаться уже для обеспечения его образовательной деятельности: так, забайкальские купцы братья Зензиновы, основатели известного торгового дома, выделили 10 тыс. руб. для учреждения в Сибирском университете стипендии их имени, а до того как это станет возможным, определили начисляемые проценты тратить на улучшение быта студентов.

³² ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 474. Л. 42.

³³ Открытие Императорского Томского университета... С. 3–5.

³⁴ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 474. Л. 84.

³⁵ Там же. Л. 228–229.

³⁶ Развернутый список первых пожертвований университету см.: Первый университет в Сибири (история его осуществления) // Сибирская газета. 22 июля 1888. № 55. С. 5.

³⁷ Н. Г-в. Томский университет (по поводу 25-летия со дня открытия) // Нива: иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1913. № 50. С. 993.

³⁸ Первый университет... С. 13.

³⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 474. Л. 89.

⁴⁰ Там же. Л. 262.

⁴¹ Первый университет... С. 13.

⁴² Там же.

От Москвы и Санкт-Петербурга до Кяхты и Барнаула – пожертвования от городских обществ и частных лиц поступали со всей России, но особенно много их делали сами сибиряки⁴³. Традиция сибирских предпринимателей выделять деньги на благотворительность не только в своих, но и в других городах свидетельствует не столько о деловых связях купцов, сколько о восприятии Сибири как единого пространства⁴⁴.

Этому единению во многом способствовало празднование 300-летия присоединения Сибири к России. Точный день и даже год для проведения юбилея долгое время – почти два года – не могли согласовать: шла активная дискуссия о том, когда проводить «Сибирский день» – 26 октября 1881 г., в памятную дату взятия Ермаком Искера, столицы Сибирского ханства, в 1882 г., когда Сибирь перешла в русское подданство, или еще позже – в 1883 г. Выбор к тому же был осложнен объявлением длительного траура в связи с убийством Александра II. В итоге широкая общественность начала отмечать праздник 26 октября 1881 г., а официальной датой проведения было назначено 6 декабря 1882 г.⁴⁵

В рамках празднования было сформировано нескольких новых крупных капиталов в пользу университета. Так, 26 октября 1881 г. на торжественном обеде «проживающие в Москве сибиряки и лица, Сибири сочувствующие», всего около 90 человек⁴⁶, по подписке собрали 4 200 руб., которые были преобразованы в «капитал имени Ермака». Заявители: купцы М. Зензинов – создатель капитала имени братьев Зензиновых, Н. Чукмалдин, М. Ефимов, и Н. Баснин⁴⁷ пояснили, что капитал учрежден в пользу недостаточных студентов, благодаря чему начисленные на его счет проценты – 6 269 руб. – покрыли часть строительства дома общежития студентов⁴⁸, а сам капитал стал основой его формировавшегося фонда.

Уже упоминавшийся З.М. Цибульский пожертвовал «по случаю исполнившегося 6 декабря 1882 года трехсотлетия со времени присоединения Сибири к Российской империи 5 тысяч рублей для учреждения при имеющемся открыться в г. Томск Сибирском университете стипендии имени жертвователя»⁴⁹, а также коллекцию минералов и горных пород для минерального кабинета⁵⁰.

Другой известный меценат, исследователь Сибири, золотопромышленник и потомственный купец Александр Михайлович Сибиряков по этому случаю в 1883 г. пожертвовал 10 тыс. руб. на учреждение премии «За лучшее историческое сочинение о Сибири» с тем, чтобы на полученные с первоначальной суммы средства она присуждалась раз в три года. Нужно отметить, что это был не первый его вклад в пользу университета: еще в 1877 г. он пожертвовал будущему университету 100 тыс. руб. на устройство и содержание учебно-вспомогательных учреждений, и на момент его открытия вклад составлял уже 167 тыс. руб.⁵¹ На начисляемые с этого неприкосновенного капитала проценты обустроивались кабинеты и лаборатории, приобретались книги для университетской библиотеки и т.д.⁵²

Необходимо также упомянуть брата Александра – Иннокентия Михайловича Сибирякова. Тоже известный меценат, он состоял членом многих благотворительных обществ: Общества попечения о начальном образовании в Томске и Барнауле, Санкт-Петербургского общества попечения о бедных и больных детях, Общества доставления средств Высшим

⁴³ Открытие Императорского Томского университета... С. 11.

⁴⁴ Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 157.

⁴⁵ Ремнев А.В. 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 1. С. 34–37.

⁴⁶ 300-летие Сибири: Празднование в Петербурге и Москве дня 26 окт. 1581 г. СПб., 1882. С. 18.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–1 об.

⁴⁸ Первый университет... С. 45.

⁴⁹ ГАТО Ф. 103. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

⁵⁰ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1888... С. 38.

⁵¹ Первый университет... С. 12.

⁵² Траксель Л.С. Его имя – достояние потомства: к 160-летию со дня рождения известного исследователя Сибири, предпринимателя, мецената А.М. Сибирякова // Отчет клуба краеведов «Старый Томск» за 2009 г. Томск, 2010. С. 21.

женским курсам, на которые он часто жертвовал значительные суммы. Не скупился филантроп и на студенческие стипендии – в 1886 г. количество его личных стипендиатов достигало 70⁵³. Одна из именных стипендий была учреждена И.М. Сибиряковым и в Томском университете – стипендия А.М. Кладищевой. Для почтения памяти покойной сестры Иннокентий Михайлович пожертвовал в Томское губернское казначейство капитал в размере 6 570 руб., а его проценты распорядился направить на стипендиальные выплаты.

Вообще именные стипендии были распространенным видом социальной поддержки учащихся. Первый случай присуждения именной стипендии зафиксирован еще в начале XIX в. – она была учреждена в Тобольске на часть того самого капитала П.Г. Демидова⁵⁴, пожертвованного на строительство университета. Эта традиция продолжала развиваться в Томской губернии и в середине XIX в.: характерен пример купца Константина Петровича Трапезникова, который, будучи иркутским городским головой, учредил целый ряд неприкосновенных капиталов – суммарно за шесть лет пребывания на посту он создал семь вкладов, из которых четыре были направлены на решение образовательных задач (предполагали выдачу денег на обучение, различных пособий и открытие училища)⁵⁵. Подобная деятельность показывает не только то, что К.П. Трапезников как глава города считал необходимым обучение детей жителей Иркутска, но и то, что благотворительность на нужды образования в форме создания неприкосновенных капиталов уже тогда становится не исключением, а распространенной практикой. Этот пример демонстрирует также и преемственность традиции участия в благотворительности в рамках одной семьи: К.П. Трапезников был отцом упомянутого ранее А.К. Трапезникова и дедом по материнской линии А.М. Сибирякова.

Описав наиболее значительные вклады, подробнее рассмотрим остальные неприкосновенные капиталы Томского университета. Из 50 капиталов, содержащихся в сборнике, большая часть (33 капитала) имеют Положение – документ, в котором жертвователь прописывал специальные условия и критерии использования капитала: на что и в какой мере употреблять проценты⁵⁶ и «высвободившиеся суммы»⁵⁷; в случае со стипендиями: кому они могли присуждаться – условия для кандидата иногда были очень конкретны, – из-за чего могли отчуждаться и т.д. Из них 31 капитал был создан для учреждения именных стипендий, два – для премий⁵⁸. Остальные 17 вкладов не имели Положения, поэтому могли более свободно использоваться университетом. Большая их часть, восемь капиталов, была пожертвована на нужды студенческого общежития, два – на стипендии, три – на «вспомоществование» студентам⁵⁹. Проценты, начислявшиеся на оставшиеся четыре вклада, были предназначены для финансирования: устройства и содержания бактериологического института, а также учебно-вспомогательных учреждений всех факультетов университета, начислений в специальные средства университета⁶⁰, нужд химической лаборатории. Последний капитал был создан преподавателем химии С.И. Залесским, который учредил его, «дабы преподавание химии могло и на будущее время держаться на том уровне, на каком оно находится теперь»⁶¹.

⁵³ Головачев А. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903. № 115. С. 1.

⁵⁴ Клиницкий А.И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX начала XX вв. // СибСкрипт. 2015. № 1 (61). С. 50.

⁵⁵ Бондарь И.В. Купеческая династия Трапезниковых в документах государственного архива Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. № 20. С. 99–102.

⁵⁶ Устанавливалась, как в случае со стипендиями, конкретная сумма отчислений.

⁵⁷ Остатки неиспользованных в установленных целях капитала средств.

⁵⁸ Уже упоминавшаяся премия А.М. Сибирякова и премия имени Л.П. Кузнецова «за лучшее печатное на русском языке сочинение по истории, антропологии и социологии Сибири» (см.: Сборник сведений... С. 19–20).

⁵⁹ «Вспомоществование недостаточным студентам» предполагало выплату единовременного пособия или стипендии, которые помогут покрыть стоимость за обучение, слушание лекций и т.д.

⁶⁰ Специальные средства – доходы университета, основу которых составляла плата за слушание лекций и пожертвования. Они были в свободном распоряжении университета: например, использовались для создания стипендий, для оплаты за обучение бедных студентов и т.д.

⁶¹ Сборник сведений... С. 17.

Вклады, созданные профессорами Томского университета, стоит рассмотреть отдельно. Так, сразу после начала работы университета, в ноябре 1888 г., все его преподаватели, которых тогда было всего семеро: Н.А. Гезехус, С.И. Залесский, Н.М. Малиев, А.С. Догель, А.М. Зайцев, Э.А. Леман и С.И. Коржинский, «возвратили в кассу университета, на нужды дома общежития, 1 215 руб., полученные ими, как гонорар, за чтение лекций в первом полугодии»⁶². В следующем учебном году они практически тем же составом – за исключением А.С. Догеля – вновь пожертвовали средства в пользу дома общежития, собрав 1 166 руб.⁶³

Крупный неприкосновенный капитал, 6 тыс. руб., был учрежден профессорами медицинского факультета в 1902 г. для выплаты одному студенту медицинского факультета. Этот случай весьма интересен: во-первых, первоначальная сумма собиралась в течение шести лет, с 1896 по 1902 г., за счет отчисления «10 % из гонорара, причитающегося <...> за чтение лекций и практические занятия со студентами»⁶⁴.

Еще одна деталь данного вклада заключается в том, что после принятия постановления Государственного совета от 26 мая 1897 г., в котором указывалось, что «стипендии и образуемые с общепользующей целью капиталы имени Высочайших особ и членов Императорской фамилии <...> повергаются на высочайшее Государя Императора благоусмотрение главными начальниками подлежащих ведомств»⁶⁵, данный неприкосновенный капитал был единственным вкладом Томского университета, названным в честь императора, поскольку был учрежден в память коронации Николая II. До этого постановления таких было создано пять: «Имени государя императора Александра II и наследника цесаревича Александра Александровича» (учрежден на проценты целевого капитала З.М. Цибульского в 1881 г.); «Имени государя императора Александра II» (создан в 1880 г. на основе 8 тыс. руб., пожертвованных Тобольской городской думой для помощи студентам-тоболякам «без различия звания и вероисповедания их родителей»⁶⁶); был использован уже в первый год работы университета⁶⁷; «Имени государя императора Александра II» (пожертвован Иркутской городской думой, чтобы «почтить день 25-летнего царствования Государя Императора» для учреждения на средства города шести стипендий для бедняков-уроженцев Восточной Сибири⁶⁸); «Имени Государя Императора Александра II» (средства, составившие неприкосновенный капитал для учреждения стипендии, были собраны по подписке между чиновниками разных ведомств и крестьянами Томской губернии в 1880 г.⁶⁹); «В память посещения Сибири в 1891 г. Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем» (с процентов капитала «в 15 338 р. 98 коп., пожертвованного торгующим через Кяхту купечеством» учреждались две стипендии для «уроженцев Сибири, преимущественно Забайкальской области, и по возможности из лиц податного сословия, по представлению педагогических советов учебных заведений, из которых будут поступать в университет кандидаты на стипендии»⁷⁰).

Как видно из приведенных примеров, благотворителями становились люди самого разного происхождения и положения – «идея о значении университета была принята и понята во всех слоях»⁷¹. В условиях получения стипендий поэтому нередко прописывались определенные место происхождения, социальная и религиозная принадлежность, реже национальность.

⁶² Первый университет... С. 45.

Об этой благотворительной акции писал даже ряд иностранных газет. Например, см.: Foreign University Intelligence // The Lancet. London, 1889. Vol. 1. P. 39. Со ссылкой на это издание об этом упоминал также «Medical and surgical reporter», см.: News // Medical and surgical reporter. Philadelphia, 1889. 16 Febr. (№ 1668). P. 224.

⁶³ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1889 год. Томск, 1890. С. 60.

⁶⁴ Сборник сведений... С. 28.

⁶⁵ Там же. С. V.

⁶⁶ ГАТО Ф. 103. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.

⁶⁷ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1888... С. 13.

⁶⁸ ГАТО Ф. 103. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

⁶⁹ Сборник сведений... С. 12.

⁷⁰ ГАТО Ф. 126. Оп. 1. Д. 681. Л. 2–2 об.

⁷¹ 22-ое июля 1888 г. Открытие сибирского университета // Восточное обозрение. 1888. № 29. С. 3.

Иногда в связи с такими конкретными условиями возникали непредвиденные трудности: например стипендии, созданные на проценты капитала имени Михаила Андреевича Зензинова и братьев Зензиновых, предназначались студентам из Забайкальской области преимущественно из бурят. За отсутствием последних в университете было решено «предоставлять эту стипендию независимо от происхождения, пока таковой не появится»⁷².

Показательна в плане подобной «гибкости» также стипендия имени А.К. Трапезникова, учрежденная с процентов капитала, собранного представителями сибирского купечества по случаю исполнения 25-летия его торговой деятельности. Она выдавалась «недостаточным студентам православного вероисповедания, из детей лиц, принадлежащих к купеческому сословию или происходящих из такового, детям лиц мещанского или ремесленного сословий»⁷³.

Выше уже упоминалось, что коллективный сбор средств для учреждения неприкосновенных капиталов был распространен не только среди купечества: так поступать могли и преподаватели, и чиновники, и крестьяне, и мещане. Приведем еще один подобный пример – стипендия генерала от инфантерии Г.А. Колпаковского, которая, согласно Положению, должна была выдаваться студенту из детей чиновников, которые служат или же состояли на службе по гражданскому ведомству в Акмолинской области. Эта особенность связана с тем, что неприкосновенный капитал для учреждения стипендии был собран чиновниками гражданского ведомства Акмолинской области. Избранием стипендиата должен был пожизненно заниматься Г.А. Колпаковский, а после его смерти – Акмолинское городское правление⁷⁴.

Забота о потомках с несколько менее пристрастными условиями прослеживается в Положении стипендии имени умершего коллежского советника Степана Тимофеевича Чучкина, которая должна была назначаться одному «из бедных, русского происхождения, православного вероисповедания» студентов второго курса медицинского факультета, обнаружившему в университете «отличное поведение и вполне хорошие успехи», но преимущественным правом на ее получение обладали дети племянников Августы Ивановны Чучкиной, учредительницы капитала⁷⁵.

Капиталы, имеющие Положение, также обычно устанавливали число стипендиатов. Самыми распространенными были стипендии с выплатой их одному человеку – таких насчитывалось шестнадцать. Для выплат двум студентам предназначалось шесть стипендий, для выплат трем студентам – три. Наиболее богатые благотворители – крупные купцы или их вдовы – создавали внушительные вклады для того, чтобы с их процентов обеспечить возможность выплачивать стипендии сразу большому количеству студентов. Так, вдова предпринимателя Григория Кирилловича Кузнецова, Анна Ивановна, учредила неприкосновенный капитал их имени на 13 300 руб. для выплаты стипендий пяти студентам «христианских вероисповеданий», преимущественно сиротам, без различия сословий и факультетов⁷⁶; купец Афанасий Антипович Соломонов учредил стипендию сразу для шести студентов, преимущественно уроженцев Сибири (капитал – 36 450 руб.)⁷⁷; купец Лев Петрович Кузнецов в своем духовном завещании указал создать вклад для обеспечения семи беднейших студентов, преимущественно уроженцев Сибири (капитал – 36 тыс. руб.)⁷⁸, а иркутская почетная гражданка Александра Никаноровна Портнова (урожд. Трапезникова) – девяти студентов христианского вероисповедания, закончивших исключительно гимназии Восточной Сибири (капитал – 54 тыс. руб.)⁷⁹. По приведенным выдержкам

⁷² Положения о стипендиях на счет с процентов пожертвованных капиталов при Императорском Томском университете и других учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1894. С. 10.

⁷³ Сборник сведений... С. 5.

⁷⁴ Там же. С. 14–15.

⁷⁵ Там же. С. 31–32.

⁷⁶ Там же. С. 28–29.

⁷⁷ Там же. С. 12–13.

⁷⁸ Там же. С. 18–19.

⁷⁹ Там же. С. 15–16.

из Положений жертвователей видно, что богатые сибирские предприниматели стремились помочь и финансово обеспечить социально незащищенные слои населения – бедных и сирот, при этом выделяя и отдавая предпочтение своим землякам.

Таким образом, на примере Императорского Томского университета видно, что формирование неприкосновенных целевых капиталов было распространенным видом благотворительности в сфере народного образования. В их формировании принимали участие представители практически всех слоев населения: от крестьян и мещан до чиновников и купцов. Естественно, что в силу большей финансовой обеспеченности открытием «вечных вкладов» чаще всего занимались купцы. Проценты с их пожертвований составляли весомую долю в финансировании образования: во многом благодаря неприкосновенным капиталам в Сибири был построен и открыт первый университет, и именно целевые капиталы с самого момента его образования способствовали развитию как его материальных – библиотеки, музеев, лабораторий, так и нематериальных богатств – знаний студентов, многие из которых благодаря именным стипендиям получали возможность учиться.

Литература

Бойко В.П. Благотворительность западносибирского купечества в области народного образования в XIX веке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (спецвыпуск). 2000. № 4 (20). С. 56–61.

Бондарь И.В. Купеческая династия Трапезниковых в документах государственного архива Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. № 20. С. 94–105.

Булгакова О.В. Роль купеческого сословия и благотворительности в становлении и развитии Томска // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 170–173.

Вититнева Е.В., Кузьменко А.С., Пахомова Н.В. Особенности материально-бытового положения студентов высших учебных заведений г. Томска в конце XIX – начале XX вв. в контексте истории повседневности // Былые годы. 2019. Т. 3, № 53. С. 1281–1291.

Вяткин Г. 50-летие Томского государственного университета // Просвещение Сибири. 1934. № 6. С. 13–24.

Головачев А. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903. № 115. С. 1.

Грибовский М.В. Профессора Томского университета – гласные городской думы (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 18–23.

Дмитриенко Н.М. Императорский Томский университет и сибирское купечество: опыт взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 94–102.

Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90.

Дунбинский И.А. Возведение зданий Сибирского (Томского) университета как общероссийский проект // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 18–26.

Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 207–215.

Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: ТГУ, 1960. 478 с.

Зиновьев В.П., Зиновьева В.И. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 9–20.

Зиновьев В.П., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Роль З.М. Цибульского в создании первого в Азиатской России университета: к 200-летию со дня его рождения и 140-летию учреждения Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 63–74.

Клиницкий А.И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX начала XX вв. // СибСкрипт. 2015. № 1 (61). С. 50–54.

Колодий Г.Н. История благотворительности в Сибири: тенденции и закономерности (на примере строительства общественных зданий в Иркутске) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2 (2). С. 151–158.

Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: ТГУ, 1998. 577 с.

Манассеин В.С. Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск, 1924. 30 с.

Минаков А.Ю. Охранитель народной нравственности: православный консерватор М.Л. Магницкий // Исторический вестник. 2000. № 3–4. С. 196–229.

Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А. История музеев Томского университета (1888–1941 гг.) в документах и материалах // Томские музеи. Музеи университетов: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». Томск, 2012. 27–271.

Никульков В. Энтузиастам науки // Красное знамя. 25 мая 1934. № 112. С. 1.

Первый университет в Сибири [репр. воспр. текста изд. 1889 г.]. Томск: ТГУ, 2023. 106 с.

Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. Т. 1: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. 285 с.

Ремнев А.В. 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 1. С. 34–50.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. 785 с.

Синяев В.С., Кирсанова Е.С., Плотникова М.Е. и др. Томский университет. 1880–1980 / отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск: ТГУ, 1980. 432 с.

Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–160.

Томский университет. 1880–1980 / отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 432 с.

Траксель Л.С. Его имя – достояние потомства: к 160-летию со дня рождения известного исследователя Сибири, предпринимателя, мецената А.М. Сибирякова // Отчет клуба краеведов «Старый Томск» за 2009 г. Томск, 2010. С. 21–24.

Шиловский М.В. Специфика благотворительности в сфере образования дореволюционного периода в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 161–164.

Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. Ново-Николаевск: Сибирское областное государственное издательство, 1923. 246 с.

Ядринцев Н.М. Первый сибирский университет // Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы. 1879. Т. 6 (ноябрь). С. 58–92.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Ishchenko O.V. Siberian students' material situation in the early 20th century (based on Student Questionnaires) // Bylye Gody. 2019. No. 51 (1). P. 366–379.

References

- Bondar', I.V. (2017). Kupecheskaya dinastiya Trapeznikovykh v dokumentakh gosudarstvennogo arkhiva Irkutskoy oblasti [The Trapeznikovs Merchant Dynasty in the Documents of the State Archive of Irkutsk Region]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 20, pp. 94–105.
- Boyko, V.P. (2000). Blagotvoritelnost' zapadnosibirskogo kupechestva v oblasti narodnogo obrazovaniya v XIX veke [Charity of the West Siberian Merchants in the Field of Public Education in the 19th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (spetsvypusk)*. No. 4 (20), pp. 56–61.
- Bulgakova, O.V. (2013). Rol' kupecheskogo sosloviya i blagotvoritelnosti v stanovlenii i razvitii Tomska [Role of Merchants and Charity in Formation and Development of Tomsk]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie*. No. 4 (12), pp. 170–173.
- Dmitrienko, N.M. (2016). Imperatorskiy Tomskiy universitet i sibirskoe kupechestvo: opyt vzaimodeystviya [Imperial Tomsk University and Siberian Merchants: The Experience of Co-Operation]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 413, pp. 94–102.
- Dmitrienko, N.M., Chernyak, E.I. (2015). Muzei Imperatorskogo Tomskogo universiteta: pervye gody sozdaniya i deyatelnosti [Imperial Tomsk University Museums: The First Years of Establishment and Activities]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 397, pp. 81–90.
- Dunbinskiy, I.A. (2023). Vozvedenie zdaniy sibirskogo (tomskogo) universiteta kak obshcherossiyskiy proekt [Construction of Buildings of the Siberian (Tomsk) University as an All-Russian Project]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 84, pp. 18–26.
- Fominykh, S.F. (Ed.). (1996). *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar* [Professors at Tomsk University: A Biographical Dictionary. Vol. 1: 1888–1917]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 285 p.
- Golovachev, A. (1903). Innokentiy Mikhaylovich Sibiryakov [Innokentiy Mikhailovich Sibiryakov]. In *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Sibirskaya zhizn"*. No. 115, p. 1.
- Gribovskiy, M.V. (2014). Professora Tomskogo universiteta – glasnye gorodskoy dumy (konets XIX – nachalo XX v.) [The Professors of Tomsk University – Members of the Town Council (The End of the 19th – Beginning of the 20th Century)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 2 (28), pp. 18–23.
- Ishchenko, O.V. (2019). Siberian Students' Material Situation in the early 20th century (based on Student Questionnaires). In *Bylye Gody*. No. 51 (1), pp. 366–379.
- Klinitskiy, A.I. (2015). Imennye stipendii kak forma blagotvoritel'nosti v razvitii sredney shkoly Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX vv. [Named Scholarships as a Charity Form in the Development of Western Siberian Secondary Schools in the 19th – Early 20th Centuries]. In *SibSkript*. No. 1 (61), pp. 50–54.
- Kolodiy, G.N. (2015). Istoriya blagotvoritelnosti v Sibiri: tendentsii i zakonomernosti (na primere stroitelstva obshchestvennykh zdaniy v Irkutske) [The History of Philanthropy in Siberia: Trends and Regularities (On the Pattern of Constructing Public Buildings in Irkutsk)]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (2), pp. 151–158.
- Lyakhovich, H.S., Revushkin, A.S. (1998). *Universitety v istorii i kul'ture dorevolyutsionnoy Rossii* [Universities in the History and Culture of the Pre-Revolutionary Russia]. Tomsk, TGU. 380 p.
- Manassein, V.S. (1924). Vozniknovenie i razvitie idei uchrezhdeniya Sibirskogo universiteta v svyazi s istoriey prosveshcheniya v Sibiri v pervoy chetverti XIX stoletiya [The Emergence and Development of the Idea of Establishing a Siberian University in Connection with The History of Enlightenment in Siberia in the First Quarter of the 19th Century]. Irkutsk. 30 p.

Minakov, A.Yu. (2000). Okhranitel' narodnoy нравственности: pravoslavnyy konservator M.L. Magnitskiy [The Guardian of National Morality: The Orthodox Conservative M.L. Magnitskiy]. In *Istoricheskiy vestnik*. No. 3–4, pp. 196–229.

Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Merkulov, S.A. (2012). Istoriya muzeev Tomskogo universiteta (1888–1941 gg.) v dokumentakh i materialakh [History of Museums of Tomsk University (1888–1941) in Documents and Materials]. In *Tomskie muzei. Muzei universitetov: materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeynoe delo Tomskoy oblasti"*. Tomsk, pp. 27–271

Nikul'kov, V. (May 25th 1934). Entuziastam nauki [To the Science Enthusiasts]. In *Krasnoe znamya*. No. 112, p. 1.

(2023). *Pervyy universitet v Sibiri* [The First University in Siberia]. Tomsk, TGU. 106 p.

Plotnikova, M.E. (Ed.). (1980). Tomskiy universitet. 1880–1980. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 432 p.

Remnev, A.V. (2007). 300-letie prisoedineniya Sibiri k Rossii: v ozhidanii "novogo istoricheskogo perioda" [The 300th Anniversary of the Annexation of Siberia to Russia: In Anticipation of a "New Historical Period"]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 1, pp. 34–50.

Rozhdestvenskiy, S.V. (1902). *Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902* [The Historical Overview of the Activities of the Ministry of National Education. 1802–1902]. St. Petersburg, Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya. 785 p.

Shilovskiy, M.V. (2018). Spetsifika blagotvoritelnosti v sfere obrazovaniya dorevolutsionnogo perioda v gorodakh Sibiri [Specific Features of Charity in the Field of Education during the Pre-Revolutionary Period in Siberia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 437, pp. 161–164.

Sinyaev, V.S., Kirsanova, E.S., Plotnikova, M.E. et al. (1980). *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk, TGU. 432 p.

Skubnevskiy, V.A. (2018). Blagotvoritel'nost' predprinimateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Charity Work of Altai Merchants in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 435, pp. 155–160.

Traksel', L.S. (2010). Ego imya – dostoyanie potomstva: k 160-letiyu so dnya rozhdeniya izvestnogo issledovatelya Sibiri, predprinimatelya, metsenata A.M. Sibiryakova [His Name is the Heritage of Posterity: On the 160th Anniversary of the Birth of the Famous Siberian Researcher, Entrepreneur, Philanthropist A.M. Sibiryakov]. In *Otchet kluba kraevedov "Staryy Tomsk" za 2009 g.* Tomsk, pp. 21–24.

Vititneva, E.V., Kuzmenko, A.S., Pakhomova, N.V. (2019). Osobennosti material'no-bytovogo polozheniya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy g. Tomsk v kontse XIX – nachale XX vv. v kontekste istorii povsednevnosti [Features of the Material and Everyday Status of Students of Higher Educational Institutions of the City of Tomsk in the Late 19th – Early 20th Centuries in the Context of the Everyday Life History]. In *Bylye gody*. Vol. 3, No. 53, pp. 1281–1291.

Vyatkin, G. (1934). 50-letie Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [50th Anniversary of the Tomsk State University]. In *Prosveshchenie Sibiri*. No. 6, pp. 13–24.

Yadrintsev, N.S. (1879). Pervyy sibirskiy universitet [The First Siberian University]. In *Vestnik Evropy: zhurnal istorii, politiki, literatury*. Vol. 6, pp. 58–92.

Yadrintsev, N.S. (1892). *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a Colony Geographically, Ethnographically and Historically]. St. Petersburg, Izdatel'stvo I.M. Sibiryakova. 720 p.

Yurtsovskiy, N.S. (1923). *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri. Vypusk 1. Obshchiy khod razvitiya shkol'nogo dela v Sibiri. 1703–1917* [Essays on the History of Enlightenment in Siberia. Issue 1. The General Course of school development in Siberia. 1703–1917]. Novo-Nikolaevsk, Sibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 246 p.

Zaychenko, P.A. (1960). *Tomskiy gosudarstvennyy universitet im. V.V. Kuybysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955)* [Tomsk State University named

after V.V. Kuybyshev. Essays on the History of the First Siberian University in 75 Years (1880–1955)]. Tomsk, TGU. 478 p.

Zheravina, A.N. (2004). Povsednevnyaya zhizn studentov Tomskogo universiteta na rubezhe XIX–XX vv. [Everyday Life of Tomsk University Students at the Close of 19th – and the Beginning of 20th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 281, pp. 207–215.

Zinoviv, V.P., Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F. (2017). Rol Z.M. Tsibulskogo v sozdanii pervogo v Aziatskoy Rossii universiteta: k 200-letiyu so dnya ego rozhdeniya i 140-letiyu uchrezhdeniya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [The Role of Z.M. Cybulski in the Creation of the First University in the Asian Part of Russia: The 200th Anniversary of His Birth and the 140th Anniversary of Tomsk State University Establishment]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 417, pp. 63–74.

Zinoviev, V.P., Zinovieva, V.I. (2016). Obshchestvennaya deyatel'nost' kupechestva Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. [Merchant's Public Activity in Tomsk Province From 1880 to February 1917]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 9–20.

Д.А. Беговатов*

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ КАПИТАЛ КАК ИНСТРУМЕНТ
МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ)doi:10.31518/2618-9100-2025-4-8
УДК 364.054.2:262.143(470.331)
"180/184"*Выходные данные для цитирования:**Беговатов Д.А. Неприкосновенный капитал как инструмент материального обеспечения городского провинциального духовенства в первой половине XIX века (на примере Тверской епархии) // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 113–127. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-08.pdf>*

D.A. Begovatov*

INVIOLEABLE CAPITAL AS A TOOL
FOR MATERIAL SUPPORT OF THE URBAN PROVINCIAL
CLERGY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY
(USING THE EXAMPLE OF THE TVER DIOCESE)

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-8

*How to cite:**Begovatov D.A. Inviolable Capital as a Tool for Material Support of the Urban Provincial Clergy in the First Half of the 19th Century (Using the Example of the Tver Diocese) // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 113–127. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-08.pdf>]*

Abstract. The role of emergency capital in the material support of the urban clergy and poor clergy in the Tver diocese in the first half of the 19th century is analyzed using archival and published sources. The article notes the growing popularity of this charity tool for providing churches, clergy, and the sphere of care for clergy, highlights its weaknesses, classifies deposits by intended purpose, defines the circle of donors, establishes a list of institutions that are custodians of capital, and identifies strategies for managing financial resources. It demonstrates an increase in the number of deposits and their size since the 1820s, as a result of which by the mid-19th century 82,9 % of city churches in the Tver diocese had interest on capital as one of their income items, while on average they accounted for 7,3 % of all receipts in favor of clergy. The formation of emergency capital to provide for the sphere of spiritual care began in the Tver diocese even before the emergence of specialized guardianship. Since the 1820s, there has been an intensive accumulation of funds in the form of deposits in credit institutions (by 1860, an increase by almost 8 times), but in most cases these amounts did not bring current income and were aimed at the “increase” of capital. In the late 1850s, a change in financial strategy occurred, when a choice was made in favor of receiving interest to provide assistance to indigent clergy. By 1860, income from “perpetual deposits” became the third most important for the Tver diocesan trusteeship and provided 21,9 % of all cash receipts of this body. A conclusion is made about the widespread use of “perpetual deposits” among the urban parishes of the Tver diocese, the importance of target capital for the Tver diocesan trusteeship, but a relatively modest role in the matter of material support of the clergy.

Keywords: emergency capital, target capital, “eternal deposit”, bank deposit, Tver diocese, Orthodox clergy, city clergy, material support, spiritual care, Tver diocesan guardianship.

The article has been received by the editor on 29.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дмитрий Александрович Беговатов**, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, Тверь, Россия, e-mail: begovatov1986@mail.ru
Dmitry Aleksandrovich Begovatov, Candidate of Historical Sciences, Tver State University, Tver, Russia, e-mail: begovatov1986@mail.ru

Аннотация. На архивных и опубликованных источниках анализируется роль неприкосновенных капиталов в материальном обеспечении служащего городского духовенства и бедных лиц духовного звания в Тверской епархии в первой половине XIX в. Отмечается рост популярности данного инструмента благотворительности для обеспечения храмов, причтов и сферы духовного призрения, акцентируются его слабые стороны, проводится классификация вкладов по целевому назначению, определяется круг жертвователей, устанавливается перечень учреждений-хранителей капиталов, выявляются стратегии управления финансовыми средствами. Демонстрируется увеличение количества вкладов и рост их размеров с 1820-х гг., в результате чего к середине XIX в. 82,9 % городских церквей Тверской епархии имели в качестве одной из статей дохода проценты с капиталов, при этом в среднем на них приходилось 7,3 % всех поступлений в пользу причтов. Формирование неприкосновенного капитала для обеспечения сферы духовного призрения начинается в Тверской епархии еще до появления профильного попечительства. С 1820-х гг. идет интенсивное накопление средств в виде вкладов в кредитных учреждениях (к 1860 г. рост почти в 8 раз), однако в большинстве случаев эти суммы не приносили текущего дохода и были ориентированы на «приращение» капитала. В конце 1850-х гг. происходит изменение финансовой стратегии, когда делается выбор в пользу получения процентов для оказания помощи неимущим лицам духовного звания. К 1860 г. доход от «вечных вкладов» стал третьим по значимости для Тверского епархиального попечительства и обеспечил 21,9 % всех денежных поступлений данного органа. В заключение делается вывод о широкой распространенности «вечных вкладов» в среде городских приходов Тверской епархии, важности целевых капиталов для Тверского епархиального попечительства, но сравнительно скромной роли в деле материального обеспечения духовенства.

Ключевые слова: неприкосновенный капитал, целевой капитал, «вечный вклад», банковский вклад, Тверская епархия, православное духовенство, городское духовенство, материальное обеспечение, духовное призрение, Тверское епархиальное попечительство.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025 г.

Первая половина XIX в. – эпоха масштабных изменений в России, которые затронули общество в целом и православное духовенство как его важную часть. Со времени правления императоров Павла I и Александра I наблюдается постепенное повышение социального статуса священно- и церковнослужителей Русской православной церкви: они освобождаются от все большего числа повинностей, закладывается традиция награждения их светскими орденами, возникает стройная четырехуровневая система духовных школ (благодаря чему данное сословие становится одним из самых образованных в государстве), предпринимаются шаги, нацеленные на создание системы социального призрения заштатных клириков и членов их семей и пр.¹

Одновременно с этим в первой половине XIX в. появляются маркеры, свидетельствующие о превращении служителей алтаря из «требоотправителей» в важнейший инструмент реализации внутренней политики имперского правительства; данная трансформация неоднократно отмечалась и анализировалась еще в дореволюционный период². Действительно, в предреформенные десятилетия государство начинает активно привлекать священнослужителей к решению широкого круга насущных проблем: помимо курирования приходской жизни, окормления и назидания паствы, духовенству вменяется в обязанность повышение

¹ Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. 1700–1890. М., 1999. С. 552–569, 581–596.

² См., например: Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб., 1901; Фиолетов Н.Н. Государство и церковь. М., 1917.

образовательного уровня населения, проведение статистических и исторических исследований, участие в оспопрививании, осуществление контроля за правильностью погребений на кладбищах, популяризация передовых сельскохозяйственных культур, пропаганда санитарных норм и пр. Общий перечень функций, переданных клирикам, выходил за рамки традиционной триады «служить, учить, руководить», насчитывал несколько десятков составляющих повседневной служебной практики и в некотором отношении сближал священников с государственными служащими³.

Несмотря на пристальное внимание со стороны власти и некоторое повышение социального статуса представителей духовного сословия, вопрос их материального обеспечения оставался подлинным «гордиевым узлом». Данная тема активно разрабатывалась в дореволюционной, советской, постсоветской и зарубежной историографии. Практически ни одно научное или публицистическое сочинение, касающееся Русской православной церкви и ее служителей в XIX в., не обходилось без анализа этого сложного аспекта⁴. Чрезвычайно высокое внимание к экономической стороне жизни клириков и православных приходов обусловлено масштабом проблемы, а также тяжестью последствий ее нерешенности: постепенно этот «хозяйственный» вопрос приобретал социально-политический оттенок, угрожая основам Российской империи.

В существующей историографии достаточно подробно проанализированы основные статьи доходов штатных и заштатных священно- и церковнослужителей, членов их семей и приходских общин, однако на периферии внимания остается такой специфический источник материального обеспечения, как неприкосновенный капитал, что побуждает к его пристальному анализу.

Объектом данного исследования является благотворительность в русском обществе в XIX в., предметом исследования – неприкосновенные капиталы (целевые вклады) как инструмент материального обеспечения городского провинциального духовенства в первой половине XIX в. на примере Тверской епархии/губернии. Выбор данного региона обусловлен тем, что в дореволюционный период он был типичной провинциальной губернией центральной нечерноземной полосы страны, а потому полученные исследовательские результаты отражают общий тренд, характерный для данной части Российской империи. Цель работы – определить роль неприкосновенных капиталов (целевых вкладов) в материальном обеспечении городского духовенства Тверской епархии в первой половине XIX в. Хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX столетия, однако верхняя граница данного периода трактуется расширительно и доходит до 1860 г., включая, таким образом, предреформенное десятилетие.

Основу источниковой базы составили документы Государственного архива Тверской области, содержащиеся в фондах Тверской духовной консистории и Тверского епархиального попечительства: в них содержится информация о размере банковских накоплений храмов епархии, о текущей работе Тверского епархиального попечительства, об изменении

³ [Милош] Никодим. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 413–419; Леонтьева Т.Г. Формирование и деятельность церковной интеллигенции Тверской губернии // Тверская старина. 1994. № 3. С. 3–27; Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003; Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009.

⁴ См., например: [Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin, 1858. Т. 4; [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве в России: в 2 т. Лейпциг, 1866; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873; Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви...; Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908; Рындзюнский П.Г. Церковь в дворянской империи (XVIII в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 230–308; Литвак Б.Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 309–379; Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1; Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; Розов А.Н. Священник в духовной жизни...; Пулькин М.В. Православный приход...

политики епархиального руководства по оказанию помощи неимущим духовного звания и пр. Также были привлечены опубликованные статистические данные по епархиям Российской империи, произведения публицистов середины XIX в., а также мемуарная литература, которые позволили дополнить, сопоставить и верифицировать информацию, почерпнутую из архивных документов.

Внимание к городскому отряду духовенства обусловлено двумя аспектами: данная часть сословия ввиду высокого уровня образования и нахождения рядом с органами власти была способна решать широкий спектр задач, которые ставились правительством, а специфическая в социально-экономическом отношении городская среда способствовала более активному формированию «вечных вкладов» в кредитных учреждениях.

Вопрос материального обеспечения представителей духовного сословия в Российской империи был острым и общественно значимым: от успешности его решения зависела эффективность выполнения клириками своих функций, а также степень и направление влияния священнослужителей на общество. Ввиду этого инициативы, направленные на поиск выхода из сложившейся проблемной ситуации, можно рассматривать как важный социальный проект.

Доходы православных приходов и служащего духовенства в большинстве случаев были невелики и складывались из множества составляющих: поступления от совершения треб, кружечных и тарелочных сборов, сдачи в аренду земли и недвижимости и пр. Особняком среди них стояли неприкосновенные капиталы (целевые вклады), помещенные в кредитные учреждения для «приращения» и/или получения процентов. Д.И. Ростиславов, известный дореволюционный публицист и профессор Санкт-Петербургской духовной академии, утверждал, что роль таких финансовых инструментов в материальном обеспечении причтов была очень незначительной ввиду малого количества вкладов и небольшого размера капиталов, проценты с которых не могли обеспечить удовлетворение потребностей служителей алтаря⁵. Данный тезис нуждается в проверке.

Количество банковских вкладов, которыми располагали городские приходы Тверской епархии в первой трети XIX в., а также размер данных сумм позволяет установить ведомость 1830 г. К этому времени зафиксировано наличие у церквей Твери 37 неприкосновенных капиталов, тогда как у храмов остальных городов губернии – только 15. Данные средства были помещены в Санкт-Петербургский и Московский опекунские советы, в Государственный заемный банк, в Тверской и Тульский приказы общественного призрения⁶.

Общая сумма неприкосновенных капиталов городских храмов Тверской епархии к 1830 г. составляла 2 тыс. руб. серебром и 49 679 руб. ассигнациями, что при переводе на серебро по курсу данного года давало в общей сложности 15 463 руб. серебром. Суммы вкладов демонстрировали серьезный разброс и варьировались в пределах от 50 руб. ассигнациями до 2 тыс. руб. серебром. В качестве жертвователей выступали представители разных частей русского общества: архиерей, офицеры, гражданские чиновники, купцы, мещане, приходские священнослужители и члены их семей, представители интеллигенции (учителя), а также анонимные лица. В отдельных случаях неприкосновенный капитал образовывался по завещанию, что являлось продолжением древней практики молитвенного поминовения усопших, но в несколько обновленной форме⁷.

Согласно ведомости 1830 г., за весь XVIII в. в Тверской епархии было сделано лишь одно целевое пожертвование, проценты с которого должны были идти на благотворительные цели: это был капитал митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова), оформленный в год назначения архипастыря на столичную кафедру. Данные средства были нацелены на решение проблем самой незащищенной части духовного сословия – престарелых и больных лиц, содержащихся в епархиальной богадельне. Внимание митро-

⁵ [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 1. С. 286.

⁶ Подсчитано по: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 3890. Л. 2–3 об.; Д. 5956. Л. 188–196.

⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–196.

полита Гавриила (Петрова) к Тверской епархии объясняется тем, что она стала его первой кафедрой после хиротонии во епископа, и на тверской земле он провел 7 лет в качестве архиерея⁸.

Следует отметить, что данный капитал стоит особняком среди прочих: хотя он и был закреплён за тверским кафедральным Спасо-Преображенским собором, однако это, вероятно, стало следствием отсутствия учреждений, которым можно было бы поручить управление средствами и контроль за их распределением. Таким образом, сам храм и его причт от данного вклада никакой прибыли не получали.

Остальной 51 неприкосновенный капитал, имевшийся в распоряжении городских церквей Тверской епархии, был сформирован в первые три десятилетия XIX столетия. Его распределение по пятилетним интервалам демонстрирует рост популярности данного инструмента «долгосрочной благотворительности», что становится особенно заметным в 1820-е гг.: в 1801–1805 гг. было сделано 2 пожертвования в виде целевых вкладов, по которым начислялись проценты, в 1806–1810 гг. – 3, в 1811–1815 гг. – 6, в 1816–1820 гг. – 4, в 1821–1825 гг. – 15, в 1826–1830 гг. – 21⁹.

Все неприкосновенные капиталы, пожертвованные в 1801–1830 гг. в пользу городских храмов Тверской епархии, можно классифицировать по целевому назначению. Первую группу составляют вклады, сделанные в пользу служащего духовенства: на них приходится 28 из 51 пожертвований; в абсолютном выражении в переводе на серебро это составляло 5 341,6 руб. серебром и 39,7 % всех внесенных средств¹⁰.

По размеру вкладов в пользу священно- и церковнослужителей первое место в епархии занимал тверской кафедральный Спасо-Преображенский собор: с 1811 по 1830 г. на эти цели было внесено почти 4 900 руб. ассигнациями. (1 326,8 руб. серебром по курсу 1830 г.)¹¹. Однако соборный причт был достаточно обширным и в первые три десятилетия XIX в. включал от 3 до 5 священников, 2–3 дьякона, от 6 до 12 церковнослужителей, сторожей и звонарей¹². По этой причине неприкосновенные капиталы некоторых приходских храмов губернского центра, созданные для материальной поддержки клира, превосходили главный собор епархии при пересчете на число комплектов духовенства (термин «комплект» заимствован из источников эпохи, являлся распространенным и обычно подразумевал группу церковных служителей, достаточную для полноценного отправления богослужений, т.е. состоящую из священника, дьякона и двух причетников¹³).

Так, в пользу духовенства Предтеченской и Сергиевской церквей Твери было внесено по 2 тыс. руб. ассигнациями, на причты Симеоновского и Николаевского (на Зверинце) храмов – по 1,9 тыс. руб. ассигнациями, на клиры Мироносицкой и Вознесенской (на Проспекте) церквей – по 1 тыс. руб. ассигнациями. Неприкосновенные капиталы, предназначенные для улучшения благосостояния причтов уездных городов, иногда равнялись тверским аналогам или даже превосходили их; в качестве примеров можно указать на Предтеченский храм г. Торжка и Предтеченскую церковь г. Старицы, в пользу духовенства которых было внесено по 2 тыс. руб. ассигнациями¹⁴.

Вторая группа пожертвований – это смешанные в целевом отношении вклады, которые подразумевали две или три группы получателей дохода, производимого капиталом: ими могли являться приходские клирики, сама церковь (в данном случае подразумевалось удовлетворение хозяйственных потребностей храма и его благоустройство), бедные лица

⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188; Богданов А.И. Гавриил (Петров) // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 224–225.

⁹ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–196.

¹⁰ Подсчитано по: Там же. Л. 188–196.

¹¹ Подсчитано по: Там же. Л. 188–188 об.

¹² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16490. Л. 1–9 об.; Д. 16495. Л. 1–12 об.; Д. 16500. Л. 1–8 об.; Д. 16505. Л. 1–11 об.; Д. 16511. Л. 1–10 об.; Духовенство и приходы города Твери и Тверского уезда. 1801 год: Клировые ведомости / сост. С.С. Кузин. Тверь, 2008. С. 11–14.

¹³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16159. Л. 1, 25–25 об.

¹⁴ Там же. Д. 5956. Л. 188–196.

духовного звания, прочие нищие. К 1830 г. зафиксирован 21 подобный вклад, общая сумма которого составляла в переводе на серебро 7 850,5 руб. и 58,3 % всех внесенных средств¹⁵.

В большинстве случаев жертвователь указывал, в каких пропорциях должны распределяться средства, получаемые в виде процентов. Наиболее распространенными были три схемы разделения дохода: 4/5 суммы – на священно- и церковнослужителей и 1/5 – в пользу приходской церкви; 2/5 процентов – на бедных лиц духовного звания, 2/5 – клирикам, 1/5 – храму; в равных пропорциях (по 50 %) – церкви и духовенству¹⁶.

Неприкосновенный капитал, предназначенный для удовлетворения хозяйственных потребностей прихода, как самостоятельный вид вклада в городах Тверской епархии в 1801–1830 гг. не встречается (в последующие десятилетия такие случаи обнаруживаются, но исключительно редко). По желанию жертвователя «на церковные нужды» могло направляться от 20 до 67 % получаемого в виде процентов дохода¹⁷.

Подобные вклады обеспечивали храму экономию на хозяйственных расходах и тем самым могли косвенно служить улучшению материального положения духовенства прихода, так как покрывали соответствующие издержки и позволяли больше средств распределять между членами клира. В целом, как констатировал в начале XX в. В.А. Кильчевский, «средства и имущества <...> церкви не отделены вполне от средств причта»; одним из проявлений и следствий этого было то, что «если жертвуется капитал в пользу причта, то самый капитал считается церковным, и лишь проценты с него поступают в пользу причта»¹⁸. В дореформенный период ситуация принципиально не отличалась.

В отдельных случаях за счет дохода с капиталов, предназначенных для финансирования хозяйственной стороны жизни прихода, имела возможность оказать прямую помощь клиру; примером может служить постройка дома для священно- и церковнослужителей, т.е. решение их «жилищного вопроса», который в дореволюционный период был одной из главных проблем для представителей духовного сословия¹⁹.

Таким образом, практически любой «вечный вклад», сделанный в пользу церкви (за исключением пожертвований на нищих), в той или иной степени мог решать проблемы материального обеспечения служащего духовенства.

Два вклада (из 51), положенных в пользу городских храмов епархии в 1801–1830 гг., выбиваются из общего ряда и образуют группу капиталов, не имеющих конкретного целевого назначения: в одном случае отсутствовало в принципе какое-либо сопроводительное указание жертвователя, во втором отмечалось, что деньги были внесены на вечное поминовение²⁰.

Так как подавляющее большинство вкладов было сделано в ассигнациях, то из-за колебания курса последних по отношению к серебряному рублю некоторые из пожертвований со временем существенно теряли в стоимости; особенно сильно это затронуло капиталы, сформированные до 1808 г., так как после этого ассигнации обесценились в три и более раз. Обратные примеры – когда пожертвования были сделаны в период низкого курса ассигнаций, который затем несколько вырос – также имелись, но их было немного, а положительная динамика была незначительной²¹. Единственным исключением в этом отношении стал вклад митрополита Гавриила (Петрова), сделанный в 1783 г. в серебряных рублях.

Как отмечалось выше, создателями неприкосновенных капиталов выступали представители различных слоев русского общества. В 1801–1830 гг. в городах Тверской епархии

¹⁵ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–196.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–207 об.; Д. 15761, 15836–15838, 15940–15942, 16004, 16084, 16086, 16159, 16226, 16292, 16363, 16364, 16400, 16401, 16453, 16476, 16477, 16532.

¹⁸ Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства... С. 27–28.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188, 190, 196.

²¹ Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорского Русского географического общества. Кн. 2. СПб., 1854. С. 151, 155; Гольдман В. Русские бумажные деньги. СПб., 1866; Шторх П. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. CXXXVII. С. 829–830.

зафиксировано лишь два случая, когда средства в кредитные учреждения для последующего получения дохода в виде процентов вносили сами священнослужители. Так, в 1821 г. причт Троицкого собора г. Осташкова продал дом, пожертвованный храму купцом, а вырученные деньги (4 050 руб. ассигнациями) обратил во вклад. В 1826 г. духовенством Крестовоздвиженской церкви г. Бежецка из остаточных кошельковых сумм было отослано «для приращения» 750 руб. ассигнациями²²; строго говоря, лишь этот капитал можно считать в полной мере сформированный самим причтом, так как в первом случае наблюдался скорее перевод одной формы пожертвования в другую. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев «вечные вклады» церквей формировались не клириками, а сторонними лицами.

С 1820-х гг. наблюдается рост популярности неприкосновенных капиталов как особой формы благотворительности; во второй трети XIX в. количество подобных вкладов существенно увеличилось, а вносимые суммы выросли в разы. Например, за 1851 г. в пользу храмов г. Бежецка, Вышнего Волочка, Кашина и Торжка было сделано 11 пожертвований такого рода на общую сумму в 8 390 руб. серебром, из них капиталы, доход с которых должен был идти в пользу причтов, составляли в общей сложности около 7 тыс. руб. серебром. В уездных городах отдельные вклады достигали 1,5–2 тыс. руб. серебром, а в 1859 г. по завещанию купца г. Кашина на духовенство 19 церквей города было внесено 12 тыс. руб. серебром²³.

Чтобы оценить значимость этих сумм, можно обратиться к очерку «Тверское современное духовенство, или Краткий перечень лиц белого и черного духовенства», написанному в 1852 г. тверским протоиереем В.Ф. Владиславлевым. При характеристике приходского духовенства данный священник дал следующую оценку годовым доходам священнослужителей губернской столицы: «Каждый городской священник получает до 1 000 руб. ассигнациями» <...> Я не говорю об иных приходах, где священнику может прийти до 1 000 руб. серебром»²⁴. Таким образом, формируемые в это время неприкосновенные капиталы можно оценить как достаточно значительные по размеру.

Анализ клировых ведомостей городских церквей Тверской епархии показывает, что в начале 1850-х гг. 102 из 123 городских храмов с собственными причтами (82,9 %) имели в качестве одной из статей дохода проценты со вкладов. Их доля в совокупности денежных поступлений клира варьировалась от 0,3 % (Преображенская церковь г. Ржева) до 38,4 % (Тверской Христорождественский монастырь), но в среднем составляла около 7,3 %²⁵.

Что касается упомянутой обители, то доход ее причта в целом был невелик: он складывался из мизерного жалования, денежных поступлений от прихожан и процентов с неприкосновенного капитала. К 1854 г. монастырские священно- и церковнослужители имели вкладов почти на 9 тыс. руб. серебром, которые приносили доход по ставке в 4 %²⁶. То, что духовенство обеспечивалось более чем на треть за счет процентов, вероятно, было обусловлено спецификой места служения: обители традиционно являлись местом молитвы и поминовения, а потому значительное количество «вечных вкладов» не вызывает удивления.

Сравнение документов первой трети и середины XIX в. демонстрирует некоторые изменения в составе жертвователей: к прежним меценатам добавляются помещики, почетные граждане, а в одном случае упомянуто «Затверецкое городское сообщество» (Тверь). Также налицо сохранение традиции внесения средств по завещанию или же осуществление пожертвований наследниками почившего на помин его души²⁷.

²² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 196, 207 об.

²³ Подсчитано по: Там же. Д. 5960. Л. 22–22 об., 31 об.–32, 34, 40–40 об.; Д. 6302. Л. 85–87; Д. 6340. Л. 3, 41 об., 63, 93 об., 106 об.–107; Д. 6442. Л. 160.

²⁴ Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева. Хрестоматия. Тверь, 2012. С. 215.

²⁵ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15761, 15836–15838, 15940–15942, 16004, 16084, 16086, 16159, 16226, 16292, 16363, 16364, 16400, 16401, 16453, 16476, 16477, 16532.

²⁶ Там же. Д. 16532. Л. 59 об.–60.

²⁷ Там же. Д. 5960. Л. 40–40 об.; Д. 6340. Л. 41 об., 63, 93 об.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. наблюдается рост популярности «вечных вкладов» как средства помощи церквям и причтам. В качестве жертвователей выступали представители разных сословий и социальных групп, а также городские общест­ва. Городские храмы Тверской епархии к середине XIX в. имели достаточно большие накопления, что соответствует аналогичным тенденциям в других епархиях Российской империи²⁸.

Д.И. Ростиславов отмечал, что доходы от капиталов почти не влияли на материальное обеспечение духовенства²⁹. Следует отметить, что это заключение было сделано автором в масштабе всей Русской православной церкви и Российской империи, так как ситуация от региона к региону могла меняться, в городской и сельской среде отличалась и даже внутри городов могла существенно разниться. Пример Тверской епархии показывает, что к середине XIX в. более 4/5 городских храмов имели неприкосновенные капиталы, которые давали постоянный доход в виде процентов, тогда как 1/5 приходов не располагала подобными вкладами.

Приходится констатировать, что в целом роль данного финансового инструмента в материальном обеспечении духовенства была небольшой: в среднем проценты с вкладов давали 7,3 % от общей совокупности доходов причтов, хотя были и исключения (например, тверской Христорождественский монастырь). Главной проблемой было то, что доходность депозитов в кредитных учреждениях России в дореформенный период составляла от 2,4 до 6 %, но чаще 4 %³⁰. Ввиду этого сформировать столь значительный капитал, который бы мог за счет процентов обеспечить значительную часть материальных потребностей духовенства, было крайне сложной задачей.

Практически все публицисты XIX в. отмечали стесненное материальное положение служащего духовенства: нехватку средств для поддержания достойного уровня жизни, сложности с обучением детей в духовных школах, трудности в решении «жилищного вопроса» и пр.³¹ Однако в гораздо более тяжелом положении находилась другая часть духовного сословия – заштатные клирики, не имевшие места для служения, а также вдовы и сироты священно- и церковнослужителей. Полноценная система социального призрения в Русской православной церкви в дореформенный период так и не сложилась, а потому представителям названных групп приходилось буквально выживать вне зависимости от того, в городе или в сельской местности они обитали. Тверская епархия в этом отношении не являлась исключением.

Светские и церковные власти пытались решить проблему финансирования сферы духовного призрения различными способами, в том числе за счет формирования капитала в кредитных учреждениях. Пример этому подавался на самом высоком уровне: еще в 1791 г. императрицей Екатериной II была одобрена передача средств, накапливавшихся в Синодальной типографии, в Заемный банк для оказания помощи духовенству за счет приращения капитала³². К началу 1820-х гг. в данном кредитном учреждении находилось уже почти 100 тыс. руб. синодальной типографской суммы, на проценты с которой выплачивалась

²⁸ Фриз Г.Л. Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства 1863 года (Владимирская епархия) // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сб. науч. тр. Тверь, 2008. Вып. 3. С. 130.

²⁹ [Ростиславов Д. И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 1. С. 286.

³⁰ См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16159. Л. 49 об.; Д. 16521. Л. 1 об.–2 об., 25 об., 49 об.; Д. 16532. Л. 53 об.; Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–4 об.; Таблицы для вычисления процентов как по займам по залогу имений, так и по внесенным капиталам, в банках, сохраненных казнах Опекунского совета, Комиссии погашения долгов, и по частным расчетам. СПб., 1839; [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 1. С. 286.

³¹ См., например: [Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства...; [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве...; Васильевский И. Вице-директор аудиториатского департамента Зиновий Васильевич Вишняков как благотворитель бедного духовенства Тверской епархии // Тверские епархиальные ведомости. 1889. № 21 (неофициальная часть). С. 768.

³² Иконников С.А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях Центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса // Манускрипт. 2018. № 6 (92). С. 23–24.

пенсия «белому духовенству при штатных соборах и церквях <...> и уволенным от должности чиновникам по ведомству Святейшего Синода»³³.

Данная модель решения острого социального вопроса усваивалась духовными властями на региональном уровне, а отдельные случаи такого рода фиксируются и ранее указа Екатерины Великой: выше уже упоминалось о капитале в 2 тыс. руб. серебром, который положил в 1783 г. на обеспечение опекаемых в богадельнях Тверской епархии митрополит Гавриил (Петров)³⁴.

Тверское епархиальное попечительство, занимавшееся вопросами социальной помощи, было учреждено в 1823 г. в рамках общегосударственной инициативы по улучшению положения самой незащищенной части духовного сословия. Впрочем, попытки решить проблемы неимущих лиц духовного звания наблюдались в регионе и ранее: первые пособия начали выдаваться епархиальными властями еще в 1816–1817 гг.³⁵

В предреформенные десятилетия на местном уровне шел процесс формирования капиталов для обеспечения потребностей бедных лиц духовного звания. Интерес представляет ситуация, которая сложилась в данной сфере в Тверской епархии на рубеже 1819–1820 гг. К этому моменту средства, которыми располагало епархиальное начальство для помощи нуждающимся клирикам и членам их семей, составляли 16 977,7 руб.: в опекунском совете находилось 14 820 руб. и еще 2 157,7 руб. лежали наличными в «кладовой палатке» архиерейского дома. В течение 1819 г. на выдачу пособий нуждающимся было потрачено только 645 руб.: они включали выплаты 30 лицам, числящимся в епархиальной богадельне (на каждого тратилось по 10 руб. в год, всего 300 руб.), а также суммы, розданные «разным сиротам» (всего 345 руб.), при этом размер единовременной помощи варьировался в пределах от 7 до 25 руб.

В то же время за 1819 г. епархиальному руководству из 10 разных источников поступило на цели призрения лиц духовного звания в общей сложности 4 040,96 руб. В итоге по окончании года было принято следующее решение: из имевшихся в архиерейском доме наличных средств оставить для выдачи вспоможений 657,7 руб. (т.е. чуть больше, чем было истрачено в предыдущем году), а остальные 1,5 тыс. руб. отослать в опекунский совет для увеличения неприкосновенного капитала³⁶.

Исключительную недостаточность направляемых на выдачу пособий средств иллюстрирует следующий факт: по данным на 1822 г. в Тверской епархии насчитывалось 2 550 человек «безместных престарелых и увечных священно- и церковнослужителей с семьями, просвириц, прочих вдов и сирот»³⁷. Несмотря на столь большое количество нуждающихся, духовное руководство отдавало приоритет не текущему оказанию помощи, а формированию неприкосновенного капитала для обеспечения будущего сферы духовного призрения епархии. Данная тенденция сохранилась до 1850-х гг.³⁸

За первую половину XIX в. тверской епархиальный орган опеки существенно увеличил свой денежный фонд: в конце 1820 г. (еще до образования попечительства) капитал, содержащийся в Московском опекунском совете, составлял почти 20 тыс. руб. ассигнациями, в 1823 г. – без малого 29 тыс. руб. ассигнациями (еще более 1 тыс. руб. ассигнациями имелось наличными средствами), в 1837 г. – около 44 тыс. руб. ассигнациями в билетах кредитных учреждений (еще почти 12 тыс. руб. ассигнациями – наличными), в 1847 г. – более 16 тыс. руб. серебром (и около 6 тыс. руб. серебром наличными), в 1857 г. – почти

³³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3224. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 13; Д. 5956. Л. 188.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 38. № 29583. С. 1169–1176; ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 657. Л. 3. Ср.: Спичак А.В. Система попечительства о женщинах духовного звания в Тобольской епархии в 1820–1830-х годах // Научный диалог. 2021. № 2. С. 386; Кругликов А.С. К организационно-правовым аспектам деятельности Тобольского епархиального попечительства о бедных духовного звания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 38. С. 124.

³⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2584. Л. 1 об.–3, 10–11 об. См. также: Там же. Д. 3224. Л. 157 об.–158.

³⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3224. Л. 159.

³⁸ См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5960. Л. 11–11 об.

35,8 тыс. руб. серебром в билетах кредитных учреждений (еще более 3 тыс. руб. наличными), но в 1860 г. капитал уменьшился до 35,5 тыс. руб. серебром (еще почти 9,5 тыс. руб. осталось наличными)³⁹.

Если принять во внимание соотношение серебряного и ассигнационного рубля (1:3,5 в данный период⁴⁰), то за указанные 40 лет фонд социальной помощи вырос почти в 8 раз, причем значительную его часть составляли вклады в кредитных учреждениях; в конце 1850-х гг. в качестве таковых упоминаются Московский опекунский совет, Санкт-Петербургская сохранная казна, Тверской приказ общественного призрения, а также банк (без конкретизации)⁴¹.

В середине XIX в. в пользу бедных духовного звания было сделано пожертвование, которое вошло в историю Тверской епархии и серьезно увеличило капитал Тверского епархиального попечительства: З.В. Вишняков, вице-директор аудиторского департамента из Санкт-Петербурга, завещал данному органу 15 тыс. руб. серебром, которые после смерти мецената († 1852 г.) в 1853 г. были помещены в кредитное учреждение. Получаемый с капитала доход должен был распределяться между нуждающимися представителями духовного сословия, при этом предпочтение должно было отдаваться лицам, проживавшим в Корчевском уезде Тверской губернии. Такой выбор был обусловлен тем, что З.В. Вишняков являлся уроженцем упомянутого уезда, происходил из семьи бедного многодетного пономаря, некоторое время учился в низших классах Тверской духовной семинарии и в юные годы испытал на себе всю тяжесть нищенской жизни. Завещанный им капитал стал крупнейшим банковским вкладом в пользу попечительств о бедных духовного звания, сделанным в Российской империи в первой половине 1850-х гг., а в 1853 г. он составил более 16 % всех подобных пожертвований в стране. Вклад З.В. Вишняков был настолько значительным, что даже в конце XIX в. он составлял шестую часть всех средств Тверского епархиального попечительства⁴².

Наряду с увеличением капитала, которое шло с 1820-х гг., в середине XIX в. стала фиксироваться и обратная тенденция: с 1849 г. расход тверского епархиального органа духовного призрения в отдельные годы стал превышать доход, в результате чего началось периодическое истребование из кредитных учреждений отдельных вкладов для покрытия возникающего дефицита. Например, в 1850 г. общая сумма накоплений уменьшилась на 1 142,85 руб., в 1851 г. – на 3 тыс. руб., в 1853 г. – на 1 142,85 руб., в 1855 г. – на 873,94 руб.⁴³ В предшествующее десятилетие (в 1840-е гг.) в документах зафиксирован лишь один подобный случай: в 1841 г. был запрошен капитал на сумму 1 714,28 руб.⁴⁴

Обращение к вкладам для покрытия текущих потребностей сферы духовного призрения вызывало недовольство местного архиерея, но получало его санкцию – впрочем, с указанием

³⁹ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1729. Л. 41; Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 3 об.–4 об.; Д. 514. Л. 65 об.–66 об., 136 об.–137 об., 187 об., 260 об., 355 об., 403 об., 449 об., 494 об., 524 об., 559 об.; Д. 654. Л. 7, 17–18; Д. 657. Л. 3; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1838 год. СПб., 1839. Ведомости. С. 82–83; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1848 год. СПб., 1849. Ведомости. С. 90–91; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1858 год. СПб., 1860. Ведомости. С. 124–125; Извлечение из отчета по Ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864. Ведомости. С. 118–119.

⁴⁰ Гурьев А.Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 71, 79, 83, 125.

⁴¹ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.–5.

⁴² Там же. Д. 514. Л. 446 об.; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1851 год. СПб., 1852. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1852 год. СПб., 1853. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1853 год. СПб., 1854. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1854 год. СПб., 1855. Ведомости. С. 80–83; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1855 год. СПб., 1856. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1856 год. СПб., 1857. Ведомости. С. 94–97; Васильевский И. Вице-директор аудиторского департамента... С. 689–691.

⁴³ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 514. Л. 260 об., 355 об., 449 об., 524 об.

⁴⁴ Там же. Д. 526. Л. 187 об.

епархиальному попечительству впредь стремиться к достижению баланса расходов и доходов⁴⁵.

Следует указать на важный момент: до 1859 г. большая часть капитала Тверского епархиального попечительства не приносила текущего дохода – проценты выплачивались только при закрытии вклада (часто спустя десятилетия после его оформления в кредитном учреждении), а до этого момента все средства шли на увеличение основной суммы депозита. Например, в 1857 г. вместе с истребованным вкладом были получены проценты, накопленные за 31 год: вместо 571 руб., положенных в 1826 г., было выдано 1 511 руб. Только с конца 1850-х гг. епархиальное начальство начинает перевод накопленных средств из вкладов в билеты, приносящие ежегодный доход в 4 %⁴⁶. Благодаря этому в 1860 г. попечительство получило в виде процентов почти 2 700 руб., тогда как в 1857 г. текущий доход приносили лишь два билета, которые дали в общей сложности 672 руб.⁴⁷ Если суммировать все денежные поступления попечительства за 1860 г. (без учета возвращенных долгов, пожертвований билетами кредитных учреждений и пр.), то доля процентов, полученных от неприкосновенных капиталов, составила в них 21,9 %, что помещает доход от «вечных вкладов» на третье место по значимости в бюджете данного органа (после целевых кружек и пожертвований по пригласительным листам)⁴⁸.

К середине XIX в. количество лиц, которым Тверское епархиальное попечительство оказывало помощь, многократно увеличилось по сравнению с началом 1820-х гг.: например, в 1851 г. на 1 620 человек было потрачено 11,1 тыс. руб. серебром (в среднем по 6,85 руб. на человека), а в 1857 г. на 1 590 человек отпущено 11,8 тыс. руб. (в среднем 7,42 руб. на человека). Из представленного видно, что из-за огромного количества нуждающихся выделяемые суммы были небольшими⁴⁹. Как констатировал в епархиальном отчете тверской архиерей, «вдовы, сироты и безместные священно- и церковнослужители непрестанно требуют себе физической помощи»⁵⁰. Таким образом, в выборе между избирательной (адресной) поддержкой в значительном размере и моделью «многим, но понемногу» решение принималось в пользу последней.

Вероятно, к смене финансовой стратегии (переход от накопления капитала к получению с него текущего дохода) попечительство подталкивала острота нужды неимущих представителей духовного сословия, при этом иные источники поступлений данного органа не могли покрыть расходную часть бюджета. Ввиду этого для предотвращения растраты находящихся в кредитных учреждениях «вечных вкладов» было решено начать их использование по прямому назначению. Однако у такого выбора был по крайней мере один существенный изъян: со временем и основные суммы, и производимые ими проценты обесценивались из-за инфляции⁵¹.

Среди неприкосновенных капиталов Тверского епархиального попечительства середины XIX в. обращает на себя внимание один необычный вклад, который упоминается в отчетных документах за 1858–1860 гг. Это были средства в размере 3 тыс. руб., которые внес один архиерей в пользу своего брата, являвшегося послушником Нило-Столобенской пустыни, т.е. в данном случае доход имел персонального получателя. Проценты по данному капиталу варьировались год от года: в 1858 г. они составили 89,40 руб. (что соответствует ставке в 2,98 % годовых), в 1859 г. – 74,25 руб. (2,475 % годовых), в 1860 г. – 71,7 руб. (2,39 % годовых)⁵². Причина этих колебаний требует уточнения. Применительно к представителям городского духовенства епархии таких «персональных» вкладов в исследуемый период не обнаружено.

⁴⁵ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 657. Л. 4.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 6340. Л. 306; Ф. 318. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.–5; Д. 9. Л. 1–4 об.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 6340. Л. 306; Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об.–3.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об.–3.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5960. Л. 69; Д. 6340. Л. 66.

⁵⁰ Там же. Д. 5960. Л. 77.

⁵¹ [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 2. С. 628.

⁵² ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5; Д. 4. Л. 3 об.–5; Д. 9. Л. 3 об.–4 об.

В 1866 г. публицист Д.И. Ростиславов отмечал, что собранные в первой половине XIX в. епархиальными попечительствами Российской империи суммы составляли два-три их годовых прихода-расходных бюджета, что подтверждается на примере Тверской епархии⁵³. К сожалению, приходится констатировать, что данные накопления не смогли решить задачу, которая изначально перед ними ставилась: финансово обеспечить сферу духовного призрения за счет получаемых процентов. Таков был практический результат, несмотря на то, что на протяжении десятилетий все изыскиваемые и обнаруживаемые «излишки» неизменно отсылались в кредитные учреждения «для приращения».

Сам по себе такой механизм материального обеспечения социально значимых проектов не был новым: еще с 1809 г. по этой схеме предполагалось финансировать духовные училища для юношей, а в пореформенной России за счет капиталов намеревались решить проблему содержания женских духовных училищ и пр.⁵⁴ Впрочем, во всех случаях результат был приблизительно одинаковым: ценой невероятных усилий и за счет жесточайшей экономии удавалось сформировать «вечные вклады», проценты с которых, однако, лишь частично покрывали текущие расходы.

Подводя итог, можно констатировать, что на протяжении первой половины XIX в. в Тверской епархии – типичной провинциальной губернии центральной части Российской империи – наблюдается рост интереса к неприкосновенным капиталам как инструменту решения вопроса материального обеспечения представителей духовного сословия; данная проблема носила экономический характер, но имела скрытый социально-политический оттенок, что делает поиск путей выхода из нее важным коллективным социальным проектом.

С 1820-х гг. неприкосновенные капиталы получают достаточно широкое распространение в Тверской епархии: количество вкладов, вносимых в пользу городских храмов и причтов, увеличивается, а их размеры растут. К середине XIX в. 82,9 % городских церквей имели в качестве одной из статей дохода проценты с капиталов, при этом в среднем на них приходилось 7,3 % всех поступлений в пользу причтов. Несмотря на отдельные исключения, следует констатировать, что в целом роль «вечных вкладов» в деле материального обеспечения городского служащего духовенства в рассматриваемый период была невелика.

Формирование неприкосновенного капитала для обеспечения сферы духовного призрения начинается в Тверской епархии еще до появления профильного попечительства. С 1820-х гг. идет интенсивное накопление средств в виде вкладов в кредитных учреждениях (к 1860 г. – рост почти в 8 раз), однако в большинстве случаев эти суммы не приносили текущего дохода и были ориентированы на «приращение» капитала. Лишь в конце 1850-х гг. происходит изменение финансовой стратегии, когда делается выбор в пользу получения процентов для покрытия текущих нужд, а именно – для помощи неимущим лицам духовного звания, проживавшим в городах и в сельской округе. В результате к 1860 г. доход от «вечных вкладов» стал третьим по значимости для Тверского епархиального попечительства и обеспечил 21,9 % всех денежных поступлений данного органа. Впрочем, избранная модель поддержки нуждающихся – «многим, но понемногу» – из-за совершенной недостаточности выделяемых сумм зачастую превращала оказываемую финансовую помощь в формальное проявление внимания со стороны епархиального начальства.

Неприкосновенные капиталы – это важная и славная страница в истории дореволюционной русской благотворительности, которая демонстрирует высокий уровень социальной ответственности и стремление внести вклад в решение острых проблем, характерных для представителей самых разных частей русского общества.

⁵³ [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 2. С. 616.

⁵⁴ Там же. С. 401–402, 633; Покотилова Т.Е. От сословного призрения и частной благотворительности к всеобщему социальному обеспечению в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 105–106.

Литература

- [Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin [etc.]: A. Asher et C° [etc.], 1858. Т. 4. IV, 166, [1] с.
- Богданов А.И. Гавриил (Петров) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. X. Второзаконие – Георгий. С. 224–226.
- Гольдман В.К. Русские бумажные деньги: финансово-исторический очерк с обращением особенного внимания на настоящее финансовое затруднение России. СПб.: К.К. Ретгер, 1866. VIII, 236, [2] с.
- Гурьев А.Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1903. [2], IV, 253 с.
- Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. 1700–1890. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 935 с.
- Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань: Унив. тип., 1873. [4], 851 с.
- Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева. Хрестоматия / сост. Д.А. Беговатов, Т.Г. Леонтьева. Тверь: СФК-офис, 2012. 302 с.
- Иконников С.А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях Центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса // Манускрипт. 2018. № 6 (92). С. 22–26.
- Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908. 46 с.
- Кругликов А.С. К организационно-правовым аспектам деятельности Тобольского епархиального попечительства о бедных духовного звания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 38. С. 117–141.
- Леонтьева Т.Г. Формирование и деятельность церковной интеллигенции Тверской губернии // Тверская старина. 1994. № 3. С. 3–27.
- Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
- Литвак Б.Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 309–379.
- [Милош] Никодим (епископ). Православное церковное право. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1897. XX, 708 с.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
- Покотилова Т.Е. От сословного призрения и частной благотворительности к всеобщему социальному обеспечению в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 103–108.
- Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422, [1] с.
- Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. 567, [1] с.
- Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 255 с.
- [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве в России: в 2 т. Лейпциг: Франц Вагнер, 1866.
- Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с., [12] л. портр. ил.
- Рындзюнский П.Г. Церковь в дворянской империи (XVIII в.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 230–308.
- Спичак А.В. Система попечительства о женщинах духовного звания в Тобольской епархии в 1820–1830-х годах // Научный диалог. 2021. № 2. С. 385–402.
- Фиолетов Н.Н. Государство и церковь. М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1917. 29 с.

Фриз Г.Л. Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства 1863 года (Владимирская епархия) // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сб. науч. тр. Тверь, 2008. Вып. 3. С. 128–143.

Шморх П. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. CXXXVII. С. 772–847.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. XXXII, 507 p.

References

Begovatov, D.A., Leontyeva, T.G. (Comp.). (2012). *Iz istorii provintsial'nogo dukhovenstva: zapiski svyashchennika V.F. Vladislavleva. Khrestomatiya* [From the History of the Provincial Clergy: Notes by Priest V.F. Vladislavlev]. Anthology. Tver, SFK-ofis. 302 p.

[Belyustin, I.S.] (1858). *Opisanie sel'skogo dukhovenstva* [Description of the Rural Clergy]. In *Russkiy zagranichnyy sbornik*. T. 4. Berlin, A. Asher et C° [etc.]. IV, 166, [1] p.

Bogdanov, A.I. (2005). Gavriil (Petrov) [Gabriel (Petrov)]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. X, pp. 224–226.

Dobroklonskiy, A.P. (1999). *Rukovodstvo po istorii russkoy tserkvi. 1700–1890* [A Guide to the History of the Russian Church. 1700–1890]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e. 935 p.

Fioletov, N.N. (1917). *Gosudarstvo i tserkov'* [State and Church]. Moscow, Tipografiya T-va Ryabushinskikh. 29 p.

Friz, Gr.L. (2008). Mentalitet prikhodskogo svyashchennika: "Mneniya" ob uluchshenii byta dukhovenstva 1863 goda (Vladimirskaya eparkhiya) [The Mentality of a Parish Priest: "Opinions" on Improving the Life of the Clergy in 1863 (Vladimir Diocese)]. In *Provintsial'noe dukhovenstvo dorevolutsionnoy Rossii: sbornik nauchnykh trudov*. Tver, Tverskoy gosudarstvennyy universitet. Iss. 3, pp. 128–143.

Gol'dman, V.K. (1866). *Russkie bumazhnye den'gi: finansovo-istoricheskiy ocherk s obrashcheniem osobennogo vnimaniya na nastoyashchee finansovoe zatrudnenie Rossii* [Russian Paper Money: A Financial and Historical Essay with Particular Attention to Russia's Current Financial Difficulty]. St. Petersburg, K.K. Retger. VIII, 236, [2] p.

Gur'ev, A.N. (1903). *Denezhnoe obrashchenie v Rossii v XIX stoletii. Istoricheskiy ocherk* [Money Circulation in Russia in the 19th Century. Historical Essay]. St. Petersburg, Tipografiya V.F. Kirshbauma. [2], IV, 253 p.

Ikonnikov, S.A. (2018). *Uchrezhdenie emerital'nykh kass v eparkhiyakh Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XIX veka: k istorii voprosa* [The Establishment of Emeritus Funds in the Dioceses of the Central Black Earth Region in the Second Half of the 19th Century: To the History of the Issue]. In *Manuskript*. No. 6 (92), pp. 22–26.

Kil'chevskiy, V.A. (1908). *Bogatstva i dokhody dukhovenstva* [Wealth and Income of the Clergy]. St. Petersburg. 46 p.

Kruglikov A.S. (2022). K organizatsionno-pravovym aspektam deyatelnosti Tobol'skogo eparkhial'nogo popечitel'stva o bednykh dukhovnogo zvaniya [On the Organizational and Legal Aspects of the Activities of the Tobolsk Diocesan Guardianship of the Poor Clergy]. In *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. No. 38, pp. 117–141.

Leont'eva, T.G. (1994). Formirovanie i deyatelnost' tserkovnoy intelligentsii Tverskoy gubernii [Formation and Activities of the Church Intelligentsia of the Tver Province]. In *Tverskaya starina*. No. 3, pp. 3–27.

Leont'eva, T.G. (2002). *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Faith and Progress: Orthodox Rural Clergy of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Novyy khronograf. 272 p.

Litvak, B.G. (1989). Russkoe pravoslavie v XIX v. [Russian Orthodoxy in the 19th Century]. In *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii*. Moscow, Politizdat, pp. 309–379.

[Milosh], Nikodim (1897). *Pravoslavnoe tserkovnoe pravo* [Orthodox Church Law]. St. Petersburg, Tipografiya V.V. Komarova. XX, 708 p.

Mironov, B.N. (2000). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia during the Imperial Period (18th – Early 20th Centuries): Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. Vol. 1. 548 p.

Pokotilova, T.E. (2020). Ot soslovnogo prizreniya i chastnoy blagotvoritel'nosti k vseobshchemu sotsial'nomu obespecheniyu v Rossii [From Class Charity and Private Charity to Universal Social Security in Russia]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 103–108.

Pul'kin, M.V. (2009). *Pravoslavnyy prikhod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v.* [Orthodox Parish and Power in the Mid-18th – Early 20th Centuries]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN. 422, [1] p.

Rimskiy, S.V. (1999). *Rossiyskaya Tserkov' v epokhu velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov)* [The Russian Church in the Era of Great Reforms (Church Reforms in Russia in the 1860s–1870s)]. Moscow, Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. 567, [1] p.

[Rostislavov, D.I.] (1866). *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii* [About the Orthodox White and Black Clergy]. In 2 Vol. Leyptsig, Frants Vagner.

Rozov, A.N. (2003). *Svyashchennik v dukhovnoy zhizni russkoy derevni* [The Priest in the Spiritual Life of the Russian Village]. St. Petersburg, Aleteyya. 255 p.

Runkevich, S.G. (1901). *Russkaya tserkov' v XIX veke* [Russian Church in the 19th Century]. St. Petersburg, Tipografiya A.P. Lopukhina. 232 p.

Ryndzyunskiy, P.G. (1989). Tserkov' v dvoryanskoy imperii (XVIII v.) [Church in the Noble Empire (18th Century)]. In *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii*. Moscow, Politizdat, pp. 230–308.

Shtorkh, P. (1868). *Materialy dlya istorii gosudarstvennykh denezhnykh znakov v Rossii s 1653 po 1840 god* [Materials for the History of State Banknotes in Russia from 1653 to 1840]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Iss. CXXXVII, pp. 772–847.

Spichak, A.V. (2021). Sistema popechitel'stva o zhenshchinakh dukhovnogo zvaniya v Tobol'skoy eparkhii v 1820–1830-kh godakh [The System of Care for Women of the Clergy in the Tobol'sk Diocese in the 1820s and 1830s]. In *Nauchnyy dialog*. No. 2, pp. 385–402.

Vasil'evskiy, I. (1889). Vitse-direktor auditoriatskogo departamenta Zinoviy Vasil'evich Vishnyakov kak blagotvoritel' bednogo dukhovenstva Tverskoy eparkhii [Vice-Director of the Audit Department Zinoviy Vasilyevich Vishnyakov as a Benefactor of the Poor Clergy of the Tver Diocese]. In *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 19 (neofitsial'naya chast'), pp. 689–698; No. 21 (neofitsial'naya chast'), pp. 760–770.

Znamenskiy, P.V. (1873). *Prihodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [Parish Clergy in Russia Since the Reform of Peter]. Kazan, Univ. tip. [4], 851 p.

И.И. Лейман*

ВОЛОГОДСКИЙ КУПЕЦ ТИМОФЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ КОЛЕСНИКОВ: «...КАПИТАЛ ДОЛЖЕН ОСТАВАТЬСЯ НАВСЕГДА НЕПРИКОСНОВЕННЫМ»**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-9
УДК 364.054.2:94(470.1/2)

Выходные данные для цитирования:

Лейман И.И. Вологодский купец Тимофей Емельянович Колесников: «...капитал должен оставаться навсегда неприкосновенным» // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 128–144. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-09.pdf>

I.I. Leyman*

VOLOGDA MERCHANT TIMOFEY EMEL'YANOVICH KOLESNIKOV: "...CAPITAL MUST REMAIN FOREVER INVIOLEABLE"***

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-9

How to cite:

Leyman I.I. Vologda Merchant Timofey Emel'yanovich Kolesnikov: "...Capital Must Remain Forever Inviolable" // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 128–144. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-09.pdf>]

Abstract. The article describes the charitable activities of Timofey Yemelyanovich Kolesnikov (1829–1899), a Vologda merchant of the Second guild, one of the most striking examples of merchant philanthropy in pre-revolutionary Russia. The article reveals the main stages of T.E. Kolesnikov's life and highlights his service in local city government and other regional structures. At various times he was a member of the Vologda City Duma, manager at the Vologda Mutual Fire Insurance Society, treasurer of the Council of the Vologda Free Fire Society, merchant elder, and a member of the board of the Vologda City Public Bank. The large-scale donations he made for various needs are revealed, thanks to which his name is firmly entrenched in the memory of the citizens. It is emphasized that over the years, T.E. Kolesnikov was a churchwarden at the Vologda City Zemsky Hospital; a trustee of the 1st, 3rd and 4th Vologda county parish schools; honorary foreman of the Vologda Alexandrinsky Orphanage; a substituent of a chairman of the Vologda local department of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers; a member of the Vologda local department of the Russian Red Cross Society and a member of the Council of the Vologda Alexander Merchant Charitable Society. The article analyzes T.E. Kolesnikov's initiatives which can be considered the main ones both for himself and for the city society: the opening of a city free canteen and a night shelter in Vologda, the Alexander-Mariinsky Silver orphanage "Nursery" and the city school – the 7th Vologda District men's parish school. Using the example of the biography of T.E. Kolesnikov, the article concludes that endowment capital was an important instrument for the development of merchant charity in Russia in the second half of the 19th – early 20th century. Even after the merchant's death, the institutions he founded continued to function, and their financial resources increased thanks to constant donations from the townspeople.

Keywords: Vologda province, merchants, Timofey E. Kolesnikov, charity, endowment funds.

* **Ирина Игоревна Лейман**, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия; Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия, e-mail: irinaleyman@gmail.com

Irina Igorevna Leyman, Candidate of Historical Sciences, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia; Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia, e-mail: irinaleyman@gmail.com

** Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment by the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The article has been received by the editor on 09.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье охарактеризована благотворительная деятельность вологодского купца второй гильдии Тимофея Емельяновича Колесникова (1829–1899) – один из ярчайших примеров купеческой филантропии в дореволюционной России. Освещены основные вехи жизненного пути Т.Е. Колесникова, его служба в органах местного городского самоуправления и других региональных структурах (он был гласным Вологодской городской думы, распорядителем в Вологодском обществе взаимного страхования от огня, казначеем совета Вологодского вольного пожарного общества, занимал должность купеческого старосты, входил в состав правления Вологодского городского общественного банка), выявлены сделанные им масштабные пожертвования на разнообразные нужды, благодаря которым его имя прочно закрепилось в памяти горожан. Подчеркнуто, что в разные годы Т.Е. Колесников был церковным старостой при церкви Вологодской городской земской больницы, попечителем 1-го, 3-го и 4-го мужских Вологодских уездных приходских училищ, почетным старшиной Вологодского Александринского детского приюта, товарищем председателя Вологодского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, членом Вологодского местного управления Российского общества Красного Креста и членом совета Александровского вологодского купеческого благотворительного общества. Проанализированы инициативы Т.Е. Колесникова, которые можно считать главными как для него самого, так и для городского общества: открытие в Вологде городской бесплатной столовой и ночлежного дома, Александро-Мариинского Серебряного приюта «Ясли» и городской школы – 7-го мужского Вологодского уездного приходского училища. На примере биографии Т.Е. Колесникова сделан вывод о важном значении для развития купеческой благотворительности в России во второй половине XIX – начале XX в. такого инструмента, как целевой капитал. Даже после смерти купца основанные им учреждения продолжали функционировать, а их материальный фонд возрастал благодаря постоянным пожертвованиям горожан.

Ключевые слова: Вологодская губерния, купечество, Т.Е. Колесников, благотворительность, целевые капиталы.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025 г.

По объективным причинам благотворительная деятельность российского купечества не становилась предметом научного изучения вплоть до 1990-х гг. С изменением политической конъюнктуры и вектора экономического развития появляется целый комплекс публикаций, посвященных благотворительности и меценатству купцов Москвы, центральных губерний Российской империи, а также Урала и Сибири¹. Подобных материалов о купечестве

¹ Булгакова О.В. Роль купеческого сословия и благотворительности в становлении и развитии Томска // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 170–173; Гарунова Н.Н. Роль кизлярских купцов в формировании образовательно-культурной среды и благотворительности в контексте развития региона в XIX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 16–20; Колодий Г.Н. История благотворительности в Сибири: тенденции и закономерности (на примере строительства общественных зданий в Иркутске) // Вестник Байкальского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 151–158; Медведев Ю.В. Московское купечество и благотворительность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Реферативный журнал. 1995. № 1. С. 3–13; Мельников С.Л. Благотворительная деятельность провинциального купечества во второй половине XIX века в контексте изменения ценностных диспозиций // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2008. № 2. С. 97–108; Мырзыханов Е.Н. Общественная, благотворительная и меценатская деятельность купца-предпринимателя в конце XIX в. и в начале XX в. (на примере Акмолинской области) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2018. № 2 (19).

Европейского Севера России представлено в значительно меньшем объеме. Одной из первых попыток комплексно осветить благотворительную деятельность купцов северных территорий стала книга Е.И. Овсянкина, посвященная истории архангельского купечества². Отдельных публикаций о благотворительности северного купечества в настоящее время сравнительно немного, немалая их часть принадлежит автору данной статьи³. Тема неприкосновенных капиталов и вечных вкладов членов торгового сословия на Европейском Севере России в XIX в. как самостоятельное направление исторического исследования в историографии пока не представлена.

В дореволюционной России купцы традиционно вкладывали немалую часть заработанных средств в развитие социальной и транспортной инфраструктуры территорий (для сравнения интересно привести замечание Е.И. Овсянкина о том, что проживавшие в Архангельске иностранные купцы в XIX в. регулярно отправляли финансовые средства за границу, в то время как пожертвование ими на местные городские нужды исследователем было выявлено лишь единожды⁴). Если в первой-второй третях XIX в. купеческая благотворительность в большей степени имела персонализированный и «стихийный» характер (т.е. конкретные купцы время от времени оказывали различных объемов финансовую поддержку тем или иным учреждениям, лицам, инициативам), то в пореформенный период благотворительная деятельность становится уже более институализированной, контролируемой и планомерной. В это время создаются различные благотворительные общества, членами которых непременно являются представители торгового сословия. Благодаря совершенствованию финансовой сферы и развитию банковской системы возникает и новая форма благотворительности, когда значительные суммы денег передавались в банки и другие структуры «навечно» с тем, чтобы проценты с них ежегодно шли на поддержку конкретных лиц или социальных учреждений.

Не осталась в стороне от обозначенных тенденций развития купеческой благотворительности в XIX – начала XX в. и Вологодская губерния. Местное купечество вкладывало огромные деньги в развитие инфраструктуры, на поддержку церкви, социальных учреждений и социально незащищенных слоев населения. Даже переехавшие в иные губернии Российской империи вологодские купцы не теряли связь с родиной. К примеру, после страш-

С. 12–18; *Репина Н.В.* Благотворительность купечества Костромской губернии в середине XIX начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 1. С. 324–327; *Скубневский В.А.* Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–160; *Успенский В.Б., Мазаева М.В., Шиханов П.А.* Из истории благотворительности и меценатства в Ярославском крае // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). С. 185–191.

² *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 179.

³ *Завьялова О.Н.* Благотворительность как социальное служение купечества (по материалам духовных завещаний вологодских купцов) // Роль бизнеса в трансформации российского общества-2010. Пятый Международный научный конгресс: сб. тезисов докладов. М., 2010. С. 82–84; *Лейман И.И.* Благотворительная деятельность купечества в сфере городского тюремного хозяйства во второй трети XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе: сб. ст. Сыктывкар, 2020. С. 11–18; *Лейман И.И.* Благотворительная деятельность купечества Тотьмы во второй трети XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей») // Русский Север-2023: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ VII Всерос. науч. конф. Вологда, 2023. С. 89–93; *Лейман И.И.* Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. История и филология. 2020. № 5 (45). С. 75–82; *Лейман И.И.* Вологодское купечество и Крымская война: к вопросу о специфике благотворительной деятельности в 1853–1856 гг. // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. История и филология. 2022. № 1 (53). С. 70–75; *Лейман И.И., Мацук М.А.* Благотворительная деятельность купечества в сфере народного просвещения (на примере Вологодской губернии второй трети XIX века) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Сер.: История и филология. 2023. № 1 (59). С. 74–79; *Полоцкая О.В.* Благотворительная деятельность тотемского купечества в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2015. № 3 (31). С. 57–65.

⁴ *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 179.

ного пожара 1843 г. в г. Тотьме Вологодской губернии, когда пламя уничтожило «всю середину и лучшую часть этого города», проживавший в Кяхте Иркутской губернии купец Платон Фирсов, уроженец Тотьмы, пожертвовал на восстановление города 4 900 руб. ассигнациями из собственных средств, а также 4 000 руб. ассигнациями от кяхтинских торговцев (для понимания: в это время приличный каменный дом стоил 1 500–2 000 руб.)⁵. Как было напечатано в «Вологодских губернских ведомостях» в 1843 г., «нет в Тотьме таких вдов и сирот, кои бы не пользовались щедрыми даяниями этого редкого человека»⁶.

Особый интерес вызывает история жизни и деятельности купца Тимофея Емельяновича Колесникова, переехавшего в Вологду из соседней Ярославской губернии уже в зрелом возрасте, но тем не менее сделавшего для города, пожалуй, больше, чем некоторые представители торгового сословия, прожившие здесь всю свою жизнь. Как писала про Т.Е. Колесникова в 1899 г. газета «Северный край»,

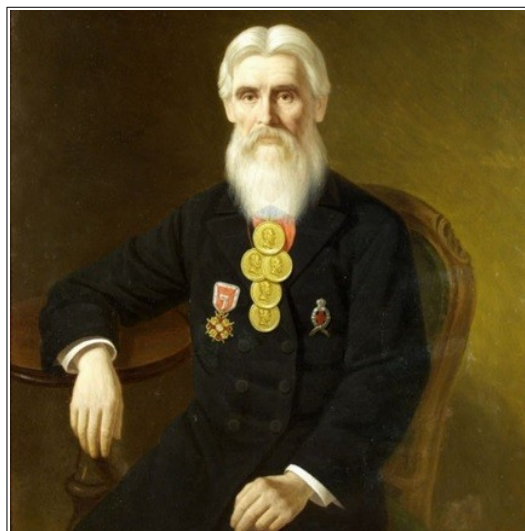

Рис. 1. Е. Беляков. Портрет Т.Е. Колесникова. 1890 г. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Альбом «Вологодская торговля» на сайте Вологодской областной универсальной научной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/trade/main/vologda.htm> (дата обращения 06.06.2025))

«после смерти он свое состояние, достигающее по слухам, до 200–250 тысяч, оставил разным благотворительным и общественным учреждениям»⁷. Но обо всем по порядку.

В плеяде знаменитых вологодских купцов-благотворителей личность Т.Е. Колесникова, на наш взгляд, незаслуженно находится на втором плане. В комплексе исследований благотворительной деятельности вологодского купечества авторы отмечают оказываемую Т.Е. Колесниковым поддержку образовательным учреждениям Вологды, вклад в открытие и последующее содержание в 1889 г. бесплатной столовой и ночлежного дома, а в 1891 г. – Александро-Мариинского Серебряного приюта «Ясли»⁸. Однако по большей части это все разрозненные сведения, которые не позволяют оценить весь масштаб благотворительной деятельности купца. В данном материале мы постараемся в некоторой степени восполнить данный пробел.

Тимофей Емельянович Колесников родился в январе 1829 г. в Угличском уезде Ярославской губернии в семье купца, получил домашнее образование⁹. Жена Т.Е. Колесникова – Александра Никифоровна Колесникова; супружеская пара была бездетна¹⁰. В Вологодскую губернию Т.Е. Колесников перебрался, вероятно, в 60-х гг. XIX в. Так, в исповедных ведомостях Кирилло-Рощенской церкви Вологды фамилия Т.Е. Колесни-

⁵ Вологодские губернские ведомости. 1843. № 24. Часть неофициальная. С. 241–242; № 26. Часть неофициальная. С. 264–265; № 43. Часть неофициальная. С. 426; № 45. Часть неофициальная. С. 446–447.

⁶ Вологодские губернские ведомости. 1843. № 43. Часть неофициальная. С. 426.

⁷ Вологда // Северный край. Ярославль, 1899. 13 (25) мая (№ 152). С. 2.

⁸ Гуркина Н.К. Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2016. № 11 (95). С. 117; Козина Г.Н. Вологодское купечество и школа (XVIII – начало XX века) // Вологда: ист.-краевед. альманах. Вологда, 2003. С. 38–62; Лебединская Т.А., Осокина Т.В., Середина Н.Д. Благотворительная деятельность вологодского купечества: вторая половина XIX – начало XX в. // Вологодский политехнический институт. Сб. науч. тр. института. Вологда, 1998. Т. 2. С. 180–184; Рассказовский С. Общественная деятельность благотворительных заведений Вологодской губернии // Вестник научного студенческого общества Сер.: Психолого-педагогические науки. 2004. С. 15–24; Смирнова Н.С. Купеческая благотворительность (на примере г. Вологды XIX – начала XX вв.) // Некрасовские чтения: мат-лы V Всерос. науч. конф. памяти д-ра ист. наук, проф. Юрия Клавдиевича Некрасова (1935–2006) (Вологда, 19–21 мая 2022 г.). Вологда, 2022. С. 89.

⁹ Балакишин Р. Вторая родина // Красный Север. 1997. 14 мая; Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1899. № 17. С. 1–2; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

¹⁰ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

кова впервые встречается в 1866 г.¹¹ А в честь семидесятилетия купца в 1899 г. «Вологодские губернские ведомости» писали, что «половину своей многолетней жизни Т.Е. провел в нашем городе»¹².

В «Формулярном списке о службе» Т.Е. Колесникова за 1883 г. указано, что он является купцом 2-й гильдии (в этом статусе он оставался до конца жизни)¹³. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, к сожалению, не удалось проследить, какой вид занятий стал для него источником накопления капитала. В опубликованных во второй половине XIX в. обзорах отраслей промышленности, списках фабрикантов и заводчиков Российской империи фамилия Т.Е. Колесникова не встречается. В просмотренных архивных материалах, включающих сведения о фабриках и заводах Вологодской губернии, информация о Т.Е. Колесникове также не обнаружена. Р. Балакшин указывает, что купец занимался торговлей молочными продуктами и был одним из родоначальников торговли сливочным маслом на отечественном рынке¹⁴. Вероятно, эта деятельность и стала основным (и весьма существенным) источником дохода купца.

Интересно отметить, что «пришлый» купец Т.Е. Колесников довольно быстро вписался в вологодское общество. Уже в 1871 г. он был избран в гласные Вологодской городской думы на четырехлетие (а затем переизбирался еще три раза на протяжении 16 лет)¹⁵. В 1878–1880 гг. ежегодно определялся вологодским купеческим обществом на должность купеческого старосты¹⁶. В 1879 г. входил в состав правления Вологодского городского общественного банка и состоял членом учетного комитета Вологодского отделения Государственного банка¹⁷. 18 марта 1880 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) был избран директором Вологодского городского общественного банка, однако уже 30 января 1881 г. «по расстроенному здоровью и торговым делам» отказался от этой должности¹⁸. 2 мая того же года снова утвержден членом учетного комитета при Вологодском отделении Государственного банка¹⁹. 17 февраля 1883 г. Т.Е. Колесников избран распорядителем в Вологодском обществе взаимного страхования от огня; в этой же должности он значился в 1887 и 1893–1894 гг. (можно предположить, что в совокупности Т.Е. Колесников был распорядителем означенного общества на протяжении 11 лет)²⁰. В 1896–1897 гг. Т.Е. Колесников выполнял обязанности казначея совета Вологодского вольного пожарного общества²¹.

В октябре 1891 г. Вологодская городская дума заслушала доклад о разрешении постановки портрета купца Т.Е. Колесникова в зале собраний думы (по всей вероятности, решение было вынесено утвердительное)²², а 13 февраля 1892 г. купцу 2-й гильдии Т.Е. Колесникову присвоено звание почетного гражданина Вологды²³.

Дела торговые и занятость в системе местного самоуправления не мешали Тимофею Емельяновичу вести обширную благотворительную деятельность. В 1871 г. он утвержден церковным старостой при церкви Вологодской городской земской больницы, а в 1872 г. принял «на свой счет содержание сей церкви» и внес пожертвование в размере 1 013 руб.²⁴

¹¹ Балакшин Р. Вторая родина...

¹² Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1899. № 17. С. 1.

¹³ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

¹⁴ Балакшин Р. Вторая родина...

¹⁵ Там же; ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.; Памятная книжка Вологодской губернии на 1880 год. Вологда, 1880. С. 32; Памятная книжка Вологодской губернии на 1881 год. Вологда, 1880. С. 8.

¹⁶ Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть официальная. 1879. № 5. С. 3; 1880. № 19. С. 2; ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

¹⁷ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.; Памятная книжка Вологодской губернии на 1879 год. Вологда, 1879. С. 13–14, 29.

¹⁸ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.; Памятная книжка Вологодской губернии на 1881 год... С. 10.

¹⁹ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

²⁰ Там же; Памятная книжка Вологодской губернии на 1887 год. Вологда, 1886. С. 10; Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 год. Вологда, 1893. С. 12.

²¹ Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда, 1896. Ч. 2. С. 109.

²² Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть официальная. 1892. № 2. С. 2.

²³ Там же. № 11. С. 1.

²⁴ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

В должности церковного старосты Т.Е. Колесников беспрерывно пребывал на протяжении 15 лет²⁵. 17 декабря 1886 г. он подал в Вологодскую губернскую земскую управу заявление следующего содержания: «В течение моей жизни мне часто приходилось видеть, какое несчастье для бедных людей приносит болезнь. Средств лечиться нет, и бедный человек старается перемогаться сколько возможно и тем застаривает свою болезнь часто до того, что уже трудно поддается лечению, если он наконец и будет помещен в больницу. По выходе же из больницы, когда ему приходится хлопотать о поправлении расстроившегося за время болезни-безработицы хозяйства, к нему предъявляют требование платы за лечение. Требование денег для бедняка всегда тяжело, а в этих случаях оно тяжело вдвое, ибо оно сильно затрудняет поправление его семейных дел. Действительною помощью для бедных людей являются бесплатные кровати в больницах, куда больной бедняк может явиться, не имея денег и не боясь, что с него потребуют деньги после за лечение. Желая по мере сил своих помочь бедным людям, я решился устроить при Вологодской губернской земской больнице 2 бесплатные кровати. Представляя <...> 3 600 руб., покорнейше прошу губернскую управу образовать из этой суммы постоянный капитал, на проценты с которого содержались бы в Вологодской губернской земской больнице 2 кровати для бесплатного пользования бедных. При этом имею честь заявить, что я желал бы, чтоб этими кроватями пользовались бедные без различия сословия и как из жителей Вологодской, так и других губерний...»²⁶. В 1887 г., когда с учетом процентов сумма «на открытие в губернской земской больнице двух бесплатных кроватей» составляла уже 3 725 руб., губернское земское собрание ходатайствовало о «присвоении открываемым кроватям имени жертвователя», а равно и об утверждении Т.Е. Колесникова попечителем больницы²⁷. 15 октября 1887 г. Т.Е. Колесников был утвержден в звании попечителя Вологодской губернской земской больницы «с зачислением <...> на государственную службу»²⁸.

В 1871 г. Т.Е. Колесников стал попечителем 3-го и 4-го мужских Вологодских уездных приходских училищ (в 1872 г. он отмечен и как попечитель 1-го мужского приходского училища)²⁹. В это же время в Вологде стал обсуждаться «вопрос об открытии смен для девочек при 3-х мужских приходских училищах»³⁰. В 1872 г. Т.Е. Колесников, желая видеть при 1-м мужском приходском училище «самостоятельное женское училище для девочек», обещал жертвовать «за себя и супругу, которая не прочь принять на себя обязанность попечительницы, известную сумму в пособие на содержание преподавательницы»³¹. В звании попечителя 3-го и 4-го мужских Вологодских уездных приходских училищ Т.Е. Колесников значится в «Памятных книжках Вологодской губернии» за 1879–1881 гг.; в этот же период попечительницей 2-го женского Вологодского уездного приходского училища была его супруга А.Н. Колесникова³². В 1882 г. Вологодским уездным училищным советом А.Н. Колесниковой выражена «сердечная благодарность за <...> горячее служение делу народного образования», а именно за ежегодное пожертвование в размере 100 руб. «на подкрепление средств» по содержанию 2-го женского Вологодского уездного приходского училища³³. В 1883 г. за попечительство над 3-м и 4-м уездными приходскими училищами был награжден и Т.Е. Колесников³⁴. Во второй половине 1880-х гг. в «Памятных книжках Вологодской губернии» попечителями Вологодских уездных приходских училищ Т.Е. Колесников и его супруга не значились.

²⁵ Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1887. № 6. С. 7.

²⁶ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2568. Л. 1–1 об., 3–3 об., 4 об.

²⁷ Вологодские губернские ведомости. 1887. № 6. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 7.

²⁸ Там же. № 45. Отдел второй. Часть официальная. С. 5.

²⁹ Вологодские губернские ведомости. 1872. № 3. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 1; ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

³⁰ Вологодские губернские ведомости. 1872. Отдел второй. Часть неофициальная. № 3. С. 1.

³¹ Там же. С. 2.

³² Памятная книжка Вологодской губернии на 1879 год... С. 35–36; Памятная книжка Вологодской губернии на 1880 год... С. 42; Памятная книжка Вологодской губернии на 1881 год... С. 25.

³³ Вологодские губернские ведомости. 1882. № 20. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 2.

³⁴ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–3 об.

В 1873 г. Т.Е. Колесников был утвержден почетным старшиной Вологодского Александринского детского приюта³⁵. Что интересно, эта должность оставалась вакантной еще с 1863 г., когда скончался предыдущий почетный старшина приюта, вологодский купец Василий Иванович Грудин. Тимофей Емельянович занимал эту должность, а также был членом Губернского попечительства детских приютов (с 1893 г. он значился как пожизненный почетный член попечительства) всю оставшуюся жизнь, вплоть до своей смерти в 1899 г.³⁶ В должности почетного старшины он вносил значительные средства на развитие приюта (например, в 1880 г. он пожертвовал 300 руб.³⁷). За «усердие и особые труды», а также за сделанные для развития приюта пожертвования неоднократно получал награды: в 1875 г. – золотую медаль на Аннинской ленте для ношения на шее; в 1880 г. – золотую медаль на Владимирской ленте для ношения на шее; в 1892 г. – орден Св. Станислава 2-й степени³⁸. В 1898 г. Вологодское губернское попечительство детских приютов приняло решение о постановке портрета Т.Е. Колесникова в Александринском детском приюте³⁹.

В 1878–1883 г. Т.Е. Колесников выполнял обязанности товарища председателя Вологодского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах⁴⁰. С 1881 г. вплоть до 1899 г. Т.Е. Колесников состоял членом Вологодского местного управления Российского общества Красного Креста, состоявшего «под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны»⁴¹. Вологодское местное управление общества Красного Креста занималось, в частности, сбором пожертвований в пользу больных и раненых воинов, в пользу голодающих (средства высылались в губернии, где случался неурожай), на открытие в Вологде Общины сестер милосердия и др.⁴²

В 1890-х гг. Т.Е. Колесников значился членом совета Александровского вологодского купеческого благотворительного общества (существовало с 1886 г.)⁴³. Целью Общества было «оказывание вспомоществования таким неимущим лицам и целым семействам, которые лично сами или предки их принадлежали исключительно к вологодскому купеческому сословию, но выбыли из оного вследствие каких-либо несчастных случаев или стечения неблагоприятных обстоятельств и впали в бедность»⁴⁴. Делами Общества заведовал совет в составе шести членов под председательством городского головы. В 1893 г. капитал Общества составлял около 17 тыс. руб.⁴⁵

Представленный внушительный послужной список купца Т.Е. Колесникова на поприще благотворительности и местного самоуправления далеко не исчерпывающий. Пожалуй,

³⁵ Адрес-календарь // Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 год. Вологда, 1873. С. 6; ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

³⁶ Адрес-календарь // Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 г. Вологда, 1875. С. 6; Памятная книжка Вологодской губернии на 1879 год... С. 23; Памятная книжка Вологодской губернии на 1880 год... С. 27; Памятная книжка Вологодской губернии на 1881 год... С. 25–26; Памятная книжка Вологодской губернии на 1887 год. Вологда, 1886. С. 25; Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 год. Вологда, 1893. С. 31, 101; Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда, 1896. Ч. 2. С. 34; Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. Вологда, 1899. С. 187–188.

³⁷ Вологодские губернские ведомости. 1880. Отдел второй. Часть официальная. № 78. С. 3.

³⁸ Вологодские губернские ведомости. 1892. № 2. Отдел второй. Часть официальная. С. 1; ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

³⁹ ГАВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 276.

⁴⁰ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 159. Л. 151–154 об.

⁴¹ Памятная книжка Вологодской губернии на 1881 год... С. 93; Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 годы. Вологда, 1893. С. 99; Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда, 1896. Ч. 2. С. 105; Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. ... С. 256.

⁴² Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 год. Вологда, 1893. С. 141–142; Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда, 1896. Ч. 1. С. 112–113.

⁴³ Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 год. Вологда, 1893. С. 107; Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда, 1896. Ч. 2. С. 102; Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. Вологда, 1899. С. 255.

⁴⁴ Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 год. Вологда, 1893. С. 146.

⁴⁵ Там же. С. 146–147.

главными как для самого Тимофея Емельяновича, так и для городского общества стали инициативы купца по открытию в Вологде городской бесплатной столовой и ночлежного дома (1889 г.), Александро-Мариинского Серебряного приюта «Ясли» (1891 г.) и городской школы – 7-го мужского Вологодского уездного приходского училища (1895 г.).

17 октября 1888 г. страну потрясло известие о крушении на Курско-Харьково-Азовской железной дороге поезда, в котором в тот момент находился Александр III со всей семьей (по счастливой случайности никто из членов императорской семьи не погиб). Этим событиям было посвящено довольно много публикаций в «Вологодских губернских ведомостях», а сама дата – 17 октября – стала для населения памятной и знаковой. Уже в декабре 1888 г. в стенах Вологодского Александринского детского приюта появилось «замечательное быстрое сооружение <...> Александро-Мариинский храм в память дивного проявления промысла божьего 17 октября 1888 г.»⁴⁶. Храм сразу стал привлекать много богомольцев и благотворителей; в апреле 1889 г. в числе наиболее крупных пожертвований значилась, в частности, шитая золотом плащаница стоимостью около 300 руб. от почетного старшины приюта купца Т.Е. Колесникова⁴⁷.

В начале 1889 г. Т.Е. Колесников обратился в Вологодскую городскую думу с предложением учредить бесплатную столовую и предложил пожертвовать 10 тыс. руб. «с тем, чтобы капитал остался неприкосновенным», а проценты с него расходовались на ее содержание «под ведением Вологодского городского общественного управления»⁴⁸. Уличное нищенство в некоторых его проявлениях купец называл «злом, требующим ограничения», указывая, что далеко не все просят подавания «по действительной нужде», а наоборот, собранные «назойливым попрошайничеством» средства тратят на «предосудительные прихоти», вовлекают в бродяжничество малолетних детей и тем самым «губят молодые силы»⁴⁹. Идея Тимофея Емельяновича была весьма интересна: вместо того чтобы давать милостыню, не имея представления о том, куда ее употребит проситель, он предлагал покупать у распорядителя бесплатной столовой билетную книжку, из которой «вырезывать и давать просящему милостыни билет на бесплатный обед в столовой»⁵⁰. Кроме того, частные благотворители, по мысли Т.Е. Колесникова, могли бы за свой счет определять городских обывателей, действительно пребывающих в крайней бедности, «на получение пищи в бесплатной столовой на месяцы и даже на полный год»⁵¹.

По всей вероятности, на содержание бесплатной столовой и ночлежного приюта Т.Е. Колесников передал думе еще 10 тыс. руб., так как «согласно постановлению Городской думы 25 апреля 1889 года, из числа этого капитала передано в ссуду вологодскому городскому ломбарду 10 000 рублей с платою от ломбарда семи годовых процентов, а остальные 10 000 рублей хранятся в кассе Городской управы в процентных бумагах»⁵².

17 октября 1889 г., ровно через год после крушения поезда, в Вологде прошли праздничные мероприятия по случаю «чудесного сохранения драгоценной жизни» императора и его семьи «на благо и счастье России»⁵³. Город был украшен флагами, в храме при Александринском детском приюте прошла божественная литургия. В этот же день были освящены и торжественно открыты учрежденные на средства Т.Е. Колесникова «в память чудесного события 17 октября 1888 года» народная столовая и ночлежный приют⁵⁴. Они расположились в «совершенно заново отделанном» здании конца XVIII в. на левом берегу р. Вологды на Златоустинской набережной: на первом этаже находилась столовая

⁴⁶ Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1889. № 16. С. 5.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 528. Л. 29–31.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Вологодские губернские ведомости. 1889. Отдел второй. Часть официальная. № 24. С. 2; Вологодские губернские ведомости. 1890. № 24. Приложение. С. 5.

⁵³ Вологодские губернские ведомости. 1889. Отдел второй. Часть неофициальная. № 42. С. 12.

⁵⁴ Там же.

с кухней, на втором – ночлежный приют с кроватями⁵⁵. На открытии купец Т.Е. Колесников произнес речь, «выразив в прочувствованных словах цель учрежденного им приюта», и заявил, что «на поддержание его» жертвует еще 10 тыс. руб. (всего на данную благотворительную инициативу купцом Т.Е. Колесниковым было пожертвовано 20 тыс. руб. и здание стоимостью до 15 тыс. руб.)⁵⁶. Губернатор предложил первый тост за здоровье императора и его семьи, второй и третий тосты прозвучали соответственно за епископа Вологодского и Тотемского и за губернатора, четвертый – за «почтенных основателей приюта и столовой Т.Е. и А.Н. Колесниковых»⁵⁷. «По испробованию пищи» присутствовавшие составили телеграмму на имя министра внутренних дел «с описанием торжества и с почтительнейшею просьбою повергнуть к стопам Их Императорских Величеств верноподданнические чувства»⁵⁸.

В 1890 г. процентный доход на содержание приюта и столовой составил 1 175 руб.⁵⁹ В том же году за свою благотворительную инициативу купец Т.Е. Колесников был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени⁶⁰.

17 октября 1892 г., в день празднования годовщины «чудесного спасения Божественным Промыслом Их Императорских Величеств с Августейшею Семьей», в здании ночлежного приюта и бесплатной столовой «в час пополудни» в присутствии губернатора, вице-губернатора, некоторых должностных лиц и самого Т.Е. Колесникова архимандритом Св. Духова монастыря Нафанаилом был совершен молебен, после чего «ожидавшим беднякам» раздали бесплатный обед, который состоял из щей, пшенной каши и хлеба, «весьма опрятно и вкусно приготовленных»⁶¹. Высоким гостям «почтенный хозяин учреждения» предложил чай и закуски⁶². Всего с 1 января 1892 г. по 1 января 1893 г. «даровым ночлегом» воспользовалось 23 506 чел., из них 19 317 мужчин и 4189 женщин; в зимние месяцы число постояльцев приюта насчитывалось в среднем в 2–2,5 раза больше, чем летом⁶³. За тот же период бесплатный обед получили 25 920 чел., из них 18 983 чел. – на доход от капитала Т.Е. Колесникова, 2403 чел. – на доход от пожертвованных капиталов М.Т. Пискуновой и П.А. Кускова, остальные – по билетам стоимостью 6 коп. «от разных лиц-благотворителей»⁶⁴. Всего в 1892 г. капитал столовой и ночлежного дома составлял 23 985 руб.

В июле 1893 г. Т.Е. Колесников передал «на усиление средств существующих в гор. Вологде бесплатной столовой и ночлежного приюта» еще 10 тыс. руб.⁶⁵ 17 октября 1893 г., в день празднования пятой годовщины спасения императорской семьи, уже по традиции в здании приюта отслужили молебен. В числе почетных гостей были Епископ Вологодский и Тотемский, губернатор, вице-губернатор, исполняющий должность губернского предводителя дворянства, городской голова и ряд должностных лиц. После молебна городской голова купец Н.А. Волков поблагодарил Т.Е. Колесникова за сделанное ранее пожертвование и преподнес «маститому хозяину» от лица гласных думы икону Христа Спасителя. Гласный Думы Ф.Ф. Ульрих зачитал довольно проникновенную речь, выдержку из которой считаем нужным привести: «С давних пор искренняя любовь Ваша к неимущим города привлекала их к Вам, и многие из нас были очевидцами, как в недавнее еще время дом Ваш, в буквальном смысле слова, осаждался нищими, и ни один из них не уходил от Вас без пода-

⁵⁵ Вологодские губернские ведомости. 1889. Отдел второй. Часть неофициальная. № 42. С. 12.

⁵⁶ Там же. № 24. Отдел второй. Часть официальная. С. 2; № 42. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 12; 1890. № 15. Отдел второй. Часть официальная. С. 2.

⁵⁷ Вологодские губернские ведомости. 1889. № 42. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 12.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Вологодские губернские ведомости. 1890. № 24. Приложение. С. 11, 19.

⁶⁰ Там же. № 15. Отдел второй. Часть официальная. С. 2.

⁶¹ Вологодские губернские ведомости. 1892. № 43. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 6.

⁶² Там же.

⁶³ Вологодские губернские ведомости. 1893. № 15. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 10; Обзор Вологодской губернии за 1892 год. Приложение к всеподданнейшему отчету. Вологда, 1893. С. 38.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Вологодские губернские ведомости. 1893. № 40. Отдел второй. Часть официальная. С. 3.

яния! Эта постоянная готовность помогать нищим, эта любовь к неимущей братии, вероятно, и внушили Вам благую мысль создать в нашем городе такое благотворное учреждение, где голодный нашел бы себе насущный кусок хлеба и горячую пищу, а убогий и усталый мог бы в ночное время согреться и отдохнуть. Устройством на свои средства бесплатной столовой и ночлежного приюта Вы, многоуважаемый Тимофей Емельянович, увековечили память о себе в нашем городе. Но Вы не ограничились устройством только этого полезного убежища; почти во всех других благотворительных учреждениях Вы являлись на помощь, и Ваше имя как крупного жертвователя встречается везде...»⁶⁶. После этого почетных гостей пригласили на чай⁶⁷. Всего с 17 октября 1892 г. до 17 октября 1893 г. бесплатные обеды получили 25 336 человек, а бесплатный ночлег был предоставлен 25 689 нуждающимся (последняя цифра более чем на две тысячи превышает аналогичную за полный 1892 г.)⁶⁸.

7 ноября 1894 г., в день погребения императора Александра III, в Вологде прошли траурные мероприятия. Под руководством городского головы купца Платона Разваляева были организованы поминальные обеды «для нижних воинских чинов, нижних чинов городской полиции и пожарной команды, а также для всех бедных, коих явилось к обеду свыше 1100 человек»⁶⁹. Обеды раздавались, в том числе, в бесплатной столовой купца Т.Е. Колесникова и состояли из щей с мясом и хлебом, пирога с треской, кутьи с изюмом и сахаром. К началу обеда в столовую прибыл губернатор с супругой, его встречали купцы П. Разваляев и Т.Е. Колесников. Почетные посетители «попробовали обеды, которые оказались прекрасно приготовленными»⁷⁰. К 1894 г. капитал бесплатной столовой и ночлежного приюта включал пожертвованные Т.Е. Колесниковым 30 тыс. руб. (из них 20 тыс. руб. были переданы ломбарду под проценты, а 10 тыс. руб. хранились в Городской управе в виде ценных бумаг) и также банковские билеты на сумму 735 руб.; переданные купцом П.А. Кусковым «две пятых части из процентов с облигации 1-го внутреннего 4 % займа в 5 000 руб.», купеческой вдовой М.Т. Пискуновой 1250 руб. билетами государственного банка, купеческой женой А.И. Ганичевой «5 % билет Государственной комиссии погашения долгов на 1 000 руб.»⁷¹. Всего к началу 1894 г. капитал возрос до 34 985 руб., процентный доход составил 1 997 руб. 78 коп.⁷² В течение 1894 г. в бесплатной столовой отобедало 28 872 чел., ночлег получили 21 957 чел. (из них, как указано, 18 836 мужчин и 2 771 женщина, однако в сумме эти данные не совпадают с общим количеством человек)⁷³. К 1895 г. капитал приюта и столовой увеличился до 40 435 руб. с процентным доходом в 2 214 руб. 76 коп.⁷⁴. В 1899 г. капитал составлял 42 535 руб.; за год получили обед 32 942 чел., ночлег – 33 942 чел.⁷⁵

В начале 1890-х гг. в вологодской мещанской управе значился благотворительный капитал Т.Е. Колесникова в сумме 33 000 руб., проценты с которого должны были идти «на воспитание, одежду и обувь сирот мещанского звания, а равно и на взнос повинностей за беднейших мещан местного происхождения»⁷⁶. В течение 1892 г. на проценты с капитала купцов Колесникова и Грудина (в совокупности капиталы составили сумму в 54 436 руб.) была оказана помощь 296 «беднейшим мальчикам и девочкам из местных мещан»⁷⁷.

Еще одним важным детищем купца-благотворителя Т.Е. Колесникова стал Александро-Мариинский Серебряный приют «Ясли». В 1890 г. Т.Е. Колесников безвозмездно передал Губернскому попечительству детских приютов «каменный двухэтажный дом со службами

⁶⁶ Вологодские губернские ведомости. 1893. № 43. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 8.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 9.

⁶⁹ Вологодские губернские ведомости. 1894. № 45. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 12.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Вологодские губернские ведомости. 1894. № 17. Приложение. С. 15, 17.

⁷² Там же.

⁷³ Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда, 1896. Ч. 1. С. 110.

⁷⁴ Вологодские губернские ведомости. Приложение. 1895. № 22. С. 14, 16.

⁷⁵ Адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 годы... С. 13; Вологодские губернские ведомости. 1895. № 22. Приложение. С. 14, 16.

⁷⁶ Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 гг. Вологда, 1893. С. 150.

⁷⁷ Там же.

и землею» стоимостью 31 тыс. руб. для учреждения в Вологде «Яслей» для призрения незаконнорожденных детей⁷⁸. В 1891 г. Вологодское губернское и уездные земства пожертвовали на содержание приюта «Ясли» порядка 20 тыс. руб.; из них почти половина ушла «на приспособление дома и на приобретение необходимого инвентаря»⁷⁹. 28 октября 1891 г. «в Высочайший день 25-летия бракосочетания Их Императорских Величеств» (именно благодаря этой дате приют затем получил название «Серебряный») состоялось открытие «Яслей» для призрения незаконных младенцев и подкидышей⁸⁰. Были проведены молебны, освещение здания и крестный ход. Затем на первом этаже приюта в присутствии губернатора, дворянства, чиновников и самого широкого круга лиц прошла торжественная часть. Губернатор отметил, что первым, кто горячо отозвался на его обращение об устройстве приюта, был купец Т.Е. Колесников, и после известия о его щедром даре активно стали собирать пожертвования губернское и уездные земства. По завершении речей почетные гости перешли в смежную комнату, где Т.Е. Колесников предложил гостям завтрак. Первый за завтраком тост прозвучал за здоровье императорских особ, в числе последующих раздался и тост за купца Т.Е. Колесникова. В день открытия здание приюта было убрано флагами, а на прилегавшей набережной весь день толпился народ, выражая тем самым «свое сочувствие к открытию этого полезного и необходимого учреждения»⁸¹. В том же году на основании ходатайства губернатора приют получил название Александро-Мариинский Серебряный приют «Ясли»⁸². За первые четыре года существования приют «Ясли» принял более 200 младенцев; в 1895 г. в нем содержалось 62 младенца. Вскармливались дети стерилизованным коровьим молоком или при помощи кормилиц; смертность была достаточно высокой – на уровне 50 %, причиной чему в большинстве случаев служило «неудовлетворительное питание младенцев до принятия в приют»⁸³. Согласно публикации в журнале «Нива» 1895 г., в заведении царил «прекрасный порядок» и строго соблюдались «благоприятные гигиенические условия»⁸⁴. В 1898 г. было принято решение о постановке в приюте «Ясли» портрета пожизненного почетного члена Губернского попечительства детских приютов Т.Е. Колесникова⁸⁵. Интересно отметить, что в числе 62 телефонных абонентов Вологды в конце 1890-х гг. значились как сам Т.Е. Колесников, так и Александро-Мариинский Серебряный приют «Ясли»⁸⁶.

10 августа 1895 г. в Вологодскую городскую думу поступило еще одно заявление Т.Е. Колесникова, в котором он выражал желание открыть на свои средства новое приходское училище «для наибольшего удовлетворения усиливающейся потребности городского населения в начальном народном образовании» и передать его в ведение Городской думы⁸⁷. К этому времени Т.Е. Колесников уже «приторговал» деревянный дом – «очень прочный, с железной крышей и мезонином, на высоком фундаменте» – на углу Обуховской Дворянской и Ехалово-Кузнецкой улиц⁸⁸. При доме был бревенчатый жилой флигель и два сарая; прилегающий участок составлял около 80 м в длину и около 40 м в ширину, что, по мысли Т.Е. Колесникова, было вполне достаточно «для учеников во время перерыва учебных часов»⁸⁹. Купец обязался передать Городской управе 20 тыс. руб. «четырёхпроцентными государственными бумагами на вечное время», с указанием, что «самый капитал должен оставаться навсегда неприкосновенным, <...> на содержание же училища подлежат

⁷⁸ Вологодские губернские ведомости. 1890. № 46. Отдел второй. Часть официальная. С. 1.

⁷⁹ Вологодские губернские ведомости. 1891. № 36. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 7.

⁸⁰ Вологодские губернские ведомости. 1891. № 43. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 6.

⁸¹ Вологодские губернские ведомости. 1891. № 45. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 8.

⁸² Вологодские губернские ведомости. 1891. № 49. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 10.

⁸³ Александро-Мариинский серебряный приют «Ясли» в г. Вологде ведомства учреждений Императрицы Марии // Нива. 1895. № 18. С. 434.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ГАВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 276.

⁸⁶ Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. ... С. 118.

⁸⁷ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 407. Л. 1–2.

⁸⁸ Там же. Л. 1.

⁸⁹ Там же. Л. 1 об.

расходу одни проценты», которые ежегодно будут составлять 760 руб.⁹⁰ Сверх этого Т.Е. Колесников обещал выделить еще 2,5 тыс. руб. на ремонт дома и закупку всего необходимого для организации учебного процесса. Он также отметил, что нижнего этажа дома будет вполне достаточно для училища и квартиры учителя, что позволит сдавать в арендное содержание комнаты в мезонине и флигель; совокупный доход от этого может составлять 250 руб. ежегодно, «потому что имение находится на хорошем месте»⁹¹. В своем заявлении Тимофей Емельянович отметил, что ему было бы весьма желательно «при жизни своей в видах попечения об этом училище участвовать в распоряжениях и материальном содержании училища на вышеозначенные суммы»⁹². В августе 1895 г. Городская управа, препровождая заявление Т.Е. Колесникова для рассмотрения Городской думой, указывала, что данное пожертвование «вызывает живейшую признательность и глубокую благодарность», и предлагала думе избрать Т.Е. Колесникова попечителем данного училища, а также ходатайствовать о разрешении установить там портрет благотворителя и присвоить училищу наименование «Колесниковское» для «увековечивания памяти о жертвователе»⁹³. Городская дума все эти предложения поддержала и направила на утверждение вышестоящим структурам. В ноябре 1895 г. последовало разрешение инспектора народных училищ Вологодской губернии на учреждение в Вологде нового – седьмого – приходского начального народного училища⁹⁴. 6 декабря 1895 г., «в День Тезоименитства его Императорского Величества», состоялось торжественное открытие училища⁹⁵. В два часа пополудни епископом Вологодским и Тотемским был совершен молебен с водосвятием; при этом присутствовали губернатор, сам благотворитель, гласные думы и другие почетные гости. По окончании богослужения Т.Е. Колесников предложил присутствовавшим «завтрак-обед»⁹⁶. В январе 1896 г. Т.Е. Колесников был избран Городской думой попечителем 7-го приходского городского училища⁹⁷. В июне 1896 г. училищу было присвоено имя Т.Е. Колесникова и разрешено поставить портрет благотворителя непосредственно в здании⁹⁸. 6 декабря 1898 г. училище праздновало свое трехлетие: был отслужен молебен, после которого владелец сапожной мастерской М.А. Скородумов пожертвовал школе «40 блуз для беднейших учеников»⁹⁹. Итогом трехлетней работы училища стало то, что «вследствие улучшенной обстановки, а также почти постоянно практикующейся помощи бедным ученикам» оно было переполнено детьми «малосостоятельных родителей»¹⁰⁰.

Признание городским обществом заслуг Т.Е. Колесникова подтверждается тем фактом, что купец вошел в число первых лиц города и губернии, встречавших 29 мая 1898 г. на железнодорожном вокзале Вологды великого князя Сергея Александровича¹⁰¹. В январе 1899 г. Тимофею Емельяновичу Колесникову исполнилось 70 лет. По этому случаю в «Вологодских губернских ведомостях» была напечатана небольшая статья: «Имя всеми уважаемого Т. Е. мы встречаем во всех благотворительных учреждениях г. Вологды и видим образцово устроенные им самим полезные учреждения, стоящие десятки тысяч рублей. Есть и будет много лиц, обязанных своим существованием всецело этому благотворителю, ибо без его доброй поддержки жизнь их была бы прервана в самом начале или изуродована в детском возрасте. Т. Е. не вологодский уроженец, а пришелец из Ярославской губернии Угличского уезда, но, работая всю жизнь только для того, чтобы облегчить положение

⁹⁰ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 407. Л. 1 об.

⁹¹ Там же. Л. 1–2.

⁹² Там же. Л. 2.

⁹³ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 407. Л. 3 об.

⁹⁴ Там же. Л. 12, 15.

⁹⁵ Там же. Л. 16 об.

⁹⁶ Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1895. № 49. С. 6.

⁹⁷ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 407. Л. 16 об.

⁹⁸ Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1896. № 27. С. 4; ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 407. Л. 19.

⁹⁹ Вологда // Северный край. 1898. № 10. С. 3.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1898. № 27. С. 5.

бедняков нашего города, он является для нас близким, родным. Пожелаем же от души этому доброму человеку прожить еще многие лета на пользу молящихся за него сирых и убогих!»¹⁰². Через четыре месяца, 6 мая 1899 г., «после тяжелой болезни» Тимофей Емельянович Колесников скончался. В «Вологодских губернских ведомостях» вышла скромная заметка, извещавшая о дате и времени траурных мероприятий¹⁰³. Тем не менее сами похороны стали «по своей торжественности совершенно необычным явлением в Вологде»¹⁰⁴. На отпевании, которое проводил епископ Вологодский, присутствовали губернатор, члены Городской управы, гласные думы, воспитанники разных приютов и Колесниковского приходского училища, «возникновению и процветанию которых покойный содействовал своими пожертвованиями»¹⁰⁵. До самого кладбища гроб сопровождал отряд вольной пожарной дружины в парадной форме с духовым оркестром. Погода стояла теплая, и в последний путь Т.Е. Колесникова провожала «не одна сотня человек»¹⁰⁶. Т.Е. Колесников был похоронен на территории Свято-Духова монастыря¹⁰⁷. После похорон в помещении Колесниковского приходского училища состоялся поминальный обед, на котором присутствовало до ста человек¹⁰⁸. Как написал современник, «будучи бездетным и понимая смысл своего существования и цель жизни не по установившемуся обиходу вологодского купечества, покойный творил благо щедрою рукою и обеспечил, между прочим, такие невидные по внешности, но важные по задачам и общественному значению учреждения, как ночлежный дом, бесплатная столовая, приходское училище...»¹⁰⁹.

Дело Тимофея Емельяновича Колесникова продолжало жить и после его кончины. В адрес-календарях Вологодской губернии начала XX в. упоминается Седьмое мужское приходское училище имени потомственного почетного гражданина Т.Е. Колесникова¹¹⁰. Из Памятных книжек Вологодской губернии следует, что вплоть до революции 1917 г. Серебряный приют «Ясли» оставался все на том же месте на Златоустинской набережной и продолжал свою работу¹¹¹.

В 1905 г. ночлежный дом имени Т.Е. Колесникова посетил и затем описал увиденное там священник Тихон Шаламов¹¹². Как указывал священник, в ночлежном доме – прекрасном каменном здании с широким двором на берегу реки – «несчастные, обычно называемые босяками», получают «бесплатный кров, ночной покой и тепло»¹¹³. Ночлежный дом, как и бесплатная столовая, содержался прекрасно: «Всегда чистота, опрятность... В спальнях много света, воздуха, в столовой – простой, сытный, достаточный обед (щи и каша), в чистой посуде, с цельным обилием хлеба насущного»¹¹⁴. Так как это была весна, для «ночлежников» дом открывал свои двери в восемь часов вечера (зимой – на два часа раньше). Ближе к восьми на крыльце дома уже сидело и стояло «до 20 оборванцев в грязных лохмотьях»¹¹⁵. Всего же потом собралось около ста человек «молодых и старых, здоровых и болезненных»; они быстро расходились по спальням и занимали нары, «снимая

¹⁰² Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1899. № 17. С. 1–2.

¹⁰³ Там же. № 97. С. 4.

¹⁰⁴ Северный край. 1899. 13 (25) мая. № 152. С. 2.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1899. № 97. С. 4.

¹⁰⁸ Северный край. 1899. № 152 (13 мая). С. 2.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Адрес-календарь лиц, состоящих на службе в Вологодской губернии на 1901 г. Вологда, 1900. С. 47; Адрес-календарь Вологодской губернии на 1904–1905 годы. Вологда, 1904. С. 41.

¹¹¹ Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1912. С. 48; Памятная книжка Вологодской губернии на 1914 гг. Вологда, 1914. С. 62–63; Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 гг. Вологда, 1916. С. 3, 86.

¹¹² Шаламов Т. В ночлежном доме имени Т.Е. Колесникова (Пастырское посещение) // Вологодские епархиальные ведомости. 1905. № 12. С. 310–319.

¹¹³ Там же. С. 312.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

с себя грязные лохмотья, подобие верхней одежды»¹¹⁶. Особенно много людей приходило в ночлежный дом во время Пасхи: «безродные старухи, беспомощные старики, бедные матери нищенки, сироты бесприютные – вся городская нищета»¹¹⁷. На содержание ночлежного дома и бесплатной столовой и после смерти Т.Е. Колесникова продолжали поступать деньги благотворителей. Так, в 1911 г. статский советник Н.А. Милославов завещал городскому общественному самоуправлению 800 руб. в пользу бесплатной столовой имени Т.Е. Колесникова, проценты с которых должны были идти на бесплатные обеды¹¹⁸.

К 1 января 1912 г. неприкосновенный капитал бесплатной столовой и ночлежного дома составлял 53 600 руб. (с 1895 г. он увеличился примерно на треть), из них 20 000 руб. – те самые, пожертвованные Т.Е. Колесниковым, все так же находились «в оборотах городского ломбарда» под 7 % годовых; 33 600 руб. в виде процентных бумаг хранились в Городской думе¹¹⁹. Расходный капитал (доход с процентов) в 1912 г. составил 3 135 руб.¹²⁰ В течение 1912 г. учреждение приняло 23 774 «ночлежника», бесплатный обед получило 27 631 чел. (из них 1655 чел. – по билетам от частных благотворителей)¹²¹. К 1914 г. капитал учреждения вырос на 5 % (а всего с 1899 г. – на одну треть); увеличилось число выданных бесплатных обедов, однако при этом почти на четверть сократилось число «ночлежников»¹²².

Ночлежный дом и бесплатная столовая имени Т.Е. Колесникова просуществовали до 1917 г. Однако на этом история особняка на набережной не завершилась. В начале 1990-х г. он, в числе первых подобных учреждений в новой России, снова распахнул свои двери уже под названием «Дом ночного пребывания»¹²³. Это учреждение для социальной адаптации лиц без определенного места жительства и занятий существует в Вологде и сейчас; несколько лет назад оно переехало в другое здание, расположенное на окраине города.

Вологодский купец 2-й гильдии Тимофей Емельянович Колесников прожил довольно долгую, даже по современным меркам, жизнь. Будучи уже в преклонных годах, он тем не менее оставался весьма активным как в делах городского самоуправления, так и на поприще благотворительности. Он не оставил потомства, но, без преувеличения, сотни детей Вологды смогли ощутить на себе его заботу и поддержку так же, как и другие самые обездоленные и незащищенные слои городского общества. Благодаря тому, что портрет Т.Е. Колесникова был помещен в самых различных учреждениях города, он сохранился и до нашего времени. К сожалению, по источникам мы пока не можем проследить точную историю этого портрета, но зато имеем возможность увидеть известного вологодского благотворителя – «пришлеца», который стал для города близким и родным.

Литература

Булгакова О.В. Роль купеческого сословия и благотворительности в становлении и развитии Томска // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 170–173.

Гарунова Н.Н. Роль кизлярских купцов в формировании образовательно-культурной среды и благотворительности в контексте развития региона в XIX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 16–20.

Гуркина Н.К. Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2016. № 11 (95). С. 111–119.

¹¹⁶ Шаламов Т. В ночлежном доме... С. 313.

¹¹⁷ Там же. С. 319.

¹¹⁸ Вологодский листок. 1911. № 273 (6 авг.). С. 2.

¹¹⁹ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 912. Л. 1 об.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. Л. 1.

¹²² ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1042. Л. 2–3.

¹²³ Директор вологодского ночлежного дома: «С себя последнее снимем, а бедолагам поможем». 30.10.2013 // Комсомольская правда. Вологда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26152.2/3041091/> (дата обращения: 22.05.2025).

Завьялова О.Н. Благотворительность как социальное служение купечества (по материалам духовных завещаний вологодских купцов) // Роль бизнеса в трансформации российского общества-2010. Пятый Междунар. науч. конгресс: сб. тезисов докладов. М., 2010. С. 82–84.

Козина Г.Н. Вологодское купечество и школа (XVIII – начало XX века) // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 2003. С. 38–62.

Колодий Г.Н. История благотворительности в Сибири: тенденции и закономерности (на примере строительства общественных зданий в Иркутске) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 151–158.

Лебединская Т.А., Осокина Т.В., Середя Н.Д. Благотворительная деятельность вологодского купечества: вторая половина XIX – начало XX вв. // Вологодский политехнический институт: сб. науч. тр. института. Вологда, 1998. Т. 2. С. 180–184.

Лейман И.И. Благотворительная деятельность купечества в сфере городского тюремного хозяйства во второй трети XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе: сб. ст. Сыктывкар, 2020. С. 11–18.

Лейман И.И. Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. История и филология. 2020. № 5 (45). С. 75–82.

Лейман И.И. Вологодское купечество и Крымская война: к вопросу о специфике благотворительной деятельности в 1853–1856 гг. // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. История и филология. 2022. № 1 (53). С. 70–75.

Лейман И.И. Благотворительная деятельность купечества Тотмы во второй трети XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей») // Русский Север-2023: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ VII Всерос. науч. конф. Вологда, 2023. С. 89–93.

Лейман И.И., Мацук М.А. Благотворительная деятельность купечества в сфере народного просвещения (на примере Вологодской губернии второй трети XIX века) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Сер.: История и филология. 2023. № 1 (59). С. 74–79.

Медведев Ю.В. Московское купечество и благотворительность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. Реферативный журнал. 1995. № 1. С. 3–13.

Мельников С.Л. Благотворительная деятельность провинциального купечества во второй половине XIX века в контексте изменения ценностных диспозиций // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2008. № 2. С. 97–108.

Мырзаханов Е.Н. Общественная, благотворительная и меценатская деятельность купца-предпринимателя в конце XIX в. и в начале XX в. (на примере Акмолинской области) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2018. № 2 (19). С. 12–18.

Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск: Архконсалт, 2000. 525 с.

Полоцкая О.В. Благотворительная деятельность тотемского купечества в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2015. № 3 (31). С. 57–65.

Рассказовский С. Общественная деятельность благотворительных заведений Вологодской губернии // Вестник научного студенческого общества. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2004. С. 15–24.

Репина Н.В. Благотворительность купечества Костромской губернии в середине XIX – начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 1. С. 324–327.

Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–160.

Смирнова Н.С. Купеческая благотворительность (на примере г. Вологды XIX – нач. XX вв.) // Некрасовские чтения: мат-лы V Всерос. науч. конф. памяти д-ра ист. наук, проф. Юрия Клавдиевича Некрасова (1935–2006) (Вологда, 19–21 мая 2022 г.). Вологда, 2022. С. 87–90.

Успенский В.Б., Мазаева М.В., Шиханов П.А. Из истории благотворительности и меценатства в Ярославском крае // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). С. 185–191.

References

Bulgakova, O.V. (2013). Rol' kupecheskogo sosloviya i blagotvoritel'nosti v stanovlenii i razvitiit Tomska [The Role of the Merchant Class and Charity in the Formation and Development of Tomsk]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. No. 4 (12), pp. 170–173.

Garunova, N.N. (2016). Rol' kizlyarskikh kuptsov v formirovanii obrazovatel'no-kul'turnoy sredy i blagotvoritel'nosti v kontekste razvitiya regiona v XIX v. [The Role of Kizlyar Merchants in the Formation of Educational-Cultural Environment, and Philanthropy in the Context of Regional Development in the 19th Century]. In *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 16–20.

Gurkina, N.K. (2016). Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX–XX vekov [Charity and Patronage in the Russian Province at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No. 11 (95), pp. 111–119.

Kolodiy, G.N. (2015). Istoriya blagotvoritel'nosti v Sibiri: tendentsii i zakonomernosti (na primere stroitel'stva obshchestvennykh zdaniy v Irkutske) [The History of Philanthropy in Siberia: Trends and Regularities (On the Pattern of Constructing Public Buildings in Irkutsk)]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2-2, pp. 151–158.

Kozina, G.N. (2003). Vologodskoe kupechestvo i shkola (XVIII – nachalo XX veka) [Vologda Merchants and School (18th – Early 20th Centuries)]. In *Vologda: istoriko-krayevedcheskiy al'manakh*. Vologda, pp. 38–62.

Lebedinskaya, T.A., Osokina, T.V., Sereda, N.D. (1998). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' vologodskogo kupechestva: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov [Charitable Activities of the Vologda Merchants: Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vologodskiy politekhnicheskiiy institut. Sbornik nauchnykh trudov instituta*. Vologda. Vol. 2, pp. 180–184.

Leyman, I.I. (2020). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupechestva v sfere gorodskogo tyuremnogo khozyaystva vo vtoroy treti XIX v. (po materialam “Vologodskikh gubernskikh vedomostey” za 1838–1860 gg.) [Charitable Activity of Merchants in the Field of Municipal Prison Estate in the Second Third of the 19th Century (Based on the Materials of the Vologda Provincial Gazette for 1838–1860)]. In *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi, obshchestvenno-politicheskimi i sotsiokul'turnymi protsessami v severnom regione*. Syktyvkar, pp. 11–18.

Leyman, I.I. (2020). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' provintsial'nogo kupechestva v seredine XIX v. (po materialam “Vologodskikh gubernskikh vedomostey” za 1838–1860 gg.) [Charitable Activities of Provincial Merchants in the Middle of the 19th Century (Based on Materials of the “Vologda provincial gazette” for 1838–1860)]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya: Istoriya i filologiya*. No. 5 (45), pp. 75–82.

Leyman, I.I. (2022). Vologodskoe kupechestvo i Krymskaya voyna: k voprosu o spetsifike blagotvoritel'noy deyatel'nosti v 1853–1856 gg. [Vologda Merchants and the Crimean War: On the specifics of Charitable Activities in 1853–1856]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya: Istoriya i filologiya*. No. 1 (53), pp. 70–75.

Leyman, I.I. (2023). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupechestva Tot'my vo vtoroy treti XIX v. (po materialam “Vologodskikh gubernskikh vedomostey”) [Charitable Activities of the

Totma Merchants in the Second Third of the 19th Century (Based on Materials from the Vologda Provincial Gazette)]. In *Russkiy Sever-2023: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya: sbornik rabot VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Vologda, pp. 89–93.

Leyman, I.I., Matsuk, M.A. (2023). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupechestva v sfere narodnogo prosveshcheniya (na primere Vologodskoy gubernii vtoroy treti XIX veka) [Charitable Activities of Merchants in the Public Education Sphere (On the Example of the Vologda Province of the Second Third of the XIX Century)]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya: Istoriya i filologiya*. No. 1 (59), pp.74–79.

Medvedev, Yu.V. (1995). Moskovskoe kupechestvo i blagotvoritel'nost' [Moscow Merchants and Charity]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya. Referativnyy zhurnal*. No. 1, pp. 3–13.

Melnikov, S.L. (2008). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' provintsial'nogo kupechestva vo vtoroy polovine XIX veka v kontekste izmeneniya tsennostnykh dispozitsiy [Charitable Activities of the Provincial Merchants in the Second Half of the 19th Century in the Context of Changing Value Dispositions]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. No. 2, pp. 97–108.

Myrzakhanov, E.N. (2018). Obshchestvennaya, blagotvoritel'naya i metsenatskaya deyatel'nost' kuptsa-predprinimatelya v kontse XIX v. i v nachale XX v. (na primere Akmolinskoy oblasti) [Public, Charitable and Patronage Activity of the Merchant-Entrepreneur in the Late 19th – Early 20th Century (On the Example of Akmola Region)]. In *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*. No. 2 (19), pp. 12–18.

Ovsyankin, E.I. (2000). *Arkhangel'sk kupecheskiy* [The Merchant Arkhangelsk]. Arkhangel'sk, Arkhkonsalt. 525 p.

Polotskaya, O.V. (2015). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' totemskogo kupechestva v kontse XIX – nachale XX veka [Charitable Activities of the Totem Merchants in the Late 19th–20th Centuries]. In *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy*. No. 3 (31), pp. 57–65.

Rasskazovskiy, S. (2004). Obshchestvennaya deyatel'nost' blagotvoritel'nykh zavedeniy Vologodskoy gubernii [Social Activities of Charitable Institutions of the Vologda Province]. In *Vestnik nauchnogo studenteskogo soobshchestva. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. Vologda, pp. 15–24.

Repina, N.V. (2012). Blagotvoritel'nost' kupechestva Kostromskoy gubernii v seredine XIX – nachale XX veka [Charity of the Merchants of the Kostroma Province in the Middle of the 19th and Beginning of the 20th Century]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 324–327.

Skubnevskiy, V.A. (2018). Blagotvoritel'nost' predprinimateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [Charity of Altai Entrepreneurs in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 435, pp. 155–160.

Smirnova, N.S. (2022). Kupecheskaya blagotvoritel'nost' (na primere goroda Vologdy XIX – nach. XX vekov) [Merchant Charity (Using the Example of Vologda in the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Nekrasovskiye chteniya: materialy V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Yu.K. Nekrasova (1935–2006)*. Vologda, pp. 87–90.

Uspenskiy, V.B., Mazayeva, M.V., Shikhanov, P.A. (2004). Iz istorii blagotvoritel'nosti i metsenatstva v Yaroslavskom krae [From the History of Charity and Patronage in the Yaroslavl Region]. In *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. No. 3 (40), pp. 185–191.

Zav'yalova, O.N. (2010). Blagotvoritel'nost' kak sotsial'noye sluzheniye kupechestva (po materialam dukhovnykh zaveshchaniy vologodskikh kuptsov) [Charity as a Social Service of the Merchants (Based on the Materials of the Spiritual Wills of the Vologda Merchants)]. In *Rol' biznesa v transformatsii rossiyskogo obshchestva-2010. Pyatyy Mezhdunarodnyy nauchnyy kongress: sbornik tezisov dokladov*. Moscow, pp. 82–84.

Н.П. Бухарина*

**ЦЕЛЕВОЙ (НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ) КАПИТАЛ
СЕНАТОРА Н.А. БУЦКОВСКОГО
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ,
ПОДВЕРГШИХСЯ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ
В РЕЗУЛЬТАТЕ СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ОШИБКИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-4-10
УДК 233-46:343.159: 343.159.5*Выходные данные для цитирования:**Бухарина Н.П. Целевой (неприкосновенный) капитал сенатора Н.А. Буцковского как инструмент реабилитации лиц, подвергшихся уголовному преследованию в результате следственной и судебной ошибки // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 145–164. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-10.pdf>*

N.P. Bukharina*

**TRUST (UNTOUCHABLE) CAPITAL
OF SENATOR N.A. BUTSKOVSKIY
AS A TOOL FOR REHABILITATION OF PERSONS
PROSECUTED AS A RESULT
OF INVESTIGATIVE AND JUDICIAL ERROR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-10

*How to cite:**Bukharina N.P. Trust (Untouchable) Capital of Senator N.A. Butskovskiy as a Tool for Rehabilitation of Persons Prosecuted as a Result of Investigative and Judicial Error // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 145–164. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-10.pdf>]*

Abstract. Based on published data, including statistical and financial data, the article considers the prerequisites for the creation, management and efficiency of the unique pre-revolutionary endowment of N.A. Butskovskiy. The life path and professional activity had a significant influence on N.A. Butskovskiy's decision to bequeath his capital to charity. It is shown that the main purpose of the endowment was to overcome the social consequences of imperfections of the pre-revolutionary criminal procedure legislation, the achievement of which was seen by the founder of the "eternal endowment" in the material support of persons who were prosecuted as a result of investigative and judicial errors or a set of difficult life circumstances, as well as in the organisation of a shelter for needy participants of criminal proceedings on the part of the defence. The application of a set of financial indicators made it possible to trace the endowment capital value growth over the period from 1886 to 1916, to assess the efficiency of financial investments in securities, which ensured the issuance of cash benefits to an average of 12–13 needy people per year. The study shows that the management strategy of the Council of Chartered Attorneys at the St. Petersburg (later Petrograd) Court Chamber, who were not professional financiers, was aimed at obtaining a small but stable income, which made it possible to realize by 1916 a significant part of the charitable objectives set by the founder of the "perpetual endowment". Despite its local character, the establishment of the endowment of Senator N.A. Butskovskiy was of great importance for the solution of acute social problems, as well as for the development of the institution of rehabilitation in the domestic criminal process.

Keywords: endowment, philanthropy, foundation effectiveness, judicial reform of 1864, investigative error, miscarriage of justice.

The article has been received by the editor on 29.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Надежда Порфирьевна Бухарина, соискатель, Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, e-mail: bukharina.np@yandex.ru
Nadezhda Porfir'evna Bukharina, Applicant, Law Institute of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: bukharina.np@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе опубликованных данных, в том числе статистических и финансовых отчетов, рассмотрены предпосылки создания, особенности управления и эффективность уникального дореволюционного эндаумента Н.А. Буцковского. Жизненный путь и профессиональная деятельность оказали значительное влияние на решение Н.А. Буцковского завещать свой капитал на нужды благотворительности. Показано, что основной целью создания эндаумента являлось преодоление социальных последствий несовершенств дореволюционного уголовно-процессуального законодательства, достижение которой виделось учредителем «вечного вклада» в материальной поддержке лиц, подвергшихся уголовному преследованию в результате следственной и судебной ошибки либо стечения тяжелых жизненных обстоятельств, а также в организации приюта для нуждающихся участников уголовного процесса со стороны защиты. Применение комплекса финансовых показателей позволило проследить рост стоимости целевого капитала за период с 1886 по 1916 г., оценить эффективность финансовых вложений в ценные бумаги, обеспечивших выдачу денежных пособий в среднем 12–13 нуждающимся в год. Исследование показало, что управленческая стратегия Совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской (позднее – Петроградской) судебной палате, которые не являлись профессиональными финансистами, была направлена на получение небольшого, но стабильного дохода, позволившего реализовать к 1916 г. значительную часть поставленных учредителем «вечного вклада» благотворительных задач. Несмотря на локальный характер, учреждение эндаумента сенатора Н.А. Буцковского имело большое значение для решения острых социальных проблем, а также для развития института реабилитации в отечественном уголовном процессе.

Ключевые слова: целевой капитал, благотворительность, эффективность фонда, судебная реформа 1864 г., следственная ошибка, судебная ошибка.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025 г.

Введение. Изучение дореволюционных исторических источников показывает, что ни одна из сфер общественной жизни Российской империи не была обделена вниманием филантропов и меценатов: наука и искусство, медицина, образование и общественное призрение, строительство, архитектура, библиотечное и музейное дело хранят имена своих благодетелей.

А была ли сфера уголовного судопроизводства местом приложения сил дореволюционных благотворителей? На первый взгляд ответ очевиден. Благотворительность и уголовное судопроизводство несовместимы, так как целью последнего выступало раскрытие и расследование преступления, изобличение виновного и его справедливое наказание, защита прав потерпевшего от преступного посягательства. Вместе с тем история отечественной филантропии говорит об обратном. С именем видного деятеля судебной реформы 1864 г. сенатора Николая Андреевича Буцковского (1811–25.09.1873) связан уникальный прецедент использования целевого (неприкосновенного) капитала для преодоления социальных последствий несовершенств дореволюционного уголовно-процессуального законодательства путем материальной поддержки лиц, подвергшихся уголовному преследованию в результате следственной и судебной ошибки. Однако предпосылки учреждения, вопросы управления и эффективность использования эндаумента сенатора Н.А. Буцковского до настоящего времени не выступали предметом научного исследования. Цель настоящей работы – изучение особенностей создания целевого (неприкосновенного) капитала сенатора Н.А. Буцковского, а также оценка эффективности его использования на основе анализа денежных отчетов Совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской (позднее – Петроградской) судебной палате (далее – Совет присяжных поверенных).

В настоящее время методология оценки эффективности дореволюционных эндаументов недостаточно разработана. В современной науке также существует проблема отсутствия единства мнений о системе, количестве и характеристиках экономических показателей эффективности деятельности фондов целевого капитала. Так, например, Я.М. Миркин с соавторами предлагают использовать для оценки эффективности деятельности фонда целевого капитала в сфере образования систему из девяти показателей, позволяющую комплексно оценить доходность от доверительного управления таким капиталом, его распределение и использование¹. В.А. Попов выделяет тринадцать показателей², которые могут быть объединены в две группы: финансовые (например, годовая доходность вложений, объем привлеченных средств и т.д.) и нефинансовые (число пожертвований за отчетный период, база потенциальных жертвователей и т.п.)³. В исследовании А.В. Буровой и Ю.В. Вымятниной разработаны четыре группы коэффициентов для анализа эффективности расходов и финансовой устойчивости, а также корректировки фандрайзинговой политики благотворительных фондов⁴.

Методологической основой оценки эффективности использования целевого (неприкосновенного) капитала сенатора Н.А. Буцковского могут выступать теоретические положения работ А.В. Буровой и Ю.В. Вымятниной, А.А. Горбачева, Я.М. Миркина, В.А. Попова. Вместе с тем необходимо учесть ряд допущений: во-первых, не все современные показатели эффективности применимы для дореволюционных эндаументов; во-вторых, содержание используемых в дореволюционных источниках финансовых, бухгалтерских терминов и понятий может не совпадать с современными; в-третьих, правила ведения и принципы бухгалтерской и финансовой отчетности и, соответственно, система показателей могут существенно различаться. Для обеспечения достоверности оценки эффективности использования изучаемого эндаумента предлагается применять современную систему показателей с поправкой на вышеуказанные допущения. При этом основными принципами такой оценки должен выступать принцип сопоставимости в изучении объектов и явлений, а также принцип историзма.

Источниковую базу исследования составили уникальные документы: «Духовное завещание сенатора Н.А. Буцковского» от 16 октября 1873 г., «Правила о пособии из фонда благотворительности сенатора Н.А. Буцковского» от 5 декабря 1881 г., «Денежные отчеты» Совета присяжных поверенных при Петроградской судебной палате по капиталам Совета присяжных поверенных и по капиталу сенатора Н.А. Буцковского за период с 1886 по 1891 г., за 1905/1906 гг. и с 1911 по 1916 г.⁵, которые позволяют реконструировать создание эндаумента, его структуру, особенности управления и использования.

Установление предпосылок учреждения целевого (неприкосновенного) капитала сенатора Н.А. Буцковского было основано на изучении воспоминаний современников, трудов отечественных дореволюционных процессуалистов, положений «Устава уголовного судопроизводства» от 20 ноября 1864 г. (далее – Устава) и статистических данных Министерства юстиции Российской империи.

¹ Миркин Я.М., Бахтараева К.Б., Левченко А.В. Эндаумент-фонды (фонды целевого капитала) государственных и муниципальных образовательных учреждений: организация деятельности, состояние и перспективы развития: практическое руководство. М., 2010. С. 135–137.

² Попов В.А. Развитие сферы образовательных услуг в Российской Федерации на основе формирования эндаумент-фондов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2016. С. 17–18.

³ Горбачев А.А. Развитие системы показателей оценки эффективности деятельности фонда целевого капитала при государственном учреждении высшего образования // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 1 (145). С. 167.

⁴ Бурова А.В., Вымятникова Ю.В. Оценка финансовых показателей благотворительных фондов в России: адаптация мировых практик // Финансы и бизнес. 2017. № 4. С. 98–99.

⁵ Необходимо отметить, что в настоящем исследовании автор ограничивается изучением отдельных периодов в истории «вечного вклада» Н.А. Буцковского, выбор которых обусловлен особенностями развития экономики, общественно-политической жизни Российской империи и международной обстановки.

Проблема следственных и судебных ошибок в дореволюционном уголовном судопроизводстве как источник благотворительной инициативы сенатора Н.А. Буцковского. XIX век в России под влиянием развития капитализма и проведения крестьянской реформы ознаменовался масштабным перестроением всех сфер общественной жизни, в том числе коренными изменениями в уголовном судопроизводстве. По свидетельствам современников, в дореформенный период производство по уголовным делам шло со значительными нарушениями и чрезвычайно медленно. Приведем весьма красноречивый пример: «...дело поступило в 1852 году; в том же году предписано уездному начальнику дополнить следствие; но, несмотря на множество подтверждений и 46 представлений губернскому правлению о понуждении уездного начальника, дело до 1858 года оставалось недополненным»⁶.

Принимая во внимание правоприменительные реалии своего времени, авторы судебной реформы 1864 г. придерживались прогрессивной позиции, согласно которой изменение только части норм или институтов с неизбежностью приведет к возникновению перекося в судебной системе в целом. Поэтому было принято решение изменить всю систему производства по уголовным делам, выстроив ее в соответствии с четырьмя главными началами, поименованными Н.А. Буцковским как «начало обвинительное, начало судебной защиты, начало свободного внутреннего убеждения судей и начало гласности и устности судопроизводства»⁷. Вместе с тем при всей прогрессивности идей новый уголовно-процессуальный закон не был лишен изъянов.

В трудах Н.А. Буцковского, В.П. Даневского, М.В. Духовского, В.К. Случевского, И.Я. Фойницкого и других дореволюционных ученых и практиков поднимались вопросы, связанные с существованием в отечественном уголовном процессе недостатков предварительного следствия и их правовыми и социальными последствиями.

Изучение научного наследия дореволюционных процессуалистов показывает, что понятие «недостатки предварительного следствия» включало достаточно широкий перечень дефектов и ошибок, в основе которых лежали нарушения положений Устава, регламентировавших требования к качеству и эффективности предварительного следствия. Среди таких дефектов и ошибок наукой и практикой выделялись неполнота предварительного следствия и его односторонность, медлительность производства по делу⁸, нарушения форм и обрядов предварительного следствия, неправильная юридическая квалификация преступного деяния⁹.

О распространенности следственных ошибок в дореволюционном уголовном процессе косвенно свидетельствуют данные о количестве дел, которые были возвращены прокурором судебному следователю для устранения недостатков, создававших препятствия для дальнейшего производства по делу (рис. 1)¹⁰.

На графике прослеживается, что за пятилетние периоды недостатки предварительного следствия выявлялись в среднем в 10 % окончанных производств, что указывает на относительную массовость данного явления.

⁶ *Старицкий Е.* О недостатках действующего ныне уголовного судопроизводства и о применении предполагаемых преобразований к Кавказскому краю // *Материалы по судебной реформе в России 1864 г.: в 74 т.* СПб., 1861–1862. Т. 17, раздел 9. С. 2.

⁷ *Буцковский Н.А.* Об основных началах уголовного судопроизводства // *Материалы по судебной реформе в России 1864 г.: в 74 т.* СПб., 1861–1862. Т. 17, раздел 15. С. 1.

⁸ *Соколов А.А.* Недостатки в производстве предварительного следствия // *Юридический вестник.* 1876. Кн. 1/2. С. 22–66; *Городыский Я.К.* Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. (продолжение) // *Журнал министерства юстиции.* 1901. № 3. С. 1–59; *Духовский М.В.* Российский уголовный процесс: издание для студентов. М., 1910. С. 294.

⁹ *Буцковский Н.А.* Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874. С. 45; *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. СПб., 1913. С. 521; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 387.

¹⁰ Все диаграммы составлены по: *Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года ... в 1874–1913 гг.* Пг., 1873–1912, 1916; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции.* СПб., 1916. Выпуск 30: за 1914 год. С. 228–229.

В дореволюционной литературе отмечалось, что судебные ошибки случались, например, при установлении несоответствия выводов суда обстоятельствам дела либо в случае неправильного применения материального и (или) процессуального права и т.д.¹¹ При этом ошибка рассматривалась исключительно в контексте неумышленного проступка, не содержащего признаки злоупотребления по должности¹².

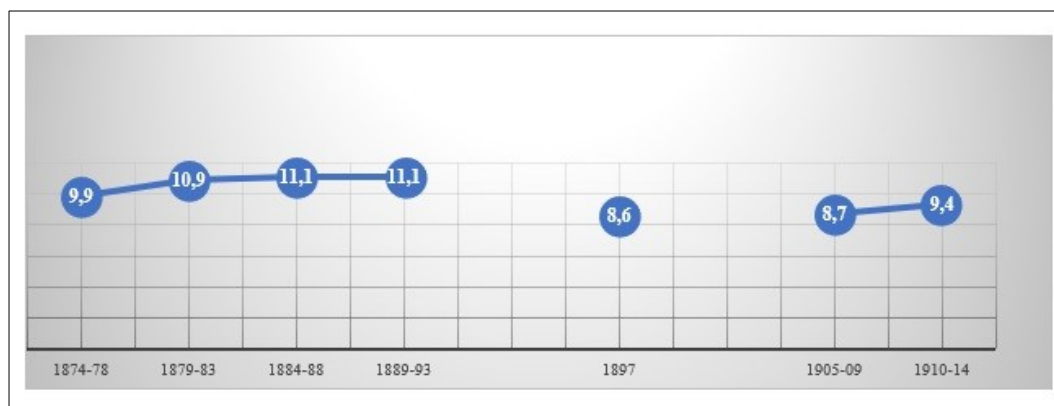

Рис. 1. Возвращение прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования за период с 1874 по 1914 г. (% от окончанных производством дел)

Степень распространенности судебных ошибок в дореволюционный период может быть оценена на основе косвенных данных: статистические показатели эффективности прокурорского надзора, данные о количестве прекращенных производств (по реабилитирующим основаниям), о числе оправданных лиц, свидетельства современников и т.д. Так, например, профессор В.П. Даневский указывал, что по причине неполноты и односторонности предварительного следствия в 70-х гг. XIX в. процент обвинительных приговоров составлял только 25 % от числа окончанных производством у судебных следователей дел¹³.

Рассуждая о правовых и социальных эффектах следственных и судебных ошибок, необходимо отметить, что ошибки порождали не только процессуальные последствия, например в виде возвращения прокурором следствия для дополнения либо обращения его к рассмотрению, отмены приговора вышестоящей инстанцией и т.д. По мнению многих дореволюционных правоведов, вынесение оправдательного приговора также можно считать одним из правовых последствий нарушений, допущенных в ходе предварительного следствия¹⁴.

Еще одним аспектом существования следственных и судебных ошибок выступали их негативные социальные последствия. Так, например, в соответствии со ст. 415 Устава лицу, находившемуся под следствием, запрещалось покидать город или участок, где производилось следствие, что могло повлечь для иногороднего обвиняемого значительные финансовые затраты на проживание, питание, проезд и т.д. В то же время лицо на период производства по делу могло быть заключено под стражу, что ставило под угрозу разорения его лавку, ремесло или домохозяйство, лишало его семью постоянного источника дохода. Обращает на себя внимание, что за рассматриваемый период по всем судебным округам на 100 осужденных в среднем 28,5 человек содержались под стражей (рис. 2).

Е.Н. Тарновский указывал, что в 80–90-е гг. XIX в. наиболее часто мера пресечения в виде заключения под стражу избиралась в судебных округах, где были большие города и развитая промышленность, так как значительная часть их населения не имела оседлости

¹¹ Хрулев С. О вознаграждении лиц, понесших наказание по судебной ошибке // Юридический вестник. 1888. № 8. Кн. 4. С. 503–519; Кони А.Ф. Возобновление уголовных дел (практическая заметка) // Юридическая летопись. 1890. № 7. С. 3–18; Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции Н.Н. Полянского. М., 1911. С. 182–183.

¹² Сборник решений Общего Собрания кассационных и первого с кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (с 1866–1896 г.). СПб., 1905. С. 637–638.

¹³ Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895. С. 4–5.

¹⁴ Харизоментов Н. О недостатках следственной части по судебным уставам 20 ноября 1864 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Год 11, кн. 2. С. 87–126; Тарновский Е.Н. Оправдательные приговоры в России // Юридический вестник. 1891. Т. 7, кн. 3. С. 425–441.

(например, в Московском судебном округе 35,6 % обвиняемых содержались под стражей, в Петербургском – 41,2 %) ¹⁵. В этих округах, отмечал Е.Н. Тарновский, судебные следователи избирали данную меру пресечения даже в отношении лиц, обвиняемых в совершении менее тяжких преступлений, которым в соответствии с положениями Устава могла быть избрана иная – менее строгая мера пресечения уклонения от следствия ¹⁶. При этом, например, за период с 1877 по 1893 г. наиболее часто (в среднем 15,9 %) срок содержания под стражей составлял от 6 месяцев до года, 12,5 % – от 3 до 6 месяцев, 4,3 % – от года до 2 лет, 3,6 % – от 1 до 3 месяцев ¹⁷.

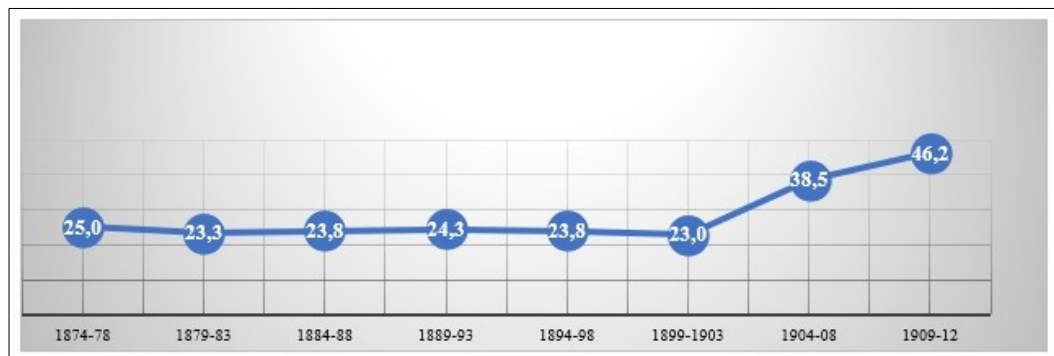

Рис. 2. Среднее число лиц, в отношении которых избрана мера пресечения уклонения от следствия и суда в виде заключения под стражу (на 100 осужденных)

Поэтому утверждение профессора Н.Н. Розина о том, что ошибки в уголовном судопроизводстве часто влекли для обвиняемого «тяжкие материальные лишения» ¹⁸, имело под собой веские основания.

Еще одним социальным эффектом следственных и судебных ошибок выступала стигматизация личности. Общественный деятель Томской губернии правовед Г.С. Томашинский указывал, что «уже самый факт появления на скамье подсудимых налагает пятно на личность, пятно иногда неизгладимое, колеблет общественное доверие к ней и отражается не только на моральной, но и на материальной жизни подсудимых» ¹⁹.

Возникает вопрос – какие механизмы по минимизации или ликвидации последствий следственных и судебных ошибок были предусмотрены дореволюционным уголовно-процессуальным законодательством?

Обращение к положениям статей 26, 780–784, 819, 938, 958, 1110 Устава, призванных обеспечить реализацию права лица на реабилитацию, в том числе на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием, показывает, что компенсации подлежал ущерб, явившийся следствием «ложного доноса, опрометчивости частных лиц или злоупотреблений по службе должностных лиц» ²⁰. Но, как отмечали современники, действовавший закон «совершенно умалчивает о способах вознаграждения лиц, понесших наказание по судебной ошибке <...>, то есть при полной добросовестности всех участвующих в деле частных и должностных лиц вследствие несчастного для обвиняемого стечения неблагоприятных обстоятельств» ²¹. Таким образом, ни разработчики Устава, ни правоприменители не смогли найти способы восполнения данного пробела.

О серьезности последствий следственных и судебных ошибок, а также о злободневности проблемы отсутствия механизма уголовно-процессуальной реабилитации лица, пострадавшего от ошибки в уголовном судопроизводстве, свидетельствует пример из судебной практики, опубликованный в журнале «Юридический вестник»: в 1879 г. крестьянин

¹⁵ Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / сост. Е.Н. Тарновский. СПб., 1899. С. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Розин Н.Н. О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду // Журнал Министерства Юстиции. 1897. № 9. С. 81–117.

¹⁹ Томашинский Г.С. Нужна ли у нас защита на предварительном следствии? // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Год 11, кн. 1. С. 112.

²⁰ Хрулев С. О вознаграждении лиц... С. 505.

²¹ Там же.

Петунин в результате следственной и судебной ошибки был признан виновным в растлении крестьянки Мосиной и на основании вердикта присяжных заседателей приговорен судом к шести годам каторжных работ. В 1884 г. был найден и осужден настоящий преступник. Вернувшись домой после трех лет ссылки, проведенных в Сибири, Петунин обнаружил, что его домовладение полностью разорено. Невинно осужденный Петунин обратился с ходатайством о возмещении материального ущерба к прокурору окружного суда, в ответе которого было указано об отсутствии законных оснований для удовлетворения требований. Ходатайство Петунина было перенаправлено на имя министра юстиции, который предложил заявителю обратиться к Высочайшему милосердию ввиду неурегулированности действовавшим законодательством подобных ситуаций²².

Н.А. Буцковский, будучи одним из разработчиков Устава, крупным ученым-процессуалистом, сенатором Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, а также человеком, которому не чуждо сострадание к ближнему, понимал неизбежность ошибок в уголовном судопроизводстве, их высокую социальную цену и, без сомнения, видел несовершенства положений Устава, которые не позволяли лицу, пострадавшему от ошибок при производстве по делу, обратиться к государству для возмещения имущественного вреда, устранения последствий морального вреда, а также для восстановления в жилищных и иных правах. В этой связи вклад Н.А. Буцковского в решение правовой проблемы, имеющей глубокие социальные последствия, при помощи благотворительной инициативы приобретает особый смысл и значение не только для истории филантропии, но и для последующего развития института реабилитации в отечественном уголовном процессе, а также для общества в целом.

Особенности создания и порядок использования целевого (неприкосновенного) капитала сенатора Н.А. Буцковского. «Да простят мне великодушно родственники, которых я обошел в завещательном распоряжении об этом капитале. Я почти ничего не получил от моих родителей, и потому не считаю себя обязанным передавать нажитое в мой род. Трудясь неустанно всю мою жизнь и отказываясь от всякой прихотливой роскоши, я постоянно утешал себя тем, что оставлю по себе прочную память не только в посильных трудах моих, но и в устройстве какого-нибудь благотворительного учреждения, соответствующего моей деятельности»²³, – читаем строки завещания сенатора Н.А. Буцковского.

Приведем некоторые детали биографии Н.А. Буцковского, которые помогают понять причины его благотворительной инициативы. Жизнь и юридическая карьера Николая Андреевича проходили в один из наиболее значимых для развития отечественного уголовного процесса периодов – в эпоху судебной реформы 1864 г., которая объединила под своими знаменами многих талантливых ученых и практиков. Одним из них был Николай Андреевич Буцковский – по меткому выражению Г.А. Джаншиева, «юрист-самоучка»²⁴. Действительно, Н.А. Буцковский не был профессиональным юристом, он имел математическое образование и пробовал свои силы на разных поприщах: служил военным инженером, был учителем математики в Гатчинском воспитательном доме, строил карьеру чиновника в Департаменте юстиции, проходил службу в департаментах Сената, где приобрел огромный практический опыт в области уголовного судопроизводства.

По воспоминаниям современников Николай Андреевич был человеком невероятного трудолюбия, аккуратности и исполнительности²⁵. Справедливый и внимательный к сослуживцам, он не отличался подобоострастием к начальству, чем заслужил уважение тех и других. В карьере Н.А. Буцковского был опыт реализации механизма реабилитации лица, пострадавшего от судебной ошибки, который, по нашему мнению, мог повлиять на его мировоззрение и определить судьбу заработанного им за период службы в судебном ведом-

²² Хрулев С. О вознаграждении лиц... С. 506–507.

²³ Постановление Совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате, 5 декабря 1881 г. по поводу духовного завещания умершего сенатора Н.А. Буцковского // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Год 12, кн. 4. С. 58.

²⁴ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: исторические справки. СПб., 1907. С. 702.

²⁵ Там же. С. 703–704.

стве капитала. Так, в 50-е гг. XIX в. на основе признательных показаний подсудимый был признан виновным в убийстве жены, подвергнут телесным наказаниям и приговорен к каторжным работам. Однако через некоторое время выяснилось, что его супруга жива и произошла следственная и судебная ошибка. Н.А. Буцковский принял на себя обязанность по организации исправления выявленной ошибки. И ему стоило немалых усилий добиться от министра юстиции признания факта ошибки для того, чтобы невинно осужденный смог вернуться из места ссылки в Сибирь²⁶.

Изучение завещания Н.А. Буцковского от 16 октября 1873 г. показывает, что часть наследственной массы – капитал в 50 тыс. руб. – объявлялся неприкосновенным, доходы от которого наследодатель распорядился передать в пожизненное пользование отдельным своим родственникам и знакомым: сестрам Надежде Петровне Крейтер и Екатерине Андреевне Васильковской, а также состоявшему при завещателе 40 лет служителем Петру Александрову. После смерти указанных лиц, а также названных в завещании их наследников по воле Н.А. Буцковского капитал в 50 тыс. руб. считался неприкосновенным фондом благотворительности.

В 1881 г. указанный капитал, согласно завещанию, поступил в управление Совета присяжных поверенных, и с этого момента может быть начат отсчет истории уникального «вечного вклада». Его уникальность обуславливается, во-первых, целями, для которых он был учрежден Н.А. Буцковским, во-вторых, выбором распорядителей доходов неприкосновенного капитала, а также порядком их распределения.

По воле завещателя доход с целевого (неприкосновенного) капитала надлежало использовать в следующих целях:

1) на выплату первоначального пособия подсудимым, в отношении которых был вынесен оправдательный приговор, при условии, что их «невинность окажется очевидною, а не признанною только по неполноте улики...»²⁷;

2) на выплату пособия осужденным, которые совершили преступление в связи со стечением тяжелых жизненных обстоятельств и для «которых своевременная помощь может быть спасительным средством к обращению их на путь честной жизни»²⁸;

3) на организацию приюта «для несчастных, оказавшихся на суде заслуживающими особенного о них попечения»²⁹. Данный пункт определялся Н.А. Буцковским как перспективная цель, приступить к реализации которой требуется, если позволят складывающиеся обстоятельства.

Таким образом, учреждение изучаемого «вечного вклада» было направлено на решение значимых социальных проблем: не только на материальную поддержку нуждающихся лиц, в силу разных причин оказавшихся включенными в сферу уголовно-процессуальных отношений, но и, шире, на их ресоциализацию и возвращение в общество в качестве его полноценных членов.

Рассмотрим реализацию всех трех целей в объеме, необходимом для наиболее полного исследования того, как решалась проблема реабилитации лиц, подвергшихся уголовному преследованию в результате следственной и судебной ошибки, при помощи благотворительности.

Необходимо отметить, что благотворительная инициатива Н.А. Буцковского носила локальный характер и распространялась на территорию губерний, которые относились к юрисдикции Санкт-Петербургской судебной палаты (Санкт-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, а позднее и отдельные западные губернии³⁰). Согласно действовавшему законодательству, судебная палата являлась апелляционной инстанцией для окруж-

²⁶ Джанишев Г.А. Эпоха великих реформ... С. 704.

²⁷ Постановление Совета присяжных поверенных... С. 59.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Курас Т.Л. Создание и общая характеристика Санкт-Петербургской судебной палаты (1866–1917 гг.) // Власть. 2014. № 12. С. 169–173.

ных судов и первой инстанцией по уголовным делам о наиболее тяжких преступлениях: государственных, должностных и т.д.

По воле Н.А. Буцковского распорядителем доходов «вечного вклада» назначался Совет присяжных поверенных при Санкт-Петербургской (позднее – Петроградской) судебной палате – корпоративный орган управления и координации деятельности нового для отечественного уголовного процесса института – адвокатуры. В этот период нередко адвокат, по аналогии с дореформенным ходатаем, воспринимался обществом как человек, смотрящий на свою профессию «как на торговлю словом»³¹. В этой связи решение Н.А. Буцковского оказало значительное влияние на укрепление авторитета института присяжных поверенных и повысило уровень общественного доверия к ним. Отметим, что в разное время в состав Совета присяжных поверенных входили такие выдающиеся адвокаты, как Д.В. Стасов, Н.П. Карабчевский и др.

Нормативной основой деятельности Совета присяжных поверенных по управлению целевым (неприкосновенным) капиталом Н.А. Буцковского выступали «Правила о пособии из фонда благотворительности сенатора Н.А. Буцковского», утвержденные постановлением от 5 декабря 1881 г. (далее – Правила)³². Указанные Правила состояли из 13 параграфов, которые закрепляли действие акта по кругу лиц (§ 1), условия (§ 8–9) и порядок получения пособия (§ 2–3, 5–6), состав и порядок представления и утверждения отчетности по результатам деятельности (§ 10–13).

Заслуживающим внимания представляется § 4, содержанием которого выступает взаимодействие между Советом присяжных поверенных и участниками уголовно-процессуальных отношений (защитники, прокурор, следователь, члены и председатель судебного учреждения) по вопросу информирования Совета о нуждающихся в попечении обвиняемых (подсудимых).

Выдача пособий, согласно § 3 Правил, носила заявительный характер. После поступления соответствующего заявления изложенные в нем факты и просьбы подлежали тщательной проверке одним или несколькими членами Совета присяжных поверенных (§ 5). Решение о назначении пособия принималось большинством голосов. При этом для обеспечения кворума на заседании должны присутствовать не менее чем 50 % от общего числа членов Совета присяжных поверенных (§ 6). Особенностью процедуры выступала ее полная анонимность для того, чтобы не компрометировать получателя в глазах общества (§ 9,11). По указанной причине сведения о числе лиц, обратившихся за помощью, а также их персональные данные в материалах отчетов о деятельности Совета присяжных поверенных не публиковались.

Несомненным достоинством разработанных Советом присяжных поверенных Правил можно считать доведение их содержания до сведения широкого круга лиц посредством периодической печати, а также создание условий для объединения совместных усилий общественности и участников уголовно-процессуальных отношений, в том числе профессиональных, по выявлению нуждающихся в помощи и оказанию им поддержки.

Структура и эффективность использования целевого (неприкосновенного) капитала сенатора Н.А. Буцковского. Анализ денежных отчетов Совета присяжных поверенных показывает, что структура целевого (неприкосновенного) капитала в период с 1886 по 1891 г. была представлена преимущественно ценными бумагами: свидетельствами Государственного банка на непрерывный доход по выкупу (5,5 % ренты), облигациями 3-го Восточного займа 1879 г. (погашение в течение 49 лет), облигациями внутреннего консолидированного железнодорожного займа (4 ½ %), закладными листами Общества взаимного поземельного кредита. В период с 1911 по 1916 г. в структуре целевого капитала преобладали закладные листы и облигации государственных банков. Таким образом, структуру эндаумента состав-

³¹ Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России, 60–80 годы XIX века. М., 1987. С. 187.

³² Правила о пособии из фонда благотворительности сенатора Н.А. Буцковского: утверждены постановлением Совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате от 5 декабря 1881 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Год 12, кн. 4. С. 62–64.

ляли ценные бумаги, приносявшие стабильный доход. При этом в общей структуре доходов (табл. 1)³³ преобладали проценты по ценным бумагам, в отдельные годы их удельный вес достигал 98,63 %.

Таблица 1

Структура доходов целевого (неприкосновенного) капитала, доходы и расходы

Показатель	1886/87	1887/88	1888/89	1889/90	1890/91	1905/06	1911/12	1912/13	1913/14	1914/15	1915/16
Доход, всего	6 649,26	3 414,46	9 507,54	7 710,84	63 812,54	4 547,21	4 412,87	6 424,21	4 164,94	4 458,68	4 722,25
Процент с ценных бумаг	3 198,59	3 367,74	3 367,74	3 628,39	3 747,34	4 535,75	3 809	6 044,81	4 086,87	4 241,87	4 357,37
Удельный вес (%)	48,10	98,63	35,42	47,06	5,87	99,75	86,32	94,09	98,12	95,14	92,27
Проценты по текущему счету	50,67	46,72	139,80	61,10	65,20	11,66	169,71	104,28	78,07	102,77	160,47
Удельный вес (%)	0,76	1,37	1,47	0,78	0,10	0,25	3,85	1,63	1,88	2,30	3,40
Вышедшие в тираж ценные бумаги	3 400	–	6 000	4 021,35	60 000	–	–	–	–	–	–
Удельный вес (%)	51,14	–	63,11	52,16	94,03	–	–	–	–	–	–
Разница между покупкой и номиналом стоимости процентной бумаги	–	–	–	–	–	–	434,16	275,12	–	114,04	204,41
Удельный вес (%)	–	–	–	–	–	–	9,83	4,28	–	2,56	4,33

Как было отмечено ранее, методологической основой изучения эффективности эндумента Н.А. Буцковского выступают научные разработки современных исследователей с учетом ряда допущений. В этой связи для оценки эффективности деятельности по достижению поставленных благотворительных целей считаем целесообразным использование следующих финансовых показателей:

1) *темпы роста стоимости целевого (неприкосновенного) капитала*, рассчитываемые по формуле: $\text{СЦК}_1 / \text{СЦК}_0 \times 100 \%$, где СЦК_1 – стоимость целевого капитала текущего периода; СЦК_0 – стоимость целевого капитала базового периода³⁴;

2) *соотношение размера финансовых вложений и размера целевого капитала* текущего периода³⁵;

³³ Все таблицы составлены по: Денежный отчет Совета присяжных поверенных при Петроградской судебной палате по капиталам Совета присяжных поверенных и по капиталу сенатора Н.А. Буцковского за 1886/7 год. СПб., 1887. С. 3; Денежный отчет ... за 1887/8 год. СПб., [1888]. С. 3–4; Денежный отчет ... за 1888/9 год. СПб., [1889]. С. 3–4; Денежный отчет ... за 1889/90 год. СПб., [1890]. С. 3–4; Денежный отчет ... за 1890/91 год. СПб., [1891]. С. 3–4; Денежный отчет ... за 1905/06 год. СПб., [1906]. С. 46–51; Денежный отчет ... за 1911/12 год. СПб., [1912]. С. 54–59; Денежный отчет ... за 1912/13 год. СПб., [1913]. С. 54–59; Денежный ... за 1913/14 год. СПб., [1914]. С. 58–63; Денежный отчет ... за 1914/15 год. СПб., [1915]. С. 24–25; Денежный отчет ... за 1915/16 год. СПб., [1916]. С. 28–29.

³⁴ Горбачев А.А. Развитие системы показателей... С. 169.

³⁵ Там же.

3) отношение полученного дохода к вложенным средствам фонда целевого капитала, рассчитываемое по формуле: $\Pi_1 / \text{РЦК}_1$, где Π_1 – прибыль текущего периода; РЦК_1 – размер целевого капитала текущего периода³⁶;

4) коэффициент административных расходов целевого (неприкосновенного) капитала, расчет которого осуществляется по формуле: $P_1 / D_1 \times 100 \%$, где P_1 – сумма административных расходов текущего периода; D_1 – доход текущего периода³⁷;

5) коэффициент неиспользованного дохода целевого (неприкосновенного) капитала: $(\text{НД}_0 + \text{НД}_1) / (D_0 + D_1) \times 100 \%$, где НД_0 – сумма неиспользованного дохода базового периода; НД_1 – сумма неиспользованного дохода текущего периода; D_0 – доход базового периода; D_1 – доход текущего периода³⁸;

6) коэффициент распределения дохода целевого (неприкосновенного) капитала: $\text{ДПД}_i / D_1 \times 100 \%$, где ДПД_i – денежные средства, которые распределены i -му получателю дохода в текущем периоде; D_1 – доход текущего периода³⁹;

7) показатели динамики доходов и расходов целевого (неприкосновенного) капитала, представляющие собой: а) темпы роста доходов: $D_1 / D_0 \times 100 \%$, где D_1 – доход текущего периода; D_0 – доход базового периода; б) темпы роста расходов: $P_1 / P_0 \times 100 \%$, где P_1 – расходы текущего периода; P_0 – расходы базового периода (расчет возможен в разрезе групп доходов и расходов)⁴⁰.

Для расчетов и построения диаграмм используем данные денежных отчетов, отражающие отдельные балансовые показатели деятельности Совета присяжных поверенных по управлению целевым (неприкосновенным) капиталом сенатора Н.А. Буцковского за выбранный период (табл. 2).

Таблица 2

Размер целевого (неприкосновенного) капитала, доходы и расходы

Отчет. пери- од	Размер кап. на нач. пер.	в т.ч.	Доходы за период	Расходы за период				Размер кап. на конец пер.	в т.ч.
		целевого капитала		итого	в т. ч.:				целевого капитала
					целевые	админ.	финанс. вложения		
1886/87	65 252,63	62 600	6 649,26	3 915,03	730	2,10	3 182,93	67 986,86	66 000
1887/88	67 986,86	66 000	3 414,46	338,55	330	8,55	–	71 062,77	66 000
1888/89	71 062,77	66 000	9 507,54	6 197,75	260	10,50	5 927,75	74 372,56	66 000
1889/90	74 372,56	66 000	7 710,84	5 199,06	1 155,46	8,55	4 035,50	76 884,34	74 000
1890/91	76 884,34	74 000	63 812,54	61 498,90	905	10,90	60 583	79 198,38	74 000
1905/06	101 027,96	н/д	4 547,41	3 530,34	3 418	112,34	–	102 045,03	100 500
1911/12	106 152,62	н/д	4 412,87	3 010,40	2 955	55,40	–	107 555,09	105 000
1912/13	107 555,09	105 000	6 424,21	5 359,95	5 295	64,95	–	108 619,35	107 000
1913/14	108 619,35	107 000	4 164,94	1 533,80	1 475	58,80	–	111 250,49	107 000
1914/15	111 250,49	107 000	4 458,68	568,65	515	53,65	–	115 140,53	110 100
1915/16	115 140,53	110 100	4 722,25	324,25	255	69,25	–	119 538,53	114 300

Анализ полученных данных позволяет говорить, что за изучаемый период интенсивность изменений стоимости целевого (неприкосновенного) капитала Н.А. Буцковского была стабильной. Расчет темпов роста базисным способом (рис. 3) показал, что за данный период наблюдалась тенденция к росту стоимости капитала, отражающая насыщенность этого процесса. Так, например, темпы роста 1887/88 гг. по отношению к 1886/87 гг. составили

³⁶ Горбачев А.А. Развитие системы показателей... С. 169.

³⁷ Миркин Я.М., Бахтараева К.Б., Левченко А.В. Эндаумент-фонды... С. 135.

³⁸ Там же. С. 136.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Бурова А.В., Вымятина Ю.В. Оценка финансовых показателей благотворительных фондов в России... С. 99.

104,19 %. В отдельные годы (например, в 1913/14 гг.) темпы роста достигали 166,46 % к показателям базисного периода.

Рис. 3. Темпы роста стоимости целевого (неприкосновенного) капитала (в %)

Обращаясь к темпам прироста (рис. 4), можно отметить, что в целом наблюдалась положительная динамика – отрицательные значения данного показателя не зафиксированы. Например, с 1886 по 1891 г. средний темп прироста составил 14,22 %, с 1911 по 1916 г. – 10,51 %. Вместе с тем на графике прослеживается тенденция к снижению темпов прироста к 1916 г., что может быть объяснено как ухудшением экономической обстановки в стране и ростом уровня инфляции, так и изменением стратегии управления целевым капиталом. Как следует из отчетов Совета присяжных поверенных, с 1911 г. были прекращены финансовые вложения в новые активы и основным источником доходов остались проценты по ценным бумагам, приобретенным до указанного года.

Рис. 4. Темпы прироста стоимости целевого (неприкосновенного) капитала (в %)

В современных исследованиях отмечается, что соотношение размера финансовых вложений и целевого капитала должно стремиться к 1⁴¹. Изучение данного показателя за период с 1886 по 1891 г. (рис. 5) позволяет выявить проблему недостаточного объема финансовых вложений. Например, в 1886/87 гг. этот показатель равнялся 0,05, в 1888/89 гг. – 0,09, в 1889/90 гг. – 0,06, и только к 1891 г. он практически приблизился к 1 (составил 0,8).

⁴¹ Горбачев А.А. Развитие системы показателей... С. 169.

Рис. 5. Соотношение размера финансовых вложений и целевого (неприкосновенного) капитала

Таким образом, изучение показателей формирования целевого (неприкосновенного) капитала дает представление о динамике этого процесса, а также раскрывает его качественную сторону. В период 80–90-х гг. XIX в. наблюдается рост стоимости целевого капитала, присутствовала положительная динамика прироста, денежные средства активно расходовались на финансовые вложения для того, чтобы не только обеспечить выдачу целевых пособий, но и аккумулировать доходы для устройства приюта.

Вместе с тем с 1911 г. наблюдается изменение политики управления капиталом: новые финансовые вложения не формируются, выдача пособий и стипендий активизируется, но это достигается исключительно посредством дохода от ценных бумаг, приобретенных до 1911 г.

Анализ соотношения полученных доходов к вложенным средствам целевого капитала (рис. 6) дает представление о результативности деятельности по управлению эндаументом. Наибольшую информативность данный показатель приобретает при его сопоставлении с управленческими (административными) расходами и уровнем инфляции⁴².

Рис. 6. Отношение полученного дохода к вложенным средствам фонда целевого капитала

За период с 1886 по 1891 г. показатели отношения полученного дохода к вложенным средствам варьировали в диапазоне от 0,04 до 0,03, с 1911 по 1916 г. – от 0,013 до 0,03.

⁴² Горбачев А.А. Развитие системы показателей... С. 169.

При этом коэффициент административных расходов (рис. 7) и уровень инфляции не превышали в 1886–1891 гг. указанный показатель, что обеспечивало достижение благотворительных целей и позволяло формировать финансовые вложения для повышения результативности этой деятельности. Отметим, что вознаграждение членов Совета присяжных поверенных предусмотрено не было. В состав административных расходов включались только затраты на пересылку пособий, покупку денежных, кассовых книг, а также на хранение и управление процентными ценными бумагами.

Рис. 7. Коэффициент административных расходов целевого (неприкосновенного) капитала (в %)

С 1911 г. коэффициент административных расходов и уровень инфляции существенно превышали показатели отношения полученного дохода к вложенным средствам, что, по сути, вынуждало управляющих капиталом отложить устройство приюта и сосредоточить свое внимание на решении текущих вопросов, связанных с материальной поддержкой нуждающихся.

Показатели динамики доходов за изучаемый период свидетельствуют о снижении темпов их роста (рис. 8). Полагаем, что данный процесс отражает общие тенденции развития экономики Российской империи в указанные годы.

Рис. 8. Показатели динамики доходов и расходов целевого (неприкосновенного) капитала

Вместе с тем расчет коэффициента неиспользованного дохода (рис. 9) показывает, что наиболее эффективно доход от целевого капитала использовался в 1890/91 и 1905/06 гг. В указанные годы показатель не превышал 6,75 %. И, напротив, наибольшего значения он достиг в 1915/16 гг. – 90,27 %. Отметим, что коэффициент неиспользованного дохода, по данным современных исследований, не должен превышать 50 %⁴³.

Рис. 9. Коэффициент неиспользованного дохода целевого (неприкосновенного) капитала (в %)

При изучении баланса доходов и расходов обращает на себя внимание то обстоятельство, что в 1890/91 гг. более 90 % полученного дохода были распределены на финансовые вложения, что заложило фундамент для увеличения к 1905 г. размера целевого капитала до 101 027 руб. 96 коп. И наоборот, в 80-е гг. инвестиционная активность управляющих капиталом при высоком коэффициенте неиспользованного дохода может быть оценена как недостаточная. Всего с 1886 по 1889 г. расходы на финансовые вложения составили 13 146 руб. 18 коп. Сопоставление полученных данных со структурой целевого (неприкосновенного) капитала характеризует стратегию управляющих как направленную на обеспечение небольшого, но стабильного дохода, позволяющего выполнять поставленные задачи.

Структура расходов представлена тремя видами: целевые, административные и финансовые вложения. За рассмотренный период удельный вес финансовых вложений в структуре расходов составлял 80,60 %, целевых расходов – 18,90 %, административных – 0,50 %.

Целевые расходы были представлены следующими видами затрат: на выплату пособий нуждающимся, на содержание воспитанниц и стипендиатов Санкт-Петербургского исправительно-воспитательного приюта. По данным отчетности с 1884 по 1896 г. пособие выдавалось 149 лицам⁴⁴. С 1884 по 1890 г. пособие получили 56 человек, с 1890 по 1896 г. – 93 человека⁴⁵. В денежном выражении это составило сумму 3 968 руб. 50 коп. за период с 1884 по 1890 г., 7 477 руб. 60 коп. – с 1890 по 1896 г.⁴⁶

Как указывают источники, в среднем в год пособие получали 12–13 человек, при этом его средний размер составлял около 80 руб.⁴⁷ Возникает вопрос – что можно было приобрести на указанную сумму в 90-е гг. XIX в.? Расчет в ценах 1890–1895 гг.⁴⁸ показал, что на

⁴³ Миркин Я.М., Бахтараева К.Б., Левченко А.В. Эндаумент-фонды... С. 137.

⁴⁴ Розин Н.Н. О вознаграждении лиц... С. 116.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Свод товарных цен на главных рынках России за 1890–1895 гг. СПб., 1896. С. 3–4.

80 руб. условно можно было купить: 8,71 кг пшеничной муки, или 15,66 кг ржаной муки, или 11,61 кг гречки, или 1,35 кг сливочного масла, или 2,81 кг сахара (песка), или 13,14 л керосина либо чуть больше 150 г чая. Достаточно скромный размер пособия, однако, не умаляет его значимость для лица, находящегося без средств к существованию и рассчитывающего исключительно на помощь благотворителей.

За 1905/06 гг. всего было выдано пособий на сумму 2268 руб., за период с 1911 по 1916 г. – 3895 руб.

Вместе с тем наиболее информативным показателем, позволяющим оценить величину расходов на выплату пособий, выступает коэффициент распределения доходов (табл. 3). Так, за период с 1886 по 1891 г. наибольшее значение указанный коэффициент (14,98) имел в 1889/90 гг., наименьшее (1,42) – в 1890/91 гг. За период с 1911 по 1916 г. наибольшее значение (31,05) данного показателя было зафиксировано в 1912/13 гг., наименьшее (5,40) – в 1915/16 гг. Абсолютный максимум (49,88) пришелся на 1905/06 гг.

Таблица 3

Коэффициенты распределения дохода целевого (неприкосновенного) капитала (%)

Показатель (руб. коп.)	1886/87	1887/88	1888/89	1889/90	1890/91	1905/06	1911/12	1912/13	1913/14	1914/15	1915/16
Доход, всего	6 649,26	3 414,46	9 507,54	7 710,84	63 812,54	4 547,21	4 412,87	6 424,21	4 164,94	4 458,68	4 722,25
Пособия	730	330	260	1 155,46	905	2268	805	1995	325	515	255
Коэффициент распределения (%)	10,98	9,66	2,73	14,98	1,42	49,88	18,24	31,05	7,80	11,55	5,40
На содержание воспитанниц Санкт-Петербургского исправительно- воспитательного приюта	–	–	–	–	–	1 150	1 150	2 300	1 150	–	–
Коэффициент распределения (%)	–	–	–	–	–	25,29	26,06	35,80	27,61	–	–
На содержание стипендиатов Санкт-Петербургского исправительно- воспитательного приюта	–	–	–	–	–	–	1 000	1 000	–	–	–
Коэффициент распределения (%)	–	–	–	–	–	–	22,66	15,57	–	–	–

Еще одним направлением благотворительной деятельности выступало оказание помощи по просьбе Попечительского совета Санкт-Петербургского исправительно-воспитательного приюта при Санкт-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете (впоследствии ему было присвоено имя императора Александра III). В приюте содержались малолетние преступницы, приговоренные к лишению свободы⁴⁹. Таким образом, помощь воспитанницам и стипендиатам указанного заведения отвечала целям благотворительной деятельности Совета присяжных поверенных и могла быть отнесена к оказанию

⁴⁹ Белова Н.А. Воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних женского пола в России во второй половине XIX – начале XX века // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 1 (224). С. 23–24.

помощи лицам, совершившим преступление в случае стечения тяжелых жизненных обстоятельств, к которым могло быть отнесено малолетство осужденных.

Содержание воспитанниц и стипендиатов Санкт-Петербургского исправительно-воспитательного приюта в структуре расходов изучаемого периода зафиксировано в 1905/06 гг., а также с 1911 по 1914 г. Всего за указанный период на их поддержку было выделено 7 750 руб. Расчет коэффициента распределения дохода по указанным видам затрат показывает, что наибольшее значение данный показатель достигал в 1912/13 гг. (35,80) и в составе целевых расходов с 1911 по 1914 г. имел наибольший удельный вес.

Заключение. «Вечный вклад» сенатора Н.А. Буцковского был создан с целью решения острых социальных проблем – материальной поддержки лиц, подвергшихся уголовному преследованию в результате следственной и судебной ошибки, а также ресоциализации осужденных, совершивших преступление в результате стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Основным источником для реализации указанных целей выступали доходы с капитала сенатора Н.А. Буцковского. Исследование показало, что структуру указанного капитала составляли надежные государственные ценные бумаги со стабильным, однако относительно невысоким доходом.

Применение современных показателей для оценки эффективности управления и использования средств фондов целевых капиталов с учетом экономических и правовых реалий XIX в. позволило взглянуть на благотворительную деятельность дореволюционного времени глазами современности и дать некоторую оценку эффективности использования финансовых инструментов, выбранных в качестве основных для получения дохода, а также проследить результативность распределения доходов для решения поставленных задач. Благодаря осторожным и умелым действиям членов Совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской (позднее – Петроградской) судебной палате удалось не только сохранить вверенный капитал, но и получать стабильный доход, позволивший вплоть до революции оказывать посильную помощь нуждающимся. Вместе с тем учреждение приюта как одной из целей создания «вечного вклада», к сожалению, так и не было достигнуто.

Несмотря на локальный характер благотворительной инициативы Н.А. Буцковского, она имела большое значение не только для развития отечественной благотворительности, но и для осознания обществом и государством необходимости разработки правовых средств реабилитации лиц, подвергшихся уголовному преследованию в результате следственной и судебной ошибки.

Литература

Белова Н.А. Воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних женского пола в России во второй половине XIX – начале XX века // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 1 (224). С. 18–30.

Бурова А.В., Вымятина Ю.В. Оценка финансовых показателей благотворительных фондов в России: адаптация мировых практик // Финансы и бизнес. 2017. № 4. С. 81–103.

Буцковский Н.А. Об основных началах уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г.: в 74 т. СПб., 1861–1862. Т. 17, раздел 15. 619 с.

Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб.: Тип. Скарятин, 1874. 616 с.

Горбачев А.А. Развитие системы показателей оценки эффективности деятельности фонда целевого капитала при государственном учреждении высшего образования // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 1 (145). С. 165–171.

Городыский Я.К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. (продолжение) // Журнал министерства юстиции. 1901. № 3. С. 1–59.

Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. 89 с.

Джанишев Г.А. Эпоха великих реформ: исторические справки. СПб., 1907. 855 с.

Духовский М.В. Российский уголовный процесс: издание для студентов. М.: Склад изд. в книжном магазине М.В. Ключкина (Тип. А.П. Поплавского), 1910. 448 с.

Кони А.Ф. Возобновление уголовных дел (практическая заметка) // Юридическая летопись. 1890. № 7. С. 3–18.

Курас Т.Л. Создание и общая характеристика Санкт-Петербургской судебной палаты (1866–1917 гг.) // Власть. 2014. № 12. С. 169–173.

Миркин Я.М., Бахтараева К.Б., Левченко А.В. Эндаумент-фонды (фонды целевого капитала) государственных и муниципальных образовательных учреждений: организация деятельности, состояние и перспективы развития: практическое руководство. М.: Финансовый университет, 2010. 143 с.

Попов В.А. Развитие сферы образовательных услуг в Российской Федерации на основе формирования эндаумент-фондов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2016. 24 с.

Розин Н.Н. О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду // Журнал Министерства Юстиции. 1897. № 9. С. 81–117.

Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 670 с.

Соколов А.А. Недостатки в производстве предварительного следствия // Юридический вестник. 1876. Кн. 1/2. С. 22–66.

Старицкий Е. О недостатках действующего ныне уголовного судопроизводства и о применении предполагаемых преобразований к Кавказскому краю // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. в 74 томах. Т. 17. Разд. 9. СПб., 1861–1862. 619 с.

Тарновский Е.Н. Оправдательные приговоры в России // Юридический вестник. 1891. Т. 7, кн. 3. С. 425–441.

Томашинский Г.С. Нужна ли у нас защита на предварительном следствии? // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Год 11, кн. 1. С. 110–121.

Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции Н.Н. Полянского. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911. 201 с.

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.

Харизоментов Н. О недостатках следственной части по судебным уставам 20 ноября 1864 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Год 11, кн. 2. С. 87–126.

Хрулев С. О вознаграждении лиц, понесших наказание по судебной ошибке // Юридический вестник. 1888. № 8, кн. 4. С. 503–519.

Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России, 60–80 годы XIX века. М., 1987. 142 с.

References

Belova, N.A. (2021). Vospitatel'no-ispravitel'nye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh zhenskogo pola v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Educational and Correctional Institutions for Female Juveniles in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. No. 1 (224), pp. 18–30.

Burova, A.V., Vymyatnina, Yu.V. (2017). Otsenka finansovykh pokazateley blagotvoritel'nykh fondov v Rossii: adaptatsiya mirovykh praktik [Assessing Financial Performance of Charitable Foundations in Russia: Adapting Global Practices]. In *Finansy i biznes*. No. 4, pp. 81–103.

Butskovskiy, N.A. (1861–1862). Ob osnovnykh nachalakh ugolovnogo sudoproizvodstva [About the Basic Principles of Criminal Proceedings]. In *Materialy po sudebnoy reforme v Rossii 1864 g.: v 74 tomakh*. St. Petersburg. Vol. 17, section 15. 619 p.

Butskovskiy, N.A. (1874). *Ocherki sudebnykh poryadkov po ustavam 20 noyabrya 1864 goda* [Sketches of Judicial Procedures under the Statutes of 20 November 1864]. St. Petersburg, Tip. Skaryatina. 616 p.

Cherkasova, N.V. (1987). *Formirovanie i razvitie advokatury v Rossii, 60–80 gody XIX veka* [Formation and Development of the Legal Profession in Russia, 60–80 Years of the 19th Century]. Moscow. 142 p.

Danevskiy, V.P. (1895). *Nashe predvaritel'noe sledstvie, ego nedostatki i reforma* [Our Preliminary Investigation, Its Shortcomings and Reform]. Moscow, T-vo skoropech. A.A. Levenson. 89 p.

Dukhovskiy, M.V. (1910). *Rossiyskiy ugovolnnyy protsess: izdanie dlya studentov* [Russian Criminal Procedure: Student Edition]. Moscow, Sklad izd. v knizhnom magazine M.V. Klyukina (Tip. A.P. Poplavskago). 448 p.

Dzhanshiev, G.A. (1907). *Epokha velikikh reform: istoricheskie spravki* [The Era of Great Reforms: Historical References]. St. Petersburg. 855 p.

Foinitskiy, I.Ya. (1996). *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice Course]. St. Petersburg, Al'fa. Vol. 2. 607 p.

Gorbachev, A.A. (2024). Razvitie sistemy pokazateley otsenki effektivnosti deyatel'nosti fonda tselevogo kapitala pri gosudarstvennom uchrezhdenii vysshego obrazovaniya [Development of a System of Indicators for Assessing the Performance of Endowment Funds at Public Higher Education Institutions]. In *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 1 (145), pp. 165–171.

Gorodyskiy, Ya.K. (1901). Nashi sudy i sudebnye poryadki po dannym revizii 1895 g. (prodolzhenie) [Our Courts and Judicial Orders According to the Audit of 1895 (Continued)]. In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No. 3, pp. 1–59.

Kharizomentov, N. (1881). O nedostatkakh sledstvennoy chasti po sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 goda [On the Shortcomings of the Investigative Part under the Judicial Statutes of 20 November 1864]. In *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*. Year 11, book 2, pp. 87–126.

Khrulev, S. (1888). O voznagrazhdenii lits, ponesshikh nakazanie po sudebnoy oshibke [On the Remuneration of Persons Punished for a Miscarriage of Justice]. In *Yuridicheskiy vestnik*. No. 8, book 4, pp. 503–519.

Koni, A.F. (1890). Vozobnovlenie ugovolnykh del (prakticheskaya zametka) [Reopening of Criminal Cases (A Practice Note)]. In *Yuridicheskaya letopis'*. No. 7, pp. 3–18.

Kuras, T.L. (2014). Sozdanie i obshchaya kharakteristika Sankt-Peterburgskoy sudebnoy palaty (1866–1917 gg.) [Creation and General Characteristics of the St. Petersburg Judicial Chamber (1866–1917)]. In *Vlast'*. No. 12, pp. 169–173.

Mirkin, Ya.M., Bakhtaraeva, K.B., Levchenko, A.V. (2010). *Endaument-fondy (fondy tselevogo kapitala) gosudarstvennykh i munitsipal'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy: organizatsiya deyatel'nosti, sostoyanie i perspektivy razvitiya: prakticheskoe rukovodstvo* [Endowment Funds (Target Capital) of State and Municipal Educational Institutions: Organisation of Activities, Status and Prospects of Development: a Practical Manual]. Moscow, Finansovyy universitet. 143 p.

Polyanskiy, N.N. (1911). *Ugovolnnyy protsess. Ugolovnyy sud, ego ustroystvo i deyatel'nost': lektsii* [Criminal Procedure. Criminal Court, Its Structure and Activity: Lectures by N.N. Polyanskiy]. Moscow, T-vo I. D. Sytina. 201 p.

Popov, V.A. (2016). *Razvitie sfery obrazovatel'nykh uslug v Rossiyskoy Federatsii na osnove formirovaniya endaument-fondov* [Development of the Sphere of Educational Services in the Russian Federation Based on the Formation of Endowment Funds], Cand. econ. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 24 p.

Rozin, N.N. (1897). O voznagrazhdenii lits, nevinno privlechennykh k ugovolnomu sudu [On the Remuneration of Persons Innocently Brought before a Criminal Court]. In *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. No. 9, pp. 81–117.

Sluchevskiy, V.K. (1913). *Uchebnik russkogo ugovolnogo protsessa. Sudoustroystvo-sudoproizvodstvo* [Textbook of Russian Criminal Procedure. Judicial System – Judicial Procedure]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha. 670 p.

Sokolov, A.A. (1876). Nedostatki v proizvodstve predvaritel'nogo sledstviya [Shortcomings in the Preliminary Investigation Proceedings]. In *Yuridicheskiy vestnik*. Book 1/2, pp. 22–66.

Staritskiy, E. (1861–1862). O nedostatkakh deystvuyushchego nyne ugolovnogho sudoproizvodstva i o primeneniі predpolagaemykh preobrazovaniy k Kavkazskomu krayu [On the Shortcomings of the Current Criminal Procedure and the Application of the Proposed Changes to the Caucasus Region]. In *Materialy po sudebnoy reforme v Rossii 1864 g.: v 74 tomakh*. St. Petersburg. Vol. 17, section 9. 619 p.

Tarnovskiy, E.N. (1891). Opravdatel'nye prigovory v Rossii [Sentences of Acquittal in Russia]. In *Yuridicheskiy vestnik*. Vol. 7, book 3, pp. 425–441.

Tomashinskiy, G.S. (1881). Nuzhna li u nas zashchita na predvaritel'nom sledstvii? [Do We Need a Defence at the Preliminary Investigation?]. In *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogho prava*. Year 11, Book 1, pp. 110–121.

А.А. Гусельникова*

ЦЕЛЕВОЙ КАПИТАЛ ДОМА ПРИЗРЕНИЯ НЕИМУЩИХ, ПРЕСТАРЕЛЫХ И УВЕЧНЫХ ГРАЖДАН КАЗАНСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО БАНКА

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-11
УДК 94:336.645.3(470.41)"18/19"

Выходные данные для цитирования:

Гусельникова А.А. Целевой капитал Дома призрения неимущих, престарелых и увечных граждан Казанского городского общественного банка // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 165–174. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-11.pdf>

A.A. Gusel'nikova*

TARGET CAPITAL OF THE HOUSE FOR THE POOR, ELDERLY, AND DISABLED CITIZENS OF THE KAZAN CITY PUBLIC BANK

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-11

How to cite:

Gusel'nikova A.A. Target Capital of the House for the Poor, Elderly, and Disabled Citizens of the Kazan City Public Bank // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 165–174. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-11.pdf>]

Abstract. The article considers one of the interesting examples from the viewpoint of work with capital for charitable initiative in the Kazan governorate of the first half of the 19th century. It is the House for the poor, elderly and disabled citizens of Kazan (Lozhkin Almshouse) which was opened in 1836 and maintained at the expense of a specially established financial structure – the Kazan City Public Bank. Based on the annual bank reports, the mechanism of such a financial instrument is described as “eternal deposit” (untouchable capital). The idea was that the almshouse’s capital, which had been donated by the benefactors, was placed in a savings account as an “eternal deposit” in the bank, and the interest earned from this deposit was used to support the needy and increase the number of beds for the almshouse’s residents each year. Based on the published reports on the bank’s and the almshouse’s activities, this article provides an analysis of the financial efficiency of the “eternal deposit” and the collaboration between these institutions. It also highlights the social impact of the Kazan City Public Bank’s charitable activities.

Keywords: charity, trust fund, Kazan Province, Kazan City Public Bank, Lozhkin Almshouse.

The article has been received by the editor on 05.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается один из интересных с точки зрения работы с капиталом примеров благотворительной инициативы в Казанской губернии первой половины XIX в. – открытый в 1836 г. Дом призрения неимущих, престарелых и увечных граждан г. Казани (Ложкинская богадельня), содержавшийся за счет специально основанной для этого финансовой структуры – Казанского городского общественного банка. На основании ежегодных банковских отчетов охарактеризован механизм такого финансового инструмента, как «вечный вклад» (неприкосновенный капитал). Он заключался

* Анна Аркадьевна Гусельникова, студент, Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия, e-mail: guselnikova3333@gmail.com

Anna Arkadevna Gusel'nikova, Student, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, e-mail: guselnikova3333@gmail.com

Научный руководитель: Константин Александрович Руденко, доктор исторических наук, профессор, Казанский Государственный институт культуры, Казань, Россия.

Research Supervisor: Konstantin Alexandrovich Rudenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia.

в том, что сформированный жертвователями капитал богадельни был помещен на сберегательный счет как «вечный вклад» в банк, а поступающие от его использования проценты позволяли содержать нуждающихся и ежегодно увеличивать число койко-мест для призреваемых. На основе опубликованных отчетов о деятельности банка и богадельни представлен анализ финансовой эффективности «вечного вклада» и совместной работы этих учреждений. Выявлен социальный эффект, который оказывала благотворительная деятельность Казанского городского общественного банка.

Ключевые слова: благотворительность, целевой капитал, Казанская губерния, Казанский городской общественный банк, Ложкинская богадельня.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025 г.

Расцвет благотворительной деятельности в Казанской губернии пришелся на середину XIX в. – на то время, когда Казань уже играла роль крупного центра транзитной торговли. Активно развивались мануфактурное и заводское производства, ярмарочная торговля, но основное положение в экономике региона по-прежнему занимало сельское хозяйство. Именно тогда в городе возникла сеть социальных учреждений: детских приютов, богаделен, общедоступных школ, училищ, больниц, бесплатных столовых, чайных, ночлежных, домов трудолюбия. Накопив крупные капиталы, купцы и промышленники имели возможность тратить их не только на расширение производства и развитие предпринимательской деятельности, но и на различные общественные нужды и заниматься благотворительностью.

Дореволюционная благотворительная деятельность в Казанской губернии достаточно хорошо изучена – различные ее аспекты рассмотрены в работах П.И. Смирнова, А.М. Димитриевой, Л.Ф. Байбулатовой, С.А. Ежовой, З.С. Миннуллина, Г.Э. Рафиковой, Е.В. Мироновой¹ и многих других авторов. Исследователи пришли к выводу, что общественное призрение в Казанской губернии, как и во многих других регионах России, получило развитие благодаря трем основным факторам: самостоятельности местных благотворительных организаций, привлечению к самоуправлению местного населения и росту благосостояния населения.

Появившиеся в XIX в. в Казани общественные благотворительные учреждения можно условно объединить в группы по характеру деятельности: призрение бедных, призрение детей, помощь учащимся, ликвидация нищенства и бродяжничества, забота о «народном здравии». Источником финансирования богаделен часто служили государственные деньги, в том числе выделенные Ведомством императрицы Марии, которых явно было недостаточно. Поэтому ни одна из организаций не могла обходиться без частных пожертвований. Дополнительными источниками приращения средств также служили членские взносы, доходы с устраиваемых обществами различных мероприятий, сборы по подписным листам и кружечные сборы. Капитал социального учреждения, как правило, делился на неприкосновенный и расходный, последний обращался в государственные или гарантированные

¹ Смирнов П.И. Исторический очерк Казанской Мариинской женской гимназии за 25 лет ее существования (1859–1884). Казань, 1884; У милосердия древние корни (благотворительность и милосердие в Казани XVIII – начала XX в.): сб. док-тов и мат-лов. Казань, 2002. Кн. 1; Байбулатова Л.Ф. «Богатство обязывает...» // История Казани в документах и материалах. XIX в. Казань, 2011. Кн. 2. С. 481–488; Ежова С.А. «Наследники коммерции советника И.В. Александрова»: общественная и благотворительная деятельность в Казани // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. 2017. № 1–2 (86–87). С. 143–159; Миннуллин З.С. Источники по истории татарских благотворительных организаций второй половины XIX – начала XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. 2019. № 3 (96). С. 168–182; Рафикова Г.Э. Приют Казанского Общества попечения о бедных и больных детях: история создания и деятельность // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. 2020. № 2. С. 71–78; Миронова Е.В. Благотворительность дворян Казанской губернии в середине XIX – начале XX в. // ИКНСП. 2022. № 1. С. 55–63.

государством процентные бумаги, хранившиеся в кредитно-банковских учреждениях в качестве «вечных вкладов». Для управления делами в обществах избиралось правление, попечительство и общее собрание, деятельность которых регламентировалась уставом².

Несмотря на активную деятельность Казанского государственного приказа общественного призрения (создан в 1775 г.), число нуждающихся в призрении увеличивалось с каждым годом. Город нуждался в дополнительных организациях, которые смогли бы взять на себя работу по улучшению состояния бедной и социально незащищенной части населения. Для того чтобы представители дворянства и купечества проявляли больше активности и заинтересованности, властями города было обещано более внимательное отношение (т.е. подразумевающее получение общественного признания и льгот) к тем, кто будет содействовать учреждению благотворительных учреждений.

Самым крупным начинанием городского самоуправления стала организация Дома призрения неимущих, престарелых и увечных граждан, впоследствии получившего неофициальное название Ложкинской богадельни (по фамилии первого попечителя). Уникальность этого предприятия для Казанской губернии заключалась не только в организации сложной системы долговременного обеспечения финансовых нужд богадельни, но и в одновременном открытии банка-попечителя. Финансовая устойчивость богадельни обеспечивалась не просто путем учреждения целевого капитала в государственном банке, но создания специальной финансовой организации – Городского общественного банка, который обслуживал и ежегодно пополнял целевой капитал богадельни из собственных доходов. Подобный пример существовал и в других городах – например, в Иркутске также в 1830-х гг. открылся Сиропитательный дом Е.М. Медведниковой «и при нем банк»³.

Основные задачи данного исследования – изучение истории формирования целевого капитала Дома призрения в Казани, механизма его функционирования, а также анализ эффективности деятельности Казанского городского общественного банка как попечителя богадельни. Этот вопрос рассматривался в историографии лишь вскользь⁴. Уточнить связанные с этим подробности позволяет обращение к опубликованным отчетам Казанского городского общественного банка и Дома призрения неимущих, престарелых и увечных граждан города Казани.

Инициатива граждан по созданию богадельни была высказана в 1834 г. в связи с предстоящим через два года важным городским событием – приездом императора. Чтобы ознаменовать благотворительным делом ожидаемое посещение Казани Николаем I, именитыми гражданами было предложено устроить богадельный дом для призрения неимущих. Для этого с 1834 г. была открыта подписка и первоначально собран капитал в 13 626 руб. 25 коп. ассигнациями. Подписка продолжилась также после визита самодержца, и к 1838 г. было собрано уже 79 179 руб. 89 коп. ассигнациями⁵. Из числа жертвователей наибольшие суммы внесли купцы Н.О. Чижев (48 035 руб.), Верин (7 тыс. руб.) и Л.Ф. Крупенников (5 тыс. руб.), П.И. Котелов (2 340 руб.) и городской голова Г.С. Мельников (1 тыс. руб.)⁶. Из собранной суммы в 1837 г. было употреблено 4 200 руб. на приобретение обгорелого каменного дома купца Евреинова, находящегося на Воскресенской улице против семинарии. Приобретенный дом был отстроен для нужд богадельни, но в крупном, погубившем полгорода пожаре 1842 г. снова сгорел. Оставшаяся сумма была помещена на счет в Приказе общественного призрения для приращения процентов, которые, по мысли организаторов, и

² Байбулатова Л.Ф. «Богатство обязывает...» ... С. 481–488.

³ Гаврилова Н.И. Иркутский Сиропитательный дом и банк Елизаветы Медведниковой [Электронный ресурс] // «Въчный вклад». С. 119. URL: <https://ruea.ru/images/articles/128/Ny4g0JjRgNC60YPRgtGB0Log0JTQvtC8INCC0LXQtNCy0LXQtNC90LjQutC%2B0LLQvtC5IDExNi0xMzA%3D.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴ Гибадуллин М.З. Казанский городской общественный банк: создание, деятельность и участие в финансировании межрегиональной торговли // Russian Journal of Economics and Law. 2010. № 1 (13). С.73–82; Байбулатова Л.Ф. «Богатство обязывает...» ... С. 483.

⁵ Отчет о деятельности Казанского городского общественного банка за пятьдесят лет с 1848 по 1898 годы. Казань, 1897. С.1.

⁶ Там же С. 54–55.

должны были послужить источником финансирования приюта для стариков и бездомных⁷. Из документов городского архива видно, что сгоревший дом продан повторно, а вырученная сумма снова положена в Приказ, но сведений о том, начинал ли в этом доме свое функционирование Дом призрения, нет.

Не оставляя мысли об открытии в Казани богадельни, городское общество нашло новый способ ее финансирования.

На собранные ранее по подписке средства было предложено открыть финансовое учреждение – Городской общественный банк – с тем условием, чтобы из чистой прибыли банка 1/3 причислялась к основному капиталу, а 2/3 употреблялись на содержание богадельни. К такому решению инициаторов подтолкнуло то обстоятельство, что собранный благотворительный бюджет стремительно уменьшался и открыть приют было невозможно. Общественный банк предлагалось открыть на тех же юридических основаниях, что и уже существующий в г. Порхове Псковской губернии с 1843 г. частный банк купца В.Г. Жукова, который содержал на прибыль городскую богадельню⁸. Для реализации такого проекта в Казани необходимо было получить согласие всех жертвователей, так как средства не являлись собственностью управы, а также ознакомить их с механизмом работы финансовой организации и богадельни при ней.

Одобрение от жертвователей было получено городским головой, поэтому «приговором городского общества» от 2 апреля 1844 г. постановили: цель учреждения городского банка должна заключаться в том, чтобы на прибыли и благотворительные пожертвования содержать Дом призрения неимущих граждан; сам банк учреждался для учета векселей, залога городской обывательской недвижимой собственности (домов и земли), также получения ссуд разными лицами под драгоценные металлы и под «товары собственного торгующего сословия». 30 апреля 1847 г. последовало высочайшее повеление об утверждении «Положения» Казанского городского общественного банка, а начал свою деятельность банк уже 2 января 1848 г. Его капитал составил сумму 25 167 руб. ассигнациями.

«Положение о Доме призрения неимущих, престарелых и увечных граждан в г. Казани» было подписано императором в тот же день, что и повеление об утверждении банка – 30 апреля 1847 г. Таким образом, уже к моменту открытия богадельня имела независимый источник финансирования.

В первом пункте первого раздела «Положения» сообщалось, что благотворительное заведение создавалось в память о визите императора в 1836 г., а в третьем пункте управление Домом призрения вверялось Казанской городской думе, а на членов Казанского городского общественного банка возлагалась обязанность «посещать заведение для наблюдения за порядком по хозяйственной части и проверки издержек в продовольствии призреваемых». Все замечания проверяющих, относящиеся к содержанию воспитанников, должны были сообщаться в городскую думу. Второй раздел «Положения» регламентировал источники средств на содержание Дома призрения. Финансирование заведения предполагалось производить из доходов Общественного банка, прибыли, получаемой от оборотов банковского капитала, и от других операций, а также за счет пожертвований, поступающих от благотворителей в пользу заведения. Одиннадцатый пункт регламентировал порядок выдачи средств на содержание, которые отпускались на месяц вперед под расписку эконома, и строжайшее внесение всех денежных транзакций в специальную шнуровую книгу, которую ежемесячно представляли в думу для ревизии произведенных расходов. Двенадцатым пунктом «Положения» земля и здание богадельни освобождались от всех повинностей. Третий раздел всесторонне описывал устройство быта призреваемых и порядок их принятия в богадельню. Раздел снабжен перечислением всех предметов мебели и гардероба для лиц обоего пола. Наконец, четвертый раздел посвящен добровольным пожертвованиям и процедуре их приема и использования. Все движимое и недвижимое имущество, переходившее от жертвователей, должно было быть обращено в деньги, кроме того, что было необходимо для заведения.

⁷ Гибадуллин М.З. Казанский городской общественный банк... С. 73–82.

⁸ Байбулатова Л.Ф. «Богатство обязывает...»... С. 483.

Вырученные от продажи суммы дума обязалась вносить в банк для присоединения их к капиталу богадельни. Помимо этого, благотворителям допускалось помещать в Дом призрения пансионеров на собственные средства с содержанием по 50 руб. серебром за каждый год вперед⁹.

Первым попечителем Дома призрения, по фамилии которого в народе стали называть городскую богадельню, был избран жертвователь большого каменного дома – известный казанский купец Василий Михайлович Ложкин. 22 августа 1847 г. купец 3-й гильдии обратился к казанскому военному губернатору И.А. Боратынскому с прошением о пожертвовании своего каменного трехэтажного дома, находившегося в первой части на Черноозерской улице. В прошении говорилось: «Всю эту собственность мою с душевным удовольствием изъясняю готовность пожертвовать под вновь учреждаемое благотворительное заведение – общественную богадельню, с таким при том условием, помещение имеющим призреваться в богадельни, иметь обществу в главном корпусе моего дома с флигелем к нему примыкающим, где удобно может разместиться 50 и более кроватей для призреваемых. Согласно моему желанию, Общественной Богадельни для престарелых и убогих граждан с именованьем сие богадельнею Ложкина»¹⁰. За проявление такого великодушия В.М. Ложкин был награжден золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на аннинской ленте¹¹. Однако перед назначением награды, согласно распространенной в то время практике, была запрошена информация, на какую сумму сделано пожертвование, получал ли Ложкин ранее награды и не состоял ли под судом и следствием. Несмотря на то, что ничего предосудительного не нашлось, в именовании богадельни Домом призрения Ложкина было отказано, так как на это не было согласия общества жертвователей-учредителей, но в народе название прижилось.

Через несколько лет рядом с домом на Черноозерской улице приобрели дом за 18 тыс. руб., а в 1883 г. по завещанию купца Ф.Е. Постникова Дому призрения отошел вновь выстроенный здесь же дом. Таким образом, комплекс зданий Ложкинской богадельни занял значительную площадь по левой стороне улицы Воздвиженской (сейчас ул. Карла Маркса). В.М. Ложкин, кроме переданного дома, на свои сбережения выстроил при богадельне церковь во имя преп. Сергия Радонежского (обошлась в 10 тыс. руб.), которую снабдил всей необходимой утварью¹¹. Храм освятили 7 октября 1850 г.

В.М. Ложкин был не единственным крупным жертвователем имущества в пользу богадельни. В 1861 г. купчиха П.П. Парунова, исполняя желание умершего мужа купца Василия Парунова, предоставила в собственность богадельни каменный дом, находившийся на Проломной улице (сейчас ул. Баумана). В 1871 г. дом был продан, а вырученные 7 тыс. руб. поступили на банковский счет Дома призрения¹².

Крупное пожертвование в пользу богадельни поступило в 1880 г. Почетный потомственный гражданин Ф.Е. Постников купил на свои средства находившийся рядом с Домом призрения каменный особняк Ф.И. Петонди, выстроил во дворе новый каменный дом, и все эти сооружения внучка Постникова Ю.П. Годяева передала в пользу городской богадельни; стоимость этих сооружений была оценена в 30 тыс. руб.¹³

В 1883 г. коллежский советник И.Ф. Андреевский по духовному завещанию передал в ведение городского общественного управления два дома, построенные на одном дворовом участке. Жертвователь предоставлял продать эти дома с тем, чтобы деньги были положены в Общественный банк и из получаемых процентов 25 руб. завещано ежегодно выдавать священнослужителям церкви при богадельне на поминание души жертвователя, а остальные деньги употреблять на содержание стипендиатов его имени в богадельне. Заве-

⁹ Положение о Доме призрения неимущих, престарелых и увечных граждан в г. Казани. Казань, 1847. С. 5–7.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 580. Л. 1–2 об.; Положение о Доме призрения неимущих, престарелых и увечных... С. 5–7.

¹¹ Там же. С. 5–7.

¹² Там же. С. 25–27.

¹³ Там же.

щанные дома были проданы в 1891 г. за 6 тыс. руб., а средства причислены к капиталу Дома призрения в Казанском городском общественном банке.

Помимо этого, в первое время многие благотворители жертвовали в Дом призрения продукты питания (муку, крупы, мясо и пр.), некоторые попечители вели списки с определением суммы стоимости пожертвованного, общая сумма выходила 170–300 руб. в год. За время функционирования богадельни некоторые пожертвования делались и в весьма оригинальной форме: купцы отправляли в богадельню своих должников, обязанных заслужить задолженную сумму даровым трудом в течение определенного срока¹⁴.

Призреваемые. В год открытия в Доме призрения было 43 человека. В 1850 г. попечитель Дома призрения В.М. Ложкин ходатайствовал об увеличении числа мест в богадельне на 20 кроватей, так как находил возможным поместить в пожертвованном им здании до 120 человек. Однако Общественный банк разрешил увеличить штат призреваемых только на 10 коек и с 1852 г. прибавить еще 10 мест. К 1855 г. в богадельне насчитывалось 76 мест. Этого было, безусловно, недостаточно для того, чтобы помочь всем нуждавшимся: в очереди на размещение в Доме призрения находилось около 100 человек. С разрешения губернатора и по приговору общества в 1862 г. число призреваемых было доведено до 100 человек. Уже через четыре года, к 1866 г., оно было удвоено. С каждым годом штат призреваемых расширялся и к 1885 г. составил 400 человек. Увеличение числа призреваемых в 1883 и 1884 гг. было связано с открытием дополнительного отделения на средства Ф.Е. Постникова и Ю.П. Годяевой, пожертвовавших в общей сложности 64 тыс. руб. Несмотря на то, что богадельня была рассчитана на взрослых призреваемых, с 1885 г. здесь также содержались 20 слепых детей-сирот, для которых были отведены отдельные помещения и организовано обучение. Всего же в течение 50 лет с (1848 по 1898 г.) через Дом призрения прошло 835 человек мужского пола и 1 398 – женского, всего 2 233 человека¹⁵. Средняя стоимость содержания каждого призреваемого оценивается в 53 руб. в год.

В 1876 г. капиталы богадельни и управление ими были переданы в распоряжение городской управы вместе с остатком кассы. За 1883 г. в приюте содержалось 160 человек, на которых было потрачено 9 613 руб. 78 коп.

В 1893 г., когда Дом призрения уже находился под управлением городской думы, число призреваемых составляло 399 человек (109 муж. пола и 290 жен. пола), а на их содержание израсходовано 20 196 руб. 35 коп. (капитал 347 307 руб. 46 коп.)¹⁶.

Капитал Дома призрения. Взаимосвязь капиталов Общественного банка и Дома призрения прослеживается с момента учреждения этих организаций. Банк выступал гарантом существования и попечителем богадельни. Поэтому для того чтобы составить правильное впечатление об источниках финансирования Дома призрения, необходимо обратиться к анализу движения капиталов банка, что позволяют сделать отчеты о его работе.

Согласно «Отчету о деятельности Казанского городского общественного банка за пятьдесят лет, с 1848 по 1898 годы», в ведении банка находились следующие капиталы:

1. *Основной капитал.* При открытии составлял 30 744 руб. 48 $\frac{3}{4}$ коп. К этому капиталу присоединялась часть прибыли банка за удержанием сумм, направленных на расходы по содержанию богадельни и правления банка и за отчислением тех $\frac{2}{3}$, которые по уставу 1847 г. предназначались для образования капитала Дома призрения. К 1897 г. (год 50-летия банка) сумма основного капитала достигла почтенной цифры в 858 062 руб. 93 коп.

2. *Резервный капитал.* Образован в 1862 г. и формировался с дополнительных процентов по погашаемым вексельным бумагам. Вся сумма капитала в 351 719 руб. была потрачена на покрытие неблагонадежных (просроченных) вексельных долгов с 1868 по 1882 г.

3. *Запасный капитал.* Реорганизован из резервного капитала в 1871 г. и предназначался исключительно на покрытие убытков по операциям банка в те годы, когда чистой прибыли для этого было недостаточно. К 1897 г. капитал составил 294 791 руб. 3 коп.

¹⁴ Исторические записки о городском Доме призрения неимущих граждан г. Казани. Казань, 1897. С. 9–13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 110. Л. 10 об.

4. *Капитал Дома призрения неимущих граждан Казани.* Выступал в качестве обязательного условия для учреждения банка. По положению 1847 г. на составление этого капитала предназначалось ежегодно 2/3 чистой банковской прибыли. Кроме того, к нему полагалось причислять все пожертвования на содержание общественной богадельни¹⁷, поступающие от граждан (таких пожертвований с 1848 по 1872 г. поступило 136 284 руб. 67 ¼ коп., с 1878 г. – 48 854 руб. 67 ¼ коп.). На составление капитала Дома призрения было отчислено из чистой прибыли 214 035 руб. 76 ½ коп., начислены проценты на находившийся в обращении банка капитал богадельни 96 289 руб. 96 коп. и отчислено из общих прибылей на расходы по богадельне 36 733 руб. 24 коп., всего 483 343 руб. 63 коп. Из этой суммы со дня основания по 1876 г. было израсходовано на содержание богадельни и расширение здания 244 941 руб. 31 коп., а остальные 238 402 руб. 32 ¾ коп. обращены в вечный вклад¹⁸ (неприкосновенный капитал). Таким образом, к пятидесятой годовщине в Общественном банке на вечном вкладе Дома призрения числилось 287 257 руб. Банковские билеты, в которые были обращены средства «вечных вкладов», хранились в городской управе, и на содержание Дома призрения употреблялись как проценты с капитала, так и часть тех 2/3 чистой прибыли банка, которые отчислялись ежегодно.

5. *Капитал Коммерческого института.* Учрежден в 1862 г. с целью образования фонда для устройства в Казани Коммерческого института. Формировался из процентов по погашенным вексельным бумагам, а также из отчислений из чистой прибыли банка. Вся сумма в 97 787 руб. 90 ¼ коп. была употреблена на строительство здания реального училища и сверх этой суммы 22 309 руб. пожертвовано из прибыли банка.

В табл. 1 представлены данные за некоторые годы, демонстрирующие рост капитала и произведенных из него расходов в первые годы работы банка и временные промежутки 5 и 10 лет.

Из этого капитала Дома призрения сумма в 228 217 руб. 44 коп. находилась на «вечном вкладе», средства с которого в 1876 г. были переданы в управление городской управы вместе с остатком кассы в 10 184 руб. 88 ¾ коп.

Однако проведенные антикризисные мероприятия способствовали оздоровлению положения Казанского городского общественного банка и позволили ему избежать участи ряда других муниципальных банков, потерпевших крах.

Таблица 1

Капитал Дома призрения неимущих граждан Казани

Год	Состояло (руб.)	Поступило (руб.)	Израсходовано (руб.)	Осталось (руб.)
1848	–	–	–	–
1849	–	3 878	1 958	1 920
1850	1 920	9 880	1 670	10 130
1853	14 204	5 563	2 000	17 767
1859	32 645	13 623	3 268	43 000
1860	43 000	9 015	4 967	47 048
1861*	47 048	36 327	6 683	76 692
1862*	76 692	33 182	16 655	93 219
1863	93 219	34 174	6 523	120 869

¹⁷ Положение о Общественном Банке в г. Казани, 1847 г. С. 2.

¹⁸ Отчет Казанского Городского Общественного банка за 1897 г. за пятидесятый год своего существования. 1898 г.

Окончание табл. 1

Год	Состояло (руб.)	Поступило (руб.)	Израсходовано (руб.)	Осталось (руб.)
1869	239 553	13 605	13 325	239 832
1870	239 832	13 773	12 112	241 493
1874	242 121	13 215	17 430	237 906
1875	237 906	13 412	12 916	238 402
1876**	238 402	–	–	–

Составлено по: Исторический очерк Казанского городского общественного банка за 50 лет (с 1848 по 1898 г.г.). Казань, 1899. Отчет Казанского Городского Общественного банка за 1897 г. за пятидесятый год своего существования. 1898 г.

* В 1861 г. произошло событие аварийного характера, потребовавшее дополнительных финансовых ресурсов на следующий год. Часть фундамента провалилась и здание сильно растрескалось. Вот как об этом писали «Казанские губернские ведомости»: «В 1861 г. 11 июля в 5-м часу утра под зданиями Ложкинской богадельни с сильным треском просела земля, от чего в нескольких местах треснуло и само здание, перекошилось и частью осело в землю». Ушло несколько лет на восстановление построек богадельни и находившейся при ней церкви преп. Сергия Радонежского (См.: Казанские губернские ведомости. 1861. № 28. С. 3).

** С 1867 по 1880 г. отчисления в капитал Дома призрения приостанавливались, так как управление банка боролось с «трагедией семидесятых», вызванной большими убытками из-за массовых выплат по вексельным бумагам неблагонадежным векселедателям. К марту 1871 г. в портфеле банка находилось просроченных векселей от 269 лиц на сумму 1 975,5 тыс. руб., что неминуемо грозило ему ликвидацией¹⁹.

Ежегодные отчеты богадельни, которые составлялись попечителями Дома призрения, показывают, какие суммы приносил «вечный вклад» после 1890 г. Так, например, в отчете за 1893 г. говорится, что капитал богадельни заключался в процентных бумагах на сумму 346 366 руб. 94 коп., хранящуюся в Городском общественном банке. На 1893 г. ожидалось поступление процентов с капитала 17 766 руб. 33 коп., но этой суммы уже не хватало на содержание всех призреваемых (438 человек), поэтому городская дума выделила недостающую сумму из городских средств (24 750 руб.)²⁰.

В отчете за 1894 г. значится уже 399 человек призреваемых. К 1 января 1894 г. капитал, находившийся в процентных бумагах, составлял 401 957 руб. 46 коп., а к 1 января 1895 г. – 403 857 руб. В 1894 г. городской управой в виде процента на капитал было получено 18 616 руб. 49 коп. Потрачено же за этот год оказалось 21 167 руб. 13 коп.²¹. Таким образом, по данным только за несколько лет после передачи финансов в управление городской управы (с 1876 г.) видно, что процентов, получаемых с «вечного вклада», не хватало, чтобы полностью покрывать расходы богадельни, однако городская дума закрывала эту недостачу из собственных средств.

Оценить социальную пользу как от самого Общественного банка и Дома призрения при нем, так и от создания на счетах банка целевого капитала для богадельни позволяет специально подготовленный к юбилею банка отчет «О деятельности Казанского городского общественного банка за 50 лет». Согласно приводящимся в нем данным, из чистой прибыли банка были произведены следующие расходы на общественные нужды: на содержание Дома призрения с 1848 по 1860 и с 1880 по 1884 г. – 36 733 руб. 24 коп.; отчисления в капитал Дома (в том числе на «вечный вклад») с 1849 по 1867 г. – 214 035 руб. 76 ½ коп.; выдано Мариинской женской гимназии – 20 824 руб. 30 коп.; употреблено на содержание Александровской больницы – 287 081 руб. 30 коп.; на содержание детских приютов – 48 тыс. руб.; на содержание реального училища – 218 943 руб. 41 коп.; на строительство здания

¹⁹ Исторический очерк Казанского городского общественного банка за 50 лет (с 1848 по 1898 г.г.). Казань, 1899. С. 16.

²⁰ Отчет по дому призрения неимущих, престарелых и увечных граждан гор. Казани за 1893 год. С. 119.

²¹ Отчет попечителя дома призрения неимущих, престарелых и увечных граждан гор. Казани за 1894 год. С. 5.

реального училища в Казани – 22 309 руб.; на строительство Спасательной станции – 1 500 руб.²².

Организация Общественного банка с целью постоянной и систематичной финансовой поддержки деятельности Дома призрения в сущности была оправдана: за 50-летнее существование банка на содержание богадельни было потрачено из чистой прибыли 36 733 руб. 24 коп. С 1848 по 1860 г. и с 1880 по 1884 г., т.е. почти за 20 лет, выплаты не производились, так как банк переживал «катастрофу 70-х», вызванную большими убытками из-за массовых выплат по вексельным бумагам неблагонадежным векселедателям. К марту 1871 г. в портфеле банка находилось просроченных векселей от 269 лиц на сумму 1975,5 тыс. руб., что неминуемо грозило ему ликвидацией, и все свободные суммы направлялись на погашение опротестованных вексельных бумаг. А «вечный вклад» был увеличен на 214 035 руб. 76 ½ коп благодаря отчислениям банка.

Таким образом, инициатива небольшого круга лиц, давшая первоначальный капитал в 25 тыс. руб. на устройство банка и богадельни, развилась в успешно функционирующее учреждение с внушительным капиталом в 1 200 тыс. руб., которое в течение первых 50 лет обеспечивало возможность содержать в Доме призрения нуждающихся. С помощью пожертвований в течение 18 лет составил свой собственный капитал богадельни в 230 тыс. руб., признанный в 1866 г. городским обществом достаточным для обеспечения содержания штатных призреваемых в числе 200 человек «навсегда»²³. За 50 лет в пользу Дома призрения поступило 1 106 933 руб. 63 ½ коп. (из прибыли банка – 257 678 руб. 99 ¾ коп., пожертвований – 314 730 руб. 34 ¾ коп., проценты по государственным процентным бумагам и билетам банка на «вечный вклад» богадельни – 508 289 руб. 60 ½ коп., выплаты за стипендиатов – 15 929 руб. 82 коп., различных возвратных сумм – 6 583 руб. 67 ½ коп., из государственного казначейства в возврат 5%-процентного подоходного налога – 3 721 руб. 19 коп.). Из этих средств было израсходовано 723 921 руб. 96 ¾ коп. на содержание призреваемых и ремонтные работы зданий. Таким образом, на 1897 г. суммарный капитал богадельни на банковском вкладе составил 410 907 руб. 26 коп.²⁴

Помимо содержания собственного благотворительного заведения, Общественный банк служил огромным подспорьем для Казанской городской думы в деле развития и поддержания благотворительных и просветительных учреждений, выделяя ежегодно по несколько десятков тысяч рублей на социальные нужды города, подробно описанные выше.

Такой способ организации финансов благотворительного заведения, как вечный вклад (неприкосновенный капитал), позволял обеспечить стабильный источник средств, необходимый для его функционирования. Это позволяло богадельне иметь финансовую устойчивость, не находясь в постоянной зависимости от временных жертвований и самостоятельно принимать решения о расширении штата призреваемых. Помимо этого, такой «симбиоз» двух структур – коммерческой организации и благотворительного учреждения, будучи уникальным явлением для Казани, несмотря на временные кризисы, оказался достаточно эффективным.

Литература

Байбулатова Л.Ф. «Богатство обязывает...» // История Казани в документах и материалах. XIX в. Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. Кн. 2. С. 481–488.

Гибадуллин М.З. Казанский городской общественный банк: создание, деятельность и участие в финансировании межрегиональной торговли // Russian Journal of Economics and Law. 2010. № 1 (13). С. 73–83.

Ежова С.А. «Наследники коммерции советника И.В. Александра»: общественная и благотворительная деятельность в Казани // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. 2017. № 1–2 (86–87). С. 143–159.

²² Исторический очерк Казанского городского общественного банка за 50 лет... С. 45.

²³ Исторические записки о городском Доме призрения... С. 25–27.

²⁴ Там же. С. 26.

История Казани в документах и материалах. XIX век / авт.-сост. И.К. Загидуллин и др. Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. Кн. 2: Население, конфессии, благотворительность. 703 с.

Миннуллин З.С. Источники по истории татарских благотворительных организаций второй половины XIX – начала XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 3 (96). С. 168–182.

Миронова Е.В. Благотворительность дворян Казанской губернии в середине XIX – начале XX в. // ИКНСП. 2022. № 1. С. 55–63.

Рафикова Г.Э. Приют Казанского Общества попечения о бедных и больных детях: история создания и деятельность // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. № 2. С. 71–78.

Смирнов П.И. Исторический очерк Казанской Мариинской женской гимназии за 25 лет ее существования (1859–1884). Казань: Тип. Губ. правления, 1884. 241 с.

У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII – начала XX в.): сб. док-тов и мат-лов. Кн. 1 / сост. А.М. Димитриева и др. Казань: Гасыр, 2002. 208 с.

References

Baybulatova, L.F. (2011). “Bogatstvo obyazyvaet...” [“Wealth Obliges...”]. In *Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XIX vek. Kniga 2*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 481–488.

Dimitrieva, A.M. (Comp.). (2002). *U miloserdiya drevnie korni (Blagotvoritel'nost' i miloserdie v Kazani XVIII – nachala XX v.): sbornik dokumentov i materialov. Kniga 1* [Mercy Has Ancient Roots (Charity and Mercy in Kazan of the 18th – Early 20th Centuries): Collection of Documents and Materials. Book 1]. Kazan, Gasyr. 208 с.

Ezhova, S.A. (2017). “Nasledniki kommertsii sovetnika I.V. Aleksandrova”: obshchestvennaya i blagotvoritel'naya deyatel'nost' v Kazani [“The Successors of the Commerce of Council'or I.V. Aleksandrov”: The Public and Charity Activities in Kazan]. In *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. No. 1–2 (86–87), pp. 143–159.

Gibadullin, M.Z. (2010). Kazanskiy gorodskoy obshchestvennyy bank: sozдание, deyatel'nost' i uchastie v finansirovanii mezhregional'noy trgovli [Kazan City Public Bank: Creation, Activities and Participation in the Financing of Interregional Trade]. In *Russian Journal of Economics and Law*. No. 1 (13), pp. 76–83.

Minnullin, Z.S. (2019). Istochniki po istorii tatarskikh blagotvoritel'nykh organizatsiy vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Sources on the History of Tatar Charitable Organizations of the Second Half of 19th – Beginning of 20th Centuries]. In *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. No. 3 (96), pp. 168–182.

Mironova, E.V. (2022). Blagotvoritelnost dvoryan Kazanskoy gubernii v seredine XIX – nachale XX v. [Charity of the Nobles of Kazan Province in the Middle of 19th – Beginning of 20th Centuries.] In *ICNSP*. No. 1, pp. 55–63.

Rafikova, G.E. (2020). Priyut Kazanskogo Obshchestva popecheniya o bednykh i bolnykh detyah: istoriya sozdaniya i deyatel'nost [Shelter of the Kazan Society for the Care of Poor and Sick Children: The History of Creation and Activities]. In *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. No. 2, pp. 71–78.

Smirnov, P.I. (1884). *Istoricheskiy ocherk Kazanskoy Mariinskoy zhenskoy gimnazii za 25 let ee sushchestvovaniya (1859–1884)* [Historical Sketch of the Kazan Mariinsky Female Gymnasium for 25 Years of Its Existence (1859–1884)]. Kazan, Tipografiya gubernskogo pravleniya. 241 p.

Zagidullina, I.K. (Comp.). (2011). *Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XIX vek. Kniga 2: Naselenie, konfessii, blagotvoritel'nost'* [History of Kazan in Documents and Materials of the 19th Century. Book 2: Population, Confessions, Charity]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 703 p.

А.В. Тиховодова*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖЕНСКОЙ БОГАДЕЛЬНИ В НИЖНЕМ
НОВГОРОДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2025-4-12
УДК 364.054.2(470.341)"189/190"*Выходные данные для цитирования:**Тиховодова А.В. Деятельность Александровской городской общественной женской богадельни в Нижнем Новгороде в конце XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 175–195.**URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-12.pdf>*

A.V. Tikhovodova*

**ACTIVITY OF THE ALEXANDROVSKAYA CITY PUBLIC
WOMEN'S ALMSHOUSE IN NIZHNY NOVGOROD
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-12

*How to cite:**Tikhovodova A.V. Activity of the Alexandrovskaya City Public Women's Almshouse in Nizhny Novgorod in the Late 19th – Early 20th Century // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 175–195. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-12.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the functioning of the Alexander city public women's almshouse in the late 19th – early 20th century, a charitable institution opened in Nizhny Novgorod in 1868. The organization of the institution, the history of the building's construction, and its appearance are considered. The activities of the almshouse were recreated on the basis of its charter and annual reports sent by the trustees to the City Duma. The management of the almshouse, functions of guardianship, procedure for admission to the institution as its resident, the rules of residence, the composition of employees, sources and amount of financial resources, methods of donations, expenditure items, the number of registered beds, the number and cost of meals given out in the dining room of the almshouse and at home to those in need. The numerical and class composition of the residents, their provision with food and belongings are considered separately. The material base of the institution, changes in the composition of benefactors and the content of reports are characterized. The author comes to the conclusion that the institution was for all social layers, but among those who resorted to its services, bourgeois and peasant women prevailed. Mostly elderly women, widows and young orphan girls left without means of livelihood needed to live in the poorhouse. Monetary contributions, the maintenance of personal beds, alms with food and things were practiced. Allowances were also paid (to soldiers and soldiers' widows). The trustees monitored not only the physical but also the spiritual condition of the people being cared for, cooperated with the church, and took care of the funeral. The institution was supplied thanks to the close cooperation of private benefactors and local governments.

Keywords: private capital, Russian merchants, charity, public assistance, endowment funds, Alexandrovskaya women's almshouse in Nizhny Novgorod.

The article has been received by the editor on 16.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Анастасия Владимировна Тиховодова**, кандидат философских наук, Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Россия, e-mail: tikhovodova@list.ru
Anastasia Vladimirovna Tikhovodova, Candidate of Philosophy, Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: tikhovodova@list.ru

Аннотация. Статья посвящена функционированию Александровской городской общественной женской богадельни в конце XIX – начале XX в., благотворительного заведения, открытого в Нижнем Новгороде в 1868 г. Прослежена организация заведения, история строительства здания, описан его внешний облик. Деятельность богадельни воссоздана на основе ее устава и ежегодных отчетов, направлявшихся попечителями в городскую думу. Рассмотрено управление богадельней, функции попечительства, порядок поступления в заведение в качестве призреваемых, правила проживания, состав служащих, источники и количество финансовых средств, способы пожертвований, статьи расхода, количество именных кроватей, количество и стоимость обедов, выдававшихся в столовой богадельни и на дома нуждающимся. Проанализированы численный и сословный состав призреваемых, обеспечение их имуществом и продуктами. Охарактеризованы материальная база учреждения, изменения в составе благотворителей и содержании отчетов. Автор приходит к выводу, что заведение было всесословным, но среди прибегавших к его услугам преобладали мещанки и крестьянки. Нуждались в проживании в богадельне в основном женщины преклонного возраста, вдовы и молодые девушки-сироты, оставшиеся без средств к существованию. Практиковались денежные взносы, содержание именных кроватей, подавания продуктами и вещами. Также выплачивались пособия (солдаткам и солдатским вдовам). Попечители следили не только за физическим, но и за духовным состоянием призреваемых, сотрудничали с церковью, заботились о похоронах. Заведение обеспечивалось благодаря тесному взаимодействию частных благотворителей и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: частный капитал, российское купечество, благотворительность, общественное призрение, целевые капиталы, Александровская женская богадельня в Нижнем Новгороде.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025 г.

Введение. История дореволюционной благотворительности в Российской империи стала предметом пристального исследования ученых в постсоветский период. В настоящее время рассматривается деятельность благотворительных обществ и заведений в Москве и Санкт-Петербурге, развитие социального призрения в губерниях, взаимодействие органов местного самоуправления и частных благотворителей, формы пожертвований, типы благотворительных заведений. Развитию благотворительности в Нижнем Новгороде посвящены статьи Г.Н. Ульяновой, Ф.А. Селезнева, А.В. Седова, В.В. Краснова, И.А. Макарова, Е.М. Костиной, Т.И. Акимовой, О.А. Зрячевой, Б.М. Пудалова, Е.А. Запеваловой¹. Автору

¹ Ульянова Г.Н. Капиталы на пособия бедным невестам в благотворительной практике XIX – начала XX века: бюрократическая матрица и религиозные воззрения // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2020. № 30. С. 134–136; Селезнев Ф.А. Общественная жизнь после великих реформ // Славное прошлое нижегородской земли: книга для внеклассного чтения по истории Нижегородского края. Н. Новгород, 2013. С. 199–205; Седов А.В. Кержаки: история трех поколений купцов Бугровых. Н. Новгород, 2010; Седов А.В. Мукомольное дело. Башкировы // Нижегородский край: факты, события, люди: учеб. пособие. Н. Новгород, 1994. С. 205–207; Седов А.В. Купцы-старообрядцы Блиновы. Н. Новгород, 2007; Краснов В.В. Благотворительность в купеческом Нижнем. Н. Новгород, 2019; Макаров И.А. Пароходовладельцы Сироткины // Каждый род знаменит и славен: из истории Нижегород. предпринимательства XVII – начала XX в. Н. Новгород, 1999. С. 202–220; Костина Е.М. Благотворительные организации Нижнего Новгорода во второй половине XIX – начале XX века // Наш Анабис. 2007. № 4–5. С. 65–70; Акимова Т.И. Взаимодействие губернских общественных организаций и власти в последней четверти XIX века (на примере Нижегородской губернии) // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2013. № 2. С. 48–60; Зрячева О.А. Благотворительность нижегородских купцов в конце XIX века // Наш Анабис. 2007. № 4–5. С. 167–171; Пудалов Б.М. «Сотворите дело благое...» (Из истории благотворительности в Нижегородской губернии) (по материалам Центрального архива Нижегородской области) [Электронный ресурс] // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <https://opentextnn.ru/archives/afnn/gano/sotvorite>

данной работы также принадлежит ряд публикаций, в которых содержится обзор общественных организаций Нижегородской губернии и представлена типология общественных объединений исходя из направленности их деятельности: благотворительные, медицинские, просветительные, профессиональные, естественнонаучные, досуговые, религиозные². Также выполнена характеристика деятельности добровольных обществ (как общероссийских, имеющих отделения в Нижнем Новгороде, так и собственно региональных) в сфере социального обеспечения, здравоохранения и народного образования³. Две статьи посвящены организации и функционированию крупнейшего благотворительного учреждения Нижегородской губернии – городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX – начале XX в.⁴ Что касается истории богаделен Нижнего Новгорода, то она затронута лишь в одной работе – В.В. Краснова, рассматривающего городскую общественную богадельню имени Н.Ф. Ходалева⁵. Данное исследование отчасти восполняет существующий в историографии пробел и предлагает вниманию читателей характеристику деятельности Александровской городской общественной женской богадельни в Нижнем Новгороде в конце XIX – начале XX в., освещая роль в ее организации и содержании частных пожертвований, в том числе целевых капиталов. Деятельность богадельни воссоздана на основе ее устава и ежегодных отчетов, направлявшихся попечителями в городскую думу.

Учреждение Александровской женской богадельни в Нижнем Новгороде. Всего в Нижегородской губернии к 1896 г. насчитывалось 16 благотворительных обществ и 48 благотворительных заведений. Из них 18 богаделен, 2 дома трудолюбия, 1 ночлежный дом, 2 странноприимных дома, 16 детских приютов, 1 ясли, 3 школы благотворительного характера, 5 лечебниц. Число жителей Нижегородской губернии, воспользовавшихся благотворительной помощью, согласно данным, которые удалось собрать к 1896 г. Собственной его императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии, было следующим: дети (мальчики – 2 611, девочки – 1 891), взрослые (мужчины – 7, женщины – 1 873), лица, чей возраст и пол не зафиксирован (14 495). Капиталы обществ и заведений составляли 1 014 371 руб., частные взносы – 27 552 руб., разные поступления и пожертвования – 138 510 руб., пособия – 42 306 руб., приблизительная стоимость недвижимости – 1 170 910 руб. Городских общественных богаделен, расположенных непосредственно в Нижнем Новгороде, к 1908 г. насчитывалось четыре: учрежденная в 1836 г. Николаевско-Мининская (мужская и женская, с отделением для неизлечимо больных), в 1867 г. – Александровская женская, в 1902 г. – женская богадельня имени М.Ф. и Е.П. Сухаревых, в 1903 г. – Третья городская общественная богадельня имени Н.Ф. Ходалева для лиц мужского и женского пола⁶.

[delo-blagoe-iz-istorii-blagotvoritelnosti-v-nizhegorodskoj gubernii](#) (дата обращения: 21.11.2024); Запезалова Е.А. Благотворительная и просветительская деятельность женщин в Нижегородской губернии во второй половине XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 14–17; Запезалова Е.А. Благотворительная деятельность женщин в Нижегородской губернии в 1870–1890-е гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2023. № 112. С. 61–79.

² Тиховодова А.В. Общественные организации Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX в. и их вклад в разрешение социальных проблем // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 2 (34). С. 72–86.

³ Тиховодова А.В. Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 9. С. 486–511.

⁴ Тиховодова А.В. История открытия и устройство Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 8. С. 488–514; Тиховодова А.В. Нижегородский городской Вдовий дом в конце XIX – начале XX века: деятельность в области образования и здравоохранения // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 506–524.

⁵ Краснов В.В. Нижегородская Ходалева богадельня: История строительства // Нижегородская старина. 2008. Вып. 18. С. 73–81.

⁶ Справочная книга по Нижегородскому городскому общественному управлению. Н. Новгород, 1908. С. 210–228.

Женская Александровская богадельня была учреждена в Нижнем Новгороде в 1867 г. в память избавления императора Александра II от угрожавшей ему в Париже опасности. В 1867 г. Александр II гостил в Париже и в него стрелял польский революционер А.И. Березовский. Император остался жив. В честь этого события богадельня и была названа Александровской. Участок для устройства «странноприимного дома или богадельни для людей безродных и не имеющих средств к существованию» пожертвовал городу в 1864 г. купец Андрей Семенович Осташников. Начать организацию богадельни смогли только

Рис. 1. Мариинское родовспомогательное заведение и Александровская богадельня. Фото конца XIX в. (Художественный альбом Нижнего Новгорода и ярмарки в двух выпусках с пояснительным текстом. Н. Новгород, 1896. Вып. 1. Виды города)

через три года после повторного обращения Осташникова. Было решено купить у титулярного советника П.И. Хохлова каменный трехэтажный дом с участком по улице Варварской, сад которого примыкал к участку Осташникова. Богадельня была открыта 30 августа 1868 г. – в день именин императора. Осташников организовал молельню для призреваемых богадельни, у которых не было сил ходить в храм, и ходатайствовал об обустройстве домового храма. В 1869 г. при поддержке городской думы при Александровской богадельне и Мариинском родовспомогательном отделении была построена и освящена церковь Вознесения Господня и святого благоверного Великого князя Александра Невского.

В 1878 г. купец Александр Павлович Вяхирев, один из трех братьев Вяхиревых, соучредителей заведения, подарил городу землю под постройку родильного заведения для бедных горожан на углу улиц Варварской и Володарского (бывшей Петропавловской). Учредить родовспомогательное заведение городская дума постановила в 1879 г. Заведение назвали Мариинским в честь Марии Федоровны, супруги наследника Александра Александровича. Будущий император Александр III с женой посетили Нижний Новгород в 1869 г. Фасад здания был создан по проекту архитектора Н.А. Фрелиха в популярном в то время «кирпичном стиле», когда видна фактура материала (кирпича) и все украшения (орнамент) также сделаны из кирпича. По словам современной автора О.И. Наумовой, «определенную стройность ему придают пятигранные полуколонны. Толстые стены, высокие потолки, длинный коридор с окнами, выходящими на улицу Володарского, чудесной красоты кружевные лестницы (они сохранились до наших дней)»⁷. В 1882 г. строительство здания родовспоможения с лечебницей и домовым храмом завершилось. Родовспомогательное заведение было рассчитано на 25 кроватей, с отделением для призрения 10 сирот-младенцев до достижения ими десятилетнего возраста. Внешний вид здания остается неизменным и сегодня, только придомовая церковь в советское время была разрушена. Сохранилась и арка ажурной работы с чугунными воротами, на которых можно рассмотреть витиеватый вензель дома – буквы «А» и «Б». На здании установлена современная памятная доска, на которой указано, что здание ранее принадлежало городской общественной женской богадельне с родильным приютом при ней, поэтому эти буквы обозначают название заведения – Александровская богадельня. Ранее на здании размещалась старинная латунная доска, которая сообщала, что богадельня была учреждена «в ознаменование спасения жизни государя-императора Александра II от руки убийцы в Париже 25 мая 1867 года. В этом беспримерном здании есть все, что нужно человеку с момента его появления на свет и до перехода его в вечную загробную жизнь». Как отмечают исследователи, «здание

⁷ Наумова О.И. 100 биографий домов Нижнего Новгорода: Каждый дом – своя судьба. Н. Новгород, 2013. С. 109.

роддома являет собой пример эклектики в русской архитектуре XIX века и считается лучшей работой Н. Фрелиха в городе»⁸.

Учредителями богадельни выступили купцы Иван Кварталов, Павел Вяхирев, Василий Соболев, Александр Смирнов, Измаил Вяхирев, Александр Иконников, Николай Бугров, Иван Власов, Александр Вяхирев. Богадельня состояла в ведении Министерства внутренних дел. Непосредственное заведывание делами богадельни осуществляло управление, состоявшее из трех попечителей, которые избирались городской думой на четыре года из числа лиц, имевших право голоса на выборах. Председательствовал в управлении богадельней городской голова. Попечителями богадельни долгое время были Н. Торсуев, А. Иконников, Я. Трифонов. Я. Трифонов также заведовал церковным хозяйством при церкви Александровской богадельни. С 1904 г. попечителями богадельни состояли два человека: Я. Трифонов и И. Иконников (сын предыдущего попечителя). В 1905 г. попечителем богадельни стал еще Н. Перехватов, а в 1907 г. место Я. Трифонова занял С. Ермолаев. Попечительство избирало из своего состава товарища председателя.

Согласно уставу, деятельность богадельни преследовала следующие цели: «а) призрение престарелых и беспомощных бедных женщин и б) снабжение неимущих, без различия пола и возраста, готовою пищею, посредством подачи обедов в особой столовой при богадельне и раздачи обедов на дома»⁹. В обязанности попечительства входило: а) постоянный надзор за благосостоянием заведения во всех частях; б) распоряжение о принятии и увольнении призреваемых, а также хранение документов, удостоверявших личность призреваемых; в) составление ежегодных прихода-расходных смет по содержанию заведения и представление их в установленные сроки в городскую управу; г) установление порядка продовольствия призреваемых и заботы о своевременном приготовлении всех необходимых для богадельни вещей, а также производство ремонтных и строительных работ; д) попечение о сохранении и обновлении движимого инвентаря заведения; е) изыскание мер к возможному улучшению состояния богадельни и к увеличению ее средств; ж) составление подробных годовых отчетов; з) составление инструкций служившим при богадельне лицам и о внутреннем распорядке; и) рассмотрение предположений относительно изменений и дополнений устава. Все перечисленные предметы обсуждались попечительством коллегиально и решались простым большинством голосов. При делении голосов поровну голос председателя давал перевес. Непосредственное заведование делами богадельни разделялось между попечителями по их взаимному соглашению.

Штат богадельни. Личный состав служащих при заведении определялся особым штатом, утверждавшимся попечительством. Делопроизводителем богадельни в начале XX в. был И. Петров, его помощником – Д. Мартиновский. В число служащих богадельни входили смотритель, надзирательница, писец, повар, помощник повара, два дворника, сиделка, уличный караульщик. Кроме того, в статье расходов указано отдельное жалованье церковному причту (например, в 1894 г. его жалованье составило 500 руб.). Один это был человек или несколько, в отчетах не уточняется. Отмечено только, что причт состоял при церкви богадельни, служил панихиды, участвовал в проводах иконы на Иордань. В 1901 г. количество сиделок увеличилось до трех. В 1915 г. в больнице при богадельне работали врач Сергей Петрович Добротин, а также фельдшера Александр Александрович Молодов и Павел Александрович Шитов¹⁰. Последний жил в квартире при лечебнице. Смотритель богадельни получал 300 руб., надзирательница – 180 руб., писец – 61 руб. 63 коп., повар – 108 руб., помощник повара – 70 руб. 60 коп., дворники – 168 руб., три сиделки – 143 руб. 31 коп., уличный караульщик – 12 руб.¹¹ Периодически служащие поощрялись премиями («наградными»): например в 1903 г. сверх жалованья было выплачено 98 руб., а в 1907 г. выдано

⁸ Родословная Спирина Геннадия Васильевича. Н. Новгород, 2012. Кн. 2: Род Летицких. С. 270.

⁹ Устав Александровской городской общественной женской богадельни в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1902. С. 2.

¹⁰ Нижегородское городское общественное управление. Справочная книга, 1915 г. / сост. под ред. И.А. Шубина. Н. Новгород, 1915. С. 57.

¹¹ Отчет по содержанию Нижегородской Александровской общественной женской богадельни за 1901 год. Н. Новгород, 1902. С. 7.

к праздникам 111 наградных рублей за добросовестную работу. Служащие также получали обеды и ужины в богадельне (в 1903 г. им было выдано 7 300 порций¹²). Оплачивались также услуги прачки за стирку и уборку белья (в 1903 г. ее заработок составил 120 руб. 40 коп.)¹³.

Численность и состав призреваемых. Призрением в богадельне могли пользоваться лица женского пола, престарелые и лишенные жилья и пропитания, постоянно проживающие в Нижнем Новгороде. В 1884 г. при богадельне открылась лечебница. Изначально богадельня была рассчитана на 25 коек, однако в уставе отмечалось, что она может содержать неограниченное число кроватей в зависимости от денежных средств и от величины помещения. Поэтому уже в 1871 г. их число достигло 47, в 1882 г. (за счет каменной пристройки) – 85, в 1894 г. – 92. При этом стипендиальных кроватей, обеспеченных неприкосновенными денежными фондами, в ней насчитывалась 51¹⁴. Таким образом, количество призреваемых неуклонно возрастало. Количество приготовляемых при богадельне обедов тоже зависело от имеющегося бюджета.

Прошение о принятии в богадельню подавалось на имя попечительства. Попечительство, убедившись в бедственном положении просительницы, назначало ей прием. Если была свободная вакансия, то прием назначался сразу же, если нет, то просительницу зачисляли в кандидатки. Призреваемые имели право располагать собственным имуществом, как принесенным с собой в богадельню, так и нажитым трудом в самом заведении. С имуществом тех призреваемых, которые умерли и не оставили завещания, поступали в соответствии с действующими законами. Внутренняя жизнь и распорядок в богадельне устанавливались особой инструкцией, составленной попечительством богадельни и утвержденной городской думой.

Таблица 1

Состав призреваемых в Нижегородской Александровской общественной женской богадельне

Год	Мещанки	Иногородные	Цеховые	Солдатки	Крестьянки	Дворяне и чиновники	Умершие	Выбывшие
01.01.1895	47	6	6	14	7	12	7	3
01.01.1901	51	11	3	16	14	12	9	7
01.01.1904	60	13	2	15	17	14	12	4
01.01.1905	58	13	4	16	20	14	14	4
01.01.1906	65	13	4	17	22	15	10	1
01.01.1907	68	13	4	17	22	15	12	1
01.01.1908	58	12	3	22	26	15	13	5
01.01.1909	61	13	4	22	26	17	9	–
01.01.1913	62	15	8	13	49	11 + 1 личная гражданка	23	–
1914	60	16	7	11	54	10 + 1 личная гражданка	18	3

Составлено по: Отчет по содержанию Нижегородской Александровской общественной женской богадельни за 1894 год. Н. Новгород, 1895. С. 27–30; Отчет по содержанию ... за 1901 год. Н. Новгород, 1902. С. 28–31; Отчет по содержанию ... за 1903 год. Н. Новгород, 1904. С. 29–33; Отчет по содержанию ... за 1904 год. Н. Новгород, 1905. С. 33–37; Отчет по содержанию ... за 1905 год. Н. Новгород, 1906. С. 29–33; Отчет по содержанию ... за 1906 год. Н. Новгород, 1907. С. 35–39; Отчет по содержанию ... за 1907 год. Н. Новгород, 1908.

¹² Отчет по содержанию ... за 1903 год. Н. Новгород, 1904. С. 21.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Краткий очерк о состоянии городского хозяйства и благоустройства г. Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие со введения в нем городского положения 1870 г. Н. Новгород, 1895. С. 26.

Из табл. 1 видно, что заведение имело всесословный характер. В отчетах богадельни призреваемые назывались старицами – видимо, это слово использовалось в значении «религиозная пожилая женщина немонашеского звания». В отчетах возраст призреваемых женщин не оговаривался, только в уставе заведения сказано, что находиться на попечении могли престарелые и беспомощные бедные женщины, не имеющие жилья и средств к существованию. В сведениях о каждой призреваемой указывались семейное положение (вдова или девица) и сословная принадлежность. Помимо вдов, в число призреваемых входили и одинокие женщины, которые никогда не были замужем (как правило, тоже пожилые). Например, в 1895 г. из 47 мещанок 13 значились девицами¹⁵. Большую часть женщин, находившихся в богадельне, составляли вдовы и мещанки. Также в богадельне проживали и солдатки. Вдовы и дочери титулярных советников, коллежских регистраторов, губернских секретарей, коллежских секретарей, чиновников, канцелярских писцов формировали группу дворянок и чиновниц, хотя в отчетах богадельни они названы разночинцами (видимо, в значении «преимущественно выходцев из духовенства, мещан и крестьян с высшим и средним образованием»). Эта категория населения в Российской империи не была юридически оформленной.

Кроме нижегородок, в богадельне проживали женщины из Ярославля, Елатьмы, Темникова, Москвы, Арзамаса, Макарьева, Балахны, Семенова, Горбатова, Ардатова. Выбывали из богадельни по собственному желанию или принудительно. Например, в 1894 г. одна нижегородская мещанская девица, Надежда Спиридоновна Пушкарёва, с 17 сентября была отправлена в психиатрическое отделение Нижегородской губернской земской больницы¹⁶. А в 1914 г. крестьянку Прасковью Ивановну Батарину перевели в Мининскую богадельню¹⁷. В числе постоянных призреваемых мещанок находились: Мария Андреевна Авдеева (вдова), Александра Алексеевна Алексеева (вдова), Софья Флегонтовна Буянова (вдова), Александра Васильевна Беляева (девица), Анна Павловна Аксенова (елатомская мещанка, девица); из числа представителей других сословий в богадельне проживали: Дарья Алексеевна Китова (балахнинская мещанка, вдова), Пелагея Давыдовна Дмитриева (цеховая, вдова), Елена Степановна Львова (цеховая, девица), Матрена Ивановна Булавкина (солдатка), Анна Николаевна Болонина (вдова), Александра Ивановна Орлова (крестьянка), Анна Петровна Наумова (крестьянка, девица), Людмила Михайловна Владимирская (из разночинцев), Пелагея Александровна Добродеева (из разночинцев) и др.

Таблица 2

Сведения о составе лиц, призревавшихся в городской Александровской общественной женской богадельне, и количество обедов, отпущенных из богадельни

Год	Состояло лиц на призрении	Количество обедов		
		семействам на дома	в столовой приходящих	итого
1871	47	13 793	10 171	23 964
1872	53	24 776	18 043	42 819
1873	50	32 834	15 698	48 532
1874	55	47 425	16 926	64 351
1875	52	43 166	18 099	61 265
1876	56	32 124	23 499	55 623
1877	54	32 237	61 461	93 698
1878	57	40 855	26 611	67 466

¹⁵ Отчет по содержанию ... за 1894 год. Н. Новгород, 1895. С. 27–28.

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ Отчет по содержанию ... за 1914 год. Н. Новгород, 1917. С. 58.

Окончание табл. 2

Год	Состояло лиц на призрении	Количество обедов		
		семействам на дома	в столовой приходящих	итого
1879	51	40 239	33 729	73 968
1880	48	55 507	27 569	83 076
1881	50	35 718	16 914	52 632
1882	60	74 385	40 945	115 330
1883	62	73 202	72 378	145 580
1884	67	73 340	38 610	111 950
1885	67	73 854	31 812	105 666
1886	70	85 798	27 022	112 820
1887	72	95 298	25 587	120 885
1888	75	119 757	21 683	141 440
1889	79	111 272	21 443	132 715
1890	81	98 912	23 663	122 575
1891	88	138 452	28 749	167 201
1892	90	179 315	16 702	196 017
1893	90	84 649	16 049	100 698
1894	92	83 402	16 007	99 409
<i>Всего</i>	–	1 690 310	649 370	2 339 680
1901	108	91 795	105 750	197 545
1903	109	86 314	103 984	197 743
1904	121	92 304	115 130	207 434
1905	125	101 539	117 681	219 220
1906	136	100 100	122 782	222 882
1907	139	92 198	120 691	212 889
1908	140	95 207	122 039	217 246
1912	153	77 991	130 526	208 517
1914	158	52 794	131 652	184 446
<i>Всего</i>	–	790 242	1 070 235	1 860 477

Составлено по: Краткий очерк о состоянии городского хозяйства и благоустройства г. Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие со введения в нем городского положения 1870 г. Приложение 5 к стр. 26. Н. Новгород, 1895; Отчет по содержанию Нижегородской Александровской общественной женской богадельни за 1901 год. Н. Новгород, 1902. С. 21; Отчет по содержанию ... за 1903 год. Н. Новгород, 1904. С. 21; Отчет по содержанию ... за 1904 год. Н. Новгород, 1905. С. 25; Отчет по содержанию ... за 1905 год. Н. Новгород, 1906. С. 21; Отчет по содержанию ... за 1906 год. Н. Новгород, 1907. С. 26; Отчет по содержанию ... за 1907 год. Н. Новгород, 1908. С. 37; Отчет по содержанию ... за 1908 год. Н. Новгород, 1909. С. 45; Отчет по содержанию ... за 1912 год. Н. Новгород, 1916. С. 42; Отчет по содержанию ... за 1914 год. Н. Новгород, 1917. С. 44.

Таким образом, число призреваемых постепенно увеличивалось даже с учетом смертности и добровольного ухода из богадельни. Так, в 1894 г. умерло 7, а вышло из богадельни 3 чел.¹⁸ Каждая старица обходилась благотворителям, включая продовольствие и другие расходы, в 12 коп. в день, 3 руб. 73 коп. в месяц, 44 руб. 77 коп. в год; из них на еду

¹⁸ Отчет по содержанию ... за 1894 год... С. 23.

тратилось 33 руб. 39 коп (данные за 1894 г.)¹⁹. В связи с увеличением стоимости продуктов в 1908 г. содержание каждой призреваемой со всеми расходами обошлось попечителям в 26,08 коп. в день, 8 руб. 17 коп. в месяц, 98 руб. 3 коп. в год²⁰. В 1912 г. содержание одной призреваемой обходилось в 93 руб. 19 коп. в год²¹.

Также в богадельне имелись именные кровати, содержавшиеся на проценты от пожертвованных капиталов. Количество таких кроватей с каждым годом увеличивалось. В 1894 г. их насчитывалось 51 (жертвователями выступали Н.Я. Котельников, М.М. Люминарская, М.А. Панкратова, М.Н. Вяхирева, Н.М. Торсуев, А.Ф. Ермолаев, Н.И. Полисадова, В.Г. Полушкина и др.). В 1901 г. именных кроватей было уже 86, в 1903 г. – 96, в 1904 г. – 104, в 1905 г. – 109, в 1906 г. – 111, в 1907 г. – 113, в 1908 г. – 143, в 1912 г. – 134, в 1914 г. – 135. В 1908 г., кроме частных, появилось 26 общественных городских кроватей, одна кровать городского общественного самоуправления имени бывшего попечителя Я.Т. Трифонова (ее содержание обходилось 60 руб. в год), 5 кроватей мещанского общества (ежегодно на их содержание вносилось 250 руб.). Кровати могли называться именами самих благотворителей, а иногда именами покойных мужа или жены, детей, покойных родителей, императоров Александра II, Александра III и императрицы Марии Федоровны. В 1901 г. одна кровать была обеспечена женой французского гражданина Марией Федоровной Макерон.

Финансирование богадельни. Богадельня имела собственные неприкосновенные капиталы. Согласно уставу богадельни, на 1902 г. финансовые средства богадельни составляли: «1) проценты с неприкосновенного капитала богадельни (118 400 рублей); 2) проценты с стипендиальных капиталов; 3) ежегодные отчисления из прибылей Нижегородского городского Николаевского общественного банка (не менее 3 100 рублей); 4) сбор от купцов 1 и 2 гильдии, установленный приговором купеческого общества; 5) ежегодное пособие от Нижегородского губернского земства (в размере не менее 300 рублей) и 6) частные пожертвования»²². Сумма капитала, необходимая для учреждения стипендиальных кроватей и для обеспечения их содержания, определялась городской думой.

Подробная информация о неприкосновенных капиталах богадельни присутствует лишь в отчете за 1908 г. в связи с запросом городской думы (табл. 3).

Таблица 3

Ведомость о состоянии капиталов Александровской общественной женской богадельни, находящихся в Нижегородской городской управе за 1908 г.²³

Специальные капиталы (в процентных бумагах)			
1908 г. январь	На 1 января 1908 г. оставалось неприкосновенного капитала в процентных бумагах:	Рубли	Всего
	6 билетов 4 ½% неприкосновенного капитала Николаевского банка	27 900	159 400
	1 билет 4% на 4 года Николаевского банка	150	
	93 листа 4% государственной ренты	62 100	
	2 листа 4% государственной комиссии погашенный долг	2 000	
	4 билета 4% вечный вклад Александровского Дворянского банка	3 450	
	462 билета 5% облигационного займа г. Нижнего Новгорода ²⁴	47 000	
	21 билет 5% облигационного внутреннего займа 1905 г.	16 600	
	1 временное свидетельство на 5% облигационного займа 1905 г.	200	
31 декабря	Поступило пожертвований	Рубли	Всего

¹⁹ Отчет по содержанию ... за 1894 год... С. 23.

²⁰ Отчет по содержанию ... за 1908 год. Н. Новгород, 1909. С. 44.

²¹ Отчет по содержанию ... за 1912 год. Н. Новгород, 1916. С. 35.

²² Устав Александровской городской общественной женской богадельни... С. 4.

²³ Отчет по содержанию ... за 1908 год... С. 46–49.

²⁴ Средства, позаимствованные органами городского самоуправления у частных и юридических лиц (Примечание автора).

	А.И. Смирновой, 1 свидетельство 4% государственной ренты	100	3 675	
	В.А. Зайцевой	1 200		
	Михайлова, из сир. суда по завещанию	2 375		
	От Николаевского банка обменный 1 билет вклада 4%		150	
	Куплено процентных бумаг		3 300	
	Итого			166 525
31 декабря 1908 г.	За вышедшие в тираж городские облигации	1 300	3 450	
	В Николаевский банк билет. 4% вклад. на 4 года для обмена	150		
	40 штук серий капитала Михайлова для размена	2 000		
	На 1 января 1909 г. осталось процентных бумаг			
	6 билетов 4 ½% вечного вклада Николаевского банка	27 900	163 075	
	1 билет 4% на 4 года того же банка	150		
	93 билета государственной 4% ренты	62 100		
	2 билета 4% государственной комиссией погашенный долг	2 000		
	4 билета 4% вечного вклада Александровского Дворянского банка	3 450		
	450 билетов 5% облигационного займа г. Нижнего Новгорода	45 800		
	2 билета облигационного государственного займа 1906 г.	375		
	35 билетов 5% облигационного займа 1905 г.	21 300		
	Итого			166 525
Оборотный капитал (в наличных деньгах)				
1908 1 января	На 1 января 1908 г. оставалось наличных денег (остатки от смет прежних лет) В 1908 г. поступило:		3 337,17	
Декабрь 31	Из прибылей Николаевского общественного банка	3 100		
	Сбор с купцов	3 252		
	Мещанского общества на содержание 5 кроватей	250		
	За тиражи облигаций	1 300	7 902	
	Пожертвования			
	По духовному завещанию Михайлова	45,78		
	А.И. Смирновой	1 100		
	А.С. Киселевой	1 200		
	От размена серий Михайлова	2 000	4 345,78	
	Получено процентов на специальный капитал		6 929,20	
	Итого		22 514,15	
1908 г. Декабрь 31	Выдано на содержание богадельни	12 300		
	Выдано процентов с капитала Скворцовой для раздачи призреваемых	47	12 347	
	Расходы Городской Управы за счет богадельни		509,63	
	Употреблено на покупку процентных бумаг		3 256,57	
	На 1 января 1909 г. осталось наличных денег		6 400,95	
	Итого			22 514,15

Составлено по: Отчет по содержанию Нижегородской городской Александровской общественной женской богадельни за 1908 год. Н. Новгород, 1909. С. 46–49.

По списку городской управы на 1 января 1909 г. специальный капитал выражался в сумме: процентными бумагами – 163 075 руб. наличными деньгами (не превращенные в процентные бумаги капиталы Смирновой и Киселевой – 2 300 руб.), всего 165 375 руб. Этот капитал расходовался в соответствии с волей жертвователей следующим образом: на учреждение в богадельне 112 кроватей для призреваемых – 129 734 руб., на содержание богадельни – 1 025 руб., на бесплатные обеды – 11 701 руб., на выдачу процентов с капитала Скворцовой причту и остальная сумма к празднику – 1 500 руб., на выдачу призреваемым на вечное поминование жертвовательницы с капитала Красильниковой – 57 руб., ежегодно на поминальный обед на 50 призреваемых в день смерти жертвовательницы (с капитала Грачевой) – 100 руб., в пользу церкви при богадельне – 1 100 руб., в пользу причта церкви – 1 633 руб. Общая сумма составляла 146 850 руб. Из остатков от смет по содержанию богадельни за прежние годы к этой сумме было прибавлено 18 525 руб. Итого получилось 165 375 руб.²⁵ Таким образом, доходы от неприкосновенных капиталов богадельни гарантировали больше половины общего бюджета заведения.

Чистый капитал на содержание богадельни в 1908 г. составлял 14 293 руб. 16 коп. На счет городской управы было ассигновано по смете 13 537 руб.²⁶ Часть средств переводилась на счета разных лиц: например, купцам Зайцевым за отпущенные ими обеды в 1908 г. было выплачено 2 691 руб. 80 коп. Деньги также тратились на транспорт (58 руб. 26 коп.), на электричество (Русскому обществу электрическому освещению – 373 руб. 86 коп.). Со счета городской управы наличными на содержание богадельни было выдано 12 300 руб., а проценты с капитала Скворцовой в размере 47 руб. предназначались для выдачи призреваемым. На 1 января 1909 г. богадельня имела на счету городской управы остаток от смет 1908 г. в размере 680 руб. 37 коп., разных продуктов и материалов на сумму 1 233 руб. 86 коп., долгов за разными лицами 1053 руб. 5 коп. В кассе городской управы наличных денег осталось 298 руб. 53 коп. В свою очередь, богадельня осталась должна разным лицам 4 463 руб. 47 коп.²⁷ Перерасход на содержание богадельни составил 475 руб. 46 коп. В 1912 г. чистый капитал на содержание богадельни и покрытие счетов прежних лет составлял 17 048 руб. 8 коп. На счет городской управы было переведено наличными на содержание богадельни и проценты с капитала Скворцовой 14 289 руб. 56 коп. Остаток наличных денег на счетах составлял 2 887 руб. 98 коп. Всего же сумма достигала 16 646 руб. 15 коп.²⁸ В 1912 г. 3 005 руб. 37 коп. было потрачено на устройство прачечной при Родовспомогательном заведении. На 1 января 1913 г. наличных денег на счету кассы оставалось 3 721 руб. 76 коп. Остаток от покупки продуктов и материалов – 1 649 руб. 54 коп. От «господ» Зайцевых на счету богадельни осталось 690 руб. 3 коп. Итого наличных денег оставалось на 1 января 1913 г. 9 066 руб. 70 коп. Долг богадельни разным лицам составлял 3 240 руб. 36 коп.²⁹ На 1 января 1914 г. размер капитала составлял 29 896 руб. 36 коп.³⁰ Таким образом, чистый капитал богадельни увеличивался.

Источниками финансирования выступали также кружечный сбор (три при богадельне и одна иорданская), продажа вещей и продуктов, пожертвования на обеды, подаяния призреваемым от разных лиц, подарки продуктами и вещами. При богадельне для сбора милостыни были установлены четыре кружки. Одна из них называлась иорданской, так как сборы с нее шли на участие стариц и церковного причта в паломнических поездках в Палестину с иконой. Например, в 1901 г. церковному причту за проводы иконы на Иордань и обратно было выделено 3 руб., а трем старицам богадельни за их нахождение на Иордани при иконе и наблюдение за кружками – 9 руб.³¹ Как пожертвования, так и приношения записывались в особые прошнурованные книги с указанием, когда и от кого они поступили. По желанию

²⁵ Отчет по содержанию ... за 1908 год... С. 49.

²⁶ Отчет по содержанию ... за 1907 год... С. 4.

²⁷ Там же. С. 30–31.

²⁸ Отчет по содержанию ... за 1912 год... С. 2–3.

²⁹ Там же. С. 26.

³⁰ Отчет по содержанию ... за 1914 год... С. 4.

³¹ Отчет по содержанию ... за 1901 год... С. 17.

жертвователей благотворительные взносы могли оставаться анонимными. Бесплатные обеды в столовой богадельни и для раздачи их по домам готовились только на средства, пожертвованные именно с этой целью. Все поступавшие от частных лиц в богадельню пожертвования и приношения расходовались в соответствии с желаниями благотворителей.

Капиталы богадельни обращались в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги, в облигации государственных займов, а также размещались вкладами в деньгах под процент в Нижегородском государственном общественном банке. В 1868 г. в основной капитал банка поступил «вечный вклад» в 10 тыс. руб. от англичанина Романа Романовича Девиссона с целью отчисления из прибылей банка на приданое бедным невестам и содержание Мариинского родовспомогательного заведения³². В литературе фигурируют данные о том, «что с 1868 по 1914 годы из чистой прибыли Николаевского городского общественного банка было передано 126 844 рубля на содержание Александровской богадельни и 117 237 рублей – Мариинского родовспомогательного заведения»³³. Капиталы богадельни хранились в кассе городской управы на общих основаниях, установленных для городских капиталов. Средства расходовались попечительством в соответствии со сметой и периодически поступающими постановлениями городской думы. Финансы могли переходить из одной статьи расходов в другую. О движении денежных средств, а также о состоянии заведения попечители в конце года обязаны были составлять подробный отчет, который не позднее марта представлялся в городскую управу. После утверждения отчета городской думой два его экземпляра вместе с краткими выжимками сообщались нижегородскому губернатору и в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. В министерство был представлен и устав богадельни в семи экземплярах. Статьи прихода и расхода денежных средств, согласно ежегодным отчетам богадельни, указаны в табл. 4.

Таблица 4

Приход денежных средств в богадельню (в рублях)

Год	Городская управа	Кружки	Продажа вещей и продуктов	Пожертвования на обеды	На расходы по городской управе	Итого
1894	7 000	163,43	110,67	5 659,70	2 937,43	16 116,82
1901	7 450	232,44	148,79	7 394,39	1 191,7	16 501,29
1903	8 100	218,11	274,82	6 759,99	1 525,10	16 996,90
1904	7 500	213,72	453,27	7 621,18	1 941,15	17 729,32
1905	7 500	182,79	326,87	8 087,64	1 446,63	18 377,83
1906	9 000	195,36	163,75	7 623,80	1 516,50	19 317,31
1907	12 500	170,30	161,37	6 978,32	1 178,40	21 461,88
1908	12 347	228,11	383,90	7 972,49	475,33	22 514,15
1912	14 289,56	119,23	444,65	6 412,78	1 623,73	24 459,38
1914	13 547	89,39	159,77	5 876,02	13 547,00	23 094,02

Составлено по: Отчет по содержанию Нижегородской Александровской общественной женской богадельни за 1894 год. Н. Новгород, 1895. С. 2; Отчет по содержанию ... за 1901 год. Н. Новгород, 1902. С. 2–6; Отчет по содержанию ... за 1903 год. Н. Новгород, 1904. С. 2–5; Отчет по содержанию ... за 1904 год. Н. Новгород, 1905. С. 2–5; Отчет по содержанию ... за 1905 год. Н. Новгород, 1906. С. 2–5; Отчет по содержанию ... за 1906 год. Н. Новгород, 1907. С. 2–4; Отчет по содержанию ... за 1907 год. Н. Новгород, 1908. С. 2–6; Отчет

³² Иванов А.А. Нижегородский Николаевский городской общественный банк. Краткий очерк пятидесятилетней деятельности банка (1864–1914). Н. Новгород, 1914. С. 22.

³³ Филимонова Г.В. Николаевский городской общественный банк Нижнего Новгорода [Электронный ресурс] // «Въчный вкладъ» URL: <https://ruea.ru/images/articles/128/Ni4g0J3QndC%2B0LLQs9C%2B0YDQvtC0X9Ce0LHRidC10YHRgtCy0LXQvdC90YvQuVQsdCw0L3Qul85OF8xMTMucGRm.pdf> (дата обращения: 21.11.2024).

Расход денежных средств богадельни. Расходы, производимые нижегородской городской управой, включали: в 1901 г. причту богадельни выдано процентов с капитала – 79 руб. 78 коп., за печатание и брошюровку отчета за 1900 г. – 26 руб. 25 коп., за страхование здания богадельни – 31 руб. 47 коп., на содержание канцелярии по предложению финансовой комиссии и постановлению думы – 55 руб., за водопроводные работы – 3 руб. 72 коп., за поставленный водомер – 40 руб.³⁴; в 1903 г. причту богадельни выдано – 76 руб. 83 коп., за печать и брошюрование отчета за 1902 г. – 36 руб. 75 коп. С 1903 г. добавились расходы на заведование церковным хозяйством (39 руб. 19 коп.) и вывозка нечистот (193 руб.)³⁵. В 1904 г. была заново перестелена булыжным камнем мостовая, что обошлось в 17 руб. 50 коп.; в 1907 г. 249 руб. 60 коп. потрачены на обустройство парка.

В 1894 г. подаяний продуктами было роздано призреваемым на сумму 1 112 руб. 92 коп. С 1912 г., помимо кружечного сбора, в отчетах стали указывать сумму пожертвований, поступивших от разных лиц (в 1912 г. – 4 133 руб. 5 коп.³⁶, в 1914 г. – 2 626 руб. 28 коп.³⁷). После открытия при богадельне родовспомогательного отделения и лечебницы в отчетах появились соответствующие статьи бюджета. Так, например, в 1914 г. на содержание родовспомогательного заведения и лечебницы было получено 224 руб. 50 коп.

Таблица 5

Расходование денежных средств в богадельне (в рублях)

Год	Жалование	Продовольствие	На одежду и обувь	На отопление	На освещение	На имущество	На ремонт строений	На разные расходы	Итого
1894	1 509,75	8 004,39	349,47	772,50	202,98	107,48	759,55	2 355,73	14 061,84
1901	1 543,54	11 009,35	560,77	954,85	631,63	275,60	363,61	925,72	16 501,29
1903	1 486,08	11 509,31	784,45	1 094,25	374,78	179,48	132,48	1 005,22	16 996,90
1904	1 560,56	10 960,48	411,55	1 213,53	367,52	174,4	474,20	727,62	17 729,32
1905	1 715,50	12 573,85	166,6	993,80	281,82	245,43	764,51	1 184,3	18 377,83
1906	1 749,27	13 527,7	473,10	1 095	344,94	128,78	304,52	421,51	19 317,31
1907	1 781,37	14 941,73	1 519,65	762,90	461,58	40,15	66	1 432,56	21 461,88
1908	2 181,38	15 810,36	471,12	1 467,45	617,36	210,20	1 127,22	1 443,33	23 118,22
1912	1 701	14 431,96	496,30	1 129,60	440,78	107,45	506,62	1 451,18	24 459,38
1914	2 505	14 694,42	163,06	1 604,50	503,05	295,99	811,81	1 463,86	21 745,70

Составлено по: Отчет по содержанию Нижегородской Александровской общественной женской богадельни за 1894 год. Н. Новгород, 1895. С. 3; Отчет по содержанию ... за 1901 год. Н. Новгород, 1902. С. 7; Отчет по содержанию ... за 1903 год. Н. Новгород, 1904. С. 6; Отчет по содержанию ... за 1904 год. Н. Новгород, 1905. С. 6; Отчет по содержанию ... за 1905 год. Н. Новгород, 1906. С. 6; Отчет по содержанию ... за 1906 год. Н. Новгород, 1907. С. 5; Отчет по содержанию ... за 1907 год. Н. Новгород, 1908. С. 7; Отчет по содержанию ... за 1908 год. Н. Новгород, 1909. С. 28; Отчет по содержанию ... за 1912 год. Н. Новгород, 1916. С. 38–41; Отчет ... за 1914 год. Н. Новгород, 1917. С. 8–9.

Для обеспечения призреваемых в богадельне едой ежегодно закупались различные продукты питания: гречневая и овсяная крупа, пшено, мука второго и третьего сортов, ржаная, гречневая и картофельная мука, солод, соль, льняное масло, белые грибы, сахарный песок, яйца, дрожжи, рис, анис, горчица, изюм, миндаль, ваниль, мармелад, сметана, творог. У купца Н.М. Торсуева приобреталась свежая и малосольная рыба (севрюга, осетрина, сазан, вобла, судак, щука), икра лещовая и ястычная, белые грибы, льняное и подсолнечное масло, свежее мясо, солонина, телятина, баранина. У купца М.П. Кузнецова – ржаной хлеб и куличи

³⁴ Отчет по содержанию ... за 1901 год... С. 20.

³⁵ Отчет по содержанию ... за 1903 год... С. 20.

³⁶ Отчет по содержанию ... за 1912 год... С. 4.

³⁷ Отчет по содержанию ... за 1914 год... С. 27.

(в 1894 г. – 2093 пуда 10 фунтов хлеба и 10 пудов куличей)³⁸. Также у И.А. Щелокова и А.А. Пикиной приобретались свежие овощи (капуста, картофель, репчатый и зеленый лук, морковь, огурцы), а у А.Н. Кавылкиной – фрукты и ягоды (яблоки, клюква). Поставщиками выступали также купцы И.С. Мусин, М.Н. Седов, М.И. Кузнецов, Н.Х. Курепин, С.Н. Пологов, Е.И. Сафронов, Ф.И. Кишкинцев, Д.П. Устинов, И.С. Лебедев, В.А. Заплатин, Я.Е. Башкиров, Е.Я. Аферов, А.А. Денисов, А.Е. Бодростин, А.С. Вяхирев, Н.А. Смирнов, А.С. Торсуев, купчихи М.И. Голикова, Г.Н. Рябинина, З.А. Катина и др. Для слабых женщин ежемесячно покупали молоко. Например, в январе 1907 г. было куплено 33 стакана³⁹. Продукты хранили в погребах, для чего их набивали льдом, капусту и мясо рубили во дворе.

Из других статей расходов отметим следующие: ежегодные пособия из Нижегородского губернского казначейства для призреваемых солдатских вдов (их размер постепенно возрастал, в 1904 г. на них было в целом получено 72 руб. (к сожалению, каков был размер одного пособия в отчетах не уточняется, но можно предположить, что он составлял около 5 руб., так как в 1904 г. в богадельне находились 14 солдатских вдов⁴⁰)); деньги на продовольствие двум дворникам (их выделяла смотрительница родовспомогательного заведения – по 8 руб. каждый месяц); оплата чистки помойной ямы и водопроводного колодца, находившихся в совместном пользовании родовспомогательного заведения и богадельни (в 1904 г. попечитель родовспомогательного заведения И.С. Мусин выделил на это 184 руб. 75 коп.). Кроме того, для призреваемых покупалась одежда, обувь и ткани: башмаки кожаные (в 1894 г. – 63 пары на 77 руб. 50 коп.) и валяные (в 1894 г. – 31 пара на 36 руб. 85 коп.⁴¹), холст, коленкор, ситец, шерсть, пуговицы и мотки ниток. Иногда старая обувь отдавалась в починку. Так, в 1908 г. призреваемым закупили туфли на 161 руб., а 41 руб. потратили на их ремонт⁴².

Требовались также средства на отопление богадельни. На это шли дрова из городских запасов, оплачивавшиеся городской управой. Для освещения покупались керосин, деревянное масло, стеариновые и восковые свечи, спички, стекла и фитили для фонарей. Ежегодно обновлялись мебель, посуда и постельное белье. Так, в 1894 г. приобретено: 31 железная кровать, 10 деревянных чашек, 4 матраца, 5 дубовых бочек, 2 судна, чугуны, шумовки, лотки, деревянные ложки⁴³; в 1903 г. – 5 железных кроватей, 5 матрацев, стенные часы, железо для изготовления противней для кухни, лоханка для прачечной, 5 железных ковшей, 10 дубовых шаек для бани, шкаф, 7 эмалированных чугунов, дубовая кадка, лоханка для стирки белья, эмалированный котелок, 10 столовых чашек, 100 ложек, 10 эмалированных чашек, 16 аршин шнура⁴⁴. В 1901 г. старицам еще было выдано 109 штук носовых платков. В отчете за 1908 г. приведен полный перечень всего имущества богадельни на 1 января 1909 г. В распоряжении заведения находились 17 икон (св. Александра Невского, Целителя Пантелеимона, Воскресения Господня, Божией Матери, преподобного Серафима Саровского и другие), 155 железных кроватей, 2 письменных стола, конторка, этажерка, овальный стол, мягкий диван, 3 кресла, 5 венских стульев, деревянная вешалка, 8 простых столов для столовой, 28 разных скамеек, 3 кухонных стола со шкафами, 56 двойных столов со шкафами к кроватям, 42 одиночных стола со шкафом к кроватям, 158 деревянных табуретов, 5 шкафов для посуды, 2 деревянных стола для покойниц, 231 предмет посуды (миски, черпаки, сотейники, кастрюли, шумовки и пр.), 488 предметов разного имущества (стенные часы, канцелярские принадлежности, подсвечники, электрические лампы, железные лопаты, тачки, матрацы и другое), 3 276 предметов одежды (в том числе 516 платьев, 523 сорочки, 339 полотенец

³⁸ Отчет по содержанию ... за 1894 год... С. 5.

³⁹ Отчет по содержанию ... за 1907 год... С. 22.

⁴⁰ Отчет по содержанию ... за 1904 год... С. 35.

⁴¹ Отчет по содержанию ... за 1894 год... С. 9.

⁴² Отчет по содержанию ... за 1907 год... С. 26.

⁴³ Отчет по содержанию ... за 1894 год... С. 11.

⁴⁴ Отчет по содержанию ... за 1903 год... С. 14.

и др.)⁴⁵. В 1908 г. для богадельни была приобретена железная лестница на крышу, мочальные односпальные матрацы, вентиляционные железные печи, медные котлы.

Проводились также и ремонтные работы, требовавшие приобретения строительных материалов: железа, чугунных плит, огнеупорного кирпича, леса. Обновлялись печи, производились плотничьи, столярные, слесарные, штукатурные и малярные работы, исправлялись водопроводные краны и прочищались трубы, переустраивались ватерклозеты. В 1903 г. в богадельне были установлены электрические звонки, починена крыша, отремонтирована печь и труба в бане. Придомовую территорию содержали в чистоте, во дворе регулярно чистили мусор и снег.

Среди прочих расходов значились: рытье могил на Петропавловском кладбище, оплата гробов, ремонт часов, стоимость газеты «Волгарь», починка валяных ботинок, покупка канцелярских принадлежностей, медной посуды, ламп, кружек, стекол, скипидара, гвоздей и шурупов. Отдельно оплачивались услуги типографии за печать билетов на получение бесплатных обедов, за переплет талонной, приходо-расходной книг и отчетов. Приобреталась карболовая кислота, мыло, вата для окон, мочальные щетки, тальниковые корзины, сукно для икон, деревянные лопаты, решета. В разных расходах значилась также выдача денег прачке за стирку и уборку белья. Например, в 1901 г. прачке Александровой было выплачено 169 руб. 50 коп.⁴⁶, а в 1908 г. прачке Ошуркиной за поденную стирку белья – 206 руб. 90 коп.⁴⁷ А извозчикам платили за поездку прачки на Волгу с бельем. На зиму вставлялись зимние рамы. Позже здание богадельни было застраховано, стоимость страховки тоже выплачивалась из средств заведения (в 1903 г. стоимость страховки составила 30 руб. 8 коп.⁴⁸). Церкви отдавалась часть кружечного сбора, оплачивались панихиды. Попечители заботились и о духовном состоянии призреваемых. В 1903 г. художнику Померанцеву была заказана икона преподобного Серафима Саровского для столовой.

В богадельне выдавались бесплатные обеды в указанные сроки и в соответствии с заказами благотворителей. На дома обеды отпускались только тем нуждающимся, которые имели на это особые билеты, выдававшиеся попечительством богадельни. Попечительство заблаговременно удостоверялось в степени нужды. Пожертвования на бесплатные обеды принимались по талонной книжке. Число жертвователей с годами увеличивалось, их состав менялся. Были и постоянные благотворители. Жертвователями выступали, как правило, женщины, жены и другие родственники купцов, включая жен и детей учредителей богадельни, но иногда указывались оба супруга. В ежегодные отчеты заведения аккуратно вносились все жертвователи в порядке уменьшения их взноса. Например, в 1894 г. насчитывалось 104 жертвователя. Вносимые на обеды суммы варьировались от 1810 руб. до 30 коп. В число постоянных благотворителей входили О.П. Карпова, В.А. Зайцева, А.Н. Маркова, Н.М. Торсуева, А.С. Торсуев, А.М. Вяхирева, И.А. Иконникова, С.А. Иконников, М.А. Горинова, Н.М. Арбекова, А.С. Смирнова, И.Б. Пестова, М.Н. Рябина, Г.Н. Рябина, О.Н. Рукавишникова, В.М. Бурмистрова, Е.Н. Труслова, Я.Т. Трифонов, М.П. Зарубина, А.Г. Савинов и др. На общем фоне выделялось крупное пожертвование М.А. Зайцева (2162 руб. 56 коп.), сделанное в 1908 г. и обусловленное ростом спроса на бесплатные и дешевые обеды.

Обеды выдавались в столовой (проживавшим в богадельне – на обед и ужин, нищим – на обед) и семьям на дома. В среднем в месяц выдавалось по 14 580 порций. Всего за 1894 г. было выдано 174 976⁴⁹, а в 1901 г. – 197 545 порций. В скоромные дни готовилась соответствующая пища: щи или суп с мясом, гречневая или пшенная каша со сливочным маслом, в постные дни – щи с рыбой или белыми грибами, горох, картофельный суп с рыбой, гречневая или пшенная каша с постным маслом. В праздничные дни подавалось жаркое, а по воскресеньям – пироги. Стоимость одной порции составляла в среднем около 8 коп.: в 1901 г. одна порция обошлась благотворителям в 5 коп. в день, 1 руб. 67 коп.

⁴⁵ Отчет по содержанию ... за 1908 год... С. 62–67.

⁴⁶ Отчет по содержанию ... за 1901 год... С. 18.

⁴⁷ Отчет по содержанию ... за 1907 год... С. 16.

⁴⁸ Отчет по содержанию ... за 1903 год... С. 20.

⁴⁹ Отчет по содержанию ... за 1894 год... С. 22.

в месяц, 18 руб. 84 коп. в год⁵⁰; в 1903 г. – 5 коп. в день, 1 руб. 74 коп. в месяц, 20 руб. 88 коп. в год⁵¹; в 1904 г. – 10 коп. в день, 3 руб. 7 коп. в месяц, 36 руб. 90 коп. в год⁵²; в 1905 г. – 11 коп. в день, 3 руб. 45 коп. в месяц, 41 руб. 40 коп. в год⁵³; в 1906 г. – 8 коп. в день, 2 руб. 62 коп. в месяц, 31 руб. 50 коп. в год⁵⁴; в 1907 г. – 10 коп. в день, 3 руб. 2 коп. в месяц, 36 руб. 33 коп. в год⁵⁵; в 1908 г. – 8 коп. в день⁵⁶.

Старицы богадельни получали также подаяния продуктами: булочками, калачами, караваями белого хлеба, весовым белым хлебом, кренделями, французским хлебом, розанчиками, сайками, яйцами, чаем, сахаром, свежим мясом, бараниной, яблоками, плюшками, печеньем, пшеном, гречневой крупой, горохом, скоромным маслом, медом, пряниками, малиной, вишней. Были денежные выплаты прямо на руки старицам. В частности, в 1894 г. подобные подаяния были выданы женщинам на 1 112 руб. 92 коп.⁵⁷ В 1901 г. больше всего было выдано булок (34 887 штук)⁵⁸. В 1903 г. призреваемые получили на руки 276 караваев белого хлеба, 1 502 французские булки, 30 830 булочек малого размера, 14 пудов 12 фунтов кренделей, 1 729 калачей, 260 пирожков, 15 704 яйца, 16 фунтов чая, пуд и 25 фунтов сахара, 606 яблок, 5 пряников, пуд малины, 4 ведра творогу⁵⁹. Набор продуктов, раздававшихся старицам на руки, был постоянным.

В 1908 г. о работе Александровской женской богадельни был составлен более подробный отчет, так как гласные городской думы запросили более детальный анализ расходов заведения. В нем нашли отражение все остатки, расчеты стоимости пр. Выяснилось, что в 1908 г. на содержание богадельни было потрачено больше средств, чем обычно, из-за капитального ремонта пришедших в негодность очагов, а также покраски крыши во всем здании. Тогда же закупили новые котлы для кухни на сумму 722 руб. 20 коп. Кроме того, из-за общего подорожания продуктов значительно дороже обошлись и бесплатные обеды для призреваемых. Повышение цен было связано с очередным экономическим кризисом, охватившим с 1907 г. Европу и США. И хотя в России от этого кризиса пострадали в первую очередь черная металлургия и металлообработка, оптовые цены на сельскохозяйственные товары также выросли из-за сниженных экспортных пошлин на зерно. «Так, период 1899–1914 гг. уже ознаменовался нарастанием цен. Жизнь рабочих с 1900 г. по 1911/12 гг. подорожала в Великобритании и Франции на 15 %, в Германии – на 28 %, в Бельгии – на 32 %, в Австрии – на 35 %, в Венгрии – на 37 %. Заработная плата рабочих за тот же период выросла незначительно, в среднем на 2–5 %. Россия в этом отношении мало чем отличалась от Европы. С конца 1890-х гг. по 1911/12 гг. цены на большинство важнейших продуктов питания, прежде всего на рожь, пшеницу, муку, масло, мясо, поднялись на 20–35 %. Причем больше всего это отразилось на положении рабочих, т.к. потребляемые ими низкие сорта муки, мяса, масла и других продуктов поднялись в цене гораздо сильнее средних и высоких сортов аналогичных товаров. Рост цен в указанный период затронул не только западноевропейские страны с широко развитым международным обменом, он был свойственен и России с ее огромным потенциалом в сфере производства продуктов и незначительным участием в международной торговле»⁶⁰.

Повышение стоимости продовольствия привело к увеличению числа нуждающихся в городе. Попечительство было вынуждено за общий счет богадельни ежедневно отпускать более ста обедов, хотя отведенные на эти цели средства позволяли отпускать не более

⁵⁰ Отчет по содержанию ... за 1901 год... С. 21.

⁵¹ Отчет по содержанию ... за 1903 год... С. 21.

⁵² Отчет по содержанию ... за 1904 год. Н. Новгород, 1905. С. 25.

⁵³ Отчет по содержанию ... за 1905 год. Н. Новгород, 1906. С. 21.

⁵⁴ Отчет по содержанию ... за 1906 год. Н. Новгород, 1907. С. 27.

⁵⁵ Отчет по содержанию ... за 1907 год... С. 37.

⁵⁶ Там же. С. 41.

⁵⁷ Отчет по содержанию ... за 1894 год... С. 26.

⁵⁸ Отчет по содержанию ... за 1901 год... С. 27.

⁵⁹ Отчет по содержанию ... за 1903 год... С. 28.

⁶⁰ Ефимова Е.А., Захаров А.В. Рост цен и уровень жизни населения в условиях мобилизации экономики (на материалах 1914–1915 гг.) // Власть. 2014. № 7. С. 149–154.

30 порций. Таким образом, богадельня ежедневно отпускала около 70 никем не оплаченных обедов, что отразилось на бюджете заведения. Не прошло незамеченным и увеличение штата служащих богадельни. Были наняты: доктор (его жалованье составило 75 руб.), санитарка (в ее ведении находилась аптечка), помощник смотрителя (для более правильного ведения отчетности по выдаче на дома обедов). Все это увеличило содержание богадельни на 400 руб. Однако попечители смогли справиться с этой ситуацией, и перерасход на 1 января 1909 г. составил лишь 475 руб. 46 коп. Для покрытия этого перерасхода попечительство приняло решение сократить количество выдававшихся обедов, так как потребность в них населения Нижнего Новгорода стала уменьшаться. В 1912 г. чистый капитал богадельни составлял 17 048 руб. 8 коп., при этом богадельня имела долг разным лицам в размере 2 481 руб. 75 коп. и 3 005 руб. 20 коп. за устройство прачечной при родо-вспомогательном заведении⁶¹.

Видно, что попечителям, как правило, хватало средств на все нужды заведения, хотя стоимость содержания богадельни с годами возрастала в связи с повышением цен на продукты питания, дрова, керосин, а также большим числом призреваемых лиц и выдававшихся бесплатных обедов. По итогам года мог образовываться долг в виде неоплаченных счетов: например, в 1907 г. все расходы по содержанию богадельни сметой этого года покрыты не были и на 1 января 1908 г. оставались неоплаченные счета на сумму 2 145 руб. 51 коп.⁶² Эта сумма была списана из сметы 1908 г. Для компенсации образовавшегося по этой причине недостатка средств попечительство богадельни было вынуждено ходатайствовать перед городской думой о выдаче ему свободных остатков по содержанию богадельни от сметы прошлых лет. Дума удовлетворила это прошение, и остатки по отчету управы на 1 января 1908 г. в сумме 3 337 руб. 17 коп. были разрешены к выдаче, но деньги эти выдавались частями (в январе и марте 1909 г.), поэтому все неоплаченные счета (всего на 4 463 руб. 47 коп.) были указаны в остатке на 1 января 1909 г.

Заключение. Итак, Александровская городская общественная женская богадельня была одним из старейших благотворительных заведений города, существовала за счет особых капиталов, образовавшихся из пожертвований частных благотворителей и общественных сумм (отчисления с прибыли Николаевского общественного банка, на сбор с купцов 1-й и 2-й гильдии, установленный приговором купеческого общества, а также на пособия от земства). Под богадельню было спроектировано и построено специальное здание, которое и сейчас является частью архитектурного облика города. Позже при богадельне открылось родо-вспомогательное отделение и лечебница. Обслуживание здания (отопление, освещение, ремонт, страхование, вывоз нечистот, санитарная обработка) тоже входило в смету. При заведении состоял штат служащих, которому выплачивалось жалование. Богадельня имела стипендиальные кровати, которые обеспечивались неприкосновенными денежными фондами от частных лиц и от города. Количество именных кроватей с каждым годом росло (от 51 в 1894 г. до 135 в 1914 г.). Также при богадельне был заведен отпуск обедов: дешевых платных для беднейших слоев населения (заказывались благотворителями) и бесплатных (в столовых богадельни). Бесплатные обеды отпускались не только непосредственно в самом учреждении, но и выдавались неимущим семьям на дом, а также по «карточкам» от городского головы. Заведение было всесословным, но среди призреваемых преобладали мещанки, число которых варьировалось от 47 до 158; при этом принимались как вдовы, так и незамужние женщины, оставшиеся без средств к существованию. В богадельне могли проживать не только жительницы Нижнего Новгорода, но и других городов. Женщины обеспечивались пищей, одеждой, обувью, мебелью, посудой, постельным бельем, канцелярскими принадлежностями. Помимо обедов, выдавались еще подаяния продуктами и деньгами, а для призреваемых солдатских вдов существовало дополнительное пособие. Богадельней управляло попечительство, избиравшееся городской думой, а его председателем выступал городской голова. Деятельность попечительства и расхо-

⁶¹ Отчет по содержанию ... за 1912 год... С. 2.

⁶² Отчет по содержанию ... за 1908 год... С. 1.

вание средств находились под строгим контролем со стороны органов городского самоуправления. Ежегодные отчеты о деятельности богадельни направлялись в городскую управу, а оттуда – губернатору и в Министерство внутренних дел. Таким образом, Александровская богадельня – наглядный пример взаимодействия представителей купеческих семей с органами городского самоуправления.

Богадельня существовала до 1917 г., а родовспомогательное отделение пережило революцию, впоследствии заняло все здание бывшей богадельни и получило самую широкую известность у нижегородцев как роддом № 1. Здание много раз ремонтировалось и капитально, и косметически. Печное отопление сменили на водяное (в одном из подвалов располагалась кочегарка), потом на центральное. Последний большой капитальный ремонт был произведен в 1988–1990 гг. В настоящее время дважды в год (зимой и летом) роддом закрывают на профилактику (проводят дезинфекционные работы, заново чистят и моют), после чего он возобновляет свою работу. Таким образом, благое начинание нижегородских купцов продолжает приносить пользу городу и сегодня.

Литература

Акимова Т.И. Взаимодействие губернских общественных организаций и власти в последней четверти XIX века (на примере Нижегородской губернии) // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2013. № 2. С. 48–60.

Ефимова Е.А., Захаров А.В. Рост цен и уровень жизни населения в условиях мобилизации экономики (на материалах 1914–1915 гг.) // Власть. 2014. № 7. С. 149–154.

Запелова Е.А. Благотворительная и просветительская деятельность женщин в Нижегородской губернии во второй половине XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 14–17.

Запелова Е.А. Благотворительная деятельность женщин в нижегородской губернии в 1870–1890-е гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2023. № 112. С. 61–79.

Зрячева О.А. Благотворительность нижегородских купцов в конце XIX века // Наш Анабис. 2007. № 4–5. С. 167–171.

Иванов А.А. Нижегородский Николаевский городской общественный банк. Краткий очерк пятидесятилетней деятельности банка (1864–1914). Н. Новгород: Типо-Литография Т-ва И.М. Машистова, 1914. 159 с.

Костина Е.М. Благотворительные организации Нижнего Новгорода во второй половине XIX – начале XX века // Наш Анабис. 2007. № 4–5. С. 65–70.

Краснов В.В. Нижегородская Ходяковская богадельня: История строительства // Нижегородская старина. 2008. Вып. 18. С. 73–81.

Краснов В.В. Благотворительность в купеческом Нижнем. Н. Новгород, 2019. 190 с.

Макаров И.А. Пароходовладельцы Сироткины // Каждый род знаменит и славен: из истории нижегородского предпринимательства XVII – начала XX в. Н. Новгород: Нижполиграф, 1999. С. 202–220.

Наумова О.И. 100 биографий домов Нижнего Новгорода: Каждый дом – своя судьба. 3-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Кварц, 2013. 256 с.

Пудалов Б.М. «Сотворите дело благое...» (Из истории благотворительности в Нижегородской губернии) (по материалам Центрального архива Нижегородской области) [Электронный ресурс] // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <https://opentextnn.ru/archives/afnn/gano/sotvorite-delo-blagoe-iz-istorii-blagotvoritelnosti-v-nizhegorodskoj-gubernii/> (дата обращения: 21.11.2024).

Родословная Спирина Геннадия Васильевича / Т.Л. Грачева, Д.Е. Гуляев, Г.В. Спирин, Д.А. Спирина. Н. Новгород, 2012. Кн. 2: Род Летицких.

Седов А.В. Кержаки: история трех поколений купцов Бугровых. Н. Новгород: НОВО, 2010. 212 с.

Седов А.В. Мукомольное дело. Башкировы // Нижегородский край: факты, события, люди: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 1994. С. 205–207.

Седов А.В. Купцы-старообрядцы Блиновы. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2007. 55 с.

Селезнев Ф.А. Общественная жизнь после великих реформ // Славное прошлое нижегородской земли: книга для внеклассного чтения по истории Нижегородского края. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2013. С. 199–205.

Тиховодова А.В. Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 9. С. 486–511.

Тиховодова А.В. История открытия и устройство Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 8. С. 488–514.

Тиховодова А.В. Нижегородский городской Вдовый дом в конце XIX – начале XX века: деятельность в области образования и здравоохранения // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 506–524.

Тиховодова А.В. Общественные организации Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX в. и их вклад в разрешение социальных проблем // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 2 (34). С. 72–86.

Ульянова Г.Н. Капиталы на пособия бедным невестам в благотворительной практике XIX – начала XX века: бюрократическая матрица и религиозные воззрения // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2020. № 30. С. 134–136.

Филимонова Г.В. Николаевский городской общественный банк Нижнего Новгорода [Электронный ресурс] // «Въичный вкладъ». URL: <https://ruea.ru/images/articles/128/Ni4g0J3QndC%2B0LLQs9C%2B0YDQvtC0X9Ce0LHRidC10YHRgtCy0LXQvdC90YvQuVQsdCw0L3Qul85OF8xMTMucGRm.pdf> (дата обращения: 21.11.2024).

References

Akimova, T.I. (2013). Vzaimodeystvie gubernskikh obshchestvennykh organizatsiy i vlasti v posledney chetverti XIX veka (na primere Nizhegorodskoy gubernii) [Interaction of Provincial Public Organizations and Authorities in the Last Quarter of the 19th Century (On the Example of Nizhny Novgorod Province)]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva. Seriya: Upravleniye v sotsialnykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii*. No. 2, pp. 48–60.

Efimova, E.A., Zakharov, A.V. (2014). Rost tsen i uroven' zhizni naseleniya v usloviyakh mobilizatsii ekonomiki (na materialakh 1914–1915 gg.) [Price Growth and Living Standards of the Population in the Conditions of Economic Mobilization (On the Materials of 1914–1915)]. In *Vlast'*. No. 7, pp. 149–154.

Filimonova, G.V. (Ed.). *Nikolaevsky gorodskoy obshchestvennyy bank Nizhnego Novgoroda* [Nikolaevsk City Public Bank of Nizhny Novgorod]. Available at: URL: <https://ruea.ru/images/articles/128/Ni4g0J3QndC%2B0LLQs9C%2B0YDQvtC0X9Ce0LHRidC10YHRgtCy0LXQvdC90YvQuVQsdCw0L3Qul85OF8xMTMucGRm.pdf> (date of access 21.11.2024).

Gracheva, T.L., Gulyaev, D.E., Spirin, G.V., Spirina, D.A. (2012). *Rodoslovnaya Spirina Gennadiya Vasil'evicha* [The Family Tree of Gennady Vasilyevich Spirin]. Nizhny Novgorod, 2012. Book 2: Rod Letitskikh.

Ivanov, A.A. (1914). *Nizhegorodskiy Nikolaevskiy gorodskoy obshchestvennyy bank. Kratkiy ocherk pyatidesyatiletney deyatel'nosti banka (1864–1914)* [Nizhny Novgorod Nikolaevsky City Public Bank. A Brief Sketch of Fifty Years of the Bank's Activity (1864–1914)]. Nizhny Novgorod, Tipo-Litografiya T-va I.M. Mashistova. 159 p.

Kostina, E.M. (2007). Blagotvoritel'nye organizatsii Nizhnego Novgoroda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Charity Organizations of Nizhny Novgorod in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Nash Anabisi*. No. 4–5, pp. 65–70.

Krasnov, V.V. (2008). Nizhegorodskaya Khodalevskaya bogadel'nya: Istoriya stroitel'stva [The Nizhny Novgorod Khodalevskaya Almshouse: History of Construction]. In *Nizhegorodskaya starina*. Iss. 18, pp. 73–81.

Krasnov, V.V. (2019). *Blagotvoritel'nost' v kupecheskom Nizhnem* [Charity in the Merchant Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod. 190 p.

Makarov, I.A. (1999). Parokhodovladel'tsy Sirotkiny [Steamship Owners Sirotkins]. In *Kazhdyy rod znamenit i slaven: is istorii nizhegorodskogo predprinimatelstva XVII – nachala XX v.* Nizhny Novgorod, Nizhpoligraf, pp. 202–220.

Naumova, O.I. (2013). *100 biografii domov Nizhnego Novgoroda: Kazhdyy dom – svoya sud'ba* [100 Biographies of the Houses of Nizhny Novgorod: Every House – Its Own Destiny]. Nizhny Novgorod, Kvarts. 256 p.

Pudalov, B.M. (Ed.). “Sotvorite delo blagoe...” (*Iz istorii blagotvoritel'nosti v Nizhegorodskoy gubernii*) (*po materialam Tsentral'nogo arkhiva Nizhegorodskoy oblasti*) [“Create a Good Deed...” (From the History of Charity in Nizhny Novgorod Province) (On the Materials of the Central Archive of Nizhny Novgorod Region)]. Available at: URL: <https://opentextnn.ru/archives/afnn/gano/sotvorite-delo-blagoe-iz-istorii-blagotvoritelnosti-v-nizhegorodskoj-gubernii/> (date of access 21.11.2024).

Sedov, A.V. (1994). Mukomol'noe delo. Bashkirovy [Flour-Milling Business. The Bashkirovs]. In *Nizhny Novgorod region: facts, events, people: textbook*. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr, pp. 205–207.

Sedov, A.V. (2007). *Kupty-staroobryadtsy Blinovы* [Merchant Old Believers Blinovs]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr. 55 p.

Sedov, A.V. (2010). *Kerzhaki: istoriya trekh pokoleniy kuptsov Bugrovых* [Kerzhaki: A History of Three Generations of the Merchants Bugrovs]. Nizhny Novgorod, NOVO. 212 p.

Seleznev, F.A. (2013). Obshchestvennaya zhizn' posle velikikh reform [Public Life after the Great Reforms]. In *Slavnoe proshloe nizhegorodskoy zemli: kniga dlya vneklassnogo chteniya po istorii Nizhegorodskogo kraya*. Nizhny Novgorod, DECOM, pp. 199–205.

Tikhovodova, A.V. (2021). Deyatel'nost' blagotvoritel'nykh obshchestv i zavedeniy v Nizhegorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov [Activity of Charitable Societies and Institutions in Nizhny Novgorod Province in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries]. In *Nauchnyy dialog*. No. 9, pp. 486–511.

Tikhovodova, A.V. (2022). Istoriya otkrytiya i ustroystvo Nizhegorodskogo gorodskogo obshchestvennogo imeni Blinovых i Bugrovых Vdov'ego doma v kontse XIX – nachale XX vekov [History of the Opening and Organization of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinovs and Bugrovs Widow's House in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Nauchnyy dialog*. Vol. 11, No. 8, pp. 488–514.

Tikhovodova, A.V. (2022). Obshchestvennye organizatsii Nizhegorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. i ikh vklad v razreshenie sotsial'nykh problem [Public Organizations of Nizhny Novgorod Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century and Their Contribution to the Resolving of Social Problems]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*. Vol. 9, No. 2 (34), pp. 72–86.

Tikhovodova, A.V. (2023). Nizhegorodskiy gorodskoy Vdoviy dom v kontse XIX – nachale XX veka: deyatel'nost' v oblasti obrazovaniya i zdравookhraneniya [Nizhny Novgorod City Widow's House in the Late 19th – Early 20th Century: Activities in the Field of Education and Health Care]. In *Nauchnyy dialog*. Vol. 12, No. 7, pp. 506–524.

Ulyanova, G.N. (2020). Kapitaly na posobiya bednym nevestam v blagotvoritel'noy praktike XIX – nachala XX veka: byurokraticheskaya matritsa i religioznye vozzreniya [Capitals for Allowances to Poor Brides in Charitable Practice of the 19th – Early 20th Century: Bureaucratic

Matrix and Religious Views]. In *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta*. No. 30, pp. 134–136.

Zapevalova, E.A. (2017). Blagotvoritel'naya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' zhenshchin v Nizhegorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka [Charity and Educational Activities of Women in Nizhny Novgorod Province in the Second Half of the 19th Century]. In *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 5, pp. 14–17.

Zapevalova, E.A. (2023). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' zhenshchin v nizhegorodskoy gubernii v 1870–1890-e gg. [Charitable Activity of Women in Nizhny Novgorod Province in 1870–1890]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. No. 112, pp. 61–79.

Zryacheva, O.A. (2007). Blagotvoritel'nost' nizhegorodskikh kuptsov v kontse XIX veka [Charity of Nizhny Novgorod Merchants at the End of the 19th Century]. In *Nash Anabis*. No. 4–5, pp. 167–171.

Ю.В. Антонова*

**ФИНАНСИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОГО ЖЕНСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)**doi:10.31518/2618-9100-2025-4-13
УДК 9(908)/37(091,092)*Выходные данные для цитирования:**Антонова Ю.В. Финансирование деятельности Императорского женского патриотического общества (к истории вопроса) // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 196–207. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-13.pdf>*

Yu.V. Antonova*

**FINANCING OF ACTIVITIES
OF THE IMPERIAL WOMEN'S PATRIOTIC SOCIETY
(TO THE BACKGROUND OF THE ISSUE)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-13

*How to cite:**Antonova Yu.V. Financing of Activities of the Imperial Women's Patriotic Society (To the Background of the Issue) // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 196–207. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-13.pdf>]*

Abstract. The article presents examples of charitable activities in the field of education and upbringing based on the records of the Imperial Women's Patriotic Society. For the first time, an attempt is made to analyze the development of the Society's financing system in the 19th century. In particular, the schemes for the formation of certain schools' capital and the general capital of the Society are studied. The reasons for the changes in approaching the system of financing (rising prices, the expanding scale of activities, insufficient private donations) are identified. The plan of capitals' centralization is studied as well as mechanisms of transferring parts of school capitals to the Board of the Society and creating inviolable deposits in order to create a stable long-term financial basis for activities. The article analyzes the capabilities of the Society within the framework of the Russian Empire's legislation on charity. These facts show the dynamism and effectiveness of charitable institutions in pre-revolutionary Russia, their willingness to respond promptly to changing socio-economic conditions, their ability to mitigate the negative effects of social inequality and meet the growing needs of population. The results obtained in the course of this research can be used in comprehensive studies of charity in Russia and practices of forming inviolable capital (deposits), as well as to develop and implement modern charity projects and elaborate a rational strategy for interaction between the state and society in the implementation of social policy.

Keywords: charity, Imperial Women's Patriotic Society, financing, inviolable capital, needlework schools.

The article has been received by the editor on 19.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье представлены примеры благотворительной деятельности в сфере образования и воспитания на основе делопроизводственных материалов Императорского женского патриотического общества. Впервые предпринята попытка дать анализ развития системы финансирования деятельности Общества в XIX в., в частности изучены схемы формирования капиталов отдельных школ и общих капиталов Общества, выявлены причины изменения подхода к системе финансирования (рост цен

* **Юлия Викторовна Антонова**, кандидат исторических наук, Тульская духовная семинария Тульской Епархии Русской Православной Церкви, Россия, Тула, e-mail: julia.antonova.julia@yandex.ru
Yulia Viktorovna Antonova, Candidate of Historical Sciences, Tula Theological Seminary of the Tula Diocese of the Russian Orthodox Church, Tula, Russia, e-mail: julia.antonova.julia@yandex.ru

и расширение масштабов деятельности, недостаточность частных пожертвований), изучен план централизации капиталов, механизмы разрешения вопросов передачи части капиталов школ Правлению общества и создания неприкосновенных капиталов в целях обеспечения стабильной долгосрочной финансовой основы деятельности. В статье проанализированы возможности Общества в рамках законодательства Российской империи о благотворительности. Приведенные факты показывают динамичность и эффективность деятельности благотворительных учреждений в дореволюционной России, готовность оперативно реагировать на изменение социально-экономических условий, способность смягчать негативные последствия социального неравенства и удовлетворять растущие потребности населения. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, могут быть использованы для создания комплексных исследований по истории благотворительности в России и практики образования неприкосновенных капиталов (вкладов), а также для разработки и реализации современных проектов в сфере благотворительности и выработки рациональной стратегии взаимодействия государства и общества в проведении социальной политики.

Ключевые слова: благотворительность, Императорское женское патриотическое общество, финансирование, неприкосновенный капитал, школы рукоделия.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025 г.

Тяжелые испытания, которые пережила Россия в начале XIX в. – Отечественная война 1812 г. и заграничные походы российской армии – сплотили общество. Необходимость оказания помощи раненым, переселенцам, вдовам, сиротам осознавалась правящей элитой и общественностью. Сострадание и милосердие как важнейшие составляющие христианского служения находили свое проявление в различных инициативах, одной из которых стало создание Санкт-Петербургского патриотического женского общества под председательством императрицы Елизаветы Алексеевны: оно было учреждено в ноябре 1812 г. для помощи бедным¹. Первый детальный анализ его деятельности представлен в работе Е.С. Шумигорского, опубликованной в 1912 г. к столетнему юбилею Общества². В том же году вышла книга «Благотворительные учреждения России», где Общество упоминается как «учреждение Ведомства Императрицы Марии»³. Российские историки исследовали различные аспекты деятельности Общества, как правило, в контексте развития благотворительности в России. Так, М.А. Сенина, рассмотрев различные направления и формы помощи Общества нуждающимся слоям населения и отметив большой вклад членов императорского дома Романовых в развитие Общества, все же пришла к выводу, что «подобная благотворительность была не столько показной, сколько не соответствующей уровню социальных проблем»⁴. Общим вопросам развития благотворительности в Российской империи посвящены работы Г.Н. Ульяновой⁵, комплексный анализ благотворительной деятельности представлен в работах российских и зарубежных исследователей, вошедших в сборники «Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования»⁶. Законодательству о благотворительной деятельности посвящены работы Г.Н. Ульяновой, С.П. Вольфа, Е.А. Абросимовой и других исследователей⁷. Авторы, указывая на недостатки правового регулирования в этой сфере, приходят к выводу, что это все же не препятствовало

¹ О Санкт-Петербургском патриотическом женском обществе и частных школах его. СПб., 1853. С. 1.

² Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). Исторический очерк. СПб., 1912.

³ Благотворительные учреждения России. СПб., 1912.

⁴ Сенина М.А. Власть и общество. Императорское женское патриотическое общество в начале XX в. и в период Первой мировой войны // История. 2009. № 1. С. 87.

⁵ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи XIX – начало XX в. М., 2005.

⁶ Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003–2004.

росту благотворительных инициатив. Особое место занимают исследования, посвященные благотворительности императорского дома Романовых как в целом, так и непосредственно в сфере образования (организации школ, в том числе ремесленных, швейных мастерских, подготовке педагогических кадров)⁸. Так как реконструкция всей истории колоссальной, поистине подвижнической роли Императорского женского патриотического общества выходит за рамки статьи, целью представленного исследования является анализ системы финансирования деятельности Общества и ее существенного преобразования в конце XIX в.

Согласно уставу, опубликованному в 1817 г., содержанием деятельности Общества стала «раздача денег на первые потребности, исходатайствование мест больным, слабым и увечным в казенных и частных больницах и богадельнях, ходатайство о помещении детей бедных родителей в училища на казенное содержание, смотря по состоянию в поручении детей честным и искусным мастерам для изучения ремесел, для которых они после могли бы снискать себе пропитание»⁹. В члены правления принимались дамы дворянского и купеческого звания, проживавшие в Санкт-Петербурге, каждая из которых вносила по 200 руб. и обязалась вносить такую же сумму ежегодно; изначально набралось 100 членов, желавших принять участие в деятельности общества, в основном представители дворянства, однако в дальнейшем состав постоянно расширялся. Для руководства было избрано правление из 12 человек, выбиравших председательницу. Общество существовало за счет пожертвований денежных средств, а также продуктов питания, тканей и всего того, что можно было употребить на помощь бедным. Деятельность Общества была чрезвычайно успешна, что отражают уставы учреждения 1817, 1833 и 1882 гг., его ежегодные отчеты, публикации в прессе, воспоминания современников. В 1833 г. Общество поставило еще одну цель: «Доставление беднейшим девицам разного состояния способов к содержанию себя и семейств своих приличными занятиями, а с тем месте к получению образования, соответствующего их положению и наипаче к удалению от праздности, порождающей пороки со всеми гибельными последствиями»¹⁰. В этот период было открыто 13 школ для девочек, состоявших на иждивении Общества по сиротству или крайней бедности пансионеров; в программу обучения входили как общеобразовательные предметы, так и «рукоделие всякого рода от обыкновенного до самого тонкого шитья и вышивания»¹¹. Трудно переоценить значение этого направления, оно стало важным инструментом социализации девочек из бедных семей и сирот. Практика определения этих девочек в школы Общества как пансионеров, обучавшихся

Рис. 1. Здание Екатерининской (бывшей Литейной) школы (Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). Исторический очерк с иллюстрациями и автографами. СПб., 1912. С. 161)

⁷ Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX в.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32; Вольф С.П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 92–100; Абросимова Е.А. История законодательного регулирования, создания и деятельности российских благотворительных организаций // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 6. С. 89–94; и др.

⁸ Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых XIX – начало XX в. М., 2015.

⁹ Учреждение Санкт-Петербургского патриотического женского общества. СПб., 1817. С. 17–18.

¹⁰ Устав Санкт-Петербургского женского патриотического общества 14 мая 1833. СПб., 1833. С. 5.

¹¹ Там же. С. 17.

Рис. 2. Дети на прогулке
(Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество... С. 174)

за счет членов императорской семьи, представителей дворянства и купечества, получила широкое распространение. Изучение отчетов Общества показывает, что среди пансионерок были дочери младших офицеров, солдат, дворцовых слуг и других лиц. Принимались и «приходящие ученицы», самостоятельно вносившие плату за обучение. Хорошее образование и профессия давали выпускницам возможность занять достойное место в жизни, создать семью. Выражаясь современным языком, деятельность Общества представляла масштабный проект воспитания, образования и трудоустройства нуждающихся.

При рассмотрении вопросов правового регулирования деятельности Общества необходимо отметить, что действовавшее законодательство прежде всего распространялось на «общественное призрение», но, несомненно, по многим вопросам, особенно в части принятия пожертвований, касалось и других благотворительных учреждений.

Императорское женское патриотическое общество относилось к Ведомству учреждений императрицы Марии, образованному по высочайшему указу от 25 октября 1828 г.: именно в этом указе всем учреждениям было присвоено название «Учреждения Императрицы Марии», во главе Ведомства был поставлен статс-секретарь, тайный советник Григорий Иванович Вилламов¹². Руководил Ведомством Опекунский совет, имевший два присутствия: в Санкт-Петербурге и Москве. Опекунский совет выполнял функции высшего государственного учреждения для обсуждения финансовых, хозяйственных дел, а также законодательных вопросов Ведомства. Дела в Совет вносились по Высочайшему повелению или по распоряжению главноуправляющего, имевшего право личного доклада императору¹³.

В 1818 г. были обобщены ранее принятые акты и издано первое собрание узаконений «Об общественном призрении», в котором непосредственно благотворительных обществ касался порядок принятия пожертвований (они допускались лишь от лиц высокой нравственности)¹⁴. Свод 1832 г. включал акты, регламентирующие деятельность заведений, состоящих вне системы приказов общественного призрения, устроенных на частные пожертвования в период 1818–1831 гг., а также заведения Человеколюбивого общества¹⁵. В дальнейшем «Устав об общественном призрении», дополненный текущими постановлениями, публиковался в составе «Свода законов Российской империи» в 1842 и 1857 гг. Как отмечает Г.Н. Ульянова, «устав 1857 г. служил основой законодательства о благотворительности вплоть до начала XX в.»¹⁶. При этом следует учитывать, что Общество создавалось на особых основаниях и, можно предполагать, было менее стеснено в своей деятельности по сравнению с другими благотворительными организациями. В 1854 г. его отнесли к четвертому из пятнадцати классов учреждений Ведомства императрицы Марии¹⁷.

В 1862 г. рассмотрение всех дел, относящихся к благотворительности и общественному призрению, включая утверждение уставов благотворительных обществ и обществ взаимопомощи, перешло от императора к Министерству внутренних дел¹⁸. Среди важных

¹² Благотворительные учреждения России... С. 3.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Об общественном призрении в России. СПб., 1818.

¹⁵ Устав о обеспечении общественного продовольствия и устав о общественном призрении // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIII, ч. 1.

¹⁶ Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России... С. 17–32.

¹⁷ Благотворительные учреждения России... С. 3.

¹⁸ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVII. № 37852.

вопросов регулирования находился порядок распоряжения средствами, оставленными на благотворительность по завещаниям. Закон 1872 г. «Об употреблении имуществ и капиталов, пожертвованных на определение общественных надобностей» устанавливал, что если использование пожертвования по изначальному назначению в силу разных обстоятельств невозможно, то, с согласия жертвователя, эти средства направлялись на другие благотворительные нужды. В случае смерти донатора пожертвование становилось неприкосновенным и вопрос о его использовании требовал решения Комитета министров, при нарушении этого положения родственники покойного имели право требовать возвращения пожертвования¹⁹.

В январе 1896 г. известный общественный деятель К.К. Грот представил министру внутренних дел И.Л. Горемыкину доклад о благотворительной деятельности и общественном призрении. Предложение автора доклада существенно расширить функции государства в этом направлении вызвало оживленную полемику, оппонентом идеи «государственного призрения» выступил В.И. Герье. В 1897 г. К.К. Грот по болезни был освобожден от работы и вскоре умер, работа по оставлению проекта прекратилась²⁰. Таким образом, попытка выработки нового закона о благотворительности закончилась неудачей. Но, несмотря на это, масштабы деятельности благотворителей постоянно увеличивались: к 1901 г. в городах и сельской местности действовало 6 278 благотворительных обществ²¹, в том числе в Ведомстве императрицы Марии к 1912 г. насчитывалось более тысячи различных учреждений учебно-благотворительного характера²².

Текущая деятельность и смелые планы Правления Императорского женского патриотического общества требовали огромных средств. По правилам образования школьных капиталов от 5 мая 1890 г. Общество из своего основного капитала на номинальную сумму в 248 485 руб. отчисляло с 1 января 1891 г. средства для образования «неприкосновенного навсегда капитала, обеспечивающего доходом содержание школ»²³. Суммы распределялись следующим образом: для школ с интернатом и ремесленным отделением (Николаевской, Ремесленной, I Васильевской) – по 22 тыс. руб. в год, для школ с интернатом без ремесленных отделений (Литейной, Петербургской, Рождественской, Голицынской) – по 20 тыс. руб., для школ без интерната с ремесленным отделением (Нарвской, Московской, Клейнмихельской, II Васильевской и Ольденбургской) – по 12 тыс. руб. и для школ без интерната и ремесленных классов (Михайловской, Сухаревской, Елисаветинской) – по 8 тыс. руб., итого 230 тыс. руб.²⁴ Предлагалась и детальная схема приращения этих сумм путем присоединения к ним уже имевшихся у некоторых школ капиталов «с приращением процента на процент» ежегодным отчислением 20 % с дохода от записанных на школу капиталов (на школу с интернатом и ремесленным отделением – по 220 руб., на школу для приходящих учениц с ремесленным классом – 200 руб., на школу для приходящих учениц без ремесленного класса – 80 руб.), оставшиеся 80 % должны были по-прежнему идти

Рис. 3. Детская спальня (Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество... С. 182)

¹⁹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XLVIII. № 50501.

²⁰ Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России... С. 29.

²¹ Максимов Е.Д. Очерки частной благотворительности в России // Трудовая помощь. 1897. № 1. С. 65 (Цит. по: Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России... С. 30).

²² Благотворительные учреждения России... С. 6.

²³ Правила образования школьных капиталов Императорского женского патриотического общества, утвержденные в виде опыта 5 мая 1890 г. СПб., 1890. С. 1.

²⁴ Там же.

Рис. 4. Бюро попечения о бывших воспитанниках Императорского женского патриотического общества (Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество... С. 191)

на общие расходы школ. Предполагалось, что 2 300 руб. в год Общество направляло на наращивание капиталов школ²⁵. Кроме того, на эти цели шли отчисления в размере 10 % с валового заработка школы, причем подчеркивалось, что не ниже установленного размера, т.е. из заработанных денег удерживались школами лишь расходы по исполнению заказов и на удовлетворение нужд ремесленных классов и отделений, а прочие расходы, как, например, содержание учительниц рукоделия, производились за счет Общества. Еще одним источником

увеличения капиталов служили денежные пожертвования, сделанные непосредственно с приращения капиталов Общества, и отчисления от всех иных денежных пожертвований, если это не противоречило воле жертвователя, в размере 20 %, но не меньше 50 руб. в год для всех школ, кроме школ для приходящих учениц без ремесленных классов, для которых допускалось отчисление 30 руб. Если указанные источники финансирования были недостаточны, то из средств общей кассы в капитал поступало 50 руб. на все школы. Все капиталы хранились в кассе Общества, расчеты по ним велись канцелярией совета по отдельным счетам, и по итогам года капитал школы мог быть получен ее попечительством. По мере накопления процентов приобретались государственные ценные бумаги или облигации, гарантируемые правительством²⁶. Возможно, попечительства школ не смогли должным образом распорядиться этими средствами. К сожалению, мы не располагаем сведениями, как приобретались ценные бумаги.

В 1898 г. остро встал вопрос о необходимости увеличения капиталов Общества. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что проценты с капиталов сокращались, сбор пожертвований становился все трудней и их размер становился меньше (возможно это было связано с общим ростом числа учреждений, что несколько «распыляло» средства), с другой стороны, наблюдалось увеличение цен, следовательно, возрастал и расход. Кроме того, сфера деятельности Общества постоянно расширялась, число воспитанниц росло. Все это требовало постоянного поиска новых источников финансирования и совершенствования системы его организации: внедрения централизованного формирования неприкосновенных капиталов, т.е. перехода их значительной части в распоряжение правления. Делопроизводственные документы дают возможность проследить эту самоотверженную работу учредителей и членов Общества.

Таблица 1

Динамика доходов и расходов Общества с 1875 по 1895 г.

Год	Состояние капиталов в ценных бумагах, наличных деньгах к концу года, руб.	Израсходовано, не считая переходящих сумм и покупки ценных бумаг, руб.
1875	427 739,11	96 851,13
1885	532 766,72	157 130,17
1895	640 175,12	184 245,12

Составлено по: Проект сметы приходов и расходов Императорского Женского Патриотического общества. СПб., 1898. С. 1.

²⁵ Правила образования школьных капиталов... С. 1–2.

²⁶ Там же. С. 2.

Данные, представленные в табл. 1, показывают, что при росте расходов почти в два раза доходы увеличились менее чем в полтора раза. Определенный приток средств обеспечивали концерты и другие благотворительные мероприятия, а также пожертвования, которые направлялись в кассу Общества от сочувствующих его деятельности лиц, но в целом финансовое положение становилось шатким, приходилось прибегать к заимствованиям.

Руководство Общества поставило задачу пересмотра вопросов финансирования, предлагалось «отменить Правила от 5 мая 1890 г. об образовании неприкосновенных школьных капиталов и составить новую, более точную и наглядную классификацию капиталов Общества, дать производственное назначение некоторым суммам, из которых Общество пока пользы не извлекало полностью, ликвидировать все накопившиеся обязательства, предоставить в распоряжение кассы оборотные средства в размере месячного дохода Общества»²⁷. Члены правления отмечали, что «Правила» от 5 мая 1890 г., предполагавшие децентрализацию финансирования, должны были побудить попечительства школ к активной деятельности в образовании самостоятельных школьных капиталов. При этом следует учитывать, что каждая школа фактически содержалась на собственные средства, а весь неприкосновенный капитал был расписан между школами, с него шел процент, к этой сумме добавлялись пожертвования и часть денег, заработанных воспитанницами. Это не привело к ожидаемым результатам, т.е. попечительства не располагали достаточными суммами, центральное управление было вынуждено постоянно выделять средства на содержание школ. По положению от 5 мая 1890 г. все накапливающиеся суммы составляли так называемый «мертвый капитал», на образование которого Общество расходовало до 3 тыс. руб. ежегодно, потому и было принято решение о возвращении капиталов школ в общую кассу и централизацию финансирования.

Таблица 2

Отчисления школ в неприкосновенный капитал Общества на 1 января 1898 г.

Школа	Размер капитала, тыс. руб.
Николаевская	1 445,71
Петербургская	1 058,98
I Васильевская	1 437,98
II Васильевская	769,35
Екатерининская	917,74
Рождественская	919,67
Голицынская	1 157,88
Ремесленная	1 427,69
Московская	736,14
Клейнмихельская	736,07
Нарвская	736,14
Ольденбургская	532,92
Михайловская	404,04
Елисаветинская	404,71
Сухареvская	404,71
<i>Итого</i>	13 129,68

Составлено по: Правила образования школьных капиталов Императорского женского патриотического общества, утвержденные в виде опыта 5 мая 1890 г. СПб., 1890. С. 5.

²⁷ Правила образования школьных капиталов... С. 3.

Проект 1898 г. предполагал следующую схему распределения капиталов: «1. Капиталы, находящиеся в ведении Совета, включали как неприкосновенные капиталы, процент с которых мог быть расходован, так и капиталы расходуемые; 2. Капиталы, находящиеся в ведении Попечительств: неприкосновенные, процент с которых мог быть расходуем, и расходные; 3. Капиталы, процент с которых причислялся к основным капиталам»²⁸. Таким образом, происходила почти полная централизация финансирования – по мнению правления, только так было возможно обеспечить реализацию задач Общества. При этом ликвидировались прежние обязательства, погашались долги в размере 17 913,145 руб.²⁹

Данные преобразования требовали значительной работы, а именно анализа всех источников средств, поступавших в школы в предшествующие годы, с тем, чтобы прежде всего не нарушить волю жертвователей и рационально использовать средства. Например, особое место занимал капитал на образование стипендий по завещанию покойных императрицы Марии Александровны и великой княгини Екатерины Михайловны, стипендий имени великой княгини Ксении Александровны, а также стипендий в память А.П. Клейнмихель, Д.Я. Трофимова, графа М.Д. Ивановского, Е.И. Юдиной, княгини А.И. Голицыной и других лиц, неравнодушных к деятельности Общества. Как правило, эти средства изымались из ведения школ и распределялись по вышеуказанным видам капиталов. Например, если говорить об Ольденбургской школе, то изначально предполагалось, что она будет содержаться за счет капитала, пожертвованного Д.В. Плетюхиным, и располагаться в помещении, предоставленном российскими железными дорогами, т.е., следовательно, ничего не стоить Обществу. «По воле пожертвователя капитала Д.В. Плетюхина капитал должен был быть неприкосновенным и Общество едва ли вправе нарушить его волю»³⁰. В связи с ростом цен, а следовательно, и расходов школы, капитала не хватало, и Общество приняло решение о выделении недостающих средств. Подобные ситуации возникали и по другим школам.

Таблица 3

Распределения капиталов Общества по Проекту 1898 г.

1. Капиталы, находящиеся в ведении Совета. Итого – 477 191,32 руб.	1.1. <i>Капиталы неприкосновенные, процент с которых мог расходоваться:</i> А) стипендиальный (на пансионеров) – 88 800 руб.; Б) стипендиальный капитал на содержание приходящих – 3150 руб.; В) пенсионный – 121 906,32 руб.; Г) на развитие преподавания в Ольденбургской школе – 5 100 руб. Итого – 258 235 руб.	1.2. <i>Капиталы расходуемые:</i> на содержание школ вообще – 71,245 руб.
2. Капиталы, находившиеся в ведении попечительств	2.1. <i>Неприкосновенные, процент с которых мог расходоваться:</i> А) Рукодельня Императрицы Марии Александровны – 18 566,31 руб.; Б) Петербургская школа – 500 руб.; В) Школа Великой княгини Екатерины Михайловны – 14 250 руб.; Г) Церковь при вышеуказанной школе – 3 078 руб.; Д) Рождественская школа – 3 100 руб., Голицынская школа – 500 руб.; Е) Ремесленная школа Императора Александра II – 10 % с ежегодного дохода к приращению капитала; Ж) Школа принца Петра Георгиевича Ольденбургского – 10 % с ежегодного дохода к приращению капитала;	2.2. <i>Капиталы расходуемые:</i> А) Школа в память Цесаревича и Великого князя Николая Александровича – 3 041,37 руб.; Б) Петербургская школа – 1 792,93 руб.; В) Школа Великой княгини Екатерины Михайловны – 304,7 руб.; Г) Рождественская школа – 1 773,85 руб.; Д) Ремесленная школа Императора Александра II – 2 897,3 руб.; Е) П. Васильевская школа – 350 руб.; Ж) Московская школа – 76,37 руб.; З) Школа гр. К.П. Клейнмихель – 749,19 руб.;

²⁸ Правила образования школьных капиталов... С. 7.

²⁹ Там же. С. 19–20.

³⁰ Там же. С. 9.

	З) Михайловская школа – 3 400 руб.; И) Елисаветинская школа – 600 руб. Итого – 63 504,33 руб.	И) Школа Принца П.Г. Ольденбургского – 1 203,96 руб.; К) Михайловская – 637,6 руб.; Л) Елисаветинская – 414,06 руб.; М) Сухаревской – 302 руб. Итого – 13 543,33 руб.
3. Капиталы, процент с которых подлежал исключительно к присоединению к капиталу – 39 058,31 руб.	А) Капитал на устройство в одной из школ курсов бухгалтерии – 9 995,22 руб.; Б) на страхование пенсий учительниц Голицынской школы – 571,25 руб.; В) капитал в память 26 февраля 1896 г. – 1 400 руб.; Г) на постройку церкви при I Васильевской школе – 1 000 руб. Д) запасный – 26 091,84 руб.	-
ИТОГО: 664 542,27 руб. и оборотные средства, оставленные в кассе Общества, – 11 444,22 руб.		

Составлено по: Правила образования школьных капиталов... С. 7.

Опираясь на данные табл. 3, можно сделать вывод, что неприкосновенный капитал Общества составлял примерно 5,9 % от общего, что незначительно, но все же, с учетом ежегодного прироста капитала, эта сумма могла стать одним из источников дальнейшего развития и обеспечить некоторую финансовую устойчивость.

Общество не оставляло попечения о своих воспитанницах и по окончании ими школы. Так как далеко не все из них имели возможность сразу устроиться на работу и нуждались в материальной помощи, члены Общества подали ходатайство об открытии рукодельни и 16 февраля 1880 г. был получен благоприятный ответ от государыни цесаревны Марии Федоровны, управлявшей в то время Ведомством учреждений императрицы Марии. Рукодельня была открыта на средства, пожертвованные для этой цели старшинами Общества в размере 24 700 руб. В том же году было получено разрешение и на открытие при ней элементарных курсов для подготовки конторщиц и приказщиц в торговые и промышленные заведения³¹. Но этот проект не был осуществлен, и в 1882 г. рукодельня была основана на иных началах. В документах отмечается, что это учреждение связано с памятью почившей императрицы Марии Александровны. Временные правила были разработаны комиссией под председательством баронессы Э.Ф. Раден. Согласно временным правилам, Общество должно было отпускать ежегодно по 3 500 руб. на ее содержание и, кроме того, предоставить в ее пользу единовременно 2 тыс. руб. для образования оборотного капитала и весь остаток от пожертвований в 1880 г. почетными старшинами 24 700 руб., достигавших к тому времени 11 400 руб. и подлежавших зачислению в неприкосновенный капитал рукодельни³². Это учреждение доставляло материальную помощь нуждающимся в ней лицам, окончившим курс в школах Императорского женского патриотического общества, путем обеспечения их домашней работой (заказами), дававшей средства к существованию. Заведующей рукодельней пожизненно состояла Людмила Григорьевна Выходцева. Члены Общества подразделялись на почетных, которыми могли быть избраны лица, оказавшие Обществу услугу выдающимися пожертвованиями или иным образом содействовавшие успешному развитию деятельности Общества и действительных членов, которые вносили не менее 100 руб. единовременно или не менее 5 руб. ежегодно, а также сорежиссеров, вносящих в кассу Общества не менее 1 руб. ежегодно. Последние не пользовались в собраниях Общества правом решающего голоса и не могли быть избираемы на должности. Средства Общества состояли из членских взносов, доходов с его капиталов и имущества, пожертвований членов и посторонних лиц, а также различных учреждений как деньгами, так и вещами, отказов по завещаниям, доходов от устраиваемых Обществом драматических представлений, литера-

³¹ Бельгард В.В. Объяснительная записка к уставу рукодельни императрицы Марии Александровны Императорского Женского Патриотического общества. СПб., [1909]. С. 1.

³² Там же. С. 2.

турных чтений, концертов, публичных лекций и концертов, части платы за заказы, выполняемые рукодельней (за вычетом оплаты труда рукодельниц), сборов по подписным листам и книжкам, другим публичным и кружечным сборам. Все суммы, поступавшие в Общество, по своему назначению подразделялись на неприкосновенный капитал (образовывался из пожертвований и других взносов, сделанных под условием неприкосновенности, а также 5–10 % отчисляемых со всех доходов Общества, размер определялся по решению общего собрания), запасный (суммы по усмотрению общего собрания) и расходный (состоялся из всех прочих сумм, а также процентов с неприкосновенного и запасного, при его наличии, капиталов). Капиталы Общества по мере накопления обращались в государственные и гарантированные правительством ценные бумаги и хранились в отделениях Государственного банка, в государственных сберкассах и казначействах, производящих банковские операции, туда же на текущий счет вносили и расходный капитал Общества. На руках у казначея Общества могли находиться лишь незначительные суммы, необходимые на ближайшие текущие расходы, размер этих сумм определялся общим собранием, в исключительных случаях он мог определить сумму под личную ответственность при условии доведения этого факта до сведения Общества на ближайшем заседании.

Общество надеялось на обеспечение деятельности рукодельни без дальнейших вложений средств, но эти надежды не оправдались. Несмотря на достаточно большое количество заказов, а следовательно, и получаемых средств, в первый же год работы рукодельня имела дефицит, который в дальнейшем нарастал и к 1890 г. составил 6 тыс. руб. Для покрытия этого долга великая княгиня Екатерина Михайловна разрешила устроить в пользу рукодельни в ее собственном дворце два спектакля. Кроме того, она сделала пожертвование из собственных средств. Поступали пожертвования и от других лиц, так что в течение последующих пяти лет этот долг был почти покрыт, были увеличены и субсидии Общества. Проценты с неприкосновенного капитала (он составлял 11 499 руб.) подлежали зачислению на приращение общего фонда, который вследствие этого к началу 1896 г. возрос до 22 100 руб. и, кроме того, оплата труда мастериц была поставлена в зависимость как от их заработка, так и от успешности выполнения порученных им работ. Однако средств не хватало, и к 1896 г. задолженность снова возросла, составив 5 873 руб. Долг этот был выплачен из средств Патриотического общества, а рукодельня временно закрыта. Варвара Валериановна Бельгард отмечает в своей записке двойственный характер деятельности этого учреждения: «С одной стороны она [т.е. рукодельня. – Ю. А.] носила признаки благотворительности, естественно присущие ей как учреждению, входящему в состав Патриотического общества, с другой стороны, она стремилась выполнить назначение промышленного предприятия, что одно с другим было несовместимо»³³. Рукодельня не могла, как любое другое предприятие, платить работницам в зависимости от оборотов деятельности, сокращая при необходимости их штат, поэтому неизбежно несла потери. Кроме того, Варвара Валериановна отмечает и недостатки в счетоводстве, приводившие к росту неоплаченных заказчиками счетов. Деятельность рукодельни, возобновившаяся в 1903 г., была существенно расширена и включала не только выполнение заказов, но и подготовку учительниц рукоделия для женских общеобразовательных и специальных ремесленных учебных заве-

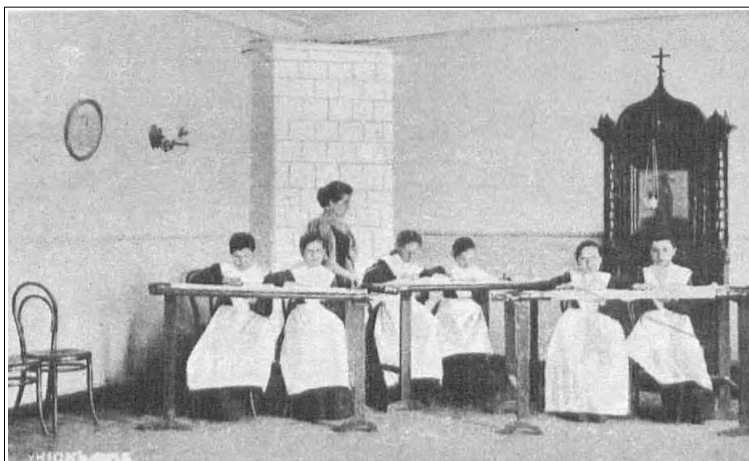

Рис. 5. Дети за работой (Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество... С. 198)

³³ Бельгард В.В. Объяснительная записка к уставу рукодельни... С. 2.

дений, потребность в которых постоянно росла в школах Санкт-Петербурга. К 1907–1908 учебному году, кроме неприкосновенного капитала в 21 200 руб., рукодельня смогла накопить оборотный капитал в размере 4 049 руб. 71 коп. Доход за этот учебный год составил 7 633 руб. при расходе на 67 учениц в 6 398 руб., а чистой прибыли было получено 1 255 руб. 37 коп.³⁴

Таким образом, в конце XIX в. Императорское женское патриотическое общество произвело серьезные преобразования системы финансирования, создав четкую схему распределения капиталов между правлением и школами, образовав неприкосновенный капитал, который был призван стать основой стабильности и источником увеличения средств Общества, что позволило бы ему осуществить новые замыслы и проекты. Деятельность Общества и других благотворительных учреждений, основанная на таких важнейших принципах христианской жизни, как милосердие и сострадание, способствовала гуманизации общественных отношений, единению в решении социальных проблем. К сожалению, в связи с революцией 1917 г. традиции благотворительности были прерваны. Сегодня в условиях значительного социального расслоения и растущих запросов населения опыт развития благотворительных инициатив, а именно организационные и финансовые основы деятельности Общества, может быть воспринят и использован.

Литература

Абросимова Е.А. История законодательного регулирования, создания и деятельности российских благотворительных организаций // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 6. С. 89–94.

Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования / под ред. О.Л. Лейкинда, А.В. Орловой, Г.Н. Ульяновой. СПб.: Лики России, 2003–2004. 616 с.

Вольф С.П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 92–100.

Сенина М.А. Власть и общество. Императорское женское патриотическое общество в начале XX в. и в период Первой мировой войны // История. 2009. № 1. С. 84–87.

Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2015. 604 с.

Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи XIX – начало XX в. М.: Наука, 2005. 415 с.

Шумигорский Е. С. Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). Исторический очерк. СПб.: Государственная типография, 1912. 226 с.

References

Abrosimova, E.A. (1992). Istoriya zakonodatel'nogo regulirovaniya, sozdaniya i deyatel'nosti rossiyskikh blagotvoritel'nykh organizatsiy [The History of Legislative Regulation, Creation and Activity of Russian Charitable Organizations]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. No. 6, pp. 89–94.

Lejkind, O.L., Orlova, A.V., Ulyanov, G.N. (Eds.). (2003–2004). *Blagotvoritelnost' v Rossii. Istoricheskie i sotsia'no-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and Socio-Economic Research]. St. Petersburg, Liki Rossii. 616 p.

Senina, M.A. (2009). *Vlast' i obshchestvo. Imperatorskoe zhenskoe patrioticheskoe obshchestvo v nachale XX v. i v period Pervoy mirovoy voyny* [Power and Society. The Imperial Women's Patriotic Society at the Beginning of the 20th Century and During the First World War]. In *Istoriya*. No. 1, pp. 84–87.

³⁴ Бельгард В.В. Объяснительная записка к уставу рукодельни... С. 3.

Shumigorskiy, E.S. (1912). *Imperatorskoe zhenskoe patrioticheskoe obshchestvo (1812–1912). Istoricheskiy ocherk* [Imperial Women's Patriotic Society (1812–1912). A Historical Sketch]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 226 p.

Sokolov, A.R., Zimin, I.V. (2015). *Blagotvoritelnost sem'i Romanovykh: XIX – nachalo XX vv.* [Charity of the Romanov Family of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Tsentrpoligraf. 604 p.

Ulyanova, G.N. (2005). *Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii XIX – nachalo XX v.* [Charity in the Russian Empire of the 19th – Early 20th Century]. Moscow, Nauka. 415 p.

Ulyanova, G.N. (2005). Zakonodatelstvo o blagotvoritelnosti v Rossii (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Legislation on Charity in Russia (Late 18th – Early 20th Centuries)]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6. pp. 17–32.

Volf, S.P. (2016). Blagotvoritel'noe zakonodatel'stvo v Rossiyskoy imperii: kamen' pretknoveniya ili prochnaya osnova dlya razvitiya blagotvoritel'nosti? [Charitable Legislation in the Russian Empire: a Stumbling Block or a Solid Foundation for the Development of Charity?]. In *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*. No. 1 (17), pp. 92–100.

Т.А. Катцина*

**«ВЕЧНЫЕ ВКЛАДЫ»: ЗАМЫСЛЫ, ВОПЛОЩЕНИЯ, РИСКИ
(НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)**doi:10.31518/2618-9100-2025-4-14
УДК 364.054.2(571.51)"189/190"*Выходные данные для цитирования:**Катцина Т.А. «Вечные вклады»: замыслы, воплощения, риски (на примере Енисейской губернии XIX – начала XX века) // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 208–220. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-14.pdf>*

T.A. Kattsina*

**“ETERNAL DEPOSITS”: PLANS, IMPLEMENTATION, RISKS
(USING THE EXAMPLE OF THE YENISEISK PROVINCE
OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-14

*How to cite:**Kattsina T.A. “Eternal Deposits”: Plans, Implementation, Risks (Using the Example of the Yeniseisk Province of the 19th – Early 20th Century) // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 208–220. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-14.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the study of the practice of “perpetual deposits” in the Yeniseisk province of the 19th – early 20th centuries. Based on the generalization of the studied historical material, the introduction of new historical documents and facts of the all-Russian and regional levels into scientific circulation, the author clarifies the key concept of “eternal deposit”, the first framework laws regulating the sphere of attracting financial resources “for all time” in the Russian Empire. Based on the materials on the Yeniseisk province, it is shown that in the second half of the 19th century, in addition to merchants, representatives of other classes, such as townspeople and peasants, took part in the formation of “perpetual deposits”. Examples are given that reveal the method of fixing inviolable capital: on the basis of personal orders (statements), by wills or a subscription in honor of some significant event. “Perpetual deposits” were distributed according to their intended purpose for benefits for the poor, construction and/or maintenance of stone buildings of churches, hospitals, shelters, and had the purpose of promoting education (establishment or maintenance of educational institutions, issuance of scholarships and allowances for education). The emergency capital, initially formed through a private donation of some person, was subsequently replenished with donations from other persons, additions of profit from the income of the institution (payment for the maintenance of boarders, money received for work and products by orders, etc.). Many socially significant objects in the Yeniseisk province in the 19th – early 20th centuries operated on interest from “perpetual deposits”. Examples are given of abuses by officials of the Skopin Public Bank in the management of “perpetual deposits” of the Komissarovskaya almshouse in the village of Nazarovskoe, the Yeniseisk province.

Keywords: Yeniseisk province, merchants, charity, “eternal deposits”, target capital, credit and financial system, education, health-care, social assistance.

The article has been received by the editor on 21.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Татьяна Анатольевна Катцина**, доктор исторических наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: tkatsina@sfu-kras.ru
Tatyana Anatolievna Kattsina, Doctor of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: tkatsina@sfu-kras.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию практики «вечных вкладов» в Енисейской губернии XIX – начала XX в. Опираясь на обобщение освоенного исторического материала, введение в научный оборот новых исторических документов и фактов общероссийского и регионального уровней, автор уточняет ключевое понятие «вечный вклад», первые рамочные законы, регулирующие сферу привлечения финансовых средств «на вечные времена» в Российской империи. На материалах о Енисейской губернии показано, что во второй половине XIX в., кроме купцов, в формировании «вечных вкладов» принимают участие представители других сословий: мещане, крестьяне. Приведены примеры, раскрывающие способ фиксации неприкосновенных капиталов: на основании личных распоряжений (заявлений), по завещаниям или же подписке в честь какого-либо знаменательного события. «Вечные вклады» распределялись по предмету назначения на пособия бедным, постройку и/или содержание каменных зданий церквей, больниц, приютов, имели целью способствовать образованию (устройство или содержание учебных заведений, выдача стипендий и пособий на воспитание). Неприкосновенные капиталы, образованные первоначально посредством частного пожертвования какого-либо лица, впоследствии пополнялись пожертвованиями других лиц, причислениями прибыли от доходов учреждения (плата за содержание пансионеров, деньги, полученные за работы и изделия по заказам и т.п.). На проценты с «вечных вкладов» функционировали многие социально значимые объекты в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. Приведены примеры злоупотреблений должностных лиц Скопинского общественного банка при распоряжении «вечными вкладами» Комиссаровской богадельни в с. Назаровском Енисейской губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, купечество, благотворительность, «вечные вклады», целевой капитал, кредитно-финансовая система, народное образование, здравоохранение, общественное призрение.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025 г.

Введение. «Вечные вклады» – тема сравнительно новая в современной историографии, в том числе и в сибиреведении. Вопросы, связанные с историей «вечных вкладов», чаще входят составной частью в исследования, посвященные купечеству¹ и/или благотворительным практикам XIX – начала XX в.², реже представляют самостоятельное направление³. И хотя сибирскими историками достигнуты значительные успехи в изучении мотивации благотворительной деятельности, сфер вложения жертвуемых капиталов, форм участия разных социальных групп населения в филантропии, комплексный анализ возникновения и развития целевых капиталов как формы благотворительных пожертвований на материалах Сибири еще не проводился.

Удовлетворению потребностей в глубоком осмыслении истоков и традиций российских «вечных вкладов», их эффективности в решении социальных проблем во многом способ-

¹ Скубневский В.А. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001; Туман-Никифорова И.О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX в.). Красноярск, 2004; Шахеров В.П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006; Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск, 2009.

² Гаврилова Н.И. Благотворительность иркутского купечества во второй половине XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX века. Иркутск, 1998. Вып. 1. С. 104–118; Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск, 1995; Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–160; Катцина Т.А. Стратегии формирования системной помощи населению Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.). Красноярск, 2024.

³ Коллева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4 (28). С. 42–58.

ствуует конкурсная программа премии «Вечный вклад», учрежденная Национальной ассоциацией эндаументов в 2020 г. Премия присуждается ежегодно за лучшие исследования по истории целевых капиталов в российской дореволюционной филантропии. Конкурсные работы объединяют не один десяток исследователей (историков, краеведов, архивистов и т.д.) и проводятся в нескольких направлениях: изучение целевых вкладов отдельных представителей купечества; история различных городских учреждений, основанных благотворителями; оценка эффективности «вечных вкладов»; взаимодействие разных институций для решения той или иной проблемы (в том числе и государства); стратегии инвестирования «вечных вкладов» и т.п.⁴ В результате сделаны два выпуска альманаха: ««Вечный вклад»: целевые капиталы как основа филантропии в дореволюционной России» (2021), ««Вечный вклад»: благотворительные целевые капиталы женщин-предпринимательниц в дореволюционной России» (2023)⁵. Эти исследования представлены на сайте Национальной ассоциации эндаументов (URL: <https://ruea.ru/projects/almanac>). Однако говорить об изученности темы «вечных вкладов» в историческом контексте пока рано ввиду широты и многоплановости самой проблематики, ее междисциплинарного характера.

Цель нашей работы – рассмотреть, не претендуя на полное освещение, практику «вечных вкладов» в Енисейской губернии XIX – начала XX в., опираясь на обобщение освоенного исторического материала, введение в научный оборот новых исторических документов и фактов общероссийского и регионального уровней.

К вопросу о ключевом понятии и первых «вечных вкладах» в Российской империи. Уточним ключевое понятие. В современной практике исторического поиска под «вечным вкладом» понимают пожертвование, сделанное в форме неприкосновенного капитала (например, в виде ценных бумаг или недвижимости), который размещался под проценты и/или приносил доход. «Использовался именно этот доход – учреждались именные стипендии, строились больницы, училища, театры, церкви и прочее, в то время как сам капитал оставался в неприкосновенности и продолжал приносить доход, обеспечивая финансовую устойчивость тому социальному проекту, для целей которого он был создан»⁶. В литературе второй половины XIX – начала XX в., посвященной теории и практике банковского дела, «вечными вкладами» названы суммы, внесенные в банк на все время его существования, навеки, которые «не могут быть потребованы обратно до совершенного прекращения деятельности банка»⁷.

Существует мнение, что начальной датой законодательного решения об оформлении практики формирования неприкосновенных капиталов в России следует считать 27 декабря 1817 г., когда вышел сенатский указ «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений и об употреблении оных, согласно с волею жертвователей», «в соответствии с которым благотворители могли учреждать богоугодные заведения только в том случае, если на их содержание и деятельность выделялись достаточные средства»⁸. Нам представляется, что идея неприкосновенных капиталов прослеживается несколько раньше. Например, в Высочайше утвержденном докладе министра внутренних дел «О обязанности учредителя богоугодного заведения делать при учреждении оного положение, которым бы таковое на будущие времена в содержании своем было бы обеспечено» (1 марта 1810 г.)⁹. Кроме того, в объявленном гражданским губернаторам министром внутренних дел именном указе от 30 сентября 1810 г. «Об учреждении госпиталей и других богоугодных заведений» гово-

⁴ Ознакомиться с программой Премии «Вечный вклад» можно на сайте Национальной ассоциации эндаументов: URL: <https://ruea.ru/projects/eternal-contribution-award.html> (дата обращения: 28.11.2024).

⁵ Оба выпуска альманаха по истории вечных вкладов размещены на сайте Национальной ассоциации эндаументов: URL: <https://ruea.ru/projects/almanac> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ Сайт Национальной ассоциации эндаументов: URL: <https://ruea.ru/projects/eternal-contribution-award.html> (дата обращения: 29.11.2024).

⁷ Морев Д.Д. Руководство политической экономии. СПб., 1912. С. 207.

⁸ Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3-2. С. 85–86.

⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ РИ. Собр. I). Т. XXXI. № 24142. С. 79–80.

рится, что пожертвование, заслуживающее особенного уважения и признательности правительства, принадлежит только такому роду заведений, которые созданы «для пользы недостаточных людей всякого состояния, обеспечатся навсегда в содержании их известным определенным капиталом, отдадутся в надзор и управление местного начальства или, состоя под управлением самого учредителя, обязаны будут отчетом Приказу общественного призрения»¹⁰.

По свидетельству русского экономиста, публициста, общественного и государственного деятеля В.Т. Судейкина, банки впервые начали принимать «вечные капиталы» с 1770 г.¹¹ Доказательство этому находим в Высочайше утвержденном докладе Сената «О принятии в банки от частных людей вечного капитала с платежом указанных процентов по желанию вкладчика»¹². Из документа следует, что 15 апреля 1770 г. жена титулярного советника Михаила Иванова, Степанида, внесла в Московскую контору Государственного заемного банка для дворянства «для раздачи в проценты 500 руб. и в поданном своем доношении написала: “...из получаемых с тех денег процентов отдавать повсегодно в ведомство Московского воспитательного дома по 7 руб., Ивановский девичий монастырь на церковное употребление по 4 руб., игумень с сестрами в милостыню по 4 руб., того же монастыря священниками за акафисты и проскомидию по 10 руб.”»¹³. Из документа далее следует, что банковская контора деньги «и приняла, и в раздачу употребила, а полученные с них проценты, по требованию ея, Ивановой, отданы в назначенные от нее места. А как ныне оным деньгам взнос в Контору того Банка с таковою вечною отдачею последовал еще впервые, а чтобы с вечною отдачею деньги в банк принимать и с них получаемые проценты, по желанию отдатчиков раздавать, на то банковская контора указа не имеет; и в рассуждении того не повелено ли будет и впредь таковые приносимые от партикулярных людей вечно (так в источнике. – Т. К.) деньги, принимая с них полученные проценты, по их желаниям отдавать в названные места»¹⁴. Из резолюции на рапорт следует эти деньги «принимать и содержать их под наименованием вечного вклада, выплачивая верно проценты, по желанию отдатчиков»¹⁵. В данном случае документ зафиксировал не только дату и имя владельца первого банковского «вечного вклада», но и свидетельство того, что законодательство было ориентировано на закрепление уже сложившейся ситуации. Как пишет А.Р. Соколов, «титулярную советницу Иванову по праву следует считать изобретательницей одного из популярнейших финансовых инструментов благотворительной деятельности в России. Кстати, одной из ее последовательниц стала сама императрица, приказавшая через семь лет образовать из пятилетних платежей Коллегии экономии “вечный вклад” на содержание Московского инвалидного дома»¹⁶.

«Вечные вклады» в истории Енисейской губернии первой половины XIX в. Дошедшая до нас малая часть документов не позволяет широко осветить вечные вклады на территории Енисейской губернии (учреждена в 1822 г.) в дореформенное время. Известно, что в ведение Енисейского приказа общественного призрения были переданы пожертвованные красноярскими купцами каменный дом с двумя деревянными пристройками под больницу (1826 г.), одноэтажный каменный дом для неизлечимо больных, где помогали «облегчить страдания» (1829 г.), каменное одноэтажное здание, в котором в 1829 г. открылся дом для умалишенных¹⁷. Енисейский губернатор А.П. Степанов описывал заведения приказа общественного призрения как небольшие, но чрезвычайно удобные и опрятные. «Больница каменная на 40 и более кроватей (выстроена иждивением купца [И.Н.] Яковлева-Фабрич-

¹⁰ ПЗР РИ. Собр. I. Т. XXXI. № 24362. С. 367.

¹¹ Судейкин В.[Т]. Операции Государственного банка. СПб., 1888. С. 22 (3-я пагинация).

¹² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIX. № 13481. С. 85.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.). СПб., 2007. С. 198.

¹⁷ Катцина Т.А. Стратегии формирования... С. 95.

ного), дом умалишенных (выстроен иждивением купца [И.К.] Кузнецова), дом неисцелимо больных (Ст[епаном] Яков[леви]чем] Кузнецовым. Нельзя не быть признательным к истинно патриотическому усердию сего честного и благонамеренного гражданина города Красноярска), анатомический театр, бани, службы; все это на месте просторном, обнесено общей оградой, разделено во внутренности палисадниками и украшено обсадами дерев; все заключает в себе не изобилие, не блеск, но пользу и приятность для глаз»¹⁸.

Есть все основания утверждать, что при открытии этих учреждений для их обеспечения вносились целевые капиталы. Дело в том, что ряд законов начала XIX в. был направлен на укрепление финансово-организационных основ благотворительных заведений. Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «О обязанности учредителя богоугодного заведения делать при учреждении оного положение, которым бы таковое на будущие времена в содержании своем было бы обеспечено» (1 марта 1810 г.) положил начало новому порядку вещей. С этих пор благотворители, устраивая какие-либо богоугодные заведения, училища, приюты, больницы и т.д., всегда отчисляли известный капитал, проценты с которого шли на содержание учреждения, или же просто ежегодно выдавали известную сумму на расходы, а после смерти завещали специальные средства¹⁹. Объявленный гражданским губернаторам министром внутренних дел именной указ от 30 сентября 1810 г. «Об учреждении госпиталей и других богоугодных заведений» определил, что «истинное пожертвование, заслуживающее особенного уважения и признательности правительства», принадлежит только такому роду заведений, которые созданы «для пользы недостаточных людей всякого состояния, обеспечатся навсегда в содержании их известным определенным капиталом, отдадутся в надзор и управление местного начальства или, состоя под управлением самого учредителя, обязаны будут отчетом Приказу общественного призрения»²⁰. Согласно Положению о пожертвованиях на устройство заведений для неимущих (1817 г.), губернаторам следовало разбираться, «достаточны ли пожертвования на устройство и содержание предполагаемого заведения, или нет»²¹. В первом случае они обязаны были в установленном порядке приступать к исполнению воли жертвователей. Во втором случае им предлагали обратить пожертвования в общую массу сумм, оказавшихся недостаточными для устройства и содержания заведений.

По предложению сенатора И.Н. Толстого, в сентябре 1843 г. проводившего ревизию административных учреждений Восточной Сибири, в Енисейском приказе общественного призрения (он совмещал банковско-кредитные функции с содействием здравоохранению, народному образованию, призрению) открыли особый счет под названием «Капитал, пожертвованный золотопромышленниками на устройство богоугодных заведений Енисейской губернии», на который уже к февралю 1845 г. поступило более 65 тыс. руб.²² Заметим, что это коллективное пожертвование пришлось на середину золотопромышленного бума 1830–1850-х гг., охватившего Енисейскую губернию. До середины 1830-х гг. в Красноярске числились только купцы 3-й гильдии, всего 13 капиталов²³.

Нельзя обойти вниманием и такой факт: в день открытия (15 июля 1848 г.) в Красноярске Владимирского детского приюта Ведомства учреждений императрицы Марии местный купец В.Н. Власьевский пожертвовал 1,5 тыс. руб. на содержание из процентов двух девочек-пансионерок²⁴. В том же году коллежский советник В.П. Голубков передал в полную

¹⁸ Степанов А.П. Енисейская губерния: в 2 ч. СПб., 1835. Ч. 2. С. 24.

¹⁹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXI. № 24142. 1 марта 1810 г. С. 79–80 (Об обязанности учредителя богоугодного заведения делать при учреждении оного положение, которым бы таковое на будущие времена в содержании своем было обеспечено).

²⁰ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXI. № 24362. 30 сентября 1810 г. С. 367 (Об учреждении госпиталей и других богоугодных заведений...).

²¹ Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России / под ред. П.И. Лыкошина. СПб., 1901. Т. 1. Ч. II: Благотворительность государственная. С. 187.

²² Катцина Т.А. Стратегии формирования... С. 81.

²³ Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск, 1990. С. 103.

²⁴ Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность... С. 110.

собственность приюта как свой флигель, где первоначально помещался приют, так и дом с мебелью, службами и находящейся под этими строениями землей – на общую сумму 21 тыс. руб.²⁵

Правила для приема «вечных вкладов». Практика «вечных вкладов» в Енисейской губернии (1860–1900-е гг.). Наибольшее развитие «вечные вклады» получили в Енисейской губернии, как и в стране в целом, после 1860 г., ознаменовавшего начало нового периода формирования кредитно-банковской системы, адекватной развитию капиталистических производственных отношений. Ускоренное реформами 1860–1870-х гг. экономическое развитие, рост предпринимательства способствовали накоплению капиталов, одной из сфер приложения которых стала благотворительность. В то же время развитие капиталистических отношений сопровождалось трансформацией социальной структуры общества, образа жизни значительной части населения. Появление широкого слоя наемных работников, не обладавших достаточными ресурсами для преодоления социальных рисков, сделало риск бедности самым актуальным. Главными источниками удовлетворения нужд беднейших жителей сибирских городов становились средства, полученные в разное время с пожертвованного благотворителями движимого и недвижимого имущества.

Несмотря на то, что банки платили по «вечным вкладам» самый высший процент, «вечные вклады» встречаются редко и составляют самую малую долю в общей массе процентных вкладов (срочных и бессрочных). Причина этого в том, что они стесняют свободу как вкладчиков, так и банков. В труде юриста и педагога Д.Д. Морева читаем: «...вкладчик и его наследники уже навсегда лишаются возможности употребить раз внесенный капитал более производительным образом, если бы представился к тому удобный случай. Ввиду этого вечные вклады удобны только для монастырей и благотворительных учреждений, которые не могут сами пускаться в промышленные предприятия для более доходного помещения своих капиталов. Банк же лишен права возратить эти вклады и принужден платить по ним высокие проценты даже тогда, когда они лежат у него без употребления, например, во время промышленных кризисов. Поэтому некоторые банки совсем не принимают вечных вкладов как излишнюю для себя обузу»²⁶.

Правила приема «вечных вкладов», равно как и процентная ставка по вкладам, неоднократно менялись: с 5 %, установленных 31 мая 1860 г. до 4 и 3,5 % по Правилам 25 февраля 1883 г. и 27 февраля 1898 г. соответственно. Однако эти обстоятельства, отмечает исследователь истории русского государственного кредита П.П. Мигулин, не уменьшили притока «вечных вкладов». Так, с марта 1883 г. по февраль 1898 г. (за 15 лет) было внесено «вечных вкладов» на сумму 30 677 298 руб., платежи по которым составили 1 225 040 руб.; сумма «вечных вкладов» с марта 1898 г. по январь 1904 г. составила 16 640 811 руб. (за 6 лет) с платежом в 470 435 руб.²⁷

Что же представляют собой разработанные русскими финансистами «Правила для приема вкладов на вечное время»? Содержание Правил издания 1883 г. в редакции от 27 февраля 1898 г. следующее: вклады на вечное время принимаются в конторы и отделения Государственного банка только в рублях, без копеек и не менее 50 руб. от частных лиц, монастырей, церквей, земских, общественных и частных учреждений, с «уплатой по таковым вкладам 3,5 % в год за удержанием сбора с доходов от денежных капиталов» (ст. 1–3); вкладчик может указать назначение, на какой предмет проценты должны быть употребимы (сложные условия или такие, которые могут затруднить выполнение воли вкладчика, не допускаются), причем право изменять эти условия впоследствии вкладчик должен оговорить при самом внесении вклада (ст. 4–5); в принятии вклада выдается квитанция по установленной форме, копия с которой посылается в Государственную комиссию погашения долгов, которая заносит каждый вклад в государственную долговую книгу особенной статьей в последо-

²⁵ Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность... С. 10.

²⁶ Морев Д.Д. Руководство политической экономии... С. 207.

²⁷ Русский государственный кредит (1769–1906): Опыт историко-критического обзора П.П. Мигулина. Харьков, 1907. Т. 3. Эпоха 1893–1906 гг. С. 1069, 1071.

вательно по времени занесения в эту книгу порядке номеров и затем выдает вкладчику взамен от имеющихся у него квитанций билет Государственной комиссии погашения долгов, который не может быть ни отчуждаем, ни закладываем (ст. 6–10); проценты по билетам Государственной комиссии погашения долгов на «вечные вклады» уплачиваются по полугодиям 1 мая и 1 ноября, причем начисление процентов на проценты (как это делается в сберегательных кассах) не производится, а уплачиваются проценты только из того банковского учреждения, которое указано в тексте билета и только самому вкладчику или его доверителю (ст. 12–13); при выдаче процентов за каждый истекший срок банковское учреждение накладывает на билет свой штампель на месте, обозначенном на билете особыми кружками с надписями, означающими даты платежа (1 мая и 1 ноября каждого года начиная с 1895 г. и по 1 ноября 1930 г., т.е. 72 полугодия), по истечении которых выдается новый билет (ст. 14); за время до 1 мая или до 1 ноября со дня самого вклада в банк проценты вкладчику уплачиваются по особому купону, прилагаемому к квитанции и затем отсылаемому по оплате как оправдательный документ в государственную комиссию погашения долгов (ст. 16); если вкладчик оговорил право изменения условия вклада и захочет воспользоваться своим правом, если затем вкладчик пожелает получать проценты из другого учреждения, а не из избранного им первоначально и обозначенного на билете, то об этом надо подавать заявление в комиссию погашения долгов с приложением самого билета (ст. 17–18); в случае перехода билета к другому лицу по закону, судебному решению или особому условию вклада приобретший право должен подать в комиссию заявление с приложением соответствующих документов для получения нового билета, причем дробление вклада не допускается (при переходе прав к нескольким лицам) далее 50 руб. (ст. 19); в случае утраты билета заявление также отдается в комиссию, которая делает распоряжение кассе, уплачивающей проценты, о прекращении этой уплаты впредь до выдачи нового билета (ст. 20); для изъятия из обращения билетов на «вечные вклады», выданных до издания новых Правил, все банковские учреждения по мере предъявления этих билетов за получением процентов должны заменять их квитанциями впредь до замены старого билета новым (ст. 22)²⁸.

Для внесения на банковские счета целевых капиталов, на проценты с которых обеспечивалась поддержка тех или иных общественных потребностей, имело значение наличие сети банковско-кредитных учреждений. В Енисейской губернии главными кредитными учреждениями, аккумулировавшими финансовые потоки, являлись отделения Государственного банка, открывшиеся в начале 1860-х гг. в Енисейске и Красноярске. Общественные банки возникли в городах Канске и Енисейске в 1863 г., в Минусинске – в 1867 г.

В 1860-е гг. в губернии начали формироваться благотворительные капиталы из взносов разных людей в пользу бедствующих жителей того или иного города. Так, на устройство и содержание Коммисаровской богадельни в с. Назаровском в память события 4 апреля 1866 г. (избавление от покушения императора Александра II) было собрано, преимущественно за счет крестьянского населения, около 4 тыс. руб., на средства купца 1-й гильдии И.Н. Некрасова выстроены просторный одноэтажный дом, баня, амбар (стоимостью 980 руб.), разбит сад и огород²⁹. В 1867 г. по распоряжению енисейского губернатора П.Н. Замятнина основной капитал (7 260 руб.) внесли на «вечный вклад» в Скопинский городской общественный банк³⁰, предлагавший самую высокую процентную ставку (7 %) на каждые

²⁸ Русский государственный кредит... С. 1070–1071; Устав государственного банка по официальному изданию 1895 г. СПб., 1904. С. 185–189 (2-я пагинация).

²⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 107; Д. 5113. Л. 81.

³⁰ Скопинский общественный банк был учрежден в маленьком городке Скопин под Рязанью в 1857 г. с основным капиталом около 10 104 руб. Вошел в российскую историю как крупная финансовая афера XIX в. Бывший городской голова, купец И.Г. Рыков, возглавивший банк в 1863 г., создал масштабную финансовую пирамиду, которая просуществовала до 1882 г. Первоначально, как отмечал журналист и писатель А.П. Чехов, подписывавший судебные фельетоны псевдонимом «Рувер», «цели банка предполагались розовые! Треть доходов в пользу родного Скопина, треть на дела благотворения и треть на приращение к основному капиталу». Однако жульничество началось на первых же порах. «Видя, что вкладчики и векселедатели не идут, банковцы пускаются на американские штучки»: обещают почти в два раза, по сравнению с другими банками, завышенную процентную ставку по вкладам, «за сим следует шестизатяжная реклама, обошедшая все газеты

сто рублей в год³¹. Когда в конце 1870-х гг. в прессе появились тревожные заметки о подложных схемах Скопинского банка, губернская администрация попыталась вывести неприкосновенный капитал Коммисаровской богадельни со счетов банка. Но в переписке директор банка И.Г. Рыков отвечал, что внесенные как «вечный вклад» денежные средства не могут быть возвращены вкладчику согласно Положению о городских общественных банках от 6 февраля 1862 г. В 1882 г. в банке вскрыли большую растрату, его директора осудили и, по иронии судьбы, в 1884 г. сослали в Енисейскую губернию на поселение³². Оставшись без средств, богадельня оказалась в катастрофическом положении, преодолеть которое удалось лишь в 1886 г. благодаря пожертвованию (500 руб.) купца И.Н. Некрасова.

Заметим, что в пореформенное время на органы городского общественного управления было возложено устройство благотворительных заведений, больниц, призрение бедных и прекращение нищенства. Процентная ставка по вкладам зависела от наличия свободных денежных средств, но городские бюджеты были отягощены обязательными расходами на содержание правительственных учреждений, городской полиции, пожарных команд, войсковых частей и пр. Только за покрытием всех обязательных расходов они могли направить остающиеся средства на расходы необязательные, к категории которых относились затраты на образование, здравоохранение, общественное призрение и т.п. Главным, а иногда единственным источником удовлетворения нужд беднейших жителей сибирских городов служили доходы, полученные в разное время с пожертвованных различными благотворителями капиталов. Они причислялись к общему благотворительному капиталу, сведения о котором нам дают архивные источники.

Так, по данным Красноярской городской управы от 17 декабря 1879 г., в ее ведении находился общий благотворительный капитал, «который составил из взносов разными лицами для благотворительных целей, на пользу бедствующим жителям г. Красноярска, – именно: 1) от мещанина Парфентьева 600 руб. 5%-ми банк[овыми] билетами второго выпуска, проценты с которых, в силу духовного завещания, должны выдаваться бедным мещанам г. Красноярска по усмотрению городской управы; 2) купца Нацвалова, 5%-ми облигациями Восточного займа 550 руб., проценты с которых должны выдаваться восьми беднейшим семействам мещан г. Красноярска по усмотрению городского головы перед праздником Святой Пасхи; 3) мещанки Стародубцевой, 5%-ми облигациями Восточного займа 300 руб., проценты с которых должны выдаваться на пользу бедным по усмотрению членов городской управы; 4) купца Кузнецова, 5%-ми облигациями Восточного займа 1 150 руб. (основной капитал был представлен в 1 304 руб. 35 ½ коп. с тем, чтобы эта сумма обращалась в кредитных установлениях из процентов, а проценты раздавались беднейшим жителям пред праздниками Р[ождества] Христова и Св. Пасхи по усмотрению городского головы) <...>; 5) на память 4 апреля 1866 г. 5 %-ми облигациями Восточного займа 750 руб. и билетами Государственного казначейства 350 руб., всего 1 100 руб. Красноярское городское общество, желая сохранить в память для будущего поколения день чудесного избавления государя императора Александра II от руки злодея, составило неприкосновенный капитал 1 000 руб., проценты с которых определило производить в раздачу бедным; 6) Т.И. Щеголевой, 5%-ми банковыми билетами 3 000 руб., составляющие неприкосновенный капитал, а проценты с этого капитала должны выдаваться бедным жителям г. Крас-

и журналы, начиная со столичных и кончая иркутскими. Особенно тщательно облюбовываются духовные органы. Реклама делает свое дело. Сумма вкладов вырастает до 11 618 079 руб.!». Далее, по образному выражению А.П. Чехова, «с этими вкладами производятся фокусы» и, как результат, сумма неоплаченных векселей простирается до 11 000 тыс. руб. От злоупотреблений Скопинского банка пострадало 6 тыс. вкладчиков, из которых большинство – люди среднего достатка: духовенство, чиновники, военные, учителя (См.: Чехов А.П. Дело Скопинского банка. Новонайденное произведение. М., 1926. С. 9–10).

³¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 254.

³² ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6498. Л. 4; Tishkina K.A., Katsina T.A. Kommisarovskaya almshouse: to the analysis of charitable institutions in Siberia during the period of capitalist modernization // Bylye Gody. 2023. № 18 (3). P. 1302–1303.

ноярска, без различия сословий, пред праздниками Св. Пасхи и Р[ождества] Христова». Общая сумма составила 6 931 руб. 17 коп.³³

В 1899 г. у Красноярского городского общественного управления числилось благотворительных капиталов около 420 818 руб., в 1903 г. – 480 111, в 1907 г. – 545 960 и в 1911 г. – 705 471 руб. У уездных городов средства были мизерными. Для сравнения: в 1907 г. благотворительный капитал Красноярска в 636 раз превышал аналогичный капитал Канска, в 80 раз Енисейска, в 21 раз Минусинска и в 17 раз Ачинска³⁴.

Большой щедростью в делах благотворительности отличился красноярский купец И.Г. Щеголев и его жена Т.И. Щеголева (рис. 1).

И.Г. Щеголев один на собственный капитал возвел к сентябрю 1861 г. большой храм, который называли Богородице-Рождественским. Его постройка с иконостасом, утварью, ризницей и колоколами стоила, по заявлению строителя, 560 тыс. руб. серебром³⁵ (рис. 2).

По завещанию потомственной почетной гражданки Т.И. Щеголевой от 30 октября 1878 г., крупные суммы в серебряном эквиваленте предназначались на «вечные вклады»: 50 тыс. руб. на соборы (кафедральный Богородице-Рождественский и Воскресенский) и церкви города – Благовещенскую, Покровскую, Троицкую, Всех Святых, Петропавловскую (при тюремном замке), Александра Невского (военных), Успенского общежительного мужского монастыря; 10 тыс. руб. – на учебные заведения; 33 тыс. руб. – городской управе для вспомоществования бедным жителям; 30 тыс. руб. – на больных и раненых воинов и в пользу детских приютов; 60 тыс. руб. – на устройство сиропитательного приюта, воспитание и обучение бедных девочек, круглых сирот³⁶. По подсчетам автора одной из первых работ по истории благотворительности и меценатства сибирских купцов-предпринимателей П.Н. Мешалкина, всего супруги Щеголевы дали Красноярску 1 200 тыс. руб.³⁷

На средства Т.И. Щеголевой в Красноярске открыли 5 октября 1875 г. богадельню. Капитал богадельни на 1 января 1898 г. состоял из неприкосновенных 118 200 руб., из которых 75 тыс. руб. были внесены учредительницей Т.И. Щеголевой при основании богадельни, 20 тыс. – ее душеприказчиками во исполнение духовного завещания, 4,5 тыс. – сыновьями учредительницы, 5 тыс. перечислены

Рис. 1. Супруги И.Г. и Т.И. Щеголевы (фото не позднее 1869 г., из фондов Красноярского краевого краеведческого музея)

Рис. 2. Красноярский Кафедральный Богородице-Рождественский собор (фото конца XIX – начала XX в. из фондов Красноярского краевого краеведческого музея)

³³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 63. Л. 2–3.

³⁴ Катцина Т.А. Стратегии формирования... С. 118–119.

³⁵ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное воспроизведение издания 1916 г. Красноярск, 1995. С. 6.

³⁶ Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность... С. 5, 72.

³⁷ Там же. С. 5.

по постановлению городской думы от 2 мая 1883 г. из запасного капитала, 5 тыс. руб. пожертвованы потомственной почетной гражданкой Красноярска И.С. Токаревой и 8,7 тыс. руб. получены от конверсии³⁸ 5%-ных ценных бумаг в 1891–1894 гг. Богадельня содержалась на проценты с пожертвованных сумм, в 1898 г. имела доход с капитала 4 015 руб. 26 коп., платы за содержание своекоштных пансионеров – 162 руб. 51 коп., пособие от казны за содержание ссыльного – 19 руб. 11 коп., других разных доходов – 9 руб. 31 коп.³⁹ Здание богадельни с постройками оценивалось в 39 905 руб.

Сиропитательный приют Т.И. Щеголевой, открытый 15 марта 1894 г., имел на 1 января 1898 г. неприкосновенного капитала имени жертвовательницы процентными бумагами 90 500 руб., стипендиального капитала 3 600 руб., на проценты с которого, согласно завещанию иркутского мещанина А.И. Молотилина, оплачивалось содержание и обучение в приюте «одной бедной девочки, не имеющей отца или матери, от трех до 15 лет, христианского вероисповедания, без различия сословий»⁴⁰, запасного капитала процентными бумагами – 6 084 руб. 30 коп., материалов для одежды и белья – 38 руб. 87 коп., имущества недвижимого – 12 587 руб., движимого – 2 571 руб. 94 $\frac{1}{2}$ коп., припасов – 51 руб. 43 коп.⁴¹, всего – 115 397 руб. 54 $\frac{1}{2}$ коп.

Нельзя обойти вниманием крупный вклад Т.И. Щеголевой в развитие образования. Речь идет о ремесленном училище, открытом 18 июня 1874 г. в Красноярске. К началу 1898 г. училище располагало следующими денежными средствами: неприкосновенным капиталом в 91 500 руб., из которых 80 тыс. были внесены учредительницей при основании училища, 4 тыс. руб. – сыновьями на содержание двух воспитанников за счет стипендии имени И.Г. Щеголева, 540 руб. было причислено к фонду из разных пожертвований и 6 969 руб. получены от конверсии 5 %-ных ценных бумаг в 1891–1894 гг.⁴² Здание, в котором располагалось училище (рис. 3), оценивалось в 22 тыс. руб.

Рис. 3. Ремесленное училище имени Т.И. Щеголевой в Красноярске (фото конца XIX – начала XX в., из фондов Красноярского краевого краеведческого музея)

Заключение. Как показало проведенное исследование, в Российской империи начальной датой законодательства в решении о приеме банками «вечных вкладов» можно считать 14 июля 1770 г. Первые рамочные законы, регулирующие сферу привлечения финансовых средств «на вечные времена» для решения задач в сфере устройства учреждений общественного призрения, появились в Российской империи не позднее 1810 г. Практики учреждения целевых капиталов на филантропические цели в области здравоохранения наблюдаются в Енисейской губернии среди купечества в середине 1820-х гг., но наибольшее развитие они получают после реформ 1860–1870-х гг. Кроме купцов, в формировании «вечных вкладов» участвуют представители других сословий: мещане, крестьяне («вечные вклады» Коммисаровской богадельни). Учреждаются «вечные вклады» на основании личных распоряжений (заявлений), по завещаниям или же подписке в честь какого-либо знаменательного события. «Вечные вклады» распределялись по предмету назначения на пособия бедным, постройку и/или содержание каменных зданий церквей, больниц, приютов, имели

³⁸ Конверсия – финансовая мера, по которой государство предлагает держателям ценных бумаг получать по ним деньги по нарицательной цене или обменять их на новые ценные бумаги, оплачиваемые меньшими процентами, например в свидетельства 4 -процентной государственной бессрочной ренты.

³⁹ Серебренников А.М. Материалы по истории города Красноярска. Красноярское городское общественное управление (окончание) // Сибирский наблюдатель. 1904. Кн. 9–10 (сентябрь–октябрь). С. 24.

⁴⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3510. Л. 60–61.

⁴¹ Серебренников А.М. Материалы по истории... С. 24.

⁴² Там же. С. 26.

целью способствовать образованию (устройство или содержание учебных заведений, выдача стипендий и пособий на воспитание). Неприкосновенные капиталы, образованные первоначально посредством частного пожертвования какого-либо лица, впоследствии пополнялись пожертвованиями других лиц, причислениями прибыли от доходов учреждения (плата за содержание пансионеров, деньги, полученные за работы и изделия по заказам и т.п.). На проценты с «вечных вкладов» функционировали многие социально значимые объекты в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. Но, как показал пример «вечного вклада» Комиссаровской богадельни, при распоряжении «вечными вкладами» в Скопинском городском общественном банке обозначился финансовый кризис, связанный со злоупотреблениями должностных лиц.

Литература

Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009. 308 с.

Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII – XIX века). Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1990. 300 [3] с.

Гаврилова Н.И. Благотворительность иркутского купечества во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – начала XX в. Иркутск, 1998. Вып. 1. С. 104–118.

Катцина Т.А. Стратегии формирования системной помощи населению Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. 372 с.

Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX в.) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4 (28). С. 42–58.

Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное воспроизведение издания 1916 г. Красноярск: Краевед, 1995. 243 с.

Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3-2. С. 84–93.

Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1995. 162 с.

Морев Д.Д. Руководство политической экономии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. VIII, 316 с.

Русский государственный кредит (1769–1906): Опыт историко-критического обзора П.П. Мигулина. Харьков: Типо-литография «Печатное дело», 1907. Т. 3: Эпоха 1893–1906 гг. [6], 1217 с.

Серебренников А.М. Материалы по истории города Красноярска (окончание) // Сибирский наблюдатель. 1904. Кн. 9–10 (сентябрь–октябрь). С. 23–32.

Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–160.

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2001. 241 с.

Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.). СПб.: Лики России, 2007. 656 с.

Степанов А.П. Енисейская губерния: в 2 ч. СПб.: В тип. Конрада Вингебера, 1835. Ч. 2. II, 139, [3]. XIV с.

Судейкин В.[Т]. Операции Государственного банка. СПб.: Тип. «Северного телеграфного агентства», 1888. [2], II, 126 с.

Туман-Никифорова И.О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.). Красноярск, Красноярский государственный торгово-экономический институт, 2004. 182 с.

Чехов А.П. Дело Скопинского банка. Новонайденное произведение. М.: Акционерное издательство «Огонек», 1926. 58 с.

Шахеров В.П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2006. 176 с.

Tishkina K.A., Katsina T.A. Kommisarovskaya almshouse: to the analysis of charitable institutions in Siberia during the period of capitalist modernization // Bylye Gody. 2023. No. 18 (3). P. 1298–1306. DOI 10.13187/bg.2023.3.1298.

References

Boyko, V.P. (2009). *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v.: Ocherki sotsial'noy, otraslevoy i mental'noy istorii* [Merchants of Western Siberia in the Late 18th–19th Centuries: Essays on Social, Industrial, and Mental History]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 308 p.

Bykonya, G.F., Fedorova, V.I., Berdnikov, L.P. (1990). *Krasnoyarsk v dorevolutsionnom proshlom (XVII–XIX veka)* [Krasnoyarsk in the Pre-Revolutionary Past (18th–19th Centuries)]. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta. 300 [3] p.

Chekhov, A.P. (1926). *Delo Skopinskogo banka. Novonaydennoe proizvedenie* [The Case of the Skopin Bank. Newly Discovered Work]. Moscow, Aktsionernoe izdatel'stvo "Ogonek". 58 p.

Gavrilova, N.I. (1998). Blagotvoritel'nost' irkutskogo kupechestva vo vtoroy polovine XIX v. [Charity of the Irkutsk Merchants in the Second Half of the 19th Century]. In *sibirskiy gorod XVIII – nachala XX vv.* Iss. 1. Irkutsk, pp. 104–118.

Katsina, T.A. (2024). *Strategii formirovaniya sistemnoy pomoshchi naseleniyu Vostochnoy Sibiri (dekabr' 1784 – yanvar' 1920 g.)* [Strategies for Forming Systemic Assistance to the Population of Eastern Siberia (December 1784 – January 1920)]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 372 p.

Komleva, E.V. (2022). "S kapitala, navsegda im pozhertvovannogo...": endaumenty v kupecheskoy srede Sibiri (XIX – nachalo XX v.) ["From the Capital, forever Donated by Him...": Endowments in the Merchant Environment of Siberia (19th – Early 20th Century)]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. Vol. 7, No. 4 (28), pp. 42–58. DOI 10.46539/jfs.v7i4.318.

(1995). *Kratkoe opisanie prikhodov Eniseyskoy eparkhii. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1916 g.* [Brief Description of the Parishes of the Yenisei Diocese. Reprint Reproduction of the 1916 Edition]. Krasnoyarsk, Kraeved. 243 p.

Maslova, I.V. (2023). Tselevye kapitaly kak forma organizatsii blagotvoritel'noy deyatel'nosti v dorevolutsionnoy i sovremennoy Rossii [Target Capital as a Form of Organizing Charitable Activities in Pre-Revolutionary and Modern Russia]. In *Voprosy istorii*. No. 3-2, pp. 84–93. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202303Statyi57.

Meshalkin, P.N. (1995). *Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' sibirskikh kuptsov-predprinimateley. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v* [Patronage and Charity of Siberian Merchants and Entrepreneurs. The Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 162 p.

Morev, D.D. (1912). *Rukovodstvo politicheskoy ekonomii* [Handbook of Political Economy]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha. VIII, 316 p.

(1907). *Russkiy gosudarstvennyy kredit (1769–1906): Opyt istoriko-kriticheskogo obzora P.P. Migulina. T. 3: Epokha 1893–1906 gg.* [Russian State Credit (1769–1906): An Attempt of a Historical and Critical Review by P.P. Migulin. Vol. 3: The Era of 1893–1906]. Khar'kov, Tipo-litografiya "Pечатnoe delo". [6], 1217 p.

Serebrennikov, A.M. (1904). Materialy po istorii goroda Krasnoyarska (okonchaniye) [Materials on the History of the City of Krasnoyarsk (Conclusion)]. In *Sibirskiy obozrevatel'*. Book 9–10 (September–October), pp. 23–32.

Shakherov, V.P. (2006). *Irkutsk kupecheskiy: Istoriya goroda v litsakh i sud'bach* [Merchant Irkutsk: History of the City in Faces and Destinies]. Khabarovsk, Priamurskie Vedomosti. 176 p.

Skubnevskiy, V.A., Startsev, A.V., Goncharov, Yu.M. (2001). *Kupechestvo Altaya vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Merchants of Altai in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 241 p.

Skubnevsky, V.A. (2018). Blagotvoritel'nost' predprinimateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Charity of Altai Entrepreneurs in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 435, pp. 155–160.

Sokolov, A.R. (2007). *Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX vv.)* [Charity in Russia as a Mechanism of Interaction between Society and the State (Early 18th – Late 19th Centuries)]. St. Petersburg, Liki Rossii, 656 p.

Stepanov, A.P. (1835). *Yeniseyskaya guberniya* [The Yeniseisk Province: in 2 parts. Part 2]. St. Petersburg, V Tipografii Konrada Vingebera. II, 139, [3], XIV p.

Sudeykin, V.[T]. (1888). *Operatsii Gosudarstvennogo banka* [Operations of the State Bank]. St. Petersburg, Tipografiya “Severnogo telegrafnogo agentstva”. [2], II, 126 p.

Tuman-Nikiforova, I.O. (2004). *Gil'deyskoe kupechestvo Yeniseyskoy gubernii (60-e gg. XIX – nachalo XX vv.)* [Guild Merchants of the Yeniseisk Province (60s of the 19th – Early 20th Century)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy trgovno-ekonomicheskiy institut. 182 p.

Н.И. Гаврилова*

«...ГОТОВ ПОЖЕРТВОВАТЬ ИЗ КАПИТАЛА
МОЕГО КРЕДИТНЫМИ БИЛЕТАМИ»:
ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЦЕЛЕВЫХ КАПИТАЛОВ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА
В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ
ЭНДАУМЕНТОВ ИРКУТСКОГО КУПЕЧЕСТВА)

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-15
УДК 364.056.2(571.53)

Выходные данные для цитирования:
Гаврилова Н.И. «...Готов пожертвовать из капитала моего кредитными билетами»: формирование и функционирование целевых капиталов сибирского купечества в благотворительной сфере (на примере крупных эндаументов иркутского купечества) // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 221–239.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-15.pdf>

N.I. Gavrilova*

“...I AM READY TO DONATE BANK NOTES
FROM MY CAPITAL”: FORMATION AND FUNCTIONING
OF SIBERIAN MERCHANTS’ ENDOWMENT CAPITALS
IN THE CHARITABLE SPHERE (BASED ON MATERIALS
FROM IRKUTSK MERCHANTS’ LARGE ENDOWMENTS)

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-15

How to cite:
Gavrilova N.I. “...I am Ready to Donate Bank Notes from My Capital”: Formation and Functioning of Siberian Merchants’ Endowment Capitals in the Charitable Sphere (Based on Materials from Irkutsk Merchants’ Large Endowments) // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 221–239.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-15.pdf>]

Abstract. The article presents the results of a study of the formation and functioning of charitable endowment capitals of Siberian merchants. The creation of one of the most significant regional segments of charitable perpetual contributions by Irkutsk merchants made it possible to examine this problem using materials from Irkutsk. It is noted that the formation of the endowment capital and its donation remained the most important stage for the donor. This period was characterized by the greatest activity and involvement of the donor in the process. A significant variety of specific forms and conditions for donating perpetual endowments is recorded. The donor sought to find a balance between their financial capabilities and the desire to ensure the economic sustainability of the recipient institution (or fund) with the donated capital. The issues of donors’ choice of managers of donated capital are considered. The conditions for the transfer of perpetual deposits to them and the behavior patterns of each party in this process are analyzed. It is proven that since the late 1870s, the city self-government bodies became the most important institutions for managing the inviolable capital of the Irkutsk merchants. By the beginning of the 20th century, the Irkutsk Duma had not only developed significant experience in implementing the target purposes of perpetual deposits, but made attempts to optimize endowment management. At the same time, the activities of the bank of the Orphanage of E. Medvednikova remained the most striking example of the implementation of an effective financial policy in the area of target capital. Based on the analysis of the management of the “M.A. Sibiryakov Capital”, a significant influence of motivation of the endowment managers on the effectiveness of its functioning is shown. The participation of donors in the management of an institution (fund) created on the basis of endowment capital is considered. It is emphasized that the desire to effectively use perpetual deposits has stimulated the development of a rational, socially responsible model of behavior not only on the part of donors, but also on the part of managers of endowments. The examined material proves that the ramified

* **Наталья Игоревна Гаврилова**, кандидат исторических наук, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: nig2312@yandex.ru
Natalya Igorevna Gavrilova, Candidate of Historical Sciences, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: nig2312@yandex.ru

system of relationships created around endowments has evolved towards ever greater coordination of actions, primarily between donors and managers of endowments.

Keywords: endowment, charity, merchants, city public self-government, social sphere, Irkutsk.

The article has been received by the editor on 10.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования формирования и функционирования благотворительных целевых капиталов сибирского купечества. Создание иркутским купечеством одного из наиболее весомых региональных сегментов благотворительных «вечных вкладов» позволило рассмотреть данную проблему на материалах Иркутска. Отмечено, что наиболее «проработанным» со стороны жертвователя оставался этап формирования целевого капитала и его дарение. Этот период отличали наибольшая активность и включенность жертвователя в процесс. Зафиксировано значительное разнообразие конкретных форм и условий пожертвований «вечных вкладов»: всякий раз даритель стремился найти баланс между имеющимися у него финансовыми возможностями и желанием обеспечить с помощью жертвуемого капитала экономическую устойчивость предполагаемого учреждения-реципиента (или фонда-реципиента). Рассмотрены вопросы выбора дарителями распорядителей жертвуемых капиталов. Проанализированы условия передачи им «вечных вкладов», модели поведения каждой из сторон в данном процессе. Доказывается, что с конца 1870-х гг. одними из важнейших институтов управления неприкосновенными капиталами иркутского купечества становятся органы городского самоуправления. К началу XX в. иркутской думой был не только выработан значительный опыт деятельности по реализации целевых назначений «вечных вкладов», но и предприняты попытки оптимизации управления эндаументами. Вместе с тем наиболее ярким примером проведения эффективной финансовой политики в области целевых капиталов оставалась деятельность банка Сиропитательного дома Е. Медведниковой. На основе анализа управления «Капиталом имени М.А. Сибирякова» показано существенное влияние мотивации деятельности распорядителей эндаумента на результативность его функционирования. Рассмотрено участие жертвователей в управлении учреждением (фондом), созданным на основе целевого капитала. Подчеркивается, что стремление эффективного использования «вечных вкладов» стимулировало выстраивание рациональной, социально ответственной модели поведения не только со стороны жертвователей, но и распорядителей целевых капиталов. Рассмотренный материал доказывает, что создаваемая вокруг эндаументов разветвленная система взаимосвязей эволюционировала в сторону все большей согласованности действий, прежде всего между жертвователями и распорядителями «вечных вкладов».

Ключевые слова: целевой капитал, благотворительность, купечество, городское общественное самоуправление, социальная сфера, Иркутск.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025 г.

Распространение практики использования эндаументов в современных условиях обуславливает возрастающий интерес к опыту функционирования благотворительных целевых капиталов в российском обществе XIX – начала XX в., потребность восполнения пробелов в изучении этой формы организации благотворительной деятельности имперской России.

Перспектива исследований указанных вопросов связана с возможностью углубления представлений о финансовых механизмах развития социальной сферы российского общества XIX – начала XX в., динамике форм жертвуемых капиталов и управленческих моделях их функционирования, наконец, изменениях общественных воззрений на сущность благотворительности, в частности – осмыслении купечеством своей роли в решении социальных задач.

Пожалуй, впервые задача исследования роли целевых капиталов в финансировании российской благотворительности XIX – начала XX в. в качестве самостоятельной темы была поставлена в 2013 г. Г.Н. Ульяновой¹, крупнейшим исследователем истории благотворительности в России. Автору удалось не только выявить точную дату указа, положившего начало законодательному регулированию пожертвований целевых капиталов, и проследить последующие шаги нормативно-правового оформления данной сферы благотворительности, но и наметить ряд иных важных вопросов темы: управление целевыми капиталами, технологии их хранения, формы пожертвования «вечных вкладов». Было подчеркнуто, что «накануне 1917 г. подавляющее большинство благотворительных капиталов находилось в распоряжении целевых фондов. Это позволяло сделать ресурсные капиталы неуязвимыми в условиях колебания финансового рынка и обеспечить общественный контроль над добросовестным использованием денег, дарованных благотворителями нуждающимся согражданам»².

Значимость поставленных вопросов для понимания специфики данной формы пожертвований была подчеркнута последующими исследованиями, обращенными к отдельным аспектам функционирования целевых капиталов. В частности, уделяется внимание анализу управления «вечными вкладами», лежащими в основе именных стипендий средних учебных заведений Западной Сибири XIX – начала XX в. (возможности их пополнения, изменения условий выдачи стипендий и самих Положений о стипендии). Уточняется социальный состав жертвователей «вечных вкладов», мотивация их взносов в сферу образования³.

Новый импульс исследованиям придала учрежденная в 2020 г. Национальной ассоциацией эндаументов (НАЭ) ежегодная премия «Вечный вклад». Под эгидой Ассоциации вышли два тематических альманаха (в 2021 и 2023 гг.)⁴. Интерес к теме зафиксировала и первая научно-исследовательская конференция «Целевые капиталы («вечные вклады») в филантропии России XVIII – начала XX вв.», прошедшая в 2023 г. по инициативе НАЭ. Активизируется изучение отдельных сфер функционирования благотворительных эндаументов XIX – начала XX в., увеличивается число региональных исследований по рассмат-

Рис. 1. Банк Е.М. Медведниковой в Иркутске.
Почтовая открытка. 1912–1914 гг.
(Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917: историко-библиографический альбом-каталог. М., 1996)

¹ Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века: «Приступить к учреждению... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» // Мат-лы XXII общерос. ежегод. богословской науч. конф. М., 2013. С. 215–218.

² Там же. С. 218.

³ Клиницкий А.И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX – начала XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4, № 1. С. 50–54.

⁴ Бессолицын А.А., Гаврилова Н.И., Грачева Е.Н., Сафонова Е.Ю., Филимонова Г.В. «ВЭчный вклад»: целевые капиталы как основа филантропии в дореволюционной России. М., 2021; Бутрин Е.С., Волошина А.В., Грачева Е.Н., Катцина Т.А., Корева Н.А. «ВЭчный вклад»: благотворительные целевые капиталы женщин-предпринимательниц в дореволюционной России. М., 2023.

риваемой теме. В частности, богатый фактический материал позволил А.В. Волошиной доказать существенную роль «вечных вкладов» в качестве источника финансирования московской госпитальной медицины⁵. Каждый из приведенных в статье случаев последовательно раскрывает процесс формирования целевого капитала, условия его пожертвования, практику управления финансовыми средствами, механизмы использования целевого капитала медицинским учреждением.

В качестве удачного примера регионального исследования можно выделить статью Е.В. Комлевой⁶, в центре внимания которой находится анализ особенностей учреждения благотворительных целевых капиталов в купеческой среде Сибири XIX – начала XX в. Автором представлена динамика количественных показателей индивидуальных и коллективных эндаументов, сферы их вложений. Принципиальное значение имеют материалы, раскрывающие «связь развития института эндаументов с особенностями кредитно-финансовой сферы региона»⁷. Поставлена задача осмысления благотворительных целевых капиталов в контексте мировоззренческих установок купечества⁸.

И.В. Масловой в рамках сравнительного анализа эндаументов как формы организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России⁹ была доказана, с одной стороны, доминанта духовной и социальной сфер в качестве основных векторов пожертвований «вечных вкладов» в XIX – начале XX в., сосредоточение их значительной доли в регионах – с другой. Важным представляется поставленный автором акцент на характеристиках моделей управления филантропическими капиталами. В частности, на примере инициатив елабужского купца И.И. Стахеева рассмотрен опыт учреждения и деятельности частного благотворительного комитета с неприкосновенным капиталом. Как подчеркнула И.В. Маслова, «высокая эффективность реализации благотворительных проектов достигалась благодаря тому, что купец-жертвователь лично контролировал процесс»¹⁰. Интересным представляется и предложенная автором интерпретация мотивации благотворительных инициатив купечества с позиций концепции доверия. «Признание заслуг в обществе <...> порождало феномен “общественного доверия”», – отмечает И.В. Маслова¹¹.

Таким образом, в современных условиях изучение целевых капиталов как формы организации благотворительной деятельности фокусируется на комплексе вопросов, среди которых важная роль принадлежит изучению социального состава жертвователей и мотивации учреждения ими «вечных вкладов», сфер вложения жертвуемых капиталов, количественной динамики учреждения эндаументов, характеристик нормативно-правовой базы их функционирования, анализу роли кредитно-финансовой системы региона в становлении и распространении практики учреждения «вечных вкладов», исследованию форм пожертвований целевых капиталов (в том числе по завещанию), моделей и практик управления благотворительными целевыми капиталами, «технологий» их хранения, наконец, результативности использования в рамках функционирования благотворительного учреждения или фонда.

Достигнутый уровень изученности темы, а вместе с тем поставленные задачи для ее дальнейшего исследования позволяют рассматривать благотворительный целевой капитал в широком социальном контексте как системообразующий элемент разветвленной социальной, экономической и социокультурной конфигурации, включающей, с одной стороны, формирование целевого капитала жертвователем, управление вкладом со стороны распоря-

⁵ Волошина А.В. Целевой капитал как средство развития социальной инфраструктуры дореволюционной Москвы (на примере городских больниц) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13, № 4. С. 26–41.

⁶ Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 4. С. 42–58.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3–2. С. 84–93.

¹⁰ Там же. С. 90.

¹¹ Там же.

дителей, использование благотворительных выплат (процентов с «вечного вклада») представителями целевых(ой) групп(ы) и/или учреждениями(ем), с другой стороны, возникающие на этой основе взаимодействия базовых акторов (жертвователя и распорядителя целевого капитала, а также непосредственного получателя услуг или благ, ради которых целевой капитал был создан).

В рамках изучения практик формирования благотворительных целевых капиталов интерес представляют не только характеристики социального состава жертвователей, мотивов учреждения ими «вечных вкладов» и сфер их вложения, но и анализ форм пожертвования капиталов, условий их передачи и хранения, рассмотрение причин выбора предполагаемых распорядителей вкладов.

Немаловажное значение для характеристики культуры благотворительности и ее динамики в российском обществе XIX – начала XX в. принадлежит изучению практики управления благотворительными целевыми капиталами со стороны распорядителей. В частности, интерес представляет анализ деятельности управленческого органа (будь то специально созданный частный комитет, комиссия/отдел в составе городской думы или иная структура), его шаги по укреплению финансовой стабильности капитала, вопросы распределения выплат (процентов с капитала), участие жертвователя в управлении капиталом, характеристика результативности и рисков функционирования фонда или учреждения, использующего «вечный вклад».

Слабо разработанными остаются поведенческие характеристики представителей целевых групп, непосредственных получателей выплат с неприкосновенных благотворительных капиталов. Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о низших, реже – средних слоях общества, одним из значимых вопросов представляется анализ степени информированности целевой группы о возможности получения благотворительной помощи и поддержки, готовности ее представителей к принятию таковой.

В статье на примере пожертвованных иркутским купечеством капиталов представлен обзор выделенных характеристик благотворительных «вечных вкладов». Целесообразным представляется сама фиксация многообразия практик формирования и функционирования неприкосновенных капиталов, позволяющая провести их обобщение и выявить тенденции.

Информационную базу составили сведения о крупных целевых капиталах, пожертвованных иркутскими купцами и хранившихся в иркутских финансовых учреждениях. Отметим, что иркутское купечество сформировало один из наиболее весомых региональных сегментов неприкосновенных благотворительных капиталов, среди первых в Сибири стало использовать эту форму пожертвований¹². Вечные благотворительные вклады иркутян функционировали в сферах здравоохранения, образования, социального призрения, частного пенсионирования. Их отличала широкая географическая представленность (в частности, Томск, Москва, Петербург и др.).

Нами были использованы сведения о таких крупных эндаументах, как целевой капитал банка Сиропитательного дома Е. Медведниковой (1836 г., жертвователь – И.Л. Медведников, 70 тыс. руб.)¹³, капитал Дома призрения для бедных имени М.А. Сибирякова (1873 г., жертвователь – М.А. Сибиряков, 100 тыс. руб.)¹⁴, капитал школы А.М. Кладищевой (1878 г., 1882 г., жертвователь – А.М. Сибиряков, 60 тыс. руб.)¹⁵, капитал имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова для вспомоществования приисковым рабочим Якут-

¹² Положение о Сиропитательном доме в Иркутске и частном при нем банке. 9 ноября 1836 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. XI. № 9332. С. 741–747.

¹³ Там же; Иркутский Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк [Обзор деятельности за 50 лет]. Иркутск, 1888. Ч. 1. Сиропитательный дом 1838–1888 гг.

¹⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. ОЦ. Д. 491. Л. 38–38 об., 83–83 об.; Устав дома призрения для бедных М.А. Сибирякова в Иркутске // Известия иркутской городской думы. 1900. № 21–22. С. 357–363.

¹⁵ ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 514. Л. 106–107, 390; Доклад иркутской городской управы по вопросу о капитале Кладищевской школы // Известия иркутской городской думы. 1893. № 12. С. 159–161.

ской области (1894 г., жертвователь – И.М. Сибиряков, 420 тыс. руб.)¹⁶, капитал больницы для хронических больных коммерции советника и почетного гражданина Ивана Логгиновича Медведникова и жены его Александры Ксенофонтовны Медведниковой (1898 г., жертвователь – А.К. Медведникова, 600 тыс. руб.)¹⁷, капитал Ивано-Матренинской детской больницы (1905 г., жертвователи – Ю.И. Базанова и В.П. Кельх, 624 тыс. руб.)¹⁸. Использованы также сведения о менее крупных целевых капиталах, находившихся в ведении иркутской городской думы (с 1899 г. – в ведении иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами; в 1909 г. – 16 капиталов)¹⁹ и предназначенных для осуществления различных социальных выплат (стипендий, пособий и пр.).

Анализ практики формирования иркутским купечеством крупных целевых капиталов фиксирует значительное разнообразие конкретных форм и условий пожертвований «вечных вкладов»: всякий раз даритель стремился найти баланс между имеющимися у него финансовыми возможностями и желанием обеспечить с помощью жертвуемого капитала экономическую устойчивость предполагаемого учреждения-реципиента (или фонда-реципиента).

Подобная поведенческая траектория, с одной стороны, согласовывалась с принципами предпринимательской деятельности купечества. Как справедливо отмечает И.В. Маслова, «купцы относились к благотворительной деятельности так же рационально, как и к бизнесу: “вечные вклады” инвестировались в ценные бумаги, доходность которых была наибольшей»²⁰. С другой стороны, такая стратегия свидетельствовала об ответственности жертвователя за предпринимаемый шаг. В ее основе лежало сложное переплетение религиозно-нравственных и социально-ориентированных оснований понимания купечеством своих обязательств относительно распоряжения капиталами.

Как правило, о пожертвовании целевого капитала даритель извещал выбранного им распорядителя эндаумента заявлением. В частности, в 1872 г. иркутский купец 1-й гильдии М.А. Сибиряков писал на имя иркутского городского головы: «Желая оказать помощь беднейшим жителям города Иркутска, я намерен устроить для них Приют, в котором они могли бы проживать, имея готовое содержание. <...> На покупку дома <...> и на содержание Приюта я готов пожертвовать из капитала моего кредитными билетами сто тысяч рублей, которые будут внесены в Иркутскую городскую думу...»²¹.

Однако иркутским купечеством были использованы и иные варианты оформления жертвуемых целевых капиталов. Самым масштабным проектом торгово-промышленных слоев города, обеспечившим стабильное функционирование и приумножение благотворительного целевого капитала, стало создание банка при Сиропитательном доме Е. Медведниковой. В «Положении о Сиропитательном доме...» (1836 г.) было зафиксировано, что «из жертвуемых <...> Медведниковыми семидесяти тысяч рублей, отделяется 20 000 руб. на постройку здания для помещения заведения, а на остальные 50 000 руб., с присовокуплением пожертвованной разными благотворителями суммы, учреждается Банк Сиропитательного дома, с тем, чтобы доходы с сих капиталов обращать на содержание Дома»²². Как неоднократно указывалось в литературе²³, банк не только обеспечил стабильное существование

¹⁶ Положение о Капитале имени М.А. Сибирякова // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIV. № 10403. С. 96–97.

¹⁷ Устав Иркутской больницы для хронических больных коммерции советника и почетного гражданина Ивана Логгиновича Медведникова и жены его Александры Ксенофонтовны Медведниковой // Известия иркутской городской думы. 1898. № 5–6. С. 191–195.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 5 (1909). Л. 2. Л. 367; Проект Устава Ивано-Матренинской детской больницы // Известия иркутской городской думы. 1905. № 1–8. С. 333–345.

¹⁹ Отчет Иркутской городской управы о специальных капиталах, находящихся в ее ведении, за 1891 год. Иркутск, 1893; Колотилов П.Н. Краткий очерк 10-летней деятельности (1899–1909) иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами. Иркутск, 1909.

²⁰ Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности... С. 90.

²¹ ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 491. Л. 38–38 об.

²² Положение о Сиропитательном доме в Иркутске и частном при нем банке. 9 ноября 1836 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XI. № 9332. С. 741.

²³ Шахеров В.П. Становление кредитной системы в Иркутской губернии в XVIII – первой половине XIX века // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 4. С. 686–688; Плотникова Е.В. Банк при Сиропи-

Сиропитательного дома, но и оказал существенное влияние на развитие кредитно-финансовой сферы Иркутска. Подобные «вспомогательные» функции, пожалуй, не были свойственны ни одному другому благотворительному «вечному вкладу» сибирского купечества.

Тяготеем по своей сути к характеристикам «вечного вклада» стало пожертвование (1879 г.) иркутским купцом 1-й гильдии А.М. Сибиряковым²⁴ доходов с золотосодержащих приисков²⁵, унаследованных после смерти его сестры Антонины Михайловны (в замужестве Кладищевой, ум. 1878 г.), на строительство и содержание в Иркутске бесплатной начальной школы для бедных детей обоего пола. Согласно воле дарителя, в ведение иркутской городской думы должны были поступать все чистые доходы с приисков, перешедшие к А.М. Сибирякову, начиная с операции за 1879 г. Предполагалось, что дума будет получать этот доход «в течение всего времени до прекращения разработки приисков компаниями»²⁶, участником которых А.М. Сибиряков состоял. Причем в самой разработке приисков и управлении ими дума участия не принимала. Все расходы по их содержанию и эксплуатации сохранялись за Сибиряковым. Такая форма пожертвования среди иркутских благотворителей была использована Сибиряковым впервые и, пожалуй, осталась единственным случаем ее применения. Дарственная на имя иркутской городской думы была оформлена 17 октября 1879 г.²⁷

Понимая нестабильность поступления жертвуемых средств, А.М. Сибиряков в январе 1880 г. писал в думу: «...желая обеспечить за школой прочное существование, я нахожу целесообразным на первое время затрачивать из ежегодно получаемого дохода на содержание школы не более пяти тысяч рублей. Остальное же должно идти на образование основного капитала до тех пор, пока оный не будет обеспечивать в виде процентов с него потребную, по моему мнению, на содержание школы сумму в пять тысяч рублей. Только с того времени, в случае, если по-прежнему будут получаться доходы с приисков от участия, можно будет воспользоваться ими, <...> для расширения школы»²⁸.

Предлагаемые условия не соответствовали законодательству: требовалось наличие четко фиксированного капитала, ежегодные проценты с которого соответствовали бы размеру расходов на содержание училища²⁹. В этих обстоятельствах А.М. Сибиряков жертвует (1882 г.) городу 60 тыс. руб. «для содержания из процентов предполагаемой к открытию школы» и берет на себя все расходы по постройке для нее каменного здания³⁰. Условием Сибиряков ставил следующее: «...чтобы дума представила ему право выбирать (возвратить. – Н. Г.) эту сумму из пожертвованных им доходов»³¹. Причем Сибиряков снимал с думы «всякую ответственность» в случае, «если бы доходов с приисков оказалось недостаточно на покрытие всего долга»³². Предложения городской думой были приняты. Открытие училища состоялось 25 сентября 1882 г.

Содержалось училище на проценты с одноименного капитала, который заключался в государственных процентных бумагах и хранился в Иркутском отделении Государственного банка, а документация – в губернском казначействе³³. В 1892 г. капитал Кладищевской

тательном доме Е. Медведниковой: правовой аспект и процесс борьбы за независимость от Иркутской городской думы в первой половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 1. С. 123–132; Гаврилова Н.И. Иркутский Сиропитательный дом и банк Елизаветы Медведниковой // Бессолицын А.А., Гаврилова Н.И., Грачева Е.Н., Сафонова Е.Ю., Филимонова Г.В. «Вѣчный вклад»: целевые капиталы как основа филантропии в дореволюционной России. М., 2021. С. 120.

²⁴ ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 514. Л. 36–37 об.

²⁵ 3/168 части участия в золотопромышленных «Прибрежно-Витимской Компании» и «Компании Промышленности в разных местах Восточной Сибири».

²⁶ ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 514. Л. 36.

²⁷ Там же. Л. 36–37 об.

²⁸ Там же. Л. 64.

²⁹ О порядке присвоения особых наименований всякого рода учреждениям благотворительным и общепольным // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. LII. № 57978. С. 306–307

³⁰ ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 514. Л. 106–107.

³¹ Известия иркутской городской думы. 1893. № 12. С. 159–161.

³² Там же. С. 160.

³³ Там же. С. 160–161.

школы составлял 153 104 руб., доходы исчислялись в 9468 руб.³⁴ Дополнительные издержки покрывались городом (в среднем 1282 руб.)³⁵.

Иной вариант формирования целевого капитала, достаточного для содержания на проценты с него благотворительного учреждения, был использован Ю.И. Базановой. В 1895 г. на средства, завещанные иркутским купцом 1-й гильдии И.И. Базановым, наследниками была построена в Иркутске Ивано-Матренинская детская больница. Для устойчивого обеспечения клиники Базанова с дочерью внесли капитал в размере 624 300 руб. с тем, чтобы он возрос до размеров, на проценты с которого можно было содержать больницу. До этого времени в течение 10 лет (1895–1905 гг.) лечебное заведение содержалось на их средства (за 1895–1905 гг. всего внесено 370 694 руб.)³⁶. К моменту передачи больницы городу (июль, 1905 г.) размер вклада составлял 907 516 руб. 61 коп.³⁷ Согласно Уставу больницы, неприкосновенный капитал хранился в денежном ящике Городского общественного управления в Иркутском отделении Государственного казначейства вместе со всеми специальными капиталами города под наименованием «Капитал Ивано-Матренинской детской больницы»³⁸.

Передача «вечного вклада» с благотворительной целью по завещанию являлась достаточно распространенной практикой³⁹. В частности, согласно завещанию (1896 г.) вдова иркутского купца 1-й гильдии А.К. Медведникова, проживавшая с мужем с конца 1840-х г. в Москве, передавала Иркутску 600 тыс. руб. на устройство и содержание богадельни на 60 человек с церковью и причтом, ремонт городской больницы и пособия беднейшим жителям города⁴⁰.

О своем решении Медведникова считала необходимым поставить в известность иркутскую городскую думу. Результатом проведенных обсуждений стало изменение назначения завещанных капиталов, направленных на строительство и содержание в Иркутске больницы для хронических больных. В письме в Иркутск от 14 января 1898 г. А.К. Медведникова просила возвратить ей «прежнее заявление о постройке богадельни, обещая по получении означенного заявления внести в Московскую контору Госбанка на хранение на имя Иркутского городского общественного управления свидетельства гос[ударственной] 4 % ренты на сумму 600 000 рублей»⁴¹. В 1899 г. здание больницы было заложено. Таким образом, часть распределенных в завещании целевых капиталов по воле дарительницы начала «работать» уже при ее жизни (что являлось изменением формального сценария использования передаваемых по завещанию капиталов), будучи направлена на решение обозначенных думой насущных социальных вопросов.

Значимым аспектом формирования благотворительного целевого капитала выступает выбор донором распорядителя «вечного вклада». Ряд базовых для рассмотрения данного вопроса положений был сформулирован Г.Н. Ульяновой. В частности, применительно к Москве отмечалось, что «наиболее важными с точки зрения поглощения и реализации предпринимательских благотворительных капиталов институтами» выступали Московское городское общественное управление и Московское купеческое общество. «В первую очередь такой выбор определился тем, что оба эти института представляли собой в российских условиях структурообразующие элементы гражданского общества». Кроме того, как подчеркнула Г.Н. Ульянова, в данном случае «благотворители не могли рассчитывать на чины,

³⁴ Известия Иркутской городской думы. 1892. № 20. С. 252.

³⁵ Известия Иркутской городской думы. 1886. № 7–8. С. 385.

³⁶ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5 (1909). Д. 2. Л. 367.

³⁷ Там же.

³⁸ Известия иркутской городской думы. 1905. № 1–8. С. 339–340.

³⁹ См., например: Ульянова Г.Н. Благотворительности в России XIX века... С. 217; Волошина А.В. Целевой капитал как средство развития... С. 33–34.

⁴⁰ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 344; Гаврилова Н.И. Александра Ксенофоновна Медведникова: материалы к биографии (к вопросу изучения динамики моделей благотворительной деятельности женщин купеческого сословия XIX – начала XX в.) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 3. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-03.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

⁴¹ Известия Иркутской городской думы. 1898. № 3–4. С. 106–107.

звания и ордена, тем самым добровольность таких пожертвований предстает перед нами как наивысшая степень свободного волеизъявления граждан»⁴². Имеющиеся в нашем распоряжении данные о крупных целевых капиталах иркутского купечества позволяют подтвердить общую тенденцию возрастания авторитета реформированных органов городского самоуправления в качестве получателя и распорядителя благотворительных капиталов, в том числе «вечных вкладов», со стороны жертвователей.

Одним из первых четко оформленных пожертвований благотворительного целевого капитала в пользу Иркутского городского общественного управления стала передача в 1872 г. М.А. Сибиряковым средств на открытие и содержание в Иркутске приюта для бедных. Наиболее ранний (1836 г.) же из анализируемых нами эндаументов (целевой капитал банка Сиропитательного дома Е. Медведниковой) формально не был предназначен для передачи в ведение городской думы (хотя городской голова состоял почетным попечителем Сиропитательного дома и банка при нем, а двое попечителей по выбору из числа почетных граждан и купцов Иркутска входили в его Совет), находясь, согласно «Положению...» (1836 г.), под высочайшим покровительством государыни императрицы и одновременно состоя «под главным ведением генерал-губернатора Восточной Сибири»⁴³.

Отметим, что Сибиряков извещал о своем намерении не только городскую думу, но и генерал-губернатора с целью заручиться его помощью и поддержкой для успешного решения вопроса. В условиях перехода Иркутска от старого к новому Городовому положению (в Иркутске введено в ноябре 1872 г.)⁴⁴ генерал-губернатор практически полностью руководил действиями городской думы по организации приюта на пожертвованный Сибиряковым целевой капитал. В мае 1872 г. Н.П. Синельников писал на имя иркутского городского головы: «Принимая на себя попечительство над устраиваемым Сибиряковым благотворительным заведением, <...> я нахожу <...> [необходимым] открыть заведение <...>, соображаясь с доходами, какие будет доставлять капитал, – немедленно. <...> Предлагаю городской думе без малейшей медленности составить устав <...> и предоставить ко мне не далее 20 числа сего месяца»⁴⁵. В начале 1870-х гг. иркутская городская дума еще не обладала опытом муниципальной деятельности, в том числе управления поступающими в ее ведение благотворительными целевыми капиталами: вмешательство властей в ее деятельность оказывалось оправданным, основанным на патерналистских началах⁴⁶.

С конца 1870-х гг. органы городского самоуправления становятся одним из основных распорядителей жертвуемых иркутским купечеством эндаументов. В прошлое уходят обращения жертвователей за поддержкой и покровительством к органам региональной власти при передаче благотворительных капиталов: доверие к муниципалитету как распорядителю эндаумента возрастает. Одним из свидетельств тому стала практика установления взаимодействия дарителя с думой на этапе подготовке капитала к передаче в ведение городского самоуправления. Подобные действия стали сознаться в качестве немаловажной составляющей, влияющей на результативность функционирования «вечного вклада». Безусловно, выбор городской думы в качестве получателя благотворительного целевого капитала был связан и с расширением функций органов городского самоуправления, с признанием за городским самоуправлением прав юридического лица.

Разнообразие назначений благотворительных целевых капиталов обуславливало существенную вариантность выбора распорядителя средств. В частности, «Капитал имени М.А. Сибирякова для вспомоществования приисковым рабочим Якутской области» (жертвователь – И.М. Сибиряков) был адресован Иркутскому горному управлению, его непосред-

⁴² Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 гг. Словарь купцов-благотворителей. М., 2014. С. 8.

⁴³ Положение о Сиропитательном доме в Иркутске и частном при нем банке. 9 ноября 1836 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XI. № 9332. С. 740–742.

⁴⁴ Об этом см.: Государственная власть и общество (на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX вв.). Иркутск, 2019. С. 324.

⁴⁵ ГАИО. Ф. 70. ОЦ. Д. 491. Л. 83–83 об.

⁴⁶ Государственная власть и общество... С. 337.

ственным распорядителем стало Присутствие по горнозаводским делам при Управлении⁴⁷. Капитал в 10 тыс. руб. на учреждение премии за лучшие работы по истории Сибири А.М. Сибиряков пожертвовал в пользу Академии наук (1883 г.). По желанию дарителя капитал и право присуждения премий были переданы открытому в 1898 г. в Томском университете юридическому факультету. Капитал к тому времени вырос до 16,5 тыс. руб.⁴⁸

Передача капитала городу сопровождалась просьбой дарителя к думе о разработке Устава (Положения) учреждения (или фонда) на основе согласованных с ним условий. Составленные думой документы утверждались дарителем целевого капитала. Среди оговариваемых жертвователем условий, как правило, присутствовало положение о наименовании «вечного вклада» или открытого на его основе учреждения (или фонда), а также присвоении дарителю статуса почетного попечителя, что, с одной стороны, поднимало престиж благотворителя в глазах общественности, а с другой – позволяло сохранять определенный контроль за состоянием пожертвованного учреждения и целевым использованием доходов с «вечного вклада». Вместе с тем это формировало косвенные механизмы, стимулирующие его обладателя к новым пожертвованиям в пользу учреждения или самого целевого капитала.

Степень участия жертвователя в составлении нормативных документов, выступая одним из маркеров его заинтересованного ответственного отношения к своей благотворительной инициативе, значительно варьировалась будучи свободным волеизъявлением. В частности, 84-летняя А.К. Медведникова, изложив в письме (1898 г.) на имя иркутского городского головы свои условия пожертвования 600 тыс. руб. на строительство и содержание в Иркутске «больницы для хроников», писала: «Прошу Вас проектов означенных устава и плана на мое утверждение не посылать, т. к. я уверена, что Вы, после личных переговоров со мной, хорошо знаете мои желания и в точности приведете их в исполнение»⁴⁹. В то же время А.М. Сибиряковым было принято самое живое участие в разработке Положения (Устава) Кладисцевского училища, основанного на пожертвованный им капитал⁵⁰.

Пожалуй, примером наиболее тщательно продуманных условий передачи «вечного вклада» стали положения, предложенные Ю.И. Базановой при пожертвовании ею в ведение города Ивано-Матренинской детской больницы с целевым капиталом⁵¹. Для иркутского городского общественного управления практика получения от частного лица уже функционирующего учреждения социальной сферы являлась новой. В то же время она продолжала традицию московских благотворителей, в частности Бахрушиных, задавших «своеобразную моду на строительство крупных медицинских учреждений с последующей передачей их в ведение московских властей»⁵².

К 1905 г. здание передаваемой Ю.И. Базановой Ивано-Матренинской детской больницы было капитально отремонтировано, доход с капитала покрывал расходы лечебницы. При разработке Устава больницы Базанова рекомендовала использовать аналогичные документы лучших московских детских лечебниц – Устав больницы Св. Ольги как «современный и наиболее обстоятельно разработанный»⁵³ и Устав Софийской детской больницы.

Благотворительная инициатива Базановой создала для Иркутска прецедент организации специальной комиссии при городской думе для изучения вопроса о принятии целевого капитала и функционирующего на его основе учреждения. Согласно заключению, прием Ивано-Матренинской детской больницы в ведение Иркутска признавался «желательным», «не пред-

⁴⁷ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIV. № 10403. Приложение «Штаты и табели». С. 78.

⁴⁸ Разумов О.Н. Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Томского государственного университета. 1999. Т. 268. С. 125.

⁴⁹ Известия иркутской городской думы. 1898. № 3–4. С. 109.

⁵⁰ См. об этом подробнее: Гаврилова Н.И. Благотворительная и предпринимательская деятельность А.М. Сибирякова в Иркутске. Иркутск, 2024. С. 110–115.

⁵¹ Известия иркутской городской думы. 1905. № 1–8. С. 319–333.

⁵² Волошина А.В. Целевой капитал как средство развития... С. 32.

⁵³ Известия иркутской городской думы. 1905. № 1–8. С. 326.

ставляющим с материальной стороны никакого риска для городского общественного управления» и «отвечающего интересам города»⁵⁴.

Иная схема разработки Положения о целевом капитале была выбрана И.М. Сибиряковым⁵⁵. Проект Положения жертвуемого им капитала (420 тыс. руб.) для вспомоществования приисковым рабочим Якутской области он просил разработать известного российского историка В.И. Семевского. Выбор был неслучаен: по предложению Сибирякова В.И. Семевский с 1885 г. был занят изучением жизни и быта приисковых рабочих Сибири⁵⁶. Причем И.М. Сибиряков, судя по переписке с историком, не только проявлял живейший интерес к составлению документа, но и был его активным участником⁵⁷. Для региона предполагаемого функционирования целевого капитала данный случай являлся, пожалуй, первым примером экспертного подхода к составлению уставных документов, регулирующих использование благотворительного целевого капитала.

Как было отмечено Г.Н. Ульяновой, оптимальной технологией хранения капиталов выступали доходные ценные бумаги. «Такой порядок повсеместно распространялся на сферу благотворительности в империи»⁵⁸. Эта же практика использовалась и в Иркутске. Подавляющая часть рассматриваемых нами крупных благотворительных целевых капиталов хранилась в ценных бумагах в Иркутском отделении Государственного банка. Исключение оставлял целевой капитал Сиропитательного дома Е. Медведниковой. В обзоре 50-летней деятельности Сиропитательного дома указывалось, что «постепенно увеличивающееся число воспитанниц заведения <...> находилось всегда в прямой зависимости от возрастающих доходов банка»⁵⁹. Так, к концу 1880-х гг., спустя 50 лет с момента своего открытия в 1838 г., Сиропитательный дом имел основного капитала 841 121 руб. и запасного – 461 511 руб., из них 761 874,94 руб. находились в процентных государственных бумагах, изъятых из оборотов банка и неприкосновенно хранящихся в Иркутском отделении государственного банка⁶⁰. Успешная деятельность Медведниковского банка позволяла обеспечивать потребности Сиропитательного дома: если в 1838 г. в нем воспитывалось 10 девочек-сирот, а на их содержание в год тратилось 428,57 руб., то в конце 1880-х гг. число обучающихся девушек возросло до 180, а их содержание в год составляло 45 тыс. руб. В начале 1890-х гг. содержание каждой воспитанницы обходилось в среднем в 232 руб. в год⁶¹.

С необходимостью выстраивания определенной финансовой политики по отношению к благотворительным целевым капиталам столкнулась и иркутская дума, к 1880-м гг. став распорядителем значительного числа эндаументов. Уже в 1886 г. гласными была определена задача «урегулирования отношений города к благотворительным капиталам, т. к. существующие отношения между ними недостаточно ясны», в связи с чем предлагалось поставить «условия принятия пожертвований в известные рамки»⁶². Обеспокоенность вызывала необходимость города «постоянно доплачивать из своих средств на содержание учреждений, основанных на благотворительные капиталы»⁶³. Ситуация усугублялась стремлением думы к увеличению контингента в городских благотворительных учреждениях различного

⁵⁴ Известия иркутской городской думы. 1905. № 1-8. С. 332–333.

⁵⁵ Совладелец крупнейших в системе Лены золотопромышленных «Прибрежно-Витимской Компании» и «Компании Промышленности в разных местах Восточной Сибири».

⁵⁶ Итогом стал вышедший в 1898 г. двухтомник «Рабочие на сибирских промыслах: историческое исследование» (СПб., 1898).

⁵⁷ Гаврилов С.В. Историк и меценат: к истории взаимоотношений В.И. Семевского и И.М. Сибирякова // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 101–109; Свирса А.А. Сибиряковский капитал: судьба благотворителя и благотворительности (к 150-летию со дня рождения И. М. Сибирякова) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 2. С. 147–159.

⁵⁸ Ульянова Г.Н. Благотворительности в России XIX века... С. 217.

⁵⁹ Иркутский Сиропитательный дом... С. 41.

⁶⁰ Доклад иркутского городского головы по вопросу о передаче в ведение городского общественного управления банка Елизаветы Медведниковой. Иркутск, 1893. С. 4.

⁶¹ Там же. С. 22, 24; Гаврилова Н.И. Иркутский Сиропитательный дом... С. 120–121.

⁶² Известия иркутской городской думы. 1886. № 15–16. С. 308.

⁶³ Там же. С. 309.

профиля, будь то число обучающихся в Кладищевском училище или число призреваемых в Сибиряковской богадельне.

Попытки же обращения думы к жертвователям целевых капиталов с просьбой внесения дополнительных средств на содержание открытых ими благотворительных учреждений успеха не приносили. В частности, А.М. Сибиряков, мотивируя свой отказ увеличить расход на содержание Кладищевского училища, отмечал: «Это зависит от благоусмотрения самой городской думы: содержать ли училище в размере его фонда, и без того довольно значительного, или же прибавлять от себя, если дума находит к этому достаточно причин»⁶⁴. Заранее подобную ситуацию оговаривала Ю.И. Базанова. Одним из условий передачи детской больницы и целевого капитала на ее содержание значилось, что «все недостающие на содержание больницы суммы городское управление принимает на себя»⁶⁵.

В этих условиях основными механизмами дополнительного финансирования благотворительных учреждений оставались выплаты из городской казны, привлечение новых пожертвований, оказание материальной помощи со стороны попечителей, реализация учреждением платных услуг (если это было предусмотрено уставом учреждения). В 1886 г. несколькими гласными было внесено предложение «не расширять заведений, основанных на пожертвованные деньги, далее известных пределов, определяемых размерами пожертвований. Следует держаться даже такого расчета, чтобы всегда были остатки, и капиталы увеличивались бы». Была высказана идея «устроить над всеми городскими заведениями особую инспекцию из компетентных людей»⁶⁶, а также «назначить общую ревизию всех городских благотворительных учреждений»⁶⁷.

Таким образом, середина 1880-х – начало 1890-х гг. стали начальным этапом формирования финансовой политики иркутской городской думы по отношению к благотворительным целевым капиталам. Шел поиск механизмов управления этой областью. Находящиеся в ведении города эндаументы и функционирующие на их основе благотворительные учреждения выделяются в качестве отдельной сферы внимания думы. Первоочередной задачей виделось упорядочение и систематизация сведений о целевых капиталах, проверка благотворительных заведений, установление взаимодействий с жертвователями «вечных вкладов», соблюдение интересов города при принятии пожертвований.

Своеобразным результатом предпринятых думой шагов стало издание (1893 г.) финансового отчета о состоянии на 1891 г. благотворительных целевых капиталов, находящихся в ведении города. Материалы содержали сведения о движении капиталов, их доходной части, начислении процентов, назначении проведенных выплат, однако не сопровождалась аналитической запиской.

Назревавшая потребность в урегулировании сферы взаимодействия думы с благотворительными обществами города и «многочисленными и богатыми средствами филантропическими учреждениями»⁶⁸ требовала дальнейших шагов. В 1898 г. при думе была организована городская исполнительная комиссия по заведованию благотворительными капиталами. Несмотря на широко определенный круг обязанностей⁶⁹, прежде всего задачу «заведования

⁶⁴ Известия иркутской городской думы. 1891. № 14. С. 248.

⁶⁵ Известия иркутской городской думы. 1905. № 1-8. С. 321.

⁶⁶ Известия иркутской городской думы. 1886. № 7-8. С. 385.

⁶⁷ Там же. № 15-16. С. 308.

⁶⁸ Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891. С. 125; Гаврилова Н.И. Взаимодействие органов городского самоуправления Иркутской губернии с общественными неполитическими организациями в последней трети XIX в. Ч. 2 // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2. С. 84; История Иркутской губернии. Иркутск, 2024. Т. 2. С. 252.

⁶⁹ «В обязанности комиссии входило: а) заведование городскими благотворительными капиталами и учреждениями; б) наблюдение в пределах города за состоянием общественного призрения и направления деятельности в его области; в) разбор всех поступающих прошений; г) рассмотрение и составление смет, исходатайствование от городской думы субсидий и принятие вообще мер к усилению средств на нужды призрения; д) рассмотрение всех относящихся к делу призрения вопросов и представление по ним докладов думе; е) непосредственное или через особые подкомиссии заведование городскими благотворительными учреждениями, предназначенными для нужд города» (Колотилев П.Н. Краткий очерк... С. 46).

городскими благотворительными капиталами и учреждениями»⁷⁰, реальная деятельность комиссии свелась к «более узкой – рассмотрению подаваемых о пособиях прошений»⁷¹.

Отметим, что при Московской городской управе в 1912 г. также был устроен «специальный отдел по управлению городскими капиталами и фондами. В новом подразделении сосредотачивались все дела по капиталам, пожертвованным городу на благотворительные цели и нужды»⁷². Отделом была проведена работа по «унификации всех фондов на благотворительность» и повышению их доходности. Иркутской же комиссией подобных мероприятий не проводилось. Сама идея финансового управления благотворительными капиталами не рассматривалась в качестве возможной для реализации.

Однако если финансовая политика комиссии и в целом иркутского городского общественного управления в отношении эндаументов только формировалась, то практика выдачи пособий на их основе была организована успешно. В ведении комиссии к 1909 г. находилось 16 специальных именных капиталов («вечных вкладов»), пожертвованных с целью выдачи пособий на призрение престарелых, воспитание и образование детей, выдачу пособий при вступлении в первый законный брак, уплату налогов за неимущих, погребение умерших⁷³. Существовали и «единовременные» пособия на оказание различных видов помощи. В 1909 г. общая сумма процентов с 16 капиталов, предназначенная к выдаче нуждающимся, составляла 13 144,71 руб.⁷⁴ Комиссия также курировала назначение стипендий из шести стипендиальных капиталов (37 стипендий), созданных иркутским муниципалитетом, и пяти капиталов (19 стипендий), основанных частными лицами. Стипендии предназначались для обучающихся в образовательных учреждениях разного уровня г. Иркутска, а также для иркутян, получающих образование в учебных заведениях вне Иркутска. В то же время целевые капиталы, лежащие в основе функционирования благотворительных учреждений города различного профиля (образовательные, воспитательные, социального призрения, медицинские), а также пенсионный и кладбищенский городские капиталы в ведение комиссии не входили.

Заседания подразделения управы проходили каждые две недели. В течение года на них в среднем рассматривалось 1 537 прошений о пособиях. Около 82 % заявлений получали поддержку. Обязательной являлась проверка семейного и материального положения просителей⁷⁵. Комиссия подчеркивала, что население города было прекрасно ознакомлено не только с учреждением самой благотворительной комиссии, но и с видами помощи, которые она оказывает. Показательным в связи с этим являлся ежегодный рост подаваемых прошений: от 711 заявлений в 1899 г. до 3724 в 1908 г.⁷⁶

Об открывающихся вакансиях на получение стипендии городская управа публиковала объявления в «Иркутских губернских ведомостях», а также размещала «особые объявления» по городу⁷⁷. Выдача брачных пособий нередко проходила «по жребию», так как количество желающих получить пособие превышало норму. Для этого соискателей приглашали на заседание благотворительной комиссии⁷⁸.

Существенное влияние на результативность функционирования эндаументов оказывали мотивация деятельности его распорядительного органа, качество работы с целевыми группами (информирование об оказываемых видах помощи, рассмотрение прошений, назначение выплат и др.). Весомым доказательством этому служит опыт функционирования

⁷⁰ Колотилев П.Н. Краткий очерк... С. 46.

⁷¹ Там же. С. 11, 30.

⁷² Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века... С. 218.

⁷³ Отчеты Иркутской городской управы о специальных капиталах, находящихся в ее ведении за 1891 год. Иркутск, 1893.

⁷⁴ Колотилев П.Н. Краткий очерк... С. 3, 19.

⁷⁵ Там же. С. 11, 12, 16, 32.

⁷⁶ Там же. С. 12.

⁷⁷ Там же. С. 36, 40.

⁷⁸ Там же. С. 19.

«Капитала имени М.А. Сибирякова для вспомоществования приисковым рабочим Якутской области».

Согласно Положению⁷⁹, прошения рабочих и их семей должны были поступать в Иркутское горное управление (§ 17). Их рассмотрением и назначением пособия занималось специально создаваемое Присутствие по горнозаводским делам при Иркутском горном управлении. Заседания Присутствия должны были проходить не реже одного раза в месяц. В обязанности Присутствия входило наблюдение за правильным хранением и расходом процентов с капитала, взаимодействие с представителями администрации и золотопромышленниками, сбор сведений о нуждающихся рабочих и их семьях (§ 6). В первый год функционирования капитала (1895 г.) было выплачено шесть пенсий (720 руб.) и два пособия (156 руб.). К 1 января 1900 г. пенсиями пользовались 50 рабочих и членов их семей, 15 заявителей получали продолжительные пособия⁸⁰.

Подводя итог 5-летию функционирования капитала, Присутствие по горнозаводским делам отмечало: «Из 5-летнего опыта выдачи пособий видно, что ежегодно сумма назначений всех видов пособий не поглощает поступающих процентов с капитала, поэтому расходный капитал возрастает быстрее, чем расход из него на выдачу пособий. <...> журналами присутствия <...> приобретены процентные бумаги на сумму номинальной стоимости 13 300 руб. Общий запасный расходный капитал увеличился к 1900 г. до 82 376 руб. 2 коп.»⁸¹. Иными словами, указанная сумма определяла объем невыплаченных пособий. На 1 января 1905 г. при капитале числилось всего 123 пенсионера (2 180 руб.), было выдано 261 продолжительное пособие (18 764 руб.) и 31 пособие единовременное (1 095 руб.)⁸².

Эффективность функционирования капитала являлась предметом пристального внимания общественности. В 1912 г. в журнале «Сибирские вопросы» вышла статья с резкой критикой сложившейся практики выдачи пособий из капитала. Основную причину создавшейся ситуации автор материала видел в том, что «дело попало в руки чиновников, нисколько не заинтересованных в возможно полном достижении цели и сразу же отнесшихся к нему чисто формально». Отмечалось, что «вина в этом всецело падает на заведующее делом казенное учреждение купно с окружным инженером Ленского горного округа, своим формализмом и бездушием в сильной степени обесценивших дар жертвователя». Подчеркивалось, что «существование и назначение Капитала Сибирякова остается неизвестным <...> широкой массе рабочих. Обращавшиеся же за помощью направлялись куда следует случайно частными лицами, главным образом двумя врачами Протасовым и Абрамовичем и, несомненно, составляют незначительную часть всех нуждающихся в пенсиях или пособиях и имеющих на то право»⁸³.

Ситуация стала проявлением слабой функциональной совместимости разных структурных образований и не могла, пожалуй, иметь иной характер реализации. Наделение органа государственного контроля и управления горной промышленностью в Восточной Сибири функциями оказания социальной помощи и поддержки, к тому же инициированных не государственными, а частными структурами, являлось малоэффективным. Неслучайно в «Положении о капитале» оговаривалась возможность передачи капитала Обществу вспомоществования приисковым рабочим Восточной Сибири в случае организации такового в Иркутске (§ 20)⁸⁴: для эффективного функционирования эндаумента требовалось наличие

⁷⁹ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIV. № 10403. Приложение «Штаты и таблицы». С. 78–79; Гаврилова Н.И. «Капитал имени М.А. Сибирякова» в практиках «вечных вкладов»: анализ форм благотворительных пожертвований купечества Сибири во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Социокультурное наследие Сибири: история и современность: мат-лы Всерос. круглого стола. Иркутск, 2024. С. 90–91. URL: https://bgu.ru/science/heritage-of-siberia/files/Социокультурное_наследие_Сибири.pdf (дата обращения: 05.03.2025).

⁸⁰ Гаврилова Н.И. «Капитал имени М.А. Сибирякова» в практиках «вечных вкладов»... С. 92.

⁸¹ ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1650. Л. 32; Гаврилова Н.И. «Капитал имени М.А. Сибирякова» в практиках «вечных вкладов»... С. 92.

⁸² Гаврилова Н.И. «Капитал имени М.А. Сибирякова» в практиках «вечных вкладов»... С. 93.

⁸³ Там же. С. 93; Я. С-ча. Сибиряковский капитал // Сибирские вопросы. 1912. С. 22, 24–25.

⁸⁴ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIV. № 10403. Приложение «Штаты и таблицы». С. 80.

соответствующей организационной среды в пространстве гражданских отношений. Вместе с тем эндаумент сам мог выступить в роли организатора этой среды.

С этой точки зрения создание на базе капитала, пожертвованного на открытие и содержание Сиропитательного дома, банка, а не передача этих средств какому-либо казенному учреждению, оказалось едва ли не единственным решением, обеспечившим жизнеспособность инициативы. Иным примером служит создание частного благотворительного комитета, организованного в 1879 г. в Елабуге купцом И.И. Стахеевым для использования на нужды благотворительности процентов с пожертвованного им на вечное время капитала⁸⁵. Отметим в связи с этим, что значимой организационной средой, обеспечивающей функционирование благотворительных эндаументов, выступало городское общественное самоуправление. Как подчеркивала Г.Н. Ульянова, Московское городское общественное управление и Московское купеческое общество выступали наиболее важными институтами поглощения и реализации предпринимательских благотворительных капиталов⁸⁶.

Участие жертвователя в управлении целевым капиталом или учреждением (фондом), созданным на его основе, значительно варьировалось. Формализованные каналы влияния закреплял Устав (или Положение) о создании благотворительного учреждения (фонда). Как правило, жертвователю присваивался статус почетного попечителя учреждения, могло оговариваться его участие в изменении устава. В частности, в уставе Ивано-Матренинской детской больницы указывалось, что «при жизни почетной попечительницы Юлии Ивановны Базановой никакие изменения в уставе не могут быть сделаны без ее на то согласия»⁸⁷.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о сохранении заинтересованного отношения жертвователей, прежде всего крупных целевых капиталов, к деятельности основанных на их средства учреждений (фондов). Нередко после смерти дарителя ответственность за экономическую устойчивость учреждения брали на себя его дети. Так, основанный на средства И.И. Базанова воспитательный дом в 1893 г. его наследниками был обеспечен капиталом в размере 507 тыс. руб.⁸⁸ Значительно пострадавшее в пожаре 1879 г. здание Приюта для бедных имени М.А. Сибирякова было полностью восстановлено сыновьями дарителя – Александром, Константином и Иннокентием Сибиряковыми⁸⁹. В то же время сведения о существенном интересе жертвователей к функционированию небольших по размерам целевых капиталов нами не выявлено.

Стремление эффективного использования «вечных вкладов», выступающих одной из наиболее зрелых форм организации благотворительности, стимулировало выстраивание рациональной, социально ответственной модели поведения не только со стороны жертвователей, но и распорядителей целевых капиталов. Рассмотренный материал доказывает, что создаваемая вокруг эндаументов разветвленная система взаимосвязей эволюционировала в сторону все большей согласованности действий, прежде всего отношений между жертвователями и распорядителями «вечных вкладов».

Однако наиболее «проработанным» со стороны жертвователя оставался этап формирования целевого капитала и его дарение, фиксируя наибольшую активность и включенность жертвователя в процесс. Частотность случаев активного участия дарителя в управлении уже «функционирующего» вечного благотворительного вклада, в пролонгированной поддержке учреждения-реципиента (или фонда-реципиента) несколько снижается. Причем чем меньше был размер целевого капитала, тем меньшее стремление участвовать в его управлении демонстрировали дарители. В случае же с крупными «вечными вкладами» подобная ситуация, как правило, объяснялась особенностями жизненного этапа жертвователя (переезд в другой город, уход в монашество, смерть).

⁸⁵ Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности... С. 87.

⁸⁶ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей... С. 8.

⁸⁷ Проект Устава Ивано-Матренинской детской больницы в Иркутске... С. 15.

⁸⁸ Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 282.

⁸⁹ Подробнее об этом см.: Гаврилова Н.И. Благотворительная и предпринимательская деятельность А.М. Сибирякова в Иркутске... С. 134–145.

Нормативно оформленным механизмом сохранения участия жертвователя в управлении целевым капиталом и созданным на его основе учреждением (или фондом) являлось определение дарителя пожизненным почетным попечителем учреждения (или фонда) согласно утвержденному Уставу.

Одним из важнейших институтов управления благотворительными целевыми капиталами иркутского купечества выступало городское общественное управление Иркутска. К началу XX в. иркутской думой был не только выработан значительный опыт деятельности по реализации целевых назначений «вечных вкладов», но и предприняты попытки оптимизации управления эндаументами. Вместе с тем наиболее ярким примером проведения эффективной финансовой политики в области целевых капиталов оставалась деятельность банка Сиропитательного дома Е. Медведниковой.

Литература

Бессолицын А.А., Гаврилова Н.И., Грачева Е.Н., Сафонова Е.Ю., Филимонова Г.В. «Вѣчный вкладъ»: целевые капиталы как основа филантропии в дореволюционной России. М.: [б. и.], 2021. 162 с.

Бутрин Е.С., Волошина А.В., Грачева Е.Н., Катцина Т.А., Кореева Н.А. «Вѣчный вкладъ»: благотворительные целевые капиталы женщин-предпринимательниц в дореволюционной России. М.: [б. и.], 2023. 166 с.

Волошина А.В. Целевой капитал как средство развития социальной инфраструктуры дореволюционной Москвы (на примере городских больниц) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13, № 4. С. 26–41.

Гаврилов С.В. Историк и меценат: к истории взаимоотношений В.И. Семецкого и И.М. Сибирякова // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 101–109.

Гаврилова Н.И. Александра Ксенофоновна Медведникова: материалы к биографии (к вопросу изучения динамики моделей благотворительной деятельности женщин купеческого сословия XIX – начала XX в.) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 3. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-03.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

Гаврилова Н.И. Взаимодействие органов городского самоуправления Иркутской губернии с общественными неполитическими организациями в последней трети XIX в. Часть 2 // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2. С. 81–85.

Гаврилова Н.И. Благотворительная и предпринимательская деятельность А.М. Сибирякова в Иркутске. Иркутск: Издат. дом БГУ, 2024. 254 с.

Гаврилова Н.И. «Капитал имени М.А. Сибирякова» в практиках «вечных вкладов»: анализ форм благотворительных пожертвований купечества Сибири во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Социокультурное наследие Сибири: история и современность: мат-лы Всерос. круглого стола (Иркутск, 27 ноября 2024 г.). Иркутск, 2024. С. 87–95. URL: [https://bgu.ru/science/heritage-of-siberia/files/Социокультурное наследие Сибири.pdf](https://bgu.ru/science/heritage-of-siberia/files/Социокультурное_наследие_Сибири.pdf) (дата обращения: 05.03.2025).

Государственная власть и общество (на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX вв.) / Н.И. Гаврилова, И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек и др.; науч. ред.: Л.М. Дамешек Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с.

Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М.: Типолиитография Т-ва Е.Н. Кушнарева и К, 1891. 268 с.

Иркутский Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк: [Обзор деятельности за 50 лет]. Иркутск, 1888. Ч. 1. Сиропитательный дом 1838–1888 гг. 235 с.

История Иркутской губернии / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Издат. дом БГУ, 2024. Т. 2. 624 с.

Клиницкий А.И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX – начала XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4, № 1 (61). С. 50–54.

Колотилов П.Н. Краткий очерк 10-летней деятельности (1899–1909) иркутской городской исполнительской комиссии по заведению благотворительными капиталами. Иркутск: типография М.П. Окунева, 1909. 53 с.

Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 4. С. 42–58.

Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России // Вопросы истории. 2023. № 3–2. С. 84–93.

Плотникова Е.В. Банк при Сиропитательном доме Е. Медведниковой: правовой аспект и процесс борьбы за независимость от Иркутской городской думы в первой половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 1. С. 123–132.

Разумов О.Н. Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Томского государственного университета. 1999. Т. 268. С. 123–126.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 543 с.

Свирса А.А. Сибиряковский капитал: судьба благотворителя и благотворительности (к 150-летию со дня рождения И.М. Сибирякова) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 2 (4). С. 147–159.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX в. М.: Наука, 2005. 403 с.

Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века: «Приступить к учреждению... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» // Мат-лы XXII Общерос. ежегодной богословской науч. конф., организуемой Свято-Тихоновским богословским ун-том. М., 2013. С. 215–218.

Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 гг. Словарь купцов-благотворителей. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 496 с.

Шахеров В.П. Становление кредитной системы в Иркутской губернии в XVIII – первой половине XIX века // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 4. С. 668–694.

References

Bessolitsyn, A.A., Gavrilova, N.I., Gracheva, E.N., Safonova, E.Yu., Filimonova, G.V. (2021). “*Vechnyy vklad*”: *tselevye kapitaly kak osnova filantropii v dorevolyutsionnoy Rossii* [“The Dateless Deposit”: Endowments as the Basis of Philanthropy in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow. 162 p.

Butrin, E.S., Voloshina, A.V., Gracheva, E.N., Katsina, T.A., Koreeva, N.A. (2023). “*Vechnyy vklad*”: *blagotvoritel'nye tselevye kapitaly zhenshchin-predprinimatel'nits v dorevolyutsionnoy Rossii* [“The Dateless Deposit”: Charitable Endowment Capitals of Women Entrepreneurs in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow. 166 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2019). *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo (na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX – nachala XX vv.)* [State Power and Society (Based on Materials From the Cities of the Irkutsk Province in the 19th – Early 20th Centuries)]. Irkutsk, Ottisk. 612 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). *Istoriya Irkutskoy gubernii* [History of the Irkutsk Province]. Irkutsk, Izdatelskiy dom BGU. Vol. 2. 624 p.

Gavrilov, S.V. (2020). *Istoriik i metsenat: k istorii vzaimootnosheniy V.I. Semevskogo i I.M. Sibiryakova* [Historian and Philanthropist: on the History of Relations Between V.I. Semevsky and I.M. Sibiryakov]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 457, pp. 101–109.

Gavrilova, N.I. (2019). Aleksandra Ksenofontovna Medvednikova: materialy k biografii (k voprosu izucheniya dinamiki modeley blagotvoritel'noy deyatel'nosti zhenshchin kupecheskogo sosloviya XIX – nachala XX v.) [Alexandra Ksenofontovna Medvednikova: Materials for a Biography (On the Issue of Studying the Dynamics of Models of Charitable Activity of Women of the Merchant Class of the XIX – Early XX Centuries)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 3 (5), Article 3. [Available at:]. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-03.pdf> (date of access 05.03.2025).

Gavrilova, N.I. (2023). Vzaimodeystvie organov gorodskogo samoupravleniya Irkutskoy gubernii s obshchestvennymi nepoliticheskimi organizatsiyami v posledney treti XIX v. Chast' 2 [Interaction of City Government Bodies of the Irkutsk Province with Public Non-political Organizations in the Last Third of the 19th Century. Part 2]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 2, pp. 81–85.

Gavrilova, N.I. (2024). “Kapital imeni M.A. Sibiryakova” v praktikakh “vechnykh вкладов”: analiz form blagotvoritel'nykh pozhertvovaniy kupechestva Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [“The M.A. Sibiryakov Capital” in the Practices of «Eternal Deposits»: Analysis of Forms of Charitable Donations of Siberian Merchants in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Sotsiokul'turnoe nasledie Sibiri: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiyskogo kruglogo stola*. Irkutsk, pp. 87–95. [Available at:]. URL: <https://bgu.ru/science/heritage-of-siberia/files/Социокультурное наследие Сибири.pdf> (date of access 05.03.2025).

Gavrilova, N.I. (2024). *Blagotvoritel'naya i predprinimatel'skaya deyatel'nost' A.M. Sibiryakova v Irkutске* [Charitable and Entrepreneurial Activities of A.M. Sibiryakov in Irkutsk]. Irkutsk, Izdatelskiy dom BGU. 254 p.

(1888). *Irkutskiy Siropitatel'nyy dom Elizavety Medvednikovoy i uchrezhdeniy pri nem bank: [Obzor deyatel'nosti za 50 let]. Ch. 1. Siropitatel'nyy dom 1838–1888 gg.* [Irkutsk Orphanage of Elizaveta Medvednikova and The Bank Established with It [Overview of Activities over 50 Years]. Part 1. Orphanage 1838–1888]. Irkutsk. 235 p.

Klinitsky, A.I. (2015). Imennyye stipendii kak forma blagotvoritel'nosti v razvitii sredney shkoly Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX vv. [Personal Scholarships as a Form of Charity in the Development of Secondary Schools in Western Siberia in the 19th – early 20th Centuries]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 4, No. 1 (61), pp. 50–54.

Kolotilov, P.N. (1909). *Kratkiy ocherk 10-letney deyatel'nosti (1899–1909) irkutskoy gorodskoy ispolnitel'noy komissii po zavedovaniyu blagotvoritel'nyimi kapitalami* [Brief Outline of 10 Years of Activity (1899–1909) of the Irkutsk City Executive Commission for the Management of Charitable Capital]. Irkutsk, tipografiya M.P. Okuneva. 53 p.

Komleva, E.V. (2022). “S kapitala, navsegda im pozhertvovannogo...”: endaumenty v kupecheskoy srede Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [“From the Capital, Forever Donated by Him...”: Endowments in the Merchant Environment of Siberia (19th – Early 20th Century)]. In *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. No. 4, pp. 42–58.

Maslova, I.V. (2023). Tselevye kapitaly kak forma organizatsii blagotvoritel'noy deyatel'nosti v dorevolutsionnoy i sovremennoy Rossii [Targeted Capital as a Form of Organizing Charitable Activities in Pre-Revolutionary and Modern Russia]. In *Voprosy istorii*. No. 3–2, pp. 84–93.

Plotnikova, E.V. (2019). Bank pri Siropitatel'nom dome E. Medvednikovoy: pravovoy aspekt i protsess bor'by za nezavisimost' ot Irkutskoy gorodskoy dumy v pervoy polovine XIX – nachale XX v. [Bank at the Orphanage of E. Medvednikova: Legal Aspect and the Process of Struggle for Independence from the Irkutsk City Duma in the First Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 15, No. 1, pp. 123–132.

Razumov, O.N. (1999). Aleksandr Mikhaylovich Sibiryakov – predprinimatel', metsenat, issledovatel' (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Alexander Mikhailovich Sibiryakov – Entrepreneur, Philanthropist, Researcher (on the 150th Anniversary of His Birth)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 268, pp. 123–126.

Romanov, N.S. (1993). *Letopis' goroda Irkutska za 1881–1901 gg.* [Chronicle of the City of Irkutsk for 1881–1901]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 543 p.

Shakherov, V.P. (2014). Stanovlenie kreditnoy sistemy v Irkutskoy gubernii v XVIII – pervoy polovine XIX veka [Formation of the Credit System in the Irkutsk Province in the 18th – First Half of the 19th Century]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 15, No. 4, pp. 668–694.

Sukachev, V.P. (Ed.). (1891). *Irkutsk. Ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Vostochnoy Sibiri* [Irkutsk. Its Place and Significance in the History and Cultural Development of Eastern Siberia]. Moscow. 268 p.

Svirsa, A.A. (2010). Sibiryakovskiy kapital: sud'ba blagotvoritelya i blagotvoritel'nosti (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. Sibiryakova) [Sibiryakov Capital: The Fate of a Philanthropist and Charity (on the 150th Anniversary of I.M. Sibiryakov's Birth)]. In *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. No. 2 (4), pp. 147–159.

Ul'yanova, G.N. (2005). *Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii, XIX – nachalo XX v.* [Charity in the Russian Empire, 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka. 403 p.

Ul'yanova, G.N. (2013). Tselevye fondy v finansirovanii blagotvoritel'nosti v Rossii XIX veka: “Pristupat' k uchrezhdeniyu... zavedeniy togda tol'ko, kogda k sodержaniyu ikh naznacheny budut dostatochnye sredstva” [Targeted Funds in Financing Charity in Russia in the 19th Century: “To Begin Establishing... Institutions Only When Sufficient Funds have Been Allocated for Their Maintenance»]. In *Materialy XXII Obshcherossiyskoy ezhegodnoy bogoslovskoy nauchnoy konferentsii, organizuemoy Svyato-Tikhonovskim bogoslovskim universitetom*. Moscow, pp. 215–218.

Ulyanova, G.N. (2014). *Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimateley. 1860–1914 gg. Slovar' kuptsov-blagotvoriteley* [Charity of Moscow Entrepreneurs. 1860–1914. Dictionary of Merchants-Philanthropists]. Moscow, FORUM, NEOLIT. 496 p.

Voloshina, A.V. (2022). Tselevoy kapital kak sredstvo razvitiya sotsial'noy infrastruktury dorevolutsionnoy Moskvy (na primere gorodskikh bol'nits) [Target Capital as a Means of Developing Social Infrastructure in Pre-Revolutionary Moscow (Using City Hospitals as an Example)]. In *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. Vol. 13, No. 4, pp. 26–41.

П.Е. Шульгина *

ЦЕЛЕВЫЕ КАПИТАЛЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КУПЕЧЕСТВА
КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФИЛАНТРОПИИdoi:10.31518/2618-9100-2025-4-16
УДК 364.056.2 (571.54/.55)

Выходные данные для цитирования:
Шульгина П.Е. Целевые капиталы забайкальского купечества как один из основных механизмов развития дореволюционной филантропии // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 240–251.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-16.pdf>

P.E. Shulgina*

TARGET CAPITAL OF THE ZABAICAL'SK MERCHANTS
AS ONE OF THE MAIN MECHANISMS
FOR THE DEVELOPMENT
OF PRE-REVOLUTIONARY PHILANTHROPY

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-16

How to cite:
Shulgina P.E. Target Capital of the Zabaikal'sk Merchants as One of the Main Mechanisms for the Development of Pre-Revolutionary Philanthropy // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 240–251.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-16.pdf>]

Abstract. Based on a comprehensive analysis of archival documents, statistical materials and published sources, the article examines the philanthropic activities of the trans-Baikal merchants, which were expressed in the form of the establishment of endowment funds to finance educational and social institutions in the region (the eastern part of Irkutsk province). The study covers the period from the end of the 19th to the beginning of the 20th century, when the charitable activity of the merchant class reached its peak. The focus is on Chita, Nerchinsk, Verkhneudinsk and Kyakhtin merchants, whose activities were directly related to the development of pre-revolutionary philanthropy in the region. Special attention is paid to the study of the mechanisms of formation and use of charitable capital, as well as their impact on the social development of the territory. The study revealed the number, size and purpose of charitable investments of merchants, as well as the specific results achieved through these donations. The analysis showed that the philanthropic activity of the merchants was systemic in nature and was aimed at solving the most important social problems of the region. The author comes to the conclusion that there is a stable correlation between the number of “eternal contributions” and the level of development of educational institutions and public welfare institutions in the territory under consideration. Donations made by merchants in the form of targeted contributions covered all categories of the needy population, including orphans, the elderly, the sick and the poor. The study demonstrates that charity in the region has developed progressively, from individual donations to the creation of organized forms of assistance in the form of relief societies and charitable foundations. Merchants acted not only as a source of financing, but also as an organizer of charitable activities, which contributed to the formation of an effective system of social support for the population of Transbaikalia. The results obtained allow us to speak about the significant contribution of the trans-Baikal merchants to the development of the social infrastructure of the region and the formation of traditions of charity, which remain relevant at the present time.

Keywords: trans-Baikal merchants, charity, target capital welfare societies, public education, public charity.

* Полина Евгеньевна Шульгина, студент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: shulgina-p@bk.ru
Polina Evgenievna Shulgina, Student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: shulgina-p@bk.ru

The article has been received by the editor on 05.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа архивных документов, статистических материалов и опубликованных источников рассмотрена филантропическая деятельность забайкальского купечества, выражавшаяся в форме учреждения целевых капиталов для финансирования образовательных и социальных учреждений региона (восточной части Иркутской губернии). Исследование охватывает период с конца XIX до начала XX в., когда благотворительная деятельность купеческого сословия достигла своего наивысшего развития. В центре внимания находятся читинские, нерчинские, верхнеудинские и кяхтинские купцы, деятельность которых была напрямую связана с развитием дореволюционной филантропии в регионе. Особое внимание уделяется изучению механизмов формирования и использования благотворительных капиталов, а также их влиянию на социальное развитие территории. В ходе исследования выявлены количество, размеры и целевое назначение благотворительных вложений купечества, а также конкретные результаты, достигнутые благодаря этим пожертвованиям. Анализ показал, что филантропическая деятельность купечества носила системный характер и была направлена на решение важнейших социальных проблем региона. Автор приходит к выводу о существовании устойчивой корреляции между количеством «вечных вкладов» и уровнем развития на рассматриваемой территории образовательных заведений и учреждений общественного призрения. Вносимые купцами пожертвования в виде целевых вкладов охватывали все категории нуждающегося населения, включая детей-сирот, престарелых, больных и малоимущих. Исследование демонстрирует, что благотворительность в регионе развивалась поступательно – от отдельных пожертвований к созданию организованных форм помощи в виде обществ вспомоществования и благотворительных фондов. Купечество выступало не только как источник финансирования, но и как организатор благотворительной деятельности, что способствовало формированию эффективной системы социальной поддержки населения Забайкалья. Полученные результаты позволяют говорить о значительном вкладе забайкальского купечества в развитие социальной инфраструктуры региона и формирование традиций благотворительности, которые сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Ключевые слова: забайкальское купечество, благотворительность, целевые капиталы, общества вспомоществования, народное образование, общественное призрение.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025 г.

Введение. В настоящее время в русле происходящих в обществе перемен наблюдается возрождение некогда забытых понятий, традиций, видов деятельности, среди которых, несомненно, может быть названа филантропия. Благотворительность, бывшая в дореволюционной России распространенным общественным явлением, способствовала формированию культуры меценатства. На территории Забайкалья, входившего в течение рассматриваемого периода в Иркутскую губернию, наиболее активно филантропией занималось купечество, вкладывая огромные капиталы в разнообразные общественные организации, учебные и медицинские заведения. Формирование купеческого сословия, его самосознание, экономическая деятельность, благотворительность достаточно давно стали объектом изучения научного сообщества страны, не исключение и территория Забайкальской области, образованной согласно указу Правительствующего Сената от 11 июля 1851 г. (современные Забайкальский край и Республика Бурятия). Различные аспекты развития в регионе благотворительности изучались С.В. Евдокимовой, Т.В. Паликовой, О.Э. Мишаковой, С.Ч. Мантуровой,

Н.Д. Нагайцевой¹. Богатый фактический материал представлен в научно-справочных изданиях по истории купечества Сибири и Дальнего Востока², а также в справочных и научно-популярных изданиях из серии «Энциклопедия Забайкалья»³. Однако даже в специально посвященных забайкальскому купечеству работах не упоминается и не освещается феномен целевых капиталов. Не претендуя на полноту охвата темы, попытаемся в какой-то мере восполнить существующий в историографии пробел – выявить фамилии жертвователей, определить динамику, размер неприкосновенных вкладов, обусловившие

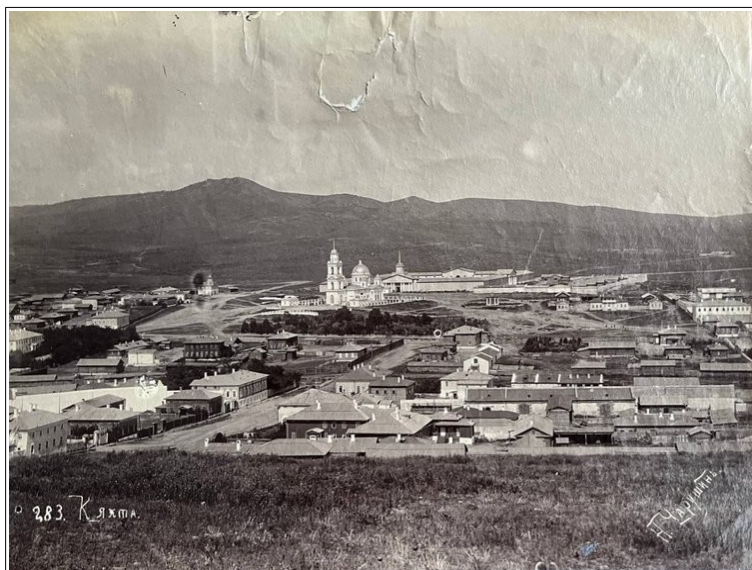

Рис. 1. Вид на Кяхту. Фото из коллекции Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева

их учреждение, причины и цели, на которые они были направлены, охарактеризовать механизм их действия и достигнутые благодаря им результаты. Хронологические рамки исследования определяются второй половиной XIX в. – с выделения Забайкальской области в административно-территориальную единицу до принятия в 1898 г. закона о промысловом налоге, вследствие чего купечество потеряло свою обособленность и численно сократилось. Реформы 1860–1870-х гг., способствовавшие капиталистическому развитию страны, обусловили рост предпринимательства и ускорили процесс накопления капитала – материальной основы частной и общественной филантропии.

Источниковой базой работы послужила делопроизводственная документация органов местного управления из Российского государственного исторического архива (Ф. 733. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения), Государственного архива Республики Бурятия (Ф. 10. Верхнеудинская городская управа, Ф. 261. Троицкосавская городская управа) и Государственного архива Забайкальского края (Ф. 1. Забайкальское областное правление). Среди привлеченных документов – прошения и заявления, формулярные списки, содержащие сведения о конкретных деяниях купцов и их наградах, работе училищ и попечительных советах при них, организации различных обществ и создании благотворительных заведений. Кроме того, были использованы статистические данные из «Памятных книжек Забайкальской области» и «Всеподданнейших отчетов» властей Иркутской губернии.

Забайкальская область представляет собой территориально удаленный регион с богатыми природными ресурсами, но суровым климатом и низкой плотностью населения. История Забайкалья неразрывно связана с купеческими фамилиями, основная часть которых концентрировалась в городах: Чите, Нерчинске, Верхнеудинске, Троицкосавске. Удельный вес купечества в городском населении составлял: в Троицкосавске – 24,6 %, Чите – 23,8 %, в

¹ Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 2007; Паликова Т.В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX – 1917 год). Улан-Удэ, 1999. Ч. 1; Паликова Т.В., Кальмина Л.В., Мишакова О.Э. Купечество – Верхнеудинск–Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2007; Мишакова О.Э. Верхнеудинское купечество в XVII – начало 60-х гг. XIX века: формирование и развитие: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003; Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. Улан-Удэ, 2005; Нагайцева Н.Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX веке: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002.

² Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012–2013; Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.): посвящ. 155-летию образования Амурской области: в 2 т. Благовещенск-на-Амуре, 2013.

³ Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Новосибирск, 2004; Нерчинск. Чита, 2013. (Альбомная серия «Энциклопедия Забайкалья»); Сретенск. Чита, 2014. (Альбомная серия «Энциклопедия Забайкалья»).

Верхнеудинске – 19,1 %, Нерчинске – 16,3 %⁴. Местные условия формирования купеческого сословия заметно отличались от ситуации в европейской части России. Большие торговые обороты привлекали купцов из разных городов империи. В Забайкалье быстро складывались огромные капиталы, накопление которых происходило благодаря как занятию промышленностью (преимущественно добывающей), так и торговлей. Среди восточносибирских купцов, связанных с региональной золотопромышленностью, можно назвать такие известные фамилии, как Бутины, Баснины, Трапезниковы, Фризеры, Сибиряковы. Предпринимательством в сфере торговли занимались Немчиновы, Лушниковы, Сабашниковы, Курбатовы, Игумновы и многие другие.

Этапы развития частной благотворительности в Забайкалье. Деятельность купцов не только укрепляла экономику, но и способствовала развитию культуры, народного просвещения, общественного призрения. Во многом местное купечество выполняло те же функции, что и дворянство в европейской части страны. Конечно, занятие благотворительностью предполагает, с одной стороны, наличие не просто солидного капитала, но свободных денежных средств, с другой – без осознания необходимости оказания безвозмездной помощи нуждающимся благотворительный акт вряд ли возможен. Отметим ряд важных моментов, стимулировавших развитие частной благотворительности. Во-первых, подавляющее большинство купцов были глубоко верующими людьми, поэтому пожертвования на церковь были столь значительны, и неслучайно именно в купеческих завещаниях крупные пожертвования отпускаясь на богоугодные и общественные дела⁵. Во-вторых, определенную роль в формировании мировоззренческих установок и повышении общего культурно-образовательного уровня купцов сыграло появление в регионе политических ссыльных, в частности декабристов⁶. В-третьих, особое влияние на развитие благотворительности оказала городская реформа 1870 г., которая оформила систему городского самоуправления нового типа, а заложенный в ее основание имущественный ценз обеспечивал избрание в состав местного самоуправления наиболее обеспеченных людей. Городская реформа стала толчком для развития филантропии, так как основная социальная помощь была возложена на органы местного самоуправления. По «Городовому положению» городские думы осуществляли попечительство над учреждениями общественного призрения, народного образования, заботились о состоянии местной промышленности и торговли. Купцы могли занимать одновременно должность в органах городского самоуправления и быть членами или директорами попечительского совета общественной организации и т.д.⁷

Вместе с этим можно говорить и о трех основных этапах купеческой благотворительности в Забайкалье: начальном, когда преобладала «духовная» благотворительность; середине XIX в. как времени общественных инициатив, осуществлявшихся по мере возможностей; последней четверти XIX в., когда для реализации крупных социальных проектов активно формируются целевые капиталы.

Крайне важно было и то, что на протяжении всего рассматриваемого периода все формы филантропии поощрялись государством. О крупных пожертвованиях, включая целевые вклады, ежегодно докладывалось императору, вся филантропическая деятельность освещалась в прессе. Например, в 1875 г. купчихе Елизавете Ивановне Голдобиной за пожертвования больницам приказа общественного призрения Министерство внутренних дел выразило благодарность⁸. Из российских орденов чаще всего для наград купцам использовались ордена Св. Станислава и Св. Анны низших степеней. Однако в некоторых случаях «за отличное усердие и особые труды» купец мог получить и орден Св. Владимира. Верхнеудинский купец И.П. Фролов был награжден серебряной медалью за крупные пожертвования

⁴ Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ, 2008. С. 48.

⁵ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 217. Л. 8 об.

⁶ Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года городское положение с объяснениями. СПб., 1870. С. 19.

⁷ Паликова Т.В. Городское общественное управление в Забайкальской области в последней трети XIX – начале XX в. Улан-Удэ, 2022. 186 с.

⁸ Мантурова С.Ч. Государственное призрение... С. 175.

в пользу города. В протоколе заседания Верхнеудинской городской думы от 20 февраля 1903 г. содержится перечень основных пожертвований И.П. Фролова: 10 тыс. руб. на содержание ремесленного класса в 1896 г. и содержание дома трудолюбия и женской прогимназии⁹. Также ему было присуждено звание почетного гражданина Верхнеудинска¹⁰. Стоит выделить верхнеудинского купца первой гильдии Н.И. Голдобина, который был представлен к ордену Св. Станислава 3-й степени с надписью «За усердие» на Аннинской ленте, а также награжден орденом Святой Анны 3-й степени¹¹.

Общественные организации-инициаторы учреждения целевых капиталов. Как указано в «Справочном коммерческом словаре» И. Вавилова, в середине XIX в. под капиталом понималось «имущество или собственность, которым можно располагать по произволу безотчетно»¹². Понятие «целевой капитал» еще не было разработано, и мы исходим из общепринятого сегодня определения, полагающего под целевым капитал, сформированный за счет пожертвований, доход от инвестирования которого используется на финансирование определенных социально важных целей¹³.

Практика создания и использования таких капиталов – неприкосновенных вкладов – была известна с конца XVIII в.¹⁴ Один из наиболее известных и знаковых для Сибири примеров – пожертвование в виде целевого капитала П.Г. Демидовым крупной суммы на строительство сибирского университета¹⁵. Учреждением целевых капиталов занимались как частные лица, так общественные благотворительные организации, объявлявшие сбор средств с определенной целью.

Все целевые капиталы второй половины XIX в., как правило, находились на попечении городского общественного управления, размещались в банки под высокие проценты, которые использовались на нужды, обозначенные при передаче капитала. Механизм реализации финансирования был прозрачен: капиталы вносились в роспись городского бюджета с обязательным указанием их доходности за год и направлениями использования средств. Достоянием горожан городской бюджет становился после опубликования городскими управлениями отчетов о деятельности за год. При этом следует сказать, что купечество имело возможность контролировать исполнение обязательств городом через работу в городской думе. Как правило, будучи самыми богатыми людьми в городах, они часто избирались гласными и городскими головами. Кроме этого, контроль над использованием целевых вкладов осуществлялся и попечительными советами, в которых состояли в том числе и жертвователи. Практика открытости целевых капиталов включала в себя и сообщение через органы печати об их создании и использовании.

Выявленные материалы по Забайкалью позволяют утверждать, что в данном регионе большое распространение получили коллективные пожертвования. Благотворительные общества существовали с согласия Министерства внутренних дел, их уставы утверждались главой ведомства, а также вице-директором министерства и военным губернатором. Общества состояли из почетных, действительных и членов-соревнователей. Почетными членами становились лица, которые пожертвовали в пользу внутреннего капитала организации крупные суммы. Действительными членами каждого общества были лица, платившие

⁹ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1183. Л. 5–8.

¹⁰ Паликова Т.В. Купечество... С. 98.

¹¹ Голдобин Иван Флегонтович // Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011 гг. Биографический справочник. Иркутск, 2011. С. 165.

¹² Вавилов И. Справочный коммерческий словарь, собранный и изданный Иваном Вавиловым. СПб., 1856. С. 123.

¹³ Ульянова Г.Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996. С. 405–426.

¹⁴ Ульянова Г.Н. Благотворительность в России в первой половине XIX в.: итоги и перспективы изучения законодательства и статистики [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, № 2 (100). URL: <https://history.jes.su/s207987840014110-0-1/?ysclid=meib97lc8u136807312> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁵ Сметанин М.О. Роль неприкосновенных капиталов в становлении Императорского Томского университета [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-07.pdf>

в кассу регулярные взносы, а также лица, помогавшие организации безвозмездно. Наиболее многочисленным было Кяхтинское городское попечительство детских приютов, на взносы и целевые капиталы которого содержались все приюты Троицкосавского узда¹⁶. Практически все забайкальские купцы состояли в благотворительных организациях, а некоторые были членами нескольких обществ. Одновременно попечителями вышеназванного общества и Общества трудовой помощи в г. Троицкосавске являлись супруги Алексей Михайлович и Клавдия Христофоровна Лушниковы, Августина Дмитриевна Корнакова, Иван Федорович Токмаков¹⁷. Многие были и попечителями того или иного учебного заведения. Купеческие фамилии присваивались учреждениям, в которые они вкладывали средства: например, верхнеудинская богадельня-приют им. И.Ф. Голдобина, Немчиновская ремесленная сиропитательная школа в Кяхте, Фроловская школа в Верхнеудинске и др.

Благотворительные организации, в которых формировались целевые капиталы, оказывали поддержку неимущим слоям населения, развивали образование и культуру. При обществах создавались попечительские советы, в составе которых состояло забайкальское купечество. Советы занимались распределением средств, принимали на содержание учреждений деньги от частных лиц, ведали общественными средствами. Например, в 1897 г. было образовано «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Троицкосавске со слободами Кяхтой и Усть-Кяхтой». Цель данного общества заключалась в попечении над недостаточно обеспеченными детьми, которые обучались в местных учебных заведениях. На момент основания в обществе состояло 34 почетных члена, 165 действительных советников и 7 соревнователей. В 1904 г. расход общества состоял из следующих категорий: пособие бедным, ремесленному училищу за обучение четырех мальчиков, в аптеку за лекарства и за продукты в столовую для бедных. На проценты с целевого капитала в 11 000 руб., пожертвованного «разными благотворительными лицами», существовала богадельня, рассчитанная на 18 человек. В Троицкосавске призревала 27 человек (12 муж. и 18 жен.), причем довольно часто, как и в 18 г., к которому относятся приведенные сведения, «сверх комплекта». Попечитель Троицкосавской гражданской больницы купец Новиков пожертвовал на ее ремонт 7 тыс. руб.¹⁸

Целевые капиталы в сфере народного просвещения. В связи с системными изменениями требуются новые квалифицированные кадры в сфере торговли и промышленности. Забайкальское купечество оказывает поддержку профессиональным образовательным организациям и школам нового типа. В пореформенное время начинается активное открытие средних учебных заведений в Забайкалье. Одним из первых открылось Троицкосавское реальное училище, которое готовило специалистов в области коммерческой деятельности. В 1873 г. Троицкосавск посетил великий князь Алексей Александрович. В честь этого события купечеством было решено открыть на свои средства Алексеевское реальное училище¹⁹. Тем более что необходимость в таком учебном заведении в условиях активной внешней торговли уже давно остро ощущалась. Главная цель открытого в 1876 г. училища заключалась в подготовке специалистов в коммерческой деятельности. На момент открытия учебного заведения, по сведениям Троицкосавского городского головы, целевой капитал, пожертвованный кяхтинскими купцами, составлял 36 960 руб. векселями и 282 руб. 20 коп. кредитными билетами, что в сумме составило 37 242 руб. 20 коп.²⁰ Купцы не только пожертвовали деньги на открытие училища, но и в последующем поддерживали его, создав попечительный совет, в который в 1880 г. вошли М. Коковин, А. Лушников, А. Молчанов, М. Перевалов, С. Сибиряков²¹.

¹⁶ Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год. Чита, 1901. С. 92.

¹⁷ Отчет о деятельности Общества трудовой помощи в г. Троицкосавске. Типография И.А. Лушников, 1909. С. 9.

¹⁸ Мантурова С.Ч. Государственное призрение... С. 174.

¹⁹ Малиновский К. Краткие исторические сведения о Троицкосавском Алексеевском реальном училище 1876–1901. Троицкосавск, 1901. С. 3.

²⁰ ГАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 60. Л. 2, 3, 51.

²¹ Памятная книжка Забайкальской области на 1880 год. Чита, 1880. С. 24.

В 1890-х гг. повсеместно открываются ремесленные классы. Ремесленное образование включало в себя обучение сапожному, столярному, портняжному мастерству. Воспитанникам прививались навыки для обработки различных материалов. В 1896 г. купец 1-й гильдии И.П. Фролов в обращении к верхнеудинскому голове писал: «В Верхнеудинске не имеется никакого ремесленного училища для обучения детей хотя бы самым необходимым ремеслам. А посему жертвую в основной капитал на устройство при городском училище ремесленного класса десять тысяч рублей»²². Ежегодно на содержание ремесленного класса выделялось 802 руб., из которых 342 руб. – проценты с неприкосновенного капитала И.П. Фролова²³.

В 1888 г. в Троицкосавске Я.А. Немчинов открывает сиропитательную ремесленную школу для мальчиков, которая полностью содержалась за счет целевого вклада учредителя и носила его имя. Обращаясь к Троицкосавской управе, Я.А. Немчинов в 1885 г. писал: «...чтобы доставить призрение и образование детям недостаточных родителей и сирот, принадлежащих преимущественно жителям Троицкосавска и слобод Кяхта и Усть-Кяхта, значительная часть которых до сих пор не имеет никакого приюта и призрения, я нахожу полезным и желаю открыть для означенной цели в городе Троицкосавске Сиропитательную ремесленную школу для приема мальчиков»²⁴. Школа содержалась за счет процентов пожертвованного им целевого капитала в размере 50 тыс. руб.²⁵

Можно назвать и два сельских училища, которые содержались на проценты с капиталов и пожертвования частных лиц. Так, в 1878 г. в с. Тамирское Верхнеудинского округа в доме, выстроенном супругой кяхтинского купца 1-й гильдии Варварой Ивановной Токмаковой, начало работу сельское училище. Ею же был собран целевой училищный капитал в 7 тыс. руб.²⁶ В 1886 г. на пожертвованный верхнеудинским купцом, потомственным почетным гражданином И.Ф. Голдобиним целевой капитал открылось и содержалось процентами с него сельское училище в с. Тарбагатай Верхнеудинского округа, в последующем получавшее поддержку от его сына Николая Ивановича²⁷. Работа училища, думается, была важна для его основателя, ведь в селе располагался его винокуренный завод – основной «потребитель» рабочих рук тарбагатайцев. В последующем открытие начальных школ при заводах и приисках стало традицией для их владельцев, на что обращалось особое внимание при обследовании забайкальской промышленности и статистическим комитетом, и главным техником области²⁸.

В 1890 г. в бюджетах всех прогимназий области проценты с неприкосновенных капиталов составили 389 руб. 73 коп., а пожертвования попечителей и других лиц – 4 602 руб. 77 коп. Городские и уездные училища не имели целевых капиталов, дополнительные средства получали от пожертвований. В начальных училищах – 804 руб. 75 коп. и 5 883 руб. 43 коп. соответственно, т.е. 0,8 % от всех сумм²⁹,

Рис. 2. Женская Троицкосавская гимназия. Фото из коллекции Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева

²² Паликова Т.В., Кальмина Л.В., Мишакова О.Э. Купечество... С. 97.

²³ Там же. С. 98.

²⁴ ГАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 471. Л. 2, 3.

²⁵ Хроника // Восточное обозрение. 1886. № 6. С. 3.

²⁶ Паликова Т.В. Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. С. 278.

²⁷ Там же. С. 280.

²⁸ Памятная книжка Забайкальской области на 1890 год. Чита, 1890. С. 42.

²⁹ Там же. С. 44–45.

что вполне закономерно, ведь основные средства на начальную ступень поступали от сборов со станичных, сельских и инородческих обществ, средние учебные заведения были исключительно городскими и получали содержание только от казны и города, поэтому наличие целевых капиталов было чрезвычайно важным для их дальнейшего существования.

К середине 1890-х гг. за счет целевых вкладов забайкальского купечества развивались и женские образовательные заведения, основательницами и попечительницами которых зачастую выступали купеческие жены. Так, в 1870 г. была образована женская пятиклассная гимназия в Троицкосавске, на организацию которой кяхтинское купечество пожертвовало деревянный дом стоимостью 14 250 руб.³⁰ Попечительницей гимназии стала Клавдия Христофоровна Лушникова, жена купца 1-й гильдии, а в попечительный совет, кроме ее супруга А.М. Лушникова, вошли купцы М.А. Коковин, Е.А. Швецов и Е.А. Молчанов³¹.

Целевые капиталы для формирования стипендиального фонда. Одним из направлений приложения целевых капиталов можно считать деньги, пожертвованные в стипендиальный фонд. Обучение было, как правило, платным, поэтому стипендии, в том числе и поощрительные (на продолжение обучения), были иногда единственной возможностью для детей малоимущих родителей получить хотя бы начальное образование. Особенность всех стипендий заключалась в том, что они были, во-первых, именными, а во-вторых, целевыми. В положении о стипендии обязательно прописывались критерии, которым должен был соответствовать будущий стипендиат.

На пожертвованные средства была образована «Стипендия Государя Императора Николая Александровича» в память посещения им в 1891 г. Забайкалья, в формировании которой приняли участие купеческие жены К.Х. Лушникова (внесла 2 150 руб.), М.А. Хаманова (6 тыс. руб.), Е.А. Басова и Е.В. Старцева³².

В 1876 г. кяхтинское купечество «в память посещения» генерал-губернатора Платона Александровича Фредерикса учредило стипендию при Троицкосавском реальном училище. Городская дума на заседании 30 июня «ассигновала на этот предмет 2 000 рублей из доходов с гостиного двора», а сами купцы прислали в городскую управу 3 тыс. руб. Таким образом, вся полученная сумма была «превращена в билет государственного банка первого выпуска № 1178 в 5 000 рублей». Стипендиат избирался педагогическим советом с согласия попечителей³³.

Рис. 3. Вид на Гостинный двор. Фото из коллекции Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева

В Читинской мужской гимназии из 25 стипендий только четыре были казенными, остальные распределялись так: четыре – «Имени Его Императорского Высочества Алексея Александровича для бедных детей казачьего сословия», одна – «Имени Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа», три – имени военных губернаторов Забайкальской области. Интересно, что Андрей Николаевич Корф (генерал-губернатор) и военный губернатор Лука Иванович Ильяшевич предназначали свои стипендии для бедных детей-инородцев Агинского ведомства, а действующий военный губернатор Иван Константинович Педашенко – для сирот гражданского ведомства из числа жителей Забайкалья; кяхтинское

³⁰ ГАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1643. Л. 6.

³¹ Памятная книжка Забайкальской области на 1880 год... С. 45.

³² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 194. Д. 1332. Л. 2.

³³ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1573. Л. 1, 4, 8.

купечество адресовало свою стипендию «лицам податного сословия Забайкальской области»³⁴.

Целевые капиталы в сфере общественного призрения. В исследуемый период в Забайкалье формируется система общественного призрения, которая развивалась не только за счет государства, но и за счет купеческих целевых капиталов. На проценты с целевого капитала в 11 тыс. руб., пожертвованного «разными благотворительными лицами», богадельня, рассчитанная на 18 человек, в Троицкосавске призревала 27 человек (12 муж. пола и 18 жен. пола), причем довольно часто, как и в 1885 г., к которому относятся приведенные сведения, «сверх комплекта»³⁵.

С 1857 г. начался сбор средств на открытие Читинского детского приюта, и на момент открытия 1 октября 1856 г. капитал составил 7 755 руб. 39 коп. По инициативе попечительского совета старое здание приюта было продано торговому дому братьев Шумиловых за 35 тыс. руб. Строительством нового здания занялся купец 1-й гильдии Д.В. Полутов, который выделил 6 250 руб., а на возведение церкви при приюте пожертвовал 5 тыс. руб. Все его личные пожертвования составили четвертую часть сметной стоимости строительства здания приюта в 25 тыс. руб.³⁶

По инициативе верхнеудинского купца И.Ф. Голдобина в 1894 г. была основана богадельня. Вопрос о необходимости богадельни в Верхнеудинске стоял с 1881 г., но из-за нехватки средств решение проблемы откладывалось. В 1889 г. в своем обращении в городскую управу И.Ф. Голдобин писал: «Город Верхнеудинск имеет надобность в богадельне для призрения безродных, неимущих, престарелых граждан обоего пола»³⁷. Бюджет богадельни состоял из дохода в 1 200 руб. с целевого капитала в 24 тыс. руб. в 5%-ных билетах, пожертвованного супругой купца И.Ф. Голдобина Е.И. Кукель, а также из ежегодного целевого капитала купца А.М. Курбатова³⁸.

Целевые капиталы как выражение последней воли. Отдельно стоит рассмотреть посмертные целевые капиталы забайкальского купечества. Забайкальское купечество второй половины XIX в. – люди, рожденные еще в первой его половине, отличались глубокой набожностью и придавали серьезное значение своей последней воле, как правило, делая щедрые пожертвования в пользу культурных учреждений и малоимущих края. Так, например, И.Ф. Голдобин посмертно оставил городу 15 тыс. руб. на организацию ссудной кассы при городской управе для выдачи капитала в ссуду под векселя или разные залоги, 5 % которых должны были обеспечить содержание его богадельни³⁹. Стоит отметить кяхтинского купца Михаила Андреевича Хаминова, оставившего «на вечное время капитал в 500 рублей», а проценты завещал беднейшим жителям Троицкосавска и слободы Кяхта «к праздникам Рождества Христова и святой Пасхи», а также 50 акций Московского банка, 13 акций ученого банка и два пая Восточного пароходства «М.Г. Шевелев и К°». Троицкосавская городская дума огласила завещание купца М.А. Хаминова 22 мая 1896 г.⁴⁰ Коммерции советник Михаил Дмитриевич Бутин в своем завещании указал главным наследником своего состояния и имущества родной город Нерчинск. Капитал делился следующим образом: половина – на содержание реального училища, вторая часть – на Софийскую женскую гимназию (переименована из женского училища в 1868 г., учрежденного им в память о любимой рано умершей жене), а также приют для бедных девочек, приходские школы⁴¹.

Закключение. Богатый дореволюционный опыт создания целевых капиталов на примере забайкальского купечества показывает эффективность развития социальной сферы

³⁴ Памятная книжка Забайкальской области на 1899 год. Чита, 1899. Ч. 1. С. 29.

³⁵ Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области за 1885 год. Обзор области. Чита, 1885. С. 61.

³⁶ Мантурова С.Ч. Государственное призрение... С. 175.

³⁷ Паликова Т.В. Социальное, экономическое и культурное... С. 153.

³⁸ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 625. Л. 3.

³⁹ Там же. Д. 1026. Л. 1, 8.

⁴⁰ ГАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 721. Л. 9, 10, 32.

⁴¹ Мантурова С.Ч. Государственное призрение... С. 144–145.

не только за счет вложений из государственного бюджета, но и за счет частных капиталов. При помощи целевых капиталов в Забайкалье была расширена сеть городских средних и сельских начальных учебных заведений, дети несостоятельных родителей получили возможность окончить курс учебного заведения или продолжить обучение, старики и бездомные – получить кров и пропитание (богадельни), а оказавшиеся в затруднительном материальном положении – работу и средства к существованию (дома трудолюбия). Сосредоточение в руках забайкальских купцов огромных личных капиталов давало возможность более активно включаться в филантропию и создавать целевые вклады, за счет которых оказывалась частная помощь нуждающимся и осуществлялась деятельность обществ. Функционирование учреждений народного образования и социального обеспечения, на которые государство выделяло незначительные суммы, без целевых вкладов было бы невозможно.

Литература

Вавилов И.С. Справочный коммерческий словарь, собранный и изданный Иваном Вавиловым. СПб.: Морская типография, 1856. 399 с.

Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011 гг. Биографический справочник / авт.-сост. А.В. Петров, М.М. Плотникова; отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2011. 396 с.

Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX в.): посвящается 155-летию образования Амурской области: в 2 т. / отв. ред. А.В. Телюк. Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2013. Т. 2. 314 с.

Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. 247 с.

Малиновский К. Краткие исторические сведения о Троицкосавском Алексеевском реальном училище 1876–1901. Троицкосавск: Изд-во П.А. Саплина, 1901. 26 с.

Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 232 с.

Мишакова О.Э. Верхнеудинское купечество в XVII – начало 60-х гг. XIX века: Формирование и развитие: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 273 с.

Нагайцева Н.Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX веке: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 233 с.

Нерчинск / гл. ред. В.А. Дутов. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2013. 432 с. (Альбомная серия «Энциклопедия Забайкалья»).

Паликова Т.В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX – 1917 год). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. Ч. 1. 118 с.

Паликова Т.В., Кальмина Л.В., Мишакова О.Э. Купечество – Верхнеудинск–Улан-Удэ. Улан-Удэ: ЭКОС, 2007. 190 с.

Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. 260 с.

Паликова Т.В. Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т. 2011. 498 с.

Паликова Т.В. Городское общественное управление в Забайкальской области в последней трети XIX – начале XX в. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2022. 186 с.

Сметанин М.О. Роль неприкосновенных капиталов в становлении Императорского Томского университета [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-07.pdf>

Сретенск / гл. ред. К.К. Ильковский. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2014. 444 с. (Альбомная серия «Энциклопедия Забайкалья»).

Ульянова Г.Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996. С. 405–426.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в России в первой половине XIX в.: итоги и перспективы изучения законодательства и статистики [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, № 2 (100). URL: <https://history.jes.su/s207987840014110-0-1/?ysclid=meib97lc8u136807312> (дата обращения: 27.02.2025).

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2012. Т. 1: А–Л. 450 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2013. Т. 2: М–Я. 464 с.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1: Общий очерк. 2004. 300 с.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 2: А–З. 419 с.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3: И–Р. 540 с.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 4: С–Я. 526 с.

References

Dutov, V.A. (Ed.). (2013). *Nerchinsk* [Nerchinsk]. Chita, Zabaikal State University. 432 p. (Albomnaya seriya “Entsiklopediya Zabaykal’ya”).

Evdokimova, S.V. (2007). *Sotsial’no-ekonomicheskoe razvitie gorodov Zabaykal’ya v XVII–XIX vv.* [Socio-Economic Development of the Cities of Transbaikalia in the 17th–19th Centuries]. Ulan-Ude, Izdatelstvo Buryatskogo gosuniversiteta. 247 p.

Geniatulin, R.F. (Ed.). (2004). *Entsiklopediya Zabaykal’ya: Chitinskaya oblast’*: v 4 t. [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Region: In 4 Vols.]. Vol. 1: Obshchiy ocherk. Novosibirsk, Nauka. 300 p.

Geniatulin, R.F. (Ed.). (2004). *Entsiklopediya Zabaykal’ya: Chitinskaya oblast’*: v 4 t. [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Region: in 4 vols.]. Vol. 2: A–Z. Novosibirsk, Nauka. 419 p.

Geniatulin, R.F. (Ed.). (2006). *Entsiklopediya Zabaykal’ya: Chitinskaya oblast’*: v 4 t. [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Region: in 4 vols.]. Vol. 3: I–R. Novosibirsk, Nauka. 540 p.

Geniatulin, R.F. (Ed.). (2006). *Entsiklopediya Zabaykal’ya: Chitinskaya oblast’*: v 4 t. [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Region: in 4 vols.]. Vol. 4: S–Ya. Novosibirsk, Nauka. 526 p.

Il’kovskiy, K.K. (Ed.). (2014). *Sretensk* [Sretensk]. Chita, Zabaikalskiy gosudarstvennyy universitet. 444 p. (Albomnaya seriya “Entsiklopediya Zabaykal’ya”).

Malinovskiy, K. (1901). *Kratkie istoricheskie svedeniya o Troitskosavskom Alekseevskom real’nom uchilishche 1876–1901* [Brief Historical Information about the Troitskosavsky Alekseevsky Real College 1876–1901]. Troitskosavsk, Izdatelstvo P.A. Saplina. 26 p.

Manturova, S.Ch. (2005). *Gosudarstvennoe prizrenie i blagotvoritel’nost’ v sotsial’noy i kul’turnoy zhizni Zabaykal’ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [State Charity and Philanthropy in the Social and Cultural Life of Transbaikalia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Ulan-Ude, Respublikanskaya Tipografiya. 232 p.

Mishakova, O.E. (2003). *Verkhneudinskoe kupechestvo v XVII – nachalo 60-kh gg. XIX veka: Formirovanie i razvitie* [Verkhneudinsk Merchants in the 17th – Early 60s of the 19th Century: Formation and Development]. Ulan-Ude. 273 p.

Nagaytseva, N.D. (2002). *Blagotvoritel’nost’ v Zabaykal’e v XIX veke: istoricheskiy aspekt* [Philanthropy in Transbaikalia in the 19th Century: Historical Aspect]. Ulan-Ude. 233 p.

Palikova, T.V. (1999). *Kul'tura gorodov Pribaykal'ya (vtoraya polovina XIX – 1917 god)* [Culture of the Cities of the Baikal Region (Second Half of the 19th – 1917)]. Ulan-Ude, Izdatelstvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Part. 1. 118 p.

Palikova, T.V., Kal'mina, L.V., Mishakova, O.E. (2007). *Kupechestvo – Verkhne-udinsk–Ulan-Ude* [Merchants. Verkhneudinsk]. Ulan-Ude, EKOS. 190 p.

Palikova, T.V. (2008). *Razvitie kul'tury gorodov Zabaykal'skoy oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Development of Culture of the Cities of the Trans-Baikal Region (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Ulan-Ude, Izdatelstvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 260 p.

Palikova, T.V. (2022). *Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v Zabaykal'skoy oblasti v posledney treti XIX – nachale XX v.* [Urban Public Administration in the Trans-Baikal Region in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries]. Ulan-Ude, Izdatelstvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 186 p.

Petrov, A.V., Plotnikova, M.M. (Comp.), Dameshek, L.M. (Ed.). (2011). *Gorodskie golovy, glasnye i deputaty Irkutskoy dumy 1872–2011 gg. Biograficheskiy spravochnik* [Mayors, Vowels and Deputies of the Irkutsk Duma 1872–2011. Biographical Directory]. Irkutsk, Ottisk. 396 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2012). *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce of Siberia: In 2 Vols.]. Vol. 1: A–L. Novosibirsk, Geo. 450 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2013). *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce of Siberia: In 2 Vols.]. Vol. 2: M–Ya. Novosibirsk, Geo. 464 p.

Smetanin, M.Yu. (2025). Rol' neprikosnovennykh kapitalov v stanovlenii Imperatorskogo Tomskogo universiteta [The Role of Untouchable Capital in the Establishment of Imperial Tomsk University]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (42), pp. 11–21. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-07.pdf>

Telyuk, A.V. (Ed.). (2013). *Delovoy mir Priamur'ya (seredina XIX – nachalo XX v.): posvyashchaetsya 155-letiyu obrazovaniya Amurskoy oblasti* [Business World of Priamurye (Mid-19th – Early 20th Century): Dedicated to the 155th Anniversary of the Amur Region's Formation]. Blagoveshchensk-on-Amur, Amurskaya Yarmarka. Vol. 2. 314 p.

Ulianova, G.N. (1996). Izuchenie sotsial'nykh anomalii, blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii [Studying Social Anomalies, Charity and Public Charity in Russia]. In *Istoricheskie issledovaniya v Rossii: Tendentsii poslednikh let*. Moscow, pp. 405–426.

Ulyanova, G.N. (2021). Blagotvoritel'nost' v Rossii v pervoy polovine XIX v.: itogi i perspektivy izucheniya zakonodatel'stva i statistiki [Charity in Russia in the First Half of the 19th Century: Results and Prospects of Studying Legislation and Statistics]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 12, No. 2 (100). Available at: URL: <https://history.jes.ru/s207987840014110-0-1/?ysclid=meib97lc8u136807312> (date of accesses 27.02.2025).

Vavilov, I.S. (1856). *Spravochnyy kommercheskiy slovar', sobrannyy i izdannyy Ivanom Vavilovym* [Reference Commercial Dictionary, Collected and Published by Ivan Vavilov]. St. Petersburg, Morskaya Tipografiya. 399 p.

И.Н. Литвинова*

ТРАДИЦИИ И НОВШЕСТВА В СФЕРЕ ЦЕЛЕВЫХ КАПИТАЛОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНЫХ ГОРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-17
УДК 364.056.2(470.45)"1914/1918"

Выходные данные для цитирования:

Литвинова И.Н. Традиции и новшества в сфере целевых капиталов в годы Первой мировой войны (на материалах южных городов Российской империи) // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 252–260.

URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-17.pdf>

I.N. Litvinova*

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE FIELD OF TARGET CAPITAL DURING THE WORLD WAR I (BASED ON MATERIALS FROM THE SOUTHERN CITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-17

How to cite:

Litvinova I.N. Traditions and Innovations in the Field of Target Capital during the World War I (Based on Materials from the Southern Cities of the Russian Empire) // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 252–260.

[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-17.pdf>]

Abstract. The article examines the life of the Russian society in the southern rear provinces during the First World War. It focuses on the desire of citizens to actively participate in solving many problems that were typical of wartime, such as providing charitable assistance to the army and compatriots who had been affected by the war. The article identifies appeals made by local authorities and social associations to their fellow citizens to support frontline soldiers and the wounded. It also provides examples of public responses to these appeals, such as public fundraising events, where people gathered money, items, and food to support their compatriots during the war. It is noted that civil society initiated the creation of charitable organizations and committees aimed at helping the wounded, the front, and the families of soldiers. One of the new forms of assistance to wounded soldiers during the First World War, the “named beds” of donors, is analyzed. The article shows the circumstances under which “named beds” or “named chambers” transformed from the usual forms of donations from citizens into a form directly related to the established trust funds. The interest earned was used to pay for such named beds and chambers. The article also provides information about prominent Tsaritsyn benefactors – merchants A.V. Voronin, G.N. Serebryakov and V.F. Lapshin.

Keywords: World War I, charity, merchants, trust funds, medicine.

The article has been received by the editor on 20.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ирина Николаевна Литвинова**, кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, e-mail: litvinova@volsu.ru

Irina Nikolaevna Litvinova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia, e-mail: litvinova@volsu.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 24-28-01304 «Волонтерские и благотворительные практики российского общества в экстремальных условиях жизнедеятельности (первая четверть XX и XXI веков): сравнительный анализ».

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of project No. 24-28-01304 “Volunteer and Charitable Practices of Russian Society in Extreme Living Conditions (The First Quarter of the 20th and 21st Centuries): A Comparative Analysis”.

Аннотация. В статье рассматривается жизнь российского социума южных тыловых провинций в условиях Первой мировой войны. Акцентируется внимание на стремлении граждан к активному участию в решении многих проблем, свойственных военному времени, – благотворительной помощи армии и соотечественникам, пострадавшим от военных действий. Подчеркивается подъем патриотических настроений, выразившихся в инициативных, самостоятельных видах и формах народной помощи. Выявлены призывы местных властей и общественных ассоциаций социальной направленности к согражданам о поддержке фронтовиков и раненых. Приведены аналоги откликов общества на эти призывы в виде публичных «кружечных» сборов денежных средств, вещей и продуктов, которые стали традиционной формой поддержки соотечественников в годы войны. Отмечается, что гражданское общество становилось инициатором создания благотворительных организаций и комитетов, целью которых была помощь раненым, фронту и семьям воинов. Проанализирована одна из новых форм помощи раненым воинам периода Первой мировой войны – «именные койки» жертвователей. Показаны обстоятельства, при которых «именные койки» или «именные палаты» из формы обычных видов пожертвований горожан становятся формой, имеющей непосредственное отношение к сформированному целевому капиталу, оплачиваясь за счет его процентов. Уточняются данные о представителях деловых кругов Царицына – коммерсантах А.В. Воронине, Г.Н. Серебрякове и В.Ф. Лапшине, принявших активное участие в формировании целевых капиталов.

Ключевые слова: Первая мировая война, благотворительность, купечество, целевые капиталы, медицина.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025 г.

Влияние Первой мировой войны сказалось на развитии всех сфер жизни общества нашей страны и государств-участников боевых действий – экономике и политике, культуре и бытовом укладе. Эта война стала самой разрушительной и кровавой по сравнению со всеми предыдущими войнами, так как впервые использовались дальнобойная и скорострельная артиллерия, танки и авиация, химическое оружие¹. Военные события повлекли за собой не только совершенствование военно-технической сферы, связанной с реализацией новейших видов вооружений и тактики ведения боя, но и глубокие изменения в общественной жизни.

Наибольший интерес для автора статьи по благотворительной тематике представляют труды отечественных ученых, в частности А.С. Тумановой и Г.Н. Ульяновой. Автор А.С. Туманова исследует деятельность новых форм добровольных общественных ассоциаций в сфере благотворительности периода Первой мировой войны, а также вопросы совместной помощи государства и общества фронту и жертвам войны в тылу. Вместе с тем А.С. Туманова отмечает, что в условиях этой войны образовался феномен «мобилизованного общества»². Следует отметить научную публикацию Г.Н. Ульяновой, в которой анализируются социальные практики, имевшие место в военное время, и дается оценка помощи, оказываемой различными комитетами гражданам, пострадавшим от войны³.

¹ Криворучко А.А. Первая мировая война: итоги и уроки // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. Вып. 4 (788). С. 140–141.

² Туманова А.С. Организация помощи фронту и жертвам войны как результат совместных усилий власти и гражданского общества в годы Первой мировой войны: институциональный и правовой аспекты // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 34–40; Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014. Сер.: Первая мировая. Великая. 1914–1918. 336 с.

³ Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 230–237.

Историческим аспектам о формировании целевых фондов в конце XIX в. для функционирования трех городских больниц посвящена работа автора А.В. Волошиной⁴. Проблема финансирования московской госпитальной медицины за счет неприкосновенных вкладов, хотя и в мирное время, также важна для нашей работы. Среди региональных исследований по рассматриваемой тематике значима работа Ф.Н. Гусейновой, посвященная оказанию благотворительной врачебной помощи нуждающимся в ней представителям казачьего и неказачьего сословия на территории Войска Донского⁵.

За недолгое время, прошедшее с начала войны, гражданское общество смогло сплотиться вокруг интересов Отечества и фактически стало «массово мобилизованным»⁶ для нужд фронта, организации лазаретов для раненых, поддержки семей воинов, а впоследствии – приема тысяч беженцев. Благотворительная помощь оказывалась представителями всех сословий и повсеместно – жителями городов, сел, слободок и станиц. Самыми массовыми формами оказания помощи населению стали «кружечные» сборы в пользу определенных категорий населения или фронтовиков. Публичность таких акций и мероприятий требовала и публичного контроля, что обеспечивалось посредством публикаций отчетов о сборах денежных средств в местной прессе и журналах головных благотворительных объединений: Всероссийского союза земств и городов помощи больным и раненым воинам, комитетов великих княгинь Марии Павловны (снабжение одеждой нижних чинов, выписываемых из всех лечебных заведений) и Елизаветы Федоровны (помощь больным и раненым и семьям воинов), княжны Татьяны Николаевны (помощь беженцам).

Работа с материалами газетного фонда Российской национальной библиотеки⁷, относящимися к южным городам страны – Ростову-на-Дону, Таганрогу, Нахичевани, Царицыну, Астрахани и другим, позволила обнаружить не только множество призывов населения к сборам денежных средств и одежды, но впоследствии и множество отчетов об использовании поступивших добровольных пожертвований «в кружках» или по подписным листам и квитанционным книжкам. Следует отметить, что подобные объявления и отчеты можно увидеть почти в каждом номере таких периодических изданий, как «Царицынский вестник», «Саратовский вестник», «Астраханский вестник», «Азовский край» с августа 1914 г. до ноября 1917 г., а также в отчетах Общества Красного Креста, Царицынского дамского комитета и докладах именных комитетов императорского дома.

Помимо денег, пожертвования от граждан поступали также бельем, теплыми вещами, «съестными припасами», табаком, чаем, сахаром. Патриотические призывы нашли отклик и поддержку в обществе: стали организовываться местные социальные объединения благотворительной направленности, особенно активизировались женские кружки и комитеты, действовавшие в пользу нужд военного времени. Приведем фрагмент обращения председателя Комитета по оказанию помощи раненым г. Таганрога И.Е. Платонова к горожанам после того, как в город прибыло 2 тыс. раненых вместо 500–700 чел., которых планировали принять местные медицинские стационары: «Для того, чтобы справиться с нашей задачей, мы все должны дружно сплотиться и внести в общее дело свою посильную лепту. Помните, что сколько бы вы ни дали, все это ничто в сравнении с теми жертвами, которые приносятся и будут приноситься нашей великой армией <...>. Нужны рубахи, кальсоны, носки, материя для портянок, наволочки, полотенца, платки, подушки, матрацы, одеяла и кровати»⁸.

⁴ Волошина А.В. Целевой капитал как средство развития социальной инфраструктуры дореволюционной Москвы (на примере городских больниц) // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2022. Т. 13, № 4. С. 26–41.

⁵ Гусейнова Ф.Н. Деятельность благотворительных организаций на Дону: к 100-летию образования комитетов по оказанию помощи больным и раненым в годы Первой мировой войны // Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2014. № 3. С. 58–60.

⁶ Цит. по: Поршинева О.С. «Настроение 1914 года»: к переосмыслению историографической метафоры (Россия и Запад) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 2. С. 45.

⁷ В Волгограде дореволюционный газетный фонд был утрачен в период Сталинградской битвы.

⁸ Таганрог // Азовский край. 1914. 2 сент. С. 4.

Одной из новых форм благотворительной помощи в годы Первой мировой войны стало содержание «именных коек благодетелей» для раненых в медицинских стационарах. Во многих тыловых губерниях были размещены сотни стационарных медицинских учреждений – как правило, лазареты для раненых и больных воинов. Например, с августа 1914 г. по май 1915 г. в Саратовский край на поездах прибыло 59 тыс. раненых, которых распределяли по 30 лазаретам, организованным по всей губернии⁹. Их большая часть находилась в Саратове и Царицыне, однако койко-мест не хватало.

Чаще всего «именные койки» учреждались на средства с неприкосновенных целевых капиталов, вносившихся в региональные кредитно-финансовые учреждения конкретными благотворителями. В многочисленных публичных отчетах, напечатанных в газетах о поступлениях средств в пользу раненых, можно увидеть списки из двух-трех десятков фамилий граждан и торговых товариществ, помогавших лазаретам в содержании койко-мест. Поступления средств могли быть разовыми, но часто носили постоянный характер, повторяясь каждые 2–3 месяца. В качестве одного из примеров приведем данные из отчета казначея «Комитета по оказанию помощи раненым и больным воинам городов Ростова и Нахичевани на Дону» с 1 по 18 декабря 1914 г.: «Постоянные кровати: Л. Адлер и наследники третий взнос – 60 р., А.С. Альперин четвертый взнос – 60 р., акц[ионерное] общ[ество] “В.И. Асмолов и К^о” четвертый взнос – 240 р., от Н.И. Асмолова кровать имени А.П. Барыковой четвертый взнос – 60 р., артистов ростовского на Дону театра четвертый взнос – 60 р., А.М. Букреева третий взнос – 60 р., Второе Общество взаимного кредита четвертый взнос – 120 р., <...> торг[овый] д[ом] “С. Генч-Оглуев и И. Шапошников” четвертый взнос – 240 р., группа лиц на койку “Мира” четвертый взнос – 60 р., дамский кружок 136 пех[отного] Таганрогского полка четвертый взнос – 60 р.»¹⁰ и т.д. Всего перечислено 26 фамилий граждан и названий частных фирм, выступавших жертвователями. Следовательно, появилась и закрепились новая традиция – брать шефство над койками в лазаретах для раненых и больных воинов.

Несколько иной была ситуация, когда доход от сформированного именного целевого капитала направлялся на обеспечение деятельности или всего лечебного учреждения, или его подразделения, или одной палаты, или отдельной кровати. В данных обстоятельствах, согласно заранее оговоренному назначению, «именные» койки и палаты действительно относились к именному капиталу.

В частности, в стационарах Общества Красного Креста в Царицыне, под флагом которого к концу 1914 г. действовало 13 лазаретов на 632 койко-места, каждая из «именных» коек содержалась на проценты с капиталов конкретных жертвователей. Например, трое коммерсантов-братьев Меркульевых определили капитал, с процентов с которого обеспечивались уход и лечение фронтовиков на шести кроватях в лазарете № 1 Красного Креста. В общей сложности содержание одного койко-места в месяц, по нашим подсчетам, обходилось в 30 руб., расход за год на шесть коек составлял 2 160 руб.¹¹

Существовали «именные палаты» и даже лазареты для раненых, в пользу которых благотворители передавали помещения, иногда целые здания, со сформированными на данные цели банковскими капиталами, на проценты с которых и содержались эти медучреждения. В Царицыне под патронаж Общества Красного Креста был принят частный лазарет для раненых офицеров на 25 коек. Красивый особняк со всем оборудованием под медицинский стационар был передан Обществу председателем Царицынского комитета Общества Красного Креста А.В. Ворониным, причем с полным содержанием «на время войны». Александр Воронин – гласный городской думы, представитель известной в уезде династии потомственных почетных граждан Царицына, щедрых благотворителей и общественных

⁹ Лепкова Е.А. Медицинская помощь военнослужащим русской армии в период Первой мировой войны (по материалам г. Царицына) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5 (29). С. 106.

¹⁰ Отчет казначея // Приазовский край. 1914. 28 дек. С. 3.

¹¹ Подсчитано по: Пожертвования на содержание именных коек в Лазарете № 1 // Отчет Царицынского Комитета Российского общества Красного Креста. Царицын, 1916. С. 35.

деятелей. В 1912 г. он унаследовал от отца Василия Константиновича многомиллионное состояние, горчично-маслобойный, кожевенный заводы и крупную недвижимость в черте города, в составе которой значилась первоклассная в четыре этажа гостиница «Столичные номера» с рестораном, а также пятиэтажное здание Коммерческого училища, трехэтажное – Азовско-Донского банка и многое другое. Общая оценка недвижимого имущества Воронина только в черте города оценивалась на 1 сентября 1914 г. в 255 112 руб.¹²

Благодаря усилиям потомственного почетного гражданина Царицына Воронина-старшего в апреле 1905 г. в городе появилась первая городская больница имени Александра II Освободителя, подаренная городу в безвозмездное пользование. До появления Александровской больницы действовали только земская и частные больницы, а также три амбулатории. На строительство больницы, рассчитанной на 50 кроватей, с подсобным помещением, баракom и общей занимаемой территорией в 12 804 кв.м, В.К. Ворониным был учрежден неприкосновенный капитал в 130 тыс. руб.¹³ Это здание сохранилось по сей день и функционирует в составе комплекса Областной больницы № 1, несмотря на ожесточенные уличные бои за Сталинград в сентябре-октябре 1942 г., когда было полностью разрушено более 90 % городской застройки.

Целевой фонд, создававшийся для реализации определенного проекта, в данном случае – для строительства больницы, формировался на определенный срок. После завершения строительных работ и ввода в эксплуатацию здания основная сумма фонда была израсходована, а проценты с оставшейся части капитала пошли на содержание двух конных экипажей для выездов к больным и на другие цели. По механизму функционирования это так называемый срочный (или «непостоянный») эндаумент.

Сын В.К. Воронина Александр стал достойным продолжателем благотворительных дел отца. Он состоял почетным попечителем этой же больницы, с 1911 г. – членом Городской врачебно-санитарной исполнительной комиссии, которая в годы Первой мировой войны взяла на себя функции по организации военно-санитарной деятельности, профилактики нераспространения эпидемий и контроля по санобработке вагонов с ранеными и беженцами. В компетенцию комиссии входили вопросы, связанные со снабжением всем необходимым медицинских учреждений, в том числе лазарета.

Отданный под лазарет особняк был построен в 1912 г. и представлял собой роскошный трехэтажный дворец, состоящий из 180 помещений. Внутри здания современников впечатляла красота высоких и просторных светлых залов со стенами, отделанными белым, зеленым и розовым мрамором, специально привезенным из Италии. По свидетельствам очевидцев, «стены украшала художественная лепнина, на полах лежал инкрустированный паркет. Снаружи здание было облицовано финским гранитом»¹⁴. Этот дворец, поражавший своей «ослепительной роскошью» (как отмечали местные газеты), и был передан хозяином под лазарет для раненых офицеров с их полным содержанием и лечением на проценты с солидного капитала. Сохранилось фото бывшего «мраморного дворца» А. Воронина лишь начала 1930-х гг., когда здание служило иным целям, став Дворцом пионеров для детей Сталинграда (рис. 1).

Рис. 1. Бывший «Мраморный дворец» А.В. Воронина. Сталинград. Фото начала 1930-х гг. Фото с сайта «Блокнот»

¹² Воронин Александр Константинович // Проект. Царицынское Генеалогическое Общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gen-volga.ru/alf/v.htm> (дата обращения: 21.11.2024).

¹³ Воронины – «Наследие выдающихся предпринимателей России» [Электронный ресурс]. URL: <https://росбизнеснаследие.рф/voroniny> (дата обращения: 21.11.2024).

¹⁴ Шкода Р. Дворец Воронина // Царицын.рф [Электронный ресурс]. URL: <http://царицын.рф/2022/10/815-dvorec-voronina.html> (дата обращения: 21.11.2024).

В годы Первой мировой войны больничные палаты во дворце были размещены в двух просторных светлых залах; были и специальные комнаты – перевязочная, ванная и для дежурного персонала. «Все кровати с сетками, матрасы из морской травы, подушки пуховые. Около каждой кровати стоит изящный столик. Большой парадный зал с колоннами, отделанными мрамором, и с двумя колоссальнейшими люстрами, отведен под столовую. В то же время он служит и местом для прогулок больных»¹⁵. В штате лазарета состояли врач, две сестры милосердия и четыре представительницы младшего медперсонала, так называемые «хожалки» (сиделки).

Царицынский Дамский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам начал действовать уже 3 августа 1914 г., его основной костяк составляли жены царицынских коммерсантов. Помимо создания пошивочной мастерской для обеспечения постельным бельем раненых и больных, находившихся на излечении в стационарах города, большой заслугой женщин-участниц Комитета стала организация в Царицыне двух лазаретов на 65 койко-мест¹⁶. Открытие лазаретов состоялось за счет пожертвований обычных горожан, коммерсантов и служащих торговых товариществ. Оснащение лазаретов предполагало наличие всех необходимых основных и подсобных помещений, что и было организовано. Согласно сведениям отчета Комитета, лазареты располагали больничными палатами, отапливаемыми «голландскими печами», ванными комнатами, прачечными, кухнями и столовыми, разумеется, перевязочными и операционными кабинетами, помещением для докторов и сестер милосердия. Важным фактом стало то, что оба здания под лазареты Дамский комитет получил на безвозмездной основе: один – от коммерсантов, второй – от офицеров 187-го Аварского полка (бывшее здание Офицерского собрания)¹⁷. В стационарах работали шесть докторов, причем бесплатно, в качестве волонтеров, совмещая эту деятельность с частной врачебной практикой. На содержание «именных коек» в двух лазаретах за полтора года их существования от частных лиц и учреждений поступило 14 375,89 руб.¹⁸, причем около половины (45 %) этой суммы составляли средства от специально образованных целевых капиталов. Например, гласным думы коммерсантом Г.Н. Серебряковым был учрежден неприкосновенный капитал в 6 812 руб.¹⁹

Интересным фактом можно считать то, что «на нужды лазарета № 1» было пожертвовано самих коек «10 единиц с полным оборудованием» и постельными принадлежностями – все это фактически составило «именную палату» благотворителя Г.Н. Серебрякова, содержание которой оплачивалось с процентов сформированного целевого капитала.

Григорий Нестерович Серебряков – один из богатейших представителей делового мира Нижнего и Среднего Поволжья. Он стал соучредителем акционерной фирмы «Братья Г. и А. Серебряковы», в состав которой входили крупный завод металлических изделий, конфетная и карандашная фабрики, а ее основной капитал и годовое производство составляли по 2 млн руб.²⁰ Семье принадлежало также крупное мукомольное предприятие. Продукция металлзавода братьев Серебряковых – проволока, оцинкованные канаты, шайбы, цепи, различные сорта гвоздей – была хорошо известна в деловых кругах Саратова, Екатеринославля, Москвы и Петербурга, Одессы. В то же время Г.Н. Серебряков был гласным городского думского собрания, влиятельным общественным деятелем и щедрым благотворителем. Возглавляя попечительный совет коммерческого училища, он пожертвовал в военный 1915 г. неприкосновенный капитал в 1 300 руб. на учреждение стипендии имени

¹⁵ Шкода Р. Дворец Воронина...

¹⁶ Отчет «Царицынского Дамского Комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам». С 5-го августа 1914 г. по 1-е января 1916 г. Царицын. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 35.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 22.

²⁰ Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914. С. 158.

своего сына Григория. Стипендия лучшим, но несостоятельным ученикам выдавалась из процентов с этой суммы²¹.

В разгар Первой мировой войны, в июне 1915 г., когда многие семьи потеряли на фронте своих кормильцев, Г.Н. Серебряков сделал городу очередной подарок – передал в его распоряжение большое двухэтажное здание каменной постройки для размещения в нем солдатских вдов и семей беженцев (так называемый «дом бесплатных квартир»). Для содержания бесплатных квартир также был учрежден «вечный капитал». Этот дом для малоимущих предоставлял минимальные, но все же удобства для проживания: в нем находились «небольшая комната, общая кухня и умывальня, помещение для сушки одежды, холодная кладовая, отопление, канализация»²². Городская дума высоко оценила этот поступок – жилое здание получило название «Городской дом имени потомственного почетного гражданина Г.Н. Серебрякова»²³.

Еще один представитель деловой элиты Поволжья Василий Федорович Лапшин, владелец крупной волжской пароходной компании «Русь» и четырех предприятий различных профилей деятельности, в прошлом дважды избирался городским головой Царицына. В.Ф. Лапшину принадлежала не только крупная недвижимость в городской черте, оцененная на 1 сентября 1914 г. на более чем 260 тыс. руб., но и земельные угодья: сады, огороды, животноводческая ферма, несколько поместий в окрестностях города²⁴. Его компании процветали, что позволяло предпринимателю великодушно заниматься филантропией. Адресные стипендии на проценты с целевого капитала имени Василия Лапшина выдавались ученикам в ремесленном училище с 1912 г. Во время Первой мировой войны коммерсант открыл ремесленную школу при одном из собственных лесопильных заводов для мальчиков-сирот, отцы которых погибли на фронте. Преследовалась важная цель: научить ребят необходимому во взрослой жизни ремеслу – раскройщика древесины, бондаря, шлифовщика по дереву и др. Сам хозяин возглавил попечительный совет и учредил именную стипендию для нескольких учеников-сирот.

В 1915 г. потомственным почетным гражданином В.Ф. Лапшиным в южном пригороде Царицына – Бекетовке (ныне Кировский район Волгограда) рядом с рабочим поселком двух лесопильных заводов хозяина была построена церковь во имя святой мученицы Параскевы Пятницы, почитаемой в народе как заступницу или покровительницу замужних женщин, семьи и брака. Строительство церкви также было осуществлено с помощью целевого фонда, образованного для воплощения данного проекта. В современном Волгограде относительно уцелели всего два старых православных храма, один из них – церковь, построенная на средства благотворителя В.Ф. Лапшина. В 1991 г. в ней вновь начались службы, хотя реставрация проходила до 1995 г. Сохранилась и добрая память о коммерсанте, и благодарность ему от прихожан.

Таким образом, в годы Первой мировой войны филантропические практики приобрели массовый характер в российском социуме. Соотечественники отвечали благотворительными пожертвованиями на призывы и воззвания властей о помощи армии, раненым воинам и гражданам, пострадавшим от военных действий. Наряду с самой распространенной формой поддержки – публичными сборами денежных средств «в кружках», по подписным листам и квитанционным книжкам, получили распространение и новые виды помощи – «именные койки» и палаты. Организовывались также полностью оснащенные и оборудованные лазареты, функционировавшие на проценты с целевых капиталов жертвователей. Не менее важными были другие формы помощи – открытие швейных мастерских для пошива белья, одеял для раненых. Несмотря на то, что общество сконцентрировалось на обеспечении военных нужд страны, оно не забывало и о других насущных проблемах, в частности

²¹ Именная стипендия // Царицынский вестник. 1915. 3 июля. С. 3.

²² Кондрашова Г.П. Доходные дома: история становления и перспективы развития для решения жилищной проблемы России и Украины // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2013. № 8. С. 20.

²³ Именная стипендия // Царицынский вестник. 1915. 3 июля. С. 3.

²⁴ Лапшин Василий Федорович. Проект. Царицынское Генеалогическое Общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gen-volga.ru/alf/1.htm> (дата обращения: 22.11.2024).

о развитии образовательных учреждений. Частные пожертвования коммерсантов, реже – представителей других слоев населения, стали традиционной основой для именных стипендионных фондов в форме неприкосновенных капиталов с целью поощрения успешных, но несостоятельных учеников.

Литература

Волошина А.В. Целевой капитал как средство развития социальной инфраструктуры дореволюционной Москвы (на примере городских больниц) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13, № 4. С. 26–41.

Гусейнова Ф.Н. Деятельность благотворительных организаций на Дону: к 100-летию образования комитетов по оказанию помощи больным и раненым в годы Первой мировой войны // Журнал фундаментальной медицины и биологии. Юбилейные статьи. 2014. № 3. С. 58–60.

Кондрашова Г.П. Доходные дома: история становления и перспективы развития для решения жилищной проблемы России и Украины // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2013. № 8. С. 18–26.

Криворучко А.А. Первая мировая война: итоги и уроки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 4 (788). С. 140–155.

Лепкова Е.А. Медицинская помощь военнослужащим русской армии в период Первой мировой войны (по материалам г. Царицына) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5 (29). С. 104–112.

Поршнева О.С. «Настроение 1914 года»: к переосмыслению историографической метафоры (Россия и Запад) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 2. С. 39–50.

Туманова А.С. Организация помощи фронту и жертвам войны как результат совместных усилий власти и гражданского общества в годы Первой мировой войны: институциональный и правовой аспекты // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 34–40.

Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. Сер.: Первая мировая. Великая. 1914–1918. 336 с.

Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. М.: Институт Российской истории РАН, 2014. С. 230–237.

References

Guseynova, F.N. (2014). Deyatel'nost' blagotvoritel'nyh organizatsiy na Donu: k 100-letiyu obrazovaniya komitetov po okazaniyu pomoshchi bol'nyim i ranenym v gody Pervoy mirovoy voyny. Yubileynye stat'i [Activities of Charitable Organizations on the Don: On the Occasion of the 100th Anniversary of the Formation of Committees for the Care of the Sick and Wounded during the World War I]. In *Zhurnal fundamental'noy meditsiny i biologii*. No. 3, pp. 58–60.

Kondrashova, G.P. (2013). Dohodnye doma: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya dlya resheniya zhilishchnoy problemy Rossii i Ukrainy [Profitable Houses: History of Formation and Development Prospects for Solving the Housing Problem of Russia and Ukraine]. In *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii*. No. 8, pp. 18–26.

Krivoruchko, A.A. (2017). Pervaya mirovaya voina: itogi i uroki [The First World War: Results and Lessons]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*. Vol. 4 (788), pp. 140–155.

Lepkova, E.A. (2014). Meditsinskaya pomoshch voennosluzhashchim russkoy armii v period Pervoy mirovoy voyny (po materialam g. Tsaritsyna) [Medical Assistance to Russian Army

Soldiers during the First World War (Based on Materials from Tsaritsyn)]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 5 (29), pp. 104–112.

Porshneva, O.S. (2008). “Nastroenie 1914 goda”: k pereosmysleniyu istoriograficheskoy metafory (Rossiya i Zapad) [“The Mood of 1914”: Towards a Rethinking of a Historiographic Metaphor (Russia and the West)]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Istoriya Rossii*. No. 2, pp. 39–50.

Tumanova, A.S. (2012). Organizatsiya pomoshchi frontu i zhertvam voyny kak rezultat sovmestnykh usilий vlasti i grazhdanskogo obshchestva v gody Pervoy mirovoy voyny: institutsionalnyy i pravovoy aspekty [Organization of Assistance to the Front and War Victims as a Result of Joint Efforts of the Government and Civil Society during the World War I: Institutional and Legal Aspects]. In *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. No. 4, pp. 34–40.

Tumanova, A.S. (2014). *Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral’ 1917 g.)* [Public Organizations of Russia in the Years of World War I (1914 – February, 1917)]. Moscow, ROSSPEN. 327 p.

Ulyanova, G.N. (2014). Blagotvoritel’naya pomoshch’ obshchestva zhertvam voyny v 1914–1918 gg. [The Charitable Help of Society to the Victims of War in 1914–1918]. In *Rossiya v gody Pervoy mirovoy vojny, 1914–1918. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, pp. 230–237.

Voloshina, A.V. (2022). Tselevoy kapital kak sredstvo razvitiya sotsial’noy infrastruktury dorevolutsionnoy Moskvy (na primere gorodskih bol’nits) [Target Capital as a Means of Developing the Social Infrastructure of Pre-Revolutionary Moscow (Using the Example of City Hospitals)]. In *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul’tury, smysly*. Vol. 13, No. 4, pp. 26–41.

С.Ю. Лавренчук*

ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ:
«ВЕЧНЫЙ ВКЛАД» КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ
РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМИ
КУПЦАМИ-БЛАГОТВОРИТЕЛЯМИ БУШТУЕВЫМИ

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-18
УДК 364.056.2(470.23-25)"18/1917"

Выходные данные для цитирования:

Лавренчук С.Ю. От поколения к поколению: «вечный вклад» как один из инструментов решения социальных проблем Санкт-Петербургскими купцами-благотворителями Буштуевыми // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 261–276. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-18.pdf>

S.Yu. Lavrenchuk*

FROM GENERATION TO GENERATION:
THE "ETERNAL DEPOSIT" AS ONE OF THE TOOLS
FOR SOLVING SOCIAL PROBLEMS BY ST. PETERSBURG
PHILANTHROPISTS AND MERCHANT BUSHTUEVS

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-18

How to cite:

Lavrenchuk S.Yu. From Generation to Generation: the "Eternal Deposit" as One of the Tools for Solving Social Problems by St. Petersburg Philanthropists and Merchant Bushtuevs // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 261–276. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-18.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the family charity projects of the St. Petersburg merchants Bushtuevs and the use of untouchable capital in these projects. Attention is drawn to the possible origins and prototypes of the family charity projects of the late 19th – early 20th century both in this family historical homeland and in St. Petersburg. The article highlights the social conditions, challenges, and problems that led to the implementation of various socially significant initiatives involving untouchable capital, such as the establishment of a parish school, a children's shelter, and initiatives by local associations involving the Bushtuevs (the Yaroslavl Charity Society and the Society for Assistance to the Natives of Uglich and Its District in St. Petersburg). Based on the analysis of a large body of business documentation created by social institutions organized with the help of target capital, the article provides both a detailed description of the economic aspect of the issue (including detailed data on the revenue and expenditure items of the implemented projects and their comparison), as well as an overview of its semantic, symbolic, and value aspects. It is emphasized that despite the inability to continue the tradition of participation in charity after 1918, the family idea to help developing education, social service, and honoring ancestors has continued in the Bushtuevs' descendants to nowadays.

Keywords: charity, merchants, St. Petersburg merchants Bushtuevs, Pokrovskoye village of Uglich uyesd, the shelter in memory of G.S. Bushtuev, family values and traditions, target capital.

The article has been received by the editor on 29.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Светлана Юрьевна Лавренчук**, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия; Русское генеалогическое общество, Санкт-Петербург, Россия e-mail: svet.lavrenchuk@yandex.ru

Svetlana Yurievna Lavrenchuk, Candidate of Psychological Sciences, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia; Russian Genealogical Society, St. Petersburg, Russia, e-mail: svet.lavrenchuk@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена семейным благотворительным проектам Санкт-Петербургских купцов Буштуевых и использованию в этих проектах неприкосновенного капитала. Обращено внимание на возможные истоки и прообразы XVIII – начала XIX в. проектов семейной благотворительности конца XIX – начала XX в. как на исторической родине этого семейства, так и в Санкт-Петербурге. Освещаются социальные условия, вызовы и проблемы, ответом на которые стало воплощение того или иного социально значимого начинания с привлечением неприкосновенного капитала: церковно-приходской школы, детского приюта, инициативы земляческих объединений, в которых участвовали Буштуевы (Ярославского благотворительного общества и Общества вспомоществования уроженцам г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге). На основании глубокого изучения и анализа корпуса архивных, делопроизводственных документов и периодических изданий того времени дается как подробное описание экономической стороны вопроса (приводятся подробные данные о доходных и расходных статьях реализуемых проектов, дается их сопоставление), так и освещена смысловая, символическая, ценностная его сторона. Подчеркивается, что невозможность продолжить традицию участия в благотворительности после 1918 г. все же не смогла воспрепятствовать тому, что семейная идея приложения сил на почве просвещения, образования, развития подрастающего поколения, социального служения, почитания предков не угасла в потомках купцов Буштуевых вплоть до наших дней.

Ключевые слова: благотворительность, купечество, петербургские купцы Буштуевы, с. Покровское Угличского уезда, приют в память Г.С. Буштуева, семейные ценности и традиции, целевой капитал.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025 г.

На сегодняшний день в отечественной историографии преимущественно представлены благотворительные проекты отдельных купеческих родов без детального освещения их экономической стороны¹. Это относится и к освещению жизнедеятельности представителей разных поколений известной династии Санкт-Петербургских купцов Буштуевых, которые упоминаются в различных изданиях². Помимо фрагментарного характера, эти упоминания зачастую содержат ошибочную информацию. Эта же проблема присуща и попытке описания истории возникновения связанной с фамилией Буштуевых церковно-приходской школы в с. Покровское Угличского уезда³. Более подробно освещена деятельность поддерживаемых ими земляческих сообществ в Санкт-Петербурге⁴, однако ни экономическая сторона вопроса, ни тем более использование целевых капиталов и здесь не нашли отражения, так же как и вклад отдельных семейств в работу этих объединений и сопоставление их деятельности. Между тем нельзя не согласиться с Н.П. Лигенко, что «изучение отдельных купеческих династий на примере нескольких поколений дает возможность наблюдать поколенные изменения, происходившие в глубине самого сословия, определяемые переплетением

¹ См., например: Краско А.В. Петербургское купечество: страницы семейных историй. М., 2010; Лигенко Н.П. Во благо России: предпринимательская и благотворительная деятельность династии Ушковых // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2004. С. 145–159; и др.

² Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. СПб., 2000; Иерусалимская С.Ю. Возникновение и функционирование церковно-приходских школ в Верхнем Поволжье в конце XIX столетия. По архивным материалам и опубликованным источникам // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 141–158; Керзум А.П., Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я. Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918. Историческая энциклопедия. СПб., 2016; Лурье Л.Я. Соседский капитализм. СПб., 2020.

³ Иерусалимская С.Ю. Возникновение и функционирование церковно-приходских школ...

⁴ Керзум А.П., Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я. Благотворительность в Санкт-Петербурге...; Лурье Л.Я. Питерские. Русский капитализм. Первая попытка. СПб., 2011; Лурье Л.Я. Соседский капитализм...

правовых, демографических, экономических, психологических факторов, в свою очередь тесно связанных с характером и масштабами благотворительной деятельности»⁵.

В данной статье впервые на основе анализа объемного корпуса архивных, делопроизводственных документов и материалов периодической печати подробно рассмотрены семейные благотворительные проекты петербургских купцов Буштуевых с акцентом на их экономической составляющей, а именно на использовании для их реализации неприкосновенного капитала. Мы уже обращались к исследованию феномена формирования и передачи семейной традиции в купеческой среде на примере этого семейства⁶, однако никогда прежде не ставили цель подробно реконструировать механизм формирования и функционирования жертвуемых ими на различные благотворительные инициативы целевых капиталов.

Участие в благотворительных проектах членов семьи Буштуевых и использование в этих проектах неприкосновенного капитала имеют долгую историю. Каменная двухэтажная церковь в с. Покровское Юхотской волости Угличского уезда Ярославской губернии, к приходу которой относится дер. Черные, откуда происходит род Буштуевых, построена в 1779 г. (после того как деревянная сгорела при пожаре в 1773 г.)⁷ «ижданием прихожан». Она имела церковного капитала в процентных бумагах 2 437 руб.⁸, причтового капитала – 3 643 руб. (который, судя по всему, шел на содержание причта)⁹. К благотворительным проектам также могут быть отнесены практиковавшиеся в Юхотской волости в начале XIX в. выплаты 1 % с объявленного «капиталистами» («первостатейными») крестьянами капитала «в пользу бедных» «для платежа за бедных людей оброку и других податей, а за кого именно засчитать оные деньги, рассматривает общество»¹⁰, что также может служить «прообразом» открытых в самом конце XIX в. земляческих обществ в Санкт-Петербурге.

В целях выявления, изучения и описания благотворительных проектов с использованием «вечных вкладов» Санкт-Петербургских купцов Буштуевых нами были рассмотрены «Ярославские епархиальные ведомости», отчеты о состоянии церковно-приходских школ Ярославской епархии, отчеты Ярославского благотворительного общества, отчеты и устав Общества вспомоществования уроженцам г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге, а также единственный сохранившийся финансовый отчет приюта имени Г.С. Буштуева. К сожалению, порядок отражения финансовой отчетности, неполнота представленных в отчетах сведений, касающихся неприкосновенного капитала, а также отсутствие полного комплекта отчетов за весь период функционирования благотворительных проектов существенно ограничивают наши возможности сравнения, анализа и представления данных по теме. При этом был проведен анализ представленной в отчетах Ярославского и Угличского благотворительных обществ финансовой информации в части процентного соотношения различных статей доходов и расходов для лучшего понимания структуры вложений и затрат.

Открытие церковно-приходской школы в с. Покровское Угличского уезда 15 января 1889 г. было не первой попыткой организации народного образования в Юхотской вотчине. По указу ее владельца графа П.Б. Шереметева от 24 июля 1781 г. «всякий христианин для собственной своей пользы должен знать по-русски читать и писать, о чем особливо должны отцы и матери иметь попечение, чтобы дети их в первые годы, когда еще никаким

⁵ Лигенко Н.П. Во благо России... С. 146.

⁶ Гришина Н.В., Лавренчук С.Ю. Ценностные ориентации личности: семья и поколение // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 12. 2008. Вып. № 3. С. 113–123; Лавренчук С.Ю. Проблемы и возможности семейно-поколенческих исследований в психологии // Современные прикладные направления и проблемы психологии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения – 2010». СПб., 2010. С. 240–242; Лавренчук С.Ю. Практика благотворительности купеческой семьи конца XIX – начала XX в. (по материалам фондов благотворительных заведений государственных архивов и отчетов благотворительных обществ Санкт-Петербурга) // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2021. Т. 2. С. 64–69.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 257.

⁸ Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 232.

⁹ Там же. С. 233.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1088. Оп. 1. Д. 902. Л. 3 об. – 4.

работам и промыслам не способны, до десяти лет напрасно в бесполезных играх время не проводили, то оное и употребить на учение грамоте, к чему должны принуждать приходские священники, чтобы они своих детей на наученье выделяли...»¹¹. Никаких пояснений, где должно было проходить обучение детей, указ не содержал. Вероятнее всего, обучение предполагалось проводить в трех церковных домах, которые служили «для жительства священника, дьякона и псаломщика»¹².

13 июня 1884 г. Александр III законодательно утвердил «Правила о церковно-приходских школах», согласно которым школы «имели целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»¹³, а также «внушать детям любовь к церкви и богослужению, дабы посещение церкви и участие в богослужении сделалось привычкой и потребностью сердца учащихся»¹⁴. С этой целью в одноклассных церковно-приходских школах, рассчитанных на двухлетний курс, предполагалось изучение Закона Божьего (молитв, священной истории и объяснений богослужения, краткого катехизиса), церковного пения, чтения и письма, «начальных арифметических сведений»¹⁵. На должности учителей преимущественно принимались лица, получившие образование в духовных учебных заведениях и женских училищах духовного ведомства. До издания «Правил» в Ярославской епархии работало 62 церковно-приходские школы с 1 080 учащимися¹⁶. К началу 1888/1889 учебного года их насчитывалось уже 109, а к его концу число школ увеличилось еще на 24. При этом три из них были открыты «в память чудесного избавления Государя Императора и его Августейшего Семейства от опасности при крушении поезда 17-го октября 1888».

Одной из школ, открытых в честь данного события, стала школа в селе Покровское Юхотской волости, в которой 15 января 1889 г. начали обучение 49 мальчиков и 36 девочек¹⁷. Для этого санкт-петербургский купец Андрей Буштуев «при участии братьев своих Ивана и Гавриила Буштуевых на родине своей устроил новый двухэтажный дом для церковно-приходской школы, а также для помещения местного волостного правления, на устройство какового дома братьями, купцами Буштуевыми, определено из собственных средств до 10 000 руб., а Санкт-Петербургскою купчихою Василисою Смирновой и крестьянскою вдовою Евдокией Сторожиловой пожертвовано по 1 000 рублей каждой; кроме сего строителем А. Буштуевым предположено внести капитал в 4 000 руб. для выдачи процентов с оного на жалование учителю школы; на ремонт же дома и на выдачу платы сторожу приговором прихожан постановлено вносить ежегодно по 100 рублей; на вновь устроенном училищном здании предполагается сделать подпись, соответствующую событию 17 октября»¹⁸.

В связи с тем, что указ от 13 июня 1884 г. предполагал сделать пожертвования прихожан главным средством содержания церковных школ, в отчетах о состоянии церковно-приходских школ Ярославской епархии, публиковавшихся с 1886 г., был введен соответствующий раздел – «Об учреждениях и лицах, содействовавших в материальных нуждах церковно-приходских школ» (со следующего отчетного учебного года – «О средствах содержания церковно-приходских школ и о вознаграждении учащихся»)¹⁹. «Учащими» в отчетах зачастую называли учителей школ.

Ярославские епархиальные ведомости содержали отчеты о посещении, проверке и оценке деятельности школ контролирующими органами: от инспектора народных училищ

¹¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 7. Д. 861. Л. 125.

¹² Там же.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. III. 1884. Т. 4. С. 372.

¹⁴ Там же. С. 373.

¹⁵ Там же. С. 372.

¹⁶ Отчет о состоянии церковно-приходских школ Ярославской епархии за 1885/1886 учебный год. Ярославль, 1886. С. 5.

¹⁷ Ярославские епархиальные ведомости. 1890. № 25 (1 июня). С. 200.

¹⁸ Там же. № 4 (22 янв.). С. 29.

¹⁹ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1885/1886 учебный год... С. 9–12; Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1886/1887 учебный год. Ярославль, 1887. С. 18.

Ф.И. Насилова до ярославского губернатора генерал-лейтенанта А.Я. Фриде. Инспектор отмечал: «Несмотря на недавнее свое существование, школа Покровская во Юхти (Угличского уезда) по постановке учебно-воспитательного дела может считаться образцовою. Школа воспитывает не только детей, но оказывает религиозно-нравственное воздействие на их родителей, которые утром довольно в большом количестве приходят в школу послушать пение и объяснение молитв»²⁰. В конце мая 1893 г. школу посетил начальник Ярославской губернии генерал-лейтенант А.Я. Фриде²¹. Согласно отчету за 1893/1894 учебный год, она была отнесена к школам, «наиболее замечательным в воспитательном и учебном отношении»²².

Буштуевы не ограничились выделением средств на постройку здания и внесением капитала «на вечное время», они продолжили активно оснащать школу – нередко (хотелось бы обойтись без слова «нередко», так как мною указано все, что упоминалось в отчетах) можно встретить такие, например, свидетельства: «От строителя школы Санкт-Петербургского купца А. Буштуева поступило 30 аспидных досок, 48 карандашей, 48 чернильниц и 2 стопы бумаги»²³. Можно предположить, что в том числе и благодаря Буштуевым в 1890 г. церковно-приходская школа в с. Покровское была отнесена к пяти «более или менее достаточных в отношении учебников и учебных пособий» из 123 существовавших на тот момент церковно-приходских школ Ярославской епархии.

Официальным попечителем школы, т.е. лицом, учредившим церковно-приходскую школу на собственные средства и утвержденным епархиальным архиереем в этом звании²⁴ в отчете за 1890/1891 учебный год, значится «санкт-петербургский купец Буштуев»²⁵. Хотя инициалы не указаны, можно предположить, что это старший брат – Андрей Степанович Буштуев. Через 5 лет (в отчете за 1895/1896 учебный год) попечителем школы, после смерти старших братьев, Ивана Степановича в 1892 г. в возрасте 54 лет и Андрея Степановича в 1894 г. в возрасте 58 лет, значится уже младший из братьев – Гаврила Степанович Буштуев²⁶.

Согласно отчетам за 1891/1892 и 1894/1895 гг., с учащихся «Покровской во Юхти» церковно-приходской школы, обеспечивая покрытие части расходов, взималась плата в размере 45 руб. 50 коп. и 51 руб. 50 коп. соответственно, с 1895/1896 учебного года она перестала взиматься. Размер неприкосновенного капитала (и соответственно получаемый с него процент) увеличился с 4 тыс. до 6 тыс. руб., размер вознаграждения «учащего» также вырос с 200 до 260 руб. В отчетах за 1894/1895 и 1895/1896 гг. также отражен ежегодный взнос «от попечителей и благотворителей» в размере 120 руб. В расходной части отражены хозяйственные затраты на содержание школы.

Число обучающихся в школе в с. Покровское также непрерывно росло: от 80 чел. в 1890/1891 учебном году до 133 чел. в 1896/1897 учебном году. Рост учеников происходил за счет числа мальчиков (в 2 раза). Вероятно, это было связано с получаемыми льготами по отбыванию воинской повинности, которые давали свидетельства окончивших курс и прошедших испытания согласно установленным «Правилам»²⁷. В целом в Ярославской епархии в 1899/1900 учебном году насчитывалось 565 церковно-приходских школ, т.е. за 15 лет после издания «Правил» в 1884 г. их число выросло почти в 10 раз. Кроме того, помимо церковно-приходских школ, существовало еще 426 земских школ. Это позволило констатировать,

²⁰ Ярославские епархиальные ведомости. 1890. № 22 (28 мая). С. 174.

²¹ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... 1892/1893 учебный год. Ярославль, 1893. С. 232.

²² Там же. С. 221.

²³ Ярославские епархиальные ведомости. 1890. № 13 (23 марта). С. 104.

²⁴ ПСЗ РИ. Собр. III. Т. 4. № 2318. С. 373.

²⁵ Отчет о состоянии церковно-приходских и домашних школ Ярославской епархии за 1890/1891 учебный год. Ярославль, 1891. С. 22.

²⁶ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1895/1896 учебный год... С. 34.

²⁷ ПСЗ РИ. Собр. III. Т. 4. № 2318. С. 373.

что «крайние образовательные нужды Ярославской епархии можно считать в настоящее время удовлетворенными»²⁸.

Также была отмечена роль церковно-приходских школ и в более широком смысле: «Они поставляют население в более близкую и настоящую связь с Православной церковью, ее Богослужением и храмами, являются рассадником нравственности в народе. Школьные здания, устроенные большей частью вблизи храмов, становятся по воскресным и праздничным дням местом собрания прихожан. Научаемые в школах правилам нравственности, дети приносят из школы доброе нравственное влияние в свои семьи. Пробужденный школою в детях интерес к книгам, особенно религиозно-нравственного и исторического содержания, сообщается и другим взрослым членам крестьянских семейств»²⁹.

Из года в год церковно-приходская школа в с. Покровское решала и другие более утилитарные задачи. Если в 1890/1891 учебном году при ней существовал только ночлежный приют³⁰, то в 1911/1912 г. – уже общежитие на 10 человек, в котором «живущие пользуются полным готовым содержанием»³¹. В отчете за 1892/1893 учебный год отмечается наличие «правильно организованного хора, участвовавшего в Богослужениях в приходских храмах по воскресным и праздничным дням и своим согласным и стройным пением привлекавшего сюда массу богомольцев»³². В отчете за следующий – 1893/1894 учебный год подчеркнуто наличие школьной библиотеки, в которой насчитывалось более 100 экземпляров книг религиозно-нравственного и исторического содержания для внеклассного чтения; библиотека эта возникла благодаря пожертвованиям, поступавшим от различных учреждений и частных лиц, благотворителей и попечителей, а также журналов «Кормчий» и «Сельский вестник»³³. В 1901/1902 учебном году отмечалось «устройство» при школе ежемесячных религиозно-нравственных чтений, своего рода досуговых мероприятий, которые «чрезвычайно нравятся народу, желающему свободный праздничный отдых посвятить на какое-либо полезное дело в религиозно-бытовом и нравственном значении». При этом фонари со световыми картинками, показ которых сопровождал чтения, также были приобретены попечителями школы³⁴. С 1908/1909 г. в отчетах обращается особое внимание на снабжение учащихся горячей пищей, которое «входит в школьный обиход очень медленно, большинство учащихся питается сухоядением, что приносят с собой из дому»³⁵. В отчете за 1913/14 учебный год уточняется, что в церковно-приходской школе в с. Покровское «горячий приварок или вместо него чай давался во время большой перемены на средства И.Г. Буштуева»³⁶.

После смерти в 1897 г. Гавриила Степановича Буштуева, который был указан попечителем школы в отчете за 1895/1896 учебный год, его место занял его единственный сын – Иван Гаврилович Буштуев. Чтобы увековечить память отца, в марте 1898 г. он учредил товарищество на вере, приобретя «от сонаследников в собственность торговлю его фруктами и бакалейными товарами в Санкт-Петербурге и для сего учреждено нами товарищество на вере под собственным моим именем Иван Буштуев и К в память покойного под фирмою Гавриил Степанович Буштуев». Как свидетельствуют документальные источники, другим основанием для выбора такого названия своего дела было желание получить «благодарное внимание и доверие, каким пользовался покойный Гавриил Степанович Буштуев»³⁷.

Последние годы XIX в. ознаменовались новой тенденцией в организации благотворительности – созданием земляческих обществ, что было связано в первую очередь со всевозрастающим притоком в Санкт-Петербург крестьян из других губерний (к началу XX в. насе-

²⁸ Отчет о состоянии церковно-приходских и домашних школ ... за 1889/1890 учебный год. Ярославль, 1890. С. 34.

²⁹ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1889/1900 учебный год. Ярославль, 1900. С. 30.

³⁰ Отчет о состоянии церковно-приходских и домашних ... за 1890/1891 учебный год. Ярославль, 1891. С. 83.

³¹ Отчет о состоянии церковно-приходских и домашних ... за 1911/1912 учебный год. Ярославль, 1912. С. 21.

³² Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1892/1893 учебный год. Ярославль, 1893. С. 218.

³³ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1893/1894 учебный год. Ярославль, 1894. С. 223–225.

³⁴ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1901/1902 учебный год. Ярославль, 1902. С. 91.

³⁵ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1910/1911 учебный год. Ярославль, 1911. С. 18.

³⁶ Отчет о состоянии церковно-приходских школ ... за 1913/1914 учебный год. Ярославль, 1914. С. 18.

³⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 221. Оп. 1. Д. 739. Л. 6.

ление Санкт-Петербурга на 80 % состояло из приезжих³⁸) и связанными с этим социальными проблемами. На рубеже XIX–XX вв. в отходе находилось 93 % мужиков Ярославской губернии³⁹. Возможно, в связи с этим Ярославское благотворительное общество было открыто первым из земляческих обществ 28 декабря 1897 г., а также стало самым влиятельным и представительным из них, «эталон и предмет зависти и подражания»⁴⁰. На 69,8 % оно состояло из торговцев и владельцев трактиров⁴¹, а его главой был избран Иван Семенович Крючков, председатель Санкт-Петербургской купеческой управы.

Мысль об учреждении в столице благотворительного общества возникла среди ярославцев в связи с празднованием в 1893 г. 50-летнего юбилея ярославского архипастыря. Проживавшие в Санкт-Петербурге ярославцы «с необыкновенным единодушием сплотились в одну дружную семью»⁴². Семь представителей «клана купцов Буштуевых»⁴³ стали членами Общества: в качестве пожизненного члена со взносом в 100 руб. в него вступил Василий Андреевич (старший сын строителя и первого попечителя церковно-приходской школы в с. Покровское Андрея Степановича Буштуева), действительными членами стали – вдова А.С. Буштуева Анна Петровна (со взносом в 10 руб.), вдова Ивана Степановича, среднего брата, Анна Васильевна (со взносом в 5 руб.) и два ее старших сына – Павел и Степан Ивановичи (со взносом в 10 руб.). С первого дня существования Общества большинство из них также стали членами-попечителями, занимавшимися не только сбором членских взносов и организацией танцевальных вечеров, которые приносили наибольший доход, но и обстоятельным обследованием бедняков в целях принятия решения об оказании им помощи, так как число подаваемых прошений существенно превышало возможности Общества.

Из 59 человек членов-попечителей Ярославского благотворительного общества при его открытии четверо были Буштуевыми: старшие сыновья всех трех братьев-устроителей церковно-приходской школы в с. Покровское – Василий Андреевич, Павел Иванович и Иван Гаврилович, а также вдова Андрея Степановича – Анна Петровна. На следующий после открытия Общества год Анна Васильевна и Анна Петровна отмечены среди жертвователей средств на устройство приюта (25 и 100 руб. соответственно), а к действительным членам Общества присоединилась жена Степана Ивановича – Евдокия Ивановна, в 1901 г. – Анна Гавриловна (вдова Гавриила Степановича, младшего из братьев старшего поколения, строителя и попечителя церковно-приходской школы в с. Покровское) и его сын Иван Гаврилович. С 1902 г. Иван Гаврилович стал также членом-попечителем, а с 1903 г. – пожизненным членом Общества. Считалось, что «далеко не все могут благотворить на родине. Только при больших личных средствах возможно самому строить на родине церкви, устраивать школы и тому подобное»⁴⁴, оказание помощи землякам через земляческое благотворительное общество выступало посильной альтернативой. Ярославское благотворительное общество ставило целью «доставление помощи нуждающимся ярославцам, проживающим в Санкт-Петербурге». В целом «заботы и попечение о подрастающем поколении, о высылаемых ежегодно с родины в весьма значительном числе в учение и на заработки “мальчишках” по мысли учредителей Ярославского благотворительного Общества должны составлять одну из существенных задач»⁴⁵.

Чтобы принять решение, куда в первую очередь должна направляться помощь, Ярославское благотворительное общество провело исследование. Выяснилось, что «наиболее затруднений и лишений испытывают бедные вдовы, обремененные малолетними детьми, лишаящими их возможности снискивать пропитание заработком. За недостатком

³⁸ Лурье Л. Питерщики... С. 11.

³⁹ Смирнова Г.К. Неземледельческий отход крестьян Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1954. С. 7–12.

⁴⁰ Лурье Л. Питерщики... С. 219.

⁴¹ Там же. С. 221.

⁴² Ярославское благотворительное общество в Санкт-Петербурге. СПб., 1898. С. 3.

⁴³ Лурье Л. Соседский капитализм... С. 79.

⁴⁴ Отчет Ярославского благотворительного общества за 1901 год. СПб., 1902. С. 57.

⁴⁵ Ярославское благотворительное общество в Санкт-Петербурге. СПб., 1898. С. 7.

и переполнением существующих в столице детских приютов просьбы бедных вдов, особенно из крестьян, о помещении их детей в приют весьма часто оставляются без удовлетворения». Наметив в общих чертах план устройства небольшого приюта на 20 мальчиков-сирот, правление обратилось к членам Общества с приглашением к пожертвованиям. Председатель Общества И.С. Крючков предоставил бесплатное помещение для приюта (шесть комнат с кухней и передней на солнечной стороне на первом этаже с парадным входом) в своем доме на петербургской стороне. В связи с этим правление Общества решило устроить приют уже на 30 детей, особенно ввиду продолжавшегося притока пожертвований, и открыло его 30 декабря 1899 г.⁴⁶

В 1901 г. в приюте находилось 24 ребенка, в 1906 г. – 28 детей. Все выходившие из приюта по достижении предельного возраста дети снабжались бельем, платьем и обувью, а их матерям или назначалось ежемесячное пособие, или принимались в приют их другие подходящие по возрасту ребята. Просьб о принятии в приют поступало значительно больше, чем могло быть удовлетворено: примерно 80 % ходатайств отклонялось за неимением вакансий, однако всем просителям назначалось ежемесячное пособие. Просьбы о принятии детей в приют проверялись по местам жительства просителей местными попечителями или другими членами Общества по поручению правления, после чего письменные или личные доклады попечителей и их заключения обсуждались на его заседаниях⁴⁷.

В ежегодных отчетах публиковались сметы поступлений и расходов на следующий год, которые утверждались общим собранием, а также денежные отчеты. Так, к 1 января 1902 г. в распоряжении Общества состояло 39 808,18 руб. Почти 40 % от этой суммы составлял неприкосновенный капитал – 14 520 руб., запасной – 8 тыс. руб., на содержание приюта – 6 346,49 руб., расходный – 10 473,21 руб.⁴⁸ Через два года, к 1904 г., принадлежавшие Обществу денежные средства возросли до 58 965,28 руб., на треть вырос неприкосновенный капитал – до 19 420 руб.; запасной капитал составлял 22 тыс. руб., средства на содержание приюта – 2 132,58 руб.⁴⁹ При этом неприкосновенный капитал образовывался из взносов почетных и пожизненных членов. Составленная на 1903 г. смета выделяла 13 150 руб. на расходы, в том числе на ежемесячные пособия – 4 тыс. руб., на единовременные – 1 500 руб., на содержание детского приюта – 2 700 руб., на устройство и содержание народной столовой и убежища для мальчиков или яслей – 2 тыс. руб. Эти расходы обеспечивались следующими поступлениями: взносами пожизненных членов – 700 руб., действительных членов – 4 тыс. руб., пожертвованиями на приют – 150 руб., прибылью от вечеров – 3 500 руб., единовременными пожертвованиями – 300 руб., процентами на капитал общества – 1 800 руб., пожертвованиями по подписным листам к праздникам – 1 500 руб., прибылью от жетонов – 200 руб., кружечным сбором – 1 000 руб.⁵⁰ Таким образом, судя по отчетам Общества, проценты от неприкосновенного капитала шли не на какие-то конкретные цели, а учитывались в общей массе доходов.

В более поздние годы существования Общества практиковалось представление финансовой отчетности нарастающим итогом, что дает возможность проанализировать структуру доходов и расходов за 10 лет – с 1898 по 1907 г. При общем приходе в 190 768,42 руб. шесть из 17 наиболее существенных статей доходов, составлявших 60 % от общей суммы, приходились на взносы действительных членов (39 134,15 руб.), прибыль от вечеров (39 057,38 руб.), процент от капитала Общества (16 965,04 руб.), пожертвования по подписным листам (15 627,48 руб.). Расходы в целом составляли 109 728,90 руб., из них три основные статьи (80 % от всех трат) – пособия ежемесячные и единовременные

⁴⁶ Отчет Ярославского благотворительного общества за 1899 г., 2-й год. СПб., 1900. С. 33

⁴⁷ Отчет Ярославского благотворительного общества за 1901 г., 4-й год. СПб., 1902. С. 31; Отчет Ярославского благотворительного общества за 1906 г., 9-й год. СПб., 1910. С. 33.

⁴⁸ Отчет Ярославского благотворительного общества за 1902 г., 5-й год. СПб., 1903. С. 52.

⁴⁹ Отчет Ярославского благотворительного общества за 1904 г., 7-й год. СПб., 1903. С. 50.

⁵⁰ Отчет Ярославского благотворительного общества за 1902 г. ... С. 22.

(44 108,86 руб.), содержание Ярославского приюта (28 775,42 руб.), содержание столовой и убежища (13 742,12 руб.)⁵¹.

В отчете за 1913 г. также представлена общая сумма в 68 639,49 руб., которые пошли на разные виды выплат с 1898 по 1913 г., в том числе на три вида пособий (82 % всех затрат): ежемесячные (34 838,50 руб. – 51 %), единовременные (15 043,05 руб. – 22 %) и на отправку на родину (293,72 – 9 %)⁵². В сводном отчете также указано количество просьб, удовлетворенных и отклоненных за 1898–1909 гг., причем с разбивкой по уездам: из 17 700 удовлетворено 77 % (13 606).

Данные отчетов, на наш взгляд, особенно хорошо помогают оценить (через сравнение) деятельность другого земляческого общества, созданного практически в то же время, – Общества вспомоществования уроженцам г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге.

Хотя это Общество декларировало своей целью «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных г. Углича и уезда его без различия пола и возраста, звания, состояния и вероисповедания»⁵³, при подведении итогов за 12 лет существования отмечалось, что «помогали воинам во время войны, на воздушный флот, на училища, пострадавшим от землетрясения, славянам в текущую войну», отправляли «в армию табак и трубки», помогали голодающим в г. Сызрань, «бедным парижанам, пострадавшим от наводнения»⁵⁴ и т.д. Таким образом, изначально декларируемое назначение помощи фактически не соблюдалось.

Согласно уставу, все поступающие в Общество суммы по своему назначению подразделялись на неприкосновенный и расходный капиталы. Неприкосновенный капитал составлялся из пожертвований и других взносов, сделанных под условием неприкосновенности, а равно 8 % отчисляемых со всех доходов Общества. Расходный капитал образовывался из всех прочих сумм, а также из процентов с неприкосновенного капитала. Капиталы Общества по мере накопления обращались в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги и хранились в учреждениях Государственного банка, в сберегательных кассах и казначействах, производящих банковские операции, туда же вносился на расчетный счет и расходный капитал, который мог также «храниться на книжке Сберегательной кассы». На руках у казначея могли находиться лишь незначительные суммы, необходимые на текущие расходы. Размер этих сумм определялся общим собранием. Расходование сумм производилось не иначе как с разрешения Общего собрания членов по смете его, составлявшейся один раз в год⁵⁵. При сопоставлении утвержденных общим собранием приходно-расходных смет с приведенными фактическими расходами можно выявить определенную закономерность: планируемая структура расходов (64 % на благотворительность и 36 % на канцелярские расходы) в действительности имела обратную пропорцию. При подсчете за четыре года (с 1902 по 1906 г.) на благотворительность было потрачено 1 815,20 руб. (47 % от всех расходов Общества), на канцелярские расходы – 2 085,72 руб. (53 %)⁵⁶. В отчете за 12 лет деятельности Общества указано, что на пособия за это время было потрачено 6 тыс. руб., а на «другие нужды» – 8 тыс. руб.⁵⁷ Таким образом, отмеченная тенденция сохранялась и далее.

Что касается прихода денежных средств, то, например, за четвертый отчетный год они составили 4 102 руб. 99,3 коп., основными статьями при этом являлись: членские взносы –

⁵¹ Отчет Ярославского благотворительного общества за 1907 г., 10-й год. СПб., 1908. С. 52–55.

⁵² Отчет Ярославского благотворительного общества за 1913 г., 16-й год. СПб., 1914. С. 36.

⁵³ Устав Общества вспомоществования уроженцам г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге. СПб., 1901. С. 1.

⁵⁴ Отчет Общества Отчет Общества вспомоществования уроженцам г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге за 1911–1912 г. СПб., 1912. С. 1; Отчет Общества ... за 1906–1907 г. СПб., 1907. С. 8; Отчет Общества ... за 1909–1910 г. СПб., 1910. С. 24.

⁵⁵ Устав Общества вспомоществования уроженцам г. Углича... С. 5.

⁵⁶ Отчет Общества ... за 1902–1903 г., СПб., 1903. С. 24–26; Отчет Общества ... за 1904–1905 г. СПб., 1905. С. 24–26; Отчет Общества ... за 1905–1906 г. СПб., 1906 г. С. 24–25; Отчет Общества ... за 1906–1907. СПб., 1907. С. 24–26.

⁵⁷ Отчет Общества ... за 1911–1912 г. ... С. 2.

1 003 р. (25 % от общей суммы), от показа спектаклей – 825,51 руб. (20 %), процент с капитала – 459,12 руб. (11 %)⁵⁸.

На протяжении 15 лет Общество во главе со своим председателем Л.Ф. Соловьевым – петербургским домовладельцем и литератором, автором ряда сочинений («Краткая история Углича», «300-летие открытия св. мощей царевича Дмитрия, князя Угличского», «Тайны Петербургской стороны»), собирало деньги на открытие приюта, из года в год декларируя эту задачу как основную: «Заветная мечта Общества – открытие приюта во имя Святого Царевича Дмитрия, Князя Угличского»⁵⁹. На шестой год существования Общества для этих целей был куплен дом, в котором и «предполагалось устроить приют и убежище во имя Святого Царевича Дмитрия, Князя Угличского и поместить в оном Правление Общества»⁶⁰, которое до этого времени располагалось в собственном доме Соловьева на ул. Шамшева, 10.

Однако, несмотря на это, «вопрос об открытии приюта отложен до благоприятного времени ввиду того, что помещений при общественном доме недостаточно для приюта, а расширить его невозможно по недостатку средств, для изыскания которых выбрана особая комиссия из компетентных в этом лиц»⁶¹. Финансовые отчеты показывают, что несколько квартир в доме сдавались внаем, но вся полученная плата шла на его содержание⁶². Дальнейшая продажа дома на Покровской улице за 15 тыс. руб. и приобретение нового, большего, на Крестовском острове на ул. Владимирской (№ 4) «с землею в 417 квадратных сажень» за 25 тыс. руб. также не решила вопроса с открытием приюта. Он был снят с повестки дня и к нему более не возвращались. Полученные за сдачу шести квартир уже в новом доме в 1914 г. 1 813 руб. так же полностью пошли на расходы по обслуживанию дома. Жалование дворнику, например, составило 264 руб., что практически соответствовало расходам на благотворительность – 276 руб. в том же году⁶³.

Если в Ярославском благотворительном обществе состояло восемь представителей «клана» Буштуевых, причем поровну мужчин и женщин, то в Угличском – только Иван Гавриилович Буштуев – с 1904/1905 (четвертый год существования Общества) по 1909–1910 (девятый год), т.е. всего 5 лет. В 1915 г., за несколько лет до закрытия Общества, в него вступил Василий Андреевич Буштуев. Таким образом, за все время существования данного общества Буштуевы присутствовали в нем лишь эпизодически.

Одной из причин, по которым Иван Гавриилович Буштуев решил открыть собственный детский приют в Санкт-Петербурге на ул. Шамшева, 17, стало его желание «увековечить память о своем отце» не только в названии своей торговой фирмы. Другое обоснование этого шага дано его вдовой Анной Николаевной Буштуевой в 1929 г. при попытке восстановления в правах, которых ее лишили в связи с тем, что до 1918 г. она была «женой торговца и домовладельца»: «Как умерший муж мой Иван Гавриилович, так и я были идеалистами, никогда не отказывая обращающимся к нам вдовам и сиротам. Чтобы наша помощь была рациональнее, мы устроили приют в память отца моего мужа»⁶⁴.

Представляется, что его создание стало логическим продолжением ряда предшествующих событий: передачи Ивану Гаврииловичу попечительства церковно-приходской школой от отца Гавриила Степановича после его смерти; участия Ивана Гаврииловича в качестве члена-попечителя в Ярославском благотворительном обществе, открывшем детский приют в 1899 г. и ежегодно отклонявшим большинство прошений в связи с нехваткой мест; участия в качестве действительного члена в Угличском благотворительном обществе с четвертый по девятый год его существования, декларировавшем главной своей целью создание детского приюта, но так и не открывшего его за 17 лет деятельности.

⁵⁸ Отчет Общества ... за 1906–1907 г. ... С. 24–25.

⁵⁹ Отчет Общества ... за 1909–1910 г. ... С. 16.

⁶⁰ Отчет Общества ... за 1906–1907 г. ... С. 8.

⁶¹ Отчет Общества ... за 1909–1910 г. ... С. 14.

⁶² Там же. С. 21.

⁶³ Отчет Общества ... за 1914 г. СПб., 1915. С. 14–15.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 8937. Оп. 1. Д. 870. Л. 1.

Через 10 лет после смерти своего отца и увековечивания его имени в названии своей торговой фирмы, а также за 10 лет до собственной смерти, в 1908 г., Иван Гаврилович приобрел участок земли с деревянной постройкой по ул. Шамшева, 17. С марта 1909 г. до передачи приюта дом был отремонтирован, исправлена и перестроена канализация, сделан коровник и два стойла с бетонными полами и канализацией, отремонтированы все квартиры, освобождены от жильцов и объединены две из них для помещения приюта до 12 человек. В июле 1910 г. здание перешло в собственность приюта, от петербургского градоначальника получено временное свидетельство на прием и воспитание нескольких детей, с 1 июля 1909 г. поступила надзирательницей Мария Николаевна Жданова на жалование 25 руб. в месяц, в тот же день была принята первая воспитанница Мария Львова – круглая сирота четырех лет.

Членами-учредителями был выработан устав приюта, который был утвержден в начале 1910 г. В приют «принимались круглые сироты и при крайней нужде полусироты Санкт-Петербурга и родины покойного Гаврилы Степановича Буштуева – Ярославской губернии, Угличского уезда Покровской волости». Кроме того, предполагалось, что дети потомков Г.С. Буштуева по мужской и женской линиям, «если к тому будет нужда, должны быть приняты хотя бы и сверх». Цель приюта, закрепленная в его уставе, – «дать религиозно-нравственное воспитание, первоначальное обучение рукоделию и определить их по возможности в дальнейшем в казенные, городские и частные учебные заведения»⁶⁵.

В состав попечителей приюта входили 16 человек, из них 14 были родственниками: мать Анна Гавриловна, жена учредителя Анна Николаевна, а также его сестры Евдокия Гавриловна, Надежда Гавриловна, Любовь Гавриловна и Ольга Гавриловна со своими мужьями⁶⁶.

В 1911 г. в приюте содержалось 12 детей: 7 мальчиков и 5 девочек в возрасте от 3 до 8 лет, из которых 5 – круглые сироты и 7 – полусироты. Все дети, поступившие в приют, были очень слабы, малокровны и большая часть из них больна цингой, рахитом и т.п. Один мальчик около 7 лет, брошенный на вокзале Николаевской железной дороги, страдал хроническим наследственным насморком. В связи с этим учредитель приюта обращал особое внимание на восстановление и укрепление здоровья детей усиленным питанием: «6 фунтов мяса, 18 бутылок молока от собственной коровы, а также яйца от собственных кур, более слабые дети получают козье молоко от собственной козы, дававшей до 5 бутылок в день»⁶⁷.

Ранней весной дети приюта отправлялись на дачу – особняк, снимаемый основателем приюта «у г-на Мельникова, расположенный в сосновом лесу в 4-х верстах от ст. Рябово Ириновской железной дороги и в 0,5 версте от имения основателя приюта. На даче дети проживали до конца августа»⁶⁸.

Как свидетельствует единственный выявленный финансовый отчет, на 1 января 1914 г. денежные средства приюта составляли 16 495,31 руб., в том числе: облигациями 5%-ного внутреннего займа по номинальной стоимости – 3 100 руб., билетами 6%-ного займа Государственной комиссии погашения долгов по номинальной стоимости – 10 тыс. руб. На текущем счете в частном коммерческом банке хранилось 3 395,31 руб. За 1914 г. поступило членских взносов на сумму 120 руб. Основателем приюта также было куплено 4,5%-ных облигаций Петроградского городского кредитного общества на 1 500 руб. Поступило процентов: от билетов 6%-ного займа с 10 тыс. руб. с июля по декабрь 1914 г. – 600 руб., от облигаций 5%-ного займа с 3 100 руб. с сентября 1914 г. по март 1915 г. – 155 руб. Итого 18 870,31 руб.⁶⁹ Расходы представлены в отчете постатейно и очень подробно, однако без указания, какая конкретно статья дохода на какие расходы шла⁷⁰.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 8937. Оп. 1. Д. 870. Л. 8.

⁶⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2216. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 8937. Оп. 1. Д. 870. Л. 13.

⁶⁸ Там же. Л. 19.

⁶⁹ Там же. Л. 4 об.

⁷⁰ Там же. Л. 5–7.

В 1914 г. в приюте содержалось 18 детей от 3 до 11 лет, а дальнейшее расширение приюта преследовало цель увеличить число детей до 40. В 1916 г. завершилось строительство шестиэтажного дома с церковью Благовещения Пресвятой Богородицы со звонницей, которая была построена, «чтобы дети могли возрастать под покровом православной церкви», и освящена в том же году⁷¹. В доме также планировалась установка «одной электрической подъемной машины», о чем сохранилась переписка с чугуно-литейным металлическим заводом (название завода в документе с большой буквы) инженера Л.М. Харламова⁷², который был приглашен для проектирования нового каменного здания. Главный архитектор Гатчины, построивший там два храма разных конфессий, после окончания института Л.М. Харламов работал в Санкт-Петербургском учебном округе Министерства народного просвещения, создавая проекты школ и различных благотворительных учреждений. С 1902 по 1917 г. был архитектором Гатчинского дворцового управления. Из двух десятков зданий, построенных им в Санкт-Петербурге, здание приюта является последним сохранившимся до наших дней. В 2001 г. оно было включено Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную или иную культурную ценность».

В июне 1916 г. Иван Гаврилович обратился в Общество в память Иоанна Кронштадтского с заявлением, в котором выразил свою волю «весь капитал, имеющийся в кассе Приюта в количестве 13 100 % бумаг, в числе которых 10 000 6% билетами Государственной комиссии погашения долгов и 3 100 5% билетами внутреннего займа и прочее имущество Приюта движимое и недвижимое как то: дом и церковь, находящиеся по Шамшевой улице вместе со всею землею предоставляется принести жертвователю устройтелю и содержателю приюта, в дар Обществу в память Иоанна Кронштадтского»⁷³. В этом же документе он дал обоснование своего шага: «Приют не может существовать при тех условиях, при которых он существовал до сего времени, т.к. ежегодных взносов почетных и действительных членов общества почти нет, и, что самое важное, учредитель приюта опасается, что число членов более не возрастет и поэтому по кончине основателя и устройства общества приют может остаться без попечения о нем», считая это единственной мерой, которая дала бы возможность к продолжению существования приюта. Он также обосновал свой выбор именно этого Общества для возможной передачи приюта: «Движимый чувством глубокой благодарной любви к Приснопамятному молитвеннику всей России отцу Иоанну Кронштадтскому за его постоянное молитвенное общение и благословение его лично ко мне и моей семье», а также перечислил свои приблизительные условия передачи, состоящие из 17 пунктов, включающих как подробные экономические расчеты будущего функционирования приюта, так и смыслы, ценности, мировоззрение основателя и попечителя приюта в связи с его созданием. Например, на содержание приюта должны были пойти: «выручка от квартир, сдаваемых в жертвуемом мною доме на Шамшевой ул., 17, где помещается и сам приют – отдельным жильцам за установленную плату – в количестве 10 квартир под номерами с № 5 по 14, плата за эти квартиры, которая, в общем, по моим расчетам, может дать около 7 584 р. в год валового дохода, что, за исключением необходимых на ремонт обычный дома и хозяйственные расходы – может по моим расчетам, дать не менее 3 500 р. в год чистого дохода», «переходящий в общество вместе с приютом и дом, находящийся в кассе приюта, капитал в количестве 13 100 р. процентными бумагами, в числе которых 10 000 р. 6% непрерывно-доходными билетами Государственной комиссии погашения долгов и 3 100 5% билетами внутреннего займа», «сверх того я вношу – при самой передаче Обществу, т.е. его Правлению в лице Председателя дома и приюта в кассу Общества в память отца Иоанна Кронштадтского и 30 000 6% непрерывно-доходными билетами Государственной комиссии погашения долгов, % с какой суммы должны идти на содержание приюта». Им также

⁷¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 198. Отд. II. Ст. 2. Д. 228. Л. 1.

⁷² Там же. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1450. Л. 3.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 2216. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

предполагалось, что в случае «определения после передачи приюта Обществу в память отца Иоанна Кронштадтского кого-либо из девочек-сирот – детей земляков наших – мы обязуемся вносить в кассу Правления общества по 2 (две) т[ыс.] р[уб.] на каждую девочку, но с тем, чтобы капитал оставался неприкосновенным, а проценты с него шли бы на содержание нового члена приюта».

В условиях также было прописано, что приют должен быть предназначен «исключительно для призрения в нем девочек с трех-пяти лет, которые могли бы оставаться в приюте до устройства их правлением Общества в память отца Иоанна Кронштадтского на подходящие к их способностям занятия и места у благонадежных лиц или определения их в какие-либо частные и казенные учреждения в возрасте не позднее 16 или 18 лет круглых сирот и при крайней нужде полусирот, число которых в приюте было бы не менее 40 человек».

На проценты от неприкосновенного капитала также предполагалось содержать притч церкви при приюте: «Мною еще в октябре 1915 г. внесен в Петроградскую духовную конситорию капитал в 20 000 в 6% непрерывно-доходными билетами Государственной комиссии погашения долгов, каковой капитал должен быть немедленно переведен в депозит Общества в память отца Иоанна Кронштадтского и положен на хранение и управление в государственный банк». Он также просил правление Общества оставить на местах священника и дьякона «на псаломщическом окладе, а также представить тому и другому из них даровую квартиру в доме Приюта», а также «оставить старостой в приюте храма занимаемую ныне должность старостой С.А. Харитоновым»⁷⁴.

«Духовной» стороне этого своеобразного завещания Иван Гаврилович также уделил много внимания, подробно описывая ту связь своей семьи и рода, которая должна была, по его воле, сохраниться даже после передачи приюта в ведение другому обществу: «Приют именовать во имя Божьей Матери Скоропослушницы в память Гаврилы Степановича Буштуева, учрежденный потомственным почетным гражданином Иваном Гавриловичем и его супругой Анной Николаевной Буштуевой», «не препятствовать нам установить на наш собственный счет медную доску с надписью, в которой будет указан день закладки и освящения приютского храма и поименованы строители этого храма, и поместить эту доску в подходящем месте приютского храма. В указанные нами, согласно прилагаемой при сем особой выписке, дни, памятные для нашего рода (дни ангела здравствующих членов нашего семейства и дни памяти усопших родных), совершалась бы в приютской церкви нарочитая Божественная литургия». Он просит внести в синодик при церкви «на вечное поминовение в этой приютской церкви следующие имена: приснопамятного протоирея Иоанна, раба Гавриила, по особому синодику, в который внесены нами имена наших близких усопших. Когда нам волею Божьею суждено будет представиться в вечную жизнь, т.е. мне и моей супруге, а равно и кому-либо из наших детей – служить в приютской церкви сорокоуст по скончавшемся волею Божьею рабу Божьему или рабыни Божьей из числа членов нашей семьи». Важным для него является и «остаться и именоваться пожизненным почетным попечителем приюта, а после моей кончины это наименование пожизненного почетного попечителя приюта было бы передано моей жене; по кончине же ее последовательно моим сыновьям: Гаврилу (ныне 18 лет от роду), Николаю (ныне 10 лет), Иоану (ныне 8 лет) по достижении ими совершеннолетия, именуя старшего из них, после кончины матери, почетным попечителем приюта пожизненно, а после него следующего моего сына, чтобы память нашего дома соединена была с этим приютом, имеющим находиться в заведывании Правления Общества в память отца Иоанна Кронштадтского, каков ее Правление и будет иметь непосредственную заботу и распоряжение и управление приютом». Информация о том, почему приют так и не был передан в Общество в память Иоанна Кронштадтского, отсутствует. Известно, что после смерти мужа Анна Николаевна лично руководила приютом вплоть до перехода его в ведение Отдела социального обеспечения⁷⁵.

⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2216. Оп. 1. Д. 30. Л. 11–17.

⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 8937. Оп. 1. Д. 870. Л. 1–3.

В 1918 г. церковь приюта стала приходской в связи с «волеизъявлением более 500 прихожан, пожелавших отправлять свои религиозные нужды» именно в этом храме⁷⁶. В 1919 г. храм был закрыт, в помещении приюта сначала размещался 195-й детский дом. В 1923–1925 г. дом по ул. Шамшева, 17 находился в ведении Губернского отдела народного образования, в его квартирах жили преимущественно педагоги и обслуживающий персонал⁷⁷. В 1926 г. была предпринята попытка приспособить домовую церковь под учреждение культуры – клуб Печатного двора «с устройством кинокамеры»⁷⁸, в настоящее время в нем располагаются вспомогательные службы (бухгалтерия, архив, отдел кадров) другого государственного учреждения культуры, которое, тем не менее, планировало восстановить церковь и возобновить в ней богослужения.

Таким образом, семейные благотворительные проекты петербургских купцов Буштуевых за 30-летний период, с 1888 по 1918 г., были связаны в первую очередь с морально-нравственным развитием и образованием подрастающего поколения. В первом случае – детей школьного возраста прихода церкви с. Покровское Угличского уезда Ярославской губернии (церковно-приходская школа была открыта и действовала с 1889 по 1917 г., затем в этом здании продолжала размещаться школа вплоть до 1992 г., когда была построена новая); при этом процент с неприкосновенного капитала, внесенного попечителем, шел на оплату труда учителей, позднее – также и на содержание школы. Во втором случае – через Ярославское благотворительное общество, которое открыло свой приют, а затем убежище для мальчиков. В данном случае неприкосновенный капитал состоял из взносов пожизненных и почетных членов, процент с него не шел на какие-то определенные статьи расхода, а засчитывался в общий приход. В третьем случае – детский приют в память о Г.С. Буштуеве, когда на содержание приюта шел процент со специально размещенного для этих целей в банке капитала. Устроитель приюта планировал вносить неприкосновенный капитал каждый раз, когда помещал туда «детей земляков наших», с тем, чтобы процент от него шел на содержание этого подопечного.

Реконструкция основных вех развития этих учреждений, анализ их бюджета позволяют утверждать, что во всех вышеперечисленных крупных благотворительных инициативах с участием Буштуевых ведущую роль играло именно использование целевых капиталов – важнейшего инструмента, позволившего осуществить многие важные проекты в сфере народного образования и общественного призрения на рубеже XIX–XX вв. Смена социального строя не позволила продолжиться традиции семейной благотворительности с участием неприкосновенного капитала после 1918 г. Однако семейная идея приложения сил на почве просвещения, образования подрастающего поколения не угасла в потомках купцов Буштуевых вплоть до наших дней. Например, правнучка Г.С. Буштуева, Н.В. Тимофеева, выдающаяся балерина Большого театра СССР, вместе со своей дочерью, Н.Г. Тимофеевой, в 2004 г. основала Иерусалимскую балетную школу для детей, которая успешно работает до настоящего времени.⁷⁹

Литература

Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. СПб.: Logos, 2000. 584 с.

Гришина Н.В., Лавренчук С.Ю. Ценностные ориентации личности: семья и поколение // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 12. 2008. Вып. № 3. С. 113–123.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 383. Л. 1–9.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180-2. Д. 4528. Л. 452.

⁷⁸ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 192. Оп. 31. Д. 1601. Л. 1–15.

⁷⁹ Подробнее см.: Лавренчук С.Ю. Жизненный и творческий путь личности в публикациях советской периодической печати второй половины XX века (на примере балерины Кировского и Большого театров, народной артистки СССР Н.В. Тимофеевой (1935–2014 г.)) // Сберегая прошлое, создаем будущее: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 66–85.

Иерусалимская С.Ю. Возникновение и функционирование церковно-приходских школ в Верхнем Поволжье в конце XIX столетия. По архивным материалам и опубликованным источникам // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 141–158.

Керзум А.П., Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я. Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918. Историческая энциклопедия. СПб.: Лики России, 2016. 752 с.

Краско А.В. Петербургское купечество: страницы семейных историй. М.: Центр-полиграф, 2010. 414 с.

Лавренчук С.Ю. Жизненный и творческий путь личности в публикациях советской периодической печати второй половины XX века (на примере балерины Кировского и Большого театров, народной артистки СССР Н.В. Тимофеевой (1935–2014 г.)) // Сберегая прошлое, создаем будущее: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 66–85.

Лавренчук С.Ю. Практика благотворительности купеческой семьи конца XIX – начала XX в. (по материалам фондов благотворительных заведений государственных архивов и отчетов благотворительных обществ Санкт-Петербурга) // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2021. Т. 2. С. 64–69.

Лавренчук С.Ю. Проблемы и возможности семейно-поколенческих исследований в психологии // Современные прикладные направления и проблемы психологии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения – 2010». СПб., 2010. С. 240–242.

Лигенко Н.П. Во благо России: предпринимательская и благотворительная деятельность династии Ушковых // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. С. 145–159.

Лурье Л.Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 288 с.

Лурье Л.Я. Соседский капитализм. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2020. 370 с.

Смирнова Г.К. Неземледельческий отход крестьян Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1954. 19 с.

References

Baryshnikov, M.N. (2000). *Delovoy mir Peterburga: Istoricheskiy spravochnik* [The Business World of St. Petersburg: A Historical Handbook]. St. Petersburg, Logos. 584 p.

Grishina, N.V., Lavrenchuk, S.Yu. (2008). Tsennostnye orientatsii lichnosti: semya i pokolenie [Personal Values: Family and Generation]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series 12, No. 3, pp. 113–123.

Ierusalimskaya, S.Yu. (2014). Vozniknovenie i funktsionirovanie tserkovno-prihodskikh shkol v Verkhnem Povolzhe v kontse XIX stoletiya. Po arkhivnym materialam i opublikovannym istochnikam [The Emergence and Functioning of Parish Schools in the Upper Volga Region at the End of the 19th Century. Based on Archival Materials and Published Sources]. In *Vestnik arkhivista*. No. 3, pp. 141–158.

Kerzum, A.P., Leykind, O.L., Severyukhin, D.Ya. (2016). Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge. 1703–1918 [Charity in Saint Petersburg. 1703–1918. Historical Encyclopedia]. In *Istoricheskaya entsiklopediya*. St. Petersburg, Liki Rossii. 752 p.

Krasko, A.V. (2010). *Peterburgskoe kupechestvo: stranitsy semeynykh istoriy* [Petersburg Merchant: Pages of Family Stories]. Moscow, Tsentrpoligraf. 414 p.

Lavrenchuk, S.Yu. (2010). Problemy i vozmozhnosti semeyno-pokolencheskikh issledovaniy v psikhologii [Problems and Opportunities of Family-Generational Research in Psychology]. In *Sovremennye prikladnye napravleniya i problemy psikhologii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Ananьевские чтения – 2010"*. St. Petersburg, pp. 240–242.

Lavrenchuk, S.Yu. (2021). Praktika blagotvoritelnosti kupecheskoy sem'i kontsa XIX – nachala XX v. (po materialam fondov blagotvoritelnykh zavedeniy gosudarstvennykh arkhivov i otchetov blagotvoritelnykh obshchestv Sankt-Peterburga) [The Practice of Charity in the Merchant

Family of the Late 19th and Early 20th Centuries (Based on the Materials of the Foundations of Charitable Institutions in State Archives and Reports of Charitable Societies in St. Petersburg)]. In “Vyzov” v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. St. Petersburg. Vol. 2, pp. 64–69.

Lavrenchuk, S.Yu. (2021). Zhiznennyy i tvorcheskiy put' lichnosti v publikatsiyakh sovet-skoy periodicheskoy pechati vtoroy poloviny KhKh veka (na primere baleriny Kirovskogo i Bolshogo teatrov, narodnoy artistki USSR N.V. Timofeevoy (1935–2014)) [The Life and Creative Path of an Individual in the Publications of the Soviet Periodical Press in the Second Half of the 20th Century (Based on the Life and Career of the Ballerina of the Kirov and Bolshoi Theaters, People's Artist of the USSR N.V. Timofeeva (1935–2014))]. In *Sberegaya proshloe, sozdaem budushchee: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 66–85.

Ligenko, N.P. (2004). Vo blago Rossii: predprinimatelskaya i blagotvoritelnaya deyatelnost dinastii Ushkovykh [For the Benefit of Russia: The Entrepreneurial and Charitable Activities of the Ushkov Dynasty]. In *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsialno-ekonomicheskie issledovaniya*. St. Petersburg, pp. 145–159.

Lur'e, L.Ya. (2011). *Pitershchiki. Russkiy kapitalizm. Pervaya popytka* [Petershchiki. Russian Capitalism. The First Attempt]. St. Petersburg, BKhV-Peterburg. 288 p.

Lur'e, L.Ya. (2020). *Sosedskiy kapitalizm* [Neighborly Capitalism]. St. Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 370 p.

Smirnova, G.K. (1954). Nezemledelcheskiy otkhod krestyan Yaroslavskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Non-agricultural Migration of Peasants in the Yaroslavl Province in the Late 19th and Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. abstract. Minsk. 19 p.

И.Р. Соколовский*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛИЗУНОВ П.В. КУПЕЧЕСКАЯ БИРЖА В РОССИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА. СПБ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ, 2024. 488 С. + 32 С. ИЛЛ.**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-19
УДК 330.34.01:336.76

Выходные данные для цитирования:

Соколовский И.Р. Рецензия на книгу: Лизунов П.В. Купеческая биржа в России в XVIII – первой трети XIX века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2024. 488 с. + 32 с. илл. // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 277–282.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-19.pdf>

I.V. Sokolovsky*

REVIEW OF THE BOOK: LIZUNOV P.V. MERCHANT EXCHANGE IN RUSSIA IN THE 18TH – FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY. ST. PETERSBURG: HISTORICAL ILLUSTRATION, 2024. 488 P. + 32 P. ILL.**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-19

How to cite:

Sokolovsky I.V. Review of the Book: Lizunov P.V. Merchant Exchange in Russia in the 18th – First Third of the 19th Century. St. Petersburg: Historical Illustration, 2024. 488 p. + 32 p. ill. // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 277–282.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-19.pdf>]

Abstract. For the existence, humans need sources of water and food. They need protection from external weather conditions and other unfavorable factors. If people can get all this where they live, then no trade can arise. But there are not many such places on the planet. People are everywhere, and things that are useful to them are far from everywhere. And, at the same time, in different places these things are different. Therefore, very early on, grounds for exchange arise. And with the growth of exchange, people's lives become more complicated, they get richer, and, thus, complicate the conditions of exchange. Such an abstract thing as money creates not only trade, but also debts. Having arisen, debts and obligations begin to live their own life. To understand all this, people came up with an entire science – economics, and economists, in turn, came up with how to complicate it all even more. In 2001, three economists, including J. Stiglitz, were awarded the Nobel Prize in Economics for the discovery of the effects of information asymmetry in trade transactions. Since then, their works have become even more popular, and many interesting conclusions have been made from them. However, the rich historical material most often remains outside the field of view of economists, who prefer to limit themselves to “models”. The book under review by P.V. Lizunov about the history of the Russian stock exchange contains exactly such material. The Russian reformer – Peter the Great was keenly interested in the economic institutions and phenomena of his time. He visited trading floors in the cities where he was. He communicated with merchants and financiers. The secrets of the emergence of the stock exchange in the new capital of the Russian Empire are well shown in this book. However, for the new institution to live its own life, people and years were needed. All this is in the book by P.V. Lizunov, who collected and summarized the rich historical material about the institution, which is undeservedly ignored. The reviewer believes that the book will be of interest not only to historians, but also to economists, as well as to all other lovers of economic history.

* **Иван Ростиславович Соколовский**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sokolowski@yandex.ru

Ivan Rostislavovich Sokolovsky, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sokolowski@yandex.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки Российской Федерации «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007). The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Siberian Society as a Factor in the Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

Keywords: trade, stock exchange, economic theory, review, information asymmetry, markets, reforms of Peter the Great, court broker.

The article has been received by the editor on 01.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Для своего существования человек нуждается в источниках воды и пищи. Ему нужна защита от внешних погодных условий и других неблагоприятных факторов. Если люди могут все это получить там, где они живут, то никакой торговли возникнуть не может. Но таких мест на планете не очень много. Люди есть везде, а полезные для них вещи – далеко не везде. И при этом в разных местах эти вещи разные. Поэтому уже очень рано возникают основания для обмена. А с ростом обмена жизнь людей усложняется, они богатеют и тем самым усложняют условия обмена. Такая абстрактная вещь, как деньги, создает не только торговлю, но и долги. Возникнув, долги и обязательства начинают жить собственной жизнью. Чтобы разобраться со всем этим, люди придумали целую науку – экономику, а экономисты, в свою очередь, придумали, как все это усложнить еще больше. В 2001 г. трем экономистам, в том числе Дж. Стиглицу, была присуждена Нобелевская премия по экономике за открытие эффектов информационной асимметрии при совершении торговых сделок. С тех пор их работы стали еще более популярными, а из них было сделано много всяких интересных выводов. Однако богатый исторический материал чаще всего остается вне поля зрения экономистов, которые предпочитают ограничиваться «моделями». Рецензируемая книга П.В. Лизунова об истории русского биржевого дела как раз содержит именно такой материал. Российский преобразователь Петр Великий живо интересовался современными ему экономическими институтами и явлениями. Посещал торговые площадки в тех городах, где он бывал. Общался с купцами и финансистами. Тайны возникновения биржи в новой столице Российской империи хорошо показаны в этой книге. Однако чтобы новый институт зажил своей жизнью, нужны были люди и годы. Обо всем этом книга П.В. Лизунова, который собрал и обобщил богатый исторический материал об институте, незаслуженно обойденном вниманием. Рецензент полагает, что книга будет интересна не только историкам, но и экономистам, а также другим любителям экономической истории.

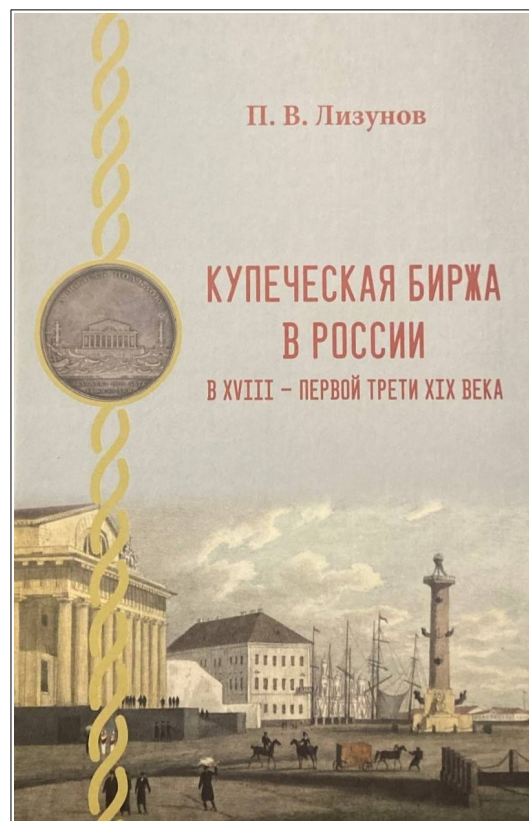
Ключевые слова: торговля, биржа, экономическая теория, рецензия, информационная асимметрия, рынки, реформы Петра Великого, гофмаклер.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025 г.

Современная наука предполагает высокую степень специализации. Историки занимаются историей, экономисты – экономикой. Беда в том, что экономика не существует в вакууме. Она не появляется на сцене каждое утро в 8 часов с началом делового дня. Вся экономическая деятельность имеет собственную историю. Историю, которая может подтвердить или опровергнуть некоторые важные положения экономической теории, даже если эта теория выведена из фактов сегодняшнего дня. Принимая во внимание этот факт, мы предлагаем читателям (неважно, историкам ли, экономистам, социологам или представителям других гуманитарных наук) обратить внимание на монографию известного специалиста в области экономической истории Павла Владимировича Лизунова, посвященную биржевому делу в России. Однако перед этим необходимо сказать несколько слов по поводу экономической действительности и экономической теории.

Появление и развитие товарного обмена приводят к формированию наиболее ликвидного товара – денег, пускай даже на ранних этапах они могли существовать в натуральных формах в виде шкурок пушных зверей. Наличие денег создает предпосылки для тезаврации – их накопления и хранения. Там, где присутствуют как зерно (основной продукт сельского хозяйства), так и деньги, становится возможной капитализация, а вместе с ней – возникновение долга и сопутствующих экономических отношений. Примечательно, что распространение долговых обязательств способствует развитию письменности, хотя первоначально фиксация сделок могла ограничиваться устными свидетельскими показаниями, которые, разумеется, предоставлялись заинтересованными сторонами. В результате даже древнейшие иерархические общества формируют сложные системы торговых связей, контрактов, долговых обязательств, а также их переступки. Это создает экономическую основу для масштабных проектов. Однако подобная система порождает и определенные проблемы. Если полное исчезновение низших социальных слоев по экономическим причинам маловероятно, то их закабаление становится распространенным явлением.

В XVI–XVII вв. экономическое развитие мира начинает идти в ногу с рефлексией над ним – появляется экономическая наука, которая сначала следует за экономической практикой, а потом создает ее. В 2001 г. Дж. Стиглиц, Дж. Акерлоф и М. Спенс получили премию Банка Швеции («Нобелевскую») за открытия в области информационного аспекта экономических транзакций¹. Коротко говоря, в чем суть проблемы? Классическая экономическая теория считала, что механизм цен выравнивает отношения между спросом и предложением на рынке. Если предложение невелико, а платежеспособный спрос огромен, цены растут. Наоборот – падают. Рынок совершенной конкуренции, скажем, куриных яиц в Томске в 1624 г., должен отвечать ряду условий: нет монополий (продавцов и покупателей несколько), однородность товара (яйца кур одной породы и схожего качества), совершенная и прозрачная информация (каждый может отличить тухлое яйцо от свежего), низкий порог выхода на рынок и отсутствие других ограничений. Однако с ростом населения и обмена ситуация стремительно менялась. Стиглиц и его коллеги показали, что сделки не только требуют информации, но и что информация при сделках асимметрична. В модели «агент – принципал» нужно все время проверять, не пользуются ли агенты своим положением не только в корыстных целях, но и в ущерб принципалу. А такая проверка стоит денег. При отборе экономически верных решений, которые делают несколько менеджеров, не все схемы одинаково эффективны как в отношении затрат, так и в отношении правильности решений. И так далее. Поскольку источники капитала в условиях информационной асимметрии имеют значение, интересы менеджеров и акционеров могут и не совпадать. Однако способ принятия решений важен, ведь «отрицательный отбор», «неоправданный риск» и «внешние эффекты» могут привести к коллапсу рынка. В условиях сравнительно небольшого рынка, как показал опыт XVIII в., равновесие цен действительно возможно даже после значительных колебаний. Но, конечно, в XIX и начале XX в. ситуация сильно изме-

¹ См.: Худокормова А.Г., Фомина В.С., Рябчевская Ю.К., Наумкин В.А. Нобелевские лауреаты по экономике в XXI веке: Джозеф Стиглиц (2001), Эдмунд Фелпс (2006), Жан Тироле (2014) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2014. Т. 6, № 3 (13). С. 84–167.

нилась. Во-первых, рынки стали большие и разнородные. Они превосходят все то, что мы видели ранее. Во-вторых, никогда ранее жизнь людей не зависела целиком от рыночного обмена. В-третьих, современная экономическая теория требует не простого, а Парето-эффективного равновесия (суть в том, что выигрыш одного из участников транзакций не должен быть проигрышем других участников, например, в «дилемме узника» это положение, когда ни один из узников не «сдает» другого и оба получают минимальный срок), что, конечно, весьма труднодостижимое явление. Недостатком любой экономической теории является ее абстрактность, так же как недостаток многих исторических работ – их эмпиричность. Однако при соединении этих двух подходов эти недостатки обращаются в достоинства.

Трудно себе представить более информационно асимметричный рынок, чем торговля на большие расстояния в новое время. Разумеется, на этом материале любой экономист может увидеть, действительно ли теория работает так, как задумано, а историк – понять, что попало в поле зрения исследователя, а что осталось «за кадром», например, по причине недостатка источников.

Такую возможность представляет монография Павла Владимировича Лизунова, вышедшая 2024 г. и посвященная сердцу информационного обмена любого рынка – бирже. Исследователь выбрал конкретную биржу – эта биржа в Санкт-Петербурге, которая возникла во время реформ первой четверти XVIII в. Перед читателем солидный том объемом 488 страниц, представляющий результат многолетней работы. П.В. Лизунов, который занимается историей биржевого дела с 1983 г., предоставил в распоряжение и историков, и экономистов обширное исследование, которое показывает, как на самом деле работала асимметрия информации и какие рыночные и внерыночные механизмы использовались для ее исправления.

Работа разбита на пять глав, имеет введение и заключение, снабжена списком литературы и источников, списком иллюстраций, аннотированным указателем имен и списком сокращений. Каждая глава имеет подразделы, заголовки которых тоже вынесены в содержание с указанием страниц, что представляет определенное удобство для читателя.

Первая глава рассказывает об учреждении биржи в Санкт-Петербурге и содержит разделы о современных ей Амстердамской и Лондонской биржах, о переносе торговли из одного порта в другой и влиянии иностранных образцов. Упомянуто и о знакомстве Петра I с Джоном Ло. Вторая глава повествует о становлении института биржевых маклеров в России. Там есть данные о Самойле Мюксе, о присяжных маклерах и гофмаклерах, о борьбе с незаконным маклерством. В третьей главе говорится о том, как были устроены торговля, кредит и купечество. При этом автор различает купечество российское и иностранное. Специальный раздел посвящен вопросу о биржах в Архангельске, Одессе, Варшаве и Москве. Не оставлен без внимания и такой важный аспект биржевой торговли, как биржевые артели и артельщики. Есть раздел о кредите, а также о вексельных операциях и курсе российского рубля. Глава четвертая повествует о ключевых персоналиях процесса – банкирах императорского двора. Это братья Дмитрий и Осип Соловьевы, комиссары Петра I в Архангельске и Амстердаме, Исаак Липман, игравший схожую роль при Анне Иоанновне, и Генрих Штегельман, который пользовался доверием Елизаветы и Петра III. Приводятся сведения об Уильяме Гомме и Петре Кнутцене, об Иване Юрьевиче Фредериксе, Петре Теппер-Фергюсоне и Ричарде Сутерланде. Последний раздел говорит об учреждении, а не о людях – о конторе придворных банкиров и государственных комиссионеров. Пятая глава названа «Храм Меркурия», поскольку в ней речь идет о биржевых зданиях. Автор приводит данные и о первых деревянных зданиях, и о том, которое мы все знаем, а также о ряде с ними связанных учреждений.

Книга снабжена вступительным словом от лица акционерного общества «Петербургская биржа», что является отрадным примером здорового меценатства и продолжением добрых традиций прошлого. Основной текст предваряет авторское предисловие, в котором дается очень сжатый, но важный очерк истории институтов, которые, по мнению автора, повлияли на открытие «купеческой биржи» в Санкт-Петербурге. Одним абзацем автор дает

историю и географию бирж в Бельгии, Нидерландах, Франции, Англии, Северной Германии. География эта интересна и поучительна. Вполне логично, что Венская биржа и заокеанская биржа в Нью-Йорке разделены всего одним годом – 1771 и 1772. Автор разъясняет сам термин «биржа», суть этого института, историю его функций и структуры (с. 10–11).

Вопрос о возникновении биржи и биржевого дела в России носит дискуссионный характер. Главная проблема – определение времени, когда это произошло. «Регламент» Главного магистрата лишь легализовал в 1721 г. уже давно существующий институт, которому к тому году было больше полутора десятков лет. Разрешая этот вопрос, П.В. Лизунов начинает с увлекательного описания функций бирж в Западной Европе. Большой интерес представляет приведенный обзор законодательных мер и иных попыток создания в России купеческих компаний. Автор остроумно замечает, что для биржевой торговли нужно не только место, но и товары для торговли. С этим всем было трудно, особенно в первые годы после основания Санкт-Петербурга, поскольку шла Великая Северная война. Конец традиций Петровского периода и перенос торговли с Троицкой площади на стрелку Васильевского острова датируется автором 1735 г. Обращено внимание, что, кроме войны, возникновению биржи именно в Санкт-Петербурге мешала установившаяся традиция, что основным внешне-торговым портом был Архангельск.

В любом процессе главное – его участники, поэтому особый интерес представляет представленная в монографии характеристика института биржевых маклеров в России. Автор рассматривает функции маклеров, выступавших посредниками между продавцом и покупателем, обстоятельства возникновения и обязанности гофмаклера, т.е. продавца на внешний рынок тех товаров, которые составляли казенную монополию. Согласно Уставу Главного магистрата, присутствие маклера выступало гарантией от мошенничества; маклеры отчасти заменяли и нотариусов. Весьма любопытно замечание о том, что одной из первых попыток улучшения ценообразования стало привлечение внимания к публичному характеру торгов (с. 63). И все же кредит и векселя порождали цепочку долгов – путь к масштабному финансовому кризису, а жена первого русского гофмаклера была причастной чуть ли не к финансовой афере. Возможно, в том числе и поэтому правительство стремилось регулировать персональный состав маклеров.

Автор сосредоточивается на состоянии биржевого дела в XIX в., отмечая, что его появление в Петровский период носило искусственный характер. Целью преобразователя было превратить институт биржи в эффективный механизм оптовой внешней и внутренней торговли, центр валютных и вексельных операций. Автор отмечает слабый интерес российских законодателей XVIII в. к регулированию биржевой торговли, а также медленное распространение биржевых институтов в русской провинции, показывает, как постепенно менялась и соответствующая лексика, что отражало рост значения биржевого дела. Несомненно, что внешнеторговый оборот способствовал формированию национального купечества, и все же долгое время самым крупным игроком на бирже оставался царский двор, интересы которого обслуживали квалифицированные кадры. Иностранные агенты на русском рынке обладали долгое время более серьезными капиталами и торговыми технологиями, чем их русские конкуренты. Автор посвятил много усилий выявлению персонального состава биржевых торговцев (с. 422).

На наш взгляд, особый интерес представляет вывод П.В. Лизунова о том, что биржа «приобретает значение учреждения, регулирующего оптовые цены на российские товары, позволяющего нивелировать цены, учитывая спрос и предложение» (с. 423), т.е., говоря иными словами, становится полноценным инструментом нахождения ценового равновесия для оптовых цен.

Еще одно важное достоинство издания – наличие многочисленных цветных иллюстраций, включая изображения важнейших бирж Западной Европы XVII в. (в Лондоне, в Амстердаме), фасады и планы зданий Петровского времени, копии некоторых интересных документов, планы и виды здания Биржи на стрелке Васильевского острова, портреты и жанровые иллюстрации, относящиеся к XIX в. Все это позволяет лучше понять историче-

скую действительность, тем более что сейчас в историческом здании в Санкт-Петербурге ведутся реставрационные работы и срок открытия памятника (где планируется создать музей) для публики еще не назван.

Помимо приведенного в конце монографии списка литературы, в ней есть также список использованных периодических изданий, публикаций законодательства и архивных источников (восемь центральных архивных собраний), аннотированный указатель имен. Современные возможности представлены в книге ссылками на две электронные базы данных (с. 442). На наш взгляд, это любопытная форма, с помощью которой исследователи могут делиться результатами своих трудов за пределами обычной формы – статьи и монографии.

Таким образом, ознакомившись с капитальным трудом П.В. Лизунова, экономисты могут «заземлить» свои теории, посмотрев, как небольшой, но живой рынок работал на самом деле. Историки же могут задуматься о том, чтобы почерпнуть у экономистов способы интерпретации логики действий исторических агентов в изучаемый период. Надо отметить, что и широкая читательская аудитория также сможет получить удовольствие от чтения этой работы, которая написана живым сочным языком, полна ярких примеров и интересных фактов, относящихся к истории русской торговли XVIII–XIX вв.

Литература

Лизунов П.В. Купеческая биржа в России в XVIII – первой трети XIX века. СПб.: Историческая иллюстрация. 2024. 488 с.

Худокормова А.Г., Фомина В.С., Рябчевская Ю.К., Наумкин В.А. Нобелевские лауреаты по экономике в XXI веке: Джозеф Стиглиц (2001), Эдмунд Фелпс (2006), Жан Тироле (2014) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2014. Т. 6, № 3 (13). С. 84–167.

References

Khudokormova, A.G., Fomina, V.S., Ryabchevskaya, Yu.K., Naumkin, V.A. (2014). Nobelevskie laureaty po ekonomike v XXI veke: Dzhozef Stiglits (2001), Edmund Felps (2006), Zhan Tirol (2014) [Nobel Laureates in Economics in the 21st Century: Joseph Stiglitz (2001), Edmund Phelps (2006), Jean Tirole (2014)]. In *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*. Vol. 6, No. 3 (13), pp. 84–167.

Lizunov, P.V. (2024). *Kupecheskaya birzha v Rossii v XVIII – pervoy tret'i XIX veka* [Merchant Exchange in Russia in the 18th – First Third of the 19th Century]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya. 488 p.

В.В. Журавлев*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ХРОНИКЕР КОЛЧАКА АУСЛЕНДЕР: МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ: В 2 Т. / СОСТ. Ю.Л. МАНДРИКА. ТЮМЕНЬ: МАНДР И К^А, 2025. Т. 1: ПУБЛИЦИСТИКА. 240 С. Т. 2: ПРОЗА (НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН, РАССКАЗЫ, ЛЕГЕНДА, ЭССЕ, ЗАРИСОВКИ). 240 С. ТИРАЖ 30 ЭКЗ.**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-20
УДК 94(57)“1917/1922”

Выходные данные для цитирования:

Журавлев В.В. Рецензия на книгу: Хроникер Колчака Ауслендер: материалы к творческой биографии писателя: в 2 т. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и К^а, 2025. Т. 1: Публицистика. 240 с. Т. 2: Проза (неоконченный роман, рассказы, легенда, эссе, зарисовки). 240 с. Тираж 30 экз. // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 283–294.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-20.pdf>

V.V. Zhuravlev*

REVIEW OF THE BOOK: KOLCHAK'S CHRONICLER AUSLÄNDER: MATERIALS TO THE CREATIVE BIOGRAPHY OF THE WRITER: IN 2 VOL. / COMPILED BY YU.L. MANDRIKA. TYUMEN: MANDR I K^A, 2025. VOL. 1: OPINION JOURNALISM. 240 P. VOL. 2: PROSE (UNFINISHED NOVEL, STORIES, LEGEND, ESSAYS, SKETCHES). 240 P. CIRCULATION 30 COPIES**

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-20

How to cite:

Zhuravlev V.V. Review of the Book: Kolchak's Chronicler Ausländer: Materials to the Creative Biography of the Writer: In 2 Vol. / Compiled by Yu.L. Mandrika. Tyumen: Mandr i K^o, 2025. Vol. 1: Opinion Journalism. 240 p. Vol. 2: Prose (Unfinished Novel, Stories, Legend, Essays, Sketches). 240 p. Circulation 30 Copies // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 283–294.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-20.pdf>]

Abstract. The purpose of this review is to critically analyze the new two-volume collection of works of the writer and publicist S.A. Ausländer (1886–1937). The book was published thanks to the efforts of two recently deceased researchers: the initiator of the project, A.L. Posadskov (†2024), and the compiler, Yu.L. Mandrika (†2025), whose death gave the edition a memorial status. The relevance of the publication is due to the remaining significant gap in the comprehensive scientific understanding of the Ausländer's publicistic and literary legacy of the Kolchak period. The publication has a double significance: first, it forms a textual basis for the future complete reconstruction of the writer's texts, and second, it has a significant heuristic potential, introducing many hard-to-find materials. This is an important milestone work that can foster interdisciplinary research on the “Ausländer phenomenon” at the intersection of political history, literary studies, intellectual history and the history of ideas. The review discusses in detail the problems of text selection, the archaeological work carried out by the publisher, and outlines promising tasks for further textual and source material reconstruction of the legacy of the author, whose work is a valuable historical and cultural document of the era.

* **Вадим Викторович Журавлев**, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: vvzh@mail.ru

Vadim Viktorovich Zhuravlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: vvzh@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки Российской Федерации «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Actor Identity” (FWZM-2024-0008).

Keywords: Kolchak, Russian counterrevolution, ideology, propaganda, journalism, publicism, Ausländer, Posadskov, Mandrika, archeography.

The article has been received by the editor on 20.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Цель данной рецензии – критический анализ нового двухтомного собрания сочинений писателя и публициста С.А. Ауслендера (1886–1937). Издание было выпущено благодаря усилиям двух недавно скончавшихся исследователей – инициатора проекта А.Л. Посадскова (†2024) и составителя Ю.Л. Мандрики (†2025), чья кончина придала изданию мемориальный статус. Актуальность издания обусловлена сохраняющимся значительным пробелом в комплексном научном осмыслении публицистического и литературного наследия Ауслендера колчаковского периода. Издание обладает двойственным значением: во-первых, оно формирует текстологическую основу для будущей полной реконструкции корпуса текстов писателя, а во-вторых, обладает существенным эвристическим потенциалом, вводя в научный оборот множество труднодоступных материалов. Это позволяет рассматривать его в качестве важного этапного труда, способного катализировать междисциплинарные исследования «феномена Ауслендера» на стыке политической истории, литературоведения, интеллектуальной истории и истории идей. В рецензии подробно рассматриваются проблемы отбора текстов, проведенная публикатором археографическая работа, а также намечаются перспективные задачи для дальнейшей текстологической и источниковедческой реконструкции наследия автора, чье творчество является ценным историко-культурным документом эпохи.

Ключевые слова: Колчак, российская контрреволюция, идеология, пропаганда, журналистика, публицистика, Ауслендер, Посадсков, Мандрика, археография.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025 г.

8 июня 2025 г. в московской типографии «Буки Веди» был подписан в печать двухтомный сборник произведений русского писателя, драматурга, критика и политического публициста эпохи революции и гражданской войны Сергея Абрамовича Ауслендера (1886–1937). Издание, выпущенное тюменским издательством «Мандр и К^а», позиционируется как некоммерческое; его незначительный тираж охарактеризован как предназначенный в первую очередь для обязательной рассылки, однако адресован широкому кругу читателей, интересующихся творчеством петроградского автора, оказавшегося в Сибири в период гражданского противостояния.

Составителем двухтомника выступил Юрий Лукич Мандрика, кандидат филологических наук, заслуженный работник куль-

туры Российской Федерации, известный издатель и краевед. Издание посвящено памяти видного историка сибирской книги, доктора исторических наук, профессора Александра Львовича Посадскова (†2024), который являлся инициатором его подготовки. 7 августа 2025 г., спустя два месяца после подписания книги в печать, последовало печальное известие о кончине самого Ю.Л. Мандрики. Таким образом, данный двухтомник приобрел своего рода мемориальный статус, увековечивая усилия обоих исследователей – известных собирателей и популяризаторов культурного наследия Востока России.

В подготовке «Материалов...», явно занявшей длительное время, принимал участие целый распределенный коллектив. А.Л. Посадсков указан как автор концепции и инициатор публикации, Ю.Л. Мандрика – как составитель, один из наборщиков текстов, технический редактор и издатель. Ответственным редактором выступила М.Л. Дистанова. Помощь в поиске текстов оказали сотрудники Научной библиотеки Государственного архива Российской Федерации Т.С. Буякович, Е.Ю. Хохлова и М.С. Ястребов-Пестрицкий. Набор публицистических материалов также осуществлял Д. Малашта. Кроме того, отмечается участие в наборе прозаических текстов непоименованных сотрудников Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН – коллег А.Л. Посадскова.

Отдавая дань глубокого уважения и светлой памяти А.Л. Посадскову и Ю.Л. Мандрике, представляется актуальным высказать ряд соображений относительно принципов подготовки исчерпывающего и отвечающего современным высоким научным требованиям издания творческого наследия С.А. Ауслендера периода гражданской войны. Именно в контексте такой задачи представляется необходимым рассмотреть археографическое начинание исследователей-публикаторов.

Определение научной значимости «Материалов...», лишенных, в силу печальных обстоятельств, развернутого историко-археографического введения и содержащих лишь краткие аннотации к томам, требует предварительного ответа на ключевые вопросы: необходимо сказать несколько слов об актуальности данного издательского проекта и его месте в современном историографическом процессе.

* * *

Сергей Абрамович Ауслендер принадлежал к числу видных литературных деятелей дореволюционной России, снискав известность как писатель и критик. Пик его признания пришелся на 1910-е гг., однако и в Советской России 1920-х гг. он, пусть и в меньшей степени, сумел сохранить свой статус, вписавшись в новую литературную реальность в качестве автора пьес и прозаических произведений.

В прошлом студент историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, Ауслендер на протяжении всего своего творческого пути проявлял глубокий неизменный интерес к исторической тематике, которая стала лейтмотивом большинства его произведений. Самому ему довелось не просто писать об истории, но и стать ее непосредственным участником, сыграв роль исторического персонажа в годы гражданской войны. В 1918–1919 гг. Ауслендер оказался в Омске, поставив свой талант на службу режиму адмирала А.В. Колчака. Здесь он состоялся как «золотое перо» колчаковской пропаганды и одна из ключевых фигур «белой» журналистики. Саркастический ярлык «лейб-писатель», примененный В.Д. Виленским-Сибиряковым по отношению к Ауслендеру, несмотря на свою очевидную язвительность, одновременно выполнял и описательную функцию, адекватно передавая его формальное положение в ближайшем окружении

С.А. Ауслендер, 1916 г.

Верховного правителя и характер его деятельности¹. Характерно, что ни при одном другом «белом» вожде (Деникин, Юденич, Врангель) нельзя назвать фигуру, обладавшую подобным статусом.

Этот крайне важный, плодотворный и драматичный отрезок его биографии стал моментом, когда его творчество, пусть и на краткое время, оказалось важным ингредиентом в том горниле, в котором формировался идеологический язык «белого» движения. Спустя два десятилетия тексты именно этого периода послужили основанием для выдвижения ему обвинения в «антисоветской агитации и пропаганде», ареста, приговора и казни.

Период пребывания С.А. Ауслендера в Омске, городе-резиденции колчаковского правительства, был, наверное, наиболее интенсивным в его писательской жизни. В это время он активно включился в работу «столичной» кадетской газеты «Сибирская речь», выступая в качестве и публициста, и литератора, участвовал в местной литературно-художественной жизни. Свидетельства его продуктивной деятельности на ниве политической литературы сохранились на страницах периодики этого времени. К числу наиболее показательных его публикаций этого периода относится биографический очерк, посвященный А.В. Колчаку (брошюра, по словам омского журналиста В.Н. Иванова, «выпущенная чуть не миллионным тиражом»²), а также главы романа «Видения жизни».

Отличительной чертой его газетных выступлений был глубоко личный исповедальный тон. Его тексты, напоминающие фрагменты дневника, представляют собой ценный историко-культурный документ, отражающий как мировоззрение интеллигенции, оказавшейся на «белой» стороне фронта гражданской войны, так и идеологические нарративы колчаковской диктатуры. Данный период творчества Ауслендера не только требует тщательного изучения, скрупулезной текстологической и источниковедческой реконструкции, но и, что еще важнее, глубокой исторической интерпретации в контексте как сложной противоречивой эпохи, так и его личной судьбы. Естественно, что впоследствии сам Ауслендер всячески, хотя в конечном счете безуспешно, стремился вытеснить из своей биографии этот фатально компрометирующий, с точки зрения советских условий, период. С 1937 г. творческое наследие Ауслендера оказалось прочно забытым и даже после 1991 г. далеко не сразу было возвращено в культурный оборот.

В 1999 г. была осуществлена первая за постсоветский период републикация публицистики Ауслендера. Архивист И.В. Успенский опубликовал текст брошюры «Печальные воспоминания», сопроводив его вводной статьей и подробным комментарием³, что положило начало непосредственному знакомству исследователей с труднодоступным публицистическим наследием писателя.

Переломным моментом в процессе научной реконструкции и возвращения наследия С.А. Ауслендера стал 2004 год. Именно тогда увидел свет составленный А.Г. Тимофеевым фундаментальный библиографический указатель, систематизировавший газетные и журнальные публикации писателя за 1918–1919 гг.⁴ Сам исследователь скромно оценивал свой вклад, охарактеризовав его как промежуточный результат: «считаем проделанную работу лишь этапом на пути создания полной библиографии С.А. Ауслендера в периодике гражданской войны».

Во введении к указателю А.Г. Тимофеев зафиксировал, в частности, что «в общей сложности С.А. Ауслендер выступил на страницах „Сибирской речи“ более сотни раз». К этому внушительному массиву текстов необходимо также добавить его публикации, вышедшие отдельными брошюрами в рамках деятельности Русского бюро печати и иных структур пропагандистского аппарата колчаковского правительства, а также многочисленные перепечатки в таких изданиях, как газеты «Сибирские стрелки», «Свободная Пермь»,

¹ Виленский В. Писатели-перебежчики // Известия ВЦИК. 1919. 22 июня.

² Иванов В.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 15.

³ Свидетельство революционных вихрей (С.А. Ауслендер «Печальные воспоминания (о большевиках)») / публ. И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 50–76.

⁴ Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска» (18 ноября 1918 – 14 ноября 1919). Материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 20–37.

«Голос Сибирской армии», «Русское дело», «Наша газета», журналы «Иртыш», «Единая Россия», «Отечество» и ряде других. Указатель сопровождался комментированной републикацией трех статей Ауслендера.

В последующий период вышел целый ряд значительных работ, в которых был подвергнут многоаспектному анализу литературный феномен творчества С.А. Ауслендера. Начало этой череде исследований положила обстоятельная вступительная статья А.М. Грачевой⁵, подготовленная ею для сборника дореволюционной прозы писателя и задавшая высокий стандарт научного рассмотрения его наследия. Самостоятельное значение имела статья-рецензия А.В. Бурлешина⁶, в которой, в частности, впервые была поставлена задача издания «остальной [т.е. не вошедшей в сборник, составленный А.М. Грачевой] позабытой прозы, критики и публицистики».

Важным шагом в развитии данной темы стала статья Н.А. Богомоллова (2009), которая в следующем, 2010 г. была включена в состав монографии⁷. В указанной статье Н.А. Богомоллов предпринял методологически обоснованную критику устоявшегося в академической традиции взгляда на Ауслендера как на второстепенного «стилизатора». Центральный тезис исследователя заключался в утверждении, что Ауслендер являлся незаурядным мастером слова, а его творчество нуждается в изучении и новой, более объективной оценке.

Значительной вехой в процессе изучения литературного наследия С.А. Ауслендера стала защита в 2013 г. диссертационного исследования, выполненного литературоведом Н.А. Евсиной⁸. Данное сочинение, отличающееся глубиной аналитических наблюдений и основательностью выводов, было сфокусировано на анализе творчества писателя в после-революционный период. К сожалению, несмотря на научный потенциал этой работы, ее результаты были представлены научному сообществу лишь фрагментарно в виде статей⁹ и до настоящего времени не обобщены в форме монографии. Существенное значение имеет выдвинутое Н.А. Евсиной положение о «богатой символично-метафорической образности и широких историософских обобщениях», свойственных очерковой прозе Ауслендера 1918–1920 гг.

В рамках сложившегося в последние десятилетия исследовательского поля можно выделить несколько ключевых направлений. Значительный корпус научных работ сосредоточен на анализе различных аспектов поэтики и художественного мира Ауслендера¹⁰.

⁵ Грачева А.М. Петербургское чародейство (Проза Сергея Ауслендера 1905–1917 годов) // Ауслендер С.А. Петербургские апокрифы: Роман, повести, рассказы. СПб., 2005. С. 5–38.

⁶ Бурлешин А. Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы // Критическая масса. 2006. № 3. С. 300–328.

⁷ Богомоллов Н.А. Сергей Ауслендер: стиль или стилизация? // Лицо и стиль: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2009. С. 143–150; Богомоллов Н.А. Вокруг «серебряного века»: ст. и мат.-лы. М., 2010.

⁸ Евсина Н.А. Проза С.А. Ауслендера 1918–1928 гг. в историко-литературном контексте первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013.

⁹ Евсина Н.А. Автобиографические подтексты незаконченного романа С.А. Ауслендера «Видения жизни» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2. С. 132–139; Евсина Н.А. Тургеневские аллюзии в рассказе С.А. Ауслендера «Гиацинты» [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=9988&ysclid=metqsdfua1749136101> (дата обращения: 20.08.2025); Евсина Н.А. Первая мировая война в романе С.А. Ауслендера «Видения жизни» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3. С. 130–140; Евсина Н.А. Как сделана «Пугачевщина» С.А. Ауслендера? // Научное творчество XXI века: сб. тр. Ч. 1. Красноярск, 2012. С. 299–310; Евсина Н.А. Пушкинские аллюзии в романе С.А. Ауслендера «Пугачевщина» // Уральский филологический вестник. Сер.: Драфт: молодая наука. 2012. Вып. 4. С. 67–74; Евсина Н.А. «Пугачевщина» С.А. Ауслендера как роман «с ключом» // Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. ст. СПб., 2013. Вып. 5. С. 136–143; Евсина Н.А. Пермь в эссеистике С.А. Ауслендера периода Гражданской войны // Молодая филология: сб. ст. Пермь, 2013. С. 106–111; Евсина Н.А. Роман С.А. Ауслендера «Пугачевщина» и пугачевская тема в советской литературе 1920-х гг. // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2 (8). С. 59–64; Евсина Н.А. «Русский бунт» в романе С.А. Ауслендера «Пугачевщина» // Выпускники читают современную русскую прозу. Алексей Иванов «Осада Осы»: Глава из книги «Увидеть русский бунт». Пермь, 2013. С. 70–79.

¹⁰ Грачева А.М. К вопросу о неомифологизме в литературе начала XX века («Петербургские апокрифы» С. Ауслендера) // Время Дягилева. Универсалии Серебряного века: Третьи Дягилевские чтения. Т. 1. Пермь, 1993. С. 159–167; Тимофеева О.Е. Автор в новелле С. Ауслендера «Корабельщики, или трогательная повесть

Параллельно развиваются изыскания, посвященные отдельным биографическим эпизодам¹¹, а также, например, его педагогическим идеям 1920-х гг.¹² В составе первого тома фундаментального библиографического указателя «Русская литература конца XIX – начала XX века», изданного ИМЛИ РАН, содержится раздел, посвященный Ауслендеру, отличающийся, впрочем, фрагментарностью и неполнотой в части учета газетных текстов¹³.

Попыткой осмысления сложного жизненного пути Ауслендера стала монография, в которой его «колчаковский эпизод» подвергся рассмотрению в ряду судеб других литераторов¹⁴. Научное освоение наследия писателя продолжили археографические публикации: в 2017–2020 гг. увидели свет три статьи, в которых были введены в научный оборот полные тексты газетных очерков, освещавших уральскую поездку А.В. Колчака в феврале-марте 1919 г.¹⁵ Идеологическая составляющая созданных Ауслендером текстов и различные аспекты репрезентации образа Верховного правителя в его публицистике стали предметом специального анализа в цикле научных статей¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении последней четверти века исследовательский интерес к литературному наследию С.А. Ауслендера демонстрирует устойчивую и поступательную динамику. В данном контексте становится очевидным, что выход в свет «Материалов...» отнюдь не является чем-то возникшим в интеллектуальном вакууме. Напротив, данная публикация встраивается в уже сформировавшуюся и достаточно насыщенную исследовательскую традицию, выступая ее логическим и значимым продолжением.

Структура рецензируемого двухтомного издания такова. Корпус вошедших в него текстов в общей сложности включает 38 произведений писателя. Источниковой базой для их подготовки послужили 79 газетных публикаций, а также два текста, изданных в виде

о Феличе и Анжелике» // Пушкинские чтения-2012: «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб., 2012. С. 219–223; *Голлербах Е.А.* Близость с незнакомцем: Джованни Боккаччо в прочтении российского дореволюционного модернизма // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения. СПб., 2014. С. 125–128; *Астащенко Е.В.* Свернутый в экфрасис сюжет в беллетристике начала XX века // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9. С. 300–311; *Самарин А.* Биографический подтекст «рассказа в пути» (1916) С.А. Ауслендера // Текстология и историко-литературный процесс: сб. ст. М., 2018. С. 135–144; *Попова О.А.* «Русский человек на rendez-vous» в русской прозе начала XX в. // Гуманитарные и социально-экономические науки: вопросы теории и практики: сб. тр. конф. Пермь, 2018. С. 229–234; *Попова О.А.* Виртуальная реальность и герой дворянской усадьбы в русской прозе начала XX века (И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, С.А. Ауслендер) // Гуманитарные и социально-экономические науки: вопросы теории и практики: сб. тр. конф. (Пермь, 30 ноября 2018 г.). Пермь, 2018. С. 222–229; *Мясникова Т.С.* Концептосфера усадебных произведений С.А. Ауслендера // Mass-media. Действительность. Литература: сб. ст. Вып. 18. Тверь, 2019. С. 191–197.

¹¹ *Дмитриева Е.Е.* «Орден картонного короля»: опыт литературной карнавализации // Новые российские гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 30.

¹² *Корсунова Т.Н.* Школьный театр и драматизация в отечественной теории педагогики и в образовательной практике 1917–1931 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2024.

¹³ *Глухова Е.В.* Ауслендер С.А. // Русская литература конца XIX – начала XX века: библиографический указатель. М., 2010. Т. 1. С. 106–111.

¹⁴ *Соколов Б.В.* «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М., 2023; *Урюпин И.С.* «Две души»: антиномии истории русской литературы XX века. Рец. на кн.: Соколов Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М.: Вече, 2023. 384 с. (Литература и история) // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 380–387.

¹⁵ *Журавлев В.В.* Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35; *Журавлев В.В.* «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf> (дата обращения: 20.08.2025); *Журавлев В.В.* «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (II) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 212–231. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-20.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁶ *Журавлев В.В.* Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. ст. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 102–111; *Журавлев В.В.* «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 64–70; *Журавлев В.В.* Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака [Электронный ресурс] // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69. https://newpast.sfedu.ru/upload/iblock/779/NP_3_1_2019.pdf?ysclid=metrbs122c118791522 (дата обращения: 20.08.2025).

самостоятельных брошюр. Композиция первого тома объединяет 25 произведений, при этом пять из них подразделяются на отдельные части. Второй том преимущественно занимают 20 глав оставшегося неоконченного романа «Видения жизни». Завершают этот том 13 текстов малой прозаической формы: рассказы и эссе. Тексты двух эссе, видимо, показавшихся составителю знаковыми, изъяты из хронологического ряда и открывают соответствующие тома: «публицистический» том – очерк, посвященный «белому» офицерству; «прозаический» том – «новогодний» очерк, сопоставляющий настроение автора в праздничные дни 1914, 1917 и 1919 гг.

В рецензируемое собрание не включены 27 текстов, упомянутых в указателе Тимофеева, а также статья из газеты «День карпаторусса»¹⁷, отсутствующая в данном указателе и выявленная составителем. Сравнительный анализ различных редакций и версий произведений в разных газетах, журналах и изданиях брошюр проведен лишь в отношении одного текста – «Печальные воспоминания». Указания на публикации, потенциально пригодные для реконструкции истории текста, присутствуют также еще в двух случаях: статья «Адмирал» упомянута как протограф брошюры «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак», а телеграммы Российского телеграфного агентства в № 72 и № 74 «Правительственного вестника» – как краткие редакции отдельных телеграмм цикла «Из поезда Верховного правителя».

Вместе с тем реконструкция текстуальной истории многих других произведений, имеющих в двух, а иногда и трех публикациях в органах печати Восточной России, остается нерешенной задачей. Кроме того, вопрос о поиске рукописей хотя бы некоторых из этих текстов, несмотря на низкую вероятность их сохранности, должен быть поставлен.

Для реконструкции творческой истории Ауслендера-публициста чрезвычайно важным является поиск и обнаружение его публикаций 1917 г., когда он не мог не выступать в печати. Необходимо на этот предмет проанализировать фронтовую и прифронтовую, прежде всего минскую прессу, московские и петроградские издания, с которыми Ауслендер мог сотрудничать.

Наконец встает вопрос о детальном и аналитичном изучении литературного корпуса Ауслендера периода революции и гражданской войны, прежде всего в контексте истории идеологических процессов в России. Изданный Ю.Л. Мандрикой двухтомник несомненно поспособствует этому.

В целом появление данного издания несомненно носит этапный характер и может оказать многомерное воздействие на исследовательский процесс. Во-первых, двухтомник формирует текстологическое ядро для будущей полной и документально выверенной реконструкции литературно-публицистического корпуса писателя. Во-вторых, он обладает существенным эвристическим потенциалом: вводя в научный оборот малодоступные тексты, публикация открывает возможности для их многомерного анализа и интеграции в сложный политико-культурный контекст эпохи.

Таким образом, издание может послужить катализатором междисциплинарных исследований, активизируя совместную работу специалистов в областях политической истории, литературоведения, интеллектуальной истории и истории идей через призму комплексного методологического синтеза.

Литература

Астащенко Е.В. Свернутый в экфрасис сюжет в беллетристике начала XX века // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9. С. 300–311.

Богомолов Н.А. Сергей Ауслендер: стиль или стилизация? // Лицо и стиль: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 143–150.

Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: ст. и мат-лы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 720 с.

¹⁷ Хроникер... Т. 1. С. 92; Верные друзья // День карпаторусса. 1919. 12 сент. С. 1.

Бурлешин А. Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы // Критическая масса. 2006. № 3. С. 300–328.

Глухова Е.В. Ауслендер С.А. // Русская литература конца XIX – начала XX века: библиографический указатель. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2010. Т. 1. С. 106–111.

Голлербах Е.А. Близость с незнакомцем: Джованни Боккаччо в прочтении российского дореволюционного модернизма // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Арлена Викторовича Блюма (Санкт-Петербург, 27–28 мая 2014 г.). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 125–128.

Грачева А.М. К вопросу о неомифологизме в литературе начала XX века («Петербургские апокрифы» С. Ауслендера) // Время Дягилева. Универсалии Серебряного века: Третьи Дягилевские чтения. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 1993. Т. 1. С. 159–167.

Грачева А.М. Петербургское чародейство (Проза Сергея Ауслендера 1905–1917 годов) // Ауслендер С.А. Петербургские апокрифы: Роман, повести, рассказы / сост., вступ. ст., коммент. А.М. Грачевой. СПб.: Мирь, 2005. С. 5–38.

Дмитриева Е.Е. «Орден картонного короля»: опыт литературной карнавализации // Новые российские гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 30.

Евсина Н.А. Как сделана «Пугачевщина» С.А. Ауслендера? // Научное творчество XXI века: сб. тр. Ч. 1. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. С. 299–310.

Евсина Н.А. Пушкинские аллюзии в романе С.А. Ауслендера «Пугачевщина» // Уральский филологический вестник. Сер.: Драфт: молодая наука. 2012. Вып. 4. С. 67–74.

Евсина Н.А. «Пугачевщина» С.А. Ауслендера как роман «с ключом» // Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. ст. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. Вып. 5. С. 136–143.

Евсина Н.А. «Русский бунт» в романе С.А. Ауслендера «Пугачевщина» // Выпускники читают современную русскую прозу. Алексей Иванов «Осада Осы»: Глава из книги «Увидеть русский бунт». Пермь: Пермск. гос. гум.-пед. ун-т, 2013. С. 70–79.

Евсина Н.А. Автобиографические подтексты незаконченного романа С.А. Ауслендера «Видения жизни» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2. С. 132–139.

Евсина Н.А. Первая мировая война в романе С.А. Ауслендера «Видения жизни» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3. С. 130–140.

Евсина Н.А. Пермь в эссеистике С.А. Ауслендера периода Гражданской войны // Молодая филология: сб. ст. по мат-лам студ. науч. конф. «Методы и методика гуманитарных исследований: интерпретация, перевод и преподавание языка», г. Пермь. Пермь, 2013. С. 106–111.

Евсина Н.А. Проза С.А. Ауслендера 1918–1928 гг. в историко-литературном контексте первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 199 с.

Евсина Н.А. Проза С.А. Ауслендера 1918–1928 гг. в историко-литературном контексте первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 19 с.

Евсина Н.А. Роман С.А. Ауслендера «Пугачевщина» и пугачевская тема в советской литературе 1920-х гг. // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2 (8). С. 59–64.

Евсина Н.А. Тургеневские аллюзии в рассказе С.А. Ауслендера «Гиацинты» [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=9988&ysclid=metqsdfua1749136101> (дата обращения: 20.08.2025).

Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 64–70.

Журавлев В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Журавлев В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (II) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 212–231. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-20.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Журавлев В.В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака [Электронный ресурс] // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69. URL: https://newpast.sfedu.ru/upload/iblock/779/NP_3_1_2019.pdf?ysclid=metrbs122c118791522 (дата обращения: 20.08.2025).

Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. ст. Вып. 3. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 102–111.

Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35.

Иванов В.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 15.

Корсунова Т.Н. Школьный театр и драматизация в отечественной теории педагогики и в образовательной практике 1917–1931 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2024. 186 с.

Мясникова Т.С. Концептосфера усадебных произведений С.А. Ауслендера // Mass-media. Действительность. Литература: сб. ст. Вып. 18. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. С. 191–197.

Попова О.А. «Русский человек на rendez-vous» в русской прозе начала XX в. // Гуманитарные и социально-экономические науки: вопросы теории и практики: сб. тр. конф. (Пермь, 30 ноября 2018 г.). Пермь: Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. С. 229–234.

Попова О.А. Виртуальная реальность и герой дворянской усадьбы в русской прозе начала XX века (И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, С.А. Ауслендер) // Гуманитарные и социально-экономические науки: вопросы теории и практики: сб. тр. конф. (Пермь, 30 ноября 2018 г.). Пермь: Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. С. 222–229.

Самарин А. Биографический подтекст «рассказа в пути» (1916) С.А. Ауслендера // Текстология и историко-литературный процесс: VI Междунар. конф. молодых исследователей: сб. ст. (Москва, 9–11 марта 2017 г.). М.: Буки Веди, 2018. С. 135–144.

Свидетельство революционных вихрей (С.А. Ауслендер «Печальные воспоминания (о большевиках)») / публ. И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 50–76.

Соколов Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М.: Вече, 2023. 384 с. (Литература и история).

Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска» (18 ноября 1918 – 14 ноября 1919). Материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 20–37.

Тимофеева О.Е. Автор в новелле С. Ауслендера «Корабельщики, или трогательная повесть о Феличе и Анжелике» // Пушкинские чтения-2012: «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст: мат-лы XVII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 5–6 июня 2012 г.). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2012. С. 219–223.

Урюпин И.С. «Две души»: антиномии истории русской литературы XX века. Рец. на кн.: Соколов Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М.: Вече, 2023. 384 с. (Литература и история) // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 380–387.

Хроникер Колчака Ауслендер: материалы к творческой биографии писателя: в 2 т. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и К^а, 2025. Т. 1: Публицистика. 240 с.

Хроникер Колчака Ауслендер: материалы к творческой биографии писателя: в 2 т. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и К^а, 2025. Т. 2: Проза (неоконченный роман, рассказы, легенда, эссе, зарисовки). 240 с.

References

Astashchenko, E.V. (2015). Svernuty v ekphrasis syuzhet v belletristike nachala XX veka [Ekphrasis-Turned Plot in the Fiction of the Early 20th Century]. In *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. No. 9, pp. 300–311.

Bogomolov, N.A. (2009). Sergey Auslender: stil' ili stilizatsiya? [Sergei Auslender: Style or Stylization?]. In *Litso i stil': sbornik nauchnykh statey*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 143–150.

Bogomolov, N.A. (2010). Vokrug "serebryanogo veka". Stat'i i materialy [Around the "Silver Age": Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 720 p.

Burleshin, A. (2006). Sergey Auslender. Peterburgskie apokrifly [Sergey Auslender. Petersburg Apocrypha]. In *Kriticheskaya massa*. No. 3, pp. 300–328.

Dmitrieva, E.E. (2010). "Orden kartonnogo korolya": opyt literaturnoy karnavalizatsii ["The Order of the Cardboard King": The Experience of Literary Carnivalization]. In *Novye rossiyskie gumanitarnyye issledovaniya*. No. 5, p. 30.

Evsina, N.A. (2012). Kak sdelana "Pugachevshchina" S.A. Auslendera? [How is "Pugachevshchina" by S.A. Auslender Made?]. In *Nauchnoe tvorchestvo XXI veka: sbornik trudov*. Part 1. Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyy tsentr, pp. 299–310.

Evsina, N.A. (2012). Pushkinskie allyuzii v romane S.A. Auslendera "Pugachevshchina" [Pushkin Allusions in the Novel "Pugachevshchina" by S.A. Auslender]. In *Ural'skiy filologicheskiiy vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. Iss. 4, pp. 67–74.

Evsina, N.A. (2013). "Pugachevshchina" S.A. Auslendera kak roman "s klyuchem" ["Pugachevshchina" by S.A. Auslender as a Novel "With a Key"]. In *Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse: sbornik nauchnykh statey*. St. Petersburg, LGU imeni A.S. Pushkina. Vol. 5, pp. 136–143.

Evsina, N.A. (2013). "Russkiy bunt" v romane S.A. Auslendera "Pugachevshchina" ["Russian Rebellion" in the Novel "Pugachevshchina" by S.A. Auslender]. In *Vypuskniki chitayut sovremennuyu russkuyu prozu. Aleksey Ivanov "Osada Osy": Glava iz knigi "Uvidet' russkiy bunt"*. Perm, Permskiy gosudsrstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiiy universitet, pp. 70–79.

Evsina, N.A. (2013). Avtobiograficheskie podteksty nezakonchennogo romana S.A. Auslendera "Videniya zhizni" [Autobiographical subtexts of S.A. Auslender's Unfinished Novel "Visions of Life"]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. No. 2, pp. 132–139.

Evsina, N.A. (2013). Perm' v esseistike S.A. Auslendera perioda Grazhdanskoy voyny [Perm in S.A. Auslender's Essayistics of the Civil War]. In *Molodaya filologiya: sbornik statey po materialam studencheskoy nauchnoy konferentsii "Metody i metodika gumanitarnykh issledovaniy: interpretatsiya, perevod i prepodavanie yazyka"*. Perm, pp. 106–111.

Evsina, N.A. (2013). Pervaya mirovaya vojna v romane S.A. Auslendera "Videniya zhizni" [The First World War in the Novel "Visions of Life" by S.A. Auslender]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. No. 3, pp. 130–140.

Evsina, N.A. (2013). Proza S.A. Auslendera 1918–1928 gg. v istoriko-literaturnom kontekste pervoy treti XX veka [Prose of S.A. Auslender 1918–1928 in the Historical and Literary Context of the First Third of 20th Century], Cand. philol. sci. diss. 199 p.

Evsina, N.A. (2013). Proza S.A. Auslendera 1918–1928 gg. v istoriko-literaturnom kontekste pervoy treti XX veka [Prose of S.A. Auslender 1918–1928 in the Historical and Literary Context of the First Third of 20th Century], Cand. philol. sci. diss. abstract. Perm. 19 p.

Evsina, N.A. (2013). Roman S.A. Auslendera "Pugachevshchina" i pugachevskaya tema v sovetskoy literature 1920-kh gg. [S.A. Auslender's Novel "Pugachevshchina" and the Pugachev

Theme in the Soviet Literature of the 1920s]. In *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. No. 2 (8), pp. 59–64.

Evsina, N.A. (2013). Turgenevskie allyuzii v rasskaze S.A. Auslendera “Giatsinty” [Turgenev Allusions in the Story “Hyacinths” by S.A. Auslender]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 4. Available at: URL: <https://science-education.ru/article/view?id=9988&ysclid=metqsfua1749136101> (date of access 20.08.2025).

Glukhova, E.V. (2010). Auslender S.A. In *Russkaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka: bibliograficheskiy ukazatel'*. Moscow, Institut mirovoy literatury imeni A.M. Gor'kogo RAN. Vol. 1, pp. 106–111.

Gollerbach, E.A. (2014). Blizost' s neznakomtsem: Dzhovanni Bokkačcho v prochtenii rossiyskogo dorevolutsionnogo modernizma [Intimacy With a Stranger: Giovanni Boccaccio in the Reading of Russian Pre-Revolutionary Modernism]. In *Istoriya knigi i tsenzury v Rossii. Tret'i Blyumovskie chteniya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Arlena Viktorovicha Blyuma (St. Petersburg, May 27–28)*. St. Petersburg, Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A.S. Pushkina, pp. 125–128.

Gracheva, A.M. (1993). K voprosu o neomifologizme v literature nachala XX veka (“Peterburgskie apokrify” S. Auslendera) [To the Question of the Neomythologism in the Literature of the Early 20th Century (“Petersburg Apocrypha” by S. Auslender)]. In *Vremya Dyagileva. Universalii Serebryanogo veka: Tret'i Dyagilevskie chteniya*. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet. Vol. 1, pp. 159–167.

Gracheva, A.M. (2005). St. Peterburgskoe charodeystvie (Proza Sergeya Auslendera 1905–1917 godov) [Petersburg Magic (Sergey Auslender's Prose of 1905–1917)]. In *Auslender S.A. Peterburgskie apokrify: Roman, povesti, rasskazy*. St. Petersburg, Mir, pp. 5–38.

Ivanov, V.N. (1994). Iskhod [Exodus]. In *Dal'niy Vostok*. No. 12, pp. 3–75.

Korsunova, T.N. (2024). Shkol'nyy teatr i dramatizatsiya v otechestvennoy teorii pedagogiki i v obrazovatel'noy praktike 1917–1931 gg. [School Theater and Dramatization in the Domestic Theory of Pedagogy and in Educational Practice 1917–1931], Cand. pedag. sci. diss. abstract. 186 p.

Mandrika, Yu.L. (Comp.). (2025). *Khroniker Kolchaka Auslender: materialy k tvorcheskoy biografii pisatelya: v 2 tomakh. Tom 1: Publitsistika* [Kolchak's Reporter Auslander: Materials for the Creative Biography of the Writer: In 2 Vol. Vol. 1: Journalism]. Tyumen, Mandr i K^a. 240 p.

Mandrika, Yu.L. (Comp.). (2025). *Khroniker Kolchaka Auslender: materialy k tvorcheskoy biografii pisatelya: v 2 tomakh. Tom 2: Proza (neokonchennyy roman, rasskazy, legenda, esse, zarisovki)* [Kolchak's Reporter Auslander: Materials for the Creative Biography of the Writer: In 2 Vol. 2: Prose (Unfinished Novel, Stories, Legend, Essays, Sketches)]. Tyumen, Mandr i K^a. 240 p.

Myasnikova, T.S. (2019). Kontseptosfera usadebnykh proizvedeniy S.A. Auslendera [Conceptosphere of S.A. Auslender's Estate Works]. In *Mass-media. Deystvitel'nost'. Literatura: sbornik statey*. Iss. 18. Tver, Tverskoy gosudarstvennyy universitet, pp. 191–197.

Popova, O.A. (2018). “Russkiy chelovek na rendez-vous” v russkoy proze nachala XX v. [“Russian Man on Rendez-Vous” in Russian Prose of the Early 20th Century]. In *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki: sbornik trudov konferentsii (Perm', November 30)*. Perm, Permskiy voennyi institut voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, pp. 229–234.

Popova, O.A. (2018). Virtual'naya real'nost' i geroy dvoryanskoy usad'by v russkoy proze nachala XX veka (I.A. Bunin, B.K. Zaycev, S.A. Auslender) [Virtual Reality and the Hero of the Noble Estate in Russian Prose of the Early 20th Century (I.A. Bunin, B.K. Zaitsev, S.A. Auslender)]. In *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki: sbornik trudov konferentsii (Perm', November 30)*. Perm, Permskiy voennyi institut voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, pp. 222–229.

Samarin, A. (2018). Biograficheskiy podtekst “rasskaza v puti” (1916) S.A. Auslendera [Biographical Subtext of the “Story on the Road” (1916) by S.A. Auslender]. In *Tekstologiya*

i istoriko-literaturnyy protsess: VI Mezhdunarodnaya konferentsiya molodykh issledovateley. Sbornik statey (Moscow, March 9–11, 2017). Moscow, Buki Vedi, pp. 135–144.

Sokolov, B.V. (2023). “Belyy byl – krasnym stal”. Sovetskie pisateli v ryadakh belogvardeytsev [“White Was – Red Became”. Soviet Writers in the Ranks of the White Guard]. Moscow, Veche. 384 p.

Timofeev, A.G. (2004). S.A. Auslender v periodike “belogo Omska” (18 noyabrya 1918 – 14 noyabrya 1919). Materialy k bibliografii i nesobrannyye stat’i [S.A. Auslender in the Periodicals of “White Omsk” (November 18, 1918 – November 14, 1918). Materials for bibliography and Uncollected Articles]. In *Peterburgskaya bibliotekhnaya shkola*. No. 1, pp. 20–37.

Timofeeva, O.E. (2012). Avtor v novelle S. Auslendera “Korabel’shiki, ili trogatel’naya povest’ o Feliche i Anzhelike” [Author in the Novel by S. Auslender “The Shipwrights, or a Touching Tale about Felice and Angelica”]. In *Pushkinskie chteniya-2012: “Zhivye” traditsii v literature: zhanr, avtor, geroy, tekst: Materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (St. Petersburg, June 5–6)*. St. Petersburg, Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A.S. Pushkina, pp. 219–223.

Uryupin, I.S. (2023). “Dve dushi”: antinomii istorii russkoy literatury XX veka. Rets. na kn.: Sokolov B.V. “Belyy byl – krasnym stal”. Sovetskie pisateli v ryadakh belogvardeytsev. M.: Veche, 2023. 384 s. (Literatura i istoriya) [“Two Souls”: Antinomies of the History of Russian Literature of the 20th Century. Review of the Book: Sokolov B.V. “White Was – Red Became”. Soviet Writers in the Ranks of the White Guard. Moscow: Veche, 2023. 384 s. (Literature and History)]. In *Novyy filologicheskiy vestnik*. No. 3 (66), pp. 380–387.

Uspensky, I.V. (Publ.). (1999). Svidetel’svo revolyutsionnykh vikhrey (S.A. Auslender “Pechal’nye vospominaniya (o bol’shevikakh)”) [Evidence of Revolutionary Whirlwinds (S.A. Auslender “Sad Memoirs (About the Bolsheviks)”)]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 2, pp. 50–76.

Zhuravlev, V.V. (2012). Obraz A.V. Kolchaka v publikatsiyakh S.A. Auslendera [The Image of A.V. Kolchak in the Publications of S.A. Auslender]. In *Vlast’ i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik statey*. Novosibirsk, Parallel. Vol. 3, pp. 102–111.

Zhuravlev, V.V. (2015). “Politicheskaya agiografiya” v Grazhdanskoy voyne: struktura biograficheskikh tekstov v sisteme vozhdistskogo kul’ta A.V. Kolchaka [“Political Hagiography” in the Civil War: The Structure of Biographical Texts in the System of the Chiefdom Cult of A.V. Kolchak]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 22, No. 4, pp. 64–70.

Zhuravlev, V.V. (2017). Poezdka A.V. Kolchaka na front 8–26 fevralya 1919 g.: ideologicheskii dizayn [A.V. Kolchak’s Trip to the Front on February 8–26, 1919: Ideological Design]. In *Razvitie territoriy*. No. 4 (10), pp. 24–35.

Zhuravlev, V.V. (2019). “Simvol spaseniya”: reprezentatsiya kontrevolyutsionnoy diktatury v ocherkakh S.A. Auslendera ob A.V. Kolchake (I) [“Symbol of Salvation”: Representation of Counter-Revolutionary Dictatorship in S.A. Auslender’s Essays about A.V. Kolchak (I)]. In *Istoricheskiy kur’er*. No. 5 (7), pp. 113–137. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf> (date of access 20.08.2025).

Zhuravlev, V.V. (2019). Geroy kak chuzhoy: nekotorye nablyudeniya nad imagografiyey A.V. Kolchaka [Hero as a Stranger: Some Observations over the Imagography of A.V. Kolchak]. In *Novoe proshloe*. No. 1, pp. 48–69. Available at: URL: https://newpast.sfedu.ru/upload/iblock/779/NP_3_1_2019.pdf?ysclid=metrbs122c118791522 (date of access 20.08.2025).

Zhuravlev, V.V. (2020). “Simvol spaseniya”: reprezentatsiya kontrevolyutsionnoy diktatury v ocherkakh S.A. Auslendera ob A.V. Kolchake (II) [“Symbol of Salvation”: Representation of Counter-Revolutionary Dictatorship in S.A. Auslender’s essays about A.V. Kolchak (II)]. In *Istoricheskiy kur’er*. No. 3 (11), pp. 212–231. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-20.pdf> (date of access 20.08.2025).